

Е. ПРУДНИКОВА

Ленин-
Сталин.
Технология
невозможного

Москва
2009

Публичная библиотека Вадима ЕРШОВА

<http://publ.lib.ru/>

Scan, Formatting: Zed Exmann, 2009

Прудникова Е. А.

П 85 Ленин — Сталин. Технология невозможного — М: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009. — 640 с.

ISBN 978-5-373-02571-3

Большевики не верили в Бога и не любили Россию, однако на крутом переломе всё же именно они её и спасли. Когда обанкротились все, кто верил и любил.

Задачи, которые пришлось решать большевикам, оказались не под силу ни государственным деятелям царской России, ни опытным чиновникам и управленцам.

Между тем наследство они получили такое, на какое никто нормальный, в здравом уме и твёрдой памяти, не покусится. Для того клубка проблем, каким являлась послереволюционная Россия, сразу и названия не подберёшь... Механизмы, запущенные в феврале 1917 года, надолго пережили правительство, которое их запустило. Все, кто хоть сколько-нибудь разбирался в экономике и государственном управлении, понимали, что Россия погибла...

Найдётся немало желающих поспорить на эту тему, но факты таковы, что именно Ленин и Сталин спасли Россию.

ББК 84
(2Рос-Рус)6
П 85

© Прудникова Е. А., 2009

© ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2009

Автор выражает самую горячую благодарность военным историкам Владиславу Гончарову и Юрию Нерсесову за помощь в работе над этой книгой.

—Как это они умудрились построить такие здания?

—Просто ставили камень на камень.

Из фильма «Миссия “Клеопатра”».

ВВЕДЕНИЕ

Уинстон Черчилль был в искусстве государственного управления не последним человеком. Никто бы не отнес его к сторонникам СССР, но он умел уважать противника, ценить его масштаб и воздавать ему должное. О Сталине можно писать тома, а Черчилль определил итог его правления одной фразой: «Он взял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой». Все остальные исследования можно считать описанием того, как Сталин это делал. Хотя, по правде сказать, это и сейчас непонятно — как можно было сделать такое в чудовищно отсталой, нищей, разоренной двумя революциями и двумя войнами стране? Мы просто к этому факту нашей истории привыкли и оттого не обращаем на него внимания, принимая невозможное как данность.

А ведь именно эта невозможность в свое время спасла как Советскую Россию, так и Россию в целом. До какого-то времени ее не боялись именно потому, что поднять её до сколько-нибудь приемлемого промышленного уровня было невозможно. Если бы такое могли предполагать хотя бы в теории, задавили бы ещё в 20-е. Но «мировое сообщество» врубилось в ситуацию лишь в начале 30-х, когда было уже поздно. Да и не в этом дело. Дело в другом — как это удалось?

Чтобы пересчитать подобные рывки в мировой истории, хватит пальцев одной руки. Тем не менее на протяжении всего советского, а потом постсоветского периода официальная история старательно уводила внимающих ей от экономической деятельности Сталина. Когда антисталинисты начали сдавать позиции, за ним

постепенно, шаг за шагом, признавали право быть революционером, политиком, главнокомандующим, кем угодно — но только не экономистом. Вычеркнуть из истории экономическое чудо, случившееся в СССР, было, конечно, невозможно — но вот масштаб его тщательно замазывали, а смысл вообще не обсуждался. Один лишь Черчилль проговорился — сэр Уинстон умел уважать врагов.

Кстати, и Гитлер уважал Сталина — уважал и боялся. Рассказывают, как он планировал поступить с лидером Советского Союза после своей победы. Никаких показательных казней, ничего подобного! Фюрер собирался предоставить в его распоряжение лучший замок Третьего рейха в качестве самой комфортабельной в мире тюрьмы...

Сволочная у нас все же страна, если человек, сделавший для нее столько, сколько ни один глава государства не делал, получает самые лестные оценки лишь от своих врагов! А соотечественники все тупо талдычат о каких-то «сталинских преступлениях». Может, и правда стоит смешаться с мусульманами и китайцами? Вдруг то, что получится в итоге, научится уважать своих великих? Говорят, и у тех, и у других это весьма развито...

Но вернемся к сохе и атомной бомбе. Тема эта огромна и для одного человека непосильна. К ней можно лишь приблизиться, точечными касаниями обозначить некоторые из узловых точек. Чем мы и займемся. И начнем, пожалуй, с кульминации существования сталинского СССР — с Великой Отечественной войны.

Именно в войну максимально проявились *достоинства* созданной Сталиным системы. До тех пор заметнее были её недостатки. Поверхностный организационный хаос скрывал суть преобразований, но прячущийся под ним могучий механизм оказался работоспособным и как раз к началу 40-х годов стал работать более-менее эффективно. Ну а война его ещё подстегнула — и вышло, кажется, совсем неплохо...

Интеллигенция со свойственной ей абсолютизацией *сказанного* и недооценкой *сделанного* традиционно переносит центр тяжести в область идеологии. На самом деле стратегией победы Сталина были, конечно же, не идеи мировой революции, и не все эти дурацкие классовые концепции — едва войдя в силу, вождь с ними мгновенно покончил. Стратегией победы было умение найти решение проблемы — иногда тривиальное, иногда неожиданное, а иногда тривиальное, но кажущееся невозможным и потому все же неожиданное. А коммунистическая идеология, равно как и культ личности, и консерватизм, и патриотизм — все это лишь *инструменты* в достижении главной геополитической цели: здесь, на этой шестой части суши, должно существовать единое и великое государство.

Вторая задача, которую в реальности ставил и решал Сталин, — народ в этом государстве должен жить достойно. Но она именно вторая. Многовековая практика существования в бассейне с крокодилами, именуемом «мировым сообществом», убедительно доказала: залогом достойного существования нашего народа, да и просто существования как такового, является единое и могучее государство. Как писал по этому поводу русский публицист Иван Солоневич:

«Перед Россией со времен Олега до времен Сталина история непрерывно ставила вопрос: “Быть или не быть?” “Съедят или не съедят?” И даже не столько в смысле “национального суверенитета”, сколько в смысле каждой национальной спины: при Кончаках времён Рюриковичей, при Батых времён Москвы, при Гитлерах времён коммунизма... — дело шло об одном и том же: придет сволочь и заберет в рабство... Тысячелетний “прогресс человечества” сказался в этом отношении только в вопросах техники: Кончаки налетали на конях, Гитлеры — на самолётах. Морально-политические основы всех этих налетов остались по-прежнему на уровне Кончаков и Батыев...» [Солоневич И. Народная монархия. М., 1991. С. 221.]

Из точного понимания этого вектора российской истории и родился абсолютный приоритет военных программ. Тем более что для советского правительства не были

секретом планы западных стран — уже не просто использовать Россию в своих интересах, а напрямую колонизировать ее. Кстати, зря говорят о *беспримерных* жестокостях гитлеровских оккупантов на нашей территории. Резко выбиваясь из правил ведения войны на территории Европы, они прекрасно вписываются в другой ряд — *колониальных* войн. Белые колонизаторы — англичане, французы, голландцы, испанцы — на захваченных ими землях Азии, Африки и Америки по отношению к местному населению вели себя именно так. Другое дело, что европейская история не рассматривает эти войны как полноценные. Сказать, почему? Да потому что велись они с неполноценными людьми, с недочеловеками.

В этом причина того, что нынешние европейцы, всячески смакуя мизерные жестокости Красной Армии в Германии, в упор не видят несравнимо больших жестокостей гитлеровских войск в СССР. Любые сравнения тут неуместны, ибо мы для них были, есть и будем недочеловеками. Они — люди, а мы — медведи. Независимо ни от чего, даже если Европа будет сидеть по уши в навозе, а Россия летать в космос и кормить своих жителей на завтрак черной икрой — всё равно [Кому нужны доказательства — загляните хотя бы на сайт ИноСМИ.]. Это не лечится.

Поэтому уже с 1918 года было абсолютно ясно, что Россию не оставят в покое, какой бы строй в ней ни возобладавал. Любопытный нюанс: по итогам Гражданской войны западные державы были готовы признать любое количество правительств, появившееся на построссийском пространстве, в том числе и Ленина сотоварищи. Большевиков не признавали не потому, что они были таким уж плохим правительством, а потому, что они были *единственным* правительством России, и в качестве такового мешали «европейских братьям» ее схарчить. Ничего личного, господа, только бизнес!

Сразу, как известно, съесть не удалось. Однако вектор не изменился — Россия должна быть колонией. Ситуация предполагала два варианта развития событий. Если большевистское правительство не справится с трудностями и рухнет, войдет в действие план декабря 1917 года — поделить страну на сферы влияния и владеть ею как колонией. Если режим не рухнет, а укрепится — сперва задавить военной силой, а потом уже поделить и владеть. Кто и как выращивал Гитлера в побежденной и полностью контролируемой Европой Германии — вопрос не этой книги, но ясно, что выращивали его как терминатора против СССР. Зачем бы он ещё понадобился? Если бы не эта великая задача, задавили бы сразу, Германия — не Россия, она была в то время абсолютно подконтрольна.

«Мы отстали от передовых стран на 50 — 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Эти более чем пророческие слова, ибо в них угадан даже год нападения, сказаны Сталиным 4 февраля 1931 года, когда ни о какой фашистской Германии не было и речи. Стало быть, дело вовсе не в Германии. Эта война не являлась войной систем — сейчас в России нет ни социализма, ни компартии, однако нас ровно так же ненавидят и боятся — это была война миров, колоссальное по масштабу геополитическое столкновение. Не зря Вторая мировая завершилась крушением колониальной системы — это и естественно, и символично.

Если бы не роковой 1953 год, возможно, у сталинского СССР появились бы и другие кульминационные точки — например, создание второго глобального экономического блока в противовес американскому. Но -не судьба. Так что вершиной остается война.

С неё и начнем.

СТРАТЕГИЯ ПОБЕДЫ

Девиз поляков: «Умереть непобеждёнными!» Девиз евреев: «Победить или умереть!» Девиз русских: «Победить!» Ни о чём другом у русских речь не идёт.

[К сожалению, не помню, кто это сказал.]

—Мастер, — судорожно выдавил из себя Тэйглан. — Ты задал неправильный вопрос.

—Тебе виднее, Младший, — помолчав, кивнул Мастер Дэррит. — ...Если ты знаешь правильный вопрос — спрашивай.

Элеонора Раткевич. Превыше чести

...Но перед тем как начать, хотелось бы принести большую и искреннюю благодарность Виктору Суворову. Если бы не его невероятно оскорбительные работы, мы, наверное, до сих пор пережевывали бы официальную советскую историю войны. Удивительнейшим образом за эти сорок лет историки, тщательно исползав с лупами все карты военных действий, ухитрились не сказать о войне *ничего*. И лишь после суворовского «Ледокола», который и в самом деле послужил ледоколом, взломав панцирь окаменевших концепций, в обществе проснулся настоящий интерес к событиям той войны. А вслед за общественным интересом появились и историки — правда, большей частью не «остепененные», ну да это им не мешает. И у нас, хоть и с опозданием в полвека, но все же пишется история Великой Отечественной войны.

Однако пишется она мужчинами. А мужчины любят играть в солдатики, и с этим ничего не сделаешь. Любой из них, едва попав на заветную тему, вроде пушки Грабина или взрывчатки Леднева, сразу забывает обо всём и принимается с упоением обсуждать, как бы повернулась война, если бы эти чудные изобретения стояли на танках или лежали в трюмах. А уж когда доходит до действий мехкорпусов, остается только доставать с полки Донцову — ничего другого в этот вечер просто не будет.

Всё это, конечно, очень захватывающе, да... но почему-то никто из историков до сих пор не ответил мне в доступной для домохозяйки форме на крайне простой и даже в чем-то неприличный вопрос: а на что рассчитывал Гитлер, когда пошел на СССР? Ответы варьируются: на то, что население поднимется против большевиков; чтобы захватить ресурсы для борьбы с Англией; не ожидал такого сопротивления, думая, что будет как в Европе; оборзел; а в войнах вообще не рассчитывают, а дерутся (нужное подчеркнуть)...

А почему наши ошиблись с направлением главного удара? Варианты: Сталин верил Гитлеру; не верил, а просто дезинформация; плохо работала разведка; разведка работала хорошо, а Генштаб плохо; все работали плохо; в Генштабе сидели предатели (аналогично)...

Ну а почему Жукова, при его явной непригодности к штабной работе, назначили начальником Генштаба? Варианты: «заговор генералов»; а почему бы и не Жуков?

Ну а почему армия готовилась к одной войне, а Сталин — к другой? Ответ без вариантов: то есть как?

А так: наша военная доктрина была наступательной, а Сталин... впрочем, слово Молотову: *«Мы знали, что война не за горами, что мы слабей Германии, что нам придется отступить. Весь вопрос был в том, докуда нам придется отступить — до Смоленска или до Москвы, и это перед войной мы обсуждали»*.

Так что мы собирались делать — наступать или отступать? И вообще: почему все в этой истории повели себя так странно?

Странно вёл себя Гитлер — до сих пор все его великолепные авантюры были точно рассчитаны, хорошо подготовлены и потому успешны. И вдруг он очертя голову кидается в совершенно безумную войну, ведомый, кажется, одними лишь мужскими гормонами: Наполеону не удалось, Вильгельму не удалось, а я круче всех, мне удастся! Да, конечно, «Майн кампф»... но уродливая реальность имеет гнусное обыкновение вносить поправки в самые красивые планы. Вот всего лишь один пример. В «Майн кампф» Гитлер писал: *«Говорить о России, как о серьезном техническом факторе в войне, совершенно не приходится... Россия не имеет еще ни одного своего собственного завода, который сумел бы действительно сделать, скажем, настоящий живой грузовик»*. Спустя пятнадцать лет, когда настало время реализации программы фюрера, СССР делал не только «живые» грузовики, но и не менее «живые» танки, самолеты, реактивные установки... Это была уже совсем другая Россия, и нелепо думать, что Гитлер не сделал соответствующую поправку. Гормоны гормонами, а с головой у немецкого фюрера было все в порядке, и на что-то он явно рассчитывал.

Вот только на что рассчитывал Гитлер?

Странно вёл себя Сталин — действительно создаётся такое ощущение, что он в начале войны не то очень крупно ошибся, недосмотрев за реальным состоянием дел в Красной Армии и за расположением войск на границе, не то поверил Гитлеру, а потом растерялся. Но ведь он в военные вопросы вникал — по крайней мере, до такой степени, что у него хватило квалификации возглавить армию и привести ее к победе, и управлял он, даже на первых порах, не хуже своих генералов. Другое дело, что использовал он при этом *все* свои таланты, а не только военные — так ведь ему ограничений не ставили: мол, полководцем вы, Иосиф Виссарионович, можете быть, а вот организатором и кадровиком — ни-з-зя!

Ну а «растерявшийся Сталин» — это из какой-то другой, параллельной или альтернативной истории. И то, что нам эту самую параллельную историю полвека впаривали, ее сути не меняет.

Так что вдруг случилось со Сталиным? В чем была его ошибка?

Странно вела себя армия — впрочем, об этом уже написаны десятки книг.

А самое странное — это ощущение, что страна и армия готовились к каким-то разным войнам. У военных была одна стратегия, а у Сталина — другая.

Какая именно?

В сотнях книг о войне про сталинскую стратегию не сказано ни слова. Точнее, достаточно много говорится о его военных планах и действиях как полководца, но ничего не говорится о стратегии Сталина как главы государства. Общепринятый вариант таков: в начале войны он растерялся... впрочем, об этом мы уже говорили... но потом смог собраться, мобилизовать страну и пр. Хотя если бы он начал заниматься этой работой *после* 22 июня, то мы сейчас говорили бы по-немецки и книг не писали и не читали, поскольку планы Гитлера не предусматривали для русских грамотности.

Альтернативный вариант: Сталин и не думал теряться или ошибаться, все шло по плану. Да но... **по какому плану?**

Сталин мог иметь не один план действий, а несколько, он мог менять курс мгновенно, крутым поворотом руля... но чтобы он этого плана *не пчел вообще* — такого не бывало никогда. Значит, был у него и план на начало войны, не мог не быть. А то, что об этом нигде не говорится ни слова... так ведь это не факт, что Сталин доверял его всем и каждому. В курсе сталинских планов были только те, кого касалась их реализация. А чтобы понять, кого их реализация касалась, надо знать сами планы. Круг замыкается, змея заглатывает собственный хвост.

Впрочем, есть и ещё один способ: догадаться. Это не так безнадежно, как кажется на первый взгляд. Как говорят военные, сложные маневры редко удаются. А поскольку война шла без права на поражение, то и план должен был быть очень простым.

Об этом и пойдет речь в первой части.

Но для начала хочу предаться любимому занятию — расчистке дороги для нашего экипажа. То есть разбору многочисленных сказок...

Глава 1

СКАЗКИ О 22 ИЮНЯ, КОГДА РОВНО В ЧЕТЫРЕ ЧАСА...

Богульный задумчиво посмотрел в темное окно.

—Передо мною всегда стоит один и тот же вопрос, везде и всегда одна мысль: когда ударят?

Николай Шпачов. Первый удар

Ну, во-первых, не в четыре, а несколько раньше. Первые бомбы упали на советские города в 3 часа 30 минут ночи. Впрочем, не суть.

Почему сказку о «неожиданном нападении» поддерживают официальные военные историки и генералы — понятно. Большинство из них до последнего времени, как и вся страна, были не в курсе реальных событий начала июня 1941 года и ориентировались в основном на мемуары маршала Жукова. Правильно, в общем-то, ориентировались — партия велела. Мемуары прославленного маршала на самом деле есть просто озвучивание официальной версии войны, появившейся в результате супружеского союза идеологического отдела ЦК КПСС и историков из министерства обороны. Отсюда и потрясшее Виктора Суворова «посмертное» редактирование данного текста — когда уже после смерти автора выходили всё новые исправленные и дополненные издания жуковских мемуаров.

Те же из военных, кто знал реальную историю, предпочитали молчать или отделиваться намеками — надо ли объяснять почему? А если были такие, кто не молчал, — то ведь у нас имелась ещё и цензура...

Официальная советская история войны, конъюнктурная от начала до конца и насквозь лживая, когда речь заходит о предвоенном периоде, в «перестройку» дополнилась еще и ложью «с того берега», запущенной в обращение Суворовым и подхваченной уже нашими доморощенными диссидентами. Коктейль в результате получился совершенно эксклюзивный: тухлый кремовый торт вперемешку со свежим дерьмом, усиленно взбиваемый по ходу всяческих обсуждений... О-о, ну и амбре!

Добравшись до телевидения, все эти сказочки уже насмерть выросли в массовое сознание. Между тем история — это не то, что пишется в диссертациях и монографиях, это представление, которое имеет о событиях прошлого средний человек — как говорили в старину, обыватель.

А обыватель, судя по телефильмам, до сих пор пьет прежний коктейль. Даже в самом главном поздравлении ко Дню Победы, прозвучавшем перед минутой молчания, трагически провещали о солдатах, «потерявших родных и близких в сталинских лагерях», но как-то забыли упомянуть, кто был Верховным Главнокомандующим в той войне.

Так что не надо обольщаться — мы идем прежним курсом, товарищи! Или господа, не знаю... но если все господа — то над кем? Ведь обращение «господин» автоматически предполагает наличие рабов...

Чьи мы рабы? Чьи рабы мы [Для тех, кто забыл, — это перефразированный текст из довоенного букваря: «Мы не рабы. Рабы не мы».]?

Ладно, перейдём к делу!

Операция «Ледокол»

Было больно и очень обидно. Я подхватил эту обиду и переплавил ее в ярость, затмевающую сознание, и...

Владимир Серебряков, Андрей Уланов. Кот, который умел искать мины

Сюжет данной байки укладывается в несколько слов: Сталин хотел напасть на Гитлера, а Гитлер его упредил. Миф этот придуман лично фюрером и озвучен им в декларации от 22 июня 1941 года.

«...Москва предательски нарушила условия, которые составляли предмет нашего пакта о дружбе. Делая все это, правители Кремля притворялись до последней минуты, симулируя позицию мира и дружбы, так же, как это было в отношении Финляндии и Румынии. Они сочинили опровержение, производившее впечатление невинности. В то время как до сих пор обстоятельства заставляли меня хранить молчание, теперь наступил момент, когда выжидательная политика является не только грехом, но и преступлением, нарушающим интересы германского народа, а следовательно, и всей Европы. Сейчас, приблизительно, 160 русских дивизий находятся на нашей границе. В течение ряда недель происходили непрерывные нарушения этой границы, причем не только на нашей территории, но и на крайнем севере Европы, и в Румынии. Советские летчики развлекались тем, что не признавали границ, очевидно, чтобы нам доказать таким образом, что они считают себя уже хозяевами этих территорий. Ночью 18 июня русские патрули снова проникли на германскую территорию и были оттеснены лишь после продолжительной перестрелки. Теперь наступил час, когда нам необходимо выступить против этих иудейско-англосаксонских поджигателей войны и их помощников, а также евреев из московского большевистского центра...»

Ну и чтобы «послужить делу мира в этом регионе» (тоже из декларации), фюрер и двинул на Советский Союз не иначе как из воздуха возникшие по его испуганному жесту 170 полностью отобюрокраченных и развернутых дивизий. Чего тут неясного-то?

Потом эту тему старательно развивала геббельсовская пропаганда. После 1945 года она, естественно, заглохла, а в начале 90-х годов была реанимирована в ходе операции «Ледокол» — проведенной, судя по почерку, той же пиар-конторой, которая режиссировала XX съезд КПСС. (Наверное, англичане — американцы работают грубее. Впрочем, не важно...) Её можно назвать и операцией «Суворов», по имени разведчика-перебежчика, несомненные литературные способности которого были в ней использованы.

Суть операции проста, и сам Суворов говорит о ней открыто. «Я замахнулся на самое святое, что есть у нашего народа, я замахнулся на единственную святыню, которая у народа осталась — на память о Войне, о так называемой “великой отечественной войне”... Эту легенду я вышибаю из-под ног, как палач вышибает табуретку». Единственное, о чем он не говорит — так это о том, зачем это делает. Почему — дает понять: типа из любви к правде. А вот **зачем?**

В 90-е годы память о войне действительно была последней святыней нашего народа. Однако началось уничтожение святынь значительно раньше. И здесь имеют место быть весьма интересные совпадения — попробую объяснить просто, без заумных терминов: пусть специалисты сменяются, но их писания цитировать не стану.

Итак, в комплексе наук, именуемых социологией, существуют, кроме прочих, два временных промежутка: 40 и 80 лет. Период, за который практически полностью обновляется дееспособная часть населения, и период, за который обновляется население вообще. Используются эти промежутки, наверное, в разных областях — я, в силу профессии, интересовалась лишь теми, что имеют отношение к информационной и психологической войне.

Что за это время происходит с господствующей в обществе идеологией? Если она постоянная — то ничего. Но если наносится идеологический удар — вбрасываются новые идеи или уничтожаются старые, — то чтобы он достиг цели, через сорок лет его надо подтвердить. Иначе возможен реванш старой идеологии, поскольку детям свойственно подвергать ревизии верования отцов. Ну а когда пройдет восемьдесят лет, отмененная, проигравшая идеология становится «плюсквамперфектум» — давно прошедшим. И тогда можно выпускать на свет любую правду — она уже будет представлять лишь чисто научный интерес, не имеющий никакого отношения к реальной жизни. Ну кого сейчас волнует заговор против Николая II или участие англичан в развязывании Первой мировой войны, даже если нам поведают об этих событиях наичистейшую правду?

Ну так вот: Хрущёв, придя в 1953 году к власти, нанес сокрушающие удары по двум опорным столпам народного духа — в 1956 году по культу Сталина (первый удар) и в начале 60-х по Православию (второй удар: первый был нанесен в начале 20-х годов — обратите внимание, все те же сорок лет). В конце 80-х годов в стране началась настоящая вакханалия антисталинизма, которая поднималась примерно до второй половины 90-х, а потом стала спадать (пик второго удара спустя сорок лет после первого).

Что касается Православия, то ему вроде бы милостиво позволили существовать и даже одно время рекламировали — в 80-е годы использовали всё, что можно было заложить в пушку, развернутую против коммунизма. Но восьмидесятилетний срок был уже на исходе, и к тому времени, как новый российский президент впервые перекрестился в кадре, прошло полных 80 лет со времени начала войны с религией. Православие возрождается, но очень медленно и трудно, несмотря на заинтересованную поддержку со стороны государства [Государство, правда, более религиозным не стало — но у него выхода нет. Либерализм у нас явно не приживается, а хоть какую-то идеологию иметь надо!]. По сути, здесь надо почти все начинать заново, так что на роль основной народной идеологии оно, увы, не тянет.

Я не придумываю врагов и не ищу заговор «мирового правительства». Я просто обращаю внимание читателя на занятное совпадение сроков нанесения идеологических ударов с определенной теорией (не факт, что верной, но реально существующей). А если мы рассмотрим удар по Сталину еще и как антимонархическое действие, совершенное спустя 39 (а по сути, все те же сорок) лет после 1917 года... правда, уже совсем интересно становится? Особенно если вспомнить о российской «знаковой» триаде: Православие, самодержавие, народность. Или, как это иначе формулировалось: «За Веру, Царя и Отечество!» С Верой и Царём разобрались ещё при Хрущёве. Оставалось Отечество — в советские времена данной частью триады являлась память о Великой Отечественной войне.

В 60-е на эту тему замахнуться не посмели, слишком много в обществе было фронтовиков, людей тогда достаточно молодых. К 70-м общество подгнило, однако теперь сказать что-либо оскорбительное о войне не позволяла личность главы государства. Кто бы посмел при Брежневе, бывшем комиссаре с Малой Земли, о личной храбрости которого ходили легенды [Приходилось слышать, что это именно ему Сталин как-то сказал: «Жизнь офицера — казённое имущество. Вы не имеете права так рисковать».]!

Едва ли кто-то в мире способен дирижировать революциями, но вот хрущёвский переворот — явление вполне рукотворное, и тут могли манипулировать со сроками в угоду заказчику и буржуазной науке социологии. Зачем это делалось — тоже ясно. Войны

всегда ведутся из-за денег, да и цели остались прежние — растащить страну на кусочки и колонизировать. Это стало ясно, когда началась так называемая «гласность» — кампания информационной войны, обеспечивавшая процесс, который у нас назвали «перестройкой». В чём он заключался, всем известно, и был проведён при полном попустительстве со стороны государства, общества и народа. Именно это попустительство и призвана была обеспечить информационная война. А то вылезет ещё какой-нибудь нижегородский мясник — был, знаете ли, такой прецедент, Кузьмой Мининым звали... [Кстати, никто ещё не изучал роль, которую в тогдашней информационной войне сыграла передача «600 секунд». А надо бы — очень может быть, что именно Невзоров помешал окончательно нас растоптать.]

Ну вот: наука там или не наука — но в результате этих процессов в начале 90-х страна оказалась практически без идеологии. Единственной точкой опоры оставалась Великая Отечественная война, деяние несомненно колоссальное и несомненно справедливое. По ней-то и был нанесен последний, добивающий удар — по третьему элементу «знаковой» триады — народности. Причем нанесён расчётливо и с полным знанием особенностей народного духа. Мол, да, героизм имел место — но эта война ни в коей мере не была справедливой, освободительной, отечественной. Гитлер всего-навсего упредил Сталина, который намеревался сам напасть на Германию.

Причём удар был, если исходить из целей кампании, бессмысленный — страна уже повержена, социализм ликвидирован, имущество поделено, так зачем? Просто так, чтобы знали, чье место у параша? А вы знаете, *чье* место у параша в тюремной камере?

Если рассматривать с позиций информационной войны, то это *опускание* уже не партии и строя, а страны и народа было актом геноцида, вроде гитлеровских расовых забав, только в идеологической области. И память о войне действительно вышибали из-под ног, как палач табуретку. А вот последствия оказались весьма неожиданными.

Нам сейчас даже не понять, почему так болезненно было воспринято тогдашним обществом это весьма небрежно приготовленное блюдо. Мы стали другими. Загнанный в абсолютный идеологический тупик, со всех сторон окруженный стенами, народ российский нашел традиционный выход — вверх (или вниз, не берусь точно определить, что это было — подкоп или перелёт) и, сквозь все напластования идеологий, возвращается к историческим нашим национальным корням.

А если к вопросу о вершках-корешках... то можно и вспомнить, из каких компонентов смешивался коктейль под названием «русский народ». Славяне, из которых все окрестные «цивилизованные» народы традиционно набирали самых безбашенных воинов, варяги (морские разбойники), татары (степные налетчики), финские племена — народ упертый и принципиально неуправляемый никем, кроме своих вождей. Как вы думаете, какие у *такого* народа, да еще имевшего огромную границу с азиатской степью, могут быть святыни? Ленин, что ли, с партией, или приснопамятное право жрать клубнику в январе в шесть часов утра? Ага, конечно!

И Ленина, и партию народ российский сдал легко и весело, поскольку они давно уже не являлись для него весомой ценностью. Это была выморочная идеология вконец разложившегося режима. А замахнувшись на войну, нечаянно или же нарочно попали по *настоящей* святыне (собственно, именно в защите Отечества и заключается в России народность). Вышло совсем никуда: хотели вышибить табуретку из-под ног приговоренного, и в результате вся полувековая идеологическая война псу под хвост. А вот нечего переть поперек менталитета!

Кажется, и западники начали понимать, что, неосмотрительно ликвидировав советский менталитет, они оказались лицом к лицу с менталитетом *русским*, который соотносится с «совком», как бульдозер с легковушкой. Сталин, обращаясь накануне войны к русской истории, знал, что делал — используя эту точку опоры, Советский Союз попросту *сгреб* режим, бывший кошмаром всей Европы, как бульдозер сгребает мусорную кучу.

Я говорю не о придуманном сусальном образе русского человека, который типа незлобивый, жертвенный, начинает креститься раньше, чем ходить, и пр. Я о реальных русских, тех, о которых писал Солоневич в своей «Народной монархии»: «...И когда страшные годы военных и революционных испытаний смыли с поверхности народной жизни накопившееся литературное словоблудие, то из-под художественной бутафории... откуда-то возникли совершенно непредусмотренные литературой люди железной воли... Американские корреспонденты с фронта Второй мировой войны писали о красноармейцах, которые с куском черствого хлеба в зубах и с соломой под шинелями — для плавучести — переправлялись вплавь через полужамёрзший Одер и из последних сил вели последние бои с последними остатками когда-то непобедимых гитлеровских армий. Для всякого разумного человека ясно: ни каратаевское непротивление злу, ни чеховское безволие, ни Достоевская любовь к страданию — со всей этой эпопеей несовместимы никак» [Солоневич И. Народная монархия. М, 1991. С. 188.].

Примерно то же самое сказал безымянный начальник русского бюро какого-то немецкого завода в беседе с нашим специалистом. «Вы, русские, непредсказуемы и способны к неукладывающейся ни в какие рамки аккордной мобилизации. Безжалостны к себе (что говорить о врагах), угрюмы, патологически любите аккордную работу на пределе сил и надсадно упорны... Пепел Ивана стучит у вас в груди, вы никогда не смиритесь с гибелью своей страны, вы все экспансионисты и варвары в глубине души» [Кормилицын С. За что нас не любят, или «холодная война» продолжается. // Белая полоса. 2007, № 2.]. Сюда можно добавить пару слов о русской изворотливости, прагматизме, византийском коварстве и еще некоторых милых качествах, до недавнего времени скованных сперва Православием, а потом советской идеологией. Последствия их раскрепощения и нам, и миру еще предстоит осознать... Судя по сайту ИноСМИ, на Западе осознавать уже начали. Впрочем, как говорят в народе: поздно пить боржом, когда почки отвалились...

Виктор Суворов много сделал для того, чтобы это сбылось, за что огромное спасибо ему и британской (наверное!) разведке. Без их помощи нам пришлось бы труднее, а они выполнили как раз ту работу, которую надо было сделать грязными руками...

Сказка о «превентивной войне»

Возвращаясь ночью с дружеской пирушки, прокурор города N врезался на автомобиле в здание банка. Выяснилось, что это произошло в тот момент, когда означенное здание пересекало двойную сплошную.

Из сборника баек

...Однако возвратимся к сказкам. Аргументов сторонники теории «ледокола» приводят множество, да только все с одним и тем же комментарием: «Вы что, не понимаете, что это значит?» Типа: если Сталин выдвигал войска к границе, то вовсе не для защиты, и коли ты этого не понимаешь, то дурак ты, батенька, лопухий. А кому охота дураком быть? Поэтому все и «понимают»...

Информация — штука многозначная. Рассмотрим подробно, к примеру, один из основных аргументов «ледокольников» — выступление Сталина 5 мая 1941 года на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий, на котором он будто бы озвучил свои военные планы. Стенографисток туда не пригласили, так что речи, произнесенные на приеме, существовали лишь в воспоминаниях присутствующих.

Что же они вспоминают?

Самая подробная запись сталинской речи принадлежит некоему майору Евстифееву. Он утверждал, что излагает ее содержание почти дословно.

«Сталин выступал в этот вечер несколько раз. Он был очень пьян, и его речи были часто бессвязными, а временами малопонятными...»

В самый разгар вечера начальник Военной академии имени Фрунзе ген[ерал]-лей[тенант] Хозин предложил поднять тост за мирную политику Советского Союза. В речи, последовавшей за этим, он старался доказать, что Сталину приходилось и приходится преодолевать большие трудности, чтобы сохранить мир, что лишь благодаря гению “великого Сталина” Советский Союз остается вне войны.

Тут Сталин не выдержал. Он поднял руку, встал и произнес по поводу этого лозунга целую речь. Ниже я излагаю содержание этой речи почти дословно.

—Товарищи офицеры! Прежде чем мы выпьем за этот лозунг, я считаю своим долгом разъяснить его сущность и значение, особенно на современном этапе. Лозунг “Да здравствует мирная политика Советского Союза!” в настоящий момент является обывательским и реакционным. Пришло время отказаться от этой жвачки, товарищ Хозин, и не прикидываться дураком, хотя бы на этом вечере, в кругу собравшихся здесь офицеров — академиков Красной Армии. Время понять, что лозунг мирной политики Советского государства уже отошел в прошлое. Это — оборонительный лозунг, с помощью которого Советскому Союзу удалось лишь ненамного раздвинуть свои границы на север и на запад и получить ряд прибалтийских государств с 30-миллионным населением. И это всё. С этим пора кончать. С помощью этого лозунга мы больше не сможем получить ни пяди земли, которая сегодня все еще принадлежит капиталистическим странам. Сегодня эту землю можно добыть только силой оружия. Вы солдаты и хорошо понимаете, что этот лозунг имел оборонительный характер и был вызван необходимостью защиты наших священных границ в условиях капиталистического окружения.

Но так было раньше. Сегодня мы живем в условиях нового международного положения, когда специфический вес и роль Советского Союза на мировой арене очень сильно возросли.

Сегодня с нами считаются все страны мира, и даже ни одно политическое и экономическое мероприятие в капиталистических странах не может быть проведено без согласия СССР или без того, чтобы поставить его об этом в известность.

Мы были свидетелями такого, что наши границы медленно отодвигались на запад и остановились в ожидании резкого рывка вперед. Время понять, что только решающее наступление, а не оборона могут привести к победе. Советский Союз можно сравнить, к примеру, со свирепым хищным зверем, который затаился в засаде, поджидая свою добычу, чтобы затем одним прыжком настичь её. Недачек тот день, когда вы станете свидетелями и участниками огромных социальных изменений на Балканах.

Эра мирной политики закончилась, и наступила новая эра — эра расширения социалистического фронта силой оружия.

В этом суть и значение лозунга мирной политики Советского Союза на современном этапе, в верности которому душой и телом так долго убеждал нас товарищ Хозин.

Тот, кто понимает этот лозунг иначе, глубоко заблуждается и ведет себя как обыватель или просто как дурак.

Я поднимаю бокал и призываю всех собравшихся выпить за мирную политику в ее новом смысле...»

Всё это очень мило, если бы не один нюанс... Впрочем, о нюансе потом. Все это очень мило, если бы не некая неуловимая странность данной речи. Какая-то она... не наша, что ли? Дело в том, что проблема «раздвижения границ» и проблема «земли» ни в коей мере не были в ходу в СССР. По той чрезвычайно простой причине, что, цитируя Шолохова, «земли у нас — хоть заглонишь ею». Советский Союз никогда не стремился к приобретению территорий как таковых, поскольку и своими-то был отягощен сверх всякой меры. В 1939 году он вернул отобранные поляками по мирному договору 1921

года земли, населенные украинцами и белорусами — вопрос международного престижа и стратегии (отодвинуть как можно дальше стартовую точку грядущей войны). А в 1940-м так называемые «приобретения» диктовались уже чисто стратегическими соображениями: отодвинуть границу от Ленинграда и ликвидировать удобный прибалтийский плацдарм для наступления германской армии [Что касается Бессарабии, то её аннексию СССР не признавал никогда. В 1940 году Сталин воспользовался ситуацией, чтобы заставить Германию нажать на Румынию и решить проблему. А Гитлер потом «забыл» о своем участии в этой операции и назвал действия СССР агрессией.]. «Земля» — это не наша мотивация, как её ни крути!

А теперь о нюансе. Дело в том, что воспоминания свои майор Евстифеев диктовал в немецком плену, и трудно понять, что реально говорил Сталин, что ему приписали проводившие допрос немцы, сообразно своим представлениям, а также где кончаются факты и начинается геббельсовская пропаганда. Да и вообще не совсем понятно, существовал ли этот самый майор — ну уж никак не по чину и не по должности было ему присутствовать в тот день в Кремле. Может статья, герры из ведомства Геббельса его попросту придумали?

В. А. Малышев, будущий знаменитый нарком танковой промышленности, также присутствовавший на приеме, в своем дневнике писал по поводу этой речи:

«...Дальше т. Сталин говорил о внешней политике.

“До сих пор мы проводили мирную, оборонительную политику и в этом духе воспитывали и свою армию. Правда, проводя мирную политику, мы кое-что заработали! ... (здесь т. Сталин намекнул на Западную] Украину и Белоруссию и Бессарабию). Но сейчас положение должно быть изменено. У нас есть сильная и хорошо вооруженная армия».

И далее... *«хорошая оборона — это значит нужно наступать. Наступление — это самая лучшая оборона»* [Кто бы спорил!].

«Мы теперь должны вести мирную, оборонную политику с наступлением. Да, оборона с наступлением. Мы теперь должны переучивать свою армию и своих командиров. Воспитывать их в духе наступления».

Ещё аналогичное свидетельство некоего К. В. Семенова (к сожалению, не знаю, кто это такой):

«Выступает генерал-майор танковых войск. Провозглашает тост за мирную сталинскую внешнюю политику.

Тов. Сталин: Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению.

Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать в наступательном духе. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная».

Это уже совсем другой коленкор, не правда ли? Что же касается вектора воспитания армии... Вообще-то любая нормальная армия *всегда* воспитывается в духе наступления. Иначе она просто обречена на поражение. А если уж говорить о конкретном сталинском сценарии начала войны, то он предполагал отступление в глубь советской территории с последующим контр наступлением до самого Берлина — как оно в итоге и вышло. Ну и как вы представляете себе движение от Москвы до Берлина в порядке обороны? Повернуться и, пардон, филейной частью вермахт толкать?

И наконец, последнее свидетельство — некоего Э. Муратова. Он тоже излагает историю с тостом за мир, однако уже совершенно по-иному:

«...В зале поднялся с места генерал Сивков и громким басом произнес:

—Товарищи! Предлагаю выпить за мир, за сталинскую политику мира, за творца этой политики, за нашего великого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина.

Сталин протестующе замахал руками. Гости растерялись. Сталин что-то сказал Тимошенко, который объявил: “Просит слова товарищ Сталин”. Раздались аплодисменты. Сталин жестом предложил всем сесть. Когда в зале стало тихо, он начал свою речь. Он был очень разгневан, немножко заикался, в его речи появился сильный грузинский акцент.

—Этот генерал ничего не понял. Он ничего не понял. Мы, коммунисты, — не пацифисты, мы всегда были против несправедливых войн, империалистических войн за передел мира, за порабощение и эксплуатацию трудящихся. Мы всегда были за справедливые войны за свободу и независимость народов, за революционные войны за освобождение народов от колониального ига, за освобождение трудящихся от капиталистической эксплуатации, за самую справедливую войну в защиту социалистического отечества. Германия хочет уничтожить наше социалистическое государство, завоеванное трудящимися под руководством Коммунистической партии Ленина. Германия хочет уничтожить нашу великую Родину Родину Ленина, завоевания Октября, истребить миллионы советских людей, а оставшихся в живых превратить в рабов. Спасти нашу Родину может только война с фашистской Германией и победа в этой войне. Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне...»

А вот это уже похоже на то, чему нас учили в школе! Мы мирные люди, но наш бронепоезд, и далее по тексту... (И, кстати, отсюда совершенно точно видно, что товарищ Сталин по поводу немцев никоим образом не обманывался.)

Как видим, агрессивные намерения Сталина по отношению к Германии звучат только в речи, записанной в немецком плену, которая, скорее всего, сделана в угоду ведомству пропаганды Третьего рейха. Не говоря уже о том, что в грубой исторической реальности, кто бы чего ни «хотел», а напал все-таки Гитлер. Ох уж эта реальность, как с ней тяжело!

Но самое пикантное во всей этой истории другое. Маршал Жуков вспоминал, что в связи с данной речью у них с наркомом обороны Тимошенко появилась идея упреждающего удара по Германии. Однако Сталин сразу резко оборвал их: «Вы что, с ума сошли, немцев хотите спровоцировать?» А когда авторы идеи сослались на его же выступление 5 мая, тот ответил: «Так я сказал это, чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии» [Цит. по: Емельянов Ю. Сталин. М., 2002. Т. 2., С. 200.].

Как говорится, немая сцена...

Сказка о разведке, которая «доложила точно» не пойми что

На моём участке четыре села пополам разрезаны... Как цепь ни расставляй, а на каждой свадьбе или празднике из-за кордона вся родня присутствует. Ещё бы не пройти — двадцать шагов хата от хаты, а речонку курица пешком перейдёт.

Николай Островский. Как закалялась сталь

Что касается разведки, то по этому поводу существуют разные версии. Не то разведка докладывала лишь то, что хотели слышать в Кремле; не то она сообщала верные

сведения, да Сталин им не внимал; не то сведения были верные, но разные, из которых нельзя было сделать определенного вывода..ё Но и здесь есть свои пикантные нюансы. Дело в том, что в доказательство всех этих версий приводят исключительно сообщения закордонных нелегалов НКГБ и ГРУ. Да, конечно, с ними все было именно так.

Однако реальная разведка имеет много уровней. Кроме известных по многочисленным романам и фильмам глубоко законспирированных нелегалов, в то время относившихся к наркомату госбезопасности или Разведуправлению Красной Армии, свою разведку имели каждый приграничный военный округ, каждое управление наркомата внутренних дел и госбезопасности — они занимались отслеживанием ситуации в сопредельных государствах и слали в Москву сводные донесения. Если, допустим, какое-нибудь отделение милиции пограничного городка по ходу борьбы с обменом нашего самогона на ихний ширпотреб узнавало о том, что на станцию прибыл немецкий эшелон с танками — вы что ж думаете, начальник отделения говорил: «Не наше дело?» Ничего подобного, докладывал куда надо. Кстати, весной 1941 года в региональных управлениях НКГБ появились свои разведотделы — по крайней мере, в Ленинградском управлении таковой был организован.

Каждый погранотряд имел свою службу наблюдения и осведомителей в приграничной полосе — а пограничники подчинялись НКВД. Кроме того, любой советский человек, работавший за границей, автоматически выполнял функции наблюдателя — Кремль информировали наркомат иностранных дел, торгпредства, промышленные наркоматы. Свои структуры были у ВКП(б) и у Коминтерна. Данные в центр шли не сводками, а километрами.

Вот всего лишь несколько выдержек из подлинных документов НКВД и НКГБ. Ещё в ноябре 1940 г. ГУГБ НКВД докладывало:

Из справки «О военных приготовлениях Германии». 6 ноября 1940 г.

«В период операций во Франции германское командование держало в Восточной Пруссии и бывшей Польше до 27 пехотных дивизий и 6 кавалерийских полков.

После капитуляции Франции [Франция капитулировала 22 июня 1940 г. Совпадение?] германское командование приступило в начале июля 1940 г. к массовым переброскам своих войск с запада на восток и юго-восток, в результате чего в Восточной Пруссии и бывшей Польше сосредоточено: на 16 июля — до 40 пехотных дивизий и свыше 2 танковых дивизий; на 23 июля — до 50 пехотных дивизий и свыше 4 танковых дивизий; на 8 августа — до 54 пехотных дивизий и до 6 танковых дивизий.

Во второй половине августа и в течение сентября продолжалась переброска германских войск из Франции на восток.

На 1 октября в Восточной Пруссии и на территории бывшей Польши сосредоточено 70 пехотных дивизий, 5 моторизованных дивизий, 7-8 танковых дивизий и 19 кавалерийских полков, что в сравнении с предыдущим месяцем дает увеличение на 8 пехотных дивизий, 2 моторизованные дивизии...

Таким образом, против СССР сосредоточено в общем итоге свыше 85 дивизий, то есть более одной трети сухопутных сил германской армии.

Характерно, что основная масса пехотных соединений (до 60 дивизий) и все танковые и моторизованные дивизии расположены в приграничной с СССР полосе в плотной группировке...» [Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Накануне. Т. 1. М., 1995. С. 278 — 279.]

Да, да, знаю — в то время у нашей границы и в помине не было такого количества войск. Но ведь миф-то состоит в том, что разведка **преуменьшала** угрозу войны, а тут угроза явно преувеличивается, и эти преувеличенные данные ложатся на стол Сталину.

Не считая небольшой экскурсии части войск на Балканы, сосредоточение продолжалось следующие полгода. Гитлер, правда, пытался обернуть дело таким образом, что он не то маскирует грядущий удар по Англии, не то собирает войска для нападения на

нее — у наших границ... Верил ли ему Сталин? Забавный вопрос. Ни один нормальный политик в такой ситуации вообще не *верит*. Он *допускает*, что это может быть так. А поскольку это может быть и не так, то, естественно, проводит все необходимые мероприятия по подготовке к войне. Почему же у нас они не были проведены? Терпение, об этом чуть ниже...

И всё время, вплоть до самого 22 июня, в Москву шли донесения. Из докладов последнего предвоенного месяца:

...НКВД УССР. 2 июня 1941 г.

«На территории Германии отмечается продвижение к пограничной полосе мелких групп пехоты, кавалерии, грузовых и легковых автомашин, а также гужтранспорта. Офицерским составом производится усиленное наблюдение за нашей территорией...»

31 мая 1941 г. против 93-го Лесковского погранотряда на ст. Санок разгружался эшелон быстроходных танков, проследовавших по направлению Треча.

Восточнее Янув-Подляски в лесу подготовлены понтоны для форсирования реки Буг, там же в районе конезавода подготовлено 20 деревянных мостов в целях замены существующих в случае разрушения. В г. Грубешов дислоцированы 2 мотострелковых полка.

По данным опроса нарушителей границы... военнослужащие немецких подразделений среди населения заявляют: “СССР порвал мирный договор с Германией и вступил в тройственный союз с Англией и Америкой, намерен объявить войну Германии”. Военнослужащие высказывают уверенность в победе Германии над СССР и захвате Советской Украины» [Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Накануне. Т. 2. М., 1995. С. 199.]

Гитлер требовал абсолютной секретности — чтобы никто не знал, для нападения на СССР он собирает войска у восточной границы или для маскировки удара по Англии. Но в реальности даже немецкие солдаты, при всей своей образцовости, тоже живые люди, а не дуболомы Урфина Джюса. Поэтому перед тем, как кидать их в бой, им приходится как-то объяснять цели войны, и проводить эту подготовку надо не накануне вторжения, а заблаговременно. Судя по тому, что они вступили на нашу территорию психологически вполне готовыми к тому, чтобы истреблять «унтерменшей», подготовка проводилась задолго до «дня X» и на совесть. Естественно, эта составляющая тоже отслеживалась.

На календаре 2 июня. Еще не подписан приказ о начале кампании, через двенадцать дней будет опубликовано сообщение ТАСС о нерушимости советско-германского пакта — а немецким солдатам внушают, что СССР уже порвал мирный договор. Стало быть, ждать остается совсем недолго.

...Уполномоченного ЦК ВКП(б) И СНК СССР В Молдавии С А. ГОГЛИДЗЕ. 2 июня 1941 г.

«По агентурным данным пограничных войск НКВД Молдавской ССР, командующий 5-м военным округом Румынии 15 мая сего года получил приказ генерала Антонеску о немедленном разминировании всех мостов, дорог и участков вблизи границы СССР, заминированных в 1940-1941 гг. В настоящее время почти все мосты разминированы и приступлено к разминированию участков, прилегающих к р. Прут.

Среди узкого круга офицеров румынской погранохраны имеются высказывания о том, что якобы румынское командование и немецкое командование 8 июня сего года намереваются начать военные действия против Союза ССР, для чего производится подтягивание к линии границы крупных частей немецкой и румынской армий...

...Министерство внутренних дел Румынии предписало всем органам власти на местах подготовить учреждения к эвакуации их в тыл Румынии» [Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. С. 200 — 201.]

Кажется, готовясь к отражению нападения, мины принято ставить, а не снимать? Кстати, в соответствующей нашей директиве, о которой пойдет речь впереди, говорилось как раз о подготовке к *постановке* минных заграждений... Да и деревянные мосты из предыдущего сообщения явно свидетельствуют о том, куда немцы собираются идти — вовсе не в Англию. Делать деревянные мосты с той целью, чтобы их заметили английские шпионы — это как-то уж слишком круто.

...НКВД СССР. 2 июня 1941 г.

«...Пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР добыты следующие сведения о военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР...»

В районах Томашова и Лежайска сосредотачиваются две армейские группы. В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16-й армии в м. Улянув (85 км юго-западнее Люблина) и штаб армии в фольварке Усьмеж (45 км юго-западнее Владимира-Вольнского), командующим которой является генерал Рейхенау (требуется уточнения)...

...17 мая в Тересполь прибыла группа летчиков, а на аэродром в Воскиенице (вблизи Тересполья) было доставлено сто бомбардировщиков.

...Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы: 11 мая генерал Рейхенау — в районе м. Ульгувек (27 км восточнее Томашова и 9 км от линии границы): 18 мая генерал с группой офицеров — в районе Белжец (7 км юго-западнее Томашова, вблизи границы) и 23 мая генерал с группой офицеров производил рекогносцировку и осмотр военных сооружений в районе Радымно.

Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено на направлениях на Брест и Львов...

...Отпуска военнослужащим из частей германской армии запрещены.

Кроме того, получены сведения о переброске германских войск из Будапешта и Бухареста в направлении границ с СССР...» [Там же. С. 202 — 203.]

Это к вопросу о том, на каком уровне проводилась разведка. Так выглядят реальные донесения — в виде микроскопических фактиков, которые суммируются, проверяются и перепроверяются, а не в виде телеграмм, типа: «Война начнется 22 июня!» А потом наши типа историки начинают трагическим голосом вопрошать: «Ах, почему Сталин не поверил Рихарду Зорге?» Да потому и не поверил, что такие предупреждения так не делаются.

Впрочем, и телеграмма Зорге была придумана журналистами в 60-е годы...

...НКВД УССР. 6 июня 1941 г.

«По данным наблюдения 91-го Рава-Русского погранотряда, в пограничной полосе отмечается появление крупных танковых соединений немецкой армии...»

...На границу прибыл офицерский состав, предположительно артиллеристы...

...По оперативным данным 97-го Черновицкого погранотряда, на территории Румынии немцы ведут усиленную подготовку к войне с СССР.

В районы Кымпулунг, Ватра-Дорней, Кирли-Баба, Яссы, Ботошаны и Дорохой ежедневно из Германии через Венгрию прибывает 200 вагонов с боеприпасами, военным имуществом, снаряжением, продуктами и фуражом.

Все запасы концентрируются вдоль линии железной дороги между горами, под навесами временных складов, которых от Ватра-Дорней до Дорнешти насчитывается несколько сот.

У опушки леса юго-восточнее Дорохой установлены дальнобойные орудия.

...2 июня 1941 г. вечером в Сучава в помещении штаба дивизии немцы устроили бал, на который были приглашены румынские офицеры.

На вечере немецкий генерал, обращаясь к офицерам, заявил: “Господа офицеры, настал час объединенными силами возвратить Бессарабию, Северную Буковину и отобрать Украину. Вот в чем наша цель борьбы против коммунизма”.

...Румынским правительством издан приказ — по окончании экзаменов в школах с 15 июня 1941 г. в целях размещения войск использовать все здания школ. В лицеях некоторые здания уже заняты под госпитали.

В Румынии проводится частичная мобилизация лиц 45-летнего возраста. Армейские части комплектуются по штатам военного времени. Проходит мобилизация конского состава...»

И такие вот данные слал каждый погранотряд!

...НКВД УССР. 9 июня.

«Среди солдат и офицеров (немецких. — Е.П.) имеются разговоры об ухудшении взаимоотношений между СССР и Германией, могущих вовлечь в войну...» [Там же. С. 213.]

УНКГБ УССР по Львовской области. 12 июня 1941 г.

«Стрелочник железнодорожной станции Журавица Ковальский нашему источнику “Ковалевскому” сообщил:

“Немцы усиленно готовятся к войне с Советским Союзом, для чего подтягивают к линии границы большое количество воинских частей, вдоль всей границы строят укрепления и окопы, внутри обивают их досками”.

На вопрос источника, много ли у немцев здесь войск, Ковальский ответил: “На границе мало, но в тылу много. На днях в г. Дешуве выгружено много танков, снарядов и авиабомб. Некоторые бомбы большого веса: на одной платформе помещалось только две бомбы”.

...Источнику “Павловичу” от осмотрщика вагонов Зозули стало известно, что по границе реки Сан между селами немецкой территории Болестраце и Гурки немцы приготовили специальные переправочные мосты, замаскированные деревьями.

...В депо станции Журавица стоят 7 паровозов широкой колеи, причем 3 из них находятся круглосуточно под парами. Эти паровозы приготовлены специально на случай военных действий с Советским Союзом.

Источник “Ковалевский”, будучи на железнодорожной станции Журавица, путем личного наблюдения установил, что вдоль линии границы по всей возвышенности роятся окопы. За станцией Журавица... на расстоянии одного километра сооружаются бетонные укрепления.

В беседе с источником “Лугом” осмотрщик вагонов станции Журавица Зозуля рассказал следующее:

“Из разговоров немецких солдат и офицеров можно заключить, что немцы готовят наступление на Советский Союз... На транспорте в пограничных пунктах происходит полная замена местных железнодорожников прибывшими воинскими железнодорожными частями”.

...В беседе с источником “Лугом” осмотрщик вагонов Зозуля рассказал, что все украинцы, которые служат в немецкой армии, в обязательном порядке обучаются парашютному делу... Учащихся обучают также сбрасывать на парашютах разного рода вооружение, вплоть до противотанковых пушек.

...На станцию Журавица привезли специальную машину которая способна в течение часа перешивать 100 м пути широкой колеи на узкую.

В беседе 3 июня 1941 г. Зозуля источнику “Владимирову” сообщил следующее:

“На станции Журавица немцы приготовили три железных разбирающихся моста легкого типа для переправы через реку Сан. В ночь на 3 июня 1941 г. на станцию Журавица прибыло более 1000 немецких солдат. Между Перемышлем и Жешувом немцы сосредоточили большое количество воинских частей. Все это происходит потому, что, как объясняют немцы, германское правительство предъявило Советскому Союзу

требование о пропуске немецких войск через территорию СССР в Иран, но Советский Союз отказал. Тогда немцы предъявили ультиматум с угрозой: если войска не будут пропущены, то они пойдут силой» [Там же. С. 225 — 227.].

Ага, ещё одна немецкая версия происходящего! Кстати, обратим особое внимание на машину для перешивки железнодорожной колеи. Процесс рождения механизма таков: на него дают задание, потом его придумывают, проектируют, изготавливают — даже при самой фантастической организованности на это уйдет не один месяц. По условиям договора о ненападении, наши технические специалисты паслись на германских заводах, как у себя дома — и неужели никто из прокоммунистически настроенных рабочих, которых там и при Гитлере было полно, не шепнул советскому инженеру об этом задании? Конечно, шепнул, и эта информация тоже в свое время легла на стол Сталину.

Кстати, ещё о колее. Готовя нападение на СССР, Гитлер неизбежно должен был думать о снабжении своих войск на нашей территории. Это задача куда более сложная, чем кажется, поскольку железнодорожная колея в СССР несколько шире, чем в Западной Европе. Вагоны переделать легко, а вот паровозы пришлось бы перебирать полностью. Не зря же Сталин в своей речи 3 июля особенно отметил: «...угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставляя врагу ни одного паровоза, ни одного вагона...».

Но Гитлер и не мог позволить себе рассчитывать на захваченный советский подвижной состав, это было бы совершенно непростительной авантюрой. Следовательно, заводы должны были получить заказы на паровозы широкой колеи. Если работы по изготовлению машин для перешивки колеи еще можно было как-то спрятать, то массовый заказ на паровозы... сами понимаете! Одна эта информация неоспоримо свидетельствовала, против кого собирается воевать Гитлер, а сроки изготовления локомотивов — когда примерно ждать войны [А подготовка к войне с Англией столь же обязательно должна была сопровождаться накоплением и изготовлением транспортных средств для переправы через Ла-Манш.].

...А вот цитата из спецсообщения НКГБ БССР от 19 июня. Тут уже всё по-простому, открытым текстом: «В связи с проведением подготовительных мероприятий к войне с Советским Союзом...»

«...В связи с проведением подготовительных мероприятий к войне с Советским Союзом со стороны германских разведывательных органов за последние дни усилилась переброска на нашу сторону агентуры...»

...Допросом диверсантов установлено, что германская разведка стремится к началу военных действий между Германией и СССР отрезать передвижение частей Красной Армии по железным дорогам, для чего провести диверсии на следующих стратегических пунктах...

...Как показывают диверсанты, срок начала военных действий определен на первые числа июля... причём они получили задание, если война не начнется до 1 августа, произвести диверсию вне зависимости от обстоятельств и возвратиться обратно в Германию [Гитлер имел привычку неоднократно откладывать начало войны. Так, сроки начала кампании против Франции переносились 26 раз. Приказ о нападении на СССР был подписан 10 июня, а до того речь о точной дате, естественно, идти не могла.].

...В своих показаниях диверсанты Гордиевич и Чудукуказывают, что с началом военных действий между Германией и СССР они должны были взорвать железнодорожное полотно с целью крушения воинских эшелонов на ст. Лунинец и создания пробки в движении поездов...

...Кроме совершения диверсионного акта Гордиевич и Чудук должны были поддерживать в период первых дней войны связь с германскими самолетами, для чего разведка обеспечила их соответствующим полотнищем...» [Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 2. С. 263 — 264.]

Кстати, Гитлер должен был информировать о надвигающейся войне и дипломатов, хотя бы своих и союзнических. По этим каналам тоже шли донесения.

Резидент НКГБ в Риме. 19 июня 1941 г.

«...На встрече 19 июня “Гау” передал сведения, полученные им от “Дарьи” и “Марты” [«Гау», «Дарья», «Марта» — псевдонимы агентов и источников римской резидентуры.]

Вчера в МИД Италии пришла телеграмма итальянского посла в Берлине, в которой тот сообщает, что высшее военное немецкое командование информировало его о начале военных действий Германии против СССР между 20 и 25 июня сего года».

Надо понимать: это были не отдельные разведсообщения, это был вал информации, отовсюду — из управления внешней разведки НКГБ, из НКГБ и НКВД союзных республик, из областных управлений, с погранзастав. Все они имели за границей колоссальное количество осведомителей, которые отслеживали перемещения немецких войск, вплоть до номеров частей, настроения, разговоры. Сообщения присылали дипломаты, работники разнообразных загранпредставительств, шли они и по линии ВКП(б), и по линии Коминтерна. И никакое германское ведомство не могло, технически не способно было противопоставить этому потоку подобный по напору вал дезинформации. На этом фоне знаменитая кампания Геббельса выглядит жалкой отмазкой.

Да, мы ведь еще не говорили о военной разведке. Дело в том, что НКГБ и НКВД все-таки больше занимались делами политическими. А у военных отслеживание перемещения войск являлось основной задачей. И вот как они это делали. Я приведу еще одно разведсообщение — читать его не надо, на него достаточно просто взглянуть...

Донесение о завершении сосредоточения и развертывания войск группы армий «Север». 18 июня 1941 г.

«На 17 июня 1941 года против ПрибОВО в полосе слева — Сувалки, Лыкк, Алленштейн и по глубине — Кенигсберг, Алленштейн — установлено: штабов армий 2, штабов армейских корпусов 6, пехотных дивизий 19, мотодивизий 5, бронедивизий 1, танковых полков 5 и до 9 отдельных танковых батальонов — всего не менее 2 танковых дивизий, кавалерийских полков 6-7, саперных батальонов 17, самолетов свыше 500.

Группировка и дислокация войск (100 000) — 1) район Мемель, Тильзит, Вишвилль: Мемель — штаб 291 пд, 401 и 610 пп, 2 батальона 337 пп, учебный батальон 213 пп, 33,61,63 артдивизионы. До 2 танк, батальонов, батальон тяжелых пулемётов, 48, 541 САП батальонов, 7 полк — морской пехоты, училище подводного плавания; Мельнераген (8004) — зен. артдивизион; Бахман (7610) — до артдивизиона; Шве-пельн (7212) — танковый батальон; Давилай (7222) — 250 пп; Роокен (6420) — батальон 660 пп; Шилуте — штаб 5 пд, штаб 161 мотодивизии, штабы 660,22 пп, пехотный полк; дивизион ПТО, 208 стройбата-льон; Матцикен (3432) — артдив 206 ап; Ляужей (3638) — 520 саперный батальон; РУС (3024) — батальон 14 пп, сапрота; Вилляйкен (3030) - батальон 660 пп; Ужлекен (2632) — батальон 660 пп; Клокен (1834) -батальон 14 пп, саперная рота; Каук-мен (1634) — штаб и батальон 14 пл, сапрота; Тильзит штабы 7 ак, 1 пд, 290 пд, 8 мд, 1 кав. бригады, 43, 45, 216, 213, 52, 501, 502, 503 пехотные полки, штаб 469 пп, батальон горнострелкового полка, 202, 204, 227, 206 и 510 мотополки, батальон 272-го мотополка, 1 и 2 кп, 22 тап, 21 лап, 290 ап, 61 ап, артдивизион 1 кбр, 212, 101 танк, батальоны, батальон связи 7 ак, 610 отдельный батальон связи, 52 понтонный батальон; 552 и 557 мотообозные батальоны; Погеген — 291 мп, батальон 350 мп, 116 танк, батальон; Пиктупенен (1262) — штаб 350 мп, пехотный батальон, 511 дивизион ПТО; Гресцпелькен (1668) — до роты средних танков; Лаугарген (2074) — батальон 214 пп до артполка, штаб строительного участка; Вилкишкен (1072) — пехотный батальон; Хай-рих-Свальде (0042) — 44мп; Лампенен (0866) — 31,

артидивизион ПТО...» [Цит. по: Мартиросян А. 22 июня. Правда генералиссимуса. М, 2005. С. 598 — 599.]

И так далее, по всему участку границы, относящемуся к ведению Прибалтийского округа. Говорить после этого о том, что кто-то *не верил* — попросту нелепо. Не поверить было нельзя, Германия готовилась к войне слишком откровенно, да немцам и прятаться-то особой нужды не было — уверенность в мощи немецкой армии, опыт побед над достаточно сильным противником, казалось бы, делали ненужной конспирацию. Тигр собирался напасть, и будет жертва знать об этом или не будет — роли не играло. До сих пор, по крайней мере, это было именно так...

Очень невредно было бы, кстати, разобраться еще с одним мифом — пресловутой непечатной резолюцией Сталина на одном из предупреждений о грядущем нападении. Текст ее, кажется, скоро войдет в школьные учебники: *«Т-цу Меркулову. Можете послать ваш “источник” из штаба герм, авиации к ... матери. Это не “источник”, а дезинформатор. И. Ст.»*

Источник, кстати, хороший — это знаменитый агент НКГБ «Старшина» (оберлейтенант Харро Шульце-Бойзен, сотрудник управления связи германского министерства авиации). Любимая забава историков — гадать, что в этом документе могло так разозлить Сталина. Грешат все больше на пункт второй — типа вождь обиделся, что немцы иронично отнеслись к его заверениям о мире. Притом, что сам в таких случаях любил съязвить, да посолонее...

Однако резолюция резолюцией, а неплохо бы прочесть и текст сообщения. Он датирован примерно 16 июня и гласит:

«Источник, работающий в штабе германской авиации, сообщает:

1. Все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время.

2. В кругах штаба авиации сообщение ТАСС от 6 июня [На самом деле сообщение ТАСС датируется 13 июня.] воспринято весьма иронически. Подчеркивают, что это заявление никакого значения иметь не может.

3. Объектами налетов германской авиации в первую очередь явятся: электростанция “Свирь-3”, московские заводы, производящие отдельные части к самолетам (электрооборудование, шарикоподшипники, покрышки), а также авторемонтные мастерские.

4. В военных действиях на стороне Германии активное участие примет Венгрия. Часть германских самолетов, главным образом истребителей, находится уже на венгерских аэродромах.

5. Важные немецкие авиаремонтные мастерские расположены в Кенигсберге, Гдыне, Грауденце, Бреславле, Мариенбурге. Авиамоторные мастерские Милича — в Польше, в Варшаве — Очачи и особо важные — в Хейлигенкейле» [Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 1 Накануне. Книга вторая. С. 237 — 238.].

Что же в этом сообщении могло вызвать столь эмоциональную реакцию Сталина? Пункты 1 и 2 никакой новой информации не несут («сталинскую обиду» вынесем за скобки). По пунктам 4 и 5 также потрясающих открытий не сделано — здесь просто не на что реагировать. Ну а что касается пункта 3 — м-да! Конечно, высочайшее оборонное значение именно электростанции «Свирь-3» оспаривать трудно, при том, что неподалеку находилась еще и Волховская ГЭС, а также Ленинград. Но как можно себе представить процесс бомбежки московских заводов при том, что: а) немецкие самолеты от границы до Москвы элементарно не долетят; б) при точности бомбометания с высоты, на которой будут действовать бомбардировщики при этих налетах — как источник представлял себе возможность разбомбить не что-нибудь, а именно авторемонтную мастерскую? Неудивительно, что эта хрень вызвала соответствующую реакцию Сталина,

и он недвусмысленно высказал наркому госбезопасности товарищу Меркулову пожелание — не спихивать свои обязанности по сортировке информации на главу государства.

Кстати, матерная резолюция относилась только к первой части сообщения. Во второй части, переданной «Корсиканцем» (доктор Арвид Харнак), другим знаменитым агентом, говорилось:

«Источник работающий в Министерстве хозяйства Германии, сообщает, что произведено назначение начальников военно-хозяйственных управлений “будущих округов” оккупированной территории СССР, а именно: для Кавказа назначен Аммон, один из руководящих работников национал-социалистской партии в Дюссельдорфе; для Киева — Бурандт, бывший сотрудник Министерства хозяйства, до последнего времени работавший в хозяйственном управлении во Франции; для Москвы — Бургер, руководитель хозяйственной палаты в Штутгарте. Все эти лица зачислены на военную службу и выехали в Дрезден, являющийся сборным пунктом.

Для общего руководства хозяйственным управлением «оккупированных территорий СССР» назначен Шлоттерер — начальник иностранного отдела Министерства хозяйства, находящийся пока в Берлине.

В Министерстве хозяйства рассказывают, что на собраниях хозяйственников, предназначенных для “оккупированных территорий СССР”, выступал также Розенберг, который заявил, что понятие “Советский Союз” должно быть стерто с географической карты».

И эту информацию Сталин матерно не комментировал.

Сказка о Геббельсе великом и могучем, или борьба за союзника

Сохрани нас Бог от союзников, чьи мотивы нам непонятны.

Роман Злотников. Атака на будущее

Итак, в Кремле знали, не могли не знать о том, что война будет, и будет скоро. Тем не менее — как дружно утверждают многие мемуаристы, да и факты говорят о том же — Сталин категорически запрещал все, что могло бы вызвать обострение обстановки на границе — он почему-то очень боялся спровоцировать немцев.

Так, за первую половину 1941 года немецкие самолёты нарушали границу 324 раза, вели аэрофотосъемку, однако войска получили строжайший приказ — огня по ним не открывать. А за 10 дней до войны были отменены полёты наших самолётов в приграничной полосе.

Типичным для традиционной истории образом об этом периоде рассказывает московский историк Г. Куманев. Честное слово, не жаль места, чтобы привести этот отрывок целиком. *«В соответствии со строжайшими указаниями Сталина всякая инициатива со стороны командующих округами и армиями по приведению в боевую готовность войск прикрытия стала немедленно пресекаться руководством Наркомата обороны и Генерального штаба. Характерной в этом отношении является телеграмма, направленная 10 июня 1941 г. начальником генштаба генералом армии Г. К. Жуковым в адрес командующего киевским особым военным округом генерал-полковника М. П. Кирпоноса, отменяющая приказ занять предполье. Выступая 13 августа 1966 г. в редакции “Военно-исторического журнала”, Г. К. Жуков говорил по этому поводу: “Сталин узнал, что Киевский округ начал развертывание армии по звонку Тимошенко... Берия сейчас же прибежал к Сталину и сказал, вот, мол военные не выполняют, провоцируют... занимают боевые порядки. Сталин немедленно позвонил Тимошенко и дал ему как следует взбучку. Этот удар спустился до меня: “Что вы смотрите? Немедленно отвести войска, назвать виновных”. Ну и пошло. А уж другие командующие не рискнули.*

“Давайте приказ,” — говорили они. А кто приказ даст? Вот, допустим, я, Жуков, чувствуя нависшую над страной опасность, отдаю приказание: “Развернуть”. Сталину докладывают. На каком основании? “Ну-ка, Берия, возьмите его к себе в подвал...””»
[Цит. по: Куманев Г. Проблемы военной истории Отечества. М., 2007. С. 75.]

Если отделить факты от эмоций, то произошло следующее. В начале июня не то нарком обороны Тимошенко позвонил в Киевский округ и приказал войскам занять укрепления предполья, не то сам генерал Кир-понос проявил инициативу... Наверное, нервы не выдержали — о худшем думать не будем, нет оснований. Ведь что такое предполье? Это линия окопов и других легких укреплений перед укрепрайоном. По опыту Первой мировой войны ввод войск в предполье расценивался как объявление войны. С момента появления там наших солдат Гитлеру уже не нужна была никакая провокация, он мог напасть в любой момент на вполне законных основаниях.

К счастью, в НКВД не спали. Чекисты мгновенно донесли Берии о происходящем в округе, тот, по всей видимости — поскольку прекрасно понимал, что происходит, — именно *прибежал* к Сталину и... В общем, досталось всем так, что генералы впредь и думать не могли о том, чтобы бежать впереди паровоза и делать что бы то ни было без приказа. А товарищ Жуков попросту вводит легковерную аудиторию в заблуждение.

Да, но если Гитлер совершенно точно решил напасть, то не всё ли равно? Пусть он впоследствии будет кричать о провокации, зато мы сохраним жизнь десятков, а то и сотен тысяч людей.

Если б было все равно, уж верно Сталин не стал бы отменять приказ. Если б было все равно, можно и упреждающий удар нанести. В том-то и дело, что далеко не все равно было в тот момент, и слишком многое ставилось на карту.

* * *

У нас много говорят, что работе советской разведки Гитлер противопоставил свою кампанию дезинформации: мол, сосредоточение войск у границы СССР — это маскировка удара по Англии. И Сталин, мол, не то чтобы этой кампании поверил — но не знал, что об этом думать, понадеялся, что, может быть, это на самом деле так, и войну проворонил.

На самом деле так оно и было — в первой части, естественно. В конце мая министерство пропаганды Геббельса начало большую игру, запуская в оборот всевозможные слухи о предстоящем нападении Германии на Англию, возможно даже в союзе с СССР. На начало июня была задумана достаточно примитивная, но эффектная провокация. Геббельс должен был написать и опубликовать в «Фелькишер беобахтер» статью «Крит как образец», посвященную состоявшемуся незадолго до того германскому десанту на этот остров — параллели Крита и Британских островов в ней были проведены чрезвычайно прозрачные. После чего весь тираж газеты предполагалось конфисковать, кроме нескольких экземпляров, которые должны были попасть в соответствующие посольства.

И вот вопрос: а кого, собственно, министр пропаганды Третьего рейха предполагал таким образом обмануть? На подобную удочку могли попасться разве что журналисты. И в СССР, и в Англии, и в других странах, имевших мало-мальски серьезную разведку, судили о надвигающейся войне уж никак не по газетным публикациям, а по источникам более достоверным. Максимум, на что мог рассчитывать «король пропаганды» Третьего рейха, — это на газетный шум а западных странах.

Шум, действительно, получился — но зачем он понадобился?

А вот для этого надо знать кое-какие малоизвестные у нас факты. А именно: позицию Англии и США в июне 1941 года.

Англия формально находилась в состоянии войны с Германией. Однако Гитлер активно искал с ней мира, да и английское правительство вовсе не было настроено поддержать в этой войне СССР по причине давней и стойкой неприязни к нашей стране. У нас мало об этом говорится, но весной 1940 года Англия и Франция собирались вступить в войну с СССР на стороне Финляндии — забавно, но помешали правительства Дании и Норвегии, отказавшиеся пропустить экспедиционный корпус. В порядке той же «помощи» страдающим от агрессии финнам тогда же, буквально за месяц до удара вермахта по Франции, они всерьез обсуждали планы нанесения бомбовых ударов по бакинским нефтепромыслам, что, мягко говоря, странно — где Баку и где Финляндия. (Зато этот удар, лишаящий Советский Союз основного источника нефти, был очень выгоден Германии.) А финны, между прочим, практически сразу после окончания советско-финской войны вступили в союз с Гитлером.

Так что это еще очень большой вопрос, до какой степени европейцы были «против» Германии. Гитлер, начиная с времен «Майн кампф», всячески декларировал любовь к Англии. И никто не мог гарантировать, что завтра Лондон не примирится с Берлином — а может быть, и не вступит в войну на его стороне.

Кроме того, у нас на восточных границах существовала Япония, связанная с Германией тройственным пактом. Правда, японцы, которые вовсе не горели желанием воевать с СССР, имели лазейку: они обязаны были безоговорочно поддержать союзника, только если тот подвергнется нападению.

Но пикантнее всего получилось с США. Да, Гитлера на пути к власти поддерживал американский капитал — но с американским правительством все обстояло куда сложнее. Конечно, президенты США являются выразителями интересов капитала — однако не обязательно это одни и те же группировки. Когда Гитлер шел к власти, президентом был Гувер, а потом его сменил Рузвельт, имевший несколько иные политические взгляды. Но власть президента достаточно ограничена, так что еще неясно, поддержат Соединенные Штаты Советский Союз или предпочтут не вмешиваться. Президент США вынужден был лавировать между тремя группировками: поклонниками нацизма, которых имелось в США предостаточно, сторонниками участия в той или иной мере в европейском конфликте против Германии и самой сильной группой «изоляционистов», заявлявших, что война идет далеко и нечего в нее вмешиваться.

В декабре 1940 года Рузвельт стал проталкивать через конгресс закон о ленд-лизе. Этот закон давал право президенту передавать в заем или аренду правительству любой страны, оборона которой признается жизненно важной для безопасности США, военную технику, оружие, боеприпасы, снаряжение, стратегическое сырье, продовольствие и т. д. Безопасность — дело хорошее, но широким массам малопонятное, когда война идет за океаном. Поэтому по ходу пиар-кампании нового закона все время говорили о высоких материях — что ленд-лиз предназначен странам, являющимся жертвами агрессии.

Изначально закон предназначался для помощи Англии, у которой закончились деньги для оплаты военных поставок. Однако к тому времени намерения Гитлера пойти войной на СССР были уже настолько явными, что сам собой возник вопрос: можно ли распространять закон на Советский Союз, если он тоже станет жертвой германской агрессии?

Не надо забывать, что союзниками мы стали только после 22 июня. До того в глазах американского обывателя Гитлер и Сталин были явлениями одного порядка. Их государства считались в равной мере «империями зла» — тем более что были связаны пактом о ненападении, то есть являлись почти союзниками. Гитлер воевал с дружественной США Англией, поэтому был чуть-чуть более «плохим», но и только.

Обсуждение данного вопроса в конгрессе вылилось в поправку, исключаящую Советский Союз из числа государств, которые вправе претендовать на ленд-лиз. Поправка, правда, была отклонена — однако весьма незначительным большинством:

против нее проголосовали 66% депутатов палаты представителей и 61% сенаторов. Закон о ленд-лизе был принят 11 марта 1941 года.

Давайте попытаемся перенестись в ту весну. Мы не знаем, что случится позже, будущее, лежащее перед нами, полно самых разнообразных возможностей, и их надо учитывать всё.

Нам известно, что 10 мая 1941 года ближайший сподвижник Гитлера Рудольф Гесс прилетел в Англию на военном самолёте и выбросился с парашютом. Сейчас усиленно стараются представить дело так, будто он не то сошел с ума, не то изменил Гитлеру. Но вот что докладывала советская политическая разведка Сталину 22 мая 1941 года:

«По сведениям, полученным “Зенхеном” [«Зенхен» — псевдоним Кима Филби, занимавшего серьезный пост в британской разведке.], в личной беседе с его приятелем Томом Дюпри (заместителем начальника отдела печати МИДа) и еще не проверенным через другую агентуру

1. Гесс до вечера 14 мая какой-либо ценной информации англичанам не дал.

2. Во время бесед офицеров английской военной разведки с Гессом Гесс утверждал, что он прибыл в Англию для заключения компромиссного мира, который должен приостановить увеличивающееся истощение обеих воюющих стран и предотвратить окончательное уничтожение Британской империи, как стабилизирующей силы.

3. По заявлению Гесса, он продолжает оставаться лояльным Гитлеру

4. Бивербрук и Иден посетили Гесса, но официальными сообщениями это опровергается.

5. В беседе с Кирк Патриком Гесс заявил, что война между двумя северными народами является преступлением. Гесс считает, что в Англии имеется стоящая за мир сильная античерчилльская партия, которая с его (Гесса) прибытием получит мощный стимул в борьбе за заключение мира.

Том Дюпри на вопрос “Зенхена” — думает ли он, что англо-германский союз против СССР был бы приемлемым для Гесса, ответил, что это именно то, чего хочет добиться Гесс.

До прибытия в Англию, Гесс написал герцогу Гамильтону письмо, оно было своевременно перехвачено английской контрразведкой, пролежало там около шести недель и затем было отправлено адресату. Гамильтон, получив письмо через 3 дня, передал его в контрразведку.

В парламенте Черчиллю был задан вопрос — в распоряжении каких (военных или гражданских) властей находится Гесс.

Черчилль ответил: “Гесс — мой пленник”, — предупреждая тем самым оппозицию от интриг с Гессом.

“Зенхен” считает, что сейчас время мирных переговоров еще не наступило, но в процессе дальнейшего развития войны, Гесс, возможно, станет центром интриг за заключение компромиссного мира и будет полезен для мирной партии в Англии и для Гитлера».

В том же самом мае внезапно обострились советско-американские отношения. Заместитель наркома иностранных дел Лозовский 13 июня докладывал Сталину:

«Американское правительство за последнее время провело ряд враждебных мероприятий против Советского Союза. Помимо почти полного прекращения лицензий на вывоз оборудования, американское правительство запретило советским инженерам посещение заводов, провело мероприятия дискриминационного характера, ограничив свободу передвижения советских дипломатов, конфисковало принадлежащий нам иридий, потребовало отъезда помощников военного атташе Березина и Овчинникова, организовало суд над служащими “Бук-книги” для того, чтобы доказать причастность Советского Союза к пропаганде в Соединённых Штатах и т.д. Сейчас вся американская

пресса ведет бешеную кампанию против СССР, доказывая на все лады, что забастовочная война, прокатившаяся по Соединенным Штатам, вызвана “агентами Москвы” ...» [Советско-американские отношения. 1939 — 1945. М., 2004. С. 128.]

Если экономические меры еще хоть как-то объяснялись применением к СССР прокламации президента Рузвельта об экспортном контроле, то остальные мероприятия можно было расценить одним-единственным образом: как подготовку американского общественного мнения к тому факту, что США не вступит в войну на стороне СССР. Это с одной стороны, но с другой — у Америки все же имелась официальная позиция по отношению к международным конфликтам. Заместитель госсекретаря С. Уэллес определил ее так: *«Политика Соединённых Штатов заключается в том, чтобы предоставлять всю практическую помощь Великобритании, английским доминионам и другим странам, которые **страдают от агрессии** (выделено мной. — Е.П.)».*

А теперь давайте поиграем в альтернативную историю — представим себе два несбывшихся (но вполне возможных) события. Первое — Гессу удаётся прийти к соглашению с Лондоном. Британия, у которой нет ни постоянных друзей, ни постоянных врагов, а есть лишь постоянные интересы, заключает с Германией мир. Второе — война начинается таким образом, что у Гитлера будут основания представить себя жертвой агрессии. Между тем в США уже развёрнуто мощное военное производство. Кто, в таком случае, получит помощь по ленд-лизу?

Учитывая неустойчивость намерений американского правительства и неопределенность в отношениях с Англией, немецкому фюреру очень важно было не позволить СССР получить статус страдающего от агрессии государства, чтобы дать США, где началась демонстративная антисоветская кампания, повод не вступать в войну на нашей стороне, а Японию, наоборот, заставить вступить.

Схема чрезвычайно простая: Германия накапливает силы на границе, одновременно создавая впечатление, что на самом-то деле готовится удар по Англии. Естественно, силы накапливает и СССР. Затем происходит нечто такое, что можно представить «агрессией» с нашей стороны, и Германия наносит «ответный удар». Типа, мы собирались воевать с Британией, а эти русские сами на нас напали. В крайнем случае, если Советский Союз спровоцировать не удастся, немцы могли и инсценировать нападение, подобно тому, как они это проделали в Польше.

Для обслуживания этого сценария и была разработана кампания ведомства Геббельса. Ясно, что обмануть такой дешевой дезой удалось бы разве что журналистов — но именно их и надо было ввести в заблуждение. Во-первых, в отличие от Германии и СССР, правительства Англии и США, как старые демократии, были чрезвычайно зависимы от общественного мнения. А общественное мнение, как известно, делает пресса. А во-вторых, следовало дать повод, отмазку, чтобы правительства Англии и особенно США могли, опираясь на газетную шумиху, не вступать в войну.

Конечно же, это отлично понимал и Сталин и принимал свои меры, одной из которых было знаменитое: «на провокации не поддаваться».

Второй мерой стало показное, нарочитое игнорирование угрозы войны, обставленное так, чтобы обязательно попасться на глаза как иностранным дипломатам, так и иностранным шпионам. СССР демонстрировал «непонимание» ситуации на всех уровнях, официальных и неофициальных.

Из телеграммы японского посла в Москве японскому посланнику в Софии. 9 июня 1941 г.

«Усиленно циркулирующие слухи о том, что Германия нападет на Советский Союз, а в особенности информация, поступающая из Германии, Венгрии, Румынии и Болгарии, заставляют думать, что приблизился момент этого выступления...

Обстановка в Москве весьма спокойна, незаметны также и признаки подготовки к войне, а именно: мероприятия ПВО, сокращение количества такси и прочее, 24 мая я спросил об этом у Молотова. Он ответил, что в настоящее время

между Германией и Советским Союзом не имеется трений, могущих повлечь к войне, но если возникнет конфликт, то он считает своим долгом разрешить его мирным путем. Кроме того, позавчера, 7-го числа, германский посол в беседе со мной сказал, что от правительства по этому вопросу никаких сообщений нет, что нет признаков подготовки к войне со стороны Советского Союза, который, должно быть, знает о существующей щекотливой ситуации, а кроме того, Советский Союз аккуратно выполняет обещания, данные Германии, поэтому трудно изыскать причины для нападения на Советский Союз».

10 июня фюрер наконец назвал дату начала кампании: 22 июня. В тот же день начальник генерального штаба сухопутных войск генерал Гальдер издал соответствующее распоряжение, которое передали в войска. Британский центр радиоперехвата в Блечли поймал одно из этих сообщений, расшифровал и отправил «наверх» [Кроме того, британцы наверняка получили эту информацию от антигитлеровски настроенных генералов вермахта, сотрудничавших с английской разведкой.]. Естественно, попала эта информация и в британскую разведку, а там, на самом «верху», сидели товарищи из «кембриджской пятерки» — резидентуры НКВД. Не позднее 12 июня сведения оказались в Москве. 13 июня Сталин получил доклад Лозовского. Все складывалось так, как и было предсказано: Запад стравит Германию и СССР, подождет окончания войны и добьет ослабевшего победителя.

И всё же Сталин придумал ответный ход. 13 июня в 18 часов было передано по московскому радио и в тот же день по дипломатическим каналам вручено министрам иностранных дел заинтересованных государств то самое знаменитое сообщение ТАСС. На следующий день оно было опубликовано в центральных советских газетах.

Сообщение ТАСС. 13 июня 1941 года.

«Ещё до приезда английского посла г-на Криппса в Лондон, особенно же после его приезда, в английской и вообще иностранной печати стали муссироваться слухи о “близости войны между СССР и Германией”. По этим слухам:

1) Германия будто бы предъявила СССР претензии территориального и экономического характера и теперь идут переговоры между Германией и СССР о заключении нового, более тесного соглашения между ними;

2) СССР будто бы отклонил эти претензии, в связи с чем Германия стала сосредотачивать свои войска у границ СССР с целью нападения на СССР;

3) Советский Союз, в свою очередь, стал будто бы усиленно готовиться к войне с Германией и сосредотачивает войска у границ последней.

Несмотря на очевидную бессмысленность этих слухов, ответственные круги в Москве все же сочли необходимым, ввиду упорного муссирования этих слухов, уполномочить ТАСС заявить, что эти слухи являются неуклюже состряпанной пропагандой враждебных СССР и Германии сил, заинтересованных в дальнейшем расширении войны.

ТАСС заявляет, что:

1) Германия не предъявляла СССР никаких претензий и не предлагает какого-либо нового, более тесного соглашения, ввиду чего и переговоры на этот предмет не могли иметь место;

2) по данным СССР, Германия также неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении, как и Советский Союз, ввиду чего, по мнению советских кругов, слухи о намерениях Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой почвы, а происходящая в последнее время переброска германских войск, освободившихся на Балканах, в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям;

3) СССР, как это вытекает из его мирной политики, соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными;

4) проводимые сейчас летние сборы запасных Красной Армии и предстоящие маневры имеют своей целью не что иное, как обучение запасных и проверку работы железнодорожного аппарата, осуществляемые, как известно, каждый год, ввиду чего изображать эти мероприятия Красной Армии как враждебные Германии по меньшей мере нелепо».

Отменная вышла ловушка для Гитлера. У него имелось три варианта реагирования: либо предъявить претензии СССР — расписавшись тем самым в подготовке войны; либо ответить аналогичным заявлением — тогда в случае нападения фюрер выставлял себя не просто агрессором, но еще и агрессором вероломным; либо промолчать, неявно выразив несогласие со Сталиным и признав, что «похолодание» в отношениях существует и идет из Германии. Этим блестящим политическим ходом Сталин выставлял щит против фехтовальных комбинаций Гитлера и Геббельса. Теперь как бы ни повел себя фюрер, в случае начала войны он выходил агрессором. У него оставалась одна надежда — что на границе все же произойдет нечто такое, что можно будет расценить как провокацию.

Кстати, данное сообщение ТАСС в условиях дезинформационной кампании Геббельса лучше всего доказывало: Сталин ни на мгновение не повелся на эту дезу. Потому что когда по всему миру ходят слухи о тайном союзе СССР и Германии, делать подобное заявление можно было лишь в одном случае: если советское правительство точно знало, что Гитлер не собирается нападать на Англию и через несколько дней слухи будут опровергнуты самим ходом событий.

Берлин никак не прокомментировал сообщение ТАСС, что доказывало: война начнется в ближайшие дни. Теперь главное было — избежать слишком резких движений, и тогда Гитлеру не останется ничего, кроме как напасть на СССР без всякого повода и без объявления войны. А может быть, в такой ситуации он, взвесив все обстоятельства, и не решится напасть, оставив в тылу формально воюющую с ним Англию? Это был совсем крохотный, но все же шанс. В конце концов, переносил же он сроки нападения на Францию, в конечном итоге начав вторжение на полгода позже, чем предполагалось изначально.

Из дневника генерального секретаря Исполкома Коминтерна Георгия Димитрова, 21 июня 1941 г.

«В телеграмме Джоу Эн-лая из Чунцина в Янань (Мао Цзе-Дуну) между прочим указывается на то, что Чан Кайши упорно заявляет, что Германия нападет на СССР, и намечает даже дату — 21.06.41!... Слухи о предстоящем нападении множатся со всех сторон...

...Звонил утром Молотову. Просил, чтобы переговорили с Иос. Виссарионовичем о положении и необходимых указаниях для Компартий.

Мол.: “Положение неясно. Ведётся большая игра. Не всё зависит от нас. Я переговорю с И. В. Если будет что-то особое, позвоню!”»

Игра, действительно, велась очень большая. Ситуация была сложнейшая, стрелки весов застыли в неустойчивом равновесии на нулевой отметке, и сдвинуть их могло любое дуновение ветра. Потому-то Сталин категорически запрещал военным любые движения на границе. Но вот делиться с ними секретными соображениями он был не обязан.

...Как известно, Англия и США вступили в войну на стороне Советского Союза. Сколько лет войны и сколько жизней наших солдат сберегло это достижение Сталина, предоставляю подсчитать писателям-фантастам.

Сказка об армии, убитой в казармах

Знаешь, в чём работа Быкова? Быть всегда готовым. Это очень сложная работа. Тяжёлая, изматывающая...

Аркадий и Борис Стругацкие. Страна багровых туч

Военные, естественно, поняли, что к реальному положению вещей сообщение ТАСС отношения не имеет — поскольку оно не было подкреплено для армии приказом «Вольно!» Напротив, их стали еще больше торопить с приведением войск в боевую готовность.

В армии все шло так, как и должно было идти, сообразно правилам и условностям того времени. Все приказы были отданы точно и в срок. Как они выполнялись — это уже другой вопрос. Мы сейчас говорим о правительстве, а не о порядках в РККА.

Не будем залезать в дебри, а ограничимся лишь последним предвоенным годом. Итак, в феврале 1940 года Гитлер, пока еще в узком кругу, назвал следующую после Франции цель — Советский Союз. Летом 1940 года началась разработка плана «Барбаросса» и одновременно переброска войск к советско-германской границе. 18 сентября нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Мерецков направили Сталину соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и на Востоке на 1940 и 1941 годы. Взгляните, как выглядит первый раздел этого документа.

«1. НАШИ ВЕРОЯТНЫЕ ПРОТИВНИКИ

Сложившаяся политическая обстановка в Европе создает вероятность вооруженного столкновения на наших западных границах.

Это вооруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность и атаки со стороны Японии наших дальневосточных границ.

На наших западных границах наиболее вероятным противником будет Германия, что же касается Италии, то возможно её участие в войне, а вернее, ее выступление на Балканах, создавая нам косвенную угрозу.

Вооружённое столкновение СССР с Германией может вовлечь в военный конфликт с нами Венгрию, а также с целью реванша — Финляндию и Румынию.

При вероятном вооруженном нейтралитете со стороны Ирана и Афганистана возможно открытое выступление против СССР Турции, инспирированное немцами.

Таким образом, Советскому Союзу необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на востоке — против Японии, как открытого противника или противника, занимающего позицию вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение» [Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Накануне. Т. 1. С. 253 — 254.]

Это документ, на базе которого будет идти дальнейшая работа по подготовке к войне. Одновременно с немецкими к границе подтягивались и наши войска. Другое дело, что их нельзя было полностью отмобилизовать, поскольку мобилизация тоже расценивалась как объявление войны. Немцы-то воевали уже два года, и вермахт находился в боевом состоянии. Нашим пришлось труднее — они были вынуждены рассчитывать на то, что есть в наличии, и на скрытую мобилизацию. Самый распространенный ее вариант — учебные сборы, которые могут длиться месяц, максимум два. Имелись и ещё некоторые возможности, но для этого надо было не слишком

промахнуться с определением даты нападения. Тем более что Гитлер имел обыкновение подписывать приказ о начале боевых действий за очень короткий срок до старта кампании.

Ясно, что нападение едва ли произойдет позднее середины июля. Гитлеру надо успеть решить поставленные им задачи до наступления — нет, не зимы, а осени! Как только пойдут осенние дожди, сработает одно из основных естественных оборонных сооружений России — грунтовые Дороги. Конечно, танки по ним пройдут, но конному обозу уже будет трудно, грузовикам ещё труднее, а пехоту просто жалко, хоть и враги — кто ездил в совхоз убирать картошку, сразу меня поймет.

А уж та байка, что Сталин, не приводя войска в боевую готовность, надеялся выиграть *полгода*, ничего, кроме смеха, не вызывает. Ну какой нормальный завоеватель пойдёт в Россию *зимой*?!!

Ясно было также, что нападение произойдет не раньше середины мая: во-первых, должны просохнуть дороги после весенней распутицы, во-вторых, надо дать крестьянам завершить сев — едва ли Гитлер захочет потерять урожай 1941 года. Разведка также называла даты, начиная с 15 мая, но в апреле Германия влезла в конфликт на Балканах [Есть основания считать, что конфликт был спровоцирован Сталиным, всё с той же целью — оттянуть нападение.] и стало ясно, что выступление против СССР будет несколько отложено.

В мае в РККА было призвано 800 тысяч резервистов.

13 мая Сталин санкционировал выдвижение войск из внутренних округов в приграничные.

14 мая командующие округов получили приказ разработать детальный план обороны границы. Срок: 20 — 25 мая.

27 мая был отдан приказ о срочном строительстве полевых фронтовых командных пунктов...

12 июня Генштаб дал указание о выдвижении войск к государственной границе.

В общем, читайте «Ледокол», там всё сказано...

* * *

С другой стороны советско-германской границы 14 июня Гитлер подтвердил свое решение о нападении на СССР, о чем тут же доложила в Москву советская разведка. Таким был его ответ на сообщение ТАСС.

Совпадение дат идет и дальше. Так, наша разведка донесла, что гитлеровцы приказали населению покинуть приграничную полосу к 4.00 утра 18 июня. Это означало, что немецкие войска начинают выдвижение на исходные позиции. Той же датой отмечена очередная советская директива.

У нас очень любят с придыханием говорить о войсках, которых были застигнуты началом войны в казармах, о лётчиках, отправленных накануне войны в отпуска, о танках и самолетах без топлива и без боекомплекта. В результате этой полной неготовности армии немцы на пятый день войны взяли Минск и вышли на московское направление, так что война приобрела катастрофический характер. Вот только при этом почему-то молчаливо опускается один ма-а-аленький нюансик: все сказанное почти полностью относится к одному военному округу — Западному, расположенному в Белоруссии. И очень, например, не любят обсуждать документы Прибалтийского военного округа. Почему — сейчас станет ясно.

*Директива штаба Прибалтийского особого военного округа
18 июня 1941 г.*

«С целью быстрейшего приведения в боевую готовность театра военных действий округа ПРИКАЗЫВАЮ:

Командующим 8-й и 11-й армиями:

а) определить на участке каждой армии пункты организации полевых складов, ПТ мин, ВВ и противопехотных заграждений на предмет устройства определённых, предусмотренных планом заграждений. Указанное имущество сосредоточить в организованных складах к 21.6.41;

б) для постановки минных заграждений определить состав команд, откуда их выделять, и план работы их. Все это через начинжов пограничных дивизий;

в) приступить к заготовке подручных материалов (плоты, баржи и т.д.) для устройства переправ через реки Виляя, Невяжа, Дубисса. Пункты переправ установить совместно с оперативным отделом штаба округа.

30-й и 4-й понтонные полки подчинить военному совету 11-й армии. Полки иметь в полной готовности для наводки мостов через р. Неман. Рядом учений проверить условия наводки мостов этими полками, добившись минимальных сроков выполнения;

е) командующим войсками 8-й и 11-й армий — с целью разрушения наиболее ответственных мостов в полосе: госграница и тыловая линия Шяуляй, Каунас, р. Неман прорекогносцировать эти мосты, определить для каждого из них количество ВВ, команды подрывников и в ближайших пунктах от них сосредоточить все средства для подрывания. План разрушения мостов утвердить военному совету армии. Срок выполнения 21.6.41.

7. Командующим войсками армий и начальнику АБТВ округа. Создать за счёт каждого автобата отдельные взводы цистерн, применив для этой цели установку контейнеров на грузовых машинах, количество создаваемых отдельных взводов — 4.

Срок выполнения — 23.6.41. Эти отдельные взводы в количестве подвижного резерва держать: Тельшай, Шяуляй, Кейданы, Ионава в распоряжении командующих армиями.

д) Отобрать из числа частей округа (кроме механизированных и авиационных) бензоцистерны и передать их по 50 проц. В 3 и 12 мк. Срок выполнения 21.6.41 г.;

е) Принять все меры обеспечения каждой машины и трактора запасными частями, а через начальника ОСТ принадлежностями для заправки машин (воронки, ведра).

Командующий войсками ПриОВО

генерал-полковник КУЗНЕЦОВ

Член военного совета корпусной комиссар ДИБРОВ

Начальник штаба генерал-лейтенант КЛЕНОВ» [Цит. по: Мартиросян А. 22 июня. Правда генералиссимуса. М., 2005. С. 94.].

Тут надо понимать вот что: сам собой командующий округом такую директиву родить не имел полномочий. Она могла появиться на свет только во исполнение соответствующей директивы Генштаба. Которая, естественно, была послана не одному лишь Прибалтийскому округу, а всем приграничным округам 17 или 18 июня 1941 года. Скорее всего, 18 июня и, возможно, даже в 4 часа утра, чтобы уж точь-в-точь.

Следы этой директивы мы находим в протоколе судебного процесса над командованием Западного военного округа: *«После телеграммы начальника Генерального штаба от 18 июня войска округа не были приведены в боевую готовность»*. Значит, все-таки 18-е...

Как действовало командование Прибалтийского округа — увидим на примере книги Е. Дрига *«Механизированные корпуса РККА в бою»*. Итак, 3 МК: *«18 июня все части корпуса были подняты по тревоге и выведены из мест постоянной дислокации... 21 июня 1941 г. в Каунас прибыл командующий ПриОВО генерал-полковник Ф. И. Кузнецов. Он предупредил командование корпуса о возможном в скором времени*

нападении Германии. Было приказано под видом следования на учения выводить части корпуса из военных городков в близлежащие леса и приводить в полную боевую готовность».

12 МК начал даже раньше: «16 июня 1941 года в 23 часа командование 12-го механизированного корпуса получило директиву штаба округа о скрытной передислокации соединения в новые районы... Войска в ночь на 19 июня выступили в поход...»

Ещё один след той же телеграммы проскользнул в донесениях особистов.

Из докладной записки начальника 3-го отдела [В то время особые отделы были переданы в ведение наркомата обороны и назывались 3-ми отделами НКО. Впрочем, их сотрудников не меняли и даже не переодевали — там как служили люди в звании офицеров госбезопасности, так и продолжали служить.] **Северо-Западного фронта дивизионного комиссара Бабич. 28 июня 1941 г.:**

«Командир 7-й авиадивизии полковник Петров... 19 июня был предупрежден заместителем командующего ВВС по политработе о возможных военных действиях; ему был указан срок готовности к 3 часам 22 июня».

Судя по последнему сообщению, у нас знали даже час нападения!

...Обратите внимание: практически все мероприятия в директиве ПрибВО — оборонительного характера, о наступлении речи нет. Иначе зачем готовиться к подрыву мостов не только на границе, но и в тылу? Подозрителен по части наступательного характера разве что пункт в) — насчёт устройства переправ. Но тут достаточно просто взглянуть на карту того времени. Все эти реки находились на советской территории, самое близкое — километров в 50 от границы, да и Неман не являлся пограничной рекой, а пересекал линию границы почти под прямым углом. Так что командование округа готовилось явно не к наступлению — как-то странно в ходе наступления наводить дополнительные переправы через собственные реки.

Конечно, нет никакой гарантии, что директивы в прочих округах были тоже чисто оборонительными. Но надо ведь учитывать и советскую военную доктрину того времени, которая предусматривала отражение нападения и перенос войны на территорию противника. Нас интересует не столько характер этих директив, сколько сам факт их появления. Раз они существовали, значит, никакой неожиданности не было.

Практически все мероприятия по подготовке к войне должны были быть закончены к 21 июня. Это неудивительно, учитывая, что кроме Рихарда Зорге имелось ещё множество осведомителей в самых разных кругах, в том числе и агент в немецком посольстве в Москве [Герхард Кегель, представитель МИД в составе торговой делегации Германии.], который регулярно оповещал о распоряжениях, отдаваемых дипломатам, так что не было у Сталина никакой нужды в предупреждениях посла Шуленбурга.

Вот ещё один документ:

Выписка из приказа штаба Прибалтийского особого военного округа. 19 июня 1941 г.

«1. Руководить оборудованием полосы обороны. Упор на подготовку позиций на основной полосе УР, работу на которой усилить.

2. В предполье закончить работы. Но позиции предполья занимать только в случае нарушения противником госграницы.

Для обеспечения быстрого занятия позиций как в предполье, так и (в) основной оборонительной полосе соответствующие части должны быть совершенно в боевой готовности.

В районе позади своих позиций проверить надежность и быстроту связи с погранчастями.

3. Особое внимание обратить, чтобы не было провокации и паники в наших частях, усилить контроль боевой готовности. Все делать без шума, твердо, спокойно. Каждому командиру и политработнику трезво понимать обстановку.

4. Минные поля установить по плану командующего армией там, где и должны стоять по плану оборонительного строительства. Обратить внимание на полную секретность для противника и безопасность для своих частей. Завалы и другие противотанковые и противопехотные препятствия создавать по плану командующего армией — тоже по плану оборонительного строительства.

5. Штабам, корпусу и дивизии — на своих КП, которые обеспечить ПТО по решению соответствующего командира.

6. Выдвигающиеся наши части должны выйти в свои районы укрытия. Учитывать участвовавшие случаи перелета госграницы немецкими самолётами.

7. Продолжать настойчиво пополнять части огневыми припасами и другими видами снабжения.

Настойчиво сколачивать подразделения на марше и на месте.

Командующий войсками ПрибОВО генерал-полковник КУЗНЕЦОВ

Начальник управления политпропаганды РЯБЧИЙ

Начальник штаба генерал-лейтенант КЛЕНОВ» [Цит. по: Мартиросян А. 22 июня. Правда генералиссимуса. М., 2005. С. 95.]

По сути, 18 июня стал для Красной Армии первым днем войны. В этот день составлялись и исполнялись приказы, подобные тому, который подписал командир 12-го мехкорпуса Прибалтийского военного округа Шестопапов: «С получением настоящего приказа привести в боевую готовность все части. Части приводить в боевую готовность в соответствии с планами поднятия по боевой тревоге, но самой тревоги не объявлять... С собой брать только необходимое для жизни и боя» [Цит по: Солонин М. День «М», М, 2007.]. Это «для жизни и боя» для получивших приказ командиров, если они имели глаза и голову, означало войну.

И на этом фоне знаменитая «Директива № 1» выглядит уже не отчаянной и запоздалой попыткой в последний момент все же предупредить ничего не подозревающие войска, а вполне логичным и закономерным итогом всей предшествующей подготовки.

Директива № 1

Военным советам западных приграничных округов о возможном нападении немцев 22-23.6.41 и мероприятиях по приведению войск в боевую готовность с ограничениями, маскировке войск, готовности ПВО

«Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО Копия: Народному комиссару Военно-Морского Флота

1) *В течение 22-23.6.41 г. возможно внезапное нападение немцев на фронтах ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, нападение немцев может начаться с провокационных действий.*

2) *Задача наших войск — не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения.*

Одновременно войскам Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников.

3) *Приказываю:*

а) *В течение ночи на 22.6.41 г. скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе.*

б) *Перед рассветом 22.6.41 г. рассредоточить по полевым аэродромам всю авиацию, в том числе и войсковую, тщательно её замаскировать.*

в) *Все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно.*

г) Противовоздушную оборону привести в боевую готовность без дополнительного подъема приписного состава. Подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов.

д) Никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить.

Тимошенко, Жуков. 21.6.41»

Эта директива ушла в войска в 0 часов 30 минут, и означала она войну — хотя бы уже одним своим номером, говорившим о новом отсчете времени. Ну и содержанием, конечно, тоже. В первую очередь пунктом 3а: «занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе». Дело в том, что на многих участках укрепрайоны были расположены практически рядом с границей, так, что пограничные реки простреливались пулеметным огнем, и занятие огневых точек расценивалось так же, как занятие предполья. Поэтому в предыдущих директивах и говорилось: занимать огневые точки только после того, как немцы перейдут границу.

И все же существовал пока исчезающе малый шанс, что Гитлер взвесит сложившиеся обстоятельства и передумает. Поэтому требовалось провести все мероприятия с ювелирной точностью. Нельзя было подставить наших солдат неподготовленными под немецкий огонь, но нельзя было и дать немцам малейшего повода для какой бы то ни было провокации. И уж коли дела обстояли таким образом, то лучше было подставить под огонь несколько десятков тысяч бойцов пограничных укреплений, зато сберечь сотни тысяч, а то и миллионы жизней советских людей впоследствии.

Той же ночью в Кремле получили последнее предупреждение: советский военный атташе в Германии Тупиков прислал сообщение, состоявшее всего из одного слова, которое не нуждалось ни в какой расшифровке:

«ГРОЗА!»

Из политической программы А. Гитлера «Майн кампф»:

«Наше государство прежде всего будет стремиться установить здоровую, естественную, жизненную пропорцию между количеством нашего населения и темпом его роста, с одной стороны, и количеством и качеством наших территорий, с другой. Только так наша иностранная политика может должным образом обеспечить судьбы нашей расы, объединенной в нашем государстве.

Здоровой пропорцией мы можем считать лишь такое соотношение между указанными двумя величинами, которое целиком и полностью обеспечивает пропитание народа продуктами нашей собственной земли. Всякое другое положение вещей, если оно длится даже столетиями или тысячелетиями, является ненормальным и нездоровым... Чтобы народ мог обеспечить себе подлинную свободу существования, ему нужна достаточно большая территория.

...

Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены.

Сама судьба указывает нам перстом. Выдав Россию в руки большевизма, судьба лишила русский народ той интеллигенции, на которой до сих пор держалось ее государственное существование и которая одна только служила залогом известной прочности государства. Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы... В течение столетий

Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения. Теперь это ядро истреблено полностью и до конца. Место германцев заняли евреи. Но как русские не могут своими собственными силами скинуть ярмо евреев, так и одни евреи не в силах надолго держать в своем подчинении это громадное государство. Сами евреи отнюдь не являются элементом организации, а скорее ферментом дезорганизации. Это гигантское восточное государство неизбежно обречено на гибель. К этому созрели уже все предпосылки. Конец еврейского господства в России будет также концом России как государства. Судьба предназначила нам быть свидетелем такой катастрофы, которая лучше, чем что бы то ни было, подтвердит безусловно правильность нашей расовой теории.

...

...Неизменный политический завет в области внешней политики можно формулировать для немецкой нации в следующих словах:

—Никогда не миритесь с существованием двух континентальных держав в Европе! В любой попытке на границах Германии создать вторую военную державу или даже только государство, способное впоследствии стать крупной военной державой, вы должны видеть прямое нападение на Германию. Раз создается такое положение, вы не только имеете право, но вы обязаны бороться против него всеми средствами, вплоть до применения оружия. И вы не имеете права успокоиться, пока вам не удастся помешать возникновению такого государства или же пока вам не удастся его уничтожить, если оно успело уже возникнуть. Позаботьтесь о том, чтобы наш народ завоевал себе новые земли здесь, в Европе, а не видел основы своего существования в колониях. Пока нашему государству не удалось обеспечить каждого своего сына на столетия вперед достаточным количеством земли, вы не должны считать, что положение наше прочно. Никогда не забывайте, что самым священным правом является право владеть достаточным количеством земли, которую мы сами будем обрабатывать. Не забывайте никогда, что самой священной является та кровь, которую мы проливаем в борьбе за землю.

...

Нам нужна не западная ориентация и не восточная ориентация, нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа.

Глава 2 ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...

Тимур вынул из кармана свинцовый тубик с масляной краской и подошёл к воротам, где была нарисована звезда, верхний луч которой действительно изгибался, как пиявка.

Уверенно лучи он обровнял, заострил и выпрямил.

—Скажи, зачем? — спросила его Женя. — Ты объясни мне проще: что всё это значит?..

—...А это значит, что из этого дома человек ушёл в Красную Армию. И с этого времени этот дом находится под нашей охраной и защитой...

Аркадий Гайдар. Тимур и его команда

Да, но если нападение не было неожиданным, если о войне знали и к ней готовились, если приказы были отданы вовремя, то почему же все вышло так, как оно

вышло? Необходимость отвечать на этот вопрос чрезвычайно смущала тех, кто после войны писал ее официальную историю. Броня крепка, танки быстры, воздушный флот даст ответ на любой ультиматум, партия наш рулевой — а немец к октябрю оказался возле Москвы. По ходу ответа чуть-чуть, разика этак в четыре-пять, преуменьшили количество наших танков и самолетов, из чего впоследствии Суворов слепил очередную сенсацию. Ну и, само собой, все, что можно, свалили на глупенького и доверчивого товарища Сталина.

При социализме эта версия катила, но после 90-х годов Россия утратила официальную историю, а партия больше не могла охранять секретность «неудобных» документов. Поэтому данный вопрос по-прежнему занимает историков. Почему все вышло именно так, что можно было сделать... и возможно ли что-то было сделать вообще?

Разбор полётов: мы в штопоре

...Ощущение такое, словно у нас не историю войны пишут, а играют в солдатики. Солдатики — они все одинаковые, лишь мундирчики на них разного цвета, а все остальное зависит исключительно от мастерства кукловода.

Даже Виктор Суворов этим грешит, хотя ему и неприлично: все-таки бывший военный, и даже (если не врет) танкист. Между тем он пишет о двадцати тысячах танков в Красной Армии, совершенно не упоминая, что танк — это лишь одна из составляющих танковых войск. А танковые войска — это танк + экипаж + пехота + снабжение топливом + ремонтная база + тактика танковых боёв + ещё столько же разных слагаемых и ещё пол столько... [Забавно, что этот вопрос он разбирает в другой своей книге — «Очищение».] Без этих плюсикув танк становится, как говорила фронтовая поговорка, «братской могилой четырех». И в грубой не оловянной, а полевой реальности вчетверо меньшая по количеству танков, но обладающая остальными слагаемыми немецкая армия перещелкала наши железные коробочки как орешки. Впрочем, большинство и щелкать не потребовалось — сами сломались...

* * *

...Первое же серьезное испытание Красной Армии, финская война, показала, что ее организация и боеспособность — из рук вон никуда. После окончания войны произошли крупные кадровые перестановки. Нарком обороны Ворошилов сам попросил снять его, посчитав себя виновным в плохом состоянии армии. 7 мая 1940 года он был назначен заместителем председателя Совнаркома, а его место занял маршал Тимошенко. На следующий день Политбюро и Совнарком приняли решение назначить сдачу и приемку дел. Завершилась она лишь через семь (!) месяцев — ничего себе сдача-приемка! По сути это была всеобъемлющая ревизия состояния войск, увенчанная соответствующим актом. Читаешь его, и спустя почти 70 лет становится холодно. Полностью документ приведен в приложении, а здесь лишь отрывки.

Из Акта о приеме наркомата обороны Союза ССР С К. Тимошенко от К. Е. Ворошилова. 7 декабря 1940 г.

«Организация и структура центрального аппарата

...5. Контроль за исполнением отданных приказов и решений правительства был организован недостаточно. Не было живого действенного руководства обучением войск. Проверка на местах как система не проводилась и заменялась получением бумажных отчетов.

Оперативная подготовка

1. К моменту приема и сдачи Наркомата обороны оперативного плана войны не было, не разработаны и отсутствуют оперативные планы, как общий, так и частные.

Генштаб не имеет данных о состоянии прикрытия границ. Решения военных советов округов, армий и фронта по этому вопросу Генштабу неизвестны.

2. Руководство оперативной подготовкой высшего начсостава и штабов выразилось лишь в планировании ее и даче директив. С 1938 г. народный комиссар обороны и Генеральный штаб занятий с высшим начсоставом и штабами не проводили. Контроль за оперативной подготовкой в округах почти отсутствовал. Наркомат обороны отстает в разработке вопросов оперативного использования войск в современной войне.

3. Подготовка театров военных действий к войне во всех отношениях крайне слаба...

а) ВОСО не проявило должной маневренности в деле использования наличных железнодорожных средств для войсковых перевозок.

Положения об управлении железными дорогами на театре войны, четко определяющего функции органов НКПС и органов ВОСО, а также порядок перевозок, нет... [ВОСО — служба военных сообщений.]

в) строительство связи по линии НКС сильно отстает, а по линии НКО в 1940 г. сорвано совершенно...

д) ясного и четкого плана подготовки театров в инженерном отношении, вытекающего из оперативного плана, нет. Основные рубежи и вся система инженерной подготовки не определены...

ж) в топографическом отношении театры военных действий подготовлены далеко не достаточно и потребность войск в картах не обеспечена.

Укомплектование и устройство войск

1. Точно установленной фактической численности Красной Армии в момент приема Наркомат не имеет. Учёт личного состава по вине Главного управления Красной Армии находится в исключительно запущенном состоянии...

...

4. По устройству войск — нет положений об управлении частями (полками), соединениями (дивизиями и бригадами)... Не разработано положение о полевом управлении войсками.

Мобилизационная подготовка

1. В связи с войной и значительным передислоцированием войск мобилизационный план нарушен. Нового мобилизационного плана Наркомат обороны не имеет. Мероприятия по отмобилизованию распорядительным порядком не закончены разработкой...

Состояние кадров

К моменту приема Наркомата обороны армия имела значительный некомплект начсостава, особенно в пехоте, достигающий 21% к штатной численности на 1 мая 1940 г...

Качество подготовки командного состава низкое, особенно в звене взвод — рота, в котором до 68% имеют лишь кратковременную 6-месячную подготовку курса младшего лейтенанта.

Подготовка комсостава в военных училищах поставлена неудовлетворительно... Недостатками программ подготовки командиров в военно-учебных заведениях являются:

проведение занятий преимущественно в классах, недостаточность полевых занятий, насыщение программ общими предметами в ущерб военным...

Учёт начсостава поставлен неудовлетворительно и не отражает командного состава, имеющего боевой опыт. Кандидатские списки отсутствуют...

Нормы пополнения начсостава на военное время не разработаны...

Плана подготовки и пополнения комсостава запаса для полного отмобилизования армии по военному времени не было.

Боевая подготовка войск

Главнейшими недостатками в подготовке войск являются:

1) низкая подготовка среднего командного состава в звене рота — взвод и особенно слабая подготовка младшего начальствующего состава;

2) слабая тактическая подготовка во всех видах боя и разведки, особенно мелких подразделений;

3) неудовлетворительная практическая полевая выучка и неумение выполнять то, что требуется в условиях боевой обстановки.

4) крайне слабая выучка родов войск по взаимодействию на поле боя...

7) в войсках не отработано управление огнём...» [Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Накануне. Т. 1 М., 1995. С. 287 — 297.]

Дальше идут такие же разгромные отчеты по родам войск. Единственный оазис здесь — конница, только ее подготовка признана удовлетворительной. Как говорится, честь и слава Семену Михайловичу Будённому! А остальные?

И это — за полгода до войны с самой сильной армией мира!

Что должны были испытывать те, кто ознакомился с этим документом, предоставляю вообразить читателю. Как должен отреагировать новый нарком — тоже. Что-то можно было успеть, конечно, но в целом картина ясная.

А вот как должен был отреагировать Сталин — если, конечно, всего этого не знал раньше? [Гитлер, кстати, тоже отреагировал. В выступлении на секретном военном совещании 9 января он говорил: «Хотя русские вооруженные силы и глиняный колосс без головы, однако предвидеть их дальнейшее развитие невозможно. Поскольку Россию в любом случае необходимо разгромить, то лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена...» Тогда же, кстати, он сказал: «Тем не менее и сейчас нельзя недооценивать русских...»]

Известно, чего он *не* сделал — он не применил никаких оргвыводов к Ворошилову. Не за что было. Ворошилов сумел главное: в самые опасные годы он обеспечил лояльность армии режиму — не дал ей сдетнироваться в 1930 году, когда приходилось бросать бойцов против восставших крестьян, не дал сорваться в военный переворот в 1937-м. Что же касается прочего — то он работал, как мог. Во многом обвиняли Ворошилова, но в халатности — никогда. И не факт, что кто-то другой смог бы сделать намного больше, ибо объективные обстоятельства есть объективные обстоятельства.

А они таковы. Кроме вышеприведенных организационных проблем... Организационные проблемы в СССР были везде одинаковыми. Даже в своей знаменитой речи 3 июля Сталин первым пунктом того, что надо сделать, сказал: «*Прежде всего необходимо, чтобы... советские люди поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время.*» Короче говоря: товарищи, кончайте бардак, шутки кончились!

Но кроме этого были и другие обстоятельства, объективные и непреодолимые. Например, накануне *машинной* войны призывник Красной Армии в среднем имел четыре класса образования и сплошь и рядом крестьянское происхождение [Это **призывники** — в старших возрастах было ещё хуже.]. Нет, конечно, его можно было обучить, и это делалось, — но ведь *культуру* обращения с техникой на курсах не привьешь, это вопрос не обучения, а среды обитания. Да, у нас имелось пятнадцать или там двадцать тысяч танков — но при этом квалификация механиков-водителей была такова, что они часто бросали машину, не в силах исправить пустяковую поломку.

Начиная с 1939 года армия бурно росла и одновременно реформировалась. Наложившиеся друг на друга трудности роста и трудности реформы привели к тому, что в ней катастрофически не хватало офицеров, а те, которые были, не имели не только боевого опыта — откуда его взять в армии мирного времени? — но и опыта службы, что уже совсем плохо. Соответственно, некому оказалось и обучать солдат. Красная Армия в начале 1941 года если и не представляла собой просто толпу людей, одетых в военную форму, то была к этому близка.

Репрессии 1937 года привели к массовым подвижкам по вертикали, когда офицеры получали новые должности раньше, чем были к тому готовы. С одной стороны, новые кадры — это хорошо, тем более что старые были товарищами весьма специфическими (опять же читайте Суворова, например «Очищение»). С другой, произошел разрыв преемственности, что плохо. Да и нарком внутренних дел Ежов, работавший на немцев [См. Прудникова Е. Творцы террора. М., 2007.], истреблял не самых худших. В результате испытывало проблемы и высшее звено.

Наконец, РККА была *армией мирного времени*. Не зря руководители государств стараются обкатать свое войско во всех возможных конфликтах. У СССР, при его масштабах, конфликтов было явно недостаточно. А если у армии нет боевого опыта — значит, его нет.

Противостояла же нам на западных границах лучшая армия мира — и не потому, что имела много танков и самолетов. У немецкой армии была высочайшая культура ведения боевых действий, возглавлялась она потомственным прусским офицерством и воевала к тому времени уже два года. Немцы брали не грубой силой, а в первую очередь феноменальной организацией, взаимодействием войск, тактическими находками. Против любой силы они выставляли мастерство — и побеждали, в точном соответствии со словами Суворова: «Бить не числом, а умением». Поэтому, несмотря на количество танков, самолетов и пр., в комплексе немецкая армия намного превосходила нашу.

Нет, конечно, был один шанс из десяти, что Красная Армия все же справится с поставленной задачей. Такой шанс всегда есть, и Сталин дал армии возможность его реализовать. Но в целом едва ли у него имелись какие-то иллюзии. Неплохо было бы сохранить их у военных, для поднятия боевого духа, и вождь делал, что мог — пользуясь своим авторитетом, говорил на приемах о наступлении, о том, что «Красная Армия всех сильнее». Магия слова есть магия слова. Офицеры, конечно, имели представление о состоянии дел, но все же невольно верили — Сталин ведь говорит! — и близлежащий участок бардака уже воспринимался как «отдельный недостаток». Может быть, и Жукова поставили на пост начальника Генштаба просто потому, что это был человек-гаран, который будет орать, материться, но при этом никогда не скажет: «Всё погибло!» Сейчас нужен такой, а потом заменим...

Последние часы мира

—И всё же лучше подождать, чем...

—Эх милый, я-то разве не понимаю? Это же кровь, кровь народа, наша кровь. Жизни, много жизней с обеих сторон. Разве я не знаю?

Николай Шпанов. Первый удар

...И все же до самого конца оставался крохотный шанс избежать столкновения. В предыдущих кампаниях Гитлер не раз и не два отменял уже назначенное выступление.

21 июня наркоминдел Молотов виделся с послом Германии в СССР Шуленбургом. Формально — чтобы обсудить вопрос о нарушениях границы германскими самолетами, фактически — попытаться выяснить хоть что-нибудь относительно начала войны.

Из отчёта о беседе наркома иностранных дел Молотова с послом Германии в СССР Шуленбургом. 21 июня 1941 г.

«...Затем тов. Молотов говорит Шуленбургу что хотел бы спросить его об общей обстановке в советско-германских отношениях. Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, в чем дело, что за последнее время произошёл отъезд из Москвы нескольких сотрудников германского посольства и их жен, усиленно распространяются в острой форме слухи о близкой войне между СССР и Германией, что миролюбивое сообщение ТАСС от 13 июня в Германии опубликовано не было, в чем заключается недовольство Германии в отношении СССР, если таковое имеется? Тов. Молотов спрашивает Шуленбурга, не может ли он дать объяснения этим явлениям.

Шуленбург отвечает, что все эти вопросы имеют основание, но он на них не в состоянии ответить, так как Берлин его совершенно не информирует... О слухах ему Шуленбургу, известно, но им также не может дать никакого объяснения».

Однако ещё накануне было получено донесение заместителя наркома иностранных дел Богдана Кобулова. Выглядит оно несколько странно — но это обычная практика того времени. Чтобы не информировать посторонних людей, подобные документы на машинку отдавали без указания фамилий, которые потом вписывались от руки. Судя по содержанию, речь, скорее всего, идет о том же Шуленбурге или о ком-то из его заместителей.

Из записки Б. З. Кобулова. 20 июня 1941 г.

«16 июня с. г. _____ в Москве _____ в беседе заявил следующее:

“Я лично очень пессимистически настроен и, хотя ничего конкретного не знаю, думаю, что Гитлер затевает войну с Россией. В конце апреля месяца я виделся лично с _____ и совершенно открыто сказал ему, что его планы о войне с СССР — сплошное безумие, что сейчас не время думать о войне с СССР. Верьте мне, что я из-за этой откровенности впал у него в немилость и рискую сейчас своей карьерой и, может быть, я буду скоро в концлагере. Я не только устно высказал своё мнение _____, но и письменно доложил ему обо всём. Зная хорошо Россию, я сказал _____, что нельзя концентрировать войска у границ Советского Союза, когда я ручаюсь, что СССР не хочет войны. ... Меня не послушали, и теперь я абсолютно не в курсе дел. Меня осаждают все мои коллеги — _____, _____, _____ с расспросами, что происходит в Берлине, и я никому не могу дать ответа. Я послал _____ (_____) специально в Берлин, что бы он выяснил положение и, кроме того, выяснил, как поступить нам всем здесь в посольстве в случае войны. Мое положение ведь тоже не совсем хорошее, когда вся злоба вашего народа может обратиться против меня. Может быть, через неделю меня уже не будет в живых. ... Я не могу себе представить так же, как и _____ (_____) и все мои подчиненные того момента, когда начнётся война. Мы все не хотим этого”».

Впрочем, и без того ясно, что Гитлер собрался воевать с СССР — но КОГДА?!

...Вечером 21 июня все уже было ясно. Фактически именно этот день стал для советского правительства первым днем войны. По крайней мере, именно этой датой

отмечены решения о преобразовании округов во фронты и первые военные назначения. Когда они были оформлены — это уже не суть. Директива № 1 с новым отсчетом времени тоже была принята 21 июня.

Тем вечером у Сталина в Кремле собралось совещание — точнее, несколько совещаний. По журналу посетителей легко определить их темы. Итак, в 18.27 к Сталину пришел Молотов. Затем, в 19.05, подошли остальные — Берия, Вознесенский, Маленков, нарком обороны Тимошенко, Кузнецов (вероятно, нарком ВМФ), начальник мобилизационно-планового отдела Комитета обороны при Совнаркоме Сафонов и военно-морской атташе в Германии Воронцов (военный атташе Тупиков и посол Деканозов находились в Берлине).

В 20.15 ушли Вознесенский и Сафонов — стало быть, экономическая часть совещания закончилась и можно было приступать к работе по мобилизации промышленности. Тогда же удалились Тимошенко и Кузнецов — впрочем, первый через полчаса вернулся вместе с начальником Генштаба Жуковым. Одновременно пришли Буденный и Мехлис. Началась вторая, военная часть совещания. Военные округа были преобразованы во фронты, Буденный назначен командующим армиями второй линии, Мехлис получил должность начальника политуправления РККА [Функции политработника в Красной Армии гораздо шире, чем просто агитация и пропаганда. Фактически это был помощник командира, а при необходимости второй, «запасной» командир. В книге А. Бека «Волоколамское шоссе» есть такой момент: когда главного героя, Момыш-Улы, во время боевых действий собираются снять с должности командира батальона, он передает батальон не строевому офицеру, а инструктору политпропаганды. Кстати, одной из обязанностей политработника было поднимать в атаку бойцов. (Наши реконструкторы с сайта «Анатомия армии», тщательно изучив знаменитое фото под названием «Комбат», выяснили, что на самом деле, согласно знакам различия, там изображен комиссар.) Эту свою обязанность он делил с особистом, и лишь совершенно запредельные потери среди личного состава особых отделов заставили руководство НКВД снять с них эту обязанность. Что касается Мехлиса, то он стал начальником Политуправления Красной Армии в 1937 году, когда была снова введена должность комиссаров, покинул его в 1940 году, став наркомом государственного контроля и был возвращен на этот пост 21 июня.], Жукову поручили общее руководство Юго-Западным и Южным фронтами. Все четверо и Маленков, курировавший армию, покинули сталинский кабинет в 22.20. Куда они отправились — догадаться нетрудно. Естественно, в наркомат обороны, ждать сообщений с западной границы.

Трое остались в сталинском кабинете — слушать четвертого, который, по-видимому, ещё раз до самых мелочей рассказал все, что смог увидеть и разузнать в Берлине. Что они делали потом? В одиннадцать часов кабинет опустел. Молотов вроде бы вспоминает, что они разошлись, и его снова вызвали в Кремль около двух часов. Однако его рассказ о той ночи вообще не согласуется с записями — сталинский соратник то ли забыл ее хронику, то ли подредактировал, чтобы не упоминать строго табуированного в советской верхушке имени третьего человека. Последнее вернее — трудно поверить, что такое можно забыть.

А вот чего Сталин не мог сделать — так это, как «вспоминает» маршал Жуков, лечь спать. Подумайте сами — кто в таких обстоятельствах сможет уснуть? Да и час ночи для него время не позднее, самый разгар работы. Логично предположить, что те, кто до конца оставался в кабинете, отправились к Сталину на квартиру, находившуюся тут же, в Кремле, — обедать. Возможно, там к ним присоединился кто-нибудь ещё — тот же Маленков например, если он успел закончить свои дела, может быть Мехлис, который был еще большим полуночником, чем Сталин. Это уже область чистых предположений. Но, вне всякого сомнения, им мгновенно докладывали все новости.

В 3 часа 10 минут УНКГБ по Львовской области передало по телефону в НКГБ УССР сообщение.

Из телефонограммы УНГБ по Львовской области. 22 июня 1941 г. 3 часа 10 минут.

«Перешедший границу в районе Сокаля немецкий ефрейтор показал следующее: фамилия его Дисков Альфред Германович, 30 лет, рабочий, столяр мебельной фабрики в г. Кольберг (Бавария), где оставил жену, ребенка, мать и отца. Ефрейтор служил в 221-м саперном полку 15-й дивизии. Полк расположен в селе Целенжа, что в 5 км севернее Сокаля. В армию призван из запаса в 1939 г. Считает себя коммунистом, является членом Союза красных фронтовиков...

Перед вечером его командир роты лейтенант Шульц отдал приказ и заявил, что сегодня ночью после артиллерийской подготовки их часть начнет переход Буга на плотках, лодках и понтонах...»

Судя по времени, эту телефонограмму принесли Сталину вместе с сообщением о начале войны.

* * *

А что в это время происходило на границе?

Хроника первой военной ночи известна нам по трем источникам: воспоминаниям маршала Баграмяна, служившего в Киевском Особом военном округе, маршала Захарова, который был начальником штаба Одесского военного округа и допросу командующего Западным военным округом генерала армии Павлова. Первый пишет: *«В 0 часов 25 минут 22 июня окружной узел связи в Тернополе начал прием телеграммы из Москвы... Только в половине третьего ночи закончился прием этой очень важной, но, к сожалению, весьма пространной директивы. До начала фашистского нападения оставалось не более полутора часов. Читатель может спросить, а не проще было бы в целях экономии времени подать из Генерального штаба короткий обусловленный сигнал, принял который, командование округа могло бы ввести в действие “КОВО-41” (так назывался у нас план прикрытия государственной границы). Все это заняло бы не более 15-20 минут. По-видимому, в Москве на это не решились».*

Что же творилось в Красной Армии со связью, если на то, чтобы принять и расшифровать такой на самом-то деле небольшой текст, потребовалось два часа? И по какому, интересно, плану (если это не был план прикрытия границы) выдвигались войска после телеграммы Генштаба от 18 июня?

Впрочем, командующий Западным округом генерал Павлов рассказывал следователю армейской контрразведки несколько иное. В час ночи его вызвали по приказу наркома обороны в штаб фронта. Тимошенко спросил по телефону: «Ну, как у вас, спокойно?» Павлов доложил обстановку. Тимошенко сказал: «Вы будьте поспокойнее и не паникуйте, штаб же соберите на всякий случай сегодня утром, может, что-нибудь случится неприятное, но смотрите, ни на какую провокацию не идите. Если будут отдельные провокации — позвоните». Обратите внимание, нарком не дает никаких конкретных указаний по телефону, который может прослушиваться — вся конкретика в зашифрованной директиве.

Затем командующий округом приказал всем командующим армиями прибыть в свои штабы, привести войска в полную боевую готовность и **занять все укрепления** — стало быть, либо условный сигнал все-таки существовал, либо за это время уже успели получить и расшифровать директиву, и «будьте поспокойнее» Тимошенко относилось именно к ней. В 3.30 — время начала войны — снова позвонил нарком и спросил: что нового? Ничего нового. Первые донесения о боевых действиях получили в Минске примерно в 4 часа 20 минут.

Не факт, что в Белоруссии на самом деле все обстояло так, но Павлов наверняка рассказывает, как все должно было быть. Так что мы имеем и схему той ночи и видим, что все приказы были отданы в срок.

И наконец, маршал Захаров, со скрупулезностью штабного работника, рассказывает интереснейшие мелочи. Вечером 21 июня он находился в Тирасполе...

«Около 22 часов 21 июня по аппарату БОДО меня вызвал на переговоры из Одессы командующий войсками округа. Он спрашивал, смогу ли я расшифровать телеграмму, если получу её из Москвы. Командующему был дан ответ, что я любую шифровку из Москвы расшифровать смогу. Последовал опять вопрос: “Вторично спрашивают, подтвердите свой ответ, можете ли расшифровать шифровку из Москвы?” Меня крайне удивило повторение запроса. Я ответил: “Вторично докладываю, что любую шифровку из Москвы могу расшифровать”. Последовало указание: “Ожидайте поступления из Москвы шифровки особой важности. Военный совет уполномочивает вас шифровку немедленно расшифровать и отдать соответствующие распоряжения...”».

После получения такого распоряжения мною было немедленно дано указание начальнику шифровального отдела выделить опытного шифровальщика, способного быстро и точно расшифровать телеграмму, как только последует вызов из Москвы к аппарату БОДО и начнется передача. Спустившись в помещение узла связи, я вызвал к аппарату БОДО оперативного дежурного по Генеральному штабу и спросил его, когда можно ожидать передачу шифровки особой важности. Дежурный ответил, что пока не знает. Оценив создавшееся положение, около 23 часов 21 июня я решил вызвать к аппаратам командиров 14-го, 35-го и 48-го стрелковых корпусов и начальника штаба 2-го кавалерийского корпуса, командир которого генерал П. А. Белов был в то время в очередном отпуске и отдыхал в окружном санатории в Одессе... Всем им были даны следующие указания: 1. Штабы и войска поднять по боевой тревоге и вывести из населенных пунктов. 2. Частям прикрытия занять свои районы. 3. Установить связь с пограничными частями...»

Обратите внимание: начальник штаба Одесского округа начинает действовать за два часа до получения директивы. Он, по сути, не нуждался в приказе — порядок действий ему диктовали предшествующие мероприятия и вся обстановка на границе. Поэтому странный двойной запрос из штаба округа (явно последовавший за двойным запросом из Москвы) он воспринял как сигнал к действию.

«Возвратившись в штаб, где к этому времени были собраны начальники отделов и родов войск, а также командующий ВВС округа, я информировал их о том, что ожидается телеграмма особой важности из Москвы и что мною отданы соответствующие приказания командирам корпусов. Тут же присутствовал командир 2-го механизированного корпуса генерал-майор Ю. В. Новосельский, штаб которого размещался в Тирасполе. Последнему также было дано указание о приведении дивизий корпуса в боевую готовность и выводе их в намеченные районы ожидания. Таким образом, непосредственно в приграничной полосе ОдВО по боевой тревоге были подняты семь стрелковых, две кавалерийские, две танковые и моторизованная дивизии и два укрепленных района...»

Командующему ВВС округа было предложено к рассвету рассредоточить авиацию по оперативным аэродромам. Последний высказал возражения, мотивируя их тем, что при посадке на оперативные аэродромы будет повреждено много самолетов. Только после отдачи ему письменного приказания командующий ВВС приступил к его исполнению».

Ещё раз обращаю внимание: все это было сделано до получения директивы из Москвы.

«Примерно во втором часу ночи 22 июня дежурный по узлу связи штаба доложил, что меня вызывает оперативный дежурный Генерального штаба к аппарату

БОДО. Произошел следующий разговор: “У аппарата ответственный дежурный Генштаба, примите телеграмму особой важности и немедленно доложите ее Военному совету”. Я ответил: “У аппарата генерал Захаров. Предупреждение понял. Прошу передавать”. В телеграмме за подписью наркома обороны С. К. Тимошенко и начальника Генерального штаба Г. К. Жукова Военным советам приграничных военных округов и наркому ВМФ сообщалось, что в течение 22-23.6.41 г. возможно нападение немцев в полосах Ленинградского, Прибалтийского, Западного, Киевского и Одесского военных округов.

В телеграмме подчеркивалось, что нападение немцев может начаться с провокационных действий. Поэтому войскам ставилась задача не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения. Одновременно предписывалось быть в полной боевой готовности встретить возможный внезапный удар немцев или их союзников. С этой целью приказывалось: все войска привести в боевую готовность; в ночь на 22 июня скрытно занять огневые точки укрепленных районов на государственной границе; перед рассветом 22 июня рассредоточить по полевым аэродромам и тщательно замаскировать всю авиацию; подготовить все мероприятия по затемнению городов и объектов. Округа предупреждались, чтобы никаких других мероприятий без особого распоряжения не проводить, и т.д.

...Получив директиву народного комиссара обороны, я был очень взволнован, так как отданное приказание о выводе войск округа в районы прикрытия на государственную границу находилось в противоречии с полученными из Москвы указаниями. Мною было принято решение — передать от имени командующего войсками округа содержание приказа народного комиссара обороны командирам корпусов для неуклонного исполнения и руководства, что и было немедленно сделано. Однако прежнее распоряжение не только о приведении войск округа в боевую готовность, но и о выводе их в районы ожиданий тоже не отменялось. Более того, объявлялась боевая тревога во всех гарнизонах округа.

Беспокойство о том, как бы выходящие в районы прикрытия войска не поддались на возможную провокацию, не покидало меня. В 3 часа 45 минут 22 июня в комнату, где мы находились, вбежал дежурный по телеграфу и передал принятое из Одессы от заместителя начальника штаба округа по организационно-мобилизационной работе полковника А. М. Кагикина сообщение, в котором говорилось, что, по данным командира Одесской военно-морской базы контр-адмирала Жукова, неизвестная авиация в 3 часа 15 минут бомбила Очаков и Севастополь. Стало ясно, что это война, начавшаяся с нападения воздушных сил противника!»

Дальше он подробно рассказывает, на каких участках и когда армия противника перешла границу. Да, вот ещё важный момент:

«На рассвете командующий ВВС округа генерал-майор авиации Ф. Г. Мичугин доложил, что основная часть подчиненной ему авиации перебазирована на оперативные аэродромы и выведена из-под ударов авиации противника, которые наносились по стационарным аэродромам в период с 3 часов 30 минут до 4 часов 30 минут 22 июня. На кишиневском аэродроме попали под удар семь самолетов СБ, три Р-зет и два У-2, поскольку командир авиационной бригады А. С. Осипенко не полностью выполнил указание о перебазировании самолетов на оперативный аэродром».

По всей видимости, это и есть нормальная хроника той ночи. Самое любопытное здесь — двойное предупреждение о том, что вскоре будет передана телеграмма особой важности. Генерал-майор Захаров ни в коей мере не относился к войскам авантюрного склада, тем не менее он воспринял это сообщение как сигнал к действию и отреагировал соответственно — вывел войска по плану прикрытия границы. А директива сыграла роль очередного предупреждения: на провокации не поддаваться.

«Преступные» директивы и военная доктрина

Спустя несколько лет после окончания войны мы обычно уже знаем точно о силах и действиях обеих сторон, об основных позициях артиллерии и коварных оврагах, пересекавших поле. Но сейчас, когда битва еще в самом разгаре, она напоминает матч боксёров с завязанными глазами.

Януш Пишмановский. Четыре танкиста и собака

Так каким же был предварительный план ведения боевых действий на начало войны?

Ответы на этот вопрос, конечно, есть, причем прямые и однозначные. Они в военных архивах. Там содержатся разного рода стратегические соображения, оперативные планы с полным обоснованием и прочие весьма лакомые документы. И как только среди историков появится хотя бы один, кто сумеет к ним прорваться, мы получим эти прямые и однозначные ответы.

Не раз и не десять мне приходилось слышать, что войска на границе были изготовлены не для обороны, а для наступления. Иначе почему... и дальше идёт более или менее пространное рассуждение об особенностях расположения войск. (Хотя кто может точно сказать, какой загиб военной мысли привёл к той или иной диспозиции? Помните у Толстого: «Дер эрсте колонне марширт...» Чтобы понять, какая «колонне» и куда «марширт», надо влезть в голову тому генералу, который это придумал.) А потом выступающий плавно переходит к советской военной доктрине.

Военная доктрина государства — это комплекс политических и стратегических воззрений на будущую войну. В современной России она — вполне официальный документ, подписанный президентом. Да, но вовсе не факт, что так же было в 1941 году. Сталинская военная доктрина больше всего напоминает фамильное привидение, которое, несомненно, существует, и которое даже кое-кто видел — но вот, к сожалению, никто из присутствующих не удостоился... Короче говоря, какая-то доктрина, безусловно, была — но то ли она на бумаге не оформлялась, то ли ее так засекретили, что до сих пор раскопать не могут...

Считается, что военная доктрина СССР образца 1941 года была следующей: после нападения Германии разгромить вермахт в приграничных сражениях, перенести войну на территорию рейха — и победить! Об этом говорилось в «настойной книге каждого командира» — повести Шпанова «Первый удар», для выполнения этой задачи были расположены войска на границе. Вроде бы даже существовала идея нанести упреждающий удар...

Только не надо путать это с агрессией. К вопросу об агрессоре, «превентивной войне» и вообще о том, кто на кого хотел напасть... Намерения Гитлера четко зафиксированы планом «Барбаросса». Как только будет найден и опубликован аналогичный план политического руководства Советского Союза, можно будет говорить: да, строился «ледокол» или там асфальтовый каток, не знаю уж... Но поскольку не существует ни одного документа с архивным номером, хотя бы косвенно подтверждающего это, ни даже косвенных доказательств, а только смутные «соображения» и «аналитические разработки»... Ну да, есть такая виртуальная гипотеза — а есть и еще гипотезы, например что это все мировой жидо-масонский заговор...

Итак, об идее упреждающего удара. Недавно был найден в архивах и опубликован документ под названием «Соображения по плану стратегического развертывания сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками», датированный 15 мая, где содержится план такого удара. Документ сей, составленный заместителем начальника Оперативного управления Генштаба Василевским, носит все

признаки черновика. Где находится чистовик и существовал ли он вообще — неизвестно. Может, Василевский этот план для тренировки оперативного мышления составлял, а может, компенсировал обиду по поводу сталинского требования «на провокации не поддаваться». А может, это было поручение Жукова, а потом стратеги из армейской верхушки, услышав сталинское: «Вы что, с ума сошли, немцев хотите спровоцировать?», больше к этому плану не возвращались. Что это было, мы не знаем, но бумажка такая все же существует.

В чем разница между упреждающим ударом и превентивной войной? Война, даже превентивная — есть всё-таки деяние политическое, поскольку предполагает хотя бы какую-то политическую инициативу. Вот, Гитлер хочет на нас напасть, у него уже разрабатываются планы, а давайте-ка мы нападём на него сами. И в случае удачи война все списывает, а в случае неудачи начинается долгий гнилой базар на тему, хотел на самом деле или не хотел напасть Гитлер (в нашем варианте гнилой базар идет на тему — хотел или не хотел напасть Сталин).

А упреждающий удар — понятие чисто военное. Гитлер уже сосредоточил войска на границе, он совершенно точно нападет в 20-х числах июня, так давайте числа пятнадцатого врежем по его почти уже готовым к нападению войскам (кстати, удар по чуть-чуть недоизготовленной к наступлению армии — вещь чрезвычайно болезненная и часто даже фатальная). В таком духе и был составлен план от 15 мая, где предусматривалось нанесение упреждающего удара по немецким войскам.

В июне сорок первого года делать это было нельзя по причинам чисто политическим: в этом случае юридические крючкотворы из «мирового сообщества» тут же объявили бы СССР «агрессором» со всеми вытекающими последствиями. Но то в частности, а вообще-то ничего агрессивного здесь нет. Используя эту тактику, и мышь иной раз бросается на кошку и таким образом ухитряется спастись. Что же, мышь — тоже агрессор?

Так что сам факт разработки пресловутого плана от 15 мая абсолютно ничего не доказывает, будь он даже подписан Тимошенко и Жуковым — кстати, опубликование черновика совершенно не означает, что не существовало оформленного начисто и подписанного плана. Но даже если он и существовал, то принят не был, поскольку при точном знании даты нападения Красная Армия никакого упреждающего удара не нанесла.

Что же касается собственно военной доктрины... то с ней тоже все неясно, ибо ее никто не видел. На совещаниях в наркомате обороны не произносилось никаких громких формул, типа «могучим ударом» и так далее, более того, в армии открытым текстом говорили, что это все лозунги для домохозяек, а на самом деле война будет долгой и жестокой. Так что попробуй разбери, что там было с этой самой доктриной...

(Кстати, по поводу наступательных планов Алексей Исаев, который знакомился не только с советским военным планированием, но и с иностранным, ответил кратко: «А у кого они были оборонительными?» И несколько далее: «Вы будете смеяться, но у Финляндии в 30-е годы тоже был наступательный план: предусматривалось наступление в глубь территории СССР» [Исаев А. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2006. С. 19.]. Правда, финны благоразумно не пытались реализовать эти планы — но согласитесь, в июне 1941 года соотношение сил у сторон было все же не таким, как в декабре 1939-го...)

Если судить не по лозунгам, а по совещаниям высших военных кругов и по действиям советского командования, то громкие фразы как-то сразу выцветают. Потому что настроены были наши генералы на войну долгую и жестокую, и это видно. Что же касается приграничных сражений, тактических ошибок и прочего... то до сих пор европейские армии сыпались перед вермахтом с такой скоростью, что получить представление о его мощи и тактике было затруднительно. Германская армия была объективно лучше, да, но насколько лучше — это оказалось для советских генералов сюрпризом.

* * *

...Итак, продолжим прерванную хронику первой военной ночи. В 3 часа 30 минут начались бомбежки наших городов — само собой, Сталину и тем, кто был с ним в эту ночь, доложили об этом мгновенно. Какое самое естественное движение главы государства? Самое естественное — тут же отправиться в наркомат обороны, куда стекалась вся военная информация. Скорее всего, туда они и поехали. Косвенно это подтверждается тем, что Молотов, Берия, Тимошенко, Жуков и Мехлис пришли в сталинский кабинет одновременно — в 5 часов 45 минут, по всей видимости вместе со Сталиным, присутствие которого в журнале посетителей не фиксировалось.

В 7 часов 15 минут в войска отправилась Директива № 2, подписанная, кроме Тимошенко и Жукова, еще и Маленковым, которого не было в то время в сталинском кабинете — значит, её успели составить и подписать еще в наркомате обороны, а стало быть, составлена она была не позднее 5 часов 30 минут утра [Почему именно Маленков, самый штатский из членов Политбюро, курировал армию — непонятно. Однако факт — курировал...].

ДИРЕКТИВА № 2

Военным советам ЛВО, ПрибОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, ВМФ о внезапном нападении Германии и боевых задачах войск. 22 июня 1941 г. 7.15 утра.

«22 июня 1941 года в 04 часа утра немецкая авиация без всякого повода совершила налеты на наши аэродромы и города вдоль Западной границы и подвергла их бомбардировке.

Одновременно в разных местах германские войска открыли артиллерийский огонь и перешли нашу границу.

В связи с неслыханным по наглости нападением со стороны Германии на Советский Союз,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Войскам всеми силами и средствами обрушиться на вражеские силы и уничтожить их в районах, где они нарушили советскую границу.

Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить.

2. Разведывательной и боевой авиацией установить места сосредоточения авиации противника и группировку его наземных войск.

Мощными ударами бомбардировочной и штурмовой авиации уничтожить авиацию на аэродромах противника и разбомбить основные группировки его наземных войск.

Удары авиацией наносить на глубину германской территории до 100- 150 км.

Разбомбить Кенигсберг и Мемель.

На территорию Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

Тимошенко, Маленков, Жуков»

Вот она — та доктрина, которая была в головах у военных. Приказы, отправленные сразу же после получения сообщения о нападении, отражают, естественно, не реальное состояние дел, а предвоенное планирование. Но в целом абсолютно нормальный документ. Какие приказы, спрашивается, следует давать армии через час после нападения? Драпать до Москвы? Тогда зачем вообще размещать войска у границы, надо сразу очищать территорию.

А вот директива № 3 поначалу ставит в тупик.

ДИРЕКТИВА № 3

Военным советам Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов. 22 июня 1941 г.

«1. Противник, нанося главные удары из Сувалковского выступа на Олита и из района Замостье на фронт Владимир-Волынский, Радзехов, вспомогательные удары в направлениях Тильзит, Шяуляй и Седлец, Волковыск в течение 22.6, понеся большие потери, достиг небольших успехов на указанных направлениях.

На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями.

2. Ближайшей задачей войск на 23-24.6 ставлю:

а) Концентрическими сосредоточенными ударами войск Сев.-Зап. и Западного фронтов окружить и уничтожить Сувалкскую группировку противника и к исходу 24.6 овладеть районом Сувалки;

б) Мощными концентрическими ударами механизированных корпусов, всей авиации Юго-Западного фронта и других войск 5 и 6 А окружить и уничтожить группировку противника, наступающего в направлении Владимир-Волыньск, Броды. К исходу 24.6 овладеть районом Люблин.

3. ПРИКАЗЫВАЮ:

а) Армиям Северного фронта продолжать прочное прикрытие госграницы.

На территории Финляндии и Румынии до особых указаний налетов не делать.

Тимошенко, Маленков, Жуков».

Однако если чуть подумать, недоумение объясняется просто: мы-то знаем, что на самом деле происходило в то время на границе, а главное, что произойдет в ближайшие месяцы. А они-то не знали!

Давайте возьмём карту. О каких районах идет речь? Сувалковский выступ — это юг Литвы. Замостье, Владимир-Волынский — Украина. Там противник «достиг небольших успехов» — а каких, спрашивается, «больших успехов» можно достичь за несколько часов, при том, что советская армия все-таки сопротивляется? «На остальных участках госграницы с Германией и на всей госгранице с Румынией атаки противника отбиты с большими для него потерями». На каких-то участках границы их и вправду отбили, а откуда-то не получили информации. Простая логика говорит, что информации, скорей всего, нет из тех мест, где все плохо. Но та же простая логика заставляет вспомнить уровень бардака в Красной Армии, а также состояние её связи.

В общем, судя по донесениям, все обстояло прилично. И тогда военное начальство распорядилось, в точном соответствии с довоенными планами, переходить в наступление. П.2 — это фланговые удары в основание наступающих немецких группировок. Такие удары — совершенно нормальная вещь, ничего ни особо выдающегося, ни особо крамольного они собой не представляют. И я совершенно не понимаю, почему по этому поводу надо воздевать руки и кричать: «Преступление!» Ошибка — возможно, но ошибаются все, в том числе и Гитлер с Наполеоном. А скорее, даже не ошибка, а просто недооценка противника. Ну не дали ни поляки, ни французы возможности получить представление об уровне немецкой противотанковой обороны!

В наркомате обороны не знали, что на самом деле все обстоит несколько не так, как докладывают. В первую очередь они не знали и знать не могли (это выяснилось лишь впоследствии), что в Западном военном округе приказ от 18 июня о приведении войск в боевую готовность *вообще не был доведён* до командиров частей. Кое-где те все же успели отреагировать на Директиву № 1 до наступления немцев. Чудеса оперативности проявил командир 6-го мехкорпуса генерал-майор Хацкилевич — получив директиву, он объявил боевую тревогу в 2 часа 10 минут и успел до начала войны вывести части в район сосредоточения, так что немецкие бомбовые удары пришлись по пустым городкам [Мехкорпус за два часа, естественно, не выведешь. Получается, что Хацкилевич знал обо всем заранее. Интересно, откуда, если командующий ЗапОВО Павлов не довёл приказ до подчинённых ему командиров? Впрочем, ларчик может открываться просто: проезжал мимо старый приятель из соседнего округа, завернул к Хацк-левичу, выпили...]. Но это, к сожалению, было исключением, а как правило, в ночь перед наступлением войска сплошь

и рядом мирно спали в казармах, накануне войны летчиков отпустили в увольнение, а самолеты оставили в куче на аэродромах, без горючего и боекомплекта. И еще многое, многое другое — короче говоря, армия там была попросту *подставлена* под удар немцев. Об этих катастрофах не сообщали по одной простой причине — не было связи.

По поводу командующего Западным военным округом генерала Павлова мне лично, невзирая на пол, столько раз приходилось ломать копыя, что их обломками можно год печку топить. За что расстреляли эту жертву сталинизма? Кто свалил на него свои ошибки — Сталин или Жуков? И почему именно его, если на соседних фронтах было то же самое?

Да, на соседних фронтах тоже отступали. Но, во-первых, Сталин никогда и никого не карал за то, что человек *не справился*. Например, после чудовищного керченского поражения его виновники генерал Козлов и представитель Ставки Мехлис были всего лишь понижены в звании и отправлены на другой участок работы. Никто их не сажал и не расстреливал — не за что было. Козлов попросту не справлялся с управлением фронтом, а Мехлис, пытавшийся его заменить, — тоже не справился [Кстати, в этом поражении есть доля вины и Верховного Главнокомандующего. Мехлис постоянно просил заменить Козлова — но тщетно.]. Сталин, как хороший кадровик, в этом случае просто нашел провинившимся дело по силам. А во-вторых, еще неизвестно, как сложилась бы судьба командующего КОВО генерал-полковника Кирпоноса, если бы тот не погиб, а вышел из окружения.

Что же касается генерала армии Павлова, то за ним числятся особые подвиги. Кроме того, что он бросил свои сражающиеся части на произвол судьбы — за одно это по законам военного времени полагается пуля, — он еще и игнорировал директиву о приведении войск в боевую готовность, не доведя ее до частей округа. Из книги в книгу кочует трогательная история о том, как товарищ Павлов настолько не ждал ничего плохого, что накануне войны пошел в театр. И лишь в последнее время выяснилось: в театр он пошёл, точно зная, что через несколько часов начнётся война, для подготовки к которой он ничего не предпринял. (Чтобы дальше не плодить сущности, отсылаю читателя к книгам Марка Солонина, который великолепнейшим образом собрал и скомпоновал свидетельства о предательской деятельности генерала Павлова: большинство солонинских душераздирающих примеров относится к его хозяйству.) Интересно, кто-нибудь хотя бы попытался исследовать, как сложился бы начальный период войны, если бы командующий Западным округом даже не проявил чудеса героизма, а просто выполнял приказы?

Если искать ответа на классический вопрос: «Глупость или измена?», то я лично не могу представить себе крупного руководителя, любой степени глупости или разгильдяйства, который в такой ситуации вел бы себя подобным образом — это уже что-то запредельное. И кстати, в 1937 году, после дела Тухачевского, немцы открытым текстом заявляли, что в Красной Армии у них осталось еще достаточно «друзей»... [Говорят: почему же он в таком случае не перешёл к немцам? А потому, что перейти к ним, имея по правую руку комиссара, а по левую особиста, не так уж и просто.]

На предварительном следствии генерал Павлов признался в том, что был участником военного заговора [И признался он не под пытками, а под давлением доказательств (постановление на арест Павлова приведено в приложении). Я понимаю, конечно, что материалы следственных дел НКВД доказательствами не являются, а все арестованные должны быть реабилитированы и награждены автоматически — но надо же учитывать и мировую практику. Которая не позволяет отмахиваться от показаний, и принимает их во внимание даже в отсутствие «Манифеста нового правительства» и списков заговорщиков с собственноручными подписями кровью.], а на суде от своих признаний отказался. Трибунал не стал с этим вопросом особо разбираться — заседание началось в 0 часов 20 минут, а руководство Западного фронта заработало себе высшую меру и без 58-й статьи. В приговор факт заговорщической деятельности тоже не вошел, по

совершенно понятной причине — вспомним, какое время стояло на дворе. Наши войска отступали, и совершенно незачем было провоцировать среди них крики: «Измена! Генералы предали!» — и без того кричали. А прочим товарищам генералам надо было просто и четко объяснить, что с ними будет, если они проявят трусость и разгильдяйство. Это не значит, что измены не было — это значит, что трибунал не счёл нужным её озвучить.

А то, что потом их всех реабилитировали, — так это уже совсем другая история.

Несколько слов о цене баварского пива

Злу чуждо понятие справедливости.

Андрей Белянин. Рыжий рыцарь

Есть такой очень популярный жанр — фильм-катастрофа. Суть его в том, что перед затаившим дыхание зрителем разворачивается картина страшного бедствия, стихийного или рукотворного, а он, сидя на мягком диване и жуя что-нибудь вкусненькое, наблюдает, как хороший-прехороший главный герой всех спасает, действуя в точном соответствии с моралью, принятой в мире мягких диванов. Потому что если бы зрителю показали, как это происходит на самом деле, он очень бы обиделся, а фильм кинокритика признала бы *неправильным* фильмом.

Не кажется ли вам, что у нас пытаются из реальной истории войны сделать фильм-катастрофу? Который будет признан правильным только в том случае, если главный герой, то есть Сталин, всех спасет, при этом соблюдая мораль, принятую в мире мягких диванов? А поскольку это не всегда получается, то наши доморожденные моралисты признают эту войну *неправильной* войной.

В последнее время у нас стали говорить, что в Великой Отечественной войне погибло слишком много людей. Да, много, кто же спорит — но почему это ставят в вину *нашему* правительству? Почему, оценивая его действия с моральной точки зрения, забывают, что в этой войне нам противостояла сила, у которой морали не было вообще. Никакой.

Больше всего они напоминают марсиан из «Войны миров» Герберта Уэллса.

* * *

Ещё в начале 20-х Гитлер в «Майн кампф» сформулировал свои будущие геополитические устремления и на редкость последовательно придерживался их впоследствии, углубляя и развивая. К началу 40-х годов это была уже законченная, теоретически обоснованная политика.

Из высказываний Гитлера:

«Нам нужны русские пространства без русских».

«В будущей Европе должны быть две расы: германская и латинская. Эти две расы должны сообща работать в России для того, чтобы уменьшить количество славян».

«Мы должны развивать технику обезлюживания. Если вы спросите меня, что я понимаю под обезлюживанием, я скажу, что имею в виду устранение целых расовых единиц. И это то, что я намерен осуществить... Если я могу послать цвет германской нации в пекло войны без малейшего сожаления о пролитии ценной германской крови, то,

конечно, я имею право устранить миллионы низшей расы, которые размножаются, как черви!»

Из выступления Гимmlера в замке Вевельсбург. Март 1941 года.

«Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться, чтобы на Востоке жили только люди действительно немецкой крови... Для этого необходимо ликвидировать значительную часть населяющих восточные земли недочеловеков. Число славян необходимо сократить на тридцать миллионов человек; чем меньше их останется, тем лучше».

Из письма рядового Вальтера Траве. 29 июня 1941 г.

«Германцы на востоке должны быть подлинными викингами, и все низшие расы должны быть уничтожены. Мы не имеем права на мягкость и малодушие».

Высказывание унтер-офицера Графа:

«Евреи — это свиньи, и уничтожат их — проявление культуры».

Ладно, допустим, это теория. В России власть имущие тоже много чего декларировали, но далеко не все делали. А как насчёт практики [Все свидетельства, за исключением рассказа о Вячеслава, взяты из одной-единственной книги А. Дюкова «За что сражались советские люди» (название, надо сказать, неудачное, не отражающее сути) — исключительно по одной причине: чтобы долго не возиться. По этой теме исписаны тома, где приводятся тысячи и тысячи страниц воспоминаний, и все об одном и том же — то количество, которое не оставляет места для споров о тенденциозности.]?

Из дневника обер-ефрейтора Иоганнеса Гердера:

«В одной деревне мы схватили первых попавшихся двенадцать жителей и отвели их на кладбище. Заставили их копать себе просторную и глубокую могилу. Славянам нет и не может быть никакой пощады. Проклятая гуманность нам чужда».

Это они разминаются перед большим делом. А вот так развлекаются.

Из рассказа младшего воентехника Сергея Дашичева:

«Я видел на окраине одной деревни близ Белостока пять заостренных колов, на них было воткнуто пять трупов эюеницин. Трупы были голые, с распоротыми животами, отрезанными грудями и отсеченными головами. Головы эюеницин валялись в луэе крови вместе с трупами убитых детей. Это были жены и дети наших командиров».

Из дневника ефрейтора Пауля Фогта:

«Этих девчонок мы связали, а потом их слегка поутюжили нашими гусеницами, так что любо было глядеть».

А так злятся на неуступчивость противника.

Из воспоминаний политрука Николая Ляшенко:

«Солдаты стояли большим плотным кругом и что-то рассматривали. Протиснувшись в середину, чтобы посмотреть, чем возмущены наши солдаты, я от ужаса попятился назад. Передо мной лежало огромное, еще не погасшее пепелище, на котором фашисты заживо сжигали военнопленных красноармейцев и мирное население. Вперемешку с пеплом лежало множество еще не догоревших человеческих костей и черепов, немного в стороне несколько обугленных трупов: каждый был связан по рукам и ногам обыкновенной телеграфной проволокой — еще живыми их бросали в костёр...»

А вот уже политика в действии — уменьшение числа славян.

Из рассказа путевого обходчика на разъезде 214-й километр под Даугавпилсом:

«Когда открыли вагоны, военнопленные жадно глотали воздух открытыми ртами. Многие, выходя из вагонов, падали от истощения. Тех, кто не мог идти, немцы расстреливали тут же, у будки обходчика. Из каждого эшелона выбрасывали по 400 — 500 трупов. Пленные рассказывали, что они по 6-8 суток не получали в дороге ни пищи, ни воды».

Из воспоминаний обер-фельдфебеля Лео Мелларта:

«Я вышел наружу и увидел, как стоящие недалеко две или три зенитные батареи ведут огонь прямой наводкой по находившимся в накопителе пленным... Как я узнал позднее от караульных, в результате было убито или тяжело ранено около 1000 — 1500 человек».

Из рассказа венгерского офицера-танкиста:

«Мы стояли в Ровно. Однажды утром, проснувшись, я услышал, как тысячи собак воют где-то вдалеке... Я позвал ординарца и спросил: “Шандор, что это за стоны и вой?” Он ответил: “Неподалёку находится огромная масса русских военнопленных, которых держат под открытым небом. Их, должно быть, 80 тысяч. Они стонут потому, что умирают от голода”.

Я пошёл посмотреть. За колючей проволокой находились десятки тысяч русских военнопленных. Многие были при последнем издыхании. Мало кто из них мог держаться на ногах. Лица их высохли, глаза глубоко запали. Каждый день умирали сотни, и те, у кого еще оставались силы, сваливали их в огромную яму».

Между прочим, с взятыми в плен европейскими военнослужащими обращались согласно Женевской конвенции. Их не гоняли пешком, а возили на машинах, нормально кормили, позволяли писать письма домой и пр. И условия оккупации для европейцев были совсем-совсем другими.

Из рассказа очевидца деятельности охранной полиции в Риге:

«Обыкновенно забирали с собой мужчин и женщин в тюрьму или префектуру. Там их избивали до полусмерти; издевались самым рафинированным образом, заставляли мужчин и женщин раздеваться догола и совокупляться и после этого убивали, так что из тюрьмы, а чаще всего и из префектуры никто живым не возвращался; их увозили в Бикернский лес и там убивали. Таким образом, в течение 2-3 недель было уничтожено около 12 000 евреев и примерно столько же главным образом русских».

Иногда они пытались экономить патроны...

Из докладной командира полка фон Магилла:

«Мы выгнали женщин и детей в болото, но это не дало должного эффекта, так как болота были не настолько глубоки, чтобы можно было в них утонуть».

Впрочем, много ли могут войска? Планы «обезлюживания» разрабатывались организованно, как государственная политика.

Май 1941 г.

Из протокола заседания экономического штаба «Ольденбург»:

«Войну можно будет продолжать только в том случае, если все вооруженные силы Германии на третьем году войны будут снабжаться продовольствием за счёт России. При этом, несомненно, погибнут от голода десятки тысяч человек, если мы вывезем из страны все необходимое для нас».

Из директивы экономического штаба «Ост»:

«Выделение черноземных областей должно обеспечить нам при любых обстоятельствах наличие более или менее значительных излишков в этих областях. Как следствие — прекращение снабжения всей лесной зоны, включая крупные индустриальные центры — Москву и Петербург... Несколько десятков миллионов человек на этой территории станут лишними и умрут или будут вынуждены переселиться в Сибирь. Попытки спасти это население от голодной смерти путем отправки туда излишков из черноземной зоны могут быть осуществлены только за счет ухудшения снабжения Европы. Они могут подорвать возможность Германии продержаться в войне и ослабить блокадную прочность Германии и Европы».

Не зря они заговорили про Европу. К ней отношение было совсем другое. Например, оккупация Франции лишила Германию половины стратегических запасов зерна — французов надо было кормить.

Из беседы Геринга с итальянским министром внутренних дел:

«В этом году в России умрет от голода от 20 до 30 миллионов человек. Может быть, даже хорошо, что так произойдёт; ведь некоторые народы необходимо сокращать».

Фото: какая-то небольшая воинская часть. Офицеры сидят, нижние чины стоят сзади. Перед ними вытащенная из класса доска, на которой написано: «Русский должен умереть, чтобы мы жили».

Это не сорок второй, не сорок третий год, когда немцы уже озверели от неудачной войны. Это первые недели. Они — победители, торжественно марширующие по захваченной земле. ***Мы ещё ничего им не сделали.***

* * *

Война жестока сама по себе, и говорить о том, что одна сторона лучше, а другая хуже — некорректно. Как правило, некорректно — но не в этом случае. Есть ведь рассказы и иного рода. Вспоминают немецких солдат, деливших своим пайком с русскими детьми, защищавших местное население от собственных сослуживцев. Есть и рассказы о жестокости наших по отношению к немцам. Но, во-первых, пропорции — один к ста, к тысяче... А во-вторых, само понятие жестокости было разным. Очень жестко и наглядно это показано в интервью петербургского священника о. Вячеслава Харинова, который всерьёз занимается историей войны.

Из интервью о. Вячеслава Харинова:

«Помню встречу с одним старым немецким офицером, будто вышедшим из карикатурного советского фильма про фашистов: весь такой сухопарый, характер нордический... Он мне сказал: “А у меня никакого раскаяния перед русскими нет. Иван воевал очень жестоко. Мы всю Европу прошли, соблюдая Женевскую конвенцию. Но когда вступили в Россию, наш санитарный батальон тут же вырезали подчистую: русские зарезали раненых и фельдшеров, словно баранов. После этого командование, которое до того на Ленинградском фронте сдерживало нас, сказала: ответим русским тем же! Больше пленных не берём. Через месяц мы уже сами не могли остановиться”.

На меня эти слова старого фашиста крепко подействовали. Я не знал, чем ответить на этот жуткий упрёк...»

Это тоже разница между нами и ими. Русский священник, который отлично знает, что творили оккупанты на нашей земле, не задаётся вопросом: **что** увидели наши бойцы перед тем, как вырезать санитарный батальон? Выжженные деревни с заживо сожжённым населением? Порезанные из пулемёта семьи комсостава? Замученных женщин и расстрелянных детей? Он не обращает внимание собеседника на то, что наши солдаты **зарезали** немецких раненых, а не замучили — не вспарывали животы, не выкалывали глаза, не жгли живыми. Он чувствует вину даже за это. Но потом...

«Но потом, слава Богу — объявился свидетель с противоположной стороны. Мой прихожанин Михаил рассказал, как на десятый день войны в Новгороде купался вместе с другими детьми в прудах близ города. Вдруг в небе появился самолёт, и немецкий лётчик на бреющем полете начал расстреливать ребятшек из пулемёта. Они обезумели от ужаса. Один закричал: прыгайте в воду, другой — нет, лучше бежим к кустам! Самолёт сделал круг и вернулся. Видно, пулемётные патроны у лётчика кончились, потому что он начал добывать детей из револьвера. Этот мой прихожанин, Михаил, видел его лицо и сказал, что не забудет его до самой смерти. Как не забудет вид своего дружка, мальчишки, лежавшего в пыли с простреленной головой. И маленькую девочку, крутившуюся на земле от боли. Она повторяла “мамочка, мамочка” и прижимала руки к окровавленному животу»...

Прервёмся немного. Когда гитлеровцы на оккупированной территории уничтожали мирное население, они любили такой изыск: выпустить приговоренному четыре пули в живот и оставить умирать. Это называлось «эсесовский квадрат».

Продолжим читать интервью:

«Потом его вместе с матерью усадили на баржу. Были сшиты из простыней полотнища, на них нарисованы красные кресты, и три баржи, груженные женщинами и детьми, двинулись по реке. Тут налет немецкой авиации — бомбы кидали точно на кресты. Запертый в трюме, он слышал крики и стоны с палубы...»

Этот рассказ не так невероятен, как может показаться. Естественно, если бы на баржу сбросили фугасную бомбу, она бы мгновенно затонула. Но у немцев имелись легкие противопехотные разрывные бомбочки для поражения живой силы противника, а судя по времени и месту налета, это были как раз такие самолеты. На самом деле немецких асов очень можно понять: бомбить войсковую колонну опасно. Там есть зенитки, да и солдаты палят по пролетающему самолету из всего, что имеют, а винтовочная пуля, вцепленная в бензобак... Кстати, часто ли наши самолеты в Германии обстреливали из пулеметов колонны беженцев? Если кто слышал — откликнитесь...

Но дальше о Вячеславу его прихожанин рассказывает вещи, понять которые я уже не могу.

«Они с матерью добрались тогда до Урала, осели в одном из городков. Михаил вспоминал: “Я мечтал увидеть только одного человека на земле — того летчика”. Однажды в городке несколько барачков оцепили колючей проволокой. Пошел слух, что там собираются открыть лагерь для военнопленных, и вскоре их действительно привезли. После школы Михаил ходил туда и подолгу стоял около проволоки, вглядываясь в лица пленных. Конечно, того немца он не встретил. Как-то мать дала ему кусок хлеба и сказала: “Отнеси, брось пленным за проволоку, говорят, они там голодают. Многие наши женщины подкармливают их. Иди!”

Он пошел послушно с этим хлебом, встал у колючей проволоки. Немцы с той стороны смотрели, снедали, когда он кинет хлеб. А он не мог! Он сказал мне: “У меня руки стали как каменные. Я не мог их поднять. Вернулся домой, сказал — я не могу”».

Нет, и в рассказах тех, кто побывал в Германии, встречаются случаи, когда немцы помогали русским пленным, подкармливали их. В основном это касалось тех, кто работал вместе с немцами на производстве, особенно в женских цехах. Есть совершенно замечательный рассказ об одном заводе, где немецкие женщины приносили русским еду, одежду, а надзирательница относилась к ним скорее как пионервожатая в отряде, чем как немка-охранница. Один рассказ. Типичные же воспоминания выглядят так:

«Нас гонят по улице небольшого рурского городка... По тротуару идут две нарядные молодые женщины с нарядными детьми. Дети кидают в нас камни, и я жду, когда женщины или полицейские остановят их. Но ни полицейские, ни женщины не говорят им ни слова».

Найдите мне хоть один случай, когда немецкие матери посылают детей кидать хлеб за проволоку — и я возьму все свои слова обратно, мне тоже не нравится писать о том, что хотя все люди произошли от Адама, но народы все-таки разные... [На самом деле и русские солдаты имели опыт расправ с мирным населением. Это происходило во время Гражданской войны — хотя детишек всё же почти не трогали (за исключением, пожалуй, белого атамана Семенова, да казачьих областей). Через двадцать пять лет подобные случаи насчитывались единицами — при том, что наши солдаты видели и украинские рвы, и белорусские гари, и детские концлагеря, и многое другое. Это к вопросу о том, что сталинский СССР был «империей зла»...]

В конце концов это признал и Сталин, до того не устававший повторять, что немцы — народ высокой культуры. Уже 6 ноября он перестал отделять их от фашистов. Выступая на митинге в честь годовщины Октябрьской революции, Сталин иногда употребляет слова: «немецко-фашистские захватчики», но в основном в этой мало цитируемой речи звучит: немцы, немцы, немцы...

«...И эти люди, лишённые совести и чести, люди с моралью животных, имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации... Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они её получают... Отныне наша задача, задача народов СССР, задача бойцов, командиров и политработников нашей армии и нашего флота будет состоять в том, чтобы истребить всех немцев до единого, пробравшихся на территорию нашей родины в качестве её оккупантов. Никакой пощады немецким оккупантам! Смерть немецким оккупантам!»

Перед Сталиным стояла задача, которая едва ли часто выпадала главе государства в мире людей: война с противником, велениями своего руководства полностью лишенным какой бы то ни было морали, чести, этики [В античные времена правители тоже иной раз приказывали уничтожать всё живое, но тогда мораль, честь и этика были другими, и в них подобные деяния вписывались.]. Обычно в войнах командование и руководство устанавливают некие правила: кого и при каких обстоятельствах надо щадить, а солдаты нарушают их в ходе всяческих эксцессов. Здесь — наоборот: политическое руководство дает установку на тотальное истребление, а эксцессы заключаются в том, что кого-то щадят.

Действительно, война миров... Впрочем, героям Уэллса было проще. Марсианин до конца оставался марсианином, а немцы, попадая в руки наших солдат, моментально превращались в *людей*, к которым, несмотря ни на что, приказано было относиться так, как принято на цивилизованной войне.

Нет, сами они в воспоминаниях, конечно, пишут, что отношение было ужасным и варварским. Но и факты, к счастью, приводят. В «страшном сибирском лагере», на самом деле расположенном в Коми АССР, немцы-заключенные имели отдельные кровати (это где в наших лагерях была такая роскошь?), а нормы питания устанавливались для них такие же, как и для русских эков. В другом случае они получали 600 граммов хлеба в день, не считая всего остального. Исключением был разве что 1946 год — но тогда голодали все. Охранник мог ударить пленного [Мне приходилось слышать, что в Германии в 1945 году охранять пленных назначали солдат, которые имели личные счёты с врагом — в основном тех, чьи семьи погибли на оккупированной территории. Уж, наверное, было не без эксцессов.], но систематических издевательств не было, и уж точно никого не вешали, не жгли живьем, не распинали в наказание на столбах лагерного ограждения, не проводили медицинских опытов... А то, что при общем голоде и разрухе их кормили и содержали не лучше, чем местное население... а почему, собственно говоря, в Советском Союзе был голод? Или немецкие солдаты тут совсем уже ни при чём?

А уж когда наши вступили на территорию рейха... До сих пор не существует вразумительного объяснения тому, что произошло тогда. Когда наша армия, которая четыре года шла по выжженной земле своей страны, добралась наконец до территории противника... Чем объяснить тот факт, что Германия до сих пор существует? Какие слова нашли наши комиссары, и что творилось в душах наших солдат — потому что если бы они *захотели* расправиться с немцами так, как те делали это у нас — от стариков до младенцев, — никакие приказы и никакие трибуналы их бы не удержали.

Илья Эренбург писал о сцене, которую видел в Восточной Пруссии в городке Растенбурге: советский солдат колот штыком манекен в витрине магазина. «Я сказал: “Брось! Немцы смотрят...” Он ответил: “Гады! Жену замучили...” — он был белорусом». И это отнюдь не проявление варварства: лишь психологическая невозможность вогнать

штык в тело живой немки заставила его отыгрываться на манекене. А кухонные болтуны по этому поводу могут заткнуться.

Тот же Дюков приводит пример, когда нашего солдата за убийство пленного трибунал подверг самой страшной каре, которая только существовала в Красной Армии, страшнее расстрела — у него отобрали награды. Подтекст был один: ты не смеешь походить на этих!

Кстати, ещё касательно мемуаров. Любопытно — наши, побывавшие в плену, вспоминают немцев по-разному, но неизменно как людей. А немецкие пленные воспринимают русских как виртуальные фигурки, или просто некую силу. Даже оказавшись в плену, они так и не смогли увидеть в нас существ, подобных себе. И это не единичный случай, а система. В любом положении мы оставались для них недочеловеками...

Это всё к вопросу о русском варварстве и европейской культуре. Пора уже завязать с этими баснями — ну сколько можно-то? Один мерзавец сказал, сто дураков повторили, и все население поверило. Культура — это не люстры с пианинами, и не мостовую с мылом мыть, культура — это совсем другое. А на мой варварский взгляд, те, кто делит человечество на «оберменшей» и «унтерменшей», о культуре лучше бы вообще помалкивали. Как говорится в известном анекдоте: или снимите крестик, или наденьте трусики...

Но вернемся в 1941 год. Перед тем как рассуждать о цене победы, надо очень хорошо понимать, что никакая цена не была чрезмерной. Нелепо противопоставлять Жукова и Рокоссовского, который берег солдат: Рокоссовский был один, а фронтов — много [Да и кто считал реальные потери у того и другого?]. И сколько бы наших людей ни заплатило жизнью за победу, все равно цена не была слишком высока, потому что нам нечего было терять и не на что надеяться.

Есть такой анекдот: сидят два фронтовика, пьют жигулевское пиво. Потом один вздыхает и говорит: «А вот если бы не воевали так героически, пили бы баварское».

Что, в самом деле?

Выступление заместителя председателя СНК и наркома иностранных дел СССР В. М. МОЛОТОВА по радио. 22 июня 1941 г.

«Граждане и гражданки Советского Союза!

Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством. Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора. Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских правителей.

Уже после совершившегося нападения германский посол в Москве Шуленбург в 5 часов 30 минут утра сделал мне, как народному комиссару иностранных дел, заявление от имени своего правительства о том, что германское правительство решило

выступить с войной против СССР в связи с сосредоточением частей Красной Армии у восточной германской границы.

В ответ на это мною от имени Советского правительства было заявлено, что до последней минуты германское правительство не предъявляло никаких претензий к Советскому правительству, что Германия совершила нападение на СССР, несмотря на миролюбивую позицию Советского Союза, и что тем самым фашистская Германия является нападающей стороной.

По поручению Правительства Советского Союза я должен также заявить, что ни в одном пункте наши войска и наша авиация не допустили нарушения границы и поэтому сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера, пытающегося задним числом состряпать обвинительный материал насчет несоблюдения Советским Союзом советско-германского пакта.

Теперь, когда нападение на Советский Союз уже свершилось, Советским правительством дан нашим войскам приказ — отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины.

Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских правителей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы.

Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы советской авиации с честью выполнят долг перед родиной, перед советским народом, и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу.

Правительство Советского Союза выражает твердую уверенность в том, что все население нашей страны, все рабочие, крестьяне и интеллигенция, мужчины и женщины отнесутся с должным сознанием к своим обязанностям, к своему труду. Весь наш народ теперь должен быть сплочен и един, как никогда. Каждый из нас должен требовать от себя и от других дисциплины, организованности, самоотверженности, достойной настоящего советского патриота, чтобы обеспечить все нужды Красной Армии, флота и авиации, чтобы обеспечить победу над врагом.

Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя тов. Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Глава 3

ПО ОБРЫВУ, ПО-НАД ПРОПАСТЬЮ, ПО САМОМУ ПО КРАЮ...

—Но что он мог сделать?

—А что он сделал из того, что мог?

Роман Злотников. Охота на будущее

Ну вот мы и подошли наконец к основной теме первой части. А именно — странному поведению Гитлера и Сталина. Был ли июнь сорок первого года на самом деле авантюрой одного и ошибкой другого, или же они имели какие-то иные, до сих пор неупомянутые планы?

И здесь надо отметить один важный момент — ни тот, ни другой не были военными. Несмотря на то что оба имели вполне реальный боевой опыт, а затем командовали своими армиями — военными по духу, по спинномозговым рефлексам они не были. А главное — оба по-другому мыслили, и для обеих армия была не абсолютной ценностью, как для нормального генерала, а всего лишь орудием, средством для воплощения своих планов.

У Сталина изначально был совершенно иной, не генеральский подход к военным делам. Еще в мае 1920 года по поводу польской кампании он писал: *«Тыл польских войск является однородным и национально спаянным. Отсюда его единство и стойкость. Его преобладающее настроение — “чувство отчизны” передается по многочисленным нитям польскому фронту, создавая в частях национальную спайку и твердость. Отсюда стойкость польских войск...»* Генерал мыслит от фронта к обеспечивающему его тылу. Сталин — с точностью до наоборот, тыл у него является фундаментом, на котором стоит армия. Этот фундамент он сколачивал всеми возможными способами все годы своего пребывания у власти и сумел найти объединившую страну идеологию — такое сочетание коммунистических идей и русских традиций, в котором оба эти фактора *усиливали* друг друга. Только поэтому он смог сделать то, что сделал: в ответ на агрессию превосходящих в военном отношении сил врага Сталин объявил *народную войну*.

Но нелепо думать, как писал некогда ошарашенный хрущевским докладом Эренбург, что наш народ одержал победу «несмотря на Сталина» — потом и эту байку тоже запустили в широкое обращение все те же провокаторы и подхватили кухонные сидельцы. Был народ, и было руководство. Командовали, как умели — но нелишне вспомнить, что далеко не самую слабую французскую армию вермахт разнес за несколько недель. Да и польская армия тоже не считалась такой уж бессильной — до второй половины 30-х годов ее всерьез опасались и наши, и немцы.

По сути, большинство предьявляемых Сталину претензий можно обобщить следующим образом: его упрекали за то, что он не был Господом Богом.

Ну, не был, что уж тут поделаешь...

...Втаскивание вождя во власть

—...В городе погромы, а гарнизон во главе с комендантом запёрся в казармах. Что сие означает?

—Приказ Его Высокопреосвященства.

—Кого? — ровным голосом переспросил Алва. — ... По Уложению Франциска, комендант Оллари подчиняется королю, Первому маршалу и Высокому Совету. Где, во имя Леворукого, в этом списке церковники?

—Герцог Алва, — губы Килеана побелели... — вы прекрасно знаете, кто правит всеми нами.

—Мной лично правят Его Величество Фердинанд и герцог Рокэ Алва, а вами в данном случае правлю я...

Вера Камша. От войны до войны

Конечно, то, что я пишу в этой главке, — вещь шокирующая, но только таким образом можно объяснить откровенное запоздание совершенно необходимых преобразований. Почему, например, Государственный комитет обороны был образован лишь 30 июня, а не сразу же после начала войны?

Ответ: потому что в этом не было острой необходимости. Страной управляла *команда*, и в какие организационные формы она выльется — будет ли это Политбюро, Совнарком или что-то еще, значения не имело. А острая необходимость появлялась в тех случаях, когда возникал кризис власти. А подобные кризисы в СССР имели в то время одну причину — упорное сопротивление Сталина увеличению объема своей власти. Отчаянно упираясь, вождь время от времени доводил ситуацию до такого состояния, когда тянуть дольше становилось нельзя. В этом, кстати, он был прямой противоположностью своему немецкому противнику. Гитлер еще в самом начале, став главой государства, скромненько объявил себя заодно и фюрером (вождем) нации. Сталин был озабочен совершенно обратным — он все время старался спихнуть с себя лишние полномочия.

Ещё со школьной скамьи мы помним, какой пост взял себе в 1917 году Ленин — председателя Совнаркома, то есть главы исполнительной, сиречь реальной власти. А что творилось с этим постом после него? В 1930 году, когда отстранили от власти Рыкова и место Предсовнаркома стало вакантным, Молотов считал, что этот пост должен занять Сталин. Тот отказался, предпочитая неясное руководство, хотя уже тогда отсутствие формальных полномочий у реального главы государства создавало для СССР проблему. Тем не менее руководство Советского Союза еще десять лет оставалось *коллегиальным*, установленным лишь на такой зыбкой платформе, как моральный авторитет вождя. В 1939 году, после окончания репрессий и с началом новых преобразований государства, снова настал удобный момент получить власть — и опять Сталин им не воспользовался. Председателем Совнаркома он стал лишь 6 мая 1941 года, когда уже ясно было, что война начнется прямо сейчас и неясная власть вождя становится попросту опасной. Строго говоря, именно от этой даты мы должны отсчитывать официальные полномочия Сталина, а до тех пор он всё ещё оставался *неформальным* лидером Советского Союза [Эта книга — четвёртая в цикле, и я не могу каждый раз повторять то, что писалось в предыдущих. Подробно об организации власти в СССР см. Е. Прудникова. Творцы террора. М., 2007.].

Бредовая система управления СССР щелкнула колесиками и уселась в некую более удобоваримую позицию. По крайней мере, власть хотя бы перестала быть коллегиальной. Сталин наконец-то получил рычаги воздействия на того же Молотова, который был чудовищно упрям и если уж имел о чем-либо свое мнение, так имел... Даже вождь иной раз не мог ничего с ним поделать. Об их взаимоотношениях существуют разнообразные свидетельства, например такое: иной раз в спорах у них доходило до того, что Сталин, потеряв терпение, выскакивал из комнаты, а улыбающийся Молотов оставался сидеть за столом при своем мнении. А ведь председателем Совнаркома был он.

Теперь Сталин, по крайней мере, мог Молотову *приказывать*. И то хлеб...

Единоличного главы государства в СССР по-прежнему не было — однако хоть какой-то сдвиг. Но если кто думает, что вождь сделал из этого факта какие-либо выводы... И очередной кризис власти не замедлил разразиться.

...Среди многочисленных рассуждений о расположении войск как-то совершенно потерялся один крохотный вопросик — а кто, собственно, был командующим РККА? Считается, что вождь руководил всем — так оно, в общем-то, и происходило в нормальной обстановке. А формально Сталин был председателем Совнаркома, то есть премьер-министром — но не главой государства. По советской конституции главой государства являлся председатель президиума Верховного Совета товарищ Калинин (смех). Да, все, конечно, очень весело, не спорю — но кто все-таки обладал в СССР всей полнотой военной власти? У нас сейчас главнокомандующий — президент, а никоим

образом не премьер-министр. Тогда президента не было, Совнарком — власть исполнительная, а военные устроены так, что должны точно знать, кто им может приказывать, а кто не может. Так что вопрос о формальной власти далеко не праздный, и приведенный в качестве эпиграфа диалог замечательно это иллюстрирует. В нем показана разборка двоих генералов в критической ситуации: один ссылается на явную власть, другой — на неявную. Как вы думаете, кто из них сейчас отправится под арест и на кого в итоге будет возложена вина за беспорядки?

Именно в вопрос подчиненности упирается и другой вопрос: имел ли Сталин право вмешиваться в распоряжения чисто военного характера? Например, оперативные? Допустим, приказать изменить расстановку войск на границе? Или командующий РККА мог ответить ему что-то вроде: «Товарищ Сталин, это вопросы не вашей компетенции»?

Говорите, невозможно? Между тем широко известна история, как Сталин, уже будучи Верховным Главнокомандующим, а не каким-то там штатским премьер-министром, попытался через голову командующего фронтом генерала Жукова отвести войска Рокоссовского не туда, куда приказывал Жуков [Формально это сделал маршал Шапошников, начальник Генштаба, но ясно, что без позволения Верховного Главнокомандующего он так поступить не мог.]. На это Жуков отреагировал коротко: «Фронтом командую я!» (и был, кстати, абсолютно прав). В переводе на средневековые понятия это означает: мой вассал — не ваш вассал. А ведь Сталин был Верховным, да еще в военных условиях!

Пример совершенно аналогичной разборки приведен в воспоминаниях бывшего командира пулеметного взвода Валентины Чудаковой. Командир роты приказал выделить в разведку боем пулемет и сам выбрал расчет, который пойдет с разведчиками. Однако бравая восемнадцатилетняя взводная с его выбором не согласилась. Результатом стал нижеприведенный обмен любезностями между младшим лейтенантом и капитаном — разница в званиях весьма ощутимая.

«Почему именно Непочатое, а не кто-нибудь другой? — возмутилась я. — И кто это, интересно, решил?»

— Я так решил, — вызываяще ответил ротный.

— Но почему?

— А потому что тебя не спросил.

— Не мешало бы и спросить! У себя во взводе я хозяйка. Пойдет сержант Бахвалов. Я так решаю.

— Довольно! Что тебе командир роты — тряпка?

А я тряпка? Приказано выделить пулемет с людьми — получайте! Но кого — это уж моё дело» [Чудакова В. Чижик — птичка с характером. Л., 1980. С. 311.]

В армии на всех уровнях очень четко оговорено, кто, кому, при каких обстоятельствах и в каких пределах подчиняется. А если какой-либо начальник выйдет за рамки своих полномочий, то его приказ могут, конечно, выполнить, если связываться неохота, а могут и проигнорировать.

И до тех пор, пока наши замечательные историки не разберутся хотя бы в разграничении полномочий, надо вообще очень осторожно соотносить Сталина и военные вопросы. Его ведь и послать могли, причем конкретно и далеко. По слухам, именно туда послал Сталина Жуков 29 июня 1941 года. Они тогда крупно поругались, и начальник Генштаба в непечатной форме предложил председателю Совнаркома идти на... (вариант: идти к...) и не мешать работать.

Рыбин, многолетний телохранитель Сталина, приводит историю и похлеще:

«4 декабря в штабе фронта шло совещание командующих армиями. Позвонил Сталин. Слушая его, Жуков нахмурил брови, побелел. Наконец отрезал:

— Передо мной две армии противника, свой фронт. Мне лучше знать и решать, как поступить. Вы можете там расставлять оловянных солдатиков, устраивать сражения, если у вас есть время.

Сталин, видно, тоже вспылал. В ответ Жуков со всего маху послал его подальше!»

И как, вы думаете, поступил вождь?

«Сталин... протерпел целый день пятого и только ровно в полночь по ВЧ осторожно спросил:

—Товарищ Жуков, как Москва?

—Товарищ Сталин, Москву мы не сдадим...

—Тогда я пойду часа два отдохну.

—Можно...» [Вообще-то я Рыбину не очень верю — он в свою книгу собирал как факты, так и байки. Но и ничего невозможного в этой истории тоже нет.]

А ведь он, повторяю, тогда был уже Верховным Главнокомандующим и имел над генералами формальную власть, в отличие от первых дней войны.

А вы говорите — диктатор...

* * *

...На второй день войны, 23 июня, маршалы Жуков, Шапошников и Кулик отправились на фронты: первый — на Юго-Западный, на Украину, второй и третий — на Западный, в Белоруссию. И к этому времени на фронте произошло то, что неизбежно должно было случиться. А именно — пропала связь.

В Красной Армии связь в основном шла по проводам. Это, конечно, неудобно, особенно когда армия движется — но страна у нас большая, дальность действия тогдашних средств радиосвязи была не так уж велика. Плюс к тому техническая отсталость РККА, ненадежность самих раций, которые то и дело выходили из строя, низкое качество связи, помехи в эфире, возможности радиоперехвата... Вспомните фильмы о войне — там сплошь и рядом фигурируют не рации, а полевые телефоны. Но то, что связь шла по проводам — это еще полбеды. В начале 1941 года даже близ границы провода военной связи не были проложены под землей, а *висели на столбах!* Немцы, конечно, не дураки — накануне войны отправили диверсантов их рубить. Да и на фронте творилось черт знает что, с соответствующими последствиями для связи.

Но весь парадокс в том, что в случае наступления должно было произойти то же самое! Ведь на территории Польши наших линий не проложено. В общем, там, где войска вроде бы наступают, связи нет, там, где вроде бы обороняются, ее тоже нет, командование фронтов ничего толком не знает, а по поводу того, о чем докладывает, возникает неизбежный вопрос: говорят ли они правду или врут? И вообще: наступает наша армия или отступает, в конце-то концов?

Впрочем, прояснить этот вопрос, сидя в Киеве и Минске, где находились штабы округов, тоже было не самой легкой задачей. Тем более что Шапошников, прибыв на фронт, почти сразу заболел, Кулик оказался в окружении. Жуков вернулся в Москву 27 июня. К тому времени была потеряна связь не только с войсками, но и со штабом Западного фронта. И почти сразу, 29 июня, произошло то самое непонятное по лексике объяснение в наркомате обороны, результатом которого и стало создание ГКО.

* * *

Мы уже обсуждали такую замечательную тему, как подчиненность армии. Вещь, в большинстве государств предельно ясная, в СССР была очередной проблемой. До войны армия подчинялась наркому обороны Тимошенко, а тот, в свою очередь, Сталину как председателю Совнаркома, так что все было в порядке. Но в первый день войны, 22

июня, было принято положенное в этом случае решение о создании Ставки Главного командования. В нее вошли Сталин, Молотов, Ворошилов, Будённый, Жуков, Кузнецов. Председателем Ставки стал нарком обороны, который ставил под своими приказами совершенно замечательную подпись: «От Ставки Главного командования Народный комиссар обороны С. Тимошенко». Это был уже бред, и бред опасный. Мало того, что **в армии во время войны устанавливалось очередное коллегиальное руководство**, так ещё и сразу же возникает вопрос: а кому теперь подчинялся Тимошенко в качестве председателя Ставки? Ответ: вообще-то говоря, никому. Получалось эдакое семейное распределение власти: армия воюет, а страна во главе с товарищем Сталиным создает ей все возможные условия.

Идиллия продержалась неделю, и причиной ее краха стало все то же отсутствие связи. В Генштабе не знали обстановки на фронтах. Но это не значит, что положение на них вообще не было известно. Докладывали ведь не только военные — информация шла из партийных и советских органов, от НКВД и НКГБ, из наркоматов. Говорят, например, что о взятии Минска у нас узнали из сводок новостей иностранного радио: НКГБ, естественно, доложил, это его функции — следить за мировой прессой.

Или, например, узнавали так... Рассказывает бывший нарком связи И. Т. Пересыпкин:

«В последние дни июня в наркомат связи СССР позвонила дежурная телефонистка междугородной станции белорусского города Пинска. Сквозь сильные помехи, срывающимся от волнения голосом она торопливо сообщала:

—Товарищи! Наши войска оставили город. На улицах появились немецкие танки с белыми крестами... Вижу их в окно... Никого из наших начальников нет... Что мне делать?..

Это был не единичный случай. В управление связи Ленинградского фронта позвонила дежурная телефонистка станции Вырица, куда уже ворвались вражеские войска. Она успела сообщить некоторые важные сведения и тоже спрашивала, что ей делать. Ей ответили, чтобы она поскорее уходила со станции, по возможности приведя в негодность аппаратуру...» [Куманев Г. Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005. С. 162.]

...Сталин, сколько мог, выдерживал разделение власти на гражданскую и военную — не стоило раньше времени деморализовывать военных, надо было дать им шанс выправить положение.

Гроза разразилась 29 июня. Микоян оставил об этом инциденте широко известные воспоминания: «29 июня, вечером, у Сталина в Кремле собрались Молотов, Маленков, я и Берия. Подробных данных о положении в Белоруссии тогда ещё не поступило. Известно было только, что связи с войсками Белорусского фронта нет. Сталин позвонил в Наркомат обороны Тимошенко, но тот ничего путного о положении на западном направлении сказать не мог. Встревоженный таким ходом дела, Сталин предложил всем нам поехать в Наркомат обороны и на месте разобраться в обстановке. В Наркомате были Тимошенко, Жуков и Ватутин. Жуков докладывал, что связь потеряна, сказал, что послали людей, но сколько времени потребуется для установления связи — никто не знает. Около получаса говорили довольно спокойно. Потом Сталин взорвался: “Что за Генеральный штаб? Что за начальник штаба, который в первый же день войны растерялся, не имеет связи с войсками, никого не представляет и никем не командует?”

Жуков, конечно, не меньше Сталина переживал состояние дел, и такой окрик Сталина был для него оскорбительным. И этот мужественный человек буквально разрыдался и выбежал в другую комнату. Молотов пошел за ним. Мы все были в удрученном состоянии. Минут через 5-10 Молотов привел внешне спокойного Жукова, но глаза у него были мокрые...»

Микояну верить можно с очень большими оговорками, и лишь когда речь не идет о людях, с которыми у него или его команды личные счеты. С Жуковым такие счеты были, поэтому Анастас Иванович вполне мог и слегка «опустить» неприятного ему человека. А вот что рассказывал Молотов писателю Ивану Стаднюку: *«Ссора вспыхнула тяжелейшая, с материциной и угрозами. Сталин материл Тимошенко, Жукова и Ватутина, обзывал их бездарями, ничтожествами, ротными писаришками, портяночниками. Нервное напряжение сказалось и на военных. Тимошенко с Жуковым тоже наговорили сгоряча немало оскорбительного в адрес вождя. Кончилось тем, что побелевший Жуков послал Сталина по матушке и потребовал немедленно покинуть кабинет... Изумлённый такой наглостью военных, Берия пытался вступить за вождя, но Сталин, ни с кем не попрощавшись, направился к выходу. Затем он тут же поехал на дачу».*

Вторая версия больше похожа на правду. Во-первых, она соответствует характерам и лексике как товарища Сталина, так и товарища Жукова. А во-вторых, в первом случае совершенно непонятно, почему в тот же вечер было принято решение о создании ГКО. А вот если военные послали наоравшего на них штатского председателя Совнаркома известно куда, и тот внезапно осознал, что ему следует туда пойти, потому что власти над ними он не имеет...

В тот же вечер и было принято озвученное на следующий день решение о создании Государственного Комитета Оборона, к которому отныне переходила вся полнота власти в стране. А Сталин, как председатель ГКО, становился единоличным правителем СССР. И все это наверняка происходило под аплодисменты членов Политбюро, которым не могла нравиться практикуемая товарищем Сталиным «размазанность» власти в Советском Союзе [Молотову она не нравилась ещё в 1930 году, когда он настаивал, чтобы Сталин стал председателем Совнаркома. Да и какому нормальному государственному деятелю может понравиться, когда глава государства управляет не с помощью властных полномочий, а посредством партийного членства и культа личности?].

Впрочем, есть еще одна версия событий того замечательного дня. Её по крупицам собрал, проверил и перепроверил московский историк Юрий Жуков. Основывался он на воспоминаниях Микояна — но не тех, которые написаны, а на тех, что Анастас Иванович поведал ему лично, — и проверял по журналам передвижений членов Политбюро. Картинка, может быть, в этой книге и излишняя, но по части психологии совершенно очаровательная. По Жукову, дело было так...

После инцидента в наркомате обороны Сталин уехал на дачу. Вообще-то ничего странного тут нет. Он был человеком очень эмоциональным (кто-то даже назвал его «кипящим»), но скованным железной самодисциплиной, и лишь время от времени, очень редко, его *прорывало*. Подобные люди переживают такие моменты очень тяжело, и нет ничего удивительного, что Сталин отправился на дачу, возможно, бросив в сердцах что-то вроде той самой знаменитой фразы о наследии Ленина, которое они прос...ли. Зачем поехал? Да просто успокоиться. Все равно в таком состоянии он едва ли смог бы работать — и уж всяко ему самому виднее, как быстрее всего привести себя в порядок.

Но в его окружении был опытнейший аппаратчик, которого еще в 20-е годы за это качество прозвали «каменной задницей» — Молотов, сделавший из происшедшего свои выводы. И, как рассказывал Юрий Жуков, именно Молотов придумал ГКО. Когда у него появилась эта идея, он позвонил Берии и Маленкову, они трое встретились в кабинете Берии в Кремле, окончательно обсудили новый орган, затем позвали Микояна и все вместе отправились на Ближнюю дачу, к Сталину. По-видимому, там же договорились о распределении ролей — но об этом позже.

Кстати, к вопросу о Микояне... По поводу его присутствия там у меня возникают серьезные сомнения — не преувеличивает ли он свою значимость? Например, в воспоминаниях о начале войны он пишет: *«В субботу, 21 июня 1941 года, вечером мы,*

члены Политбюро, были у Сталина на квартире. Обменивались мнениями. Обстановка была напряженной. Сталин по-прежнему думал, что Гитлер не начнет войны. Затем приехали Тимошенко, Жуков и Ватутин. Они сообщили о том, что только что получены сведения от перебежчика, что 22 июня в 4 часа утра немецкие войска перейдут нашу границу...» — ну и так далее. Но дело в том, что сообщение о перебежчике было передано только в 3.10, и то по линии НКГБ. Пока оно дойдет до военных, пока те соберутся и приедут к Сталину... В общем, появиться в сталинской квартире они должны были уже с двумя известиями: о перебежчике и о начале войны — и услышать от вождя, что, вообще-то говоря, он уже все это знает от Берии. Микоян явно что-то путает, да и никакими документами его присутствие возле Сталина вечером 21 июня не подтверждается.

То же самое и с 29 июня — почему те, кто принимал решение о создании ГКО, позвали именно Микояна, который даже не вошел в его состав? При том, что Ворошилов, например, остался «за бортом» этого блиц-совещания? Похоже, Анастас Иванович несколько преувеличивает свою реальную роль в государстве. Никакого особого криминала в этом нет, так делают многие, и это не дает оснований отметить его рассказ (он мог узнать обо всем от того же Маленкова или Берии).

Юрий Жуков пишет: *«Задуманное выглядело как переворот, и, по сути, являлось таковым. Ведь предстояло отстранить от власти либо весьма значительно ограничить в полномочиях не только Вознесенского, Жданова, но и Сталина»* [Жуков Ю. Сталин: тайны власти. М., 2005. С. 114.]. Со второй фразой согласиться сложно — ничего себе ограничение! А вот с первой... Да, это и вправду был переворот — вождя буквально впахнули во власть, заставив стать наконец и формально тем, кем он все эти годы являлся фактически — верховным правителем СССР.

...И всё равно с военной властью творилось черт знает что. Достаточно быстро выяснилось, что Тимошенко не справляется с обязанностями главкома. Но другой кандидатуры не было — точнее, была, однако данный товарищ, судя по его действиям, очень сильно этого назначения не хотел. Для начала он попытался снова спустить вопрос о власти «на тормозах». 10 июля Ставку Главного командования преобразовали в Ставку Верховного командования. От предыдущего этот орган отличался тем, что председателя у него не было вообще, а первым в списке упоминался Сталин. Однако Тимошенко оставался наркомом обороны, то есть формально руководил армией, и как такая властная структура могла функционировать, вообще непонятно.

19 июля Сталин сменил Тимошенко на посту наркома, так что армия получила хотя бы призрак единого командования. Оставался последний шаг, на преодоление которого ушло, тем не менее, три недели. В качестве промежуточной меры 29 июля начальником Генштаба был вновь назначен маршал Шапошников. А 8 августа в СССР появилась должность Верховного Главнокомандующего.

На этом посту Сталин еще раз показал, что может справиться с любым делом. Но нам интересно другое. Для него всегда была абсолютным приоритетом экономика, и в первую очередь он был именно руководителем экономики: стратегом, хозяйственником, кадровиком... Однако став Верховным Главнокомандующим во время тяжелейшей войны, он уже физически не мог совмещать эти две функции — скорее всего, именно в этом причина того, что он до последнего не хотел брать на себя управление армией. Вынудила его только смертельная опасность, нависшая над страной.

Да, но на чьи плечи он перегрузил экономику? Война не терпит коллегиальности, и, чтобы стать главнокомандующим на фронте, Сталин должен был опереться на «главнокомандующего» в тылу. Пусть это будет не абсолютный руководитель, а хотя бы «первый среди равных» — но такого человека он должен был иметь.

Однако в истории войны его существование никак не отмечено.

«Ты чувствуешь сквозняк оттого, что это место свободно?» [Борис Гребенщиков.]

Странная склонность к суициду, или На что рассчитывал Гитлер?

—Вот и выходит, товарищ Момыш-Улы, что и побеждая можно оказаться побеждённым.

Как, товарищ генерал?

—А цена? — живо ответил Панфилов. — Цена, которую платят за победу?

Александр Бек. Волоколамское шоссе

Это так общеизвестно, что неприлично даже вспоминать — не вступать в войну с Россией завещал еще Бисмарк. Ему принадлежит знаменитая фраза: «На Востоке врага нет!»

Пресловутый «Дранг нах Остен» был магнитом, вектором германской политики, частью их менталитета уже не менее тысячи лет. Понять немцев нетрудно. Германия чем дальше, тем более остро нуждалась в земле, хлебе, ресурсах. Собственно, это была общая проблема европейских государств — но не у всех под боком маячили такие колоссальные и столь дурно обрабатываемые пространства, которые словно бы просили хозяйской руки. К началу XX века идея колонизации Украины, судя по всему, стала в определенных кругах Германии настоящей шизой. Иначе зачем предупреждение Бисмарка? Ну кто нормальный, скажите, сюда сунется?

Нет, теоретически выиграть войну по европейским стандартам — то есть взять столицу и даже заключить какой-то мир — было возможно. Но проблема в том, что настоящие трудности у победителя начались бы только потом, после внезапного осознания того факта, что у русских, оказывается, другие правила ведения войны.

...Вскоре после подписания пресловутого пакта 1939 года германский генштаб заказал эмигранту генералу Краснову аналитический обзор: «Поход Наполеона на Москву в 1812 году. Теоретический разбор вопроса о возможности такого похода в XX в. и возможные последствия подобной акции».

Естественно, изучая вопрос, просто невозможно было пройти мимо мемуаров графа Армана де Коленкура, приближенного Наполеона. Тот приводит короткую, но выразительную сценку: разговор Александра I с послом Наполеона де Нарбонном о войне и мире, который завершился следующим образом: раскрыв перед французом карту России, русский царь указал на самые далекие окраины и сказал:

«—Если император Наполеон решится на войну и судьба не будет благосклонной к нашему справедливому делу, то ему придется идти до самого конца, чтобы добиваться мира».

В разговоре уже с самим Коленкуром Александр более детально раскрыл русскую стратегию ведения войны на своей территории:

«—Мы не пойдём на риск. За нас — необъятное пространство, и мы сохраним хорошо организованную армию. Когда обладаешь этим, то, по словам императора Наполеона, несмотря на понесенные вами потери, никто не сможет диктовать вам свою волю... Я не обнажу шпагу первым, но я вложу ее в ножны не иначе, как последним. Пример испанцев доказывает, что именно недостаток упорства погубил все государства, с которыми воевал ваш повелитель... Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице договоры, которые являются только передышкой. Француз храбр, но долгие лишения и плохой климат утомляют и обескураживают его. За нас будут воевать наш климат и наша зима».

Александр не открыл никаких потрясающих секретов — он всего лишь изложил французу обычный русский способ ведения войны, с опорой на главное оборонительное сооружение России — её самое.

До середины XX века Россия сама по себе являлась неприступной крепостью. Ее колоссальные пространства были непреодолимым препятствием для армии, идущей со скоростью лошадиного шага, осенняя распутица активизировала главные оборонительные сооружения страны — чудовищные грунтовые дороги, а потом приходила зима и добивала все, что еще шевелилось на месте армии вторжения, как это было с Наполеоном. Или же просыпались, наконец, русские люди, осознавали, что пришли какие-то... .. и вышибали их вон, как это было в 1612 году. Лейтмотив всегда был один и тот же: «Как бы мы ни жили, но вас сюда не звали!»

Нет, Гитлер мог полагать, будто бы русский народ воспримет немцев как освободителей от большевистского ига. Однако странно думать, что он способен был сделать серьезную ставку на *предположение*. В конце концов, в рейхе имелось полно репатриантов из СССР, из них выкачивали всю информацию, которой они хоть как-то располагали, и те наверняка рассказывали о характере народа, среди которого жили. В числе прочего поведав и о том, что русские, выбирая из двух зол, *никогда* не выберут чужаков и что предстоит война не только с армией, но и с народом.

По всей видимости, он это все же знал, потому что еще в самом начале войны отдал глубоко ошибочное решение о максимальной жесткости обращения с населением оккупированных территорий [На Украине были и другие игры — но только поначалу.] — по-видимому, исходя опять же из европейского менталитета. Если бы он знал, что русские, когда им нечего терять, не впадают в ступор, а звереют...

Гитлер мог разгромить Красную Армию, но все равно это стало бы всего лишь передышкой, поскольку в мире нет силы, способной пройти всю Россию, от Украины до Камчатки. Завоевателю неизбежно придется устанавливать какую-то границу, а за этой границей тут же начнет собираться новая армия, недвусмысленно готовясь к реваншу. А уж если что и погубит эту страну, так никоим образом не недостаток упорства. Только очень упертый народ может растянуть свое государство на десять тысяч километров. И где бы Гитлер ни провел новую границу, за ней осталось бы достаточно России, чтобы вскоре дать ему бой — особенно если во главе этой России оставался бы Сталин. (И когда немцы подходили к Москве, советское правительство действительно переехало в другой город — Куйбышев, никоим образом не собираясь прекращать войну.)

Ещё раз вспомним характеристику, данную немецким производственником: *«Вы, русские, непредсказуемы и способны к неукладывающейся ни в какие рамки аккордной мобилизации. Безжалостны к себе (что говорить о врагах), угрюмы, патологически любите аккордную работу на пределе сил и насадно упорны... Пепел Ивана стучит у вас в груди, вы никогда не смиритесь с гибелью своей страны...»* [Кстати, в той же статье приводится еще один очаровательный эпизод (действующие лица те же). Прямого отношения к теме он не имеет — но такое нельзя не привести. «В корпусе администрации фирмы висит красочная карта Германии, я её разглядываю. Подходит тот же самый камрад, пальчиком показывает: вот, мол, где наш городок, а вот трасса Франкфурт — Кельн. На что я, не подумавши, брякнул, что, мол, знаю хорошо эту дорогу. Наша гвардейская 27-я дивизия должна сюда выйти в случае войны, смяв части вашей 3 БРД и 8 МД америкосов. Всё. Немая сцена. Камрад тяжело замолчал... вообще впал в кому».]

Мог ли Гитлер этого не знать?

...В плане «Барбаросса», в разделе «Общие задачи» записано: *«Основные силы русских сухопутных войск, находящиеся в западной России, должны быть уничтожены в смелых операциях посредством глубокого, быстрого выдвижения танковых клиньев. Отступление боеспособных войск противника на широкие просторы русской территории должно быть предотвращено».*

Допустим. Если Гитлер судил о предстоящем противнике, исходя из предшествующего опыта, когда он одним рывком прошел не только Польшу, но и куда более сильную Францию — да, он мог рассчитывать на что-то подобное. Особенно если переоценить нашу организованность и полагать, что ко времени начала войны «основные силы русских сухопутных войск» окажутся именно там, где они должны быть согласно оперативным планам, а не на железнодорожной станции в Урюпинске в ожидании эшелона или вообще черт знает где... [В реальности значительная часть наших войск, которые должны были к 22 июня быть сосредоточены у границы, находилась в пути или еще и не начинала грузиться. А кроме того, до 1 июля Управление военных сообщений вообще не вело графика движения своих поездов. Военная часть грузилась в эшелоны и ныряла в неизвестность, из которой потом когда-то и где-то выныривала. Где и когда — это уже отдельный и очень интересный вопрос. Как это выглядело? Из донесения 3-го управления наркомата обороны от 6 июля (особый отдел): «235 с.д. по 4 июля с.г. погрузила 26 эшелонов, из них: выгружено — 2, передано на ст. Псков — 11, находилось в районе Бологое — 3, а где еще 10 эшелонов, УПВОСО не знает». Еще один отрывок о злключениях эшелона с танками, который был отправлен в Орел: «Вместо г. Орла эшелон попал в г. Конотоп. После указаний о направлении эшелона в г. Орел он попал в Бахмач. В итоге с опозданием на 3 суток эшелон прибыл в Вязьму». В Вязьме, по-видимому, отчаявшись доставить груз без недолетов и перелетов, его прицепили к какому-то аналогичному составу и отправили в сторону фронта. Интересно — куда именно? И это еще не худший вариант — два эшелона с танками вообще потеряли.] И если он не слышал о знаменитом высказывании Фридриха Великого, что русского солдата нужно два раза застрелить, а потом еще толкнуть, чтобы он, наконец, упал. Можно было считать это лирикой, и считали — до тех пор, пока не столкнулись с этим солдатом в реальности, и оказалось, что на самом деле «запад есть запад, восток есть восток», и сравнивать их не стоит...

Но все же допустим, что Гитлеру удалось выполнить эту задачу. А что, интересно, собирался он делать с войсками, *не находящимися* в западной России [Кое-что по поводу немецких представлений о нашей стране. Рассматривая возможные варианты действий советских войск, генерал Лоссберг, работник оперативного отдела немецкого штаба верховного командования вермахта, в качестве одного из вариантов определил: «Русские используют метод, уже оправдавший себя в 1812 г., т. е. отступят в глубину своего пространства, чтобы навязать наступающим армиям трудности растянутых коммуникаций...» и т. д. И, поясняя этот вариант, писал, что рубежом расположения группировки, сконцентрированной в глубоком тылу, могут быть Двина и Днепр. Если таковы у него «глубины русского пространства»... С точки зрения нормального русака, Киев — это почти Европа.]? В приграничных округах наших военных в то время было 2.9 миллиона [Количество пленных слишком велико для такой армии (с июня по сентябрь немцы взяли в плен около 1,5 миллиона человек). Но тут они применили одну хитрость: гребли в качестве военнопленных мужчин призывного возраста, находившихся на оккупированной территории. Как видим, приписки существовали не только у нас...]. Численность всей армии — около 5 миллионов. А в случае мобилизации, согласно обычным расчетам, страна может поставить под ружье около 10% населения — для Советского Союза это было 15-17 миллионов человек (в реальности же число мобилизованных с 1941 по 1945 год составило 34 миллиона). По всей видимости, двухмесячный срок, отведенный Гитлером на восточную кампанию, был связан именно с мобилизацией: чтобы призвать пополнение, хотя бы кое-как обучить, сформировать в воинские части и отправить на фронт, как раз и требуется два с половиной — три месяца, и он хотел разгромить существующую армию до того, как на фронт начнут поступать новые части, собранные из мобилизованных.

Но даже если вермахту и удастся за предписанный срок выполнить задачи, изложенные в плане «Барбаросса», — то что Гитлер собирался делать потом? Быстрее ли

или медленнее, миллионом больше или миллионом меньше, но мобилизация все равно когда-то и как-то произойдет. Не говоря уже о том, что Красная Армия ведь и воевать постепенно подучится — а учатся русские быстро?!

И когда немецкая армия, пусть даже очень хорошая, но уставшая и поредевшая от боев, оторванная от Германии, снабжаемая по нескольким железнодорожным веткам, страдающим от горячего внимания диверсантов, окажется в *настоящей* (а не по Днепру) глубине России лицом к лицу с такой махиной — что она будет делать? Особенно если это произойдет зимой — а что такого, мы здесь живем круглый год, не только летом (финская война, например, изначально была зимней). При наших размерах и темпах как раз к декабрю и раскачаемся... В первый год войны немцы не имели даже зимнего обмундирования, да и антифриза тоже, что еще неприятнее — а морозы стояли под сорок градусов...

Мог ли Гитлер не понимать, что даже если он возьмет Москву, на него все равно неизбежно обрушится отобилизовавшаяся наконец *остальная* советская армия. И что тогда?

Так что даже блицкриг решал какие-то частные задачи, но не решал общих. Нелепо думать, что Гитлер этого не понимал. Вот и вопрос: на что он рассчитывал?

И, кстати, почему мы все-таки не ответили на нападение немцев традиционным образом — отступая в глубь России, чтобы спасти армию, как это сделали в 1812 году и повторили в 1942-м? Почему наши, не считая потерь, цеплялись за каждый камень и каждый куст, почему правительство бросало в эту мясорубку все, что было под рукой, вплоть до курсантов офицерских школ — лишь бы затормозить продвижение немцев?

Да, неотвратимо наступала осень или зима — но это лишь часть ответа. Тут явно должно быть что-то еще, что понимали оба вождя.

Так в чем был расчёт Гитлера и ответ Сталина?

* * *

...Генерал Ганс фон Сект, командовавший рейхсвером [Рейхсвер — так называлась германская армия до того, как в 1935 году была преобразована в вермахт.] в 20-х годах, слыл русофилом, хотя таковым и не являлся. Его стремление наладить контакт с Советским Союзом было вынужденным следствием Версальского мира. А вообще-то он был патриотом Германии и, как и положено патриоту, прокручивал разные варианты войн, в том числе проводил и оперативно-стратегические игры, моделируя войну с СССР. То же самое делал несколько позднее командующий вермахтом фельдмаршал фон Бломберг. В 1937 году данные об этих играх добыла наша разведка и положила на стол Сталину

Вот что пишет по этому поводу Павел Судоплатов:

«После оперативно-стратегических игр, проводившихся фон Сектом, а затем Бломбергом, появилось “завещание Секта”, в котором говорилось, что Германия не сможет выиграть войну с Россией, если боевые действия затянутся на срок более двух месяцев и если в течение первого месяца войны не удастся захватить Ленинград, Киев, Москву и разгромить основные силы Красной Армии, оккупировав одновременно главные центры военной промышленности и добычи сырья в европейской части СССР».

Как отреагировал на эту информацию Сталин? Продолжим цитировать Судоплатова:

«Хотя Сталин с раздражением относился к разведывательным материалам, вместе с тем он стремился использовать их...для доведения до германских военных кругов информации о неизбежности для Германии длительной войны с Россией. Акцент делался на то, что мы создали на Урале военно-промышленную базу, неуязвимую для немецкого нападения».

Москва, Ленинград и Киев нужны были немцам не только как крупные города, центры промышленности и железнодорожные узлы. План «Барбаросса» предусматривал создание на оккупированной территории нескольких государств, с которыми Германия собиралась заключить мирные договоры, создав таким образом некое подобие буферной зоны между собой и остатком СССР. (Что забавно, среди многочисленных германских планов есть и такие, которые предполагали сделать эти государства... социалистическими. Это ещё раз доказывает, что «крестовый поход против большевизма» к целям войны отношения не имеет.)

Но на самом деле даже выполнение и этих планов ничего не решало — с конкурирующими правительствами Сталин мог без труда разобраться в рабочем порядке. Русские — народ с очень хорошей памятью, и если выбирать не между жизнью и смертью, а между тем, за кого умирать — за великую империю или за каких-то немецких холоуев... Как вы полагаете, долго ли продержится против РККА армия буферного государства с русским населением?

Сталин не увлекался игрой в солдатики, так что он сразу ухватил суть, вычленив в завещании Секта единственную *настоящую* угрозу — на нее и ответил. «Военно-промышленная база на Урале» была блефом — но именно этот блеф показывает, что на самом деле работало козырной мастью в игре.

Действительно, если отрешиться от логики дивизий и корпусов и применить к делу обычные житейские соображения, сразу видно, что Гитлер мог выиграть эту войну, и даже без особого труда. У Советского Союза, в целом непобедимого, имелась одна роковая особенность. Большая часть его индустриальной базы, и в частности военной промышленности, была сосредоточена в европейской части страны. И если Гитлер сумеет быстрым ударом захватить эту промышленную базу (или, на худой конец, уничтожить — лишь бы не работала на СССР) — то после этого Советский Союз может выставить не то что пятнадцатую-, а хоть стомиллионную армию — что она сможет без оружия, без техники?

«Цель операции должна состоять в уничтожении русских вооруженных сил, в захвате важнейших экономических центров и разрушении остальных промышленных центров, прежде всего в районе Екатеринбурга; кроме того, необходимо овладеть районом Баку». Это Гитлер писал в заметках к плану «Барбаросса» еще на начальной стадии его разработки. В этом, а вовсе не в патриотизме или идеологии был смысл выражения «Советский Союз — колосс на глиняных ногах». Захватив в ходе блицкрига расположенную недалеко от границ промышленную базу, немецкая армия подсекала эти самые ноги и выигрывала войну. Дальнейшее было уже вопросом времени.

Как видим, стратегия победы Гитлера чрезвычайно проста: захватить промышленные районы Советского Союза, затем разделить оккупированную территорию на несколько протекторатов, а остальную страну отрезать от морей, ввести жесткие ограничения на поставки, чтобы невозможно было провести вторую индустриализацию — и предоставить России ее собственной судьбе: реванша в обозримом будущем уже не будет.

Так что разгром армии — далеко не самое худшее, что ожидало Советский Союз в случае, если гитлеровские планы сбудутся. Перспективы оказывались куда более мрачными. Странно было бы думать, что Сталин их не понимал.

Главный удар и главный отпор

Каждое подлинное произведение искусства... имеет одну неизменную особенность: основа его всегда проста, как бы сложно ни было выполнение.

Гилберт Кийт Честертон

...Ни для кого не было секретом, где находятся важнейшие промышленные центры Советского Союза. Это Москва, Ленинград и Украина. Соответственно разрабатывалась и грядущая кампания. В подписанном Гитлером 18 декабря 1940 года плане «Барбаросса» говорится:

«Направление главного удара должно быть подготовлено севернее Припятских болот. Здесь следует сосредоточить две группы армий.

Южная из этих групп, являющаяся центром общего фронта, имеет задачу наступать особо сильными танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее ее и раздробить силы противника в Белоруссии... с тем, чтобы во взаимодействии с северной группой армий, наступающей из Восточной Пруссии в общем направлении на Ленинград, уничтожить силы противника, действующие в Прибалтике, Лишь после выполнения этой неотложной задачи, за которой должен последовать захват Ленинграда и Кронштадта, следует приступить к операции по взятию Москвы — важного центра коммуникаций и военной промышленности.

Только неожиданно быстрый развал русского сопротивления мог бы оправдать постановку и выполнение этих обеих задач одновременно.

...Группе армий, действующей южнее Припятских болот, надлежит посредством концентрических ударов, имея основные силы на флангах, уничтожить русские войска, находящиеся на Украине, еще до выхода последних к Днепру.

...По окончании сражений южнее и севернее Припятских болот в ходе преследования следует обеспечить выполнение следующих задач:

на юге — своевременно занять важный в военном и экономическом отношении Донецкий бассейн;

на севере — быстро выйти к Москве. Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех, не говоря уже о том, что русские лишатся важнейшего железнодорожного узла» [Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Накануне. Т. 1. С. 406 — 407.]

Можно спорить о том, действительно ли план «Барбаросса» уже спустя две недели лежал на столе у Сталина, или же нет — но 11 марта на том же столе лежал план Генштаба Красной Армии о стратегическом развертывании, а 20 марта — отчет начальника Разведуправления Красной Армии.

Из плана Генштаба Красной Армии о стратегическом развёртывании вооруженных сил Советского Союза. 11 марта 1941 г.

«Документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по западу, так и по востоку Генеральный штаб Красной Армии не располагает [Однако это никоим образом не означает, что: а) Генштаб не располагал подробными разведывательными данными; б) такими же, а возможно, и документальными данными не располагал Сталин.]

Наиболее вероятными предположениями стратегического развертывания возможных противников могут быть;

на западе:

Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы на юго-востоке от Седлец до Венгрии, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину.

Этот удар, по-видимому, будет сопровождаться вспомогательным ударом на севере — из Восточной Пруссии на Двинск и Ригу или концентрическими ударами со стороны Сувалки и Бреста на Волковыск, Барановичи...»

Из доклада начальника Разведуправления Генштаба Красной Армии генерал-лейтенанта Голикова. 20 марта 1941 г.

«...Из наиболее вероятных вариантов действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимания следующие:

1. Вариант № 1 по данным анонимного письма, полученного нашим полпредом в Берлине от 15 декабря 1940 года (приложение № 1):

“...основное направление удара: а) от Люблина по Припяти до Киева; б) из Румынии между Яссы и Буковиной в направлении Тетерев, и в) из Восточной Пруссии на Мемель, Виллинг, р[ека] Березина и далее вдоль Днепра на Киев”;

2. Вариант № 2 по данным КОВО от декабря 1940 года (приложение № 2):

“...Три главных направления удара: а) из Восточной Пруссии в направлении Литвы, Латвии и Эстонии. Этот удар имеет те преимущества, что Литва, Латвия и Эстония сразу же становятся союзниками Германии. Кроме того, Финляндия сразу же присоединяется к Германии, чтобы отнять забранную территорию; б) через Галицию и Волынь. Эта группа войск будет иметь поддержку украинцев и в[ойск] из Румынии, которая будет стремиться захватить отобранную у неё территорию.

Группа войск 2-го и 3-го направлений окружает войска противника в Мало-Польше. На остальном участке наносятся вспомогательные удары на фронтальном направлении с целью очищения всей остальной территории.

На Востоке СССР будет связан с Японией, что является для Германии плюсом, так как противник должен создать сразу два фронта, а поэтому концентрация его сил против Германии невозможна”.

3. Вариант № 3 по данным нашего агентурного донесения на февраль 1941 года:

“...Для наступления на СССР создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бок наносит удар в направлении Петрограда, 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рунштудт — в направлении Москвы, и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееб — в направлении Киева...”»

Как показали реальные события, верным являлся третий вариант.

С точки зрения военной науки план Гитлера был жутко авантюрным — удар на фронте огромной протяженности по трем расходящимся направлениям. Даже при том, что противостояла ему рыхлая и плохо организованная, хотя и многочисленная армия. Но это если не учитывать специфики данной конкретной ситуации. А если учитывать, то план сразу становится надежным и единственно верным.

Итак, как уже говорилось, основной расчет Гитлера был на то, чтобы захватить или уничтожить основные центры советской военной промышленности, а потом спокойно ждать, когда у Красной Армии кончатся оружие, боеприпасы и техника. Как показала практика, ожидание продлилось бы примерно до Нового года.

Планируя разгром, авторы плана «Барбаросса» наверняка были осведомлены обо всех уязвимых местах противника — даже после «тридцать седьмого года» в РККА у немцев было достаточно «друзей», в том числе и на самом «верху». Не знали они только об одном ее свойстве — о боевых качествах советского солдата. Возможно, о них не были осведомлены и советские генералы — за последние двадцать лет Красной Армии почти не приходилось воевать, а немногочисленные военные кампании проходили на чужой территории. При разработке плана «Барбаросса» его авторы судили о солдате противника по Первой мировой войне, не сообразив, что у противостоящих им общества и армии совершенно другая социальная структура, породившая и другого бойца. Почему — долгий разговор, примем это как факт, который в конечном итоге стал для немцев роковым.

Украина, расположенная у самой границы, была у Гитлера, что называется, в кармане. Войска нашего Юго-Западного фронта не могли использовать основной козырь российских войн — отойти в глубь своей территории, поскольку должны были прикрывать промышленные районы. Они были обречены схватиться с немцами в приграничных сражениях, в которых не имели шансов.

Украину Гитлеру даже не обязательно было захватывать всю сразу — на первом этапе достаточно было взять часть её, а на остальной территории бомбежками дезорганизовать работу заводов и транспорта, нарушив тем самым *связность* советского

оборонного комплекса. Простой пример: в то время дизеля для танков выпускал один на всю страну завод в Харькове. Разбомбить его — и танковая промышленность СССР парализована на много месяцев.

Ленинград тоже не обязательно брать — он расположен в углу, образованном Финским заливом и границей, так что его легко блокировать. Блокады, в общем-то, вполне достаточно — главное, чтобы город не мог отправлять оборонную продукцию на Большую Землю.

Основную проблему для Гитлера представлял московский промышленный район, расположенный в глубине советской территории. Суть проблемы предельно проста — до него дольше всего идти, солдаты устанут, да и погода испортится. Вместе с тем брать его надо, причем желательно в первый год войны. При любом нормальном правительстве вывод из строя предприятий Украины и блокада Ленинграда уже означали бы победу — но советское правительство и советское общество никто и никогда не назвал бы нормальными. Кто их знает, что они придумают за год, имея в своем распоряжении Москву и Урал? Лучше было перестраховаться. И Гитлер — возможно, получив известие, что вермахту откроют фронт в Белоруссии — рисует еще одну стрелочку на карте и ставит на это направление побольше танковых дивизий, чтобы скорее покончить и с Москвой тоже. Получится — хорошо, нет — надо подойти к советской столице на расстояние бомбёжки, определяемое дальностью действий истребителей, чтобы спокойно и со вкусом долбить ее с воздуха, приближая момент, когда противнику будет нечем стрелять.

Что мог противопоставить этому плану Сталин? При том, что он наверняка понимал: Красная Армия неспособна отразить немецкий удар у границы, а значит, как минимум Украину он потеряет? По всем расчётам — практически ничего. Любое сопротивление лишь продлевало агонию.

* * *

Впрочем, в жизни всегда есть место чуду, и был какой-то минимальный шанс, один из десяти или из ста, что Красная Армия все же сумеет отбить врага. Такой шанс всегда есть. Но Сталин и его использовал плохо, промахнувшись с оценкой направления главного удара.

...Что бы ни доносили закордонные нелегалы, все их сведения поверялись донесениями разведки приграничных округов, которая постоянно отслеживала сосредоточение войск. Немецкое командование могло скрыть оперативные планы, но не общее количество находящихся на границе солдат и техники, тем более что сосредоточение шло на территории оккупированной страны, население которой не питало к немцам ни малейшей симпатии.

Разведка до самых последних недель сообщала о том, что против Киевского Особого и Западного военных округов находятся примерно одинаковые группы войск.

Вот как выглядел расклад сил первого эшелона немецких и наших войск на 22 июня [Таблицы составлены Ю. Нерсесовым.].

ГЕРМАНИЯ			
Группы армий:			
Дивизии:	«Север» [Без учёта войск в Финляндии.]	«Центр»	«Юг»
Пехотные	23	34	35 + 13 румынских

(горные, егерские)			
Кавалерийские	—	1	4 румынские
Моторизованные	3	6	4
Танковые	3	9	5 + 1 румынская
Бригады [Две бригады приравниваются к дивизии. Германская горная бригада СС «Норд», румынские горные и кавалерийские бригады отмечены как дивизии, поскольку вскоре были переименованы в них без изменения численности и вооружения.]:			
Пехотные	—	—	1 венгерская
Кавалерийские	—	—	1 венгерская
Моторизованные	—	2	2 венгерских
Танковые батальоны	2	2 (огнемётных)	2 (огнемётных)
Итого:	34	51	44+19

Несмотря на кажущееся превосходство группы армий «Юг» в абсолютном исчислении, на самом деле, во-первых, у нее был гораздо более протяженный фронт, во-вторых, девятнадцать дивизий из общего числа — союзнические, а это войска даже не второго, а третьего сорта. Направление же главного удара легко вычисляется по количеству танковых (и моторизованных) дивизий. Знаменитые немецкие танковые клинья родились не в июне сорок первого, о них знали и, по идее, должны были учесть. Гитлер явно сосредоточивал основные силы на севере. И тем не менее командование Красной Армии держит большинство войск на Украине.

СССР			
Дивизии	Прибалтийский и Ленинградский округа	Белорусский округ	Киевский и Одесский округа
Стрелковые и горнострелковые	34	24	45 (32+13)
Кавалерийские	—	2	5 (2+3)
Моторизованные	4	6	10 (8+2)
Танковые	8	12	20(16 + 4)
Стрелковые бригады	2	—	—
Итого:	47	44	80

Как видим, на Украине сосредоточено почти в два раза больше войск, чем в Белоруссии. Тем самым наше командование совершило роковую ошибку, в результате которой немцы на направлении главного удара — именно в Белоруссии, — на пятый день войны взяли Минск, а к середине октября, несмотря на сопротивление наших частей, дошли уже до Москвы. Считается, что не то маршал Жуков *продавил* свое ни на чем не основанное убеждение в том, что направлением главного удара станет именно Украина, не то сам Сталин *повелел* так считать — и советское правительство вкупе с генералами, словно загипнотизированные, покорно пошли этим путем. Данные тезисы стали уже общим местом.

Но, с другой стороны, ведь на Украине даже удвоенное количество наших войск все равно не смогло сдержать немцев! И что толку, если бы их расположили «правильно»? Ну, может быть, Западный фронт рухнул бы немного позже, а Киев Гитлер бы взял немного раньше. В чем разница-то?

Так почему же такой перекося? Здесь существует два варианта ответа. Первый мы знаем — не то ошибка, не то преступление тех, кто планировал войну. Но есть и другой ответ. Кто сказал, что расположение наших войск было связано именно с гитлеровскими планами? А если не с ними, а со сталинскими?

Да, можно понять Гитлера, который был полностью уверен в победе. В каком страшном сне ему могло присниться, что русские окажутся способны на **такое**?!

* * *

Давайте повернемся на 180 градусов и посмотрим на ситуацию со стороны Кремля. Войсковые операции — это не выход. Полагаться на армию не приходилось бы, даже если бы она была на порядок приличнее того, что имелось в наличии — мало ли какая неожиданность может произойти? Остается найти какой-то «левый» вариант, который сработал бы даже в случае военного поражения Красной Армии, при внешнем успехе немцев на полях сражений разрушив *стратегические* планы Гитлера. Планы эти заключались в ликвидации советской оборонной базы. Это был единственный способ победить СССР — в любом другом случае, какую бы территорию ни захватили немцы, Германия неизбежно ввязывалась в войну ресурсов, в которой она не имела шансов.

О войне ресурсов у нас говорят много, но крайне редко поясняют, что это такое. Гитлер ведь ставил на блицкриг не от хорошей жизни, а по необходимости. Как раз ресурсов-то у Германии было мало. Да, на нее работала промышленность всей Европы, но что толку, когда недостает сырья и горючего? Население Германии было в три раза меньше, чем в СССР, а население оккупированных территорий можно было заставить работать, но не воевать.

В Советском Союзе дело обстоит с точностью до наоборот. У нас было практически все свое: сырье, нефть, уголь в количествах, превышающих всякое разумение, плюс к тому двести миллионов абсолютно неприхотливого населения, готового терпеть любые лишения и работать столько, сколько нужно (хотя и не столько, сколько работали члены ГКО — это лежало уже за гранью возможного). Единственной проблемой СССР было то, что его оборонная промышленность ещё не реализовала свой потенциал — просто не успела. Возможности были колоссальными. Если Сталин сумеет их осуществить хотя бы частично, то никакое величие вермахта не спасет Германию — её просто задавят. Ну не может даже олимпийский чемпион по борьбе побороть слона [Это не считая того, что Красная Армия и воевать постепенно научится.]! И отсюда с помощью простой логики приходим к выводу: спасение оборонной промышленности и является главной операцией Великой Отечественной войны.

Но вышла я на эту тему с другой стороны. Задумавшись: а в чем заключалась стратегия Сталина как главы государства? — я рассуждала следующим образом. Что делает хороший руководитель, если у него ограниченные ресурсы? Правильно: лучшее, что имеет, он не станет размазывать по всей территории, а бросит на выполнение самой важной задачи.

А у Сталина был колоссальный дефицит умелых организаторов. Значит, если удастся в хаосе первых недель войны найти операцию, которая была выполнена хорошо — она-то и является главной. Такая операция нашлась: летом сорок первого года только одно дело было сделано не то что хорошо, а блестяще — это эвакуация промышленных предприятий. Стало быть, сюда и был кинут главный организационный ресурс страны, а значит, в ней и заключалась сталинская стратегия победы.

Итак, основными промышленными районами СССР в угрожаемой зоне были, как мы уже знаем, Украина, Ленинград и Московская область. Но до Москвы и Ленинграда еще надо дойти, а расположенный возле границы украинский промышленный район предстояло спасти с первых же дней войны. Значит, нашей главной задачей в первые недели и месяцы являлось: подготовить эвакуацию военных предприятий и запасов, расположенных на Украине.

Сказать, что это сложная задача, — значит ничего не сказать. Она была заведомо невыполнима в полном объеме, и надо было постараться выполнить ее хотя бы частично. То есть, до последнего сдерживая немцев войсками Юго-Западного фронта, успеть вывезти как можно больше. Соответственно, там была и самая большая группировка наших войск — чтобы прикрыть эту операцию, всячески тормозя продвижение немцев.

Логично, и получается, что никакой ошибки не было! Просто сталинский расчет не имел отношения к плану «Барбаросса» и его ударам, а лишь к тому, что надо было дать время вывезти в глубокий тыл как можно больше заводов и запасов, а также постараться перекрыть немцам дорогу на Северный Кавказ, к нефти, если они станут туда прорываться.

И знаете, что выходит? А то, что направление главного удара на Москву Советскому Союзу, как это ни парадоксально, было даже выгодно. В Белоруссии особой промышленности не имеется — вот пусть Гитлер и бросит самые крупные свои силы перемерять ее поля, леса да болота. Арифметика предельно простая: чем больше танковых дивизий идет на Москву, тем меньше их остается на долю Киева. Россия — страна большая, до Москвы еще надо дойти, и пока вермахт станет туда прорываться (а ведь никто не мог предугадать, что Западный фронт рухнет практически мгновенно), наши на Украине будут делать свое дело.

Был ли риск потерять столицу? Был, конечно. Однако еще пример Наполеона говорил, что взятие Москвы, кроме чисто морального эффекта... ну, может быть, решало какие-то частные задачи, но никоим образом не решало общей и не означало победу (И Гитлер, если помните, говорил довольно сдержанно: «Захват этого города означает как в политическом, так и в экономическом отношении решающий успех»). В контексте плана «Барбаросса» это означало, что вместе с захватом Украины и Ленинграда взятие Москвы будет означать победу. А то, что сие деяние означает победу само по себе — это ещё не есть факт.) По крайней мере, наше правительство считало именно так, поскольку велело подготовить запасную ставку в Куйбышеве, явно собираясь даже в случае сдачи столицы продолжать войну.

Есть одно совершенно замечательное высказывание Сталина, которое приводит в своей книге авиаконструктор Яковлев:

«Мне очень хотелось задать ему один самый важный для меня вопрос. Но я все не решался, однако, уже прощаясь, все-таки не вытерпел:

—Товарищ Сталин, а удастся удержать Москву?

Он ответил не сразу. Прошелся молча по комнате, остановился у стола, набил трубку свежим табаком.

—Думаю, что сейчас не это главное. Важно побыстрее накопить резервы. Вот мы с ними побарахтаемся еще немного и погоним обратно...»

То есть Сталин не связывал с потерей Москвы поражение в войне, отнюдь. И даже разгром советской армии не означал победу Гитлера. И даже мирный договор ее не означал. Если у СССР будут заводы, рано или поздно он, с его чудовищными ресурсами, все равно победит. А вот если заводов не будет, то не будет ничего — ни столицы, ни армии, ни страны. В немецких воспоминаниях иной раз прорывается некоторое удивление: русские предпочитали положить полк ради того, чтобы успеть вывезти завод. В этом и была стратегия победы Сталина как главы государства, которую он и реализовал: любой ценой, любыми жертвами сохранить оборонный комплекс.

А ведь у нас выстраивается совсем другая война!

Выступление Сталина по радио. 3 июля 1941 г.

«Товарищи! Граждане!
Братья и сёстры!
Бойцы нашей армии и флота!
К вам обращаюсь я, друзья мои!

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу родину, начатое 22 июня, — продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперёд, бросая на фронт новые силы. Гитлеровским войскам удалось захватить Литву, значительную часть Латвии, западную часть Белоруссии, часть Западной Украины. Фашистская авиация расширяет районы действия своих бомбардировщиков, подвергая бомбардировкам Мурманск, Оршу, Могилев, Смоленск, Киев, Одессу, Севастополь. Над нашей родиной нависла серьёзная опасность.

Как могло случиться, что наша славная Красная Армия сдала фашистским войскам ряд наших городов и районов? Неужели немецко-фашистские войска в самом деле являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?

Конечно, нет! История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англофранцузскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала ещё серьёзного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьёзное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия так же может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма.

Что касается того, что часть нашей территории оказалась всё же захваченной немецко-фашистскими войсками, то это объясняется главным образом тем, что война фашистской Германии против СССР началась при выгодных условиях для немецких войск и невыгодных для советских войск. Дело в том, что войска Германии, как страны, ведущей войну, были уже целиком отмобилизованы, и 170 дивизий, брошенных Германией против СССР и придвинутых к границам СССР, находились в состоянии полной готовности, ожидая лишь сигнала для выступления, тогда как советским войскам нужно было ещё отмобилизоваться и придвинуться к границам. Немалое значение имело

здесь и то обстоятельство, что фашистская Германия неожиданно и вероломно нарушила пакт о ненападении, заключённый в 1939 г. между ней и СССР, не считаясь с тем, что она будет признана всем миром стороной нападающей. Понятно, что наша миролюбивая страна, не желая брать на себя инициативу нарушения пакта, не могла стать на путь вероломства.

Могут спросить: как могло случиться, что Советское правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном неслыханном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определённый выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии.

Что выиграла и что проиграла фашистская Германия, вероломно разорвав пакт и совершив нападение на СССР? Она добилась этим некоторого выигрышного положения для своих войск в течение короткого срока, но она проиграла политически, разоблачив себя в глазах всего мира, как кровавого агрессора. Не может быть сомнения, что этот непродолжительный военный выигрыш для Германии является лишь эпизодом, а громадный политический выигрыш для СССР является серьёзным и длительным фактором, на основе которого должны развернуться решительные военные успехи Красной Армии в войне с фашистской Германией.

Вот почему вся наша доблестная армия, весь наш доблестный военно-морской флот, все наши лётчики-соколы, все народы нашей страны, все лучшие люди Европы, Америки и Азии, наконец, все лучшие люди Германии — клеймят вероломные действия германских фашистов и сочувственно относятся к советскому правительству, одобряют поведение советского правительства и видят, что наше дело правое, что враг будет разбит, что мы должны победить.

В силу навязанной нам войны наша страна вступила в смертельную схватку со своим злейшим и коварным врагом — германским фашизмом. Наши войска героически сражаются с врагом, вооружённым до зубов танками и авиацией. Красная Армия и Красный Флот, преодолевая многочисленные трудности, самоотверженно бьются за каждую пядь Советской земли. В бой вступают главные силы Красной Армии, вооружённые тысячами танков и самолётов. Храбрость воинов Красной Армии — беспримерна. Наш отпор врагу крепнет и растёт. Вместе с Красной Армией на защиту Родины подымается весь советский народ.

Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, полных нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом. Он ставит своей целью восстановление власти помещиков, восстановление царизма, разрушение

национальной культуры и национальной государственности русских, украинцев, белорусов, литовцев, латышей, эстонцев, узбеков, татар, молдаван, грузин, армян, азербайджанцев и других свободных народов Советского Союза, га онеме-чение, их превращение в рабов немецких князей и баронов. Дело идёт, таким образом, о жизни и смерти Советского государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу.

Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникёрам и дезертирам, чтобы наши люди не знали страха в борьбе и самоотверженно шли на нашу отечественную освободительную войну против фашистских поработителей. Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза.

Мы должны немедленно перестроить всю нашу работу на военный лад, всё подчинив интересам фронта и задачам организации разгрома врага. Народы Советского Союза видят теперь, что германский фашизм неукротим в своей бешеной злобе и ненависти к нашей Родине, обеспечившей, всем трудящимся свободный труд и благосостояние. Народы Советского Союза должны подняться на защиту своих прав, своей земли против врага.

Красная Армия, Красный Флот и все граждане Советского Союза должны отстаивать каждую пядь советской земли, драться до последней капли крови за наши города и сёла, проявлять смелость, инициативу и смётку, свойственные нашему народу.

Мы должны организовать всестороннюю помощь Красной Армии, обеспечить усиленное пополнение её рядов, обеспечить её снабжение всем необходимым, организовать быстрое продвижение транспортов с войсками и военными грузами, широкую помощь раненым.

Мы должны укрепить тыл Красной Армии, подчинив интересам этого дела всю свою работу, обеспечить усиленную работу всех предприятий, производить больше винтовок, пулемётов, орудий, патронов, снарядов, самолётов, организовать охрану заводов, электростанций, телефонной и телеграфной связи, наладить местную противовоздушную оборону.

Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникёрами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов, вражеских парашютистов, оказывая во всём этом быстрое содействие нашим истребительным батальонам. Нужно иметь в виду, что враг коварен, хитёр, опытен в обмане и распространении ложных слухов. Нужно учитывать всё это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникёрством и трусостью мешают делу обороны, невзирая на лица.

При вынужденном отходе частей Красной Армии нужно угонять весь подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, не оставлять противнику ни килограмма хлеба, ни литра горючего. Колхозники должны угонять весь скот, хлеб сдавать под сохранность государственным органам для вывозки его в тыловые районы. Всё ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться.

В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах

создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия.

Войну с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Она является не только войной между двумя армиями. Она является вместе с тем великой войной всего советского народа против немецко-фашистских войск. Целью этой всенародной отечественной войны против фашистских угнетателей является не только ликвидация опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игмом германского фашизма. В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа, поработанного гитлеровскими заправилами. Наша война за свободу нашего отечества сольётся с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г. Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными.

Товарищи! Наши силы неисчислимы. Зазнавшийся враг должен будет скоро убедиться в этом. Вместе с Красной Армией поднимаются многие тысячи рабочих, колхозников, интеллигенции на войну с напавшим врагом. Поднимутся миллионные массы нашего народа. Трудящиеся Москвы и Ленинграда уже приступили к созданию многотысячного народного ополчения на поддержку Красной Армии. В каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага, мы должны создать такое народное ополчение, поднять на борьбу всех трудящихся, чтобы своей грудью защищать свою свободу, свою честь, свою родину — в нашей отечественной войне с германским фашизмом.

В целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР, для проведения отпора врагу, вероломно напавшему на нашу родину, — создан Государственный Комитет Обороны, в руках которого теперь сосредоточена вся полнота власти в государстве. Государственный Комитет Обороны приступил к своей работе и призывает весь народ сплотиться вокруг партии Ленина — Сталина, вокруг Советского правительства для самоотверженной поддержки Красной Армии и Красного Флота, для разгрома врага, для победы

Все наши силы — на поддержку нашей героической Красной Армии, нашего славного Красного Флота!

Все силы народа — на разгром врага!

Вперёд, за нашу победу!»

Глава 4

ГЛАВНАЯ ОПЕРАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Я могу поверить в невозможное, но не в невероятное... Если вы скажете мне, что великого Гладстона в его смертный час преследовал призрак Парнела, я предпочту быть агностиком и не скажу ни да, ни нет. Но если вы будете уверять меня, что Гладстон на приеме у королевы Виктории не снял шляпу, похлопал королеву по спине и предложил ей сигарету, я буду решительно возражать. Я не скажу, что это невозможно, я скажу, что это невероятно.

Гилберт Кейт Честертон

Независимо ни от каких стратегических раскладок, ни от каких теорий, эвакуация промышленности в первые месяцы войны признана во всем мире деянием грандиозным, беспримерным, уникальным и пр. У нас тоже, впрочем, она признается таковой — но как-то между делом. Едва ли можно найти книгу по истории войны, где бы не уделялось несколько абзацев этой беспрецедентной операции. Едва ли можно найти работу по истории войны, где этой операции уделялось бы более, чем несколько абзацев. Исключением стала книга Г. Е. Куманева «Проблемы военной истории отечества» — там данной теме уделена целая глава из 18 страниц! Кое о чем повествуется в собранных им же рассказах сталинских наркомов. И на этом — все! Если и есть еще какие-нибудь работы, то уж в таких недрах, куда без отбойного молотка не попадешь.

Странное, очень странное пренебрежение, вы не находите? Создается такое впечатление, что кто-то в свое время направил поток исторических работ в обход этой темы, а потом, когда протопталась колея, про неё и вовсе забыли. Кстати, и работ по экономическому развитию СССР после 1941 года тоже практически не существует.

И что любопытно — на той тоненькой тропиночке, которую протоптала в этой теме официальная история, тоже больше вопросов, чем ответов...

Чудеса от Казановича и К^о

Сказку, миф, фантасмагорию
Пропою вам с хором ли, один ли...
Владимир Высоцкий

Самая первая странность не заставляет себя долго ждать. Она появляется сразу же, за порогом. По официальной версии, не имеющее аналогов в мировой истории перемещение миллионов (!) людей и колоссальных материальных ценностей... производилось экспромтом. Планы эвакуации заранее не составлялись, а разрабатывались в рекордные сроки уже после 22 июня.

Историк Юрий Горьков пишет, излагая общепринятую версию: *«Незадолго до начала войны, в апреле — мае 1941 г. делались попытки предусмотреть, какие предприятия и в какой последовательности должны быть эвакуированы в глубь страны... Были поставлены задачи по разработке планов эвакуации, планов минирования и подрыва объектов, которые не могли быть вывезены на восток»* [Горьков Ю. Государственный Комитет Обороны постановляет. М, 2002. С. 159.].

И сразу возникает вопрос: *кто и перед кем* ставил такие задачи? Какое ведомство и что именно пыталось предусмотреть? Автор ссылается на Косыгина, и даже не заглядывая в Косыгина, можно сказать, что тот также не конкретизирует: были поставлены, и все! Товарищ Косыгин в 1941 году был зампредом Совнаркома, а стало быть, речь идет о каких-то совнаркомовских структурах. Даже в 70-е годы ему очень неудобно ссылаться на Сталина — однако между строк прочитывается, что задачи ставил Сталин. Но это совершенно не есть факт. Мало ли кто в советской верхушке мог накануне войны озаботиться этой темой?

Не будем верить в тотальную осведомленность всех и обо всем. К 1941 году режим секретности в СССР соблюдался должным образом, и даже иной раз сверхдолжным. Так что просто отметим для себя: человек, бывший зампредом Совнаркома по легкой промышленности, утверждает, что ничего о предварительных планах эвакуации не слышал.

Дальше Юрий Горьков пишет:

«То, что в самом начале войны пришлось создавать специальные органы по эвакуации и решать эти вопросы, которые должны быть заранее спланированы, говорит о том, что таких разработок в Совнаркоме не было».

О каких специальных органах идет речь — известно. 24 июня совместным постановлением СНК и ЦК ВКП(б) был создан Совет по эвакуации. Его состав: Л. М. Каганович (председатель), А. Н. Косыгин (зам. председателя), Н. М. Шверник (зам. председателя), Б. М. Шапошников, С. Н. Круглов, П. С. Попков, Н. Ф. Дубровин и А. И. Кирпичников.

Вам ничего тут не кажется странным? А именно — подбор персоналий? Почему в органе, ведавшем такой сверхважной вещью, как эвакуация, нет ни одного человека из тех, кто впоследствии вошел в ГКО? Во главе всех более или менее важных начинаний всегда оказывался кто-нибудь из «руководящей пятерки», а здесь начальствовал Каганович, не справившийся толком даже с руководством одними лишь железными дорогами [За что его и сняли весной 1942 года, когда железные дороги почти остановились.]. Микоян впоследствии пытался объяснить это назначение следующим образом: мол, тогда считалось, будто главным в этих вопросах должен быть Наркомат путей сообщения. Но эвакуационными перевозками ведал не НКПС, а Управление военных сообщений, абсолютно не подчинявшееся штатскому наркому. А из высокопоставленных военных в Совет входит один лишь маршал Шапошников, который перед войной отвечал за строительство укрепрайонов, а в первые дни войны занимался и вовсе непонятно чем — но уж никак не руководством перевозками [Впрочем, Шапошников, в начале войны командированный на Западный фронт, почти сразу заболел. Может быть, его отправили в Совет по эвакуации поправить здоровье на легкой работе?].

Ладно, примем за версию: возил грузы УВОСО, а общее руководство возложили на НКПС. Г. А. Куманев в своей работе «Война и эвакуация в СССР» приводит свидетельство о том, как готовились к эвакуации в ведомстве товарища Кагановича. В частности, бывший заместитель наркома путей сообщения и начальник Грузового управления НКПС Н. Ф. Дубровин вспоминал: *«Конкретными, заблаговременно разработанными эвакуационными планами на случай неблагоприятного хода военных действий мы не располагали. Положение осложнялось тем, что многие предприятия прифронтовых районов до последней возможности должны были давать продукцию для обеспечения нужд обороны. Наряду с этим нужно было своевременно подготовить оборудование промышленных объектов к демонтажу и эвакуации, которую приходилось часто осуществлять под артиллерийским обстрелом и вражескими бомбардировками.*

Между тем необходимого опыта планирования и проведения столь экстренного перемещения производительных сил из западных районов страны на восток у нас не было. Помню, как по заданию директивных органов мы специально разыскивали в архивах и библиотеках Москвы, в том числе в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина, хотя бы отрывочные сведения об эвакуации во время Первой мировой войны, но найти почти ничего не удалось. Опыт приобретался в ходе военных действий».

Ну, если эвакуация на самом деле проводилась так... чу, колокольчик! Бросайте книжку, немецкий барон зовет русских холопов пятки ему чесать! Не зовет? Ну, стало быть, не так все это было... И либо лукавит товарищ Дубровин, либо говорит лукавую же правду: не было в НКПС этих планов. Но не более того.

* * *

...Продержался Лазарь Моисеевич в качестве председателя данного органа недолго. 26-го, 27 июня и 1 июля в Совет по эвакуации были введены Микоян, в качестве первого заместителя председателя, Берия и Первухин, тоже в качестве зампреда, то есть в

нем появились наконец серьезные люди. 3 июля 1941 г. председателем Совета по эвакуации был назначен кандидат в члены Политбюро ЦК, секретарь ВЦСПС Шверник — с какого перепугу на эту должность поставили профсоюзника, вообще непонятно. 16 июля Совет переименовали в Комитет по эвакуации. Теперь в него входили Шверник (председатель), Косыгин (зам. председателя), Первухин (зам. председателя), Микоян, Каганович, Сабуров и Абакумов (НКВД). Берия, как видим, из данной структуры уже испарился, так что снова в ней не оказалось ни одного члена ГКО. Исчез и Шапошников, вскоре назначенный, как мы помним, начальником Генерального штаба.

Ну, и что мы имеем в итоге? А в итоге мы имеем не комитет, а форменный карнавал. Председатель — многолетний профсоюзник, в заместителях два зампреда Совнаркома, но каких! Косыгин — в недавнем прошлом нарком текстильной промышленности, Первухин — нарком электростанций. По этой логике, могли бы назначить и председателя Союза писателей... Далее: Микоян — нарком внешней торговли, о Кагановиче мы уже говорили, Сабуров — зампреда Госплана, самое время, конечно, планы размещения заводов составлять, до войны не успеть было... А в целом ощущение такое, словно бы мобилизовали людей из советской верхушки, кто меньше других загружен, и отправили командовать эвакуацией. Разве что Абакумов — но сами понимаете, до каких «параллельных» поручений было руководителю особых отделов в начале войны. Нет, может статься, он и приходил на заседания — поспать немного...

Тщетно пыталась я выловить и какую-то конкретную информацию о том, чем занимался Совет. Нашлась, правда, парочка «боковых» поручений. С 5 июля, например, на железных дорогах начали работать эвакуопункты, которые организовывали питание и медицинское обслуживание эвакуируемых, к 22 августа их насчитывалось 128 штук. Дело, конечно, хорошее, но перед тем как обеспечивать питанием, всех этих людей надо было собрать, посадить в вагоны, привезти эти вагоны на данные станции... Или, скажем, 11 июля Косыгин возглавил группу инспекторов при комитете, которые контролировали проведение эвакуации предприятий. Контроль — дело опять же хорошее — но кто проводил саму эвакуацию?

Молчат господа историки, молчат насмерть...

...Так, согласно официальной версии, выглядели организаторы той операции, которая во всем мире признана беспрецедентной. Без предварительных планов, в пожарном порядке, во главе с председателем советских профсоюзов, которому помогали люди, никаким боком не соприкасавшиеся с тем делом, коим были призваны руководить. А вот начальник Управления военных сообщений, которое реально занималось эвакуоперевозками, в их число не вошёл.

В общем, трудно найти структуру, которая бы так откровенно кричала о своей *декоративности*, как Комитет по эвакуации.

А теперь посмотрим, как выглядела эта никем заранее не подготовленная эвакуация. 27 июня было подписано постановление ЦК и Совнаркома «О порядке вывоза и размещения людских контингентов» и определены приоритеты: кого и что вывозить в первую очередь. В тот же день приняты решения о вывозе из Ленинграда ценностей и картин ленинградских музеев, из Москвы — государственных запасов драгоценных металлов, драгоценных камней, алмазного фонда СССР и ценностей Оружейной палаты Кремля. Немцы еще до Минска не дошли! А постановлением от 11 июля определяется порядок эвакуации предприятий *из Ленинграда и Москвы!* Едва ли стоит лишний раз называть имена людей, которые одни только могли принимать такие решения (и товарищ Шверник в их число не только не входил, но даже и права совещательного голоса там не имел). Ну и какие, спрашивается, планы были у советского правительства на грядущую войну, какая была у нас военная доктрина? Малой кровью на чужой территории?

А теперь кое-что о порядке эвакуации. Планы были разработаны детальнейшим образом. «Из Ленинграда завод № 7 — в Куйбышев, № 349 — в Казань, № 350 — в Новосибирск, № 354 — на ст. Ночка Пензенской области, № 357 — в Омск.

Из Москвы: завод № 46 — в Свердловскую область, завод № 4 — в Красноярск, завод № 232 — в Сталинград, завод № 5 (боеприпасов) — в Муром, завод № 77 — в Новосибирск, завод № 6 — в Молотов, завод № 522 — в Нижний Тагил и так далее. В постановлении указывался срок погрузки — не более 5-7 суток» [Горьков Ю. Государственный Комитет Обороны постановляет. С. 160 — 161.].

Или, скажем, 13 июля 1941 года ГКО постановил организовать в глубоком тылу производство бронейных и зенитных снарядов. Для этого надо было вывезти из Ленинграда и Москвы 2800 станков. Срок выполнения — 10 дней. Из Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы следовало перебросить 5 тысяч рабочих и специалистов. Сроки исполнения — два дня.

Ещё пример — уже упоминавшийся нами Харьковский дизельный завод. Его сумели перебазировать в Челябинск, практически не прерывая производства. В тот день, когда из Харькова ушел последний эшелон, в Челябинске выпустили первые дизеля.

А для того чтобы станки и рабочие прямо с колес вступали в бой, для них должны были заблаговременно подготовить площадки. Уже не в книге, а в интервью Г. А. Куманев говорит: *«Знаете, часто показывают в кино: эшелон с оборудованием, станками, рабочими выгружают где-то за Уралом в чистом поле, в снег... Но я ведь историк, работаю с документами. И просто обомлел, получив в архиве огромную схему — гигантскую “простынь” — эвакуации предприятий: с поразительной точностью было учтено оборудование, эвакуируемые кадры, расписание — день в день. Размещено — не в степи (за редчайшим исключением), а на площадках смежных предприятий! Пущено в ход — по плану, в необычайно сжатые сроки — в среднем за 1,5 месяца! [Цит. по: Куманев Г. Проблемы военной истории Отечества. 1938-1945. М., 2007. С. 631.] И все без предварительных планов! Все экспромтом! За какие-то две недели была составлена та самая «простыня», которую видел господин Куманев, детальнейший план перемещения промышленной базы в восточные районы страны! При этом надо было учитывать множество самых разнообразных вещей: наличие площадок для производства, удобство путей сообщения, близость смежников и поставщиков, чтобы не гонять поезда за тысячи километров, и многое другое. В общем, если Госплан за полгода справится с такой задачей, то ему можно давать премию за ударную работу, а в целом такие схемы создаются и отлаживаются годами, а еще вернее, десятилетиями, корректируясь и увязываясь с народнохозяйственными планами...»*

Кстати, насчёт площадок. В декабре 1940 года в Москве состоялось совещание высшего командного состава РККА, посвященное проблемам современной войны на базе анализа немецких военных операций. Завершилась она игрой на картах, моделирующей грядущее нападение.

А практически сразу после этой игры состоялась XVIII Всесоюзная конференция ВКП(б), на которой было принято решение «О форсировании темпов роста оборонной промышленности». В соответствии с этим решением предполагалось начать в глубоком тылу строительство тысяч новых предприятий. Это не оговорка: до июня 1941 года было введено 2900 так называемых предприятий-«дублёров».

Что можно сделать за четыре месяца, да еще когда строятся одновременно сотни заводов? Максимум — возвести коробки цехов да забор с воротами. Смешные, глупые, утопические планы, Гитлер, наверное, очень веселился... а впоследствии именно на этих площадках разместились предприятия, вывезенные с оккупированной территории. И, естественно, планы этого строительства составлялись не после партконференции — иначе все время, оставшееся до войны, как раз и ушло бы на составление планов.

Ещё один совершенно дивный документ, и даже с архивной ссылкой приводит Г. А. Куманев. 18 июля 1941 года в письме, направленном в Совет по эвакуации,

Генеральный штаб Красной Армии отмечал: *«Эвакуация населения и промпредприятий с западной границы СССР происходила без заранее составленного в мирное время эвакуационного плана, что, несомненно, отражается и на ее осуществлении»*. И вы знаете, что предложил в связи с этим Генштаб Совету по эвакуации? *«Дать указания соответствующим наркоматам на проработку плана вывоза подведомственных им предприятий, определив для них заранее эвакуационные базы»*.

Особенное очарование данному документу придает дата — через неделю после того, как постановлением правительства каждому эвакуируемому московскому и ленинградскому заводу была выделена конкретная площадка для размещения.

Для западной границы и в самом деле эвакуационного плана могло не быть — данная территория вошла в состав СССР лишь в 1939 году, да и оборонных предприятий там было не густо. Но то, что об остальных эвакуационных планах Генштаб как бы не знал ни сном ни духом, заставляет кое о чем задуматься. А именно — кто тот агент немецкой разведки, которому должен был попасться на глаза данный документ?

Инициативных людей в СССР было много, планы они составляли и предложения присылали активнейшим образом. Сталин регулярно их осаживал, как осадил кого-то из работников московского обкома при попытке составить планы эвакуации Москвы. Мол, придет время, вам скажут. Пришло время — и сказали, и организовали в считанные дни.

О чём говорят все вышеприведенные свидетельства? О том, что об эвакуационных планах не имели понятия НКПС, Совнарком, московский обком (чуть не сказала — Совет по эвакуации, ха-ха!) и т. д. Однако это не значит, что их не было. И в этом вопросе я более чем тенденциозна. Почему?

Представим себе, как выглядит выполнение постановления об эвакуации на конкретном заводе. Любая работа состоит из мелочей, вот и давайте попытаемся себе эти мелочи уяснить. Даже самые элементарные вещи — сколько времени в условиях войны займёт процесс добывания нужного количества досок, брезента, веревок для упаковки грузов и оборудования? Между тем очевидцы вспоминают, что на Ижорском заводе, например, станки грузили не просто так, а сколачивали ящики. А составление расписания работы автотранспорта? А режим погрузки, чтобы грузы не забивали станции? А очередность вывоза станков, запасов, оборудования, рабочих, чтобы по мере их прибытия можно было сразу налаживать производство?

Кстати, вторая очередь для Ижорского и Кировского заводов наступила осенью, 4 октября, когда уже было замкнуто кольцо блокады. При этом пять тысяч рабочих и служащих вывезли самолетами! Оборудование и остальной заводской персонал везли по железной дороге и затем через Ладогу. Эвакуация должна была начаться в тот же день и завершиться к 1 ноября, но уже в октябре на новом месте следовало развернуть производство танков с производительностью 1 — 2 штуки в сутки, а в декабре выпустить 210 танков КВ, то есть по семь штук в сутки. Что это значит? А значит это, что порядок вывоза заводов был продуман до последнего ящика болтов и набора инструментов, чтобы на новом месте, ничего не добывая, тут же разворачивать производство. Сколько времени нужно на один лишь расчет графика вывоза танкового завода?

Однако ведь это была далеко не вся эвакуация. На восток вывозили не только «оборонку», но и другие важные заводы, оборудование электростанций, запасы сырья и готовой продукции, трактора и комбайны с МТС, продовольствие, зерно, угоняли скот. Представьте себе движение гуртов в десятки и сотни тысяч голов, которые надо кормить, а главное, поить, доить вовремя, не допустить инфекционных заболеваний. Уезжали на восток сотни вузов и научно-исследовательских институтов, вместе с сотрудниками, документацией и оборудованием, уезжали театры и киностудии.

Совершенно потрясающая вещь — эвакуация Москвы. Около семидесяти наркоматов, комитетов, главков, банков и прочих общегосударственных учреждений за один день, 15 октября, выехали в 28 городов. Если бы дело происходило в Российской империи, на этом в истории государства можно было бы ставить точку. (Это, кстати,

объясняет, почему Сталин до последнего оставался в Москве — даже если в Куйбышеве к тому времени была подготовлена новая, запасная столица, все равно на отладку связи потребовалось бы некоторое время, а тогда дорог был каждый день.) То, что при данном перебазировании руководства удалось сохранить управление страной — само по себе вещь фантастическая.

И вот, наконец, итоги эвакуации, которые приводит Юрий Горьков:

«С июля по декабрь 1941 г. было эвакуировано 2593 предприятия, в том числе 1523 крупных предприятия, из которых 1360 были военные, эвакуированные в первые три месяца войны. Из общего числа эвакуированных крупных предприятий было направлено: 226 — в Поволжье, 667 — на Урал, 244 — в Западную Сибирь, 78 — в Восточную Сибирь, 308 — в Казахстан и Среднюю Азию.

В предельно сжатые сроки было вывезено железнодорожным транспортом более 10 млн. человек и водным путем — 2 млн. человек.

За 1941 — 1942 гг. всего было эвакуировано 2,4 млн. голов крупного рогатого скота, 5,1 млн. овец и коз, 200 тыс. свиней, 800 тыс. лошадей.

За время войны из районов, которым угрожал захват противника, по железным дорогам проследовали около 1,5 млн. вагонов, или 30 тыс. поездов с эвакуированными грузами.

Сроки эвакуации были предельно сжаты. На новых местах в среднем через 1,5-2 месяца предприятия начинали давать продукцию» [Цит. по: Куманев Г. Проблемы военной истории Отечества. 1938 — 1945. М., 2007. С, 166 — 167.].

Знаете... у меня, слава Богу, не гуманитарное, а техническое образование и определенный опыт работы на заводе, и я представляю себе, как функционирует промышленность. Вывезти промышленную базу из-под носа у немцев было невозможно, поэтому Гитлер и не учел этот вариант. А вот вывезти ее без предварительного плана — невероятно.

Мы еще обратимся к тем случаям, когда решения о вывозе производства принимаются во время войны. Пока что только один отрывок из воспоминаний авиаконструктора Яковлева, где он приводит диалог с другим конструктором, Поликарповым, как раз на эту тему.

«—Что же будет дальше? — прервал молчание Поликарпов.

—Будем эвакуировать заводы в Сибирь и увеличивать выпуск самолётов, — чересчур бодро ответил я.

—Знаю я эти эвакуации, — угрюмо буркнул Николай Николаевич. — В первую мировую войну мы эвакуировали Русско-Балтийский завод из Риги в Петроград... Всего 500 километров, и то ничего не получилось. Создалась страшная пробка! Чтобы пропустить воинские эшелоны, пришлось в пути сбросить все станки вместе с платформами под откос. Так они и ржавели вдоль всего полотна железной дороги, по обеим сторонам. А тут Сибирь... Тысячи километров. Вы идеалист, Александр Сергеевич».

А что же Совет по эвакуации? Насчет этого органа у меня есть одна забавная версия, в которую хорошо вписывается и лихорадочная активность руководства НКПС по подготовке эвакуации, и «неосведомленность» Генштаба, и персональный состав Совета. Если Сталин и вправду делал ставку на вывоз из-под носа у гитлеровцев промышленной базы, то ему жизненно необходимо было сохранить эти планы в секрете от гитлеровской агентуры, которой в СССР, несмотря на все репрессии, оставалось еще достаточно на всех уровнях. А значит, надо было позаботиться о прикрытии. И в этом качестве было бы очень удобно в первые недели войны начать судорожные движения по подготовке эвакуации. Неплохо было бы и создать какую-нибудь структуру, посадить в нее людей известных и в немалых чинах, и пусть поднимают шум и развивают бурную деятельность. Задача всего этого действия — убедить Гитлера, что разговоры о вывозе заводов — не более чем болтовня. Пусть вермахт спокойно наступает главными силами на Москву, в

полной уверенности, что Украина никуда не денется — а между тем под прикрытием всей этой катавасии некие люди, спокойно и без лишнего шума, станут делать дело. Пока Гитлер спохватится, поймет, что происходит, можно будет отыграть на Украине несколько сотен, а то и тысяч эшелонов.

А что тут, собственно, невероятного? Операция-то простенькая — всего-навсего небольшое количество грубо упакованной дезы. Разве наши спецслужбы такие игры закручивали?

...И это, в общем-то, всё, что можно рассказать про эвакуацию в её базовом варианте. Механизм этой беспримерной операции не изучал никто и никогда. Сказано же — гениальный экспромт, чудо, возникшее из ниоткуда, само собой, по мановению длани Кагановича и Шверника...

* * *

Так где же были планы эвакуации?

Да там они были, где и должны были быть — в мобилизационных планах.

Вот он передо мной — документ, помеченный 1928 годом, с жутко громоздким названием: Постановление распорядительного заседания Совета труда и обороны «О вывозе из угрожаемых неприятелем районов ценного имущества, учреждений, предприятий и людских контингентов» — первый нормальный советский эвакуоплан (были и до него, но на звание «нормальных» не тянули). Где черным по белому написано:

«Для каждой угрожаемой зоны и каждого сектора... разрабатывается план разгрузки и отдельно план эвакуации...» И детальнейшим образом перечисляется, кто и что разрабатывает, какие структуры за что отвечают и где сходятся все нити. Забегая вперёд, скажу: эта точка схождения нитей абсолютно объясняет невнимание советских историков к процессу эвакуации и попытку представить её гениальным экспромтом. А также многое другое в предвоенной советской истории.

Но, впрочем, не будем забегать вперёд. Начнём с начала...

Война огня и металла

—Василий Федотович, вы бы молодым солдатам рассказали, как партизанили в гражданскую войну.

Дед нахмурился.

—Тяжко вспоминать, товарищ капитан. Почитай что голыми руками воевали... Тогдашним бы людям да теперешнее оружие, так что бы и было! А то на весь отряд одна пушчонка самодельная да один пулемет. Ни снарядов, ни патронов. Таскаем за собой «максимку», бережем его пуще глаза, в одеяло, как ребёнка, запеленали, чтобы, спаси Бог, не замерз. А как в бой, пулемет сам по себе на саночках стоит, а мы, пулемётчики, сами по себе из дробовиков по семеновцам палим, да все, как белке, в глаз норовим...

Валентина Чудакова. Чижик — птичка с характером

...Научно-техническая революция стремительно меняла мир. И первым делом она все больше совершенствовала средства уничтожения людей. Соответственно, должны

были измениться и сами войны. Они становились тотальными: воевали не только армии, но и страны.

Мыслить от тыла к фронту начал не Сталин — идея, что называется, носилась в воздухе, то и дело высказывалась военными теоретиками. Но, впрочем, Россия начала века никак не относилась к числу государств с гибкой и мобильной политикой, и пока не грянула мировая война, конкретными действиями на экономическом поприще никто всерьез не озаботился. Мобилизационного планирования экономики в Российской империи не было. Это уже потом, когда немцы перепахивали русские позиции артиллерийским огнем, а наши пушки молчали, потому что не было снарядов... Только тогда, слишком поздно стало приходить какое-то — впрочем, весьма ограниченное — понимание того, что современные войны ведутся не столько армиями, сколько военными заводами.

Зато после Гражданской войны советское правительство и Красная Армия, на собственной шкуре ощутившие, как выглядит война без патронов и снарядов, озаботились военно-промышленными вопросами чрезвычайно серьезно. Уже в 1925 году главный военный журнал СССР «Война и революция» писал: *«В настоящее время любой курсант нормальной военной школы в Красной Армии дает себе отчет в таких вопросах, как мобилизация промышленности, гораздо более ясно, чем искушенный опытом генштабист русской армии в 1914 году»* [Сазонов Б. Вопросы организации глубокого тыла в современной войне. Цит. по: Мелия А. ... С. 54.].

Естественно, пятилетка, развитие новой техники лили воду все на ту же мельницу. К концу 30-х годов эти усилия принесли плоды. Я уже упоминала о «настойной книге командира» — повести Николая Шпанова «Первый удар». Знаете, чему посвящена эта повесть? Первой операцией Красной Армии после того, как гитлеровская Германия перешла советскую границу (напоминаю, книга напечатана в 1939 году), стал удар не по вермахту, отнюдь — а по немецким военным заводам.

«Самолёты третьей колонны... точно следуя имеющимся у них фотографическим планам военно-промышленных районов Фюрта и Нюрнберга, методически, с поразительной точностью сбрасывали бомбы на предназначенные им объекты. То, что происходило, было так далеко от представления немцев, что они еще долго потом не хотели верить в преднамеренную точность бомбардировки и многое приписывали случайности. Советское нападение не преследовало огульной бомбежки города, его жилых кварталов, исторических памятников, больниц и гостиниц, к чему приучили немцы жителей испанских городов и чего ждали теперь сами. Над притихшим центром Нюрнберга был только слышен могучий шум сотен самолетов, но не упала ни одна бомба. Бомбометание велось с поразительной точностью. Зажигательные бомбы, сброшенные первыми эшелонами, вызвали пожары в военно-промышленных районах...»

И далее:

«Начальник ВВС подробно доложил о начете на Нюрнберг, Фюрт и Бамберг. Военно-промышленные объекты в основном уничтожены. Энергоцентральный завод больше не существует, водные резервы спущены в Майн. Канал Майн — Дунай в районе Нюрнберга поврежден настолько, что судоходство на время стало невозможным. Военно-химические предприятия Бамберга и запасы химического сырья можно считать уничтоженными.»

«Наши лётчики и не подозревают, какую услугу оказывают армии, — сказал маршал. — Правда, услуга эта скажется не сразу, но через несколько месяцев, когда начнут иссякать мобзапасы, немцы поймут, чего стоит такой рейд. Это нужно разъяснить командному и политическому составу ВВС — Он помолчал. — Нам бы очень нужно было добраться до Рура. Как вы на этот счёт?»

Повторюсь: это художественная литература, рассчитанная на непритязательного читателя, от лейтенанта Красной Армии до подростка школьного возраста. Одна из популярнейших книг того времени, «Первый удар» отражает, как видим, вполне

определенное мышление и полное понимание значимости военной промышленности для ведения войны. Многие ли нынешние подростки, даже увлекающиеся военной историей, могут ответить, что такое мобзапасы? А не подростки? А из историков — многие могут?

* * *

И снова вернемся к разговору о военной доктрине. Как бы уже общепринято, что 20-е годы прошли в атмосфере ожесточённых споров между сторонниками двух основных стратегических направлений в советской военной науке: стратегии «сокращения» (то есть блицкрига) и стратегии «измора» (название говорит само за себя). Лидером первого направления был Тухачевский, а второго — бывший офицер российского генштаба Свечин. В 30-е годы, когда с подачи Тухачевского Свечин был арестован, конфликт решился сам собой, и в советской военной науке возобладала стратегия «сокращения», вылившаяся в концепцию войны «малой кровью на чужой территории», которая привела к роковым последствиям в июне 1941 года. Так считается.

В реальности, как оно обычно и бывает, все выглядело несколько по-иному. Начать с того, что знаменитый диспут может служить великолепной иллюстрацией расхождения между теорией и практикой, потому что Тухачевский был сторонником стратегии, связанной с его именем, очень недолгое время и лишь в теории. Сокрушительное поражение под Варшавой, а пуще того работа в должности начальника Штаба РККА, каковую он занял в 1925 году, быстро вылечили «красного Бонапарта» от иллюзий. На практике он поступал как настоящий коммунист, четко отделяя светлый идеал от грубой реальности, в которой оценивал будущую войну как тяжелую и длительную — по крайней мере после того, как в 1926 году сделал горький, но честный вывод, что «в современном состоянии Красная Армия небоеспособна».

Что же касается конфликта между Тухачевским и Свечиным, то каждый из этих военачальников обладал настолько скверным характером, что им не нужен был предлог для ссоры — они грызлись потому, что терпеть друг друга не могли. По-видимому, в РККА просто существовали две группировки — Тухачевского и Свечина. Причем вторые все время пинали Тухачевского за поражение под Варшавой, и тот отбивался, используя в том числе и концепцию блицкрига, по какой причине и решили, что он является сторонником этой стратегии.

И вообще у нас слишком много обсуждают таланты Тухачевского-полководца, но никто, кажется, не пытался изучать его деятельность как организатора армии. А ведь он начинал в Красной Армии не как командир, а как военный комиссар, то есть организатор — и проявил себя в этом качестве достаточно хорошо. У нас опять же много зубоскалят по поводу того, что Тухачевский был сразу назначен командармом, забывая, что его мандат выглядел так: «...командирован в распоряжение главкома Восточного фронта Муравьева для исполнения работ исключительной важности по организации и формированию Красной Армии в высшие войсковые соединения и командования ими». То есть сначала он должен был сформировать армию, а уж потом стать ее командующим, а вовсе не был назначен командиром готового соединения, как молчаливо предполагается.

Об этом мало кто говорит, но именно Тухачевский (хотя не исключено, что с подачи руководства Кировского завода) впервые озвучил идею тех перетекающих друг в друга гражданских и военных предприятий, которая потом будет блестяще реализована на практике. Это, с одной стороны, военные заводы, в мирное время выпускающие гражданскую продукцию, а с другой — гражданские производства, легко приспособляемые к военным нуждам. И даже его идея произвести 40 тысяч танков, над которой столько изгалялся Виктор Суворов, на практике выглядела так: наладить производство танков на базе производства автомобилей и тракторов, и выпустить 40

тысяч машин *по мобилизации*, а вовсе не для армии мирного времени, как писал об этом господин Суворов.

Надо ли объяснять, что стратегия блицкрига с мобилизацией промышленности несовместима никак?

Несколько ранее, ещё находясь на посту начальника штаба РККА, Тухачевский инициировал принятие нового положения о подготовительном к войне периоде. В это же время, по любопытному совпадению, всерьёз начинается работа по мобилизационному планированию. Ну не мог штаб РККА быть тут совсем уж ни при чем!

Те заводы, которые нигде

Кое-как сделаешь, кое-как и выйдет.

Русская пословица

Частью мобилизационных планов для промышленности как раз и были планы эвакуации из угрожаемых районов.

Впервые об эвакуации военных заводов заговорили в 1915 году, когда неудачно действовавшая на германском фронте русская армия отступала из Польши. Тогда это действие на самом деле проводилось без предварительного плана — и давайте посмотрим, как оно выглядело [Нижеприведённые данные приводятся по: Мелия А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР. М., 2004.].

...Первый блин, как водится, вышел комом: на железных дорогах схлестнулись два грузопотока — воинские и эвакуационные перевозки — и успешнейшим образом дезорганизовали и без того не блестяще организованное движение. В итоге и армии помешали воевать, и большинство заводов досталось немцам. Руководили эвакуацией начальники снабжения войск — и, естественно, все грузы, идущие в тыл, были у них на положении падчерицы. Потом дело на железных дорогах более-менее наладилось — например, из одной только Риги было вывезено около 30 тысяч вагонов различных грузов. Зато сработал другой элемент хаоса — систему демонтажа и вывоза производства придумывали на ходу, а в реальности просто кидали в вагоны, что придется.

Во второй половине года об эвакуации задумались всерьёз. Выглядело это... нет, такое надо цитировать дословно: *«Осенью 1915 г. был создан авторитетный орган, который должен был взять в свои руки работу по эвакуации предприятий и учреждений из прифронтовых районов — Эвакуационная комиссия при особом совещании по обороне. Её возглавил председатель Государственной думы М. В. Родзянко (должно быть, с этого органа и скопировали Совет по эвакуации. — Е.П.). Одновременно стала формироваться законодательная база (! — Е.П.), обеспечивающая проведение мероприятий по эвакуации. При штабах фронтов организовывались районные эвакуационные комиссии... Началась предварительная (!! — Е.П.) разработка планов эвакуации отдельных районов и промышленных центров. Размещение и запуск эвакуируемых предприятий на новых местах были самыми слабыми звеньями в эвакуационной работе...»* [Там же. С. 47.]

Да уж, если описанная законотворческая деятельность была *сильным* звеном... Слабое выглядело так: кое-как погруженные и с трудом пропихнутые по железной дороге заводы везли куда попало. Часть предприятий из Риги вывезли в Петроград, при том что из-за нехватки угля другие предприятия из Петрограда *вывозились*. Через год после эвакуации в строй вступило 20 — 25% вывезенных заводов.

В Гражданскую войну этот подвиг попытались повторить большевики. В феврале 1918 года, когда немцы подошли к Петрограду, было принято решение о перебазировании из столицы 126 крупных предприятий. Полностью или частично удалось вывезти 75 из них. Говорят, какие-то вроде бы смогли где-то восстановить. Но в целом результаты

оказались таковы, что председатель чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии Л. Б. Красин в декабре 1918 года на II съезде Совета народного хозяйства говорил: «...Ещё больший удар промышленности был нанесен эвакуацией Петрограда, которая была решена внезапно... и которая фактически свелась почти к полному разрушению петроградской промышленности. В настоящее время нет почти ни одного эвакуированного завода, который сколько-нибудь полно восстановил свою деятельность. В результате этой эвакуации значительное количество станков, машин и материалов очутилось на Неве, на Ладоге, и до сих пор десятки барж стоят у нас неразгруженными по водным системам» [Цит по: там же, С. 50 — 51.]. Это не говоря о тех грузах, которые были украдены в пути, вывалены на неустановленных станциях или просто сброшены под откос. А самое пикантное в этой ситуации то, что Петроград так и не был взят.

Алексей Мелия приводит в своей работе историю злключения Петроградского подковного завода, судьба которого, в общем-то, может считаться благополучной. В 1918 году часть Подковного завода вывезли из Петрограда. Оборудование погрузили на баржу и отправили водой на Урал. В Череповце баржа дала течь. Ее разгрузили, оборудование спустили на берег, где местные власти тут же дали добро на «усиление» им собственных заводов. То, что осталось после этой операции, перегрузили в вагоны и все-таки довели до Урала, где все это попало на Юрюзанский завод. Конец первой серии.

К тому времени запас подков в армии закончился. Половина завода странствовала по российским просторам, но та часть, что осталась в Петрограде, удалось как-то запустить. После чего заводчане отрядили людей на поиски эвакуированной половины. В конце 1923 года представители основной площадки добрались до Юрюзани и обнаружили, что эвакуированные станки около года простояли в вагонах, затем их свалили на заводском дворе и лишь в 1922 году начали затаскивать в цеха. На этом закончилась серия вторая.

В третьей, продолжительностью около двух лет, шёл долгий гнилой базар между предприятиями и ведомствами: возвращать ли станки обратно в Питер или же пытаться производить подковы на Урале. Наконец в ВСНХ взглянули на карту страны, прикинули, что если везти завод обратно, то в случае войны придется всю бодягу начинать заново, и решили все же производить подковы и в Юрюзани тоже. Много ли к тому времени осталось от станков — история умалчивает.

Как видим, эвакуация на деле обернулась дезорганизацией промышленности в чистом виде. Так бывает в тех случаях, когда комитет по эвакуации создается после начала войны, причём бывает неотвратимо.

Мобилизационный план — так это называется

Незадолго до начала войны... делались попытки предусмотреть, какие предприятия и в какой последовательности должны быть эвакуированы в глубь страны... То, что в самом начале войны пришлось создавать специальные органы по эвакуации и решать эти вопросы, которые должны быть заранее спланированы, говорит о том, что таких разработок в Совнаркоме не было.

Юрий Горькое, историк

Советский Союз, при всей разрухе и общей слабости, имел одно колоссальное преимущество — плановую экономику. В полной мере она проявила себя в годы войны, но даже в 20-е годы позволяла строить далеко идущие расчёты.

Уже 3 августа 1923 года Советом труда и обороны было принято положение «О вывозе из угрожаемых неприятелем районов ценного имущества, учреждений, предприятий и людского контингента». Затем началась долгая и трудная работа по составлению первого плана эвакуации. Занимался этим Центральный мобилизационный отдел НКПС на основании заявок наркоматов. Уже тогда приграничные территории были разбиты на три зоны и установлен порядок вывоза людей и материальных ценностей из каждой зоны. Уже тогда эвакуационные перевозки тесно увязывались с воинскими.

Первый план был утвердили 7 мая 1926 года. Он был еще очень несовершенный, плохо продуманный — но он был! Следующий план, датируемый 1928 годом, оказался уже вполне приличным и его приняли за основу дальнейшего эвакуационного планирования. Сводился он так же, как и первый, в Центральном мобилизационном отделе НКПС на основе заявок наркоматов, но прогресс был налицо. Например, в этот раз до разработчиков плана дошло, что работу по эвакуации надо как-то финансировать — немалое достижение для ведомств тех времен, — поэтому в тексте появился Наркомфин, который отвечал за составление сметы перевозок. Масштабы эвакуации хорошо характеризуют состояние советской промышленности: должно было быть вывезено 352 предприятия, 141 тыс. человек и 111 тыс. т грузов. Чувствуете разницу?

ВСНХ отвечал за эвакуацию предприятий — правда, план совершенно не предусматривал налаживания производства на новом месте — станки и оборудование предполагалось просто хранить где-нибудь на складах (впоследствии этот недостаток был исправлен). НКТорг отвечал за вывоз товарных запасов, НКЗем — племенного скота, НКЗдрав — ценного медицинского оборудования и т. п., каждый в своей области. За перемещение людей отвечал НКВД.

В 1928 году было утверждено новое «Положение о вывозе из угрожаемых неприятелем районов ценного имущества, учреждений, предприятий и людских контингентов». Согласно ему непосредственно составлением плана по-прежнему занимался НКПС, но при штабе РККА и штабах приграничных округов создавались межведомственные эвакуационные совещания, то есть военные также были вовлечены в эту работу.

* * *

Вот каким образом в 1930 году мыслилась подготовка так называемого «великого экспромта».

Из «Наставления для разработки плана вывоза». 1930 г.

«§ 16.

По получении моборганом наркомата или ведомства задания РВС СССР (§ 3-й наставления) на составление плана вывоза, данный моборган, по согласованию с заинтересованными оперативными управлениями (отделами) наркомата (ведомства) определяют, какие именно учреждения (предприятия, организации) и в каком объеме подлежат вывозу из данной угрожаемой зоны в период разгрузки и в период эвакуации, устанавливают базы размещения вывозимых объектов и людского контингента и намечают возможность использования этих объектов, после чего каждым наркоматом (ведомством) дается подведомственным местным органам задание на составление заявок по вывозу

§17.

Органы, учреждения и предприятия, получившие от центральных наркоматов (ведомств) задания, дают нижеследующие указания подчиненным им учреждениям (предприятиям, организациям), подлежащим вывозу:

- 1) какие именно учреждения (предприятия) подлежат вывозу и куда именно и порядок их использования в местах размещения;
- 2) какие именно производственные объекты подлежат вывозу;
- 3) какие категории людского контингента подлежат вывозу;
- 4) продолжительность вывоза;
- 5) порядок вывоза (разгрузка, эвакуация);
- 6) срок представления заявок;
- 7) порядок свертыwania в том случае, если данное учреждение (предприятие, организация) вывозится целиком;
- 8) порядок демонтажа мастерских и ликвидации имущества, не могущего быть по каким-либо причинам вывезенным;
- 9) способы обеспечения вывоза рабсилой (получение рабочих рук извне или своими силами);
- 10) способы обеспечения подвоза вывозимых объектов к станциям погрузки и
- 11) способы обеспечения упаковочным материалом.

§18. Учреждения (предприятия, организации), получив задание, обязаны:

- 1) проработать вопрос о ликвидации производства;
- 2) установить, какие именно объекты подлежат вывозу, передаче органам военведа и НКПС, оставлению на месте и ликвидации;
- 3) проработать вопрос о целесообразном использовании вывозимых объектов и в определенный срок, устанавливаемый наркоматами, наметить и согласовать с подлежащими инстанциями районы и пункты (базы) их нового размещения;
- 4) установить порядок, очередность и сроки освобождения с производства оборудования и его демонтажа в соответствии со сроками вывоза, а также установить потребность в специалистах, необходимых для руководства работами по демонтажу установок, и потребность в рабсиле, необходимой для выполнения работ по демонтажу, упаковке и погрузке в вагоны;
- 5) произвести расчёт автогужевых средств, необходимых для подвоза грузов на станции и пристани погрузки;
- 6) произвести расчёт требуемых упаковочных материалов;
- 7) определить, каких квалификаций и профессий подлежат вывозу рабочие и технический персонал и в каком количестве, учитывая и их семьи (по средним данным);
- 8) определить потребность подвижного состава по дням погрузки;
- 9) на основании указанных выше данных составить ведомости объектов вывоза и объяснительные записки.

...

§23.

По утверждению СТО заявок ведомств на вывоз (ведомостей объектов вывоза) ЦМУ НКПС разрабатывает план эвакуоперевозок и выписки из такового (ф. № 3) через местного уполномоченного рассылает соответствующим наркоматам и ведомствам для дальнейшей рассылки таковыми подлежащим вывозу учреждениям (предприятиям, организациям).

§24.

Учреждения (предприятия, организации) по получении и на основании выписок из плана эвакуоперевозок обязаны разработать детальные планы вывоза, для чего:

- 1) уточнить номенклатуры вывозимого имущества;
- 2) истребовать бланки перевозочных документов;
- 3) составить сметы финансирования вывоза;
- 4) предусмотреть порядок демонтажа мастерских и ликвидации имущества, не могущего быть по каким-либо причинам вывезенным;

5) разработать соображения по обеспечению вывозимого рабсилой как за счёт собственных рабочих рук, так и получения извне;

6) произвести расчёт перевозочных средств, потребных для подвоза вывозимого имущества к станциям и пристаням погрузки и

7) предусмотреть обеспечение укупорочным материалом.

§25.

План вывоза учреждений (предприятий, организаций), являясь составной частью мобилана данного учреждения (предприятия, организации), вследствие своей сложности разрабатывается отдельно и складывается из следующих документов: записки по вывозу и дневника по вывозу со всеми к ним приложениями.

§26.

Записка по вывозу составляется в одном экземпляре и состоит в подробном и последовательном изложении всех соображений по выполнению вывоза учреждения (предприятия, организации).

Содержание записки по вывозу должно дать ответы на следующие вопросы:

1) цель вывоза тех или иных объектов с их подробной характеристикой, а также способы и порядок использования материальных и людских ресурсов;

2) какие объекты и из каких пунктов подлежат вывозу в периоды разгрузки и эвакуации по железнодорожным и водным путям;

3) базы (пункты) размещения вывозимых объектов с их подробной характеристикой, а также способы и порядок использования материальных и людских ресурсов;

4) подлежащей вывозу людской контингент;

5) мероприятия по обеспечению вывозимого имущества и людей помещениями;

6) количество предоставляемого подвижного состава по родам его (тоннажа) и по дням погрузки;

7) порядок, очередность и сроки ликвидации или демонтажа производства в соответствии с представленными для выполнения вывоза сроками;

8) расчёт и сроки погрузки имущества по вагонам;

9) расчёт автогужевых транспортных средств, потребных для доставки груза на станцию (пристань) погрузки;

10) расчёт рабтехсилы, потребной для выполнения работ по ликвидации производства, демонтажа, укупорки, перевозки и погрузки в вагоны;

11) расчёт потребных денежных сумм;

12) порядок и организация охраны вывозимого имущества;

13) порядок ликвидации имущества, не подлежащего вывозу.

§27.

Дневник по вывозу (ф. № 4) содержит указания о распределении выполняемых работ по дням вывоза и отдельным исполнителям.

...

§30.

Воинские перевозочные документы для вывоза имущества и людского состава учреждениями и предприятиями, подлежащими вывозу, получают последними в мирное время от начальника военных сообщений округа (армии), на территории которого расположено вывозимое учреждение (предприятие)» [Там же. С. 178 — 182.]

Как видим, за подготовку мобилизации отвечали вполне конкретные органы — мобилизационные отделы или управления соответствующих ведомств. Там хранились мобиланы, они же отвечали и за проведение эвакуации. И если столь подробные планы существовали уже в 1930 году — то куда они, спрашивается, могли деться в 1941-м? А никуда они не делись — как и положено, составлялись и корректировались. Исчезли они

не из советской практики, а из исторической науки, причем исчезли полностью и отовсюду: из учебников, научных трудов, мемуаров. Неужели зампредсовнаркома товарищ Косыгин или член Политбюро товарищ Микоян и вправду не знали об этой работе? Знали, конечно. Но тогда почему никто никогда об этом не вспоминал? Причин этой странной забывчивости мы еще коснемся, а пока что радостно отметим отсутствие *невероятной* составляющей в процессе эвакуации. Это было деяние не невероятное, а всего лишь невозможное. К тому времени у сталинского руководства уже имелся опыт невозможных свершений. А когда есть опыт — работать легче...

Часть 2 ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Почему всё так вышло? И будет ложью
На характер валить иль на волю Божью.
Разве должно было быть иначе?
Мы платили за всех, и не нужно сдачи...

Иосиф Бродский

Чтобы понять масштабы невозможного, сделанного Сталиным, надо знать не только точку финиша, но и точку старта. Какой стала Россия при «атомной бомбе», мы знаем, и, сравнивая ее с Америкой, еще и брюзжим: мол, там-то шматья на душу населения больше. При этом совершенно не задумываясь: а каким людям и каким событиям мы обязаны тем, что нам вообще приходит в голову сравнивать себя с Америкой, а не с Бразилией или Китаем...

А вот как выглядела та Россия, которая «с сохой»? Питаясь из года в год, из десятилетия в десятилетие либо бездарным официозом, либо озлобленными эмигрантскими и диссидентскими писаниями, мы привыкли, с одной стороны, воспринимать происшедшее в России в первой половине XX века как данность, а с другой — как *черную* данность. Эмигранты внушили нам свою Россию — свой потерянный рай. Для тех, кто после семнадцатого года оказался на парижских мостовых, прежняя жизнь и в самом деле была раем — но ведь это про них писал баснописец Крылов насчет «попрыгуньи стрекозы» (и наличие среди эмигрантов некоторого числа по-настоящему достойных людей дела не меняет). Для них большевики и вправду были злой силой, о чём они без устали писали много десятилетий — но все это есть сетования стрекозы на ушедшее лето, злые погоды и жадных муравьев.

Ну а про диссидентов и говорить нечего. Эта публика при всех режимах постоянна. При монархии они ругали царя, при советской власти ругали коммунистов, попав в Америку — ругают Америку. Заигрывает власть с ними — ругают, сажает — обратно ругают. Это не мозговые процессы, а скорее печень — но при таком количестве повторений и на людей со здоровой печенкой действует! (Интересно, а за что на самом деле посадили Солженицына? Кто-нибудь знает?)

Если ругать Сталина постепенно становится дурным тоном, то на его предшественниках оттаптываются все, кому не лень — от жирафов до ослов. Одни их ругают за то, что разорили великую, могучую и богатую Россию. Другие — за то, что при них были карточки на хлеб, а колбасы и вовсе не было. Третьи — что они страну-то подняли, зато не соблюдали мораль мягких диванов. Четвёртые — что их достижения оплачены слезами и кровью, а не упали с неба. Пятые...

В общем, все ругают их за то, что большевики чего-то не сделали для нас. И при этом никто, кажется, не дает себе труда разобраться — а что они *сделали!* За что была заплачена цена крови и слез? И что стало бы с Россией, если бы не нашлось в октябре семнадцатого в Петрограде этой кучки безбашенных авантюристов, решивших, что раз история разворачивается по их теории, то и нечего клювом щелкать, надо ввязываться в драку.

Давайте рассмотрим деяния большевиков под непривычным для нашей истории углом — как отчет о проделанной работе. Вот задача, вот усилия по ее решению, а вот то, что удалось сделать.

И сразу же оказывается, что все изначально было не так. Той золотой «России, которую мы потеряли», попросту не существовало в природе. Была Российская империя — страна, в какие-то периоды своего существования вполне сносная, а в какие-то весьма мрачная. Не было разваливших ее «злых большевиков» — то хозяйство, которое досталось им в октябре семнадцатого, при всем желании развалить было невозможно — некуда! Даже продразверстку и Особое совещание при НКВД придумали не большевики. Даже елку, и ту не они отменили!

Собственно, виноваты они были лишь в одном, но эта вина прощению не подлежит — они виноваты в том, что победили. Причем каждый побежденный, от Керенского до жестко поставленного на место «мирового сообщества», естественно, поливал их всей доступной грязью и обвинял во всех смертных грехах, в том числе и в своих собственных. Даже в холокосте попытались обвинить — но тут уж не прокатило.

Но и делать из них идеальных людей не стоит. Скорее это свидетельство того, что Божий промысел может воплощаться в жизнь самыми разными руками. Ленин был весьма не голливудский типаж — тот, который сильный и жесткий, но где-то в глубине души добрый и справедливый спаситель человечества: и террориста замочит, и слезинку ребенку вытрет. Чтобы понять, что это за персонаж, достаточно взглянуть на его портрет: этот не станет философствовать по поводу того, что цель оправдывает средства. Он из тех, кто нажмет любую красную кнопку в порядке обычного управления, даже не заметив, что перед ней есть еще какое-то стекло. Но в критические моменты истории размышления о средствах и предохранительных стеклах имеют обыкновение оборачиваться уже не большой, но запредельно большой кровью, а жестокая непреклонность, если судить по числу жертв, оказывается подлинной гуманностью.

Большевики не верили в Бога и не любили Россию, однако на крутом переломе все же именно большевики ее спасли — тогда, когда обанкротились все, кто верил и любил. И не стоило бы закрывать на это глаза. Притом задачи, которые им пришлось решать, едва ли выпадали кому-либо в истории человечества [Разве что гиксосам, захватившим за 2 тысячи лет до Р. Х. Египет — воинам-кочевникам пришлось становиться фараонами и царедворцами. Но их опыт едва ли смог бы помочь большевикам: о гиксосах известно лишь что, что они были.]. А они не были ни государственными деятелями, ни даже опытными чиновниками или управленцами. Если бы были, то смогли бы отдать себе отчет, что им предстоит сделать невозможное, и шарахнулись бы от этого невозможного, как это сделали другие, те, которые отчет отдавали... А они не знали, да и не задумывались, по правде-то сказать. За что их, кстати, люто ненавидели все приличные партии, от кадетов до меньшевиков с эсерами: большевики посмели сделать то, на что *приличные* так и не отважились.

Между тем наследство они получили такое, на какое никто нормальный, в здравом уме и твердой памяти, не покуется. Для того клубка проблем, каким являлась Россия, сразу и названия не подберешь, да и будущего не считаешь — испугаешься...

Глава 5 **ТА РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ**

Как упоительны в России вечера!
Любовь, шампанское, закаты, переулки,
Ах, лето красное, забавы и прогулки,
Как упоительны в России вечера.
Балы, красавицы, лакеи, юнкера,
И вальсы Шуберта, и хруст французской булки,
Любовь, шампанское, закаты, переулки —
Как упоительны в России вечера!

Из песни

Если судить о России по патриотически-назидательной литературе, то не страна это была, а рай земной. Мужики сплошь богобоязненны и трудолюбивы (недаром и слово «крестьянин» происходит от «христианин» — говорят господа «патриоты»). Забавно. Что же получается, что все прочие сословия в России христианами не были?), дворяне озабочены исключительно защитой отечества да процветанием вверенных им мужичков, ну а образованная публика самоотверженно несёт в народ просвещение [Если говорить о просвещении и назидании, то есть у меня по этому поводу несколько книжек, которые я время от времени открываю вместо ужастиков — действуют безошибочно, потом долго не уснуть. Откопала я там, например, такой рассказ: «Наказание Господне за работу в праздники». Сюжет чрезвычайно простой: некая крестьянская семья в воскресенье, вместо того чтобы пойти в церковь, отправилась возить сено (по-видимому, дамы-авторессы полагали, что в страду у крестьян бывают выходные — интеллигенция-с...) Ну и последовало им наказание: по ходу возки сена двое их малолетних детей задохнулись под перевернутым возом. Как совместить этот рассказ со словами Христа: «суббота для человека, а не человек для субботы» — не понимаю. Может быть, авторы современной душеспасительной литературы объяснят?].

Но ведь сказал почему-то в начале девятисотых годов обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев Николаю II: «Продление существующего строя зависит от возможности поддерживать страну в замороженном состоянии. Малейшее теплое дуновение весны, и все рухнет». Естественно, не Николай создал эту ситуацию, и не его отец, который успешно всю эту хлябь, выражаясь словами Победоносцева, «подмораживал». Зрела она давно, как минимум с петровских реформ, которыми начали вводиться в России совершенно неподходящие ей порядки — насмотрелся царь-батюшка красот по европам и решил у себя такое же завести. Ну да не он первый, сколько раз россияне с завидным постоянством наступали на те же грабли. Но с него пошло разрушение того, что трогать было нельзя — основы, на которой строилось государство.

Наши публицисты-«патриоты» стыдливо называют традиционную иерархию российского общества «системой повинностей». Царь служит Богу, бояре — царю, и так далее, до последнего холопа. Всякие западноевропейские фокусы типа «король — первый среди равных» и пр. при попытке ввести их в России всегда карались с соответствующей времени жестокостью. Если называть вещи своими именами, страна строилась как военный лагерь — но вся штука-то в том, что русский человек никогда не имел ничего против военного лагеря. Он имел против, когда солдаты умирали, а генералы толстели. Опять же если мы вспомним о том, из каких компонентов составлен русский народ, это и не удивительно, правда?

Естественно, в первую очередь такие порядки не нравились именно знати, которая бывала за кордоном и видела, что там их двоюродные европейские братья живут не хуже, а повинностей несут меньше, а не хотят — так и вовсе не несут. С Иваном Грозным такие разговоры кончались плохо, но ведь времена меняются! И к началу XVIII

века ситуация созрела, а тут и царь подходящий подоспел. И покатились «петровские реформы» — может быть, и неплохие, но для страны чужеродные. А потом пошла реакция отторжения, и к началу XX века в недрах России вызрел чудовищный гнойник, хоть и отзывавшийся на поверхности бытия эстетически изысканным багровым цветом, но, право же, от того не ставший полезнее...

Село — «юдоль скорбей»

Я хлебами иду — что вы тощи, хлеба?
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!
Я стадами иду: что скотинка слаба?
С голоду, странничек, с голоду,
С голоду, родименькой, с голоду!

Николай Некрасов. Коробейники

...Для начала, по ходу введения европейских порядков, у нас шарахнулись назад по лестнице «общественно-экономических формаций», заменив крепостное право рабством — крестьяне из прикрепленных к земле были переданы в личную собственность помещикам. Прежняя система, когда мужика от земли оторвать было нельзя, заменилась иной: земля принадлежит хозяину сама по себе, а люди — сами по себе. Затем последовал указ о вольностях дворянских, который постепенно расширялся и углублялся, и в конце концов дворяне попали в такое положение, что они имели право, ничего не делая, жить на доходы с доставшихся им от рождения имений, в то время как крестьяне находились в совершенно рабском состоянии. В то время Россией еще и дамы правили, а дамы во все времена падки на красивое — и началось. Страна принялась спорить с Западной Европой уже не в масштабах торговли и качестве кораблей, а в высоте причесок, изысканности столов и красоте версалея. А для всего этого требовались деньги. Многие ли из тех, кто смотрит «Гардемаринов» и «Бедную Настю», задумываются об источниках дохода этих блистательных российских господ? Источник один: крепостные крестьяне. А поскольку барин хочет сорить деньгами сегодня, а завтра все как-нибудь образуется, управитель же и вовсе наемник, которому через день после увольнения хоть трава не расти, результат понятен, не так ли?

Чтобы добыть деньги для красивой жизни, сначала пытались нажать на мужиков, но количество шкур у земледельцев оказалось ограниченным, а вот аппетиты знати не ограничены никак. Тогда начали распродавать основной капитал. Какие состояния проедали и проигрывали в столицах — уму непостижимо! Впрочем, плохо не это, плохо другое: из деревни качали деньги, ничего в нее не вкладывая. Существовали, конечно, отдельные образцовые хозяйства, но они погоды не делали. Деревня, брошенная на наёмников-управителей, которым важно было выжать доход сегодня, а не обеспечить его завтра, постепенно деградировала и в хозяйственном, и в психологическом плане. Кто был на Севере или в Сибири, тот видел дома государственных крестьян и вольных людей, и легко может сравнить их с избами российского Нечерноземья, да и с украинскими хатами. Совсем иное *достоинство* у этих домов, и совсем иное достоинство у живущих в них людей.

Уже в начале XX века в Сибири жён крестьян, переселившихся из России, местные хозяйки с лёгким презрением называли «чернолапотницами». Почему? А потому что выйдет переселенка за какой-нибудь надобностью из избы, и за ней на белом снегу остаётся чёрный грязный след. Оттого и прозвище такое дали им хозяйки домов с белыми скоблеными полами. А ведь это один и тот же народ — просто сибиряки переселились из

России несколько раньше, и судьба рабочей скотины в барском хозяйстве обошла их стороной. Они не *опустились*...

Деградировало крестьянство, но и дворянство делало то же самое, лишь на свой манер. Всякие красивые западные прибаамбасы перенимали и при Борисе Годунове, и при Иване III, да и раньше, надо думать, тоже. Но вот стыдиться своей Родины российская знать начала лишь после Петра — а это признак вполне конкретный. Оно, конечно, знать всегда и во всех странах старается показать, что она ничего общего не имеет с собственным народом, но не всегда это бывает успешно. Как правило, успех сего начинания приходит незадолго до гибели державы — например, очень прекрасно было это выражено во Франции перед их революцией. Но Россия любую идею доводит до логического завершения — не стала исключением и эта. Наша знать не только жила в иных условиях, имела иные вкусы и носила иную одежду, она брезговала даже русским языком, предпочитая общаться между собой по-французски, и ведь вот что забавно: это положение не изменилось и после Отечественной войны 1812 года! Неудивительно, что время от времени у подвластных мужиков появлялось естественное желание посмотреть — а какого цвета у барина кровь, красная или, может, и вправду голубая? Удавалось не часто, а карали за это жестоко, так что желание сие мужики реализовывали редко, и оно накапливалось, накапливалось...

К середине XIX века стало ясно, что тянуть с отменой крепостного права больше нельзя, иначе страна попросту погибнет. Эту реформу покушались провести и Александр I, и Николай I, но каждый раз отступали, и ясно почему — царь тоже человек, и ему жить хочется. Ближе всех к нему по иерархической лестнице стояли дворяне — слой, кормившийся не собственным трудом, а почти исключительно рабским трудом принадлежавших им «душ». Если освободить крестьян, не думая о последствиях, то разорившееся дворянство будет обречено на... впрочем, если бы император попытался сделать им такое паскудство, он не дождал бы до подписания собственного указа. А освободить крестьян без земли значило неминуемо обречь страну на крестьянские бунты. Правда, в этом случае проблема помещиков решилась бы сама собой, как решилась она в 1917 году, быстро и кардинально. Но для таких поворотов руля нужен был не Романов, а Ульянов.

Александр II, на плечи которого в конце концов свалилось счастье проводить эту реформу, нашел середину, хотя далеко не золотую. Крестьян освободили без земли, а землю им передали за выкуп, причем такой выкуп, чтобы и бар не обидеть. Выкупные платежи государство взяло на себя в порядке добровольно-принудительного кредита с рассрочкой на 49 лет, из 6% годовых. Сделав простой арифметический подсчет, выясним, что итоговая сумма должна была возрасти *вчетверо*. Государство себя не обидело! Естественно, такая реформа не прибавила мужикам любви ни к господам, ни к властям российским.

Лишь в 1907 году правительство поставило на этой истории точку, «простив» крестьянам остаток долга. Великодушный жест несколько запоздал — до срока полного расчета оставалось три года. Десять лет спустя, уже в революцию семнадцатого года, этим платежам еще предстоит аукнуться. В милой детской книжке Аркадия Гайдара «Школа» большевик Баскаков говорил об этом так:

«Слыхали ли вы, что в Учредительном Собрании, когда еще оно соберется, обсуждать вопрос будут: “как отдать землю крестьянину — без выкупа либо с выкупом?” А ну-ка, придите домой, посчитайте у себя деньжата, хватит ли выкупить?..

—Какой ещё выкуп! — слышались из толпы рассерженные и встревоженные голоса.

—А вот такой... — тут Баскаков вынул из кармана смятую листовку и прочел: “Справедливость требует, чтобы за земли, переходящие от помещиков к крестьянам, землевладельцы получили вознаграждение”. Вот какой выкуп. Пишут это от партии

кадетов, а она тоже будет заседать в Учредительном. Она тоже своего добиваться будет. А вот как мы, большевики, по-простому говорим: неча нам ждать Учредительного, а давай землю сейчас, чтобы никакого обсуждения не было, никакой оттяжки и никакого выкупа! Хватит... выкупили.

—Вы-икупили! — сотнями голосов ахнула толпа».

А по деревням то же самое говорили эсеры, и толпа так же в один голос ахала: «Вы-икупили!». Мужики не видели смысла в существовании помещиков, и это свое непонимание обозначили в 1905-м и в 1917-м погромами и пожарами. И не потому, что в то время в помещичьих хозяйствах не было смысла — в тех, что уцелели к тому времени, был, и ещё какой! Это крепостное право аукнулось, барин с гостями, размовляющие поиноземному, ихние забавы да охоты и полная, с точки зрения крестьянина, бесполезность их жития на земле.

Отмена крепостного права, как и большинство российских реформ, запоздала как минимум на полвека, а то и на век. «Воля» в том виде, в каком она была дана, не обогатила, а разорила деревню...

* * *

...В 1897 году немало шуму наделало исследование группы экономистов во главе с проф. Чупровым под названием: «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства». Исследовав проблемы так называемого «землевладельческого кризиса», охватившего в то время Европу и имевшего своей причиной низкие цены на хлеб, авторы сделали неожиданный и парадоксальный вывод: для большинства русского населения, и в первую очередь для самих крестьян, эти цены... выгодны. Казалось бы — бред, ведь хлеб был основной статьёй экспорта России, и падение цен означало убытки и разорение. Но, как оказалось, хлеб на продажу имели лишь 9% крестьян и крупные землевладельцы. Остальная масса сельского населения России, не в силах прожить собственным урожаем, хлеб **покупала**.

«Натуральное хозяйство оказало России великие услуги; оно служит причиной того, почему землевладельческий кризис, охвативший всю Европу, нами переносится сравнительно легче. У нас есть огромное количество хозяйств, стоящих вне влияния низких хлебных цен. И кто знает, не должны ли мы в современных тяжких условиях в некоторой степени благословлять судьбу за сохранение у нас натурального хозяйства?» [Цит. по: Ольденбург С. Царствование императора Николая II. СПб, 1991. С. 85.]

Это уже, что называется, приехали. На рубеже XX века экономист благодарит судьбу за то, что 91% сельского населения аграрной страны (согласно переписи того же 1897 года в городах проживало всего 13% населения России) живет в условиях натурального хозяйства. Притом, как выясняется, даже в этом состоянии русский крестьянин не может удержаться и вынужден докупать хлеб, расплачиваясь за него неизвестно чем... или голодать! И это при том, что Россия считалась житницей Европы. Но вот была ли она своей собственной житницей — это еще вопрос.

«Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона» — издание вполне официальное. Вот что там написано о голоде в России:

«После голода 1891 г., охватывающего громадный район в 29 губерний, нижнее Поволжье постоянно страдает от голода: в течение XX в. Самарская губерния голодала 8 раз, Саратовская 9 [Этот том «Словаря» вышел в 1913 г.]. За последние тридцать лет наиболее крупные голодовки относятся к 1880 г. (Нижнее Поволжье, часть приозёрных [Санкт-Петербургская, Псковская, Новгородская и Олонецкая губернии.] и новороссийских губерний) и к 1885 г. (Новороссия и часть нечерноземных губерний от Калуги до Пскова); затем вслед за голодом 1891 г. наступил голод 1892 г. в центральный и юго-восточных губерниях, голодовки 1897 и 1898 гг. приблизительно в том же районе; в

XX в. голод 1901 г. в 17 губерниях центра, юга и востока, голодовка 1905 г. (22 губернии, в том числе четыре нечерноземных, Псковская, Новгородская, Витебская, Костромская), открывающая собой целый ряд голодовок: 1906, 1907, 1908 и 1911 гг. (по преимуществу восточные, центральные губернии, Новороссия)» [Цит. по: Пыхалов И. Кормила ли Россия пол-Европы? // Спецназ России. 2004. № 1.].

Причину голода и крестьяне, и экономисты видели в экспорте хлеба и в малоземелье, недостаточных наделах. В 1917 году леворадикальные партии пришли к власти под лозунгом «Земля — крестьянам!» Но весь парадокс состоял в том, что земля и так была в основном у крестьян! В начале XX века им принадлежало более 160 млн. десятин земли, дворянам — около 52 млн. и прочим владельцам — около 30 млн. При этом крестьянская земля по качеству была лучше — более чем три четверти от неё составляли так называемые удобные земли (у дворян таковых меньше половины). И это не говоря о том, что крестьяне брали землю ещё и в аренду. *«Подобного преобладания мелкого крестьянского хозяйства над крупным не было ни в Англии, ни в Германии, ни далее в послереволюционной Франции. Россия была страной мелкого крестьянского хозяйства. Большие имения были островками в крестьянском море»* — пишет приводящий эти данные Ольденбург. При том, что даже средняя урожайность на частных землях была на треть выше, чем у крестьян, а в крупных имениях, где хозяева знали, кто такой «агроном», она была выше уже в разы. Экспорт зерна отнюдь не вырывал последний кусок изо рта у крестьянских детей: вывозили зерно крупные хозяйства, они же кормили города, они же страдали от кризиса и низких цен, а колоссальное крестьянское большинство работало на самих себя и еще, добывая деньги промыслами, покупало хлеб. Оно же регулярно страдало от голода, стоило случиться хотя бы относительно неурожаю, и тогда правительство вынуждено было из государственных средств покупать для голодающих губерний хлеб. Получалось, что около 80% населения России не вкладывали в общегосударственную копилку практически ничего, кроме подушного налога (да и то сплошь и рядом его не выплачивая — нечем), а время от времени попросту жили на пособие. Такой роскоши не может позволить себе даже современная Америка — но ее позволяла себе тогдашняя Россия.

Причины такого положения сплелись в тугой клубок, в котором непонятно даже, что более значимо. Во-первых, общая деградация крестьянства за двести лет крепостного права по западноевропейскому, а точнее, польскому образцу. Во-вторых, последствия отмены крепостного права, причем они далеко не ограничивались выкупными платежами. Беда была в другом: все налоги, которые раньше выплачивались натурой, теперь надо было платить деньгами. А откуда мужику взять деньги? Только продажей урожая и разных там холстов, грибов и пр., что бабы наготовят. Естественно, сами они все это на рынок не везли, а продавали за гроши перекупщику, на деревенском языке «кулаку», который на этой торговле и наживался, внося дополнительный вклад в обирание крестьян. Под гнётом всех этих новых обстоятельств крестьянское хозяйство стало стремительно беднеть.

И тут пришла ещё одна беда, земельная. Имя этой беде — община. Во время крепостного права она была, может статься, и во благо, но после освобождения превратилась в нечто чудовищное. Община являлась собственником земли и распределяла её по хозяйствам — по справедливости. Справедливость же была мелочно-уравнительной: каждому хозяину доставалось по кусочку хорошей земли и по кусочку плохой, а то и по три-четыре надела, если общинные земли были трех-четырех сортов — справедливость же! Поля получались такими, что заводить на них какое-либо механизированное хозяйство просто бессмысленно. Причем каждые несколько лет происходили переделы, а заботиться о поле, которое скоро перейдет кому-то еще — очень надо! Землю эксплуатировали хищнически, до такой степени, что в начале XX века урожай в нечерноземных губерниях был сам-3 — сам-4 (то есть на каждое брошенное в землю зерно собирали два или три). Если переводить на центнеры, то урожай колебался с 3-5 до

10-12 центнеров с гектара. В Германии в то же время средний урожай был около 24 центнеров, и русские крестьяне в северо-западных губерниях покупали немецкий хлеб — он был дешевле русского!

В последнее время с подачи г-на Паршева, автора знаменитой книги «Почему Россия не Америка», у нас начали все валить на плохой климат — он, мол, причина всех бед. Ну, во-первых, страна у нас большая и климат разный. А во-вторых, Россия как раз и зарождалась в тех местах, которые теперь называются Нечерноземьем, зоной рискованного земледелия. И можно сколько угодно говорить о малопродуктивных землях, о плохом климате, о коротком лете [Сталинская коллективизация доказала, что климат здесь не так уж и виноват — только за счёт объединения мелких наделов в крупные поля урожайность выросла, и намного.] — но ведь кормила та же самая земля наших предков! Причем так кормила, что в начале XVII века, когда случилось три *абсолютных* неурожая один за другим, по-настоящему голодать начали лишь на третий год. Триста лет спустя любой, даже частичный неурожай тут же отзывался голодом. Климат климатом, но урожайности сам-3 просто не бывает! Это значит, что земля истощена до предела, так, что надо очень уметь довести ее до такого состояния. У нас сумели.

Те же исследователи приводят некоторые цифры, размышляя над которыми, испытываешь легкий холодок: вот тебе, баушка, и упоительные вечера!

«Семья из четырех человек (двое взрослых с малолетними детьми) при урожае сам-3, с 4,5 га пашни (в двух полях) имеет чистый сбор 108 пудов. Для прокорма двух лошадей и двух коров надо потратить 40 пудов, когда на людей останется 68 пудов, это в расчёте “на душу” 17 пудов, а на 2,8 “полных едока” (дети едят меньше) — 24 пуда. На год» [Валянский С, Калюжный Д. Русские горки. М., 2003. С. 34.].

Перейдём теперь на килограммы. 24 пуда в год — это два пуда в месяц, или примерно килограмм в день. Грубо считая, не меньше 10 процентов надо отдать за помол, примерно столько же составит припек — получается 1000 — 1100 грамм печеного хлеба в день. При этом семья явно небедная, учитывая количество скота. Что же творилось у бедняков, которым нечем было вспахать четыре гектара и не было навоза, чтобы удобрить поле? И во многих ли крестьянских семьях было по двое детей? У одной моей деревенской прабабки их родилось шестнадцать (выжили шестеро), у другой — шестеро (выжили все). Сколько хлеба придется на человека в семье из приведенного примера, если рассчитывать на шестерых детей?

Скот — это особая проблема. Скотину надо кормить, причем не только травкой, сеном и соломой, но и зерном. Русские лошаденки, мелкие и пузатые, были на удивление неприхотливы — западноевропейская рабочая лошадь протянула бы ноги на такой кормежке очень скоро. В Англии рабочей лошади давали в год до 130 пудов овса, в русских деревнях — 15-20, а то и вообще одни лишь сено-солому. Но и в этих условиях далеко не каждая семья могла осилить содержание скота.

В начале 90-х годов при 110 млн. сельского населения в России было лишь 26 млн. лошадей — при том, что пахали, за исключением Украины, Дона и Кубани [В черноземных губерниях пахали на волах — лошади не справлялись с пашней.], только на лошадях, никаких тракторов не было и в помине. Надо ещё учитывать, что в это число входят все лошади: и извозчичьи, и кавалерийские, и многочисленные обозные сивки — транспорт тоже был сплошь гужевым. Что же остается деревне? В 1912 году около 30% крестьян были безлошадными — а это уже самая горькая бедность, и примерно столько же хозяйств имели по одной лошади. Безлошадному одна дорога — в батраки, но у кого батрачить, если среди соседей нет богатых? Те, у кого по две лошади, тоже батраков не держат, поскольку сами едва сводят концы с концами (см. выше).

А ведь надо было и деньги зарабатывать. Вот ещё цифирки из того же источника:

«По данным академика Л. В. Милова, бюджет крестьянина “посредственного состояния” с женой и двумя детьми, “живущего домом”, составлял в год:

1. На подати и расходы домашние и на избу и на прочее строение — 4 руб. 50 коп. с половиною.
2. На подушный оброк за себя и за малолетнего своего сына — 7 руб. 49 коп.
3. На соль — 70 коп.
4. На упряжку и конскую сбрую — 1 руб. 95 коп. с половиною.
5. На шапку, шляпу, рукавицы и проч. — 97 коп. с половиною.
6. На земледельческие инструменты и всякие железные вещи и деревянную посуду — 4 руб. 21 коп.
7. На церковь — 60 коп.
8. Для жены и детей — 3 руб.
9. На непредвиденные расходы — 3 руб. Итого — 26 руб. 43 коп. с половиною.

Если крестьянин имел посев до 3 десятин в двух полях, то есть несколько выше минимальной нормы, и заготавливал до 300 пудов сена, то мог содержать скот не только для своих нужд, но и на продажу. Такой крестьянин-середняк в год мог продать бычка, свинью, двух овец, три четверти хлеба, а также по мелочи мёд и воск, хмель, грибы, коровье масло и творог, яйца. Общая прибыль со всего с этого составляла 8-10 рублей. Однако для нормальной жизни и на подати и расходы ему нужно, как уже показано, 26 рублей! Получается, что даже крестьянин-середняк далеко не сводил концы с концами. А что же бедняки?

Подсчитано, что в 1900 году крестьянин покрывал за счет хлебопашества лишь от четверти до половины своих потребностей; остальное ему надо было зарабатывать каким-то иным способом» [Там же. С. 41 — 42.].

Практически весь товарный хлеб, то есть предназначенный на продажу, выращивался в крупных современных хозяйствах. По ним-то и ударило катастрофическое падение цен на хлебных рынках, которое смогли выдержать только самые сильные. В 1881 году пуд хлеба вывозили за 1 руб. 19 коп., в 1886-м за 84 коп., в 1894-м — за 59 коп. Сотни средних, хотя и перспективных владений разорились и канули все в то же крестьянское болото. Исчезали те единственные центры, которые со временем могли стать основой крупного сельскохозяйственного производства — а ведь только оно и способно было накормить страну.

К началу XX века положение крестьянства из просто тяжёлого стало катастрофическим. «Ряд официальных (!) исследований с несомненностью установил ужасающий факт крестьянского разорения за 40 лет, истекших со времени освобождения. Размер надела за это время уменьшился в среднем до 54% прежнего (который тоже нельзя было считать достаточным). Урожайность уменьшилась до 94%, а в неблагоприятной полосе даже до 88-62%. Количество скота упало (с 1870 года) в среднем до 90,7%, а в худших областях до 83-51% прежнего. Недоимки поднялись с 1871 года в среднем в пять раз, а в неблагоприятной полосе и в восемь, и в двадцать раз. Ровно во столько же раз увеличилось и бегство крестьян с насиженных мест в поисках большего простора или за дополнительными заработками. Но и цена на рабочие руки, в среднем, почти не поднялась, а в неблагоприятных местностях даже упала до 64%.

Академик князь Тарханов в статье “Нужды народного питания” дал таблицу потребления пищевых продуктов крестьянами различных стран в денежных единицах на человека в год:

На сумму в рублях				
	Растит. пищи	Животн. пищи	Напитков	Всего
Русские крестьяне	11,76	7,10	1,58	20,44
Немцы	20,96	26,07	23,02	70,05

Французы	27,72	30,04	19,14	76,90
С. американцы	22,72	32,07	22,35	77,14
Англичане	22,89	47,28	31,08	101,25
Французы-канадцы	30,60	61,51	23,91	116,02
Ирландцы	23,04	45,46	28,50	97,00

При введении всеобщей воинской повинности в 1873 году доля признанных негодными к военной службе не превышала 6% призывников; до 1892 года этот показатель держался около 7%. Но с 1892 года, когда начались финансово-экономические реформы, эта доля стала быстро повышаться. В 1901-м доля негодных к службе призывников достигла уже 13%, несмотря на то что именно в это время требования, предъявляемые к новобранцам в отношении роста и объёма грудной клетки, были понижены. Показательно, что смертность в российской деревне была выше, чем в городе, хотя в европейских странах наблюдалась обратная картина» [Там же. С. 60 — 62.]. А в начале 10-х годов браковали уже около половины рекрутов, хотя требования к тому времени были снижены.

Столыпин попытался было как-то разрулить ситуацию, стимулировав расслоение крестьянства — но поздно! Этот узел уже не развязывался, Петр Аркадьевич опоздал со своими реформами ровно на полвека. Если бы такие условия установить одновременно с отменой крепостного права! — но тогда власти, озабоченной тем, чтобы как можно больше смягчить удар по дворянству, было не до будущего аграрного сектора экономики. А в 1906 году оказалось уже безнадежно поздно.

Село к тому времени страдало от чудовищной перенаселенности, а развитие промышленности в городах тормозилось отсутствием людских ресурсов — двадцать лет спустя в ту же проблему уткнется сталинская индустриализация. Предполагалось, что из общины будут выделяться самые богатые и самые бедные крестьяне, богатые купят землю у бедных, укрепятся и станут чем-то вроде фермеров, а бедные уедут в города. И действительно, к 1915 году из общины вышло около четверти крестьянских дворов — в основном это были бедняки, которые, едва получив наделы в собственность, тут же их продавали, как восемьдесят лет спустя продавали ваучеры. Это у Столыпина получилось. Но вот зажиточные крестьяне оказались слишком слабы, чтобы стать по-настоящему крупными хозяевами. Деревня не осилила реформу. Первый ее результат был следующим: *«Количество лошадей в расчёте на 100 жителей в европейской части России сократилось с 23 в 1905 году до 18 в 1910-м. Количество крупного рогатого скота — соответственно с 36 до 26 голов. Средняя урожайность зерновых упала с 37,9 пуда с десятины в 1901-1905 годах до 35,2 пуда в 1906-1910 годах. Производство зерна на душу населения снизилось с 25 пудов в 1901-1905 годах до 22 пудов в 1905-1910 годах»* [Там же. С. 67.]. Немного вырос средний доход на душу сельского населения, но деньги — лукавый показатель. Тем более что правительство отменило, наконец, выкупные платежи, да и мировая цена на хлеб к тому времени подросла.

Вторая главная цель реформы — уменьшить численность сельского населения — тоже не была, да и не могла быть достигнута. Доля сельского населения к 1913 году снизилась до 82%, однако легче от этого не стало, потому что абсолютная численность продолжала расти — начиная с 1898 года она увеличилась на 22 млн. человек. Идея переселения в Сибирь, столкнувшись с традиционным российским бардаком, наводнила страну бродягами. Экономически и психологически слабые переселенцы сплошь и рядом, не сумев устроиться на новом месте, возвращались обратно, уже вконец разоренные — и можно себе представить, с каким настроением! Кроме того, в России не было достаточно рабочих мест в промышленности и жилья в городах, чтобы принять мигрантов из деревни, а власть, естественно, не озаботилась их созданием. Из деревни в город за годы реформ

переселились всего около 3 миллионов человек, причем далеко не лучших представителей сельского мира. Деревню покидали самые бедные, неприспособленные, не умевшие выжить в новых условиях даже на селе — а в городах ведь жизнь была ещё труднее. И неудивительно, что три миллиона крестьян, не сделавших погоды в деревне, перебравшись в город, превратились в три миллиона маргиналов и пролетариев, которым было абсолютно нечего терять — идеальное сырье для любой революции.

Нет, задумано было неплохо, и лет через двадцать, когда все устоится, у нас могло бы появиться на селе что-то приличное. Но двадцати лет на реформы у России не просматривалось ни в какой перспективе. Даже если бы не было войны, она едва ли вынесла бы такое количество маргиналов и все равно рухнула в бездну голодных бунтов и великой русской смуты. Потому что — поздно! Болезнь уже не поддавалась терапевтическому лечению. Теперь этот узел можно было только разрубить. А орудия, чтобы разрубить, власть в руках не имела, да и силы такой у нее не было. И весь этот запекшийся клубок рухнул на плечи новой власти.

Но если бы это было всё наследство — так о чём и речь!

Куда ведут графики роста?

Англичанин-мудрец, чтоб работе помочь,
Изобрёл за машиной машину.
А наш русский мужик, коль работать невмочь,
Он затаяет родную «Дубину».

Из песни

Примерно в конце 80-х годов XIX столетия Россия наконец добралась до капитализма. Её промышленное производство стало бурно расти — темпами, самыми быстрыми в мире. Впрочем, темп — это весьма относительный критерий, поскольку жестко привязан к стартовой цифре. И если она близка к нулю, то при очень высоких темпах могут быть очень грустные абсолютные показатели.

На том, первом этапе промышленность тянуло за собой быстро развивающееся железнодорожное строительство, и вперед вырвалась тяжелая индустрия. Но уже к концу 90-х годов подъем сменился кризисом, продолжавшимся примерно до 1903 года, потом ситуация стала потихоньку выправляться, и в 1910 году пошел новый рывок. Это в общем. Посмотрим теперь конкретные цифры: как выглядел этот самый промышленный подъем.

Составители энциклопедического словаря «Россия» (1898 г.) знаменитые Брокгауз и Ефрон — люди честные, но немножко лукавые и старательно обходят некоторые неудобные моменты. Например, когда надо рассказать о структуре российской промышленности.

В 1896 году структура промышленного производства в Российской империи представляла собой мечту «перестройщика» — абсолютнейшее преобладание так называемых «товаров народного потребления», или, пользуясь терминологией советского времени, «группы Б». По стоимости произведенной продукции на первом месте стоит мануфактура — то есть обработка волокнистых материалов, от хлопка до джута — 851 млн. руб. или 31 % валовой продукции российской промышленности. Затем следует обработка питательных веществ, или пищевая промышленность — 722 млн. (26%). А вот дальше начинается лукавство. Третье место — 614 млн. (22%) занимает «горная и горнозаводская промышленность, со включением обработки металлов и машиностроения». Вот и понимаешь, как хочешь: сколько тут добывающей

промышленности, сколько обрабатывающей, а сколько собственно машиностроения. Дальше идут уже разные мелочи, вроде обработки животных продуктов (117 млн.), деревообрабатывающей промышленности (91 млн.), керамики, химической промышленности и пр.

Собственно машиностроение отыскать все же удалось, хотя и совсем в другом разделе. Причем предваряется искомая цифра совершенно замечательным предисловием — и не надо говорить, что этот стиль, придумала советская эпоха, ну не надо, а?!

«Машиностроение в России далеко еще не удовлетворяет спросу. Главной задерживающей причиной является не столько таможенно-тарифная система, сколько трудность конкуренции с иностранным производством. Машиностроение становится выгодным при массовом производстве однородного товара. Страны, завоевавшие себе в этой области известность, производят машины не только для себя, но и для распространения их по обширному всемирному рынку. Только благодаря массовому производству постройка машин обходится настолько дешево, что они могут выдерживать самые высокие пошлины» [Россия. Энциклопедический словарь. С.-Петербург, 1898. Ленинград. 1991. С. 306.]. В переводе из стиля «все хорошо, прекрасная маркиза» на обыкновенный русский язык это означает, что с «группой А» в России хреново, а протекционистской политикой, вроде регулирования таможенных тарифов, власть также не озаботилась.

Затем приводятся таблицы ввоза машин и вот, наконец, в самом конце раздела — собственное производство: 1896 г. — 136 424 тыс. руб, или около 5% общей промышленной продукции. В том же году было ввезено машин на 65 361 тыс. руб., т. е. ещё 2,5%. И это в условиях «бурного роста»!

Теперь посмотрим, как у нас обстоят дела в области черной металлургии. Это видно из таблицы мирового производства чугуна и стали (данные приводятся в млн. пудов).

ЧУГУН				
	1870	1880	1890	1898
Мировое производство	738	1125	1686	2227
Россия	22 (3%)	27 (2,4%)	57 (3,4%)	134 (6%)
Великобритания	370	480	488	536
Франция	72	105	120	155
Германия	85	167	283	452
Австрия	28	28	48	60
Соед. Штаты	103	238	571	730

СТАЛЬ				
	1870	1880	1890	1898
Мировое производство	43	261	738	1469
Россия	0,5 (1,1%)	19 (7%)	23 (3%)	70 (5%)
Великобритания	18	81	222	283
Франция	5	24	35	88
Германия	10	43	132	350

Бельгия	0,5	10	12	40
Соед. Штаты	4	77	265	552

Тут интересен даже не столько «русский процент», сколько доля в мировом производстве Великобритании и Германии, ни по размерам, ни по населению, ни по ресурсам несопоставимых с Россией. США производили еще больше, но они, по крайней мере, хотя бы сравнимы с нами по всем этим показателям. При этом надо не забывать, что большинство металла в России съедали железные дороги. Так, в 1881 г. было произведено стальных рельсов и прочих железнодорожных причиндалов 12 612 тыс. пудов (около 2/3 произведенной в России стали), а в 1896 г. — 24 300 тыс. пудов (около 1/3).

Взглянем теперь на структуру внешней торговли Российской империи.

Первое место среди экспортных товаров занимал хлеб — большей частью пшеница, которую и растили в основном на вывоз, ибо население питалось черным хлебом. Еще торговали лесом, нефтепродуктами, яйцами. Практически не вывозили никаких готовых изделий — в 1898 году они составляли всего 4% от экспорта, и то еще вопрос — что это были за изделия. Вполне возможно, что какая-нибудь «раши экзотика». В том же году в структуре импорта 54% составляли сырье и полуфабрикаты (в основном, хлопок и металлы), 17,5% — «жизненные припасы», то есть продовольствие, и 28% — готовые изделия (машины).

Для примера приведём несколько цифр из того же энциклопедического словаря «Россия».

Основные показатели торговли с Германией на 1898 год.

Экспорт: хлеб (63030 тыс. руб.), лен (13 945 тыс. руб.), лес (22 920 тыс. руб.), яйца (10 372 тыс. руб.), пенька, живая птица, кожи, щетина. Импорт: машины (36 206 тыс. руб.), пряденая шерсть (10 560 тыс. руб.), железные и чугунные изделия (7049 тыс. руб.).

С Англией. Экспорт: хлеб (64 993 тыс. руб.), лес (20 676 тыс. руб.), лен, яйца, нефтепродукты. Импорт: машины (25 781 тыс. руб.), чесаная шерсть, бумажная пряжа, железные и стальные изделия.

Во Францию предметы экспорта примерно те же самые, причем хлеба в 1897 г. было поставлено на 38 831 тыс. руб., а импорт составляют, в основном, вино, шелк и шерсть. В остальные европейские страны вывозится примерно то же. С Востоком — свои отношения, но ни в одну страну мира, даже в отсталый Китай или в Персию, Россия не вывозит машины.

Как видим, наши взаимоотношения с соседями вполне конкретные: Россия действительно была житницей Европы и ещё немножко сырьевым придатком. С той только поправкой, что вывозила она не от избытка, а при том, что существование большей части населения колебалось между недоеданием и голодом.

Но и это еще не все. Производство любой продукции естественным образом ограничивается платежеспособным спросом, который у большинства населения России был катастрофически низок. Страна практически не вывозила никакой готовой продукции, стало быть, вся она шла на внутренний рынок. В конце 1890-х годов почти две трети промышленного производства составляли текстильная и пищевая промышленности, причем последняя разнообразием не блистала: около 40% приходилось на мукомольное производство [Цифры приводятся не по таблице, а по диаграмме, поэтому они весьма приблизительны.], около 20% — на сахарную промышленность, на третьем месте стояло винокурение и водочное производство, затем производство масла... ну и все, пожалуй! Все эти позиции практически полностью отсутствуют в экспорте — то есть потребляются внутри страны. Около половины продукции российской промышленности и, соответственно потребления — это ткани, мука, сахар, алкоголь. Означать такой перекося может только одно: эти продукты потребляла деревня, по причине крайней нищеты покупавшая лишь самое необходимое. У горожанина, даже при очень большой бедности,

ассортимент покупок куда более разнообразен, но городское население в то время составляло лишь 13% населения страны, или около 16 миллионов человек, да еще и многие из так называемых «горожан» имели подсобное хозяйство и мало чем в этом смысле отличались от крестьян.

И что же у нас получается? А получается совершеннейший парадокс: огромная сельскохозяйственная страна не держалась на аграрном секторе, а наоборот, работала на него. Ну и какой при таких условиях может быть промышленный подъем?

Предвоенная российская промышленность вообще представляет собой один сплошной парадокс. В 1913 году Россия по объему промышленного производства занимала пятое место в мире, ее доля в мировом производстве была 4%, но этот показатель достигался в основном по причине огромных размеров и численности населения. А на душу населения Англия и США производили продукции больше в 14 раз, а Франция — в 10 раз. Зато по концентрации производства Россия была на одном из первых мест в мире! *«Мелкие предприятия, с числом рабочих до 100 человек, охватывали в 1914 году в Соединённых Штатах 35% общего числа промышленных рабочих, а в России — только 17,8%. При приблизительно одинаковом удельном весе средних и крупных предприятий, в 100 — 1000 рабочих, предприятия-гиганты, свыше 1000 рабочих каждое, занимали в Штатах 17,8% общего числа рабочих, а в России — 41,4%! Для важнейших промышленных районов последний процент еще выше: для Петроградского — 44,4%, для московского — даже 57,3%. Подобные же результаты получаются, если сравним русскую промышленность с британской или германской»* [Троцкий. История русской революции. Т.1., М, 1997. С. 39 — 40.].

Как такое может быть? С одной стороны — крестьянская страна с сельскохозяйственным производством на уровне феодализма, с другой — рекордное количество крупных предприятий. Только одним образом: если промышленность не выросла в результате естественного развития страны, а была импортирована. Тот же Троцкий пишет: *«Тяжелая промышленность (металл, уголь, нефть) была почти целиком подконтрольна иностранному финансовому капиталу, который создал для себя вспомогательную и посредническую систему банков в России. Легкая промышленность шла по тому же пути. Если иностранцы владели в общем около 40% всех акционерных капиталов России, то для ведущих отраслей промышленности этот процент стоял значительно выше». Уже в конце XIX века 60% капиталовложений в российскую тяжелую промышленность и горное дело были заграничными. Англофранцузский капитал контролировал 72% производства угля, железа и стали, 50% нефти. Иностранцы вкладывали деньги в то, что им было нужно, развивая не экономику в комплексе, а отдельные отрасли — попросту пользуясь тем, что труд в России дешевле, чем в Европе. Формально их предприятия входили в российскую экономику, а фактически иностранцы использовали страну как колонию, производя нужные им товары и качая прибыли.*

«Можно сказать без всякого преувеличения, что контрольный пакет акций русских банков, заводов и фабрик находился за границей, причем доля капиталов Англии, Франции и Бельгии была почти вдвое выше доли Германии» [Там же. С. 40.]. Зная это, стоит ли обсуждать, почему Россия вступила в Первую мировую войну? А что ей оставалось, если хозяева решили воевать?

Ну и какое будущее ожидало страну с такой экономикой, даже если бы не было войны? Только одно: промышленный подъем уперся бы в отсутствие платежеспособного спроса и нехватку рабочих рук и прекратился сам собой. Ну, выжили бы отрасли, работающие на границу, — нам-то что с этого? А затем Россию потихоньку обкусали бы соседи по «мировому сообществу» — сначала экономическое проникновение, потом полукOLONизация, потом полная колонизация пополам с аннексией. В случае войны произошло бы то же самое, только быстрее.

«Думская делегация, нанёсшая дружественные визиты французам и англичанам, могла без труда убедиться в Париже и Лондоне, что дорогие союзники намерены во

время войны выжать из России все жизненные соки, чтобы после победы сделать отсталую страну полем своей экономической эксплуатации. Разбитая Россия на буксире победоносной Антанты означала бы колониальную Россию» [Там же. С. 56].

И как только наступит удобный момент, они попытаются уже прямой военной силой приобрести себе русские колонии. В этом, а вовсе не в идеологическом или мировоззренческом противостоянии, смысл Гражданской войны.

Город — ад на земле

Только нам гулять не довелось
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колёса
Мы вертим — вертим — вертим!..
...Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри — проклятое вертится,
Хоть умри — гудит — гудит — гудит!..
Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если бы нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы — спать!
Николай Некрасов. Плач детей

До столыпинских реформ мужик, окончив полевой сезон, отправлялся на заработки в город — на фабрику или на строительство. Явление это было настолько массовым, что многие фабричные предприятия на лето закрывались — рабочие расходились по деревням поголовно. Естественно, фабрикант, как мог, экономил на заработках и на жилье сезонников, и они все это терпели, поскольку воспринимали свое положение как временное.

Но реформы вышибали людей из деревни в город уже на постоянное жительство — а фабрикант, естественно, привык экономить на жилье, пище и зарплате рабочих и расставаться с такими приятными для себя привычками не спешил. И люди, составлявшие едва формирующийся рабочий класс России, перебравшись из деревни, где им не было места, в город, попадали в совершенно нечеловеческие условия нарождающегося капитализма.

К началу XX века в России сформировался новый слой общества, совершенно особый, какого раньше не бывало — тот, что социал-демократы точно и метко прозвали рабочим классом, ибо жили эти люди как рабочий скот — трудились за кормежку и крышу над головой. Некий инженер Голгофский в докладе на торгово-промышленном съезде в Нижнем Новгороде в 1896 году с точностью художника этот слой обрисовал: *«Проезжая по любой нашей железной дороге и окидывая взглядом публику на станциях, на многих из этих последних невольно обращает на себя ваше внимание группа людей, выделяющихся из обычной станционной публики и носящих на себе какой-то особый отпечаток. Это-люди, одетые на свой особый лад; брюки по-европейски, рубашки цветные навывпуск, поверх рубашки жилетка и неизменный пиджак, на голове — суконная фуражка; затем — это люди по большей части тощие, со слабо развитой грудью, с бескровным цветом лица, с нервно бегающими глазами, с беспечно ироническим на все взглядом и манерами людей, которым море по колено и нраву которых не препятствуй... Незнакомый с окрестностью места и не зная его этнографии, вы безошибочно*

заклучите, что где-нибудь вблизи есть фабрика...» [Пажитнов К. Положение рабочего класса в России. СПб. 1908. С. 168.]

По официальным данным (которые несколько меньше неофициальных, ибо «черный рынок» труда существовал и тогда), в 1886 г. рабочих в России было 837 тысяч, в 1893 г. — около 1 млн. 200 тысяч и в 1902 г. — 1 млн. 700 тысяч человек. Столыпинские реформы ещё подтолкнули процесс. Вроде бы не так много их было — ведь население страны тогда составляло 125 миллионов. Однако новый класс с самого начала вступил с породившим его обществом в отношения особые и своеобразные.

* * *

«В нашей промышленности преобладает патриархальный склад отношений между хозяином и работником. Эта патриархальность во многих случаях выражается заботами фабриканта о нуждах рабочих и служащих на его фабрике, в попечениях о сохранении ладу и согласия, в простоте и справедливости во взаимных отношениях. Когда в основе таких отношений лежит закон нравственности и христианского чувства, тогда не приходится прибегать к писаному закону...»

Из секретного циркуляра, разосланного фабричной инспекции 5 декабря 1895

2.

Похоже, что автор писал сей циркуляр под диктовку своей жены из числа дам-попечительниц о народной нравственности, питавшейся исключительно душевспасительными книжками. Поскольку одни лишь люди такого сорта могут предполагать, что в основе отношений между трудом и капиталом лежит «закон нравственности и христианского чувства». Но когда знакомишься с реальным положением дел в этой области, приходится вспоминать не Христа, а Карла Маркса: нет таких преступлений, на которые не пойдет капитал ради процента прибыли. Впрочем, и Христа тоже: «легче верблюду пройти через игольное ушко, чем богатому попасть в Царство Небесное».

Сейчас говорят, что рабочие до революции жили хорошо. Иной раз ссылаются и на Хрущева, который в 30-е годы как-то в порыве откровенности сказал, что-де он, когда был слесарем, жил лучше, чем когда стал секретарем МК. Может статься, и так. Особенно учитывая, что в качестве секретаря МК он был на глазах у Политбюро, а тогдашнее Политбюро партийцам воли по части приобретательства не давало. Еще приводят в подтверждение данные о соотношении цен и зарплат, рассказывают о Путиловском заводе и Прохоровской мануфактуре, об отцах-фабрикантах и добром царе, который вводил рабочие законы. Да, все это было. Иные рабочие и детей в гимназиях учили, тот же друг Сталина Аллилуев, например, — зарплата позволяла. Но судить об уровне жизни российского рабочего по положению тончайшего слоя квалифицированной «рабочей аристократии» — все равно что судить о жизни СССР 70-х годов по коммунистическому городу Москве. Отыедешь от Москвы всего ничего, хотя бы до Рязани — а там уже колбасы нет.

Были и «отцы-фабриканты», один на сотню или же на тысячу — Николай Иванович Путилов ещё в 70-е годы XIX века с мастерами здоровался за руку, открыл для рабочих школу, училище, больницу, библиотеку. Да, был Путилов и был Прохоров, но был и Хлудов — о нем и его «отеческом попечении» мы еще расскажем. Но если о 999-ти прочих умолчать, а о Путилове рассказать, то получится, доподлинно, «золотой век».

...Среди моих домашних «ужастиков» не последнее место занимает исследование К. А. Пажитнова «Положение рабочего класса в России», 1908 года выпуска, которое, в свою очередь, содержит анализ многочисленных отчетов фабричных инспекторов и прочих исследователей и проверяющих. Чтение, надо сказать, не для слабонервных.

С чего бы начать? Одной из главных приманок большевиков стал лозунг восьмичасового рабочего дня. Каким же он был до революции? Большая часть относительно крупных фабрик и заводов работала круглосуточно — в самом деле, не для того хозяин дорогие машины покупал, чтобы они по ночам стояли. Естественно, так работали металлурги с их непрерывным циклом, а кроме того, практически все прядильные и ткацкие производства, заводы сахарные, лесопильные, стеклянные, бумажные, пищевые и пр.

На фабриках и заводах с посменной работой естественным и самым распространенным был 12-часовой рабочий день. Иногда он являлся непрерывным — это удобно для рабочего, но не для фабриканта, потому что к концу смены рабочий уставал, вырабатывал меньше и был менее внимателен, а значит, и продукт шел хуже. Поэтому часто день делился на две смены по 6 часов каждая (то есть шесть часов работы, шесть отдыха и снова шесть работы). Товар при этом шел лучше, правда, рабочий при таком режиме «изнашивался» быстрее — но кого это, собственно, волновало? Эти изотрутятся — наберем новых, только и всего!

Но и это ещё не самый худший вариант. А вот какой порядок был заведен на суконных фабриках. Дневная смена работала 14 часов — с 4.30 утра до 8 вечера, с двумя перерывами: с 8 до 8.30 утра и с 12.30 до 1.30 дня. А ночная смена длилась «всего» 10 часов, но зато с какими извращениями! Во время двух перерывов, положенных для рабочих дневной смены, те, что трудились в ночную, должны были просыпаться и становиться к машинам. То есть они работали с 8 вечера до 4.30 утра, и, кроме того, с 8 до 8.30 утра и с 12.30 до 1.30 дня. А когда же спать? А вот как хочешь, так и высыпайся!

12-часовой рабочий день существовал на достаточно крупных предприятиях, с использованием машин. А на более мелких кустарных заводиках, где не было посменной работы, хозяева эксплуатировали рабочих кто во что горазд. Так, по данным исследователя Янжула, изучавшего Московскую губернию, на 55 из обследованных фабрик рабочий день был 12 часов, на 48 — от 12 до 13 часов, на 34 — от 13 до 14 часов, на 9 — от 14 до 15 часов, на двух — 15, 5 часов и на трех — 18 часов. Как можно работать 18 часов?

«Выше 16 и до 18 часов в сутки (а иногда, хотя трудно поверить, и выше) работа продолжается постоянно на рогожных фабриках и периодически — на ситцевых... а нередко достигает одинаковой высоты рабочее время при сдельной работе на некоторых фарфоровых фабриках.

Из Казанского округа сообщается, что до применения закона 1 июня 1881 г. работа малолетних (до 14 лет! — Е.П.) продолжалась на некоторых льнопрядильных, льноткацких фабриках и кожевенных заводах 13,5 часов, на суконных фабриках — 14-15 часов, в сапожных и шапочных мастерских, а также маслобойнях — 14 часов...

Рогожники г. Рославля, например, встают в час полуночи и работают до 6 часов утра. Затем дается полчаса на завтрак, и работа продолжается до 12 часов. После получасового перерыва для обеда работа возобновляется до 11 часов ночи. А между тем, почти половина работающих в рогожных заведениях — малолетние, из коих весьма многие не достигают 10 лет» [Там же. С. 54.].

Предприятий, где продолжительность рабочего дня была более 12 часов, насчитывалось в 80-е годы около 20%. И даже при таком рабочем дне фабриканты практиковали сверхурочные по «производственной необходимости». То время, которое рабочий тратил на уборку рабочего места, на чистку и обслуживание машин, в рабочий день не входило и не оплачивалось. А иной раз хозяин воровал у работников время по мелочам — на нескольких прядильных фабриках были обнаружены особые часы, которые в течение недели отставали ровно на час, так что продолжительность трудовой недели получалась на час больше. Рабочие своих часов не имели, и, даже если знали о таких фокусах хозяев — то что они могли сделать? Не нравится — пожалуйте за ворота!

В среднем по всем обследованным производствам продолжительность рабочей недели составляла 74 часа (тогда как в Англии и в Америке в то время она была 60 часов). Никакого законодательного регулирования продолжительности рабочего дня не существовало — всё зависело от того, насколько жажда наживы хозяина перевешивала его совесть.

Точно так же от совести хозяина зависела и выплата заработанных денег. Мы привыкли получать зарплату раз в месяц, а то и два — а если на неделю задержат, так это уже вроде бы ущемление прав. А тогда на многих производствах деньги выдавались не каждый месяц, а когда хозяину на ум взбредет. «Взбрело» обычно под большие праздники, а то и вообще два раза в году — на Рождество и на Пасху. Как мы увидим чуть ниже, у такой практики был свой шкурный интерес.

Контора платила рабочим когда хотела, не признавая за собой никаких обязательств, зато рабочий был опутан договором, как сеть. Так, на фабрике Зимина (Московская губерния) за требование расчета раньше срока рабочий лишался полутора рублей за каждый оплачиваемый месяц. На химическом заводе Шлиппе у пожелавших уйти вычитали половину, а на бумагопрядильной фабрике Балина и Макарова «рабочие и мастеровые, поступившие на фабрику с Пасхи, все обязаны жить до октября месяца, а ежели кто не пожелает жить до срока, то лишается всех заработанных денег». Не говоря уже о том, что администрация могла уволить работника когда сама пожелает — за собой она никаких обязательств не признавала. Если это и можно признать «отеческим» отношением, то разве что в духе диких народов: «Мой сын — мое имущество: хочу — продам, хочу — сам съем».

Такой порядок расчета давал фабрикантам еще одну дополнительную, но весьма приятную статью дохода. Поскольку расчет рабочий получал лишь в конце срока найма, или как хозяин соизволит, то денег у него не было — а кушать ведь хочется каждый день! И тут на сцену выходили фабричные магазины, где можно было брать продукты в долг под зарплату. Естественно, цены в этих магазинах были на 20-30% (в лучшем случае) выше, чем в городе, а товар завозился самого дурного качества. Монополия-с...

* * *

Теперь о заработной плате — ведь человек может работать в любых условиях и не жаловаться, если ему хорошо платят. В 1900 году фабричная инспекция собрала статистику средних зарплат по отраслям. А то у нас любят с цифрами в руках доказывать, что рабочие жили хорошо — берут высококвалифицированного слесаря или токаря и показывают: вот столько он зарабатывал, а вот столько стоил хлеб... Забывая, что кроме слесарей были ведь еще и чернорабочие.

Итак, в машиностроительном производстве и металлургии рабочие получали в среднем 342 рубля в год. Стало быть, в месяц это выходит 28,5 рубля. Неплохо. Но, обратившись к легкой промышленности, мы видим уже несколько иную картину. Так, обработка хлопка (прядельные и ткацкие мануфактуры) — 180 рублей в год, или 15 в месяц. Обработка льна — 140 рублей в год, или 12 в месяц. Убийственное химическое производство, рабочие на котором до старости не доживали — 260 рублей в год, или 22 в месяц. По всей обследованной промышленности средняя зарплата составляла 215 рублей в год (18 в месяц). При этом платили неравномерно. Заработок женщины составлял примерно 3/5 от уровня взрослого мужчины. Малолетних детей (до 15 лет) — 1/3. Так что в среднем по промышленности мужчина зарабатывал 20 рублей в месяц, женщина — 12, а ребенок — около семи. Повторяем — это средний заработок. Были больше, бывали и меньше.

Теперь немножко о ценах. Угол, то есть место на койке в Петербурге стоил 1-2 рубля в месяц, так называемая «каморка» (это не комната, как можно бы подумать, а

кусочек комнаты, разгороженной фанерными перегородками, что-то вроде знаменитого общежития из «Двенадцати стульев») стоила 5-6 рублей в месяц. Если рабочие питались артелью, то на еду уходило самое меньшее 6-7 рублей в месяц на человека, если поодиночке — более семи. Одиночка, при среднем заработке, мог прожить, но ведь любому человеку свойственно стремиться создать семью — и как прикажете ее кормить на такой заработок? Поневоле дети рабочих с 7-10 лет тоже шли работать. Причем женщины и дети составляли категорию самых низкооплачиваемых рабочих, оттого-то потеря кормильца была уже не горем, а трагедией для всей семьи. Хуже смерти была только инвалидность, когда отец работать не может, а кормить его надо.

Да, кстати, ещё штрафы мы забыли! Как вы думаете, за что штрафовали? Впервые, естественно, за опоздание. Завод Мартына (Харьковский округ): за опоздание на 15 минут вычитается четверть дневного заработка, на 20 минут и более — весь дневной заработок. На писчебумажной фабрике Панченко за час опоздания вычитается как за два дня работы. Но это как бы строго, однако понятно. А как вы думаете, за что еще штрафовали? Впрочем, тут современной фантазии не хватит, чтобы такое придумать, надо доподлинно быть «отцом» рабочих. Фабрика Пешкова: штраф в один рубль, если рабочий выйдет за ворота (в нерабочее время, ибо выход за ворота фабрики был вообще запрещен!). Мануфактура Алафузова (Казань): от 2 до 5 рублей, если рабочий «прошелся, крадучись, по двору». Другие примеры: 3 рубля за употребление неприличных слов, 15 копеек за нехождение в церковь (в единственный выходной, когда можно поспать!). А еще штрафовали за перелезание через фабричный забор, за охоту в лесу, за то, что соберутся вместе несколько человек, что недостаточно деликатно рабочий поздоровался и пр. На Никольской мануфактуре благодетеля нашего Саввы Морозова штрафы составляли до 40% выдаваемой зарплаты, причем до выхода специального закона 1886 года они взыскивались в пользу хозяина. Надо ли объяснять, как администрация старалась и как преуспевала в самых разнообразных придириках?

* * *

Ну, переведем дух и двинемся дальше. Об условиях труда и быта рабочих — отдельный разговор. Об охране труда в то время говорить вообще почти не приходилось — это относилось всецело на христианское чувство хозяина. (Кстати, в случае увечья рабочего он ничем не отвечал: может кинуть пособие, а может прогнать за ворота — и живи, как знаешь).

В Царстве Польском по части условий труда было, пожалуй, самое лучшее положение в Российской империи. И вот что пишет фабричный инспектор Харьковского и Варшавского округов Святловский, который лично осмотрел 1500 (!) предприятий с 125 тыс. рабочих — то есть в основном мелких. *«Относительно рабочих помещений можно принять за правило следующее положение: если во вновь воздвигаемых фабриках далеко не всегда обращается внимание на требования строительной гигиены, то в старых фабриках и, особенно, в мелких заведениях эти требования всегда и благополучно игнорируются, и нигде не имеется приспособлений ни для вентиляции, ни для удаления пыли»* [Там же. С. 18.]. Так, сушильни на махорочных фабриках таковы, что даже привычного рабочего, который пробыл там 15 минут, иной раз вытаскивали в глубоком обмороке. *«При входе в сушильню дух захватывает почти в той же мере, как и при входе в помещение химических заводов, где вырабатывается соляная кислота»*.

Да, кстати, химические заводы — вот где были настоящие фабрики смерти. Московская губерния (относительно цивилизованная): *«На химических заводах в подавляющем большинстве случаев воздух отравляется различными вредными газами, парами и пылью. Эти газы, пары и пыль не только вредят рабочим, причиняя более или менее тяжкие болезни от раздражения дыхательных путей и соединительной оболочки»*

глаз и влияя на пищеварительные пути и зубы, но и прямо их отравляют... На зеркальных мелких заводах рабочие страдают от отравления ртутными парами. Это обнаруживается в дрожании рук, в общем упадке питания и дурном запахе изо рта». Кстати, один из таких заводов — по производству свинцовых белил — красочно описан Гиляровским в очерке «Обреченные».

Фабрики тогдашние мало походили на нынешние, где, даже если есть проблемы с вентиляцией, то, по крайней мере, достаточно самого воздуха. Но исследователи условий труда на кустарных и полукустарных производствах, таких как табачные, спичечные фабрики и пр., пришли в ужас, когда измерили, сколько воздуха приходится на одного работающего. Получалось иной раз половина, а иной раз и треть кубической сажени (сажень — около 2 метров, соответственно кубическая сажень — около 8 куб. метров). При этом единственной вентиляцией зачастую служила открытая дверь и форточка в окне, которую рабочие закрывали по причине сквозняков.

Ну а теперь дадим слово самим фабричным инспекторам. Вот все о тех же несчастных рогожниках (более половины работающих — дети!) *«На всех фабриках без исключения мастерские дают на каждого рабочего, или, вернее, живущего, менее принятой нами нормы в 3 куб. сажени, а 2/3 из них дают менее 1 куб. сажени на человека, не считая при том массы воздуха, вытесняемого мочалой и рогожами. На 7 кожевенных заводах было найдено отопление «по черному» — без труб. Из 1080 фабрик Московской губернии периодическое (!) мытье полов существовало только на трех!»*

«Работа в паточной (на сахарных заводах. — Е.П.) положительно вызывает особую, чисто профессиональную болезнь, именно нарывы на ногах. В паточном отделении рабочий все время стоит в патоке босиком, при чем малейшая ссадина или царапина разъедается, и дело доходит до флегмонозных воспалений. Высокая температура и господствующие сквозняки вызывают ревматические заболевания...»

«В квасильне, где более всего работают дети от 7 лет, у здорового, но непривыкшего человека через четверть часа разболится до обморока голова от невыносимой вони и сырости, которую издает квасящийся уголь... В костопальне дети от 7 лет (которые работают также 12 часов) ходят и распластывают горячую крупку, от которой пыль буквально покрывает их с головы до ног... В прачечной — девочки от 14 лет, совершенно голые, моют грязные от свекловичного сока салфетки в сильно известковой воде, от которой лопаются у них кожа на теле...»

К числу наиболее вредных работ на сахарных заводах следует отнести работы с известью, которые состоят в гашении, переноске и разбалтывании извести с водою. Мельчайшие частицы ее носятся в воздухе, покрывают платье и тело рабочих, действуют разрушающим образом на то и другое, разъедают глаза и, несмотря на повязки (российский фабричный «респиратор» — во вредных цехах лица обматывали тряпками. — Е.П.), проникают в легкие и вызывают разного рода легочные страдания...

...Особенно часто плохи на суконных фабриках «мокрые» отделения — это настоящие сырые, промозглые подвалы, а между тем полураздетые работницы постоянно ходят из них в сушильню, где температура доходит до 40° С.

...Существует одна фабрика (Головиной), которая во время работы... ходит ходуном. Для того чтобы попасть в помещение, где установлены чесальные машины, нужно пролезть через входное отверстие, отстоящее от парового двигателя с его движущимися частями не более, как вершков на 6-7 (около 30 см. — Е.П.); валы расположены на высоте ниже человеческого роста...

...Желудочные скоропреходящие боли (гастралгии) знакомы всем табачным работникам. Это, можно сказать, настоящее профессиональное их заболевание. Вообще нервные страдания (от отравления никотином) так часты на табачных фабриках, что зачастую на вопрос: “Ну, как здоровье?”, получается от рабочих ответ: “Дамы все больны, у всех одышка, у всех головная боль”...

...На перчаточной фабрике Простова пахнет не лучше, чем в общественных и при том никогда не дезинфицируемых писсуарах, потому что кожи на этой фабрике вымачиваются в открытых чанах, наполненных полусгнившей мочой. Мочу доставляют, конечно же, сами рабочие, для чего в помещении в нескольких углах находятся особые чаны, ничем не прикрытые. В небольших кожевенных заведениях люди спят и едят в тех же зловонных мастерских, где воздух не лучше, чем в плохом анатомическом театре...»

Эти доклады относятся к началу 80-х годов XIX века. Но, может быть, за 20 лет что-нибудь изменилось? Посмотрим. Мы снова на сахарном заводе, и снова слово фабричному инспектору. *«Работа на заводе продолжается 12 часов в день, праздников не имеют и работают 30 дней в месяц. Почти во всем заводе температура воздуха страшно высокая. Работают голышом, только покрывают голову бумажным колпаком да вокруг пояса носят короткий фартук. В некоторых отделениях, например, в камерах, куда приходится вкатывать тележки, нагруженные металлическими формами, наполненными сахаром, температура доходит до 70 градусов. Этот ад до того изменяет организм, что в казармах, где рабочим приходится жить, они не выносят температуры ниже 30 градусов...»* Разница если и есть, то в том, что к этому времени на таких заводах не стало детей. Почему — речь впереди...

Особое внимание инспектора обращали на туалеты, или, как тогда говорили, ретирады — на эти заводские заведения трудно было не обратить внимания по причине того, что они сразу же напоминали о себе вездесущим зловонием: *«В большинстве случаев это нечто совсем примитивное: какие-то дощатые загородки, общие для обоих полов, часто очень тесные, так что один человек с трудом может пошевелиться в них. На некоторых заводах вовсе не имеется никаких ретирад».* В 1882 году доктор Песков, осмотрев 71 промышленное предприятие, лишь на одной Шуйской мануфактуре нашел туалет, более-менее соответствовавший представлениям доктора об отхожем месте — как он пишет, «целесообразное устройство». Но самый замечательный анекдот произошел на печально знаменитой (мы еще к ней вернемся) Хлудовской мануфактуре. Там, когда фабричный инспектор поинтересовался, почему администрация не принимает никаких мер к улучшению ретирад, получил ответ, что это делается намеренно: *«С уничтожением миазмов эти места превратились бы в места отдохновения для рабочих, и их пришлось бы выгонять оттуда силой».* Каковы же были хлудовские сортиры, если даже привычный ко всему русский работяга мог выносить их вонь лишь самое краткое время!

Что же касается быта — то человек, не знающий, что такое рабочая казарма, вообще не имеет представления о «России, которую мы потеряли». На многих фабриках рабочие пользовались жильем от хозяина. Иной раз это были домики, где семья могла за сносную плату получить комнату и даже кусок земли под огород, но это было настолько редко, что можно и не учитывать. Так, на Обуховском заводе, одном из крупнейших и богатейших в Петербурге, хорошими помещениями пользовались всего 40 семей из 2 тысяч работающих. Хорошими считались казармы завода Максвелла — правда, там не полагалось отдельных помещений даже для семейных, а место на койке стоило 2 руб. 25 коп. А вот, например, кирпичные заводы — они группировались по Шлиссельбургскому тракту. Снова слово фабричным инспекторам — лучше, чем они, не скажешь.

«При всяком заводе имеются рабочие избы, состоящие из помещения для кухни и чердака. Этот последний и служит помещением для рабочих. По обеим сторонам его идут нары, или просто на полу положены доски, заменяющие нары, покрытые грязными рогожами с кое-какой одежкой в головах.. Полы в рабочих помещениях до того содержатся нечисто, что покрыты слоем грязи на несколько дюймов... Живя в такой грязи, рабочие расплождают такое громадное количество блох, клопов и вшей, что, несмотря на большую усталость, иногда после 15-17 часов работы, не могут долго заснуть... Ни на одном кирпичном заводе нет помойной ямы, помои выливаются около рабочих жилищ, тут же сваливаются всевозможные нечистоты, тут же рабочие умываются...»

Теперь о «вольных» жилищах. *«На Петербургском тракте квартиры для рабочих устраиваются таким образом. Какая-нибудь женщина снимает у хозяина квартиру, уставляет кругом стен дощатые кровати, сколько уместится, и приглашает к себе жильцов, беря с каждого из них по 5 коп. в день или 1 руб. 50 коп. в месяц. За это рабочий пользуется половиной кровати, водою и даровой стиркой».*

А вот подлинная клоака, в окрестности пороховых заводов. *«В особенности ужасен подвал дома № 154: представляя из себя углубление в землю не менее 2 аршин, он постоянно заливается если не водою, то жидкостью из расположенного по соседству отхожеего места, так что сгнившие доски, составляющие пол, буквально плавают, несмотря на то, что жильцы его усердно занимаются осушкой своей квартиры, ежедневно вычерпывая по несколько ведер. В таком-то помещении, при содержании 5,33 куб. сажень (при высоте потолка 2 с небольшим метра это комната площадью около 20 кв.м. — Авт.) убийственного самого по себе воздуха я нашел до 10 жильцов, из которых 6 малолетних (это он нашел столько. А сколько во время его визита были на работе? — Е.П.)».* Что там Достоевский с его «униженными и оскорбленными»? Разве это бедность? Ведь даже нищее семейство Мармеладовых жило хоть и в проходной комнате, но в отдельной, на одну семью, и в доме, а не в подвале — рабочие заводских окраин посчитали бы такие условия царскими!

А теперь, как говорит Пажитнов, «запасемся мужеством и заглянем в глубь России». Мужество, действительно, потребуется — даже и читать про такое существование, если вы, конечно, человек с воображением, жутко. На большинстве фабрик в глубине России помещения для рабочих подразделялись на две категории: казармы и каморки. Что такое казарма, знает каждый, читавший историю ГУЛАГа — это обычный барак с нарами, примерно при той же или большей тесноте. Но у зэка по крайней мере было свое отдельное место на нарах, а у рабочего не было — нары, как и цеха, использовались в две смены. Каморки — это тот же барак, но поделенный на отдельные клетушки — такое жилье предназначается для семейных рабочих. Только не стоит думать, что в комнате помещается по одной семье — обычно по две-три, но иной раз и до семи. Однако даже таких каморок для семей не хватает — что за народ такой, нет чтобы в поте лица добывать хлеб и на этом успокоиться, а им еще какой-то там личной жизни хочется! Совсем разбаловались!

В ожидании своей очереди на кусок комнаты семейные пары размещаются все в тех же казармах. В этих случаях они отделяют свои места на нарах занавесками. *«Иногда фабриканты идут навстречу этому естественному стремлению рабочих и на помосте нар делают дощатые перегородки вышиною в полтора аршина (около метра. — Авт.), так что на нарах образуется ряд, в полном смысле слова, стоил на каждую пару».* Через некоторое время в ногах такого «жилья» появляется люлька — значит, люди ухитряются еще и заниматься любовью в этом помещении! Воистину к чему только ни приспособится человек...

Наконец, *«на большинстве фабрик для многих рабочих, по обыкновению, особых спален не делают».* Это значит, что спят рабочие в тех же цехах, где и работают. Ткачи (ручные) спят на станках, столяры — на верстаках, несчастные рогожники — на тех же самых мочалах и рогожах, которые они изготавливают, в тех же сырых и душливых помещениях. Учитывая, что у рогожников ещё и самый длинный в России рабочий день — до 18 часов, то вся жизнь их проходит в этих темных душных цехах. А работают здесь в основном, еще раз напоминаем, женщины и дети.

Доподлинно, любимицей господина Пажитнова была хлудовская мануфактура, та самая, где сортиры не чистили, чтобы рабочие в них не отдыхали. *«Служа гнездом всякой заразы, миллионная фабрика Хлудова является в то же время образцом беспощадной эксплуатации народного труда капиталом»*, — так говорится в исследовании земской санитарной комиссии (1880 г.)... *«Работа на фабрике обставлена крайне неблагоприятными условиями: рабочим приходится вдыхать хлопчатобумажную пыль,*

находиться под действием удушливой жары и переносить удушивший запах, распространяющийся из дурно устроенных ретирад. Работа идет днем и ночью, каждому приходится работать 2 смены в сутки, через 6 часов делая перерыв, так что в конце концов рабочий никогда не может выспаться вполне. При фабрике рабочие помещаются в громадном, сыром корпусе, разделенном, как гигантский зверинец, на клетки или каморки, грязные, смрадные, пропитанные вонью отхожих мест. Жильцы набиты в этих каморках, как сельди в бочке. Земская комиссия приводит такие факты: каморка в 13 куб. сажень служит помещением, во время работы, для 17 человек, а в праздники или во время чистки машин — для 35-40 человек...

Эксплуатация детского труда производилась в широких размерах. Из общего числа рабочих 24,6% составляли дети до 14 лет, 25,6% составляли подростки до 18 лет. Утомление, сопряженное с трудом на фабрике, было так велико, что, по словам земского врача, дети, подвергавшиеся какому-нибудь увечью, засыпали во время операции таким крепким, как бы летаргическим сном, что не нуждались в хлороформе...

23 января 1882 года хлудовская мануфактура загорелась, и от громадного пятиэтажного корпуса остались одни каменные стены. Впрочем, Хлудов не оказался в большом убытке — он получил 1 миллион 700 тысяч руб. одной страховочной суммой, а потерпевшими оказались те же рабочие. После пожара остались семь возов трупов. По распоряжению директора Миленча, рабочие были заперты в горевшем здании, чтобы не разбежались и лучше тушили пожар, а сторожа снаружи даже отгоняли желавших помочь горевшим...

В заключение можно сказать, что чистый доход равнялся 45% в год» [Там же. С. 13 — 16.]. Маркс, кажется, говорил, что нет такого преступления, на которое не пойдет капиталист ради 500% прибыли? Право, он слишком хорошо думал о людях!

В биографии фабриканта Хлудова есть и такой случай: он сделал пожертвование на поддержание типографии, которая печатала богослужебные книги для раскольников-единоверцев, а затем, вернувшись домой, распорядился, в порядке компенсации, снизить своим рабочим жалование на 10% — таким было его понимание «христианского чувства».

* * *

Пока рабочие были сезонниками, приехавшими в города на заработки, они мирились с таким нечеловеческим существованием. Сто лет спустя многие вахтовики, шабашники и пр. тоже жили если не в таких условиях, то далеко не в самых лучших, и тоже работали по 16 часов и спокойно выдерживали все это, потому что потом возвращались с деньгами к семьям. Но все изменилось, когда рабочие стали отрываться от деревни, и это ужасающее существование становилось для них *единственным*. И тогда в их душах начинали созревать гроздь гнева. А как, скажите, должен реагировать человек, если хозяин жертвует 120 тысяч на типографию, а потом на 10% урезает нищенское жалование рабочих?

И неправда, что рабочие начали бунтовать, соблазненные социал-демократами и прочими «интеллигентами». Первые стачки проходили сами по себе, тогда, когда эсдеки не только не нашли ещё дорогу в рабочие казармы, но когда и эсдеков-то самих не было. Вернемся к нашему любимому герою миллионеру Хлудову. После того как он объявил о десятипроцентном понижении жалования, терпение рабочих лопнуло. Они собрались и потребовали либо расчета, либо отмены сбавки (напомним, что расчет тоже было не просто получить). К толпе вышел хозяйский сын, который в ту пору случился на фабрике, и стал проводить «миротворческую акцию»: с одной стороны, приказал принести орехов и пряников из лавки и стал угощать рабочих, предложив им «погулять», а с другой — тут же послал за урядником. Урядник явился с плетью и начал стегать собравшихся. Возмущенные таким коварством, рабочие урядника избили — после чего

были вызваны войска и приехал губернатор. Впрочем, губернатор оказался человеком умным и попытался уладить дело миром, посоветовав Хлудову отменить сбавку. Хозяин согласился было, но тут подоспели солдаты, заняли фабрику, арестовали зачинщиков, и бунт был усмирен. Результат — сбавка стала не 10, а 15%. Из 2200 человек бастующих 800 были отправлены по этапу «на родину», то есть в деревню, а 11 арестованы. Такими были первые стачки. Но рабочие быстро учились науке забастовок.

Начало 80-х годов было ознаменовано вспышкой стачечного движения, которая принесла результат, и еще какой! Правительство заметило факт существования рабочих!! Государственный совет (!!!) на своем заседании постановил, что *«нынешние узаконения о найме рабочих действительно представляют более или менее существенные неудобства»*. И 1 июня 1882 года был издан закон, запрещающий принимать на фабрики детей моложе 12 лет. Работа подростков от 12 до 15 лет была ограничена 8 часами с запрещением для них ночных работ. Но закон законом, а жизнь жизнью. Хозяева не спешили выполнять новые правила, тем более что и контролировать их было некому. Фабричные инспектора назначались по одному на округ, а округ — это губерния. В 1885 году на одного инспектора с 1-2 помощниками приходилось, в среднем по стране, 1295 предприятий. Много тут наконтролируешь?

...А стачки тем временем продолжались, ибо запреты на работу малолетних, как нетрудно догадаться, не решали всех рабочих проблем. В 1885 году состоялась историческая стачка на мануфактуре благодетеля нашего Саввы Морозова в Орехово-Зуеве, в которой принимало участие 7-8 тысяч человек. Эта стачка отличалась значительно большей организованностью, во многом благодаря тому, что во главе её стояли рабочие с политическим опытом — Моисеенко и Волков. Тут же были вызваны войска, но они ничего не могли поделать с такой толпой, а стрелять в рабочих не посмели. Все ж таки казаки арестовали 51 человека из рабочих, однако товарищи тут же почти всех отбили. А что самое главное, это был уже не просто стихийный крик по одному какому-то конкретному поводу — впервые рабочие сформулировали и вручили губернатору список требований. В него входили такие пункты, как требование, чтобы штрафы не превышали 5 копеек с заработанного рубля (напоминаем, что на мануфактуре Морозова они доходили до 40%), чтобы хозяин платил за простой по его вине, чтобы условия найма соответствовали закону и т. д.

Стачки возымели действие: уже 3 июня вышел закон... ну конечно же, снова о малолетних! Он воспрещал ночную работу подростков до 17 лет. Но 3 июня 1886 года появился наконец и закон о найме рабочих — зато тут же, в порядке компенсации, введено тюремное заключение за стачки на срок от 2 до 8 месяцев. Соединенное действие этих двух правовых актов привело к тому, что стачечное движение пошло на убыль. Чем мгновенно воспользовались хозяева: уже в апреле 1890 года вновь была узаконена ночная работа детей, подростков и женщин. Вообще именно вокруг положения детей на производстве шла основная законодательная борьба, именно право их найма отстаивали хозяева, пользуясь любым спадом стачечного движения. Можно себе представить, насколько выгоден был труд детей — дешевой и безответной рабочей силы! Работают они почти так же, как взрослые, платить им можно втрое меньше — и никаких стачек! А рабочие так яростно требовали отмены детского труда тоже не из гуманизма — дети сбивали цену на труд до совсем уж неприличного уровня. Вот и весь секрет борьбы вокруг положения малолетних. И никакая мораль тут ни при чём.

90-е годы вновь ознаменовались подъемом стачечного движения — и снова были изданы некоторые законы в защиту рабочих. Собственно, так все и шло. Ольденбург, автор известного промонархического труда «Царствование Императора Николая II», пишет о законах в защиту малолетних как о добром жесте правительства. Ничего подобного! Каждый такой закон и каждый рубль зарплаты вырывались в борьбе, которая становилась все ожесточеннее. В Лодзинской стачке в 1892 г. принимало участие 30 тысяч человек и закончилась она кровавым столкновением рабочих с войсками. В том же

году на заводе Юза на юге России стачечники громили доменные печи и казармы, несколько человек были преданы военному суду и приговорены к смертной казни. В целом с 1895 по 1900 год число стачек ежегодно колебалось в пределах от 120 до 200 (по официальным данным), с числом участников от 30 до 60 тысяч человек. И в наступающем XX веке ничто не обещало успокоения. Рабочие — тоже люди. Они, в отличие от крестьян, каждодневно — или по крайней мере тогда, когда выползали в город — видели другую жизнь. И можно себе представить, сколько злобы было накоплено этими людьми за десятилетия их беспросветного существования. Блок сказал про нее «темная злоба, святая злоба». И должен был, непременно должен настать день, когда морлоки [В 1895 году знаменитый английский писатель-фантаст Герберт Уэллс опубликовал роман «Машина времени». Отправившись в будущее, его герой узнает, что человечество разделилось на два вида. Это элои — хрупкие утонченные аристократы, которые живут в роскошных садах, и морлоки — потомки пролетариев, слепые обитатели подземного мира, представляющего собой огромный завод.] вырвутся из-под земли, и день этот будет страшен!

Глава 6 СОЦИОЛОГИЯ ДЕКАДАНСА

Decadentia (*лат.*) — упадок.

В прошлой главе мы рассмотрели положение российских «низов». Мрачноватая получилась картинка, согласитесь, и не знаю, как вам, но мне не очень-то хочется жить в такой державе. Тем более что по причине безнадежного рабоче-крестьянского происхождения на французские булки мне бы рассчитывать не пришлось. Разве что прадед был каким-то мельчайшим фабрикантом в черте оседлости, но черта оседлости — не то место, куда человек в здравом уме может стремиться. Не зря среди российских радикалов столь непропорционально большое место занимают евреи — их бросил в объятия революции отнюдь не «международный еврейский заговор», а сочетание российских реалий и иудейского закона.

Итак, в результате вышеописанных неустраняемых перекосов к началу XX века горячего материала в Российской империи было накоплено столько, что лишь спичку поднеси — и полыхнет от края до края. Пользуясь ленинской терминологией, «низы» уже не только не хотели, но и *не могли* жить по-старому. Чисто физически не могли, на уровне инстинкта самосохранения — народ попросту вымирал. Первое свидетельство тому — обвальное снижение числа годных к военной службе в стране, подавляющее большинство населения которой занималось физическим трудом [Сейчас наблюдается тот же процесс, но корни у него другие — крайне нездоровый образ жизни подрастающего поколения.]

Но, что самое удивительное, и «верхи», «сливки общества», те самые, для которых Россия была полна упоительных вечеров, французских булок, лебедей-саночек и румяных гимназисток, не только не могли, но и *не хотели* жить по-старому. Правда, как жить по-новому, они не знали, но это не мешало российской верхушке с упоением сверлить дырки в бортах собственного корабля и подрывать корни у того дуба, желудями с которого она питалась. В какой-то наивной вере, что этот корабль не потонет и дерево не упадет — откуда они взяли столь странные заблуждения, Бог весть, но ведь и сверлили, и подрывали...

Интереснейшие мемуары оставил великий князь Александр Михайлович, бывший по своему положению во многое посвященным. Он писал: «*Императорский строй мог бы существовать до сих пор, если бы “красная опасность” исчерпывалась*

такими людьми, как Толстой и Кропоткин, террористами, как Ленин или Плеханов, старыми психопатками, как Брежко-Брежковская или лее Фигнер, или авантюристами типа Савинкова и Азефа. Как это бывает с каждой заразной болезнью, настоящая опасность заключалась в многочисленных носителях заразы: мышах, крысах и насекомых...» Кого имел в виду великий князь под носителями заразы? О нет, отнюдь не марксистов. Он имел в виду самую верхушку российского общества.

Невыносимое положение «низов» усугублялось тотальным разложением «верхов» и тяжелейшим кризисом власти. Короче говоря, империя к тому времени прогнила насквозь и, как и положено любой уважающей себя рыбе, гнила она с головы.

Не будем говорить о пороках, свойственных гнилому обществу — за сто лет мир в этом смысле ушел куда как далеко, и что в те времена называли разнузданными оргиями, сейчас показывают по телевизору в обычные, не ночные часы. Нас интересует лишь одна тема — борьба общества против власти, ставшая основной проблемой России еще в начале XIX века и доставшаяся в наследство большевикам. Если на протяжении ста лет хорошим тоном было ни во что не ставить собственное правительство, наивно думать, что со сменой власти это пройдет — и, став властью, большевики столкнулись ровно с теми же проблемами, что и цари. Правда, со смутьянами своими они поступили иначе, чем во времена империи, но причина понятна — они слишком хорошо знали, чем такие вещи чреваты. Нам тоже, кстати, это известно — и не знаю, как у кого, а лично у меня нет сочувствия к жертвам статьи 58-10 [Ст. 58-10 предусматривала меры наказания за «антисоветскую агитацию и пропаганду»]. Слишком хорошо знаком мне и по истории, и по жизни этот тип людей...

Тупики духа

Зеркала слишком послушны. Послушны и лживы. Надетая маска становится лицом. Порок превращается в изысканность, снобизм — в элитарность, злоба — в откровенность. Путешествие в мир зеркал — не простая прогулка. Очень легко заблудиться.

Сергей Лукьяненко. Лабиринт отражений

«Бытие определяет сознание» — говорят марксисты. Да, конечно, а основной закон этого взаимодействия сформулировал в своё время Козьма Прутков: «Щёлкни кобылу в нос — ока махнет хвостом». Один и тот же народ во время Великой Отечественной войны выносил невероятные тяготы без протеста, а в конце 80-х, будучи вполне сытым, вдруг упоённо кинулся разрушать собственное государство. Бытие тут ни при чем — это извращалось сознание, господа, оно-то в конечном итоге все и определило. Небольшой, легко исправляемый экономический перекосяк при идеологическом кризисе привел к распаду державы. Что же говорить о неустраняемых экономических противоречиях при абсолютном идеологическом тупике? К чему он должен был привести?

В последние предреволюционные годы Россия вдруг оказалась без идеологии. Нет, основная масса населения спокойно, привычно и некритически держалась за освященную веками триаду: «За Веру, Царя и Отечество», как сто лет спустя держалась за коммунистическую доктрину. Основная масса и вообще-то живет по принципу «от добра добра не ищут». Но в реальности оказалось, что дом давно уже стоит на песке, и стоило подуть ветру, как большинство населения радостными криками приветствовало свержение царя, оно же абсолютно индифферентно или сочувственно отнеслось к преследованиям Церкви — только при этом условии большевики смогли, да и посмели бы

развернуть их. Ну а Отечество очень скоро стало уместаться в своей деревне, а то и еще проще: «Где хорошо — там и родина».

Когда идеология живая, работающая, принимаемая населением как свое кровное дело, тогда испытания ее только укрепляют, как то было в 1612-м или в 1941 году. Но если она пережила самое себя, то получается точно по Евангелию: дом, построенный на песке, не смог пережить бурю, «и было падение его великое».

В первую очередь за превращение гранита в песок спасибо надо сказать все тому же Петру, вбросившему в Россию западные порядки. Основная благодарность, конечно же, за Церковь. Московское государство было устроено по-умному, и в числе прочих добрых устроений в нем существовала страховка на случай кризиса власти. Если на престоле вдруг не оказывалось царя, на его место заступал Патриарх. Конечно, главы церковной и светской власти не всегда жили дружно, всякое бывало... но до Петра русские цари с головою дружили — карали неугодных архиереев, однако не покушались на принципы церковного управления, не рушили опоры собственного трона. Петр же в какой-то момент своей многотрудной борьбы за то, чтобы Россия была ну точь-в-точь как Европа, со всеми её закидонами, не сошелся во мнениях с Православной Церковью. И поступил по-петровски, попросту упразднил Патриарха — чтобы не мешал, а Церковь отдал во власть Святейшего Синода. Очень скоро сей орган стал, по сути, «министерством благочестия», подчинившимся царю на тех же условиях, что и прочие министерства. Вице-президент Синода архиепископ Феофан Прокопович открытым текстом говорил, что Церковь должна «споспешествовать всему, что к его царского величества верной службе и пользе во всяких случаях касаться может». В результате Церковь из самостоятельной силы стала крепостной рабыней, обязанной жить не по своей совести, а как хозяин велит.

Нет, далеко не все церковные иерархи были недовольны сложившимся положением, скорее наоборот. Рабство имеет и выгодные стороны — например, гарантированное содержание. Империя не держала свою идеологическую рабыню в черном теле, отнюдь — что-что, а содержание было богатым, жаловаться не приходилось. Но ведь Христос, кажется, создавал Церковь Свою несколько для другого...

То, что стало с Церковью в результате установления «симфонии властей» [«Симфония» — вполне официальный термин взаимоотношения государства и Церкви, придуманный византийским императором Юстинианом (527 — 565)]. Начиная с этого времени государство стали рассматривать как общество, управляемое совместно царем и священством, а отношения государства и Церкви уподоблять отношению тела и души. Все это, конечно, очень красиво, но на практике «симфония» существовала, пока было единомыслие между императором и церковными иерархами, а как только единомыслие нарушалось, то приходилось вспомнить, кто сильнее.], обрисовал протоиерей Александр Шмеман в своей книге «Исторический путь Православия». Правда, сия фраза относится к Византийской церкви, но русская оказалась в начале XX века точно в той же ситуации и с такими же последствиями — даже еще худшими, ибо у России есть такое свойство: она «раздевает» любую идею до абсолютной наготы.

«Трагедия Византийской Церкви, — пишет протоиерей Александр Шмеман, — в том как раз и состоит, что она стала только Византийской Церковью, слила себя с Империей не столько административно, сколько психологически. Для нее самой Империя стала абсолютной и высшей ценностью, бесспорной, неприкосновенной, самоочевидной. Византийские иерархи (как позднее и русские) просто неспособны уже выйти из этих категорий священного царства, оценить его из животворящей свободы Евангелия. Всё стало священно и этой священностью все оправдано. На грех и зло надо закрыть глаза — это ведь от “человеческой слабости”. Но остается тяжелая парча сакральных символов, превращающая всю жизнь в священнодействие, убаюкивающая, золотящая саму совесть... Максимализм теории трагическим образом приводит к минимализму нравственности. На смертном одре все грехи императора покроет черная монашеская

мантия. Протест совести найдет свое утление в ритуальных словах покаяния, в литургическом исповедании нечистоты, в поклонах и метаниях, всё — даже раскаяние, даже обличение имеет свой “чин” — и под этим златотканым покровом христианского мира, застывшего в каком-то неподвижном церемониале, уже не остается места простому, голому, неподкупно-трезвому суду простейшей в мире книги... “Где сокровище ваше, там и сердце ваше”» [Шмеман А. Исторический путь Православия. С. 267 — 268.].

Сложно? Да, отец Александр непрост. Духовный писатель начала XX века Сергей Нилус пишет куда проще, но не менее бескомпромиссно. К тому времени Церковь подмяло под себя уже не только государство, но и так называемое общество — сиречь толпа умеющих читать людей, способная разобрать газетные строчки и свято верящая в любую чушь, которая там изложена. В книгах Нилуса фактов множество. Например, по приказу санитарной комиссии кипятят крещенскую воду, а полиция ходит по храмам и проверяет — вскипятили ли... Или некоему высокому синодальному чиновнику показалось, что лик у чудотворной иконы слишком «темен», он надавил на епископа, вырвал у него согласие, и икону подвергли «научной» реставрации: незаметно, тайком от прихожан, стали по кусочкам заменять старые краски новыми. Что получилось в итоге, Нилус не описывает, говорит только, что показывать икону после такой операции было уже нельзя. Это не выдумка, это на самом деле было, и не при большевиках, а в «священной» Российской империи.

Тот же Нилус в книге «На берегу Божьей реки», говоря о состоянии духовенства, приводит выступление на некоем церковном съезде провинциального священника, о. Егора Чекряковского в его собственном пересказе. Почитать стоит, душевно говорит батюшка...

«...В то время по всей России пошла мода на съезды. Вот и у нас в епархии вошло в обычай созывать съезды духовенства по всякому удобному случаю. Наступили времена тяжкие: забунтовал весь мир, с ним стали бастовать и наши духовные школы. Ну, конечно, сейчас же по усмирению был созван съезд епархиального духовенства рассудить о том, как быть, как реформировать училища духовного юношества на началах терпения и смирения, а не противления. Собралось нашего брата на съезде великое множество, возглавилось оно обоими нашими владыками, — епархиальным и викарным, — и стало обсуждать, как поднять дух будущих пастырей, как заставить семинаристов учиться и Богу молиться... Сижу я себе да думаю: ну, чего ты, захолустный поп, сидишь тут? Народ здесь всё учёный: кто твоего мнения спрашивать будет?.. Вдруг слышу:

—А вы, отец Георгий, как о сем думаете?

И пришлось мне, захолустному попу, ответ держать. И сказалося, мой батюшка, тут такое слово, что я не рад был, что и сказал его... «Ваши преосвященства и вы, отцы святые, — начал я так ответ свой, — за всеми разговорами, что я здесь слышал, я что-то недослышал: велась ли здесь речь о Подвигоположнике нашем, Господе Иисусе Христе, и о нас самих, отцах тех школяров, которых мы никак не можем заставить ни учиться, ни Богу молиться? Говорили ли мы о том, какой в нашей общественной деятельности и, что всего важнее, в нашей домашней, семейной жизни, мы сами подаем пример сынам и дочерям нашим? Нет, не говорили. А какое присловье слышали мы от Господа? — “Врачу, исцелися сам”! — Не с нас ли, отцов, надлежит приняться за реформу? Что на этот вопрос мы скажем, чем отзовемся... А ещё о ком мы в речах своих упомянуть забыли? Только — о Спасителе нашем, без Которого мы и творить-то ничего не можем! Только?!.. Да! не помянули ни разу, мало того, что не помянули, но и в жизни-то своей, кажется, о Нём думать позабыли. Бывало прежде: Он всем нам хорошо был виден, потому что каждый из нас имел Его, Пастыреначальника своего, перед собою — Он шел впереди нас, и мы — кто на колеснице, кто пешком, кто бочком, а кто и вовсе ползком — шли за Ним. И был Он нам все: и путь, и истина, и жизнь!.. А после что? А вот что: наместо единого Истинного Христа Бога понаделали

мы себе каждый своих христов, да и ведём их, самодельных позади себя на верёвочке. Где ж тут нам столковаться?!».

А ведь батюшка-то был известный, высокой духовной жизни. С этим текстом можно спорить, но куда денешь факты? Например, так называемых «живоцерковцев» — церковных леваков, которые, едва получив свободу от государства, тут же кинулись в реформы. Большевистские власти, заинтересованные в ослаблении Церкви, естественно, всемерно их поддерживали — но ведь придумало-то «живоцерковцев» не ОГПУ, это явление внутрицерковного происхождения.

Что же касается бунтующих духовных школ, то одной из первых в их ряду стояла Тифлисская духовная семинария, настоящая кузница кадров для революции. Когда читаешь историю грузинской социал-демократии, такое ощущение, что все они вышли из стен ТифлиССкой семинарии, право слово! Судьба одного из её учеников [Сталин семинарию не закончил, ушёл с пятого курса. А Микоян, например, закончил, причём блестяще, и даже поступил в Духовную академию.] изучена достаточно хорошо, и известно, что в данное учебное заведение он пришел глубоко верующим подростком, а пять лет спустя вышел оттуда законченным революционером. Это же уметь надо — так воспитывать кадры!

Впрочем, чего еще ждать от церкви, поставленной в положение «Чего изволите?» по отношению к государству? Начиная с Петра, она больше не мешала царям. Но когда началась смута, Церковь не смогла прийти на помощь ни монархии, ни стране. Факты таковы: когда в 1917 году на фронте отменили обязательное участие в церковных службах, то к причастию по собственной воле ходили около 10 процентов солдат. И это на войне, где неверующих, как говорят, вообще не бывает! Что же творилось в тылу [Впрочем, не только не смогла, но и не захотела. Известно, что многие церковные иерархи, узнав о свержении Николая II, прислали приветственные телеграммы Временному правительству]?

Что вышло в итоге «симфонии властей» — известно. Кесарь, захотевший Божеского, не смог его вместить, а Богу кесарево оказалось не нужно. Царство, не желавшее, чтоб его оценили из животворящей свободы Евангелия, в конце концов получило свою оценку из бескомпромиссной свободы большевизма, абсолютно не склонного закрывать глаза на то, что он считал грехом, злом и слабостью. Златотканый покров христианского мира пошёл на солдатские портянки, «чины» и ритуалы заменились вопросом пьяного красноармейца с наганом: «Есть Бог?» Лишь простейшая в мире книга осталась сама собой, наглядно показав, что действительно священо, а что лишь кажется таковым. И это просто Божье чудо, что после двухсот лет рабства нашлись священники — и немало! — которые на заданный им вопрос отвечали «Есть!» и получали пулю в голову [Реальный случай, описанный в воспоминаниях о Гражданской войне.]. Но те, кто задавал этот вопрос, тоже ведь не с Марса свалились, а были рождены и воспитаны в недрах православной Российской империи...

* * *

...Начиная с петровских времен церковь стала выходить из моды — в первую очередь, конечно, в «верхах». Зато в моду стремительно вошло просвещение. Велено было считать, что свет идет к нам с Запада, и общество послушно считало. Правда, суть этого просвещения как-то не улавливается — почему-то не приходит на ум ничего, кроме припудренной и причесанной языческой мифологии, голых баб на картинах, кофию, париков и декольте. Право, стоило за таким добром мотаться в Европу! Но — царь велел [Пётр ещё много чего велел — в частности, заводы устраивать и корабли строить — но у нас этим занималось не «общество», а, в основном, петровские выдвигенцы. Но не они делали погоду в салонах. Неудивительно, что после смерти великого реформатора

общество очень скоро вместо Германии и Голландии стало ориентироваться на Францию, славную тем, что чрезвычайно красиво и духовито загнивала. В общем, и Петр тоже «хотел как лучше, а получилось как всегда».]!

Хуже пришлось, когда с Запада в те же радостно отверстые рты русского общества полетели идеи. Россия импортировала не только платье и галантерею, но еще «общественную мысль» и философию. «Мы все учились понемногу чему-нибудь и как-нибудь», и каждый уважающий себя образованный русский человек непременно должен был отметиться в обществе с философской книжкой в руке и уметь поддержать соответствующую беседу. Причем книжки были сперва немецкие — это еще полбеда! А потом пришла и кругом беда — у нас появились свои доморощенные философы и обществоведы.

Идеи эти мы все знаем. Иные из них бродят в российских умах и сейчас. Спорить с ними не приходится — сама жизнь спорит. Почему-то ни идеологически обоснованная демократия, ни еще более обоснованный рынок процветания и счастья нам не принесли. Почему бы это? Совершенно замечательно о причинах сего странного казуса поведал русский публицист Иван Солоневич в своей книге «Народная монархия», где поизгалялся над российским «просвещансом» зло и метко, полностью определив ту силу, которая — черт, ведь три раза за сто лет [Считаем: начало века — либералы, 20-е — 30-е годы — «правверные» коммунисты и «перестройка» — снова либералы.]! — ставила страну на грань уничтожения.

«Наша гуманитарная наука с упорством истинного маниака тихала нас на западноевропейские пути..! Та методика общественных наук, которая родилась на Западе, была и там «богословской схоластикой и больше ничем». Она выработала ряд понятий и терминов, в сущности мало отвечавших даже и европейской действительности. Наши историки и прочие кое-как, с грехом пополам, перевели все это на русский язык, и получились совершеннейшие сапоги всмятку. Русскую кое-как читающую публику столетия подряд натаскивали на ненависть к явлениям, которых у нас вовсе не было и к борьбе за идеалы, с которыми нам вовсе нечего было делать. Был издан ряд «путеводителей в невыразимо прекрасное будущее», в котором всякий реальный ухаж был прикрыт идеалом и всякий призрачный идеал был объявлен путеводной звездой. Одними и теми же словами были названы совершенно различные явления. Было названо «прогрессом» то, что на практике было совершеннейшей реакцией, — например, реформы Петра, и было названо «реакцией» то, что гарантировало нам реальный прогресс — например, монархия... [Ну, тут не соглашусь. «Прогресс» и «реакция» есть термины относительные — всё зависит от того, куда направлено движение.] Была “научно” установлена полная несовместимость “монархии” с “самоуправлением”, “абсолютизма” с “политической активностью масс”, “самодержавия” со “свободой” религии, с демократией и прочее и прочее — до бесконечности полных собраний сочинений. Говоря несколько схематично, русскую научно почитывавшую публику науськивали на “врагов народа” — которые на практике были его единственными друзьями и волокли на приветственные манифестации по адресу друзей, которые оказались...» [Солоневич И. Народная монархия. М, 1991. С. 124.] — дальше у автора идет упоминание его любимого органа ОГПУ, закатавшего Ивана Лукьяновича в свое время на Соловки в точности за то, за что и прочую интеллигенцию. Насчет ОГПУ у меня мнение другое, поэтому предлагаю читателю «друзей» подобрать на свое усмотрение. Например, «Антанта», или «цивилизованный Запад», или «сто сортов колбасы»... Но в целом ведь — здорово сказано, а?

В самом деле, как поступала наша великая русская философская мысль? В Европе зрели какие-то совершенно умозрительные теории, у нас их переводили на русский язык и искали соответствия в нашей действительности. Это было примерно столь же обоснованно, как искать симптомы родильной горячки у перепившего лесоруба — но ведь находили же, и даже пытались лечить!

«Русская гуманитарная наука оказалась аптекой, где все наклейки были перепутаны. И наши ученые аптекари снабжали нас микстурами, в которых вместо аспирина оказался стрихнин... Русская «наука» брала очень неясные европейские этикетки, безграмотно переводила их на смесь французского с нижегородским — и получался «круг понятий, не соответствовавших ни иностранной, ни русской действительности» — не соответствовавших, следовательно, никакой действительности в мире, круг болотных огоньков, зовущих нас в трясины.

Истинно потрясающие пророчества русских ученых отчасти объясняются полной путаницей их “научных понятий”. Отчасти объясняются и другим: хроническим расстройством умственной деятельности, возникшим в результате векового питания плохо пережеванными цитатами... Эти люди никогда ничего не понимали, не понимают сейчас и никогда ничего понимать не будут. Но именно они учили нас. И призывали, и науськивали, и разъясняли, и пророчествовали» [Там же. С. 125.]... и было это в XIX веке, и в десятые годы XX-го, и в шестидесятые, и в восьмидесятые, и в девяностые — да хоть подшивку «Огонька», что ли, взять, чтобы убедиться? А мы все замороженно повторяли за ними: «цивилизация», «демократия», хотя реальная цивилизация означает всего-навсего набор вещей, который надо иметь, чтобы считаться современным, а демократия отличается от диктатуры лишь тем, что в ней крутится нехилый бизнес под названием «выборы» [Для иллюстрация рекомендую посмотреть, кто ещё не видел, замечательный фильм: «День выборов». От лица своего и всех своих друзей журналистов свидетельствую: правда от первого до последнего кадра.]

Всё это богословие зазубривалось, хуже того — изучалось, а поскольку было очень неудобно для понимания, то изучалось оно методом поисков черной кошки в темной комнате. Вместо кошки наловили кучу глюков. В результате к началу XX века в умах образованного общества сформировалась идеология, с которой было вообще непонятно, что делать, ибо равно бесполезно строить к воздушным замкам лестницы и стрелять в них из пушек. Одной из роковых бед России являлось то, что в стране существовал целый многочисленный слой *фанатиков воздушных замков*, рвавшихся претворить свои идеи в реальное дело. Я не про большевиков говорю, нет! Они-то как раз оказались абсолютными прагматиками, к великому счастью державы...

Причём не только конституционные теории, но даже и революция была по преимуществу дворянской забавой. И опять слово Солоневичу:

«Наш правящий и образованный слой, при Петре Первом оторвавшись от народа, через сто лет такого отрыва окончательно потерял способность понимать что бы то ни было в России. И не приобрел особенно много способностей понимать что бы то ни было в Европе. И как только монархия кое-как восстановилась и первый законный русский царь — Павел Первый — попытался поставить задачу борьбы с крепостным правом, русский правящий слой раскололся на две части: революцию и бюрократию. На дворянина с бомбой и дворянина с розгой... Дворянство розги опиралось на немецких управляющих, дворянство бомбы — на немецких Гегелей» [Там же. С. 131.]

Много ли мы найдем в среде революционных радикалов подлинных людей из народа? Да по пальцам пересчитать! Абсолютное большинство — дворяне, буржуазия и разночинцы. Те же сословия делали погоду и в правительстве, и в буржуазных партиях — да везде! Верхушка Российской империи раскололась, и её обломки вступили между собой в смертельную схватку.

Значение слов «с жиру бесятся»

—Что вы можете знать о нашем строе?

—Примитивные формации, — отрезал я, — изучены ещё в младших классах... Ваша — примитивнейшая из примитивных, ибо нижепоясная. Хотя, признаю, очень живучая и цепкая, пронырливая и не стесняющаяся в средствах.

Гай Юлий Орловский. Ричард Длинные Руки

...«Начиная со дня смерти Александра Третьего в 1894 году три силы приняли участие во внутренней борьбе за власть в России: Монарх, Царская фамилия и адепты революционного подполья», — пишет Александр Михайлович. Отчасти, конечно, так и было. Начнем с того, что в стране существовало фактически два параллельных центра власти — собственно царь и его правительство, а также двор вдовствующей императрицы. Свою лепту вносили и великие князья, добрая половина которых (хорошо, хоть не все) тоже считали себя великими знатоками государственного управления и давили на царя, пользуясь родственными правами, старшинством, авторитетом — всем, чем угодно. А вот адепты революционного подполья тогда в борьбе за власть не участвовали, это автор преувеличивает. У них крутились свои игры: стачки, пропаганда, теракты — но для большой игры они были еще слишком мелкими. Зато имелась в стране другая сила, которая рвалась к власти, и еще как. Точнее, и рвалась-то она не к власти, а, как говорили во времена перестройки, *порулить*. Согласитесь, вести машину и «порулить» — это немного разные вещи. Второе предполагает опытного шофера на соседнем сиденье, который перехватит руль, когда машина станет заваливаться в канаву.

Сила эта была страшная, и звалась она *образованное общество*. Общество, нахватавшееся по верхам все тех же идей, над которыми так смеялся Солоневич, и стремившееся облагодетельствовать державу, претворив их в жизнь. А те, кто по скудоумию не мог этих идей освоить, оттягивались в ненависти к существующему строю — уж для этого-то и вообще мозгов не надо, а выглядит куда как современно. Самое время теперь продолжить прерванную цитату из Александра Михайловича, приведенную в начале главы:

«Как это бывает с каждой заразной болезнью, настоящая опасность заключалась в многочисленных носителях заразы: мышах, крысах и насекомых... Или же выражаясь более литературно, следует признать, что большинство русской аристократии и интеллигенции составляло армию разносчиков заразы. Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и др. общественных деятелей, живших щедротами Империи [А спустя шестьдесят лет с наибольшим рвением ополчились на Сталина те, кто жил щедротами «тоталитарного режима» — интеллигенция.]»

...Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция справилась бы с террористами. Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства и оппозиционным бюрократам, воспитанным в русских университетах.

Как надо было поступить с теми великосветскими русскими дамами, которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли самые гнусные слухи про Царя и Царицу?..»

Русскую революцию [Забавно, что Октябрь являлся двойственным событием: будучи несомненной революцией в плане общественных перемен, в государственном аспекте он стал несомненной контрреволюцией, установив государственный порядок. Недаром многие монархисты выбрали Октябрь, а не Февраль.] делали точно те же слои, что и «перестройку»: многочисленные представители образованного общества, чьи амбиции намного превосходили любые возможности их удовлетворения. «Чёрный пиар» в отношении КПСС рождался не в колхозах, а в райкомах комсомола. «Чёрный пиар» в

отношении Николая II — не в рабочих кружках, а в великосветских салонах. Например, основным центром «интимных» сплетен был петербургский салон генеральши Богданович. Новостями о царской семье дам-политикесс снабжала постоянная посетительница салона княгиня Долли Кочубей, получившая в обществе красноречивое прозвище «великосветской потаскухи». Занимались дамы в основном императрицей, которая им не нравилась. Сначала ее уложили в постель к генералу Орлову. Летом 1908 года княгиня Долли принесла на хвосте другую потрясающую новость — о «неестественной» склонности Александры Фёдоровны к фрейлине Вырубовой. А когда рядом с царской семьей появился Распутин, дамы пошли разносить по салонам самые «ужасные» новости о новом царском фаворите, и тут уж даже девочек не пощадили.

Не отставали от салона госпожи Богданович и другие — в том числе салон княгини Зинаиды Юсуповой, матери Феликса Юсупова, будущего убийцы Распутина. Естественным образом от великосветских сплетниц информация попадала в газеты. Пошли гулять по рукам «письма царицы» к Распутину, появились воспоминания и признания... В общем, все то же самое, что полвека спустя было проделано с Берией, рецепты нисколько не изменились, обывателю во все времена интересней всего подглядывать в щелочку за тем, как сношаются известные люди — как будто в данном процессе есть что-то такое, что отличало бы министра от извозчика!

Итак: «...Как надо было поступить с теми великосветскими русскими дамами, которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли самые гнусные слухи про Царя и Царицу? Как надо было поступить в отношении тех двух отпрысков стариннейшего рода князей Долгоруких, которые присоединились к врагам монархии? Что надо было сделать с ректором Московского университета, который превратил это старейшее русское учебное заведение в рассадник революционеров? Что следовало сделать с графом Витте, возведенным Александром III из простых чиновников в министры, специальностью которого было снабжать газетных репортеров скандальными историями, дискредитировавшими Царскую семью? Что нужно было сделать с профессорами наших университетов, которые провозглашали с высоты своих кафедр, что Петр Великий родился и умер негодяем? Что следовало сделать с нашими газетами, которые встречали ликованиями наши неудачи на японском фронте? Как надо было поступить с теми членами Государственной Думы, которые с радостными лицами слушали сплетни клеветников, клявшихся, что между Царским Селом и ставкой Гинденбурга существовал беспроволочный телеграф? Что следовало сделать с теми командующими вверенных им Царём армий, которые интересовались нарастанием антимонархических стремлений в тылу больше, чем победами над немцами на фронте? Как надо было поступить с теми ветеринарными врачами, которые, собравшись для обсуждения мер борьбы с эпизоотиями, внезапно вынесли резолюцию, требовавшую образования радикального кабинета?

Описания противоправительственной деятельности русской аристократии и интеллигенции могли бы составить толстый том, который следовало бы посвятить русским эмигрантам, оплакивавшим на улицах европейских городов “доброе старое время”. Но рекорд глупой тенденциозности побил, конечно, наша дореволюционная печать. Личные качества человека не ставились ни во что, если он устно или печатно не выражал своей враждебности существующему строю. Об ученом или же писателе, артисте или же музыканте, художнике или инженере судили не по их даровитости, а по степени радикальных убеждений...» [Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 162 — 164.]

Но и это было еще не все. В конце концов, бомонд и интеллигенция традиционно представляют собой стадо и в этом качестве состоят из людей чрезвычайно внушаемых. Но вот поведение русских коммерсантов — а согласитесь, что для бизнеса надо уметь думать — выходит за рамки какого бы то ни было здравого смысла. К тому времени радикальные партии уже озвучили свои планы. И как вы думаете, откуда они брали

деньги на свою деятельность? Едва ли пожертвований рабочих хватило бы на безбедное существование социал-демократических лидеров в Европе, на издание газет, на стачечные фонды и прочую «бухгалтерию революции».

У предреволюционного времени существовали свои «новые русские», которые также делали деньги на всем, что плохо лежит, в том числе и пользуясь дырками в законодательстве и коррупцией... ну да стоит ли об этом писать? Эта публика у нас превосходно известна.

Описывая деятельность данного слоя, Александр Михайлович пишет:

«В планы этой группы входило заигрывание с представителями наших оппозиционных партий. Вот почему Максиму Горькому Сибирским банком были даны средства на издание в С.-Петербурге ежедневной газеты “Новый Мир” большевистского направления и ежемесячного журнала “Анналы”. Оба эти издания имели в числе своих сотрудников Ленина и открыто высказались на своих страницах за свержение существующего строя. Знаменитая “школа революционеров”, основанная Горьким на о. Капри, была долгое время финансирована Саввой Морозовым — общепризнанным московским “текстильным королём” — и считала теперешнего главу советского правительства Сталина в числе своих наиболее способных учеников. Бывший советский полпред в Лондоне Л. Красин был в 1913 году директором на одном из Путиловских заводов в С.-Петербурге. Во время войны он же был назначен членом Военно-промышленного комитета...»

При обыске в особняке одного из богачей Парамонова были найдены документы, которые устанавливали его участие в печатании и распространении революционной литературы в России. Парамонова судили и приговорили к двум годам тюремного заключения. Приговор этот, однако, был отменен виду значительного пожертвования, сделанного им на сооружение памятника в ознаменование трехсотлетия Дома Романовых. От большевиков к Романовым — и все это в течение одного года!

“Действия капиталистов объясняются желанием застраховать себя и свои материальные интересы от всякого рода политических переворотов”, — доносил в своем рапорте один из чинов департамента полиции, который был командирован в Москву расследовать дело богатейшего друга Ленина — Морозова. “Они так уверены в возможности двигать революционерами, как пешками, используя их детскую ненависть к правительству, что Морозов считает возможным финансировать издание ленинского журнала “Искры”, который печатался в Швейцарии и доставлялся в Россию в сундуках с двойным дном. Каждый номер “Искры” призывал рабочих к забастовкам на текстильных фабриках самого же Морозова. А Морозов говорил своим друзьям, что он “достаточно богат, чтобы разрешить себе роскошь финансовой поддержки своих врагов”» [Там же. С. 199 — 201.].

Ну-ну...

* * *

Как обычно бывает в эпоху торжества либеральных идей, при том что теоретически ценность человеческой жизни всячески превозносилась, на практике она подешевела. Пока что это была штучная выдача лицензий на убийство, но и массовое их производство не за горами. В конце XIX века российские суды оправдывали террористов. В предвоенные годы их доброта распространилась уже и на уголовных преступников.

«Однажды в пять часов утра, когда бесконечная зимняя ночь смотрелась в высокие, покрытые изморозью венецианские окна, молодой человек пересек пьяной походкой блестящий паркет московского Яра и остановился перед столиком, который занимала одна красивая дама с несколькими почетными господами.

—*Послушай, — кричал молодой человек, прислонившись к колонне. — Я этого не позволю. Не желаю, чтобы ты была в таком месте в такое время.*

Дама насмешливо улыбнулась. Вот уже восемь месяцев прошло с тех пор, как они развелись. Она не хотела слушать его приказаний.

—*Ах так, — сказал более спокойно молодой человек и вслед за тем выстрелил в свою бывшую жену шесть раз.*

Начался знаменитый прасоловский процесс.

Присяжные заседатели оправдали Прасолова: им очень понравилось изречение Гёте, приведенное защитой: “Я никогда еще не слышал ни об одном убийстве, как бы оно ужасно ни было, которое не мог бы совершить сам”.

—*Московское общество, — писал гражданский истец в своей кассационной жалобе, — пало так низко, что более уже не отдает себе отчета в цене человеческой жизни. Поэтому я прошу перенести вторичное рассмотрение дела в какой-нибудь другой судебный округ.*

Вторичное рассмотрение дела имело место в небольшом провинциальном городке на северо-востоке России. Суд продолжался почти месяц, и Прасолов был снова оправдан...

Если бы не началась война, то русскому народу были бы ещё раз преподнесены тошнотворные подробности прасоловского дела, и словоохотливые свидетели в третий раз повторили бы свои невероятные описания оргий, происходивших в среде московских миллионеров. Самые отталкивающие разновидности порока преподносились присяжным заседателям и распространялись газетами в назидание русской молодёжи» [Там же. С. 202 — 203.]

В начале XX века у адвокатов это стало своеобразным спортом: добиться оправдания преступника. Причем само преступление их совершенно не интересовало, главное было — одолеть прокурора.

После убийства Распутина Александр Михайлович пришел к Николаю II просить за убийц — у него имелась к тому уважительная причина, Феликс Юсупов был его зятем.

«Я произнес защитительную, полную убеждения речь. Я просил Государя не смотреть на Феликса и Дмитрия Павловича как на обыкновенных убийц, а как на патриотов, пошедших по ложному пути и вдохновленных желанием спасти родину.

—*Ты очень хорошо говоришь, — сказал Государь, помолчав, — но ведь ты согласишься с тем, что никто — будь он великий князь или же простой мужик — не имеет права убивать».*

Но ещё за несколько лет до 1917 года устами присяжных, судивших Прасолова, Россия ответила царю: имеет! А спустя несколько месяцев начала уже в полном объеме это свое право реализовывать.

...Поистине российские верхи сошли с ума. И эти люди, с безумной страстью желавшие перемен, раздувая костер революции, кажется, искренне не ведали, что под ногами у них не камень, а громадное торфяное болото.

Ну и полыхнуло, конечно...

Капитан горящего корабля

—А не хрен в начальники лезть. Раз начальник — значит, за все отвечаешь. А не смог — пинок под зад. Вот так-то... — а то развелось вокруг начальства, а в стране порядка нет.

...Господь обычно подбирает нам бремя по силам. И самое главное для нас в этот момент не испугаться, не начать себя жалеть и... не позволить никому постороннему, даже из самых лучших побуждений... скинуть с наших плеч это бремя.

Роман Злотников. Атака на будущее

Забавно, но Николай II, будучи поставлен перед «судом истории», парадоксальным образом оказался в том же положении, что и Ленин со Сталиным. Только их ругают за то, что они *делали*, а Николая Второго — за то, что он *не делал того, что делали Ленин и Сталин*.

Ну а как он мог?

Так вышло, что именно на правление Николая II пришлось пики всех российских кризисов одновременно — от полной невыносимости положения на селе до абсолютных тупиков идеологии и кадровой политики. Бывают такие точки в истории, в которых сходятся все линии — и тогда уже нельзя жить по-прежнему.

Ленин, определяя революционную ситуацию, писал: «„низы“ не хотят, а „верхи“ не могут жить по-старому». А как назвать ситуацию, в которой уже *никто не хочет* и *никто не может!* Когда вся страна иступленно ждет перемен? И как должен вести себя в этой ситуации правитель?

О Николае II надо писать или очень много, или очень мало. Может быть, когда-нибудь я напишу про него книгу — просто для того, чтобы попытаться разобраться в деятельности этого человека, единственного из российских правителей последнего времени, который действительно был *непростым*. В первую очередь потому, что он был очень закрытым человеком. Он никого не посвящал в свои планы и расчеты, не оставил потомкам никаких свидетельств своей внутренней жизни, и понять его мотивацию просто так, с ходу не получится.

О нём бытуют два мнения: полное ничтожество или жертва обстоятельств — оба равно, но недостаточно обоснованные. Великий князь Александр Михайлович, например, считал, что если бы Николай II был порешительнее, он смог бы отсрочить революцию где-то на четверть века — и повторял в этом Победоносцева: надо подморозить. Правда, он так и не ответил на вопрос: зачем нужно это делать, если революция все равно должна произойти? Чтобы еще глубже загнать страну в тупик и накопить еще больше горючего материала? Ведь чем дальше отсрочено, тем сильнее в итоге рванёт...

Большинство современных историков также считают, что последний русский царь являлся человеком не на своём месте. Между тем он не был обделен ни умом, ни настойчивостью, ни волей. Когда надо, он тоже умел срывать предохранители — отдал же он в 1906 году совершенно беспрецедентный приказ о введении военно-полевых судов, когда требовалось покончить с низовым революционным беспределом. Какая-то политика у него была — вот только какая?

Байка о безволии царя, как и многие другие, родилась в великосветских салонах и уже оттуда спустилась в прессу и разлетелась по стране. О причине ее рождения говорится все в тех же мемуарах Александра Михайловича, который множество страниц посвятил описаниям того, как он давал царю полезные советы, а самодержец им не внимал. А теперь представьте себе: разветвленнейшая царская фамилия, и все совершенно точно знают, что надо делать, все дают советы и обижаются, когда царь им не следует. Свои советы дают и министры, и разноплеменные реформаторы, которым также точно известно, как спасти Россию. И чем дальше, тем больше настоятельные голоса превращаются в истерический крик. Иногда царь прислушивался — позволил же он премьеру Столыпину, далеко не самому худшему из своего окружения, провести реформу, которая казалась разумной. Результаты ее известны: она еще глубже загнала Россию в болото. Чего-либо более толкового никто так и не предложил.

На самом деле Николай технически не мог ничего сделать для нормализации государственной жизни — и прекрасно это понимал, не зря с самого начала царствования ему сопутствует чувство *обреченности*. Не мог просто потому, что... не мог, и все! В экономике: бесполезно поднимать деревню — надо сначала проводить аграрную реформу, укрупняя хозяйства и силой сгоняя лишних крестьян с земли. Нельзя проводить аграрную реформу, потому что тут же полыхнет. Нельзя сгонять крестьян с земли, потому что город не готов их принять. Бесполезно поднимать промышленность, пока деревня в таком состоянии — надо проводить аграрную реформу... далее по тексту. В политике: бесполезно поддерживать «патриотов» — за ними никто не стоит. Бесполезно договариваться с «демократической» общественностью — то, чего она хочет, мгновенно разрушит государство. Бесполезно воздействовать на прессу, ибо пресса живет с тиражей, и спросом пользуются исключительно одни гадости. Вообще бесполезно предпринимать любые политические шаги в той сгнившей каше, которую представляла собой верхушка Российской империи — для начала надо полностью вычистить гниль, выскоблить до здоровых тканей, но пришлось бы снять всю верхушку, начиная с царской фамилии, а это невозможно. Бесполезно... Бесполезно... Бесполезно...

Что бы ни сделала государственная власть, какие бы шаги ни предприняла, страна была обречена. Подмораживать тоже нельзя до бесконечности. Рано или поздно в России должен был появиться правитель, который *даст неизбежному совершиться*.

Чтобы понять Николая II, надо знать кое-что, по нынешним временам малопонятное. В первую очередь, православное понимание жизненного креста. Николай не хотел быть царем и с самого начала воспринимал это занятие как крест — в прямом, кстати, смысле, ибо при случае напоминал, что родился в день Иова Многострадального. Но крест полагается нести, пока Божья воля или, на светском языке, непреодолимые обстоятельства, не избавят от него человека. У Николая были свои определенные взгляды на царское служение, проистекавшие отнюдь не из политических теорий, и он делал то, что считал нужным в соответствии со своими взглядами. Стоит ли удивляться, что сплошь безбожная российская верхушка его не понимала тогда и не понимает теперь?

Самая простая аналогия — капитан горящего корабля, который один из всех знает, что пожар потушить невозможно и спокойно стоит на мостике, не участвуя в палубной суете. Объяснений такой позиции два, на выбор — полное ничтожество или высокое мужество. Оба подходят, и оба одинаково доказуемы...

Глава 7

ПРАЗДНИК НЕПОСЛУШАНИЯ

Насладившись в полной мере великолепным зрелищем революции, наша интеллигенция приготовилась надеть свои мехом подбитые шубы и возвратиться обратно в свои уютные хоромы, но шубы оказались украденными, а хоромы были сожжены.

Василий Розанов. Революция и интеллигенция

1914 год обострил все противоречия до полной невыносимости. Россия не готова была участвовать в современной войне, да и Германия являлась для нас естественным стратегическим союзником — по крайней мере, более естественным, чем Англия и Франция. Но, как мы помним, большинство акций российских предприятий принадлежало иностранцам, причём в основном англичанам и французам — а кто девушку ужинает, тот её и танцует...

Кроме того, в отличие от немцев, которые не обращали особого внимания на тайную дипломатию, будущие союзники начиная с конца XIX века стали усиленно вербовать себе сторонников в верхах русского общества — а это тоже нельзя сбрасывать со счетов. Особенно они преуспели среди государственных чиновников и в высшем свете. К Франции русская верхушка тяготение имела давно, а в конце века в моду вместо французских гувернеров вдруг вошли английские няни — это, знаете ли, симптом...

В начале XX века в России сформировалась могущественная проанглийская группировка, намного превосходившая и германофилов, и «патриотов». Каждый из них на своем месте тянул в определенную сторону. Можно проигнорировать какого-нибудь средней руки юриста — но не сто юристов, поющих одну песню. А как проигнорируешь великого князя Николая Николаевича, самого последовательного ненавистника Германии в великокняжеской фамилии? А вдовствующую императрицу с ее «параллельным двором» и все теми же английскими нянями для царских детей?

И всё равно, даже под этим немислимым давлением царь держался, так что сторонникам войны пришлось пойти на грубый обман. Они попросту дезинформировали Николая, сказав ему, что Германия уже начала мобилизацию, хотя на самом деле это было не так, немцы тоже выжидали — и царь подписал приказ. Мобилизация в такой стране, как Россия, приравнивалась к объявлению войны. А за несколько дней до того произошло предельно странное покушение на Распутина, самого твердого и последовательного противника войны в придворных кругах, и тот лежал раненый у себя в Сибири, общаясь с царем лишь телеграммами.

А вот если бы Николай отказался подписать приказ — так ведь и войны бы не было? Да была бы война, никуда б не делась! Контрольные пакеты акций плюс могучее проанглийское лобби... была бы война! В крайнем случае, с царем могло бы что-нибудь случиться нехорошее — грибами бы объелся, например, благо пост на дворе, или какой-нибудь террорист бомбу бросил... и регент от лица малолетнего наследника подмахнул бы все нужные бумаги.

И дальнейшие события тоже становятся связными и легко объяснимыми, стоит лишь предположить, что за ними стоял вопрос о войне и мире. Многочисленные британские политические агенты (или, на современном языке, агенты влияния) иные из которых имели конкретный материальный стимул или интерес в войне, а иные просто по глупости (зачем на дураков деньги-то тратить, когда можно подкинуть пару идей — дешево и сердито!) схватились с противниками войны. Которые тоже действовали не из любви к Германии, а из инстинкта самосохранения (согласитесь, гибель страны этому инстинкту противоречит!)

И никаких идеалов!

Пир во время чумы

—А как ты думаешь, смогли бы они сделать *это*, если бы в вашем мире нельзя было так легко *купить* почти каждого... Если бы здесь могли ясно *видеть* — кто друг и кто враг. И знать, что то, чего хочет от тебя твой враг, нельзя делать ни в коем случае. Даже если это кажется тебе самому не менее, а может быть, даже более выгодным.

Роман Злотников. Атака на будущее

...В интеллигентских кругах ходит легенда, что на самом деле песня «Вставай, страна огромная!» написана в 1914 году. А вот в это я категорическим образом не верю, по очень простой причине — неоткуда было в 1914 году взяться таким чувствам [А

впрочем, может быть, и была написана — но не востребована!]. Война эта была для «страны огромной» чужой войной. В городах имел место взвинченный прессой определенный подъем патриотизма, да и то толпа в основном рвалась не патриотические чувства проявить, а пограбить немецкие магазины да попросту похулиганить.

Что же касается сельской России — а ведь именно оттуда в основном набиралась русская армия, — то об уровне ее самосознания хорошо сказал генерал Брусилов:

«Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову. Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать, было совершенно неизвестно».

Возможно, как-то могла бы сработать идея освобождения Константинополя — если бы не религиозный кризис. Как воспринималась в народе эта идея в начале XX века, рассказывается в повести Гайдара «Школа», в описании все того же митинга.

«—Мир после победы? — говорил Баскаков. — Что же, дело хорошее. Завоеюем Константинополь. Ну прямо как до зарезу нужен нам этот Константинополь! ...Я тебя спрашиваю, — тут Баскаков ткнул пальцем в рябого мужичка с уздечкой, пробравшегося к трибуне, — я спрашиваю: что у тебя, немец либо турок займы взяли и не отдают? Ну, скажи мне на милость, какие у тебя дела могут быть в Константинополе? Что ты, картошку туда на базар продавать повезешь?..

Рябой мужичок покраснел, заморгал и, разводя руками, ответил высоким негодующим голосом:

—Да мне же он вовсе и не нужен... Да зачем же он мне сдался?

—Тебе не нужен, ну и мне он не нужен и им никому не нужен! А нужен он купцам, чтобы торговать им, видишь, прибыльней было. Так им нужен, пусть они и завоевывают. А мужик тут при чем? Зачем у вас полдеревни на фронт угнали? Затем, чтобы купцы прибыль огребали! Дурни вы, дурни! Большие, бородатые, а всякий вас вокруг пальца окрутить может.

—А ей-богу же, может! — хлопая себя руками, прошептал рябой мужик. — Ей богу, может. — И, вздохнув глубоко, он понуро опустил голову».

Как видим, товарищи большевики вполне правильно понимали цели войны, которая шла за передел рынков сбыта, причем даже не между Россией и кем-то еще, а между Англией и Германией, а Россия тут сбоку бежала. Объяснить это русскому мужику в серой шинели было трудновато и, как сформулировал тот же Брусилов, «выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя». Но Брусилов так говорил после того, как пошел на службу к большевикам. А вот товарищ Баскаков о царе на митинге помалкивал, ибо неизвестно было, как народное большинство на такие наезды отреагирует. Стандартная, еще со времен Московской Руси формула для такого случая была: «царь хороший, бояре плохие». Но цели войны от того яснее не становились.

Начавшаяся таким образом и в таких условиях, как война могла идти? Весьма живописную картинку рисует тот же Троцкий: *«...Единственное, что русские генералы делали с размахом, это извлечение человеческого мяса из страны. С говядиной и свиной обращались несравненно экономнее. Серые штабные ничтожества, как Янушкевич при Николае Николаевиче и Алексеев при царе, затыкали все прорехи новыми мобилизациями и утешали себя и союзников колоннами цифр, когда нужны были колонны бойцов. Мобилизовано было около 15 миллионов человек, которые заполняли депо, казармы, этапные пункты, толпились, топтались, наступая друг другу на ноги, ожесточаясь и проклиная. Если для фронта эти человеческие массы были мнимой величиной, то они являлись очень действительным фактором разрухи в тылу. Около 5 1/2 миллиона числились убитыми, ранеными и в плену. Число дезертиров росло. Уже в июле 1915 года*

министры причитали: “Бедная Россия. Далее её армия, которая в былые времена наполняла мир громом побед... и та оказывается состоящею из одних только трусов и дезертиров”.

...Все искали, на кого бы свалить вину. Обвиняли поголовно евреев в шпионаже. Громили людей с немецкими фамилиями... Штабы и Дума обвиняли двор в германофильстве. Все вместе завидовали союзникам и ненавидели их. Французское командование щадило свои армии, подставляя русских солдат. Англия раскачивалась медленно. В гостиницах Петрограда и штабах фронта мило шутили: “Англия поклялась держаться до последней капли крови... русского солдата”. Эти шуточки ползли вниз и доползали до фронта. “Всё для войны!” — говорили министры, депутаты, генералы, журналисты. “Да, — начинал размышлять в окопе солдат, — они всё готовы воевать до последней капли... моей крови”.

Русская армия потеряла за всю войну убитыми более, чем какая-либо армия, участвовавшая в боине народов, именно около 2 1/2 миллиона душ, или 40% потерь всех армий Антанты. В первые месяцы солдаты гибли под снарядами, не рассуждая или рассуждая мало. Но у них накаплился со дня на день опыт, горький опыт низов, которыми не умеют командовать. Они измеряли масштаб генеральской путаницы бесцельными передвижениями на отстающих подошвах и числом несъеденных обедов. От кровавой мешанины людей и вещей исходило обобщающее слово: бессмыслица, которое на солдатском языке заменялось другим, более сочным словом.

Быстрее всего разлагалась крестьянская пехота. Артиллерия, с высоким процентом промышленных рабочих, отличается вообще несравненно большей восприимчивостью к революционным идеям: это ярко сказалось в 1905 году. Если в 1917-м артиллерия, наоборот, обнаружила больший консерватизм, чем пехота, то причина в том, что через пехотные части, как через решето, проходили все новые и все менее обработанные человеческие массы; артиллерия же, несшая неизмеримо меньшие потери, сохраняла старые кадры. То же наблюдалось и в других специальных войсках. Но в конце концов сдавала и артиллерия.

Во время отступления из Галиции издан был секретный приказ верховного главнокомандующего: пороть солдат розгами за дезертирство и другие преступления. Солдат Пирейко рассказывает: “Стали пороть солдат розгами за самый мельчайший проступок, например за самовольную отлучку из части на несколько часов, а иногда просто пороли для того, чтобы розгами поднять воинский дух”. Уже 17 сентября 1915 года Куропаткин записывал, ссылаясь на Гучкова: “Нижние чины начали войну с подъёмом. Теперь утомлены и от постоянного отступления потеряли веру в победу”. В это же приблизительно время министр внутренних дел отзывался о находящихся в Москве 30 000 выздоравливающих солдат: “Это буйная вольница, не признающая дисциплины, скандалящая, вступающая в стычки с городскими (недавно один был убит солдатами), отбивающая арестованных и т. д. Несомненно, что в случае беспорядков вся эта орда встанет на сторону толпы”. Тот же солдат Пирейко пишет: “Все поголовно интересовались только миром... Кто победит и какой будет мир — это меньше всего интересовало армию: ей нужен был мир во что бы то ни стало, ибо она устала от войны”.

Можно себе представить, какое настроение было у солдата, попавшего в эту кашу — бессмысленные перемещения, бездарное командование, жестокий недостаток оружия и снарядов, плохая кормежка, холод, грязь, вши... И все это неизвестно зачем, и конца-краю этому не видно. Русское правительство торговало пушечным мясом, получая за него даже не деньги, а всего лишь право брать новые займы, которые еще надо отдавать. Это называлось «союзнический долг». На фронте росло глухое недовольство. Вдобавок ко всему, в чью-то умную голову пришла идея отправлять на фронт разного рода «неблагонадежный элемент» -радикально настроенных студентов, забастовщиков. Это было все равно, что подкинуть огоньку в ворох соломы.

«...Первоначально разрозненные революционные элементы тонули в армии почти бесследно, — пишет Троцкий. — Но по мере роста общего недовольства они всплывали. Отправка на фронт, в виде кары, рабочих-забастовщиков пополняла ряды агитаторов, а отступления создавали для них благоприятную аудиторию. “Армия в тылу и в особенности на фронте, — доносит охранка, — полна элементами, из которых одни способны стать активной силой восстания, а другие могут лишь отказаться от умирительных действий”. Петроградское губернское жандармское управление доносит в октябре 1916 года, на основании доклада уполномоченного Земского союза, что настроение в армии тревожное, отношения между офицерами и солдатами крайне натянутые, имеют место даже кровавые столкновения, повсюду тысячами встречаются дезертиры. “Всякий, побывавший вблизи армии, должен вынести полное и убежденное впечатление о безусловном моральном разложении войск”» [Троцкий Л. С. 47 — 51.]

Так было, и было именно так! В материалах о Великой Отечественной войне тоже есть подобные свидетельства, но несравненно больше в них примеров высокой доблести. Рассказы о подвигах на «империалистической» войне как-то неубедительны, словно бы их писали те же дамы-авторессы, что и назидательные рассказы «для народа». А в реальных мемуарах есть свидетельства доблести, но не во имя чего-то, а просто так, бездумно: знай, мол, наших!

«Настроения тыла отвечали настроениям фронта, — продолжает Троцкий. — На конференции кадетской партии в октябре 1916 года большинство делегатов отмечало апатию и неверие в победоносный исход войны — “во всех слоях населения, в особенности же в деревне и в среде городской бедноты”. 30 октября 1916 года директор департамента полиции писал в сводке донесений о “наблюдаемом повсеместно и во всех слоях населения как бы утомлении войной и жажде скорейшего мира, безразлично, на каких бы условиях таковой ни был заключен”».

* * *

Но были в России силы, жившие по поговорке: «Кому война, а кому мать родна». Война оживила российскую промышленность, вызвав некое подобие чахоточного румянца — здоровья нет, зато цвет яркий. Начиная с 1910 года казенные заводы регулярно проваливали военные программы, и Россия вступила в Первую мировую войну абсолютно к ней неподготовленной. Мобилизационного запаса снарядов хватило на четыре месяца, а потом русские солдаты с тоскливым ужасом слушали немецкую канонаду, на которую им нечем было ответить. Мобзапас винтовок был около 5 млн. штук, при том, что число мобилизованных первой очереди насчитывало 7 млн. человек. Уже к ноябрю 1914 года дефицит винтовок достигал 870 тысяч, а промышленность могла дать не более 60 тысяч штук ежемесячно. Люди были, но не было оружия — как раз то самое, что и планировал для СССР Гитлер.

«Выручили» — если можно так сказать — частные военные заводы. Они-то снаряды давали, но... в три — пять раз дороже, чем казённые. Созданное весной 1915 года Особое совещание по обороне распределяло заказы с щедростью необыкновенной — надо полагать, что и «откаты» там были экстраординарные. Московское текстильное товарищество Рябушинского официально имело 75% чистой прибыли (а сколько неофициально?). Но это еще скромненько, а у тверской мануфактуры было уже 111%, меднопрокатный завод Кольчугина принес за 1915-1916 годы свыше 12 миллионов прибыли при основном капитале в 10 миллионов. Капиталисты наживались на войне с редкостным бесстыдством, и вот что мне на самом деле радостно читать — так это о национализации военных заводов. Да и вообще о национализации промышленности читать приятно — уж очень неприглядно выглядят «отцы-благодетели». А начиная с 1914

года они не только несут в народ свое самобытное понимание христианства, но и в открытую наживаются на войне, грабя собственную страну. И ведь никуда не денешься: против альянса госчиновников и промышленников не попрешь, что и попытался с привычной обреченностью объяснить Николай Второй начальнику Главного артиллерийского управления генералу Маниковскому в знаменитом диалоге.

«Николай II: На вас жалуются, что вы стесняете самостоятельность общества при снабжении армии.

Маниковский: Ваше Величество, они и без того наживаются на поставке на 300%, а бывали случаи, что получали даже более 1000% барыша.

Николай II: Ну и пусть наживают, лишь бы не воровали.

Маниковский: Ваше Величество, но это хуже воровства, это открытый грабёж.

Николай II: Все-таки не нужно раздражать общественное мнение».

Преодолевая понятное возмущение, задумаемся о трактовках данного диалога. Его ведь можно интерпретировать по-разному. Например, так: генерал Маниковский царю был нужен. А если бы он продолжал эту линию, его бы в считанные месяцы похоронили или, скажем, сляпали обвинение и отдали под суд. Практика 1990-х годов, которая еще у всех нас на памяти, показывает, как решаются проблемы там, где кто-то мешает кому-то наваривать бабки. А деньги в оборонном бизнесе крутились умопомрачительные.

Да и что можно было сделать, когда в доле состояли не только самые богатые люди государства, но не отставали даже великие князья. Маниковский, если бы не успокоился, получил бы пышные похороны, и еще более пышные похороны получил бы император, только и всего. Нет, чтобы заставить быть патриотами эту кофлу, нужен не царь с бесправными жандармами, а Сталин и НКВД образца 1937 года, имевшие право и возможность кому угодно задать простой вопрос: «Что тебе, родное сердце, дороже — кошелек или жизнь?» И при этом реально расстреливать в порядке назидания. Вот тогда бы сработало — а в 1915 году русский царь мог разве что грибочками отравиться в порядке протеста...

В столице шел форменный пир во время чумы. Троцкий описывает эту обстановочку — может быть, и лишнее дело еще раз рассказывать общеизвестные вещи, но каков слог! Как красочно и как точно — воистину золотое перо!

«Спекуляция всех видов и игра на бирже достигли пароксизма. Громадные состояния возникали из кровавой пены. Недостаток в столице хлеба и топлива не мешал придворному ювелиру Фаберже хвалиться тем, что никогда еще он не делал таких прекрасных дел. Фрейлина Вырубова рассказывает, что ни в один сезон не заказывалось столько дорогих нарядов, как зимой 1915/16 года, и не покупалось столько бриллиантов. Ночные учреждения были переполнены героями тыла, легальными дезертирами и просто почтенными людьми, слишком старыми для фронта, но достаточно молодыми для радостей жизни. Великие князья были не последними из участников пира во время чумы. Никто не боялся израсходовать слишком много. Сверху падал непрерывный золотой дождь. «Общество» подставляло руки и карманы, аристократические дамы высоко поднимали подола, все шлепали по кровавой грязи — банкиры, интенданты, промышленники, царские и великокняжеские балерины, православные иерархи, фрейлины, либеральные депутаты, фронтовые и тыловые генералы, радикальные адвокаты, сиятельные ханжи обоего пола, многочисленные племянники и особенно племянницы. Все спешили хватать и жрать, в страхе, что благодатный дождь прекратится, и все с негодованием отвергали позорную идею преждевременного мира» [Троцкий. С. 53].

Ещё бы при таких барышах не считать «союзнический долг» святым, а сепаратный мир — позорным!

К концу войны снарядов уже хватало — то ли по причине увеличения их производства, то ли потому, что уменьшилось количество пушек. Зато стали трещать финансы. Уже в июле — августе 1916 года оптовые цены на важнейшие продукты выросли: хлеб подорожал на 91%; сахар — на 48%; мясо — на 138%; масло — на 145%; соль — на 256%. Розничные цены повысились еще больше. Очень интересное объяснение этого механизма дает Ольденбург:

«Это отчасти объяснялось ростом количества бумажных денег, но в еще большей мере — своего рода забастовкой деревни. Крестьяне — а им принадлежало семь восьмых русского хлеба — все менее охотно продавали свои продукты; из опасения реквизиции они начинали прятать зерно, зарывать его в землю».

Что за бред — цены поднимаются, а крестьяне этим не пользуются. Но дело в том, что поднимались-то *оптовые* цены, а не закупочные. От дороговизны продуктов богатели не крестьяне, а спекулянты. Сельское хозяйство же тихо умирало. Армия в основном пополнялась за счет деревни, и к 1917 году война забрала около половины трудоспособных мужчин и четверть лошадей. Сбор хлеба к 1916 году сократился на 20%, и деревня не горела желанием с ним расставаться, так что в конце года пришлось послать на село вооруженные отряды — да-да, продотряды не большевики придумали, они появились осенью 1916 года. Хлеба они, впрочем, так и не добыли.

«Такая “забастовка производителей”, — пишет дальше Ольденбург, — не имела ничего общего с политическими причинами. Она объяснялась тем, что в стране ощущался товарный голод. Крестьяне взамен своих продуктов не могли получить того, что им было нужно. Не хватает тканей, обуви, железных изделий, цена на все эти товары возросла вне всякой соразмерности с ростом цен на сельскохозяйственные продукты.

“За пуд железа давали раньше 1,5 пуда пшеницы, а теперь 6; за пуд пшеницы можно было купить 10 аршин ситца, а теперь 2”, — говорил на продовольственном совещании в Петрограде в конце августа член Киевской управы Григорович-Барский. Цены на железные изделия, например гвозди, выросли в восемь раз» [Ольденбург С. Царствование императора Николая II. С. 588.]. А как не быть дороговизне, если уровень определяют бешеные цены на военные поставки, и производить недорогую мирную продукцию просто невыгодно? А крестьянам невыгодно отдавать хлеб за постоянно дешевеющие бумажки, на которые и купить-то нечего. Тот же самый механизм мы увидим чуть позже, в 1927 году.

Как и положено, советы, которые давали царю, различались на 180 градусов: от введения карточек до «упаси Господь это делать, иначе продукты вовсе исчезнут с рынка». Все советы были чрезвычайно обоснованными, но толку никакого: чтобы ввести карточное распределение, надо параллельно хотя бы сажать спекулянтов, а на это власти у царя не было. Точно та же история, что и с «всевластием» Сталина в 30-е годы — «съисть-то он съист, да хто ему даст?»

Первая мировая война была несравнимо легче Второй мировой. Основной театр военных действий для Германии находился на западе, оккупированные немцами территории, по сравнению с 1941 годом, невелики, захватчики вели себя на них относительно пристойно. Но Россия и этой войны не выдерживала. Гитлеровский план «Барбаросса» не на пустом месте вырос — фюрер наверняка пользовался данными по Первой мировой войне и представлял себе воюющий Советский Союз как слепок с воюющей Российской империи. На чём и погорел.

Нет, Россия по-прежнему была богатейшей страной мира, с колоссальным потенциалом, какой она являлась и до того, и после того, какой и сейчас является. Рвалось там, где тонко — в области управления. Страну губил бардак. А ведь настоящие беспорядки ещё и не начинались.

Триумф и облом в одном флаконе

Где глаз людей обрывается куцый,
Главой голодных орд
В терновом венце революций
Грядёт шестнадцатый год.
Владимир Маяковский.

Между тем со властью было совсем никуда. Точнее, власть-то имелась — но не было механизма ее осуществления, приводные ремни от императора к государственной системе крутились только в ту сторону, в какую сами хотели. Любые шаги верховной власти безнадежно увязали в трясине коррупции, беспорядка и бездарности исполнителей. Жизнь голодного большинства все ухудшалась, сытым меньшинством всё больше овладевало безумие «последних времен». Поэт, все это видевший, промахнулся в своем предощущении всего на год.

Лёд тронулся в начале 1917 года. В январе — феврале привоз хлеба в Петроград и Москву составил всего 25% от планируемого. В рабочих районах начался голод, а вслед за ним — стачки и уличные выступления. Против рабочих попытались вывести войска, но отборные полки петроградского гарнизона были к тому времени уже выбиты на фронте, а их место заступили запасные части — плохо обученные новобранцы, которым было все равно, чем заниматься, лишь бы на фронт не идти. Кидать таких на уличные манифестации — все равно что гасить пожар керосином. Едва осознав, что манифестанты против войны, солдаты тут же перевернулись на их сторону. Часть офицеров поубивали, остальные благоразумно ретировались, и солдатики, предоставленные самим себе, вышли на те же улицы, где уже бушевали рабочие.

Ничего трагичного во всем этом не было. Собственно говоря, в тот момент для подавления «революции» достаточно было пригнать несколько эшелонов с хлебом и вызвать с фронта пару надежных частей — и порядок был бы восстановлен. Даже не потому, что солдаты действующей армии были верны монархии, а просто по причине исконной ненависти фронтовиков к *тыловым*, которые сидят в теплых казармах и едят два раза в день приварок, а не плесневелые сухари [А на румынском фронте, например, кормили солдат исключительно чечевицей.], да ещё и бунтуют. И части на самом деле были вызваны — но не присланы генералом Гурко, который, как и прочие командующие фронтами, тоже состоял *в заговоре*.

* * *

Сейчас уже никто не спорит с тем, что заговор против царя существовал — как минимум один, а то и несколько. Участвовали в нем думские либералы (из партий октябристов и кадетов) и высокопоставленные генералы, а вот вместе или порознь — это вопрос. Причина тоже крайне проста и не имеет ничего общего ни с какой борьбой за власть, и уж тем более ни с какими идеями. На Николая II всего-навсего нельзя было положиться в святом деле выполнения союзнического долга, только и всего — а что в Думе, что в генералитете, что в высшем свете сидели сплошь политические агенты Антанты. Ненадёжный царь, чего уж тут — не зря его за особый склад характера называли «византийцем»: всех выслушает, помолчит, а потом сделает по-своему, да так, что заранее и не угадаешь...

...Между тем во второй половине 1916 года в России стали происходить весьма настораживающие процессы, свидетельствующие о том, что идея сепаратного мира потихоньку овладевает умами. Вот лишь одна ниточка (были и другие). Осенью, во время вояжа думской делегации в Европу, Протопопов, один из вождей прогрессивного блока, встретился с немецким дипломатом Варбургом, что было однозначно расценено как *прощупывание*. Вскоре все стало еще интереснее — по возвращении Протопопов порвал с Думой и был назначен министром внутренних дел. Позднее он писал о том времени: «Все разумные люди в России... были убеждены, что Россия не в состоянии продолжать войну». Николай, правда, уверял союзников в том, что намерен сдержать слово — но всем было известно, что царь мог говорить одно, а под сильным давлением сделать совсем другое, *уступить*, как уступал неоднократно (хотя и не всегда).

Недаром февральские события предварялись убийством Распутина — напомним, он был в царском окружении самым твердым и последовательным противником войны, и царь с ним считался... или мог сделать вид, что считается. И в этом преступлении столько вопросов и настолько явственный *английский* след... Впрочем, о «миротворческих инициативах» той зимы, о подлинных интересах организаторов февральского переворота и об их хозяевах подробно, на многих страницах рассказывается в книге Александра Бушкова «Распутин: выстрелы из прошлого», и фактов там приводится достаточно. Были инициативы, было стремление к сепаратному миру, и допустить этого ни англичане с французами, ни их российские союзники не могли. Кроме «склонности» к Европе, многие из думцев имели акции оборонных заводов, состояли членами всевозможных комитетов, обеспечивавших снабжение армии, или имели к ним отношение. Ничего личного, господа, только бизнес!

Исходя из интересов, можно точно назвать авторов Февральского переворота: крупные дельцы, наживавшиеся на военных поставках, верхушка генералитета, а за их спинами — союзники по Антанте. (Да, кстати, большинство из них были масонами — существовали в стране тогда такие деловые клубы, вроде ложи «Великий Восток России», связанные с аналогичными клубами на Западе. Связи там завязывались неплохие, и вербовать агентов было удобно. Хотя не стоит думать, что господа масоны по велению ложи стали бы действовать себе в убыток или что они грабили собственное государство не ради прибыли, а из-за масонского значка.)

Россия на самом деле уже не могла больше воевать — это было чревато распадом и гибелью державы. Но ведь именно в дни крушения и навариваются самые большие бабки! Тем более что друзей по Антанте распад и гибель страны вполне устраивали — можно будет делить пирог победы между собой, отпихнув в сторону сделавшего свое союзника. Это, так сказать, программа-минимум, а программа-максимум — порезать охваченную распадом и хаосом страну на сферы влияния и заняться уже прямой колонизацией. Что они, кстати, и попытались проделать немного позднее — да не получилось.

Другое дело, если бы британцы могли предвидеть, чем все закончится — но для этого надо уметь предвидеть! Британцев вообще отличает одна особенность: блестяще срабатывая на коротких и хорошо на средних дистанциях, они проваливают отдаленные стратегические последствия. Как это было, например, с операцией «Ледокол» — начатая с целью окончательно добить Россию на идеологическом фронте, в конечном итоге она послужила причиной давно невиданного у нас взлета патриотизма, который потянул за собой и возрождение уже, казалось бы, окончательно похороненного сталинизма. (А ведь на Западе боятся не большевиков, а именно сталинизма, почему — о том речь впереди). И в данном случае цепь событий, начавшаяся в феврале семнадцатого, оказалась для России спасительной, зато в конечном итоге способствовала развалу Британской империи.

Итак, это был заговор или, точнее, заговоры. Сколько их было, кто в них участвовал — рассказал в донесении от 4 апреля 1917 года французский военный разведчик капитан де Малейси.

«Лидером искусно и давно подготовленного заговора был Гучков, поддержанный Техническими комитетами при содействии вел. кн. Николая Николаевича, охотно согласившегося на проникновение таких организаций в армию для ее снабжения. Менее открыто, но эффективно действовал ген. Алексеев по договоренности с большинством генералов, в том числе с Рузским и Брусиловым, не говоря о других, также предоставивших этим комитетам возможность проведения необходимой пропаганды в частях под их командованием. Алексеев уже давно контактировал с Гучковым, втайне содействуя всем своим авторитетом в армии ходу последующих событий...»

...Видным организатором выступил британский посол сэра Джон Бьюкенен, верховодивший всем заодно с Гучковым. В дни революции русские агенты на английской службе пачками раздавали рубли солдатам, побуждая их нацепить красные кокарды. Я могу назвать номера домов в тех кварталах Петрограда, где размещались агенты, а поблизости должны были проходить запасные солдаты. Если Англия и ускорила события, то она перестала играть роль хозяйки положения, когда император уволил в отставку самого могущественного ее агента Сазонова [С. Д. Сазонов с ноября 1910 г. по июль 1916 г. был министром иностранных дел Российской империи.]. И тогда с целью остаться арбитром при сохранении общего руководства делами и ходом военных действий она перешла на сторону революции и ее спровоцировала. Лорд Мильнер [Видный британский политический деятель.] во время пребывания в Петрограде, это вполне установленный факт, решительно подталкивал Гучкова к революции, а после его отъезда английский посол превратился, если можно так выразиться, в суфлера драмы и ни на минуту не покидал кулис...» [Революция глазами второго бюро. Донесения сотрудников французской разведки капитана де Малейси и генерала Нисселя. http://scepisis.ru/library/id_1905.html]

Интереснейшие мемуары оставил этот самый сэра Джон Бьюкенен, многих привечавший в своем хлебосольном доме. *«Дворцовый переворот обсуждался открыто, и за обедом в посольстве один из моих русских друзей, занимавший высокое положение в правительстве, сообщил мне, что вопрос заключается лишь в том, будут ли убиты император и императрица или только последняя».* Отличный посол, вы не находите?! Не просто не брезгает разведкой — это, в общем-то, нормально для дипломата — но и позволяет у себя за столом открыто обсуждать подробности заговора против главы страны пребывания! Ну и чем, спрашивается, он отличается от большевистских «дипломатов» образца 1923 года, которые открыто обсуждали в советском посольстве в Берлине планы «германского красного октября»? Тем, что воротничок носил?

Есть и другие данные, что первоначально заговорщики готовили для Николая тот же сценарий, что и для Павла. Почему на него не пошли? Если буду писать книгу о Николае II, обязательно займусь этим вопросом, а пока могу лишь предположить, что все уперлось в отсутствие исполнителя. Одно дело пристрелить ненавидимого всей страной фаворита — в этом случае за убийц горой стала даже великокняжеская фамилия, и совсем другое — монарха. И ни один убивец, будь он даже великий князь, не мог быть уверен, что ему потом, когда придет другой царь, не наденут пеньковый воротник — чтобы впредь никому неповадно было. Связей же с революционным подпольем заговорщики, по-видимому, не имели, или же не рискнули к нему обратиться.

В общем, остановились на другом, более мягком варианте действий: убивать не надо, достаточно нейтрализовать. Как показывал позднее в следственной комиссии Гучков, они намеревались *«захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, потом одновременно при посредстве воинских частей, на которые здесь, в Петрограде, можно было рассчитывать,*

арестовать существующее правительство, а затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят собой правительство» [Цит. по: История гражданской войны. Т. 1. М., 1938. С. 87.].

Но и для этого сценария требовалась определенная решительность — а как показали дальнейшие события, именно этого качества у заговорщиков был дефицит. И тут подвернулась смута в Петрограде — точнее, её *подвернули*... Не так уж трудно дезорганизовать и без того дезорганизованное снабжение и вызвать беспорядки, и совсем нетрудно спровоцировать бунт в каком-нибудь из полков — для этого достаточно одного-двоих провокаторов. Не суть. Важно то, что как предполагали, так и сделали: загнали куда-то под Псков царский поезд, пытавшийся пробиться в Петроград, вынудили отречение, арестовали правительство. А потом началась борьба за власть. Весьма, надо сказать, специфическая борьба- все заинтересованные стороны перепихивали власть друг другу, как дежурство по сортиру. Цирк был ещё тот...

* * *

...Ведь что забавно — господа российские либералы совсем не хотели республики! Их идеалом была конституционная монархия — как в Англии. Они вообще очень любили Англию как светлый политический идеал, но вот грядущее государственное устройство *России* видели весьма туманно. Собственно, знали лишь два кодовых слова: конституция и депутаты. На этапе своего созревания, датируемом февралем 1917 года, российская либеральная мысль дошла до следующего механизма: Государственная Дума назначает правительство, которое ей же и подотчетно, но при этом страна представляет собой конституционную монархию (это вроде «социализма с человеческим лицом» в пересчете на 1917 год). Зачем думцам нужен был все время мешавший им царь? Может быть, и вправду чтобы было, как в Англии — человек животное стадное, раз у обожаемых британцев монарх имеется, то и нам надо. (Вот скажите, за каким лядом Пётр Первый парики вводил? А чтобы русские дворяне выглядели как в Европе, иной причины не просматривается — не лысину же греть в русские зимы, для этого шапка больше подходит..)

Впрочем, мотивы могли быть грубее — как пел БГ, «милая, я идиот, но я не debil». Государственная Дума к власти стремилась, да... но это в теории. А на практике неплохо бы на всякий случай подстраховать демократический идеал железной рукой диктатора. Как это было в 1993 году: когда в стране возник кризис власти, встал президент и приказал расстрелять парламент. А потом снова сел в позу «народного избранника», выбрали новый парламент, и опять началась демократия. Наверное, так — иначе совершенно непонятно, почему господа со столь ярко выраженными демократическими симпатиями не провозгласили Россию республикой.

Как бы то ни было, господа либералы, генералы, хозяева аристократических салонов и прочие карбонарии выступали не против монархии, их не устраивал лишь *этот* царь. Идея была предельно проста: вынудить у Николая отречение, посадить на трон малолетнего наследника и дать ему хорошего регента. Кого именно? Уже в горячие дни, уговаривая Совет согласиться на этот вариант, Милюков говорил о брате царя, великом князе Михаиле. В качестве аргумента в пользу тандема Алексей — Михаил он приводил, что «один — больной ребенок, а другой — совсем глупый человек», государственными делами не интересуется, с головой погружен в конный спорт. Но несколько ранее в тех же кругах заговорщиков называли совсем другую кандидатуру — Николая Николаевича, главнокомандующего первых месяцев войны, «ястреба» из «ястребов», самого яркого ненавистника Германии во властной верхушке. Правда, главнокомандующий из него вышел весьма средний, зато ясно, что этот сепаратного мира не заключит, а чего еще надо?

...Итак, пользуясь то ли спровоцированными, то ли спонтанными беспорядками, думцы попытались в очередной раз вырвать у царя вождельённое право формировать правительство — кто о чем, а демократы все рвутся «поручить». В ответ, в ночь с 26 на 27 февраля, они получили традиционный указ «о перерыве занятий Государственной Думы». На следующий день, 27 февраля, несколько членов уже распущенной Думы образовали орган с на редкость корявым названием: «Временный комитет для восстановления порядка и сношения с учреждениями и лицами» и стали «сношаться» — писать воззвания, призывая к формированию правительства «народного доверия». Одно из первых воззваний «Временного комитета» было адресовано генералам:

«Правительственная власть находится в полном параличе и совершенно беспомощна восстановить нарушенный порядок. России грозит унижение и позор, ибо война при таких условиях не может быть победоносно окончена. Считаю единственным и необходимым выходом из создавшегося положения безотлагательное призвание лица, которому может верить вся страна и которому будет поручено составить правительство, пользующееся доверием всего населения... Медлить больше нельзя, промедление смерти подобно», — писал председатель Госдумы Родзянко в обращении к командующим фронтами. Под «лицом, которому будет верить вся страна» Родзянко, разумеется, имел в виду себя. Но грубые факты таковы: *нажал* на царя, вырвав у него отречение, начальник Генштаба генерал Алексеев, при поддержке остальной генеральской верхушки.

2 марта отречение было подписано.

Александр Михайлович вспоминал: *«Он (Николай. — Е.П.) показал мне пачку телеграмм, полученных от главнокомандующих фронтами в ответ на его запрос. За исключением генерала Гурко все они, и между ними генералы Брусилов, Алексеев и Рузский, советовали Государю немедленно отречься от престола... В глубине пакета он нашел еще одну телеграмму, с советом немедленно отречься, и она была подписана великим князем Николаем Николаевичем.*

—Даже он! — сказал Ники, и впервые голос его дрогнул» [Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. С. 228.].

В день отречения в дневнике Николай — редчайший случай! — позволил себе некое выражение эмоций, записав: «Кругом измена, трусость и обман».

И нисколько не был в том не прав.

История с отстранением монарха закончилась полным триумфом, немедленно перешедшим в полный облом. Во-первых, Николай, легко раскусивший игру заговорщиков, сломал ее одним росчерком пера, отрекшись не только за себя, но и за сына — в пользу брата Михаила. Идея регентства над ничего не понимающим ребенком провалилась с треском. А во-вторых, Михаил оказался вовсе не так глуп, как предполагал Милюков. Когда к нему явились представители Думы, он выслушал все речи, а потом задал Родзянко прямой и грубый вопрос: гарантируют ли ему господа думцы только корону, или также и голову? Короче говоря, ввязываться в борьбу за власть великий князь не хотел — но ведь и другим не дал! Михаил, достойный брат Николая, выдал совершенно гениальный по иезуитству ответ: *«Принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского».* Короче говоря, Михаил Романов потребовал Земского Собора.

И вот это был удар из ударов. Михаил не отказался от престола, как стали говорить позднее. Он всего лишь не принял власть из рук Думы — но и напрочь перекрыл дорогу к трону другим претендентам, которые могли бы эту власть принять. Теперь для того, чтобы сесть на трон, кандидат в цари должен был пойти на полноценный государственный переворот. На это никто из Романовых так и не решился.

Ход, надо сказать, гениальный. Действительно, нужно быть полным идиотом, чтобы брать власть в условиях *поднимающейся* революции — на тебя в конечном итоге все последствия и спишут, а потом скинут и затопчут ногами. Власть надо брать на ее спаде, когда энтузиазм приутих, положительные последствия уже перешли в отрицательные и народ, которому осточертел этот бардак, готов принять любого, кто придет и наведет порядок. Михаил заставил творцов переворота самих взять власть, а российскому обществу предоставлял возможность наесться вожделенной свободы по самое горло. В прямом смысле — вместо хлеба. И вполне могло случиться, что к моменту созыва Учредительного Собрания о парламенте в России говорили бы примерно так, как в конце 90-х годов о демократии — исключительно на матерном языке. И ни о какой конституционной монархии уже и речи бы не было, а Учредительное Собрание — тогдашний Земский Собор — вручил бы Михаилу *абсолютную* власть, примерно так, как российский народ в конце 90-х годов вручил власть самой шельмуемой из структур Советского Союза — КГБ. Так что не все просто с Михаилом, отнюдь, он спасал российское самодержавие, и даже шанс у него имелся — другое дело, что не реализовался, но в принципе мог... И тогда вся послевоенная европейская история пошла бы иначе. Подумать только, на какой ниточке иной раз висят судьбы народов и всего мира!

Но дело было в том, что параллельно с Февральской революцией происходила еще одна революция — Октябрьская.

Двоебезвластие

[В курсе средней школы во времена социализма этот период назывался «двоевластием» (под «властями» подразумевались Временное правительство и Советы).]

—Но это же бардак!

—Зато ты — главный.

Из фильма «День выборов»

Дальше, в течение года, впритирку идут две линии событий, принадлежащие двум революциям. Первая из них, Февральская, началась 17 октября 1905 года и закончилась 12 января 1918-го широко известными словами матроса-анархиста Железнякова: «Караул устал!» Октябрь же начал отсчитывать время с 27 февраля 1917 года, когда раскрылись тюрьмы и крышки подполов, и на свободу вышла нелегальная оппозиция — левые радикалы.

Господа «думские революционеры» в своём раскладе кое-чего не учли. Они предполагали, что голодные рабочие именно в них видят «лиц, которым может верить вся страна». Но оказалось, что у рабочих по этому поводу другое мнение и другой орган «народного доверия». На бунтующих окраинах внезапно, как чёртик из табакерки, материализовалась новая сила — порожденные революцией 1905 года Советы.

Едва началась заварушка, все сколько-нибудь заметные общественные деятели левого толка стали собираться к Таврическому дворцу, где заседала Государственная Дума. Туда же стянулись освобождённые из тюрем революционеры. В этом здании социалисты всех мастей, а в основном меньшевики и эсеры, встретились с активистами профсоюзного и кооперативного движения. Структура у них была наработана еще с 1905 года и, не теряя времени, вся эта публика явочным порядком образовала Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов и призвала рабочих быстренько заняться выборами самих депутатов. Сюда же пришли и представители восставших полков, и на первом же заседании, состоявшемся в 9 часов вечера 27 февраля, было

решено, говоря современным языком, «объединить бренды», присовокупив к слову «рабочих» еще и «солдатских».

Сгоряча они даже начали немножко *управлять*. Постановили немедленно занять Государственный банк, казначейства, Монетный двор, Экспедицию заготовления государственных бумаг. Но тут же встал пошлый вопрос: а какими силами? Своих сил у Совета не было, поручить это дело революционным солдатикам — ясно ведь, чем все закончится. Выход из положения все же нашли, написав в решении: «Совет рабочих депутатов поручает Временному комитету Государственной Думы немедленно привести в исполнение настоящее постановление». Вот пусть у «временных» голова и болит.

Ещё забавнее вышло со знаменитым «Приказом № 1», который представляют как плод демократических мечтаний членов Совета. Да ничего подобного! Штатскому адвокату Соколову и слов-то таких знать было не положено, какие в этом приказе употреблялись. В вышедшей в 1938 году книге «История гражданской войны» рассказывается, как это было.

«Сразу после первого бурного заседания группа солдат тут же, за перегородкой, обступила стол члена исполнительного комитета совета меньшевика Н. Д. Соколова, которому было поручено обнародовать решения Совета в приказе по войскам. Соколов записывал то, что диктовали окружавшие его солдаты. Именно под давлением масс был издан первый революционный приказ, по поводу которого Керенский позже говорил, что “отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ вовсе не был подписан”» [История гражданской войны. Т. 1. М., 1938. С. 120.].

Этот документ, положивший начало окончательному развалу государственной системы, стоит того, чтобы привести его полностью.

ПРИКАЗ № 1

«По гарнизону Петроградского округа. Всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитет из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной думы к 10 часам утра 2 сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы Военной комиссии Государственной думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты, ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане.

В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяются.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т. п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т. д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности обращение к ним на «ты», воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов.

Настоящий приказ прочесть во всех ротах, батальонах, полках, экипажах, батареях и прочих строевых и нестроевых командах.

Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов».

В первоначальном варианте был ещё пункт о выборности командиров, но, к счастью, у товарищей из Совета хватило ума его вовремя выбросить. Впрочем, это было уже не важно.

Данным приказом Петросовет сразу упрочил своё пока что весьма шаткое положение — теперь он мог опираться на штыки Петроградского гарнизона, тем более что Временный комитет от большого ума распустил полицию и жандармерию. Правда, дальше вышло точно по Губерману: «Идея, брошенная в массы — это девка, брошенная в полк». Естественно, приказ просочился и на фронт, там его тоже восприняли на «ура», и началось такое... Зато подавления революции военной силой можно было больше не опасаться, по причине того, что военная сила стремительно переставала быть таковой.

* * *

Что бы потом ни говорили историки, Петросовет тоже на государственную власть не претендовал. Его вполне устраивала роль земства.

Утром 28 февраля «Известия Петроградского совета» изложили программу этого органа (если сей документ можно назвать программой):

«Совет рабочих депутатов, заседающий в Государственной думе, ставит своей основной задачей организацию народных сил и борьбу за окончательное упрочение политической свободы и народного правления в России. Совет назначил районных комиссаров для установления народной власти в районах Петрограда. Приглашаем все население столицы немедленно сплотиться вокруг Совета, образовать местные комитеты в районах и взять в свои руки управление всеми местными делами. Все вместе, общими силами, будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного собрания, избранного на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права».

Местные вопросы Советы как-то решали — наверное, не хуже, чем чиновники. Что же касается общего управления тем бардаком, который развели совместными усилиями Временный комитет и Временный исполком, то эту обязанность они усердно спихивали друг на друга. Уже 27 февраля вожди исполкома явились во Временный комитет и потребовали от него взять в свои руки власть. И тут с нашими храбрыми думцами случилась подлинная истерика. Перепуганный Родзянко спрашивал присутствующих: «Что это будет, бунт или не бунт?» На что либералы промолчали, а ответил **монархист** Шульгин: «Никакого в этом нет бунта. Берите как верноподданный. Если министры сбежали, то должен же кто-то их заменить. Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство, мы ему сдадим власть. А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах...».

По меткому выражению Троцкого, Дума «вручение ей власти воспринимала как акт политического изнасилования». О Совете он пишет более сдержанно — все-таки свои. Но не удерживается, чтобы в очередной раз не съязвить. «Либералы соглашались взять власть из рук социалистов лишь при условии, что монархия согласится принять власть из их собственных рук». Стало быть, социалисты тоже не горели желанием, отнюдь...

Монархия, как известно, не согласилась. Но и Советы на себя власть не принимали — им было и так неплохо. Высокопоставленные заговорщики оказались в ужасной для каждого оппозиционера ситуации: они-то хотели всего лишь порулить, имея на соседнем сиденье запасного шофера в лице самодержца. Тот же самый Шульгин писал: «Мы были рождены и воспитаны, чтобы под крылышком власти хвалить ее или порицать. Мы способны были в крайнем случае пересесть с депутатских кресел на министерские скамьи... Под условием, чтобы императорский караул охранял нас».

Но караул ушел вместе с монархией, так что думцы получили руль в руки единолично и без дублеров. Под жестким давлением обстоятельств и Советов им пришлось всё-таки уступить насильникам и 2 марта объявить о создании Временного правительства — оно должно было править страной до Учредительного Собрания, которому предстояло окончательно решить все вопросы власти — потому и «временное».

Состав первого правительства был насквозь либеральным. Председателем его стал лидер земского движения князь Львов. «Серым кардиналом» при нем являлся человек легендарный — министр иностранных дел Милюков, профессор истории и лидер кадетской партии. Военное министерство возглавил Гучков — крупный промышленник, октябрист и, что куда более показательнее, председатель Центрального военно-промышленного комитета — как раз из тех, кто до беспредела взвинчивал цены на вооружение. А министром юстиции стал блестящий адвокат Керенский — тогда он был членом «Трудовой группы», занимавшей промежуточное положение между кадетами и социал-демократами, но практически сразу примкнул к эсерам.

Генеральный консул США Джон Снодграсс писал в газете «Нью-Йорк тайме» от 25 марта 1917 года: *«Русский народ не мог бы найти нигде в своей стране людей, лучше подготовленных для того, чтобы вывести его из мрака тирании... Львов и его соратники значат для России то же, что Вашингтон и его сподвижники означали для Америки, когда она обрела независимость»*. Американец по-детски радуется, что дикая Россия приобщается к цивилизации, и при этом совершенно не замечает, что Россия — не Америка, а князь Львов чуть-чуть, самую малость, не дотягивает до Джорджа Вашингтона.

В первую очередь потому, что Временное правительство умело всё — выдвигать одну за другой теории спасения России, устраивать обсуждения, говорить речи. Не умело оно лишь одного — работать. Не по злему умыслу, а просто потому, что господа парламентарии о том, как функционирует государство, представление имели весьма умозрительное. В руках царя дело казалось простым — знай крути руль да нажимай педальки, — а на деле машина все время почему-то ехала куда-то не туда...

А снизу правительство подпирали Советы, которые теперь стали оппозицией и критиковали каждый их шаг, то есть занимались точно тем, чем до переворота занималась сама Государственная Дума. Не говоря уже о том, что все те свободы слова, печати, собраний и пр., за которые так ратовали думцы в пору борьбу с царизмом, теперь также оборачивались против них. И что самое ужасное, большинство населения верило им и поддерживало их, и страшно было подумать, что будет, когда правительство эту веру потеряет.

Широким же слоям населения вообще плевать было на свободу слова и собраний, они требовали мир, землю, рабочее законодательство — и не получили. Ничего из этого Временное правительство попросту не могло себе позволить, у них ведь были ещё и *хозяева* — вы о них-то не забыли? Естественно, ни о каком мире не могло быть и речи, и единственное, что объединяет все составы Временного правительства — это

«война до победного конца». Что касается земли, тут мотивы сложнее: в принципе, если бы она по-прежнему принадлежала помещикам, ее можно бы и отдать, как пятью веками раньше сбрасывали с крыльца на копья какого-нибудь захудалого боярина, чтобы остудить ярость толпы. Но большинство крупных имений к тому времени были заложены в банки, а за банками стояли отчасти сами думцы и их друзья, а отчасти те же союзники, то есть *хозяева*... Можно как угодно относиться к большевикам, но насчет классовых интересов они были правы.

Будьте уверены, возникшими «ножницами» Советы, а особенно большевики, пользовались очень эффективно. У «временных» была возможность на собственной шкуре ощутить, каково было Николаю II накануне отречения и почему он, сбросив с плеч власть, выглядел таким веселым и даже радостным.

Поистине Временное правительство можно только пожалеть. Но... «Хоть и жаль воробья нам веселого, а досталось ему поделом — на свою воробьиную голову сам он вызвал и бурю, и гром».

Первый кризис настиг Временное правительство уже в апреле, когда оно заявило о намерении быть верным «союзническим обязательствам» и продолжать войну до победного конца. Реакция населения оказалась настолько острой, что Милюкову и Гучкову пришлось подать в отставку. Тогда же в правительство вошли первые социалисты: меньшевики и эсеры. Ну, а потом покатилось...

Ни мира...

Как вы думаете, почему после Октября офицеры-монархисты в массовом порядке рванули к большевикам? Уж всяко не из любви к той компании авантюристов, которая засела в Смольном. Нет, у них была другая причина: лютая ненависть к Февралю.

...Временное правительство ничего не смогло противопоставить «Приказу № 1». Зато, едва придя к власти, оно затеяло *чистку* командного состава, исходя из того, что в новой революционной армии должны оставаться лишь идеологически правильные командиры. Они и остались — без учета способностей. Естественно, снабжение при этом не улучшилось, ибо бардак сказался в первую очередь на управлении. Голодную и раздетую армию кормили красивыми речами о «войне до победного». Солдатики хмурились, смутно ощущая, что здесь что-то не так, и ждали, кто бы им разъяснил, в чем именно «наколка» — а пока что, до выяснения, отказывались воевать. 4 мая состоялось заседание командующих фронтами, где они говорили о делах своих скорбных.

Генерал Брусилев, командующий Юго-Западным фронтом:

«Один из полков заявил, что он не только отказывается наступать, но желает уйти с фронта и разойтись по домам... Я долго убеждал полк... в результате мне дали слово стоять, но наступать отказались, мотивируя это так: “Неприятель у нас хорош и сообщил нам, что не будет наступать, если не будем наступать мы. Нам важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей — зачем же калечиться”».

Генерал Драгомиров:

«Стремление к миру является столь сильным, что приходящие пополнения отказываются брать вооружения — “зачем нам, мы воевать не собираемся...”»

Генерал Щербачев:

«Укажу на одну из лучших дивизий русской армии, заслужившую в прежних войнах название “железной” и блестяще поддерживавшую свою былую славу в эту войну. Поставленная на активный участок, дивизия эта отказалась начать подготовительные для наступления инженерные работы, мотивируя нежеланием наступать».

В самом ужасном положении оказались офицеры [Перед тем, как их жалеть прочтите Приложение № 3.]. Им не доверял никто: ни правительство, видевшее в них «сатрапов» царского режима, ни солдаты. После «Приказа № 1» власти они не имели никакой. Вместе с тем от них требовали воевать и даже одерживать победы. И, как о естественной мере, заговорили о *комиссарах*. Честное слово, начинают закрадываться сомнения: а есть ли у большевиков хоть что-нибудь, чего они не заимствовали бы от прежнего режима? Продотряды на село пошли еще в 1916 году, продрозверстку ввело Временное правительство, и комиссаров, оказывается, тоже тогда поставили...

Со стороны Временного правительства эту идею впервые озвучил его председатель князь Львов — еще в мае он прислал в Ставку общие положения об институте комиссаров. Ставка вскинулась на дыбы, и в результате проект не был реализован... в мае!

А с другой стороны, солдаты с самого начала требовали назначения комиссаров от Совета, мотивируя это тем, что отношения между нижними чинами и офицерами порой были настолько острыми, что дело шло к самосудам, и нужен был хоть какой-то посредник. В реальности самосуды их не смущали, конечно — однако мыслишка, что за всё творящееся в армии придётся отвечать, и не адвокату Соколову, а солдатским комитетам — такая мыслишка наверняка шевелилась. Комитеты тоже не прочь были спихнуть власть на кого-нибудь другого.

О комиссарах говорило ещё в середине апреля совещание делегатов фронта. И если кто думает, что «Приказ № 1» — худшее, что революция могла сделать для армии, то это не так. Совещание выдвинуло совершенно шизофренический проект, по которому предполагалось иметь в войсках три вида комиссаров: Временного правительства, Советов и армейских комитетов. При этом предполагалось, что комиссары будут контролировать все дела, скреплять подписью все приказы, расследовать деятельность командиров и менять их. У кого богатая фантазия, может попытаться представить, что началось бы в армии, когда к этим обязанностям приступили бы сразу три комиссара. Особенно если бы от правительства пришел кадет, от Совета — меньшевик, а от армейского комитета — большевик. Это даже не пожар в борделе, это пожар в борделе нефтеперерабатывающего завода во время землетрясения, от обитательниц которого одновременно требуют выполнения их прямых обязанностей.

К счастью, безумие инициатив тогдашних властей компенсировалось их крайне низкой дееспособностью. Идею обсуждали долго, но так ни до чего и не договорились. Лишь в конце июня появились комиссары фронтов [Кстати, комиссаром Юго-Западного фронта был назначен Борис Савинков — тот самый. Ещё один вираж его головокружительной биографии...] — а поскольку при этом нормативные документы, определяющие их права и обязанности, разработать как-то позабыли... Впрочем, большего бардака, чем царил тогда в армии и в стране, добиться было невозможно технически.

В итоге дело кончилось очередным фарсом. Секретарь армейского комиссара Румынского фронта рассказывает, как выглядела его работа, — это примерно август 1917 года:

«Можно публику разделить на две основные категории. Первая — сочувствующие революции, преимущественно солдаты... Люди этой категории приходят к комиссару с возмущением на существующие порядки... и комиссар должен всячески успокаивать, уменьшая возможные эксцессы со стороны солдатской массы. Другая категория — офицеры, жалующиеся на солдатские организации. С этими людьми приходится комиссару говорить уже по-иному. Эта господа выходят от комиссара несколько облегченные в своих настроениях, но, конечно, неудовлетворенные.

Трудна роль комиссара, он не хозяин армии, а что-то среднее между молотом и наковальней. Командующему армией, например, надо провести какое-нибудь мероприятие, которое явно направлено во вред интересам основной солдатской массы,

генерал чувствует, что тут нужно содействие комиссара, — и комиссар должен, не вникая, собственно, в суть мероприятия, так его представить солдатам, чтобы оно показалось и полезным, и нужным. Отменить распоряжение командующего армией комиссар не может, издать самостоятельное распоряжение по армии тоже не может, в общем, совершенно никчемный человек. Для меня непонятно, зачем, кому и для чего он потребовался» [Оськин Д. Записки прапорщика. М, 1998. С. 355 — 356].

Ну что же тут непонятного? Временному правительству для имитации работы.

Так что идею посылки на фронт комиссаров большевики не придумали, а лишь взяли на вооружение. А так как они, в отличие от «временных», умели добиваться своего, то и в этом оказались успешнее [И неплохо, кстати, получилось. Я тут прикинула, сколько контролеров стояло около красного командира: комиссар, особист, парторг и комсорг. Попробуй-ка в такой обстановке обкрадывать солдат, торговать оружием или допустить «дедовщину»...].

И вот, поскольку союзники жёстко наседали, правительство, совершив всё это, отдало приказ: наступать. Наступление было назначено на 18 июня и должно было проводиться по плану, разработанному еще в декабре 1916 года. Причем за полгода командующие так и не удосужились детализировать разработку Ставки. Но это ладно, это мелочи по сравнению с тем, что было потом.

Воевать солдаты не хотели — их гнали уговорами, угрозами, обманом. Известен случай с 6-м Финляндским полком, который отправили в бой, пригрозив, что в противном случае расположенные неподалеку гвардейские части повернут штыки против него. Финляндцы пошли в атаку, более того, в успешную атаку, прорвали линии немецких окопов и, как и было оговорено, стали ждать, пока их сменят гвардейцы. Не дождавшись, отправили к ним представителей и узнали, что солдат-гвардейцев точно так же гнали в бой, угрожая Финляндским полком, но те оказались более стойкими и никуда не пошли.

Несмотря на то, что наступление не было ни организационно, ни технически подготовлено, все же кое-где оно увенчалось успехом. И оказалось, что командование попросту не знает, что делать дальше, ибо *к победам они не готовились* [...мать их за ногу! А к чему они, собственно, готовились, планируя наступление?!]. Пока разбирались, немцы перешли в контр наступление и погнали русских обратно.

Как это выглядело под Тарнополем, на румынском фронте, пишет в своих записках фронтовой офицер, выслужившийся из солдат прапорщик Оськин:

«Целый ряд полков были предоставлены самим себе, уходили с позиций, не получив никаких распоряжений от штабов дивизий, хотя последние имели для этого все данные. Штаб тридцать пятой дивизии снялся со своего места и бросился бежать в тыл, ещё когда на небольшом участке обнаружился успех немцев. Ни штабы дивизий, ни штаб корпуса не использовали находившихся в их распоряжении резервов для того, чтобы ликвидировать прорыв» [Оськин Д. С. 365].

Естественно, разные военные круги объясняли провал отступления по-разному:

«Виноваты большевики, — говорили офицеры. — Они разлагали фронт. Из-за них это отступление. Немецкие наймиты! Шпионы!

Более благоразумные офицеры и солдаты отвечали:

— При чём большевики? Разве в штабе дивизии сидят большевики, если штаб дивизии удирает при первом известии о прорыве фронта?

— Шпионы в дивизии, — говорили солдаты. — Штабные нарочно хотят нашего поражения, чтобы показать, что армия разложилась и нужно, мол, против армии принять репрессивные меры — восстановить прежние отношения между солдатами и офицерами, лишить солдат гражданских прав» [Там же. С. 339 — 340].

В 1941 году за подобное «отступление» командующий Западным фронтом генерал Павлов и его ближайшие подчиненные поплатились жизнью. Пострадали ли генералы образца 1917 года — вопрос риторический. Корниловские меры (о них речь

впереди) касались только солдат. Так что вывод, сделанный поручиком, вполне закономерен:

«Здесь, очевидно, была прямая игра: массовыми солдатскими жертвами и оставлением территории вырвать у правительства ряд уступок».

...Из 300 тысяч солдат, участвовавших в наступлении, армии Юго-Западного фронта потеряли 60 тысяч. Брусилов поплатился за провал местом главнокомандующего — но кому от этого легче?

Ни земли...

Крестьяне, сгоряча поддержавшие Временное правительство, тоже ничего не получили, кроме кивков в сторону будущего Учредительного Собрания: мол, как оно решит, так тому и быть. Между тем помещики, предвидя скорую потерю земли, принялись сбывать ее с рук всеми возможными способами: закладывали, толкали за бесценок иностранцам. Продавали скот, сельхозинвентарь, леса рубили так, что крестьяне начали явочным порядком выставлять собственную охрану

Бывали случаи и крайние. «Известия всероссийского Совета крестьянских депутатов» в середине июля рассказали о помещике Эсмоне в некоем Старобыховском уезде, который травит свои поля: *«На предложение милиционера прекратить потраву помещик заявил: “До Учредительного Собрания своей земли я хозяин и потому, что хочу, то и буду делать”.* На вопрос, как он решил убирать рожь, помещик ответил: *“Рожь останется в поле необранной... До этого никому нет дела, так как рожь — моё достояние”*». Мол, если не мне, так не доставайся же ты никому! Он был не один такой — о том, что помещики уничтожают собственное хозяйство, сообщения шли в массовом порядке.

И тут с фронта, почуяв, что пахнет «черным переделом», рванули дезертиры — озверевшие от войны, без надежд и иллюзий, зато с винтовками и с некоторым умением организовывать боевые действия. Кончилось все захватами земель с неизбежным «красным петухом» — по всей стране шла пальба и пылали помещичьи усадьбы. Мятежи пытались подавлять вооружённой силой — учитывая, что армия состояла из крестьян, это было просто гениальное решение! Правда, в деревню старались посылать кавалерию и казаков, которые были относительно лояльны — но все равно число мятежей росло, а желание их подавлять у рядовых исполнителей все уменьшалось и уменьшалось. Тем более что вскоре стали бузить и казаки. Земли у них было сколько угодно, однако атаманам захотелось «самостийности». Появились Донская республика, Кубанская республика — и казакам стало не до службы.

Впрочем, надежд на мир с деревней не стало раньше — после того как 25 марта была введена продразверстка. *«Все количество хлеба, продовольственного и кормового, урожая прошлых лет, 1916 г. и будущего 1917 г., за вычетом запаса... необходимого для продовольствия и хозяйственных нужд владельца, поступает, со времени взятия хлеба на учёт... в распоряжение государства»* [Просто умилительно читать, как «демократические» публицисты 90-х годов обвиняют большевиков в том, что придумали и ввели в действие их собственные единомышленники образца 1917 года!]. А теперь надо бы вспомнить, что лишнего деревня не имела, основная масса крестьян, не в силах дотянуть до нового урожая, и в мирное время хлеб покупала. Вот и вопрос: у кого и какое зерно выгребали продотряды Временного правительства? А оружия на селе к тому времени было...

(Кстати, именно летом 1917 года, в полном соответствии с практикой более позднего времени, впервые селу «оказали помощь»: на уборку урожая в помещичьи хозяйства было направлено около 500 тысяч военнопленных и столько же солдат тыловых

частей, у которых сразу же возникли вопросы: а какого чёрта я делаю это на чужом поле, когда могу делать на своём?)

Ни работы...

В экономике начались процессы, подозрительно напоминающие «перестройку». В промышленности показатели стремительно шли вниз, зато жизнь на бирже кипела вулканически — надо же было спекулянтам куда-то вкладывать дешевеющие на глазах деньги! За март — июнь 1917 года было организовано 52 акционерных общества с капиталом в 138, 65 млн. рублей, за август — 62 общества (205, 35 млн.), а в сентябре — 303 штуки (800 млн.). Всего в 1917 году новые компании намеревались выпустить акций на 1,9 млрд. рублей и ещё полтора миллиарда собирались выбросить на биржу старые компании. То, что промышленность находилась на грани краха, никого не смущало: акция — она сама по себе, а завод — он сам по себе...

Естественно, люди, имевшие в руках какие-то реальные материальные богатства, не спешили менять их на обесценивающиеся бумажки. Крестьяне придерживали хлеб, владельцы заводов и шахт — продукцию, чем еще усугубляли ситуацию. Нехватка бешено взвинчивала инфляцию, а держатели товара выжидали благоприятных обстоятельств (то же самое едва не произойдет в 1927 году — но со Сталиным такие штуки не прокатывали). Экономика входила в штопор.

1 августа правительство ввело монополию на торговлю углем, после чего владельцы рудников стали прятать запасы. 20 октября газета «Известия» писала: *«Пред нами таблица об имеющихся запасах угля на рудниках одного только Ровенецкого района, где занято рабочих не более 5 тысяч на 13 рудниках, а находится угля до 10 миллионов пудов. И это не вывозится только потому, что промышленники не хотят вывозить»*. А вывозить, естественно, не хотели, потому что ждали повышения цен.

Правительство за месяц повысило цены на уголь на сто процентов, но это мало помогло: держатели угля помнили еще совсем недавние «благословенные» времена, когда промышленники сами устанавливали государственные цены. Они прекрасно понимали, что правительство не допустит, чтобы остановилась промышленность, а сил и власти заставить у него нет — значит, будет делать, что скажут. И дело было даже не в ценах, а в рабочих комитетах...

У рабочих были свои интересы, защиты которых они также требовали от «правительства народного доверия» — а осознав (не без помощи большевиков), что ждать бесполезно, принялись защищать сами. В первую очередь это 8-часовой рабочий день, затем повышение заработной платы, отмена штрафов, рабочий контроль над наймом и увольнением. Хозяева уверяли, что это их разорит, но рабочим на всю хозяйскую аргументацию было решительнейшим образом наплевать — тот, кто читал первую главу данной части, легко поймет почему. Вскоре фабрично-заводские комитеты стали брать власть на заводах и своей волей устанавливать такие правила внутреннего распорядка, которые им нравились. Но длилось это недолго: заводы останавливались один за другим — формально по причине отсутствия сырья и топлива, а на самом деле далеко не всегда по этой причине. Сплошь и рядом это был неявный, со ссылкой на объективные обстоятельства, локаут [Локаут — закрытие предприятия как ответ на стачку.]. В августе и сентябре было закрыто 231 предприятие — работу потеряла 61 тысяча человек. В октябре цифры стали катастрофическими. В одном только Петрограде стояло 40 предприятий, на Урале — половина всех имеющихся в наличии. (Впрочем, тут была уважительная причина: Урал — это металлургия, металлургия уголь съедает в огромном количестве, а уголь... см. выше). В Екатеринославе (ныне Днепрпетровск) — не самом большом городе Российской империи, работу потеряли 50 тысяч человек.

Дело, конечно, было не только в локаутах. Заводы и на самом деле начинали агонизировать. Современное производство — сложный механизм, зависящий от поставок, а транспорт разваливался, поставки срывались, топливо в дефиците. Военные мобилизации обескровили промышленность, и на заводах катастрофически не хватало рабочих рук. Среди рабочих увеличивалось число женщин и подростков — что, как нетрудно догадаться, не шло на пользу производству. На заводы стали гнать военнопленных — на Урале и в Донбассе они составляли около трети рабочих. В среднем производительность труда пленных была вдвое ниже, чем своих кадров. Падала квалификация работников. Наконец, они элементарно голодали, что тоже не способствует нормальному труду. Реальная заработная плата по сравнению с 1913 годом уменьшилась в два раза — а ведь и тогда рабочие, надо сказать, отнюдь не булками объедались.

Ни хлеба...

Набирала обороты инфляция. Беспомощное правительство не знало иного пути решения финансовых проблем, кроме печатного станка. В апреле бумажных денег было выпущено на 476 млн. рублей, в сентябре — почти на 2 млрд. За первые пять месяцев революции рубль обесценился на 25%, за август — октябрь еще на 37%, а с учетом предыдущей инфляции к октябрю он стоил около 10 довоенных копеек.

Чтобы хоть как-то сохранить промышленность, пришлось снижать налоги (а спекулянты, естественно, таковых не платили), а чтобы хоть как-то пополнить бюджет, правительство повышало цены на то, что находилось в его власти — то есть на что была установлена монополия. В сентябре появилась сахарная монополия и в несколько раз повысились железнодорожные тарифы. Соединённое действие повышения тарифов и усилий рабочих комитетов привело к тому, что объёмы перевозок стали резко уменьшаться. В октябре разработали проекты нескольких новых монополий — спичечной, махорочной, кофейной и чайной. С одной стороны, если уж повышение цен неизбежно, то пусть доходы попадут лучше в карман государству, чем спекулянтам. С другой — эти меры популярности «временным», естественно, не прибавляли.

Самый жёсткий удар правительство нанесло в конце августа, сначала удвоив, а потом и вовсе отменив твердые цены на хлеб. Естественно, сразу же поползли вверх и все остальные цены. А учитывая падение производства, беднейшие слои населения (они же трудящиеся слои) оказались уже не на грани, а за гранью голода. Реальная зарплата рабочих по сравнению с февралем упала в два раза — но ведь были и безработные, были солдаты, жившие на пособие — им-то как? В августе в столицах выдавали по $\frac{3}{4}$ фунта (300 грамм) хлеба на душу. Голод ширился, захватывая все новые и новые губернии, а крестьяне...

Вспомните об этом, когда будете читать про начало коллективизации. Крестьяне мигом сообразили, что вслед за отменой твердых цен начнется их повышение. Село уже не придерживало, а откровенно прятало хлеб. Крестьяне зарывали в ямы зерно мешками, помещики и перекупщики утаивали амбарами. В Могилёвской губернии один из «рекордсменов» укрыв 10 тысяч пудов. Надвигающийся голод был им только на руку: когда люди начнут падать на улицах, цены взлетят до небес. В сентябре план хлебозаготовок был выполнен на 30%, в октябре — на 19%. Одновременно росло самогонование, съедавшее зерно — продавать самогон было выгоднее, чем хлеб [Кстати, весной 1918 года самая жестокая карательная мера большевистского правительства — 10 лет тюрьмы — полагалась за самогонование.]. 10 октября новый главком, генерал Духонин, поставил перед правительством вопрос о сокращении численного состава армии — нечем кормить солдат. Это называется: приехали. Вспомним — во время ленинградской блокады пайки на фронте устанавливали такие, чтобы люди

были в состоянии воевать. Умиравший голодной смертью город кормил своих защитников. Временное правительство, основным лозунгом которого была «война до победного конца», не могло прокормить армию.

Впрочем, правительство честно пыталось решать экономические проблемы — как умело. Сперва либеральными методами — с помощью налогов, «поощряющих производство», при этом потребителю предлагалось «потерпеть». Точно как и в «перестройку», вышло черт знает что. Тогда, как и положено либералу, который подкрепляет свои великие идеи мочением всех несогласных с ними, оно попыталось решить продовольственную проблему военной силой. Но когда правительство слабое, из этого получается опять же черт знает что — оно и вышло.

Короче: за полгода существования Временного правительства российская экономика сорвалась в штопор — по всем показателям. И большевики тут были совершенно ни при чем. Опыт «перестройки» показывает: по части развала любых систем и структур либералам помогать не надо — они отлично справляются сами...

Во все времена, глухие ли, или же страшные, мало существует людей, которые понимают происходящее, и лишь единицы чему-то при этом еще и учатся. Большевистские же вожди оказались хорошими учениками. И как великая русская литература «вышла из гоголевской “Шинели”», так и вся последующая политическая практика Страны Советов вышла из тех восьми февральских месяцев, когда первое демократическое правительство России с ужасающей (в прямом смысле) наглядностью показало, как не надо работать и куда ведут благие намерения при не критическом к ним подходе.

Часть 3

ФЕВРАЛЬ: УРОКИ И МЕТОДЫ

Как все большевики, он прошёл школу, которая оставила у него очень мало иллюзий.

Альберт Рис Вильямс. Путешествие в революцию

Не стоит обольщаться разговорами советских и прочих историков о «революции» и «реакции». Никаких «реакционеров» на политической сцене того времени просто не было — Февраль смел их, и они обочь драки молча наблюдали за происходящим, ожидая, чем же кончится эта вакханалия.

А ведь было их немало — «национал-патриотами» числили себя около 40% состава избранной в 1912 году IV Государственной Думы. Из 410 депутатов той Думы 170 человек принадлежали к правым партиям — националистам, национал-прогрессистам и пр. Неплохое представительство! И вся эта сила с первым дуновением семнадцатого года испарилась, словно ее и не было никогда. Кое-кто, вроде Шульгина, возник потом в эмиграции, но и там правили бал все те же деятели Февраля. В общем, стоит задуматься: а каких политических взглядов придерживались до революции те «специалисты», которые потом верой и правдой служили большевистской России?

Дальше, справа по центру, располагались около ста депутатов, принадлежавших к «Союзу 17 октября». Это была партия крупного капитала, которая выступала лояльной правительству и лишь на втором году войны перешла в оппозицию — и то по чисто тактическим причинам. Уж больно беспомощной выказывала себя существующая власть. Но изначально октябристы выступали за систему, сложившуюся в 1905 году: абсолютная монархия плюс Государственная Дума — не век же им грызться, в самом-то деле!

(Пример нынешней Думы показывает, что она может работать в согласии с властью — за что-то подобное и ратовали октябристы.) Лидерами партии были Родзянко и Гучков.

Слева по центру находились кадеты, которые, вместе с прогрессистами, насчитывали около ста депутатов, представлявших более мелкую либеральную буржуазию. Эти выступали за конституционную монархию, но, по большому счету, разница между ними и октябристами была примерно как у «Яблока» и СПС — чисто биографическая.

Левее кадетов стояла мелкая «трудовая группа», имевшая 10 депутатов и не примечательная ничем, кроме своего лидера — им был 37-летний адвокат А. Ф. Керенский. Кроме того, имелось в Думе еще несколько социалистических депутатов, но эти погоды не делали, лишь время от времени производили шум.

Практически все Временное правительство существовало в левой половине российского политического спектра. Первый, самый правый его состав, который в дальнейшем уже не повторится, располагался на отрезке от октябристов до трудовиков. Более левые партии в марте семнадцатого года угнездились в Совете.

Совершенно замечательным органом был тот, первый Совет. Большинство его членов *являлись* тем, кем члены Временного правительства *считались* — сторонниками демократии как идеи. Соответственно, там, где собирались две фракции этого органа, имелось три мнения и число поправок по количеству присутствующих. Объединить эту публику смог бы разве что военный штурм Таврического дворца, да и то ненадолго. Самыми крупными фракциями в Совете были эсеры и меньшевики.

Эсеры (социалисты-революционеры) — продолжатели дела прежних народников — изначально не любили прямых путей. Они называли себя «партией всех трудящихся», но основную работу вели в деревне. Разработали серьезную экономическую программу — а одним из главных методов борьбы считали индивидуальный террор. И несмотря на это, после революции 1905 года, когда по приказу Столыпина была арестована социал-демократическая фракция Думы, эсеров не тронули. Возможно, потому, что тогда они входили в состав приличной мелкобуржуазной «трудовой группы» и сумели как-то отмежеваться от собственных террористов. В 1906 году у них произошёл раскол, и думские эсеры могли говорить, что сторонники террора остались по ту стороны разделившей партию трещины, и они не в ответе за этих безумцев.

Раскололись они хорошо и основательно. Правое крыло эсеровской партии выступило против террора и аграрной программы одновременно, перейдя на позиции кадетов. Левые потребовали немедленной национализации земли, фабрик и заводов, выбрали террор уже основным средством борьбы и назвались эсерами-максималистами. Середина продолжала делиться и дальше, по каждому политическому поводу, но следить за этим процессом безнадежно скучно.

Точно так же на множество групп и группочек раскололись и меньшевики. На их правом фланге находился Плеханов, который в начале войны обратился с письмом к русским рабочим, объясняя, что эта война — оборонительная, на левом — Троцкий, бывший по взглядам уже скорее большевиком. В *своей* РСДРП меньшевики видели нечто вроде лейбористской партии — массовую парламентскую организацию рабочих. Согласно их теории, перед переходом к социализму страна должна пройти длительный путь буржуазного парламентаризма и индустриализации, и лишь после того, как она экономически и политически сравняется со странами Запада, можно говорить о социализме. Молчаливо предполагалось, что все это время социалисты будут выполнять роль посредника между рабочим классом и буржуазией. Весьма удобная позиция, надо сказать... и весьма популярная. Так делали все приличные социал-демократические партии во всех приличных странах. Как это выглядело на практике, проиллюстрировал секретарь комиссара Румынского фронта. Впрочем, они того и хотели...

Войдя в правительство, меньшевики и эсеры попытались, в соответствии со своими принципами, «помирить» его с массами, установив нечто вроде «социального

партнерства». Это привело к тому, что социалисты стали отклоняться вправо, все ближе смыкаясь с кадетами в одно правящее ядро. Массы они пытались тянуть за собой, однако те имели свой интерес в революции и дрейфовали влево, отчего буксирный трос между советской верхушкой и советскими массами все больше натягивался. А слева за происходящим внимательно и с интересом наблюдали неохваченные участием в управлении самые левые — большевики и анархисты.

Интересные ребята эти самые анархисты. Джон Рид, например, в своей эпохальной книге «Десять дней, которые потрясли мир», сумел попросту их не заметить. А все потому, что он, как нормальный американец, оперировал политическими *партиями* — а в российской реальности действовали не партии, а *силы*. Анархисты партии не имели — при необходимости как-то разобраться между собой они оформлялись в плохо очерченные группы и союзы — а вот силу представляли немалую, причем силу абсолютно неуправляемую, зато горячо откликавшуюся на любую возможность побужить. Тусовка, одним словом. Вот только эта тусовка пользовалась большой популярностью среди одуревших от сидения на своих кораблях кронштадтских матросов, что придавало ситуации весьма своеобразный привкус острого перца.

Левее анархистов была уже стенка. А нишу между ними и приличными «легальными» социалистами заполняли большевики — мелкая социалистическая группа с огромными амбициями. Прочие социалисты над ними смеялись — как выяснилось впоследствии, зря...

Глава 8

ENFANT TERRIBLE РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

—Что же, большевики — это те, которые большинство имеют?

—Нет, они больше требований предъявляют.

Дмитрий Оськин. Записки прапорщика

Дословно это выражение переводится как «ужасный ребенок», или, если по-русски, «ну что поделаешь — такой уж он уродился». Остальные члены семьи смотрят на окружающих с легким смущением по поводу выходов «ужасного» отпрыска — но вообще-то все к нему уже привыкли и воспринимают как неизбежное зло.

Именно таким enfant terrible была в многочисленном семействе российских левых партия большевиков. С самого начала, с момента раскола, они вели себя неприлично. Считали, к примеру, что для России марксовы законы не писаны, что долгий буржуазный путь индустриализации можно и миновать, сразу перейдя к строительству социализма. Это были, конечно, только теории из породы воздушных замков, но ведь они отражались и на практике: большевики строили *свою* РСДРП не как парламентскую партию, а как конспиративную боевую организацию. Все это можно было бы понять, если б они баловались террором — кто без греха? Но террором они практически не занимались, и тогда зачем вся эта конспирация? Они что — всерьез готовятся к захвату власти? Это даже и не смешно...

Естественно, ни о каком реальном захвате власти большевики до весны (а может статья, и до осени!) семнадцатого года и не думали. Причина была совсем иной, куда более прозаической — структура организации объяснялась потребностями повседневной работы. Которой, кстати, большевики причиняли своим более правым тезкам [Название у обеих партий было одно и то же: Российская социал-демократическая рабочая партия, лишь в конце в скобках прибавлялась буква (м) или (б).] массу неприятностей. Меньшевики видели себя в качестве парламентской партии и предпочитали легальные

формы деятельности, не влияющие на производство — в крайнем случае, если возникнет уж очень острый конфликт, можно провести небольшую забастовку. В 1917 году в составе третьего коалиционного правительства министром труда стал меньшевик К. А. Гвоздев — он был вообще против стачек как таковых, считая, что те обессиливают рабочий класс и дезорганизуют страну. Коль скоро партия выдвинула его на такой пост, стало быть, он выражал общее мнение.

Большевики же со стачек *начинали*, а потом, если удастся, переходили к захватам предприятий, баррикадам и уличным боям. Они, конечно, чаще всего проигрывали, и в итоге доставалось всем эсдекам, без различия ориентации [Впрочем, меньшевики тоже бывали разные. Например, в 1905 году в Закавказье большевик Сталин в Тифлисе и меньшевик Вышинский в Баку занимались одним и тем же делом — организацией боевых дружин.].

Когда началась война, меньшевики большей частью выступали за участие в ней, некоторые были, в общем-то, против, но весьма ненавязчиво против. А Ленин выдвинул тезис перехода империалистической войны в гражданскую, от которого содрогнулись все. Это также была теория, но, в отличие от построения социализма, она-то являлось вполне реализуемой.

Если бы партия большевиков ограничивалась сидящими в Цюрихе деятелями разговорного жанра — так и пусть себе строят любые теории. Но внутри нее имелось некоторое количество очень *конкретных* товарищей, которые еще в 1905 году баловались боевыми дружинами и в легальной политической говорильне не видели себя вообще никак, зато отлично умели работать с массами. Кстат, одним из таких товарищей был прошедший путь от пропагандиста в рабочем кружке до члена Русского бюро ЦК человек трудноуловимых взглядов, зато вполне ощутимых дел, ставший чуть позже известным всему миру под одним из своих партийных прозвищ — Сталин. С самого начала своей революционной биографии он редко появлялся на митингах, предпочитая конкретные дела, вперемешку с *чисто конкретными*. Легальной политической деятельностью он не занимался в своей жизни никогда. Что дало повод впоследствии многим из проигравших нарочито удивляться: как же так, абсолютно незаметная личность, «серое пятно» [Именно так назвал Сталина меньшевик Суханов, характеризуя его деятельность в Совете летом 1917 года.] — и вдруг выдвинулся в лидеры огромной страны. Во ингриган-то, а!

Теория и практика «грезофарса»

«Ошибка Патриарха была в другом, вечная роковая ошибка политических деятелей... Как это ни прискорбно, но Порфирий недооценил идиотизм народных масс. Народные массы пошли за Африканом...»

Евгений Лукин. Алая аура протопарторга

...Февральскую революцию большевики попросту проспали. Ленин, пребывавший в то время в Цюрихе, еще в январе 1917 года говорил: «Мы, старики, может быть, не доживем до решающих битв этой грядущей революции».

В Петрограде всем ведали три молодых члена «Русского бюро» ЦК (основное ядро Центрального Комитета традиционно сидело в эмиграции): Молотов, Шляпников и Залуцкий. Молотов вспоминал: когда на улицах началась стрельба, они принялись выяснять, что, собственно, происходит. Пришли к Горькому.

«Стоим с Залуцким в прихожей у Горького. Он вышел — вот тут я его впервые и увидел.

Мы: “Что у вас слышно? Не был ли у вас Шляпников?”

Он: *“Сейчас уже заседает Петроградский совет рабочих депутатов”, — говорит, окая.*

“А где заседает?”

“В Таврическом дворце. Шляпников может быть сейчас там. Приходил ко мне и ушел” [Интересно, потом, лет пятнадцать спустя, вспоминал ли Горький, как принимал Молотова в передней?].

Ну, мы пришли в Таврический, вызвали Керенского, он был председателем Совета — представились ему: “Мы от ЦК большевиков, хотим участвовать в заседании”. Он провел нас в президиум...

27 февраля Керенский ввел меня в Петроградский совет, когда он только создавался. Там большевиков было мало-мало» [Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М. 1991. С. 154.].

...Когда столь внезапно грянула революция, Ленин и остальные видные большевики стали искать возможности добраться до России. Швейцария находилась в окружении воюющих государств, так что это было непросто. Англичане и французы, кровно заинтересованные в продолжении войны, всячески препятствовали возвращению большевиков-эмигрантов. Само собой, пополнения подведомственного болота новыми чертями не хотело и российское правительство. Помогли, как ни странно, немцы — после небольших дипломатических усилий со стороны русских эмигрантов они стали пропускать в Россию всех политических деятелей, без различия взглядов. «Как ни странно» — это просто такой оборот речи, на самом деле ничего странного здесь нет, у немцев был железный резон: любой из политических эмигрантов станет мутить воду и тем самым облегчит положение Германии.

3 апреля Ленин приехал в Петроград. В то время видные деятели Совета считали обязательным встречать каждого приезжающего политика — вот и Ленина встретил на Финляндском вокзале собственной персоной председатель ЦИК Чхеидзе. В качестве приветствия он прочитал «ужасному ребенку» целую нотацию: от имени Совета он рад приветствовать Ленина в России, но *«мы полагаем, что главной задачей революционной демократии является сейчас защита нашей революции от посягательств как изнутри, так и извне. Мы полагаем, что для этой цели необходимо не разъединение, а сплочение рядов всей демократии. Мы надеемся, что вы вместе с нами будете преследовать эти цели...»* и т. д., и т. п.

Ленин на протяжении речи Чхеидзе разглядывал потолок, стены, окружающих, потом повернулся к «своим» встречающим и ответил следующее:

«Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победившую русскую революцию... Грабительская империалистская война есть начало войны гражданской во всей Европе... народы обратят оружие против своих эксплуататоров — капиталистов...» И далее в том же духе.

Интеллигент Чхеидзе понял все правильно — впрочем, неправильно понять Ильича было затруднительно. И потом, его достаточно хорошо знали.

В тот же день, 3 апреля, английское посольство сообщило в российское Министерство иностранных дел: *«Ленин — хороший организатор и крайне опасный человек и, весьма вероятно, он будет иметь многочисленных последователей в Петрограде»* [Интересно, а почему английское посольство сообщает эти сведения в русский МИД, а не наоборот?]. Эта оценка многое объясняет в дальнейших событиях, учитывая степень влияния англичан на русские дела.

Уже на следующий день на совещании большевиков — членов всероссийской конференции Советов Ленин выступил со знаменитыми апрельскими тезисами [Приведены в приложении.].

Пунктом первым там шел самый главный на то время вопрос — о войне. Единственным реальным выходом из войны для России был сепаратный мир, который большевики, придя к власти, тут же бестрепетно заключили. Однако говорить о

сепаратном мире, только что проехав через Германию, было, мягко говоря, неразумно. Поэтому Ленин делает хитрый финт, заявляя, что заключить войну истинно демократическим миром нельзя без свержения власти капитала. А раз власть капитала не свергнута, так не о чем и разговаривать. Будем работать в этом направлении, пропагандируя такие взгляды, в том числе и в действующей армии. Ну, заодно и братание организуем. Оцените виртуознейшее иезуитство Ильича: призывая к братанию, он недвусмысленно показывал, что большевики за немедленный мир — и в то же время германским шпионом не объявишь, ибо мера эта равно вредоносна для обеих армий.

Далее по тезисам: никакой поддержки Временному правительству, переход власти к Советам — снизу доверху и по всей России. Конфискация всех помещичьих земель, национализация всех земель в стране, слияние всех банков в один общенациональный банк, контроль за производством и распределением — ну и ещё по мелочам, вроде перемены названия партии с социал-демократической на коммунистическую.

Напутствие Чхеидзе ушло в пустоту — «ужасный ребенок» был в своём репертуаре.

На следующий день, 5 апреля, состоялось совещание представителей социал-демократических партий, где эти тезисы бурно обсуждались. «Ленин призывает к гражданской войне», — говорили меньшевики. Ну, если строго подходить к делу, не к самой войне, а к действиям, за которыми война неминуемо последует (как оно в реальности и получилось), — но в целом верно сказано. Ещё точнее выразился Плеханов, назвав ленинские тезисы «грезофарсом» — бредом сумасшедшего. Действительно, нормальной эта политическая программа кажется, когда знаешь, что будет потом — ну а если не знать? Кто в 1984 году отнесся бы всерьез к возможности распада СССР и восстановления капитализма?

Обиженный Чхеидзе заявил категорично: «Вне революции останется один Ленин, а мы все пойдем своим путем». Большевики в ответ фыркнули — нашёл, мол, чем пугать — и пошли своим.

* * *

«Ужасный ребенок» чем дальше, тем больше вёл себя *не по понятиям*. Начать хотя бы со знаменитого лозунга «Вся власть Советам!» Советы в то время были эсеро-меньшевистскими. Братья-социалисты сумели достаточно уютно устроиться в новой демократической России. В результате апрельского правительственного кризиса они вошли в правительство, по какому поводу видный эсер Гоц сказал красиво: «Не в плен к буржуазии идут они, а занимать новую позицию выдвинутых вперед окопов революции». А на деле-то вышла подстава: на социалистов спихнули самые непопулярные министерства — земледелия, труда, продовольствия, военное и морское. Сделать на этих постах министры ничего не могли, по причине тотального развала всего и вся, поэтому они естественным образом стали называть причиной всех неудач невозможность вести собственную политику. И в итоге получилось, что господа социалисты заняли то самое место посредника, на которое и хотели попасть: всех уговаривать и ничего не делать.

И точно то же самое положение было у их Советов — представительство без ответственности, посредничество между правительством и массами и все те же бесконечные разговоры. Естественно, ленинский лозунг о власти, а стало быть, и о неразрывно связанной с ней ответственности, был этим товарищам совершенно не в тему, как разговор о технике секса на интеллигентской свадьбе. И вообще, господа, у нас все здесь временное — надо подождать конца войны, созвать Учредительное Собрание, а там решим, что и как...

Ещё более неприлично повёл себя Ленин на первом съезде Советов. Открывшийся 3 июня съезд был насквозь социалистическим. Из 822 делегатов с решающим голосом 285 мандатов имели эсеры, 248 — меньшевики, 105 — большевики, остальные — разные мелкие организации. Речи там велись соответственные. И вот когда видный меньшевик Церетели, давая очередную характеристику положения дел, вещал с трибуны: «В настоящий момент в России нет политической партии, которая говорила бы: дайте в наши руки власть, уйдите, мы займем ваше место», — Ленин и выкрикнул из зала свое знаменитое: *«Есть такая партия!»*

Его заявление встретили смехом — но смутить Ильича было задачей непосильной. Он вышел на трибуну, заявив: *«Окажите доверие нам, и мы вам дадим нашу программу. Наша конференция 29 апреля эту программу дала. К сожалению, с ней не считаются и ею не руководствуются. Видимо, требуется популярно выяснить её».* И ничтоже сумняшеся стал излагать свои *«апрельские тезисы».*

Смех смехом, и выходка вроде бы ребяческая, да — но реклама-то была что надо!

В общем, большевики не распыляли идеологию, а били в одну точку и неуклонно завоевывали сторонников в той среде, которой побаивались и за которую боролись все тогдашние политические силы: среди рабочих и солдат. К середине июня эта политика принесла первые ощутимые плоды. На смех делегатов съезда Ленин смог ответить демонстрацией силы.

* * *

Правительство, по-прежнему верное «союзническому долгу», назначило на 10 июня наступление на фронте. Военная организация партии большевиков предложила отметить этот день массовой демонстрацией под лозунгами отказа от наступления и передачи всей власти Советам. Однако 9 июня социалистическое большинство съезда вынесло решение: в течение трех дней не проводить никаких демонстраций. Учитывая, что к тому времени правительство перенесло срок наступления, это решение иначе как нарочито антибольшевистским не назовешь: по поводу или без повода, но выступить мы вам все равно не дадим — знайте свое место! Если же большевики не подчинятся, им грозили «оргвыводами» вплоть до изгнания из Советов.

Провокационный смысл решения прочитывался легко: принято оно было в 12 часов ночи накануне демонстрации, попробуй-ка останови за несколько часов такую машину! Естественно, большевики не справятся, на следующий день в любом случае состоится выступление, не организованное, так стихийное, последствия которого можно будет свалить на них (точно так, как это было проделано тремя неделями позднее). Однако большевики справились. Социалистам бы задуматься над этим фактом, а они потеряли бдительность и сделали неверный шаг.

Итак, 10 июня наступление не состоялось — военный министр Керенский отсрочил его, рассчитывая подкрепить резолюцией съезда Советов, одобряющей продолжение войны. Продавить такую резолюцию ему удалось, и наступление было назначено на 18 июня. Теперь уже сам съезд решил провести в этот день демонстрацию — от себя и в свою собственную поддержку. Отчасти это было еще и вызовом большевикам. Идеалисты из ЦИК объявили свободу лозунгов, молчаливо предполагая, что участники демонстрации в поддержку съезда поддержат и его решения.

Большевики могли гордо отказаться от участия в данном мероприятии — возможно, на то и был расчёт. Братья-социалисты уж точно бы отказались, подчеркнув тем самым свое поражение и противопоставив себя съезду [Впоследствии Ленин довольно цинично сыграл на этом их качестве — демонстративных уходах и неучастии в тех действиях, которые им не нравились.]. Но большевики поступили по-другому: они

расценили ситуацию исключительно как вызов и этот вызов приняли. Демонстрация получилась отменной — только совсем не того, что хотели продемонстрировать господа социалисты. На улицу вышли около 400 тысяч человек. В воспоминаниях видного меньшевика Суханова есть описание этого шествия:

«На Марсовом поле не было сплошной, запружавшей его толпы. Но навстречу мне двигались густые колонны.

—Большевистская! — подумал я, взглянув на лозунги знамен.

...Ни о каких эксцессах, беспорядках и замешательствах не было слышно. Оружия у манифестантов видно не было. Колонны шли быстро и густо. О “неудаче” не могло быть речи. Но было некоторое своеобразие этой манифестации. Не было заметно ни энтузиазма, ни праздничного ликования, ни политического гнева. Массы позвали, и они пошли. Пошли все — сделать требуемое дело и вернуться обратно... На всей манифестации был деловой налет. Но манифестация была грандиозна... В ней по-прежнему участвовал весь рабочий и солдатский Петербург.

Но каковы же лозунги, какова политическая физиономия манифестации? Что лее представляет собою этот отразившийся в ней рабоче-солдатский Петербург?

—Опять большевики, — отмечал я, смотря на лозунги, — и там, за этой колонной идет тоже большевистская... Как будто... и следующая тоже, — считал я дальше, глядя вглядываясь в двигавшиеся на меня знамена и в бесконечные ряды, уходящие к Михайловскому замку, в глубь Садовой.

“Вся власть Советам!”, “Долой десять министров-капиталистов!”, “Мир хижинам, война дворцам!”... Так твёрдо и увесисто выражал свою волю авангард российской и мировой революции, рабоче-крестьянский Петербург... Положение было вполне ясно и недвусмысленно... Кое-где цепь большевистских знамен и колонн прерывалась специфическими эсэровскими и официальными советскими лозунгами. Но они тонули в массе; они казались исключениями, нарочито подтверждающими достоверность правила.

Я вспоминал вчерашний задор слепца-Церетели. Вот оно, состязание на открытой арене! Вот он, честный смотр сил на легальной почве, на общесоветской манифестации!..

Подходил отряд с огромным тяжёлым стягом, расшитым золотом: “Центральный Комитет Росс. Соц.-Дем. Раб. Партии (большевиков)”. Предводитель потребовал, чтобы, не в пример прочим, отряду было позволено остановиться и подойти к самым могилам. Кто-то, исполнявший обязанности церемониймейстера, пытался вступить в пререкания, но тут же уступил. Кто и что могло помешать победителям позволить себе этот пустяк, если они того захотели?..»

Демонстрация показала: пока социалисты предавались речам в Совете, конкретные люди из дворца Кшесинской [Во дворце балерины Кшесинской находилась штаб-квартира партии большевиков.] конкретно работали на заводах и в казармах. Ситуация становилась опасной и неуправляемой «сверху». В правительстве (или же в английском посольстве?) это поняли быстро и приняли решение: мочить. Срочно нужен был повод. Самым лучшим поводом могло стать вооруженное выступление, которое можно было бы подавить силой и под это дело начать наводить порядок. И тут очень кстати подсутились анархисты.

Фальстарт

Джет ошибался, как и все его соплеменники... принимая как данность то, что данностью не было.

Элеонора Раткевич. Джет из Джетевена

...Единства в большевистском руководстве, само собой, не было (а в какой партии оно есть?) Позиция Ленина располагалась примерно по центру. На правом фланге ему противостоял Каменев, который был против передачи власти Советам, а всего лишь за социалистический контроль над правительством — он вполне мог бы состоять и в партии меньшевиков (но при этом почему-то являлся авторитетным человеком среди анархистов — вот и пойми тогдашние расклады!). Впрочем, Каменев — это еще полбеды, а вот на левом фланге была кругом беда — там обитали не желавшие ждать ни минуты сторонники немедленного выступления.

Во-первых, к числу большевистских бед относилась так называемая Военная организация, или «Военка», занимавшаяся работой в войсках и выполнявшая роль «ужасного ребенка» уже внутри самой большевистской партии. Возглавляли ее товарищ Подвойский (весьма специфический человек, ветеран уличных боев 1905 года) и товарищ Невский — люди чрезвычайно независимые и радикальные.

Отдельная беда обитала на Выборгской стороне. Там правил бал литовец Мартин Лацис, который при любом телодвижении ЦК сразу призывал брать вокзалы, банки, почту и телеграф. Товарищу Лацису было в то время двадцать девять лет — самый деятельный возраст плюс воспоминания о революционной юности в отряде латышских боевиков. Этот милый молодой человек и его товарищи по борьбе тесно смыкались и переплетались с анархистами, с которыми у них было больше общего, чем с собственным ЦК, да и обитали они рядышком.

На той самой Выборгской стороне, где заправлял товарищ Лацис, на набережной, находилась некая «дача», принадлежавшая бывшему члену Государственного совета, генерал-адъютанту Дурново. После революции этот солидный дом с колоннами реквизировали анархисты. А поскольку дача оказалась большой, к «братишкам» стали подтягиваться и другие родственные организации. Список квартирантов к моменту событий впечатлял: там размещались правление профсоюзов Выборгского района, профсоюз булочников, комиссариат рабочей милиции 2-го Выборгского подрайона (так тогда называли Красную гвардию), Совет Петроградской народной милиции (так тоже называли Красную гвардию), рабочий клуб «Просвет», Петроградская федерация анархистов-коммунистов и организация эсеров-максималистов. Ну, а где обитает Красная гвардия, там, естественно, всегда полно и большевиков. Само место также было замечательное: рядом находились Металлический завод, заводы «Промет», «Феникс», «Арсенал», тюрьма «Кресты» и казармы 1-го пулеметного полка. Естественно, рабочие и солдаты свели с публикой, обитавшей на даче, самое тесное знакомство.

О даче Дурново в городе ходили очень с-с-страшные слухи. О том, что братишки там проводят оргии, совершают убийства, что внутри все разгромлено, в каждой комнате склады оружия, а в подвале и вовсе бомбы. От анархистов все время ждали чего-то экстремального — ну разве ж могли они обмануть доверие публики? Тем более что говорильное течение революции им давно надоело.

Открытие Съезда Советов братишки отметили по-своему. 5 июня отряд анархистов в 50 человек захватил типографию монархической газеты «Русская воля». Не то чтобы кому-то в Питере было очень жаль этой газеты, но ведь беспорядок! Полицию давно упразднили, но кое-какие войска в распоряжении правительства еще имелись. В типографию послали вооруженный отряд, налетчиков захватили и доставили на съезд, который, не зная, что с ними делать, после долгого базара почти всех отпустил.

Правительство обиделось: что за безобразие, в самом деле? 7 июня министр внутренних дел Переверзев приказал разгромить штаб анархистов. Посланные на дачу Дурново войска обнаружили там кучу прочих организаций, с которыми было неразумно ссориться. Кроме того, мгновенно в знак протеста забастовала Выборгская сторона. Переверзев плюнул и отступился. Окрыленные победой, 9 июня анархисты созвали

конференцию, создали «Временный революционный комитет» и начали готовиться к настоящему активным действиям.

Сначала они не хотели участвовать в демонстрации 18 июня, но потом все же пришли и вели себя на удивление смирно. Причина такого нетипичного поведения выяснилась чуть позже: пока одна часть организации демонстрировала черные знамена на Марсовом поле, другая устроила налет на тюрьму «Кресты», где сидели семеро их товарищей. Заодно под это дело сбежали ещё четыреста человек разного народа.

Тут уже Временное правительство окончательно вышло из себя. На дачу отправили казачью сотню и батальон пехоты с бронемашинной. Возглавлял операцию сам Переверзев. Дачу все-таки взяли, анархистов частично переставляли, снова пополнив «Кресты», частично выгнали вон. Они, естественно, обиделись, и сильно. И тут подоспел очередной удобный момент.

* * *

В начале июля разразился правительственный кризис — не согласившись с политикой по отношению к почти уже независимой Украине, несколько министров-кадетов подали в отставку.

Анархисты решили: правительство рухнет, пора брать власть! 3 июля они вывели на улицу 1-й пулеметный полк, с солдатами которого их связывала старая дружба. Раздобыв на ближайшем заводе грузовики, пулеметчики погрузили на них свои «машинки», отрядили делегатов в другие полки и на заводы и пошли к Таврическому дворцу делать революцию. Представители же большевистской ячейки полка отправились по другому адресу — во дворец Кшесинской, требовать, чтобы Петроградский комитет партии поддержал выступление пулеметчиков.

В эти дни как раз проходила общегородская конференция РСДРП(б). На ее заседание и явились делегаты полка. Поддержки они не получили: незадолго до того, 22 июня, ЦК партии, Петроградский комитет и даже «Военка» высказались против вооруженного восстания — об этом решении и напомнили пулеметчикам. Гости рассердились и заявили, что если так, то они лучше выйдут из партии, но против своего полкового комитета [Полковой комитет являлся не партийным органом, а органом самоуправления.] не пойдут. А представители заводов и полков все подходили, и у всех одно на устах: товарищи, началось, ну чего же вы ждете?!

В общем, ЦК партии большевиков, собиравший своей головой все шишки, сбитые низовыми организациями, в очередной раз стал заложником собственных первичек. Но и те оказались в очень трудном положении. Некоторые их представители честно пытались выполнять постановление ЦК и Петроградского комитета и агитировать против выступления — но массы их *не понимали*. В прямом смысле — думали, что на митинги пробрались меньшевики. В полках и флотских экипажах правили бал солдатские комитеты, на заводах — фабзавкомы, и рядовые члены партии должны были выбирать, кому подчиняться: комитетам или своему ЦК (который, кстати, ратовал за передачу власти Советам, то есть органам самоуправления, каковыми являлись в числе прочих и комитеты). Отчаявшись решить данный вопрос умом, они «голосовали сердцем» — а сердце звало на баррикады. Это не говоря уже о товарище Лацисе с единомышленниками, которые постоянно возмущались: а какого черта мы призываем к революции и ничего не делаем?

Положение, в котором оказалась партия, очень точно сформулировал Раскольников, бывший заместителем председателя Кронштадтского совета: *«Вопрос стоит не так — выступить или не выступить, а в другой плоскости: будет ли проведено выступление под нашим руководством или оно разыграется без участия нашей партии — стихийно и неорганизованно?»* В первом случае большевики неминуемо подставлялись

под репрессии, во втором — теряли в массах тот авторитет, который они методично наработывали последние четыре месяца. В конце концов, они решили примкнуть к выступлению, постараться возглавить его и придать ему мирный характер, без попытки захвата власти.

Неизвестно, как бы повернулись события, если бы Ленин находился в Петрограде — однако вождь в то время как раз отдыхал в Финляндии и успел примчаться в Питер лишь четвертого числа, застав под окнами дворца Кшесинской бушующую толпу. Говорят, направляясь на балкон произносить речь, он проворчал: «Бить вас всех надо!» Но выхода не было и у него, тем более что решение-то уже принято! Лучше уж проиграть, пострадать за это и потом кричать о репрессиях, чем заслужить клеймо предателей и трусов. Поневоле приходилось держать марку.

Ленин поверг вооружённую толпу под окнами в шок, призывая её провести *мирную* демонстрацию, однако убедил — и те относительно спокойно двинулись к Таврическому дворцу. Но тут вмешалось еще одно неожиданное обстоятельство: оказалось, что по пути, на крышах и в окнах домов, засели стрелки, открывшие огонь по демонстрантам. Моряки кинулись их вылавливать и решили проблему стрельбы явочным порядком. Выступление стало вооружённым.

Ситуация сложилась совершенно безумная. Бушующая и отчасти уже стреляющая толпа требовала передать власть Советам — но Советы власти не хотели категорически, шарахались в сторону, как черт от ладана. Кому вручать скипетр, если выступление все же увенчается успехом? Слова «Есть такая партия!», которые Ленин прокричал на съезде, некоторым образом обязывали, тем более что большевики шли во главе выступления. Но брать власть не хотели и они [Впоследствии большевики утверждали, что не хотели брать власть, потому что считали это преждевременным. Но есть основания в этой мотивации сомневаться. Если бы не Ленин (персонально), то, несмотря на все громкие заверения, они, скорее всего, вообще не стали бы ее брать.]. И потом, если все же придется, то под взятую власть надо подкладывать какую-то легитимную основу — какую? Лозунг «Вся власть Советам», выдвинутый самими большевиками, говорил об этом ясно, но Советы... (см. начало абзаца).

Всё это заставляло большевистскую верхушку предпринимать еще большие усилия, чтобы поскорее успокоить народ, не допустив стихийного переворота — однако народ успокаиваться не желал, не для того бузу начинали. Правительство беспомощно разводило руками — сил подавить выступление у него не было, петроградский гарнизон заявлял о своем нейтралитете.

Ситуацию спасли ЦИК [ЦИК — Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов (крестьянские советы имели отдельный центральный орган).] и контрразведка. ЦИК от имени Советов обратился за помощью к частям Северного фронта, где во фронтовых комитетах сильны были позиции эсеров и меньшевиков. Комитеты поддержали советское начальство и стали формировать отряды для похода на Петроград, о чём, естественно, тут же узнали в столице.

Контрразведка, со своей стороны, довела до солдатских комитетов петроградского гарнизона некие «следственные материалы» о сотрудничестве Ленина с немцами. По правде сказать, материалчики были слабенькие, даже средний адвокат от них бы строчки на строчке не оставил — но ведь их не в суд отнесли, а предъявили общественности! Как тут не вспомнить гайдаровского большевика Баскакова: «Дурни вы, дурни! Большие, бородатые, а всякий вас вокруг пальца обвести может». Шокированный гарнизон проглотил наживку не жуя и заявил о поддержке Советов и Временного правительства.

ЦК РСДРП(б) воспользовался стечением неприятных обстоятельств, чтобы привести в чувство своих радикалов и свернуть выступление. Но как правительство, так и Советы помнили о демонстрации 18 июня и решили, что настал очень удобный момент

разобраться с большевиками — этими мерзавцами, которые смеют выступать против войны.

«Момент истины»

—...Повторяю... — процедил Павлик. — Для особо тупых... Бомбить нас американцы не будут... Они будут бомбить Лыцк... Но!.. Крылатая ракета, хотя и считается весьма высокоточным оружием, всё равно может случайно... Понимаете? Случайно!.. промахнуться и угодить не туда...

Остаётся лишь поражаться, насколько грамотно старший лейтенант Обрушин провёл инструктаж. Бомбардировка Лыцка началась раньше назначенного срока и именно с промаха.

Евгений Лукин. Алая аура протопарторга

...Расправа началась грозно, и даже с молниями. 5 июля отряд юнкеров разгромил типографию «Правды». 6 июля состоялся штурм особняка Кшесинской — правда, находившиеся там большевики успели укрыться в Петропавловской крепости, и лишь несколько человек задержались, вывозя архивы. Днем пала и крепость. А к вечеру по городу торжественным маршем прошли войска, прибывшие с фронта. На Дворцовой площади к ним обратился с речью министр земледелия, эсер Чернов: *«Я верю, что это ваш первый и последний такой приход... Мы надеемся и верим, что никто больше не посмеет действовать против воли большинства революционной демократии»*. (Вера его не оправдалась — следующими, кто пошел «против воли большинства революционной демократии», были сами эсеры.)

Начались аресты большевиков — впрочем, не скороспелой контрразведке Временного правительства было тягаться со старыми конспираторами, они исчезли, растворились на заводских окраинах. Тех, кто не хотел быть арестованным, могли взять лишь случайно, если уж очень не повезло. В расстройстве чувств похватали первых попавшихся людей. Арестовывали за то, что «похож на большевика», брали солдат и матросов, рабочих, имевших неосторожность появиться вне пределов рабочего гетто, могли схватить за необдуманное слово. Особенно усердствовала политизированная интеллигенция и офицеры, которые были злы на большевиков за развал армии (хотя к этому делу руку приложили все без исключения).

Относительно результативны были лишь аресты «засвеченных» лидеров июльского выступления, да и то многие из них сдавались сами — не терять же такую рекламу! Зарвавшееся правительство портило свою репутацию в глазах народа изо всех сил.

Вот пример: для того чтобы выцарапать из Кронштадта организаторов матросского бунта, городу пригрозили морской блокадой и бомбардировкой. Кронштадцы подчинились, но обиделись — придет день, Временному правительству припомнят и это. Двоих организаторов арестовали, а третий — большевик Рошаль — через несколько дней сдался сам, из чувства солидарности с товарищами. В смысле восстановления порядка толку от этих арестов не было никакого — смутьянов в Кронштадте оставалось больше чем достаточно. Изъятие нескольких большевистских лидеров лишь усилило позиции анархистов — от этого легче, что ли? Зато арестованные получили ореол пострадавших за правое дело, послуживший лучшей рекламой как им самим, так и партии, в которой они состояли.

Газеты словно с цепи сорвались. На большевиков попытались спихнуть всё — даже провал феноменально бездарного наступления на фронте.

«Известия» (ЦИК):

«Чего добились демонстранты 3 и 4 июля и их признанные официальные руководители — большевики? Они добились гибели четырехсот рабочих, солдат, матросов, женщин и детей... Они добились разгрома и ограбления ряда частных квартир, магазинов... Они добились ослабления нашего на фронтах... Они добились раскола, нарушения того единства революционных действий, в которых заключается вся мощь, вся сила революции... В дни 3-4 июля революции был нанесен страшный удар... И если это поражение не окажется гибельным для всего дела революции, в этом меньше всего виновата будет дезорганизаторская тактика большевиков».

«Воля народа» (правые эсеры):

«Большевики открыто идут против воли революционной демократии. Революционная демократия обладает достаточной силой, чтобы заставить всех подчиниться своей воле. Она должна это сделать... В наши горячие дни всякое промедление смерти подобно».

Совершенно замечательно высказался «отец русской социал-демократии» Плеханов: «Беспорядки на улицах столицы русского государства, очевидно, были составной частью плана, выработанного внешним врагом России в целях ее разгрома. Энергичное подавление этих беспорядков должно поэтому с своей стороны явиться составною частью плана русской национальной самозащиты». Статья заканчивалась словами: «Революция должна решительно, немедленно и беспощадно давить все то, что загоразживает ей дорогу».

Кто-нибудь понял, что он хотел сказать? Снова на память приходит известный анекдот про крестик и трусики. Либо лозунг правых о русской национальной самозащите, либо левая революция... А последние слова Плеханова большевики могли бы поместить и на свои транспаранты.

...В Петрограде «наводили порядок». Юнкера громили большевистские комитеты, заодно попадало и прочим партиям, в том числе меньшевикам и эсерам — военные плохо разбирались в оттенках политических смыслов. Большевики, привыкшие к подобному обращению, перенесли погромы легко, братья-социалисты несколько более нервно. Разгромили типографию «Труд», печатавшую большевистскую и профсоюзную литературу, а через несколько дней было совершено нападение на помещение союза рабочих-металлистов — это уже деяние совсем не по уму, какое разумное правительство ссорится со столь могущественными профсоюзами, какими были металлисты? На улицах толпы интеллигентного вида граждан избивали всякого, кто имел неосторожность быть одетым как рабочий, и призывали солдат к расправе с арестованными.

Неожиданно воспряли **настоящие** правые — и принялись по привычке спасать Россию, побивая «жидов». Иной раз общественная мысль выдавала совсем уж экстравагантные комбинации — так, на одном из уличных митингов звучали призывы громить жидов и буржуазию, поскольку именно они виновны в братоубийственной войне. Интересно, какова политическая ориентация антибуржуазно настроенных антисемитов, для которых немцы — братья?

Вдруг проснулся Временный комитет Думы. Теперь он шарахнулся вправо, снова высказавшись за создание сильного правительства, на сей раз без левых. Откуда возьмется это правительство, если лучшие силы, которыми располагала Дума, уже провалили государственное управление, благоразумно умалчивалось...

* * *

Между тем слабое правительство изо всех сил старалось быть сильным. Керенский, ставший министром-председателем, заявил в интервью агентству Ассошиэйтед Пресс: «Фундаментальная задача — защита страны от разрушения и

анархии. Мое правительство спасет Россию, и если мотивы разума, чести и совести окажутся недостаточными, оно добьется ее единства железом и кровью». Недоставало только соратников в черном, которые взлетели бы на ноги с криком «Зиг хайль!» Причина категоричности Александра Федоровича проста — премьер только что вернулся с фронта, где воочию созерцал тамошний бардак и выслушал много всякого о своем правительстве, а в довершение радостей в его вагон еще и попала бомба. Пребывая в расстройстве от этих неприятных обстоятельств, он заявил, что «не позволит никаких посягательств на завоеванную русскую революцию». А вот чего он не сказал — так это того, что еще 4 июля английское посольство передало министру иностранных дел Терещенко «советы» — что необходимо предпринять, дабы навести порядок в Петрограде. Это:

1. Восстановление смертной казни по всей России для всех подведомственных военным и морским законам.

2. Потребовать от солдат, принимавших участие в незаконной демонстрации, выдачи агитаторов для наказания.

3. Разоружение всех рабочих в Петрограде.

4. Организацию военной цензуры с правом конфисковать газеты, возбуждающие войска или население к нарушению порядка или военной дисциплины.

5. Организацию в Петрограде и других больших городах «милиции» под командой раненых офицеров, из солдат, раненных на фронте, выбирая предпочтительно людей в возрасте 40 лет и больше.

6. Разоружение и превращение в рабочие батальоны всех полков в Петрограде и уезде, если они не признают всех вышеуказанных условий [История гражданской войны. Т. 1. С. 284.].

Эти условия были, в общем, выполнены — хотя и не до конца. Полностью последовать рекомендациям англичан правительство не решилось. Смертную казнь, например, ввели только на фронте, в тылу не посмели, и правильно — иначе в столице уже в июле можно было получить полновесный мятеж гарнизона. А так полки, расквартированные в Петрограде, пока что усиленно демонстрировали лояльность — на фронт никому не хотелось.

Порядок на фронте наводили традиционными методами. Командирам дали право открывать огонь, если какая-нибудь часть оставит поле боя без приказа (это не осень сорок первого, прошу не путать, это лето семнадцатого года!) Запретили также большевистские газеты и проведение политических митингов — но это все мелочи, а вот что действительно важно, так это введение «военно-революционных» (т. е. военно-полевых) судов с правом вынесения смертных приговоров. Дезертирство после неудачного наступления стало кое-где повальным, и на фронте начали реально расстреливать. В ответ солдаты отшатнулись влево, где их уже ждали большевики.

Но вернемся в Петроград. Уже в ночь с 6 на 7 июля правительство приняло решение: «*Всех участвовавших в организации и руководстве вооруженным выступлением против государственной власти, установленной народом, а также всех призывавших и подстрекавших к нему арестовать и привлечь к судебной ответственности как виновных в измене родине и предательстве революции*». Одновременно было принято и другое весьма пикантное постановление — не иначе, с него впоследствии списали статью 58-10 советского Уголовного Кодекса.

«1) Виновный в публичном призыве к убийству, разбою, грабежу, погромам и другим тяжким преступлениям, а также к насилию над какой-либо частью населения наказывается заключением в исправительном доме не свыше трех лет или заключением в крепости на срок не свыше трех лет; 2) Виновный в публичном призыве к неисполнению законных распоряжений власти наказывается заключением в крепости на срок не свыше трех лет или заключением в тюрьме; 3) Виновный в призыве во время войны офицеров, солдат и прочих воинских чинов к неисполнению действующих при новом демократическом строе армии законов и согласных с ними распоряжений военной власти

наказывается как за государственную измену» [Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года в Петрограде. Опубликовано в Интернете. Глава 2.]

Как видим, большевики и тут не придумали ничего нового. Единственное их отличие от Временного правительства: будучи сильной властью, они сумели провести эти меры в жизнь, за что и были заклеены позором.

Впрочем, правительство вело себя так, как и должно было. А вот как отреагируют Советы? Постановления правительства находились в полном противоречии с его же собственной декларацией от марта 1917 года, более того, оно само пришло к власти в результате точно таких же событий, как и те, которые сейчас осуждало.

Это был момент истины: проглотят ли правительственные меры «народные представители»?

Проглотили, и даже не жуя! В ночь с 9 на 10 июля, получив сведения о катастрофическом провале наступления на фронте, исполкомы всех Советов (рабочих, солдатских и крестьянских) собрались на совместное заседание, чтобы ответить на извечный русский вопрос: «Что делать?» Посовещавшись, решили провозгласить Временное правительство «правительством спасения революции» и дать ему полномочия для наведения порядка, в первую очередь в армии. В прокламации ЦИК по этому поводу говорилось: *«Пусть правительство суровой рукой подавляет все вспышки анархии и все покушения на завоевания революции. И пусть проведет в жизнь все те меры, которые необходимы для революции»*. Как видим, и «борьбу с контрреволюцией» с помощью полиции и армии придумали отнюдь не большевики.

Вся эта история стала «моментом истины» для обеих властей. События 4 июля *на самом деле* были стихийными, и как Советы, так и правительство прекрасно об этом знали. Знали и то, что большевики сыграли нейтрализующую роль, возглавив выступление и удержав его хотя бы в каких-то благопристойных рамках. Репрессии были откровенной расправой с успешным политическим конкурентом. И когда большевики впоследствии, уже придя к власти, делали нечто подобное (кстати, с куда большим основанием), их клеймили позором как предателей социал-демократии. Ну, стало быть, предателями были и социалисты, нечего тут двойную мораль разводить...

Но предали они и Временное правительство, которому присягали на верность. Едва присвоив ему титул «правительства спасения революции» и выдав «карт бланш» на наведение порядка, господа социалисты тут же попытались этот процесс затормозить, потребовав соблюдения в репрессиях принципа личной ответственности. Мол, сажать можно только отдельных деятелей, замешанных в событиях, а всю большевистскую партию — ни-ни... Посечь «ужасного ребёнка», конечно, надо, но в исправительное заведение запирать не следует. Не кто иной, как эсдеки подвергли министра Переверзева жестокой критике за то, что он распорядился обнародовать компромат на Ленина без санкции кабинета, и в итоге вынудили его уйти в отставку — а ведь он тем самым переломил настроение гарнизона и всех спас!

Стоит ли удивляться, что любимым эпитетом у большевиков для обозначения социал-демократов было «социал-предатели»?

Именно в июльских событиях кроется дальнейшая активная нелюбовь большевиков к бывшим братьям по революции. Эту нелюбовь ставят в вину почему-то исключительно Сталину (Некоторые пишущие господа, начиная с незабвенного Эрнста Генри, договорились даже до того, что, запретив немецким коммунистам выступать вместе с социал-демократами, Сталин привел Гитлера к власти.) Но, во-первых, отсутствие любви было обоюдным. А во-вторых, если рассмотреть поведение социал-демократов летом 1917 года, сразу становится понятным, почему большевики их так неласково называли. И «вождь народов» хорошо помнил уроки того лета.

Но если бы это было все — так о чём и речь!

В данной июльской истории меня заинтересовал один маленький вопросик: откуда, спрашивается, взялись 4 июля стрелки на крышах? И вообще как-то уж очень хорошо все сошлось: сначала откровенно провокационные действия министерства внутренних дел по отношению к анархистам (а заодно и всей теплой компании, что собралась на даче Дурново). Потом очень своевременная провокация с «немецкими» связями Ленина. Впрочем, это могло совпасть, быть обусловлено ходом событий. Но стрелки, стрелки-то откуда?

Как за борьбой с анархистами, так и за историей с «немецкими связями» маячат одни и те же фигуры — министра внутренних дел г-на Переверзева и Керенского, который в июне 1917 года был военным министром, а в июле стал председателем правительства. Контрразведка не могла дать ход следственным материалам без разрешения Переверзева, и совершенно не верится, что тот пошел на эту меру без санкции вышестоящего начальства, то есть Керенского.

Но есть и еще более любопытные моменты. Рассмотрим повнимательнее историю с «немецкими деньгами».

Нет, я вовсе не хочу утверждать, что Ленин не брал деньги у немцев. Он взял бы их хоть у чёрта — почему не брать, раз дают? Другое дело, что Ильич не собирался ничем поступаться — но у немцев были основания финансировать большевиков и без каких-либо условий, просто ради претензии?

Речь-то ведь шла совсем о другом. Во-первых, вопросы финансирования в повседневной политической жизни являются в известной степени табуированными, и ясно почему — если начать разбираться, кто кому дает деньги, стронется такая грязевая лавина, что погребет под собой всех. Социалисты Переверзев и Керенский, нарушив это табу, поступили не просто не по понятиям, а откровенно похабно. Но главное не в этом, а в самом механизме провокации.

Строилась она так: в апреле в генштаб обратился некий прапорщик Ермоленко, который заявил, что завербован немецкой разведкой. На допросе он показал, что Ленин-де также немецкий агент. Ввиду «особой важности» информации троим членам кабинета министров — Керенскому, Некрасову и Терещенко [Военный министр, министры путей сообщения и финансов.] — поручили курировать расследование. Основное следствие вела контрразведка Петроградского военного округа — кстати, под это дело она установила слежку за большевистскими руководителями, прослушивала их телефонные переговоры. Что уж там она сумела найти — Бог весть, к июлю следствие закончено не было, но какие-то материалы имелись.

Вечером 4 июля представители нескольких полков гарнизона были вызваны в контрразведку. Им представили «дело Ленина», которое, как уже говорилось, шокировало неискушенных солдатиков и привело к тому, что части гарнизона заявили о лояльности правительству. Но и это еще не все. Решив развить достигнутый успех, контрразведчики через двоих «возмущенных граждан» — бывшего представителя большевистской фракции в Думе Алексинского и эсера Панкратова, решили передать часть материалов в печать.

Всё бы ничего, если бы «дело Ленина» не совпадало в базовых пунктах с другим делом, несколько более ранним — полковника Мясоедова. И там тоже был «завербованный немцами» поручик, который обладал бездной не полагающейся ему по штату информации. Там тоже была шумная газетная кампания. Два раза суд оправдывал полковника, настолько липовым было обвинение, и лишь на третий раз, когда на судей уже конкретно надавили, Мясоедова всё же приговорили к смертной казни. Приговор продавливал персонально великий князь Николай Николаевич... ну, это не слишком интересно, а знаете, кто составлял обвинительный акт по этому насквозь фальшивому делу? Гучков — тот самый, который был военным министром в конце апреля (когда

прапорщик Ермоленко явился в генеральный штаб с разоблачением Ленина), сторонник выполнения союзнических обязательств во что бы то ни стало и председатель Военно-промышленного комитета. А сменил его на министерском посту Керенский, курировавший расследование по поручению кабинета, а также руководивший контрразведкой как военный министр. Правда, интересно? Оба дела были сляпаны по одному шаблону — а в Петрограде оставалось слишком много людей, помнивших, при каких обстоятельствах был повешен полковник Мясоедов.

И когда «дело Ленина» передали в печать — вот тут проняло уже и кабинет министров. Князь Львов лично обзванивал газеты и убеждал их снять материалы с обвинениями. Со своей стороны то же самое делал Чхеидзе. Публикации удалось перехватить — выступила только откровенно желтая газетка «Живое слово», — но вот слухи, которые пошли из полков, остановить было уже нельзя. Вскоре материалы «Живого слова» вышли на листовках, и газеты принялись их бурно обсуждать. В итоге Переверзев вылетел в отставку — но дело уже было сделано.

И вот если свести всё это вместе — откровенно провокационное поведение министра внутренних дел, историю с «немецкими деньгами», провал заведомо обреченного наступления и стрелков на крышах, — то мы получаем уже не стихийное выступление анархистов, а историю, очень похожую на провокацию. Заставить противника преждевременно выступить и разбить его, заодно скомпрометировав. Тем более что стояли за этим делом Гучков и Керенский. Первого злые языки постоянно обвиняли в слишком тесных связях с англичанами — куда более тесных, чем позволено русскому министру, а второй вообще самая смутная фигура февральских месяцев, и если заняться поисками английского агента в российских верхах, то лучшей кандидатуры не найдёшь.

Неужели кто-то думает, что большевикам эти соображения не пришли в голову — если не сразу, то хотя бы постфактум? Конечно, пришли. На VI съезде Сталин открыто обвинил правительство: *«Ходят слухи, что у нас началась полоса провокаций в широком масштабе. Делегаты с фронта считают, что и наступление, и отступление, словом, все, что произошло на фронте, подготовлено для того, чтобы обесчестить революцию и свалить Советы. Я не знаю, верны эти слухи или нет, но замечательно, что 2 июля из правительства ушли кадеты, 3-го начинаются июльские события, а 4-го получают известия о прорыве фронта. Удивительное совпадение!»*

А ведь и правда: надо же, чтобы столько событий и так друг с другом срослись!

Практика «творческого марксизма»

Тише, Танечка, не плачь —

Не утонет в речке мяч!

Агния Барто

Впрочем, правительство провалило и репрессии, как проваливало все, к чему прикасалось. Ясно ведь, что разгромить большевиков не удастся — у царского правительства и то не вышло, неужели же выйдет у Временного? Так надо, по крайней мере, арестовывать леваков и беречь правое крыло, представители которого будут капать на мозги остальным: вот видите, мы ведь говорили, насилие — это не метод...

А что получилось? Их десяти членов ЦК был арестован самый правый — Каменев, который сдался сам, чтобы «разоблачить» правительство на грядущем суде. У некоторых членов ЦК возникла та же замечательная идея и относительно Ленина, но тут уже возобладал здравый смысл, да и братья-социалисты дали понять, какие планы строились по поводу большевистского лидера. Днем 7 июля в Таврический дворец

явились два видных большевика, Орджоникидзе и Ногин, и сообщили, что Ленин готов сдать в руки властей, если приказ об этом будет утвержден ЦИК и если будут даны твердые гарантии его безопасности и честного суда. Вместо гарантий они получили самые горячие заверения, что Советы сделают все возможное для обеспечения прав Ленина. А вскоре пришло известие, что ЦИК отказался от собственного расследования июльских событий, решив положиться на правительственное следствие. Что ж, все было ясно. Нет, до виселицы при нынешних гнилых временах дело не дошло бы, а вот пристрелить при аресте могли легко. Виновных потом, конечно, пожурят и, может быть, даже накажут — но кому это будет интересно? В тот же день Ленин и Зиновьев уехали из Петрограда — сначала в Разлив, а через месяц — в Финляндию.

Забавная история получилась с арестом Троцкого. Лично ему ничто не грозило, поскольку большевиком Лев Давидович в то время не был. Но пропустить такую возможность рекламы он, естественно, не мог. Троцкий всячески выражал солидарность с большевиками, вызвался защищать на суде Раскольников и опубликовал письмо к Временному правительству, где заявил: *«Я разделяю принципиальную позицию Ленина. Зиновьева, Каменева... У вас не может быть никаких логических оснований в пользу изъятия меня из-под действия декрета, силою которого подлежат аресту товарищи Ленин, Зиновьев и Каменев»*. Ну, и его тоже отправили за решетку — раз человек сам просит, почему бы и не уважить...

В результате арестов разумное крыло партии большевиков было изрядно ослаблено. Зато левые легко ускользали от преследования. Мгновенно испарились, уйдя на нелегальное положение, руководители «Военки» Подвойский и Невский. На свободе остались *конкретные* деятели Сталин и Свердлов — их, собственно, никто и не трогал, поскольку соблюдался принцип личной ответственности, а эти товарищи занимались непонятно чем, и инкриминировать им было нечего. Из Москвы на помощь понесшей потери столичной организации прибыло пополнение, в том числе весьма левый деятель Бухарин и еще один очень конкретный товарищ — Дзержинский. Так что партия большевиков вышла из июльской заварушки нисколько не ослабленная, зато обозленная и изрядно полевевшая.

Несколько мятежных полков действительно были разоружены и их личный состав отправлен на фронт — очень кстати, ибо из-за усилий военной цензуры фронтовики плохо представляли себе, что произошло в Петрограде, почему вдруг ввели военно-полевые суды и пр. Можно представить, что рассказали им обозленные новички! Сообразив, что происходит, командование фронтов отказалось принимать такое пополнение. Вопрос о гарнизоне завис — и в конце концов правительство удовлетворилось заверениями в лояльности, которое солдатики охотно давали. Данное сотрясение воздуха их ни к чему не обязывало — в конце концов, любой гражданин имеет право брать пример с собственного правительства и плевать на свои обещания, разве нет?

Усилия Совета, требовавшего, чтобы карали только тех, кто лично «засветился» в беспорядках, не пропали даром — правительство оказалось обезоруженным. Некоторые успешные действия предпринимались по инициативе местных властей и чиновников среднего звена. Так получилось, например, с разгромом комитета партии большевиков Литейного района. За несколько дней до событий он переехал в новое помещение. Кто уж там это помещение подбирал... но факт тот, что в этом же доме располагалось районное отделение контрразведки. Естественно, контрразведчики не стерпели столь вызывающего соседства. А на штаб-квартиру организации Петроградской стороны налет совершила компания младших офицеров — просто в порядке патриотизма. Заодно разгромили и помещавшееся по соседству бюро меньшевиков — офицерам было все равно, какая там буква в названии партии, «м» или «б».

Совершенный анекдот получился из попытки разоружения рабочих. Опасаясь делать это открыто, да и понимая, что толку все равно не будет, правительство решило использовать как предлог то, что в оружии остро нуждаются солдаты на фронте.

Естественно, на заводских окраинах над этими аргументами только посмеялись. 17 июля на межрайонном совещании местных Советов разгорелась дискуссия по поводу сдачи оружия, где аргументы были примерно следующими: ну ладно, допустим, винтовки, пулеметы, бомбометы нужны на фронте, но рабочих все равно не уговорить расстаться с револьверами и холодным оружием (впрочем, практика показала, что с пулеметами они тоже расставаться не собираются). Тогда оружие стали искать — в основном в помещениях левых организаций, на заводах и фабриках. Смех стал еще громче: представляете себе, что такое обыск завода? Тем более с учетом конспиративного опыта большевистских ячеек?

Так что ослабить большевиков, справиться с солдатами и разоружить рабочих правительству не удалось. Зато замечательнейшим образом получилось всех обзлить. Даже умеренные местные Советы, увидев, как легко правительство расстается с только что завоеванными демократическими идеалами, стали все больше сдвигаться влево — что уж говорить обо всех прочих.

Именно в эти дни, 13 июля, было созвано большевистское совещание по тактике, где Ленин предложил снять лозунг «Вся власть Советам» и взять курс на вооруженное восстание. И хотя тогда эта резолюция не прошла, его услышали.

* * *

Итогом июльских событий стал рост как численности РСДРП(б), так и влияния большевиков. За три недели петроградская организация увеличилась на 2500 человек (около 8%). Рядовые меньшевики и эсеры, возмущенные политикой своих депутатов в советах, меняли партийные билеты на большевистские. Социалистов выжимали из советов и разного рода комитетов, а их место занимали большевики. О том же сообщали с мест.

26 июля открылся VI, подпольный съезд РСДРП(б), на котором присутствовали 157 делегатов с решающим и 112 с совещательным голосом. «Главный кадровик» Свердлов делал доклад об успехах за прошедшие со дня апрельской конференции три месяца. За это время число членов партии увеличилось более чем вдвое: с 80 до 180 тысяч человек, не считая сочувствующих. Петроградская организация насчитывала 41 тыс. человек, Москва вместе с областью — 50 тыс., Урал — 25 тыс., Донецкий бассейн — 16 тыс., Киев — 10 тыс., Кавказ — 9 тыс., Финляндия — 12 тыс., Прибалтика — 14 тыс., Поволжье — 13 тыс., Одесса — 7 тыс., Сибирь — 10 тыс., Минск — 4 тыс., Север — 1,5 тыс., военные организации — 26 тыс. Число организаций увеличилось вдвое: с 78 до 162. До июльских событий партия имела 41 газету с суммарным ежедневным тиражом в 320 тыс. экземпляров, выходивших на разных языках народов Российской империи. После событий формальные тиражи поуменились, но Временное правительство сделало большевикам такую рекламу, что их издания проходили теперь через десятки рук, так что реально тиражи выросли, и намного.

Партия все равно была небольшой — в то время бурно росли все левые организации. Но свобода рук, отсутствие каких бы то ни было обязательств, а также полное неимение тормозов давали этой маленькой кучке большие преимущества, и ее влияние росло на глазах.

...На том же съезде совершенно неожиданно выдвинулся человек, выхода которого на первые роли не ждали. В отсутствие Ленина два основных доклада — отчетный и о политическом положении — прочитал Сталин. До того он не выходил на политическую сцену, занимаясь, как писал историк Александр Рабинович, «административными» делами. Правда, это опять же были дела особого свойства. Едва приехав в марте 1917 года из ссылки в Петроград, Сталин взял в свои руки «Правду» и стал ее редактором. Он же был посредником между ЦК РСДРП(б) и ЦИКом Советов во

время июльских событий. Он же разруливал конфликт вокруг Петропавловской крепости, когда военный представитель ЦИКа эсер Кузьмин рвался устроить кровавый штурм — Сталин сумел тогда всех успокоить и предотвратить кровопролитие. Он же уговорил Чхеидзе обратиться в газеты с просьбой остановить провокационные публикации о Ленине. Касательно внутривнутрипартийных дел известно, что Сталину вместе со Свердловым в конце июля поручили изъять у так и не уgomонившейся «Военки» деньги, чтобы она не могла выпускать свою газету — деньги забрали, по поводу чего деятели «Военки» жаловались в ЦК. И вдруг оказалось, что этот конкретный деятель способен еще и выступать с докладами — да с какими! Он сумел разъяснить достаточно сложные вещи из области политики и экономики просто, понятно и при этом без профанации.

Самый спорный вопрос на съезде был об отношении к Советам. Во время июльских событий ЦИК скомпрометировал себя, и Ленин по-прежнему настаивал на снятии лозунга «Вся власть Советам!», при этом оставив требование: «Долой правительство!» Ситуация стала совершенно сюрреалистической: долой правительство, но неизвестно, в чью пользу. Кому передавать власть? Ответ на этот вопрос чрезвычайно интересен, поскольку он демонстрирует на простом примере как ленинскую, так и сталинскую тактику: что для чего существует — теория для практики или практика для теории? Оцените:

«Лозунг определяется не формой организации революционного учреждения, а тем содержанием, которое составляет плоть и кровь данного учреждения. Если бы в состав Советов входили кадеты, мы никогда не выдвигали бы лозунга о передаче им власти.

Теперь мы выдвигаем лозунг передачи власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Следовательно, вопрос не в форме, а в том, какому классу передается власть, вопрос в составе Советов.

Советы являются наиболее целесообразной формой организации борьбы за власть, но Советы не единственный тип революционной организации... У нас бродила мысль о революционном комитете. Быть может, рабочая секция явится наиболее приспособленной формой для борьбы за власть.

Но надо ясно дать себе отчет, что не вопрос о форме организации является решающим. На самом деле решающим является вопрос, созрел ли рабочий класс для диктатуры, а все остальное приложится, будет создано творчеством революции».

Да, откровенно, куда уж больше... Впрочем, можно и больше:

«Надо, чтобы рабочие, крестьяне и солдаты поняли, что без свержения существующей власти им не получить ни воли, ни земли... Вопрос стоит не об организации власти, а об ее свержении, а когда мы получим власть в свои руки, организовать её мы сумеем».

В общем, выкрутился товарищ Сталин успешно. Дал понять, что партия намерена сама вступить в борьбу за власть, уже без всяких ширм, но открыто об этом не сказал. Однако самым шокирующим было не слишком замеченное историей заявление о том, что, мол «организовать власть мы сумеем». Это в той обстановке! Не замечено оно потому, что на самом деле сумели, и к этому факту за девяносто лет все привыкли. А если б не сумели, то кто бы помнил сейчас о каких-то там большевиках?

В общем, большевики пришли к выводу, что события развиваются по их теории, а на все остальное им было попросту наплевать. Разрешится само, будет создано «творчеством революции».

Оцените: на этом съезде они на полном серьезе обсуждали важный теоретический вопрос, который внезапно стал насущно-практическим: возможно ли перерастание русской буржуазной революции в социалистическую и построение социализма в России раньше, чем на Западе? Сталин возражал «ортодоксам», сомневающимся в возможности осуществления социалистической мечты в отсталой России, попутно открыв новое направление марксизма. «Не исключена возможность —

говорил он, — что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

Что-что, а убеждать он умел. Естественно, эти чисто теоретические нюансы все равно не повлияли бы на реальную работу, которая определялась далеко не теориями, но лучше, чтобы никто в момент принятия решения не кричал над ухом: «Это не по Марксу!» А «творческий марксизм» был просто гениальной находкой — он позволял в будущем подвести обоснование под что угодно.

На том же съезде была утверждена и экономическая программа большевиков: конфискация помещичьей земли и национализация всей земли в стране, национализация банков, рабочий контроль над производством и распределением. О полной национализации промышленности они пока что не говорили — это получится в ходе дальнейших событий само собой, но о том, что они собираются вмешиваться в процесс производства и регулировать его, а также национализировать то, что посчитают нужным, большевики заявляли.

Авантюра? Ну да, безусловно — и еще какая! Но чем они рисковали? Тем, что не смогут выполнить эти обещания, когда на самом деле возьмут власть? Да полно! Когда и кто всерьез рассматривал перспективы взятия власти мелкой левацкой партией?! То, как легли карты в 1917 году, ни один самый сумасшедший прогнозист бы не выдумал. Нет, взять-то власть можно было, не проблема — надо просто нагнуться и вытащить ее из лужи, в которой она в то время валялась. Но вот удержать власть на такой срок, чтобы всерьез пришлось отвечать за базар! Большевики и сами-то слабо верили, что все *на самом деле* так вышло — наверное, до окончания Гражданской войны не верили. А остальной мир поверил где-то к тридцатым годам, не раньше. Если бы раньше, то задавили бы тогда, когда это было еще возможно, не дав реализовать пятилетки... Впрочем, об этом чуть позже, мы пока еще находимся в августе семнадцатого... Программа большевиков была с первого до последнего слова популистской, зато народ на нее откликнулся, а чего еще хотеть?

И, кроме прочего, на съезде в партию вошла небольшая группа так называемых «межрайонцев», сформировавшаяся в 1913 году и состоявшая из меньшевиков и бывших большевиков, в свое время вышедших из РСДРП(б). Вместе с группой партия приобрела и ее лидера — будущего виднейшего своего деятеля и свою хроническую головную боль. Это был меньшевик Лев Бронштейн, известный под партийным псевдонимом Троцкий.

Глава 9 **ДВА НАПОЛЕОНА В ОДНОЙ БЕРЛОГЕ**

Почему народ должен был понимать генерала Деникина, а не генерал Деникин понимать русский народ?

Иван Солоневич. Народная монархия

Собственно говоря, что сделало правительство в июле? Всего лишь попыталось навести порядок в стране. Желание вполне естественное, и его можно только приветствовать, если бы не одно обстоятельство: когда бы Временному правительству это удалось, Россия по-прежнему оставалась бы экономической колонией Запада. А нам оно нужно?

Если называть вещи своими, грубыми и некрасивыми именами, то уже с начала века силы, действующие в стране, можно разделить на тех, кто считал, что без этой

радости следует обойтись и на тех, кто доказывал, что без Запада нам смерть. Иначе говоря, первые работали на Россию, вторые во главу угла ставили интересы западных «партнеров» — надо полагать, совершенно бескорыстно, из святой и чистой любви (ха-ха, шутка!). Немцы не озаботились созданием в России сильной агентуры влияния, но французы, а особенно англичане своего не упустили, дополняя экономическое проникновение политическим, идеологическим — в общем, были везде, где только можно. Именно это, проантантовское лобби и пришло к власти в феврале семнадцатого.

После Февраля патриоты сошли со сцены, зато появилась другая сила, уже в апреле впервые назвавшая себя тем именем, под которым она войдет в историю — коммунисты. Их планы тоже были связаны с Западом, но иным образом. Если либералы хотели поставить Россию на службу «цивилизованному миру», то планы коммунистов были развернуты на 180 градусов — они рассчитывали прибрать к рукам «цивилизованный мир», используя ту страну, которую, если повезет, удастся получить. Мир не устаивал вниманием их планы — он еще испугается, но несколько позже. Пока что союзники рассматривали Россию как поставщика пушечного мяса во время войны и потенциальную колонию после ее окончания, а в большевиках видели только досадную помеху. Великие же планы коммунистов заставляли их позаботиться о стране, которая попала к ним в руки — вязанка хвороста для мирового пожара должна быть способной гореть хорошо и долго. Так что им поневоле приходилось быть патриотами, куда денешься?

Невзирая на смену ориентации с правой на левую, противоборствующие стороны остались прежними. Собственно, они одинаковы во все времена — те, кто работает на свою страну и те, кто хочет заставить ее работать на кого-то ещё. Вот только линия раскола, располагавшаяся раньше справа от либералов, теперь переместилась влево от них. Да еще посередине, верхом на границе, болтались господа социалисты, так и не сумевшие выбрать, какой стороны держаться — впрочем, это их обычное состояние...

Сталин на съезде сказал обо всем этом просто и жестко.

«Есть ещё... фактор, усиливший контрреволюционные силы в России: это союзный капитал. Если союзный капитал, видя, что царизм идет на сепаратный мир [Вот как! О чём мы сейчас догадываемся по намёкам, Сталин излагает как общеизвестный факт.], изменил правительству Николая, то ему никто не мешает порвать с нынешним правительством, если оно окажется неспособным сохранить “единый” фронт. Миллюков сказал на одном из заседаний, что Россия расценивается на международном рынке, как поставщик людей, и получает за это деньги, и если выяснилось, что новая власть, в лице Временного правительства, неспособна поддержать единого фронта наступления на Германию, то не стоит и субсидировать такое правительство. А без денег, без кредита правительство должно было провалиться. В этом секрет того, что кадеты в период кризиса возымели большую силу. Керенский же и все министры оказались куклами в руках кадетов. Сила кадетов в том, что их поддерживал союзный капитал».

Сталин, с обычным своим прагматизмом, глядит в точку: не важно, кто что говорит, важно, кто кому платит. Потому и «союзнический след» все время просматривается в путанице прочих следов. Потому и ведут англичане себя с такой феноменальной наглостью, выдавая российскому правительству предписания: что ему надлежит предпринять. Кто девушку ужинает, тот её и танцует...

Однако единственное, чего не смогли даже всемогущие англичане — это сделать слабое правительство сильным. Пора было его менять на что-то более пристойное.

Ситуацию облегчало то, что за «порядок» теперь были не только правые. По мере того, как все новые круги приходили к выводу, что их революция уже завершилась, число сторонников диктатуры росло. К середине лета 1917 года граница охваченной этим желанием политической территории доползла до социалистов и там завязла — они, как всегда, не могли определиться. Но и без них абсолютное большинство политических сил России стояло за «твердую власть» — оставалось только найти подходящего кандидата в

диктаторы. Конечно же, это должен быть генерал, который придет во главе верных полков, перевешает смутьянов и штыками загонит морлоков обратно под землю, откуда тех столь неосмотрительно выпустили.

Нет, пора, пора было наводить порядок.

«Мы все глядим в наполеоны...»

Как-то Наполеон, который был, как известно, маленького роста, никак не мог достать висевшую на стене треуголку. Талейран подошел к нему со словами: «Ваше Величество, позвольте Вам помочь, я ведь выше». Наполеон рассердился и поправил: «Не выше, а длиннее».

Исторический анекдот

К великому событию готовились ещё с весны. После «приказа № 1», по мере того, как все большую силу стали набирать солдатские комитеты, озлобленные офицеры начали группироваться вокруг нескольких организаций. Самыми влиятельными из них были Союз офицеров армии и флота, руководство которого сидело в Могилеве, в Ставке верховного главнокомандования, Военная лига и Союз георгиевских кавалеров — последние две имели штаб-квартиры в Петрограде, но смотрели все равно в сторону Могилева.

Гражданских организаций аналогичной ориентации насчитывалось много, но все больше говорильных. Из серьезных, то есть с деньгами, можно назвать «Общество экономического возрождения России», основанное в апреле 1917 года Гучковым и Алексеем Путиловым [Не путать с Николаем Путиловым, основателем одноименного завода. Алексей Путилов — при том, что являлся его преемником в качестве владельца Путиловского завода, был даже не родственником, а всего лишь однофамильцем прославленного заводчика.]. С первым все ясно, а господин Путилов еще до начала событий большую часть своих капиталов перевел за границу, куда вскоре после Октября переместился и сам, продолжая принимать активное участие в спонсировании подрывной работы против СССР. Ровно тем же самым занималось возглавляемое им общество и летом семнадцатого — финансировало контрреволюцию.

Организацией нового типа стал «Республиканский центр». Начинаясь он под эгидой Сибирского банка как общество, также призванное финансировать борьбу с разрастающейся революцией, но очень быстро обзавелся военным отделом, который объединил вокруг себя множество мелких офицерских групп, и начал всерьез, на техническом уровне, готовиться к захвату власти.

Кандидатуру будущего диктатора подбирали уже с весны. Мелькали в этом качестве генералы Алексеев, Брусилов, адмирал Колчак, вполне мог подойти и Деникин — но почему-то остановились на генерале Корнилове. Надо сказать, фигура была вполне в духе времени и обстоятельств — орлы в болоте не водятся. Непонятно, почему это так — но сие есть закон матушки-природы...

Никакими особенными достоинствами, кроме незаурядной личной храбрости и столь же незаурядной склонности к позерству, будущий «русский Наполеон» не обладал. Генерал Алексеев как-то раз отозвался о нем весьма категорично: сердце львиное, а голова баранья. Завидовал? Хотя если вдуматься — чему тут завидовать? Роли палача собственного народа? А то, как действовал Корнилов, свидетельствует о чем угодно, только не об уме...

Полководческие успехи генерала, несмотря на «львиное сердце», были весьма скромными. В начале мировой войны он получил пехотную дивизию, однако в апреле

1915 года, во время отступления, оказался в окружении и при не совсем ясных обстоятельствах отбился со своим штабом от основных сил и попал в плен. Причем в военных кругах поговаривали, что не просто отбился, а бросил своих солдат и удалился вместе со штабом в лес, где и попался австрийцам. Около года генерал пробыл в Венгрии, пока не бежал в 1916 году, вроде бы подкупив лазаретного фельдшера и переодевшись в австрийскую форму. А дальше начинается необъяснимое.

В России вернувшегося беглеца встретили, как героя. Выяснилось, что еще весной 1915 года главнокомандующий Юго-Западным фронтом, великий князь Николай Николаевич, ходатайствовал о его награждении за ту самую операцию, которую Корнилов так успешно провалил. А после побега из австрийского плена пресса превратила его в национального героя — просто так подобные вещи не делаются. Чтобы удостоиться такой пиар-кампании, надо иметь близость к определенным кругам, которые этой прессой рулят — в то время рулили проанглийски настроенные либералы, рядом с которыми смутно угадывалась долговязая фигура все того же Николая Николаевича. В итоге генерал получил корпус.

Кое-что проясняет следующее назначение Корнилова. После Февраля, по настоянию Думы, он был назначен командующим Петроградским военным округом — а это одна из ключевых, «номенклатурных» должностей, и случайных людей там не бывает. Так что Лавра Георгиевича можно смело включать в список участников либерального военно-политического заговора против Николая II. Если кому мало данных, то вот еще: к числу его подвигов относится арест императрицы Александры Фёдоровны — такую честь тоже абы кому не доверят. Нет, совсем не пешка господин генерал и не ничтожество. А что воевал скромно — так ведь, по выражению Козьмы Пруtkова, «не каждый в армии — Глазенап».

В усмирители черни генерал Корнилов рвался с самого начала. Уже во время апрельской антивоенной демонстрации он, в точности как Наполеон в Париже, собрался пустить в ход артиллерию против уличной толпы. Петроградский Совет отменил этот приказ — в ответ генерал обиделся, подал в отставку и уехал на позиции, где отнюдь не мыкался без назначения, а тут же получил 8-ю армию Юго-Западного фронта.

...Начатое в обстановке глобального бардака, по устаревшим планам и без надежды на успех, русское наступление было обречено ещё до его начала. Уже 4 июля первоначальные победные реляции сменились сообщениями о поражении, которое вскоре обернулось сокрушительным разгромом.

Несмотря на предопределенность событий, за провал наступления кто-то все же должен был ответить. Ответил верховный главнокомандующий, генерал Брусилов [Брусилов, которого сделали крайним, несмотря на либеральные симпатии, так и не примкнул к белой армии. Он два года вообще не участвовал в Гражданской войне, а в 1920 году, когда началась война с поляками, стал служить большевикам.]. Его место и занял вскоре командующий 8-й армией Юго-Западного фронта генерал Корнилов. Во время наступления его армия была разбита и бежала в панике, так же как и другие, однако на судьбе непотопляемого генерала и этот разгром отразился зеркально: вместо понижения в звании он 8 июля был назначен командующим фронтом (отметив свое вступление в должность тем, что приказал расстреливать из пулеметов самовольно отходящие части), а через десять дней стал верховным главнокомандующим вместо Брусилова. И одновременно его начали усиленно раскручивать как будущего диктатора и «спасителя России».

И всё же: почему именно Корнилов? Чтобы вот так идти вверх, нужно иметь кое-что посильнее, чем правильные взгляды и личную храбрость. Могучих родственников у сибирского казака вроде не наблюдалось, связей тоже неоткуда было взять. Вот и вопрос — почему?

А впрочем, есть одна версия. Дело в том, что биография Лавра Георгиевича изобилует *смутными* моментами. Ровесник Ленина, родившийся в 1870 году в Сибири, в

семье казачьего офицера, военную карьеру он начал, участвуя в экспедициях по китайскому Туркестану и восточным провинциям Персии — а подобные экспедиции традиционно, во всех странах, финансировались разведкой. Затем, после кратковременной экскурсии на японскую войну, с 1907 по 1911 годы он служит военным атташе в Китае — и эта должность практически всегда относилась к номенклатуре «бойцов невидимого фронта». Причем как в Персии, так и в Китае традиционно сильны были позиции англичан, к которым высшие круги русского общества (в том числе и военные) питали самую горячую любовь. Нет, я отнюдь не намекаю на связи генерала с английской разведкой — эта связь из его послужного списка сама прёт! Офицер-разведчик, специалист по Востоку, в недрах проанглийского заговора, непотопляемый несмотря ни на какие неудачи и вопреки всему выдвинутый в диктаторы. Если обратить внимание на *эти* странности биографии Корнилова, то его возвышение перестает быть непонятным — учитывая, опять же, огромное влияние англичан на русские дела. До такой степени, что иной раз не разобрать, где проходит граница между русской политикой и английским посольством.

Комиссаром у Корнилова был человек ещё более смутный, чем он сам. Это Борис Викторович Савинков — тот самый, знаменитый эсеровский террорист, причастный к многочисленным политическим убийствам. После революции 1905 года он эмигрировал за границу, жил там неизвестно на что, писал романы, с началом войны вступил во французскую армию, а в апреле 1917 года вернулся в Россию. Террористическим прошлым никто бывшего бомбиста почему-то не попрёкнул — наоборот, Савинков сразу же оказался доверенным лицом Временного правительства, комиссаром в действующей армии. С чьей подачи, интересно, такое доверие? Наводка на ответ: впоследствии, уже открыто занимаясь террором против Советской России, Савинков теснейшим образом сотрудничал не только с польской разведкой, что вполне естественно, поскольку его боевики базировались в Польше — но и с французской, и деньги на свои милые шалости получал нешуточные.

Летом 1917 года именно Савинков оказался в роли комиссара Юго-Западного фронта, командующим которого 8 июля назначили Корнилова — практически сразу после того, как Керенский стал премьер-министром.

А ведь интересные тянутся ниточки и любопытные на них завязываются узелочки, не правда ли? Куда ни плюнь — натыкаешься не на англичан, так на французов, и все почему-то в связи с именами будущих героев белого движения и антибольшевистского сопротивления.

Третьим в этой компании был некий штабс-капитан Филоненко, комиссар 8-й, корниловской армии. Узнав об этом назначении, солдаты 9-го бронедивизиона, имевшие счастье служить под его началом, писали Керенскому, тогда еще военному министру, а также Совету:

«...Вся предыдущая деятельность Филоненко, в бытность его офицером в дивизионе, выражалась в систематическом издевательстве над солдатами, для которых у него не было иного названия, как “болван”, “дурак” и т.п., в сечении розгами... причём, будучи адъютантом, применял порку без разрешения командира дивизиона, исключительно опираясь на свое положение, что ему никто не смел перечить в мордобитии... и самом невозможном оскорбительном отношении к солдатам, на которых он смотрел, как на низшие существа...»

Для полноты картины надо еще упомянуть некоего Завойко, который был, выражаясь современными словами, агентом и пиарщиком Корнилова. Сын адмирала, он по стопам отца не пошел, а предпочёл бизнес — спекулировал землёй, лесом, торговал нефтью, занимался какими-то банковскими операциями. Лишь в мае 1917 года, аккуратно после того, как Корнилов был назначен командующим 8-й армией, Завойко тоже *снесло* в сторону фронта. Он поступил добровольцем в Дикую дивизию, но почему-то тут же нарисовался в штабе армии, став адъютантом командующего.

Естественно, такие карьеры и такая реклама стоят больших денег. Впрочем, кто платил, угадывается легко — тот самый, упомянутый Сталиным «союзный капитал», который один только и был заинтересован в продолжении этой войны.

* * *

Корнилов любил позерство не меньше Керенского. Став главковерхом, он уже на следующий день послал правительству телеграмму (тут же попавшую в печать), где требовал для себя свободы действий, так, чтобы отвечать только «перед собственной совестью и всем народом». Если говорить более конкретно, генерал захотел самостоятельности в оперативной работе, права назначать и смещать всех военачальников, ну и, естественно, снова заговорил про военно-полевые суды и смертную казнь.

От идей «оперативной самостоятельности» Корнилова генералы, надо полагать, содрогнулись — но пока дело дойдет до очередного наступления, он станет либо главой государства (поручив армию кому-нибудь другому), либо никем, а насчет расстрелов они и сами были не прочь. Штатским финансистам телеграмма тоже понравилась — решительно говорит генерал! Не хуже Керенского, и намного короче. Его стали раскручивать еще активней.

3 августа он представил правительству свою программу, а через неделю, 10 августа, ее новую версию, модернизированную штабс-капитаном Филоненко и одобренную также Савинковым. Кроме мер, принимаемых к армии, о которых уже неоднократно говорилось, комиссары предложили кое-что еще. В частности, перевести на военное положение железные дороги. Отказ железнодорожников выполнять распоряжение начальства должен был приравняться к отказу солдата выполнить приказ — и караться, соответственно, смертной казнью, для чего на крупных станциях предполагалось создать «военно-революционные суды».

Впрочем, одними железными дорогами Филоненко не ограничился — ну чего мелочиться! Согласно его плану, на военное положение предполагалось перевести еще и заводы, работавшие на оборону, а также угольные шахты: запретить стачки, политические собрания и любые общественные организации, установить для рабочих минимальные нормы выработки, при невыполнении которых отправлять виновных на фронт. Я не к тому, что меры были плохие — нечто подобное часто вводят во время войны в самых разных странах, без различия режима. Я к тому, что не надо обвинять большевиков, мол, они придумали «трудовые армии»... Они всего лишь старательно и хорошо учились у своих предшественников, при этом не забывая использовать их ошибки (естественно, в правительстве мгновенно произошла утечка информации, и корниловские планы полетели в жернова большевистской пропаганды).

Правительство повело себя так, как и должно было — ни да, ни нет, а вместо конкретного ответа долгий нудный торг с генералом. С одной стороны, Керенский вроде бы и понимал, что порядок наводить нужно, с другой — все эти меры казались ему слишком радикальными... Но министр-председатель решал далеко не всё в стране, а к тому времени уже почти ничего не решал. Слева от него формировалась в боевые отряды окончательно озверевшая от беспросветной жизни масса простого народа, а справа господа либералы готовили диктатуру, пытаясь опереться на армейские штыки. Правда, они не учли того, что солдаты — это не оловянные фигурки, а такие же мужики, как и слева, только в шинелях и с винтовками. Зато это изначально, ещё с 1914 года, учитывали большевики.

Два Бонапарта

Это моё отечество, и я не позволю кому попало его спасать!
Вера Камша. Красное на красном

Предвкушение диктатуры носилось в воздухе. Никто не соблюдал никакой конспирации, даже для виду.

8-10 августа в Москве, подальше от мятежной столицы, прошло так называемое «совещание общественных деятелей». Среди его делегатов были богатые промышленники, кадеты, военные, коммерсанты, политические деятели либерального и консервативного толка и пр. — в общем, все, что правее социалистов. 9 августа совещание отправило Корнилову приветственную телеграмму, которая заканчивалась так: «Да поможет Вам Бог в Вашем великом подвиге на воссоздание могучей армии и спасение России».

А 12 августа, также в Москве, открылось Государственное совещание, на которое собралось около 2,5 тысяч делегатов, от министров до представителей профсоюзов и Советов. Здесь присутствовали уже все силы и все политические ориентации, кроме одной — левых радикалов.

Совещание было отмечено тремя демонстрациями, хотя и разного рода.

Керенский одарил присутствующих демонстрацией красноречия, ибо к тому времени ничем другим уже не располагал. Его вступительная речь продолжалась два часа — он снова говорил о революции, обещая как левым, так и правым «ниспровергнуть железом и кровью» все попытки покушений на нее. Было бы красиво, если б не комичная внешность Александра Федоровича и его полное бессилие, о чем присутствующим было отлично известно.

Корнилов продемонстрировал себя. Совещание изначально готовилось под знаком приближения ГЕНЕРАЛА. По городу ходили слухи, что к Москве идут войска, стены домов были обклеены приветственными плакатами, всюду распространялись листовки.

Сам приехал на второй день, 13 августа, красиво вышел из вагона в сопровождении телохранителей-туркмен в алых халатах. На вокзале его встречали дамы с цветами, было много офицеров, политиков, разного рода делегаций. Миллионерша Морозова пала перед будущим диктатором на колени. На совещание в тот день генерал не поехал, съездил лишь, как и подобало грядущему спасителю Отечества, к Иверской иконе Богоматери, а потом вернулся в свой салон-вагон и до вечера принимал политических деятелей. На совещании он выступил на следующий день весьма сдержанно, однако после такого начала большего и не требовалось — проглотили бы все, что угодно.

Большевики, которым под угрозой изгнания из Советов запретили выступать против «общей линии» ЦИК, на совещание не поехали, в отместку решив снова продемонстрировать силу. В знак протеста на день открытия совещания они назначили забастовку — и провели её, несмотря на то, что большинство московского Совета выступило против. 12 августа не работали заводы, не ходили трамваи, улицы столицы были темны по причине стачки газовщиков, закрылись кафе и рестораны, не работали даже буфеты Большого театра, где проходило совещание. Впервые большевики открыто противопоставили себя всем политическим силам одновременно — и очень неплохо выглядели в этом противостоянии.

В общем, все вдохновились. Керенский вернулся в столицу, уверенный, что Россия — за него, большевики, ободренные успехом, продолжали еще старательней заниматься тем же, чем и обычно, а Корнилов принялся подтягивать фронтовые части к Петрограду.

Основные надежды он возлагал на 1-ю Донскую казачью и Уссурийскую конную дивизии из корпуса генерала Крымова, а также на Дикую дивизию, сформированную из

представителей малых кавказских народов. При необходимости можно было задействовать и другие казачьи и ударные части, расположенные в Прибалтике.

...19 августа последовала очередная «победа» в духе генерала Корнилова — русские войска оставили Ригу. Причем генерал особо не скрывал, что Рига была сдана по его приказанию. Официальная «отмазка» — мол, он «предпочел потерю территории потере армии», все это следствие развала и хаоса и надо наводить порядок.

Однако сдача этого города имела не только психологический эффект. Взятие Риги открывало немцам дорогу на Петроград и давало в руки «правым» еще один козырь — теперь, в крайнем случае, можно будет шантажировать власти германским наступлением, а в самом крайнем — и сдать немцам мятежный город. Столицу можно перенести и в Москву, а здесь пусть наводит порядок Вильгельм. А пока что Корнилов под предлогом защиты Петрограда от немцев подтягивал войска, а также потребовал, чтобы ему подчинили Петроградский военный округ. И снова начались долгие утомительные переговоры с правительством...

* * *

Одновременно, навстречу корниловскому наступлению, в Петрограде шла тайная подготовка военного переворота. Причем планы этого переворота были интереснейшими и заставляли по-новому взглянуть на события полуторамесячной давности, странную выстроенность которых по датам отмечал на съезде Сталин.

Во второй половине августа с фронта в Ставку были вызваны около трех тысяч надежных офицеров, якобы для ознакомления с новыми образцами оружия. Однако в Могилеве им поставили другую задачу: объявив, что в Петрограде ожидается выступление большевиков, выдали деньги и отправили в столицу

Близилась торжественная дата — 27 августа, полугодовщина со дня Февральской революции. Естественно, в честь этого события в Петрограде должны были пройти многочисленные митинги, которые, в общем-то, вполне могут перейти в такие же беспорядки, какие имели место в начале июля — ведь правда же, могут? А эти беспорядки послужат отличным поводом, чтобы ввести военное положение и привести в чувство мятежную столицу. Ещё 11 августа Корнилов говорил начальнику своего штаба генералу Лукомскому: «Пора немецких ставленников и шпионов во главе с Лениным повесить, а Совет рабочих и солдатских депутатов разогнать, да разогнать так, чтобы он нигде и не собрался».

Проблема состояла в том, что выступать большевики не собирались — зачем? Время работало на них, да и Ленин сидел в Финляндии, под защитой красных моряков Гельсингфорса — так что беспорядки в августе нужны были РСДРП(б) меньше всего. А значит, для успеха путча «народным волнениям» следовало поспособствовать, чтобы поставить большевиков в то же положение, в каком они оказались в июле. По задумкам, накануне праздника пресса должна была начать нагнетать напряженность, а по заводам в массовом порядке отправиться провокаторы поднимать рабочих.

Разглядывая августовский сценарий в подробностях, поневоле задумаешься — а так ли стихийны были июльские события, как это принято думать? Или прав был опытнейший конспиратор Сталин, заподозрив в них провокацию, частью которой стал провал наступления на фронте — как частью корниловской провокации являлась сдача Риги? Кто были люди, побудившие пулемётчиков выйти на улицу — соседи-анархисты, свои комитетчики или же незнакомые ораторы в плохо сидящих солдатских шинелях? Ничего удивительного, если верно последнее — свой «почерк» имеют не только преступники, но и политики. В июле усмирение не состоялось по причине бессилия правительства и предательской роли социалистов. На сей раз участие как тех, так и других не планировалось — новый диктатор собирался опираться только на штыки.

24 августа генерал Крымов получил распоряжение двигаться на столицу, как только придет сообщение о выступлении большевиков. В назначенное время на заводах появились какие-то люди, одетые в военные шинели, и стали старательно подстрекать рабочих к бунту. В общем, всё шло по плану. Не по плану действовали только большевики, которые хорошо усвоили июльские уроки и успели поработать над дисциплиной. Рабочие не пошли за провокаторами, их игнорировали, выгоняли с митингов, а после 27 августа стали и бить.

26 августа на улицах появились листовки, озаглавленные «Русский герой Корнилов». Впоследствии Керенский сообщал, что листовки эти были отпечатаны на деньги английской военной миссии и доставлены в Москву из английского посольства в вагоне британского военного атташе генерала Нокса.

Стрелка весов застыла в равновесии: кто кого? И тут генерал Корнилов сделал ошибку, которая стала роковой.

* * *

Естественно, в качестве спасителя и верховного правителя России Корнилов видел только себя. Но ведь ту же самую роль готовил себе и Керенский! Если бы у генерала хватило ума это учесть — история могла бы пойти по-другому. Однако его подвела демонстративность: туркмены в красных халатах в качестве личной охраны — это, знаете ли, симптоматично...

В конце августа в Могилев, в Ставку приехал бывший обер-прокурор Синода В. Н. Львов — прозондировать почву. Миссия удалась вполне — Корнилов озвучил перед ним свои планы, в которые входила отставка всего правительства, в том числе и министра-председателя. Правда, генерал вроде бы собирался дать ему пост министра юстиции — это Керенскому-то, с его амбициями! Он так долго, ступенька за ступенькой, поднимался на пост председателя правительства — и снова на исходный рубеж?! (А в окружении генерала и вовсе поговаривали, что Александр Федорович нужен ненадолго, как временное знамя, а потом его уберут.) Сведения об этих намерениях Львов и привез в Петроград, вместе с настоятельной просьбой генерала к главе правительства: «в целях его безопасности» как можно скорее прибыть в Ставку.

Как только Керенский узнал об этих планах, вопрос «что делать?» был мгновенно решен. 27 августа он выступил против Корнилова, уже всю подтягивавшего воинские части. Выступил, естественно, не с военной силой, которой не имел, а с речами и бумажками. Однако и от бумажек бессильного правительства иной раз бывает толк — Керенский сместил Корнилова с поста верховного главнокомандующего и отправил приказ об этом в войска, чем ввел военных по всему фронту в смущение.

В тот же день министр-председатель объявил Петроград на военном положении — и началась традиционная организационная чехарда. Керенский заявил о намерении учредить Директорию — небольшой чрезвычайный орган управления государством, наподобие ГКО, по поводу чего тут же вспыхнули дебаты между правительством и Советами — и те, и другие оказались при любимом деле. Параллельно 28 августа Советы учредили Комитет народной борьбы с контрреволюцией, который также начал бурно заседать. В общем, ничего особенного — они даже на виселицу шли бы с подобающими случаям речами.

Гораздо любопытней повели себя большевики. После июльских событий они долго обсуждали, стоит ли при необходимости сотрудничать с меньшевиками и эсерами, или в любом случае надо действовать самостоятельно. Во время работы Государственного совещания, когда в Москве предполагалось выступление военных, московские большевики сотрудничали с социалистами во Временном революционном комитете. Узнав об этом, Ленин разразился гневной статьей, где обзывал настроенных на

совместную работу с меньшевиками и эсерами сотоварищей дурачками и негодьями и призывал исключать их из партии.

Однако и в Петрограде, едва речь зашла о конкретной опасности, большевики мгновенно поступились принципами и материализовались во всех антикорниловских комитетах. (Точно так же, как двадцать лет спустя Сталин, когда это оказалось в интересах Советского Союза, тут же наплевал на все ранее произнесенные речи и подписал с Гитлером пакт о ненападении.) Ленин, да... однако Ильич был в Финляндии, и его инструкции пришли, когда все уже было кончено. Впрочем, и он одобрил действия петроградцев.

* * *

...Если бы «борьба с контрреволюцией» ограничивалась деятельностью комитетов, все заседающие в полном составе уже на следующий день качались бы на фонарях. Но параллельно с заседаниями шла какая-то негласная, однако очень *конкретная* работа. Велась она, в основном, по линии фабзавкомов и профсоюзов, которые брали под контроль предприятия, своими силами разбирались с провокаторами, организовывали оборону, отправляли людей рыть окопы и строить баррикады, налаживали снабжение, причем действовали грамотно и согласованно, так, словно бы управлялись из единого центра. *Словно бы*, да... просто документов не осталось! Партийные организаторы того времени предпочитали обходиться без бумажек.

Профсоюз металлистов выделил 50 тысяч рублей и помог умелыми организаторами, союз шоферов обеспечил транспорт [Кто-нибудь задумывался, откуда Военно-революционный комитет в октябрьские дни брал грузовики, на которых разъезжали по городу вооружённые отряды? Машину, конечно, можно было реквизировать — а лояльно настроенных шофёров откуда взять? Мелкая поломка — и грузовик пошел в гараж, а красногвардейцы пешком. Но ведь не было же этого!], типографские рабочие брали под контроль газеты, выполняя роль цензуры. На предприятиях рабочие создавали боевые отряды, а большевики в антикорниловских комитетах выбили из властей разрешение снабжать их оружием. Так что к тем запасам, которые уже имелись на заводах, прибавилось еще и оружие из арсенала Петропавловской крепости, с гарнизонных складов, непосредственно из цехов оружейных заводов. 29 августа в город прибыли кронштадтские матросы, которых поставили охранять важнейшие объекты. За всей этой работой стояли три политические группы, которые потом будут совместно делать Октябрь: большевики, левые эсеры и анархисты. Причем, судя по организованности и согласованности действий, планы обороны были составлены заранее (точно та же история, что и с эвакуацией предприятий в 1941 году — на поверхности шумные комитеты, которые стягивают на себя внимание, а под их прикрытием, грамотно и тихо, ведется хорошо спланированная конкретная работа. И в самом деле, у политиков имеется свой узнаваемый почерк).

Трудно сказать, чем бы всё закончилось, если бы дошло до вооружённого столкновения рабочего ополчения и обстрелянных фронтовых частей. Однако корниловские войска до Петрограда не добрались — думать иногда надо, что говоришь и пишешь! Была в России организация, которую кровно обидели великие идеи штабс-капитана Филоненко насчет введения военного положения на железных дорогах — организация крайне независимая и очень мощная. Любая корниловская инициатива по захвату власти была обречена на противодействие Викжеля [Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожников.].

Едва узнав о походе на Петроград, уже 27 августа Викжель образовал специальное бюро для отпора Корнилову и дал соответствующие указания на места. Дальнейшее, при их организации, было делом техники. Движущиеся к Петрограду войска

столкнулись с тотальным саботажем: железнодорожники дезорганизовывали связь, угоняли паровозы, разбирали пути, создавали пробки, которые только они одни и могли растащить.

Против саботажа, излюбленного оружия профсоюзов, корниловцы оказались бессильны. Ближе всех подошла к Петрограду Дикая дивизия, но и она зависла на станции Вырица, в 60 километрах от города. Конечно, кавалеристы могли дойти до столицы и своим ходом, однако не успели — едва эшелоны остановились, как на солдат обрушились агитаторы. Корнилов, как истинный генерал, привык, что приказы не обсуждаются, и не снизошел до пропаганды среди солдат, так что горцы не знали, зачем и куда их везут. Агитаторы мгновенно их просветили, и уже 30 августа Дикая дивизия образовала военно-революционный комитет.

Тех, кто ставил агитацию, долго искать не надо. Большевики и анархисты занимались этим всю дорогу, и напустить агитаторов еще на одну воинскую часть им ничего не стоило. Однако во всем этом есть один интересный момент — прибывшая на станцию Вырица мусульманская делегация из Владикавказа.

Официальная версия её появления такова. Был в партии большевиков один широко известный впоследствии товарищ — Сергей Миронович Киров. Работал он в то время во Владикавказе, а в конце августа зачем-то оказался в Москве. Считается, что Киров, узнав о движении Дикой дивизии на Петроград, предложил послать к ним мусульманскую делегацию от Центрального комитета горских народов, Московский совет связался по телеграфу с Владикавказом и оттуда срочно приехали агитаторы. Но вот реально, по срокам, ничего никуда не вписывается: как мы помним, события начались во второй половине дня 27 августа, а уже к 30 числу Дикая дивизия была распропагандирована до полной утраты боеспособности. Ну никак не успевает горская делегация приехать из Владикавказа! Другое дело, если она выехала заблаговременно и к началу событий находилась в Москве, вместе с товарищем Кировым — который, кстати, относился к числу *конкретных* деятелей большевистской партии [Кроме прочего, о его *конкретности* говорит тот факт, что в 1921 году он стал первым секретарем в Азербайджане, одном из стратегически важнейших регионов Советской России. За бакинскую нефть тогда дралась вся Европа.]... А значит, планы «русского наполеона» были известны заранее — вплоть до того, какие именно части он намеревается использовать.

В общем, свой переворот генерал Корнилов провалил точно так же, как и свои наступления... Теперь уже для самого арестованного главковерха солдатские комитеты победившего Петрограда требовали смертной казни. Естественно, никто его не казнил — отсидев пару месяцев под арестом, после Октября Корнилов с прочими арестованными единомышленниками преспокойно ушёл на Дон. Потери заговорщиков ограничивались одним лишь застрелившимся от позора генералом Крымовым.

Косвенным следствием мятежа стал уход из правительства кадетов, всё ещё стоявших за конституционную монархию, и объявление России республикой. Никому от этого легче не стало, однако вывеска сменилась.

Распад

Ни один из министров не мог рассказать, что, собственно, делало правительство помимо разрешения вопросов собственного существования.

Лев Троцкий

Страна, между тем, разваливалась на глазах. У членов правительства имелся один надежный выход из всех трудных ситуаций — спрятать голову в песок, то есть подать в отставку, и этим правом они всю пользовались. За восемь месяцев их пребывания у власти прошло четыре правительственных кризиса, с соответствующими изменениями в составе кабинета министров. Освободившиеся места замещались социалистами — хотя толку для страны от этой замены не было никакого.

После корниловского мятежа состояние правительства стабилизировалось — начиная с этого времени и до самого 25 октября все его существование представляло собой один сплошной кризис. Решение вопроса о власти стало напоминать истерику. 14 сентября открылось так называемое Демократическое совещание, которое приняло совершенно изумительные решения. Первое: создать коалиционное правительство с буржуазией, одновременно не идя ни на какие альянсы с кадетами. Поскольку кадеты были самой левой из буржуазных партий, то что в этом случае понималось под коалицией — великая тайна. Второе: поскольку вопрос о правительстве зашел в абсолютный тупик, создать ещё какой-нибудь орган и поручить формирование правительства ему — пусть у него голова и болит. Орган этот создали и назвали Предпарламентом (народ тут же окрестил его «предбанником»). Начал он свою работу с торжественного ухода большевиков, а потом увяз в дебатах. Существующее (какое-то) правительство, по причине того, что вопрос о власти повис в воздухе, не делало уже вообще ничего.

В сентябре 1917 года английский писатель и, по совместительству, разведчик Уильям Сомерсет Моэм (который в Петрограде не материал для очередной книги собирал, а выполнял задание английской разведки), характеризуя обстановку, писал: *«Керенский... произносил бесконечные речи. Был момент, когда возникла опасность того, что немцы двинутся на Петроград. Керенский произносил речи. Нехватка продовольствия становилась все более угрожающей, приближалась зима и не было топлива. Керенский произносил речи. Ленин скрывался в Петрограде, говорили, что Керенский знает, где он находится, но не осмеливается его арестовать. Он произносил речи»...*

Был только один пункт, в котором сходились все, от черносотенцев до анархистов — страна летит к пропасти. Прогнозы строились самые разные, но неизменно мрачные, надежды же были исключительно утопические. 2 октября американский журналист Джон Рид, заброшенный судьбой и ремеслом в Петроград в это безумное время, разговаривал с одним из крупнейших российских капиталистов и не менее крупным деятелем кадетской партии — г-ном Лианозовым.

«Рано или поздно, — говорил тот, — иностранным державам придется вмешаться в наши дела, точно так же, как вмешиваются врачи, чтобы излечить больного ребёнка и поставить его на ноги... Впрочем, возможно, такое вмешательство не будет необходимым. Транспорт развалился, фабрики закрываются, и немцы наступают. Может быть, голод и поражение пробудят в русском народе здравый смысл...»

Как видим, выход из ситуации с точки зрения «России, которую мы потеряли», найти было легко — голод и иностранная интервенция. О том, что разруха в стране являлась следствием либеральных забав, в первую очередь, его родной кадетской партии, г-н Лианозов предпочел умолчать.

По части тактики тоже проблем не было: *«Что до большевиков, то с ними придется разделяться одним из двух методов. Правительство может эвакуировать Петроград, объявив тогда осадное положение, и командующий войсками округа расправится с этими господами без юридических формальностей... Или, если, например, Учредительное Собрание проявит какие-либо утопические тенденции, его молено будет разогнать силой оружия...»* [Цит по: Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М., 1958. С. 30 — 31.]

Пройдёт совсем немного времени, и эти планы будут реализованы — только уже не кадетами, а большевиками. Учредительное Собрание разгонят даже не силой оружия, а словами: «Караул устал!», а «без юридических формальностей» станут расправляться с самими кадетами [Впрочем, ошибочка! Большевики в первые месяцы своего правления были до отвращения законопослушны и приличны. Даже откровенные враги отделялись у них символическим тюремным заключением, а иной раз их и вовсе отпускали под честное слово. Если бы новая власть действительно, начиная с 25 октября, разбиралась со своими противниками «без юридических формальностей» — может статься, и Гражданской войны бы не было.]. Непонятно лишь одно: на что они обижались потом, в эмиграции? Ведь это же были их собственные планы!

В общем, буржуазия надеялась на Вильгельма, социалисты — на чудо, большевики о будущем вообще не задумывались, им хватало настоящего. Страна вовсю разваливалась географически. На Дону образовалась казачья республика, подчинявшаяся только своим атаманам. Такое же независимое казачье государство появилось на Кубани. В Гельсингфорсе сейм объявил Финляндию автономной и потребовал вывода русских войск. Украинская рада прихватила в свое новообразованное государство земли вплоть до Урала и начала формировать национальную армию. Сибирь и Кавказ требовали отдельных Учредительных Собраний. Большевики еще только собираются взять власть, они пока что тут совершенно ни при чем, это все также результат деятельности Временного правительства, господ либералов, теперь уже совместно с социалистами.

Джон Рид так обрисовывал обстановку того времени:

«Наступала зима — страшная русская зима. В торгово-промышленных кругах я слышал такие разговоры: “Зима всегда была лучшим другом России; быть может, теперь она избавит нас от революции”. На замерзающем фронте голодали и умирали несчастные армии, потерявшие всякое воодушевление. Железные дороги замирали, продовольствия становилось все меньше, фабрики закрывались. Отчаявшиеся массы громко кричали, что буржуазия покушается на жизнь народа, вызывает поражение на фронте. Рига была сдана непосредственно после того, как генерал Корнилов публично заявил: “Не должны ли мы пожертвовать Ригой, чтобы вернуть страну к сознанию ее долга?”».

Не только Корнилов, но и всё образованное общество было сыто революцией по самое «не могу» и мечтало о том, чтобы это все поскорее кончилось. Они ведь не того хотели! Они мечтали о чистеньком разговорчивом парламенте посреди сытых рукоплещущих бюргеров. (Такого не было нигде, в том числе и в Англии, где рабочие жили немногим лучше русских и не бунтовали лишь потому, что от неповиновения властям англичан отучали методами, которые в России не применялись *никогда?*) Никакие средства прекращения революции уже не казались им запретными или недостойными. В Зимнем бродила мысль о том, чтобы перенести столицу в Москву и бросить Петроград на произвол судьбы и германской армии.

Родзянко (тот самый, председатель Государственной Думы) в либеральной московской газете «Утро России» писал: *«Я думаю, Бог с ним, с Петроградом... Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (т.е. советы и т.д.) На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли»* [Цит. по: Троцкий Л. История русской революции. Т. 2/2. С. 61.].

Трудно сказать, в какой мере беды той мрачной осени были следствием общей разрухи, а в какой — рукотворными, в попытке унять революцию. *«Американцам показалось бы невероятным, что классовая борьба могла дойти до такой остроты, — писал Джон Рид. — Но я лично встречал на Северном фронте офицеров, которые открыто предпочитали военное поражение сотрудничеству с солдатскими комитетами. Секретарь петроградского отдела кадетской партии говорил мне, что экономическая разруха является частью кампании, проводимой для дискредитирования*

революции. Один союзный дипломат, имя которого я дал слово не упоминать, подтверждал это на основании собственных сведений. Мне известны некоторые угольные копи близ Харькова, которые были подожжены или затоплены владельцами, московские текстильные фабрики, где инженеры, бросая работу, приводили машины в негодность, железнодорожные служащие, пойманные рабочими в момент, когда они выводили локомотивы из строя...

Значительная часть имущих классов предпочитала немцев революции — даже Временному правительству — и не колебалась говорить об этом. В русской семье, где я жил, почти постоянной темой разговоров за столом был грядущий приход немцев, несущих “законность и порядок...”. Однажды мне пришлось провести вечер в доме одного московского купца; во время чаепития мы спросили у одиннадцати человек, сидевших за столом, кого они предпочитают — “Вильгельма или большевиков”. Десять против одного высказались за Вильгельма.

Спекулянты пользовались всеобщей разрухой, наживали колоссальные состояния и растрачивали их на неслыханное мотовство или на подкуп должностных лиц. Они прятали продовольствие и топливо или тайно переправляли их в Швецию. В первые четыре месяца революции, например, из петроградских городских складов почти открыто расхищались продовольственные запасы, так что имевшийся двухгодичный запас зернового хлеба сократился до такой степени, что его оказалось недостаточно для пропитания города в течение одного месяца... [Ну, насчёт двухгодичного запаса хлеба — весьма сомнительно. Большие города питаются «с колес» — запас на несколько лет там попросту негде хранить. Возможно, сейчас эту проблему как-то решили, но тогда подвоз был постоянным.] Во всех магазинах крупных городов находились целые тонны продовольствия и одежды, но приобрести это могли только богатые.

В одном провинциальном городе я знал купеческую семью, состоявшую из спекулянтов-мародеров, как называют их русские. Три сына откупились от воинской повинности. Один из них спекулировал продовольствием. Другой сбывал краденое золото из Ленских приисков таинственным покупателям в Финляндии. Третий закупил большую часть акций одной шоколадной фабрики и продавал шоколад местным кооперативам, с тем чтобы они за это снабжали его всем необходимым. Таким образом, в то время как массы народа получали четверть фунта черного хлеба в день по своей хлебной карточке, он имел в изобилии белый хлеб, сахар, чай, конфеты, печенье и масло... И все же, когда солдаты на фронте не могли больше сражаться от холода, голода и истощения, члены этой семьи с негодованием вопили: “Труссы!”, они “стыдились быть русскими”... Для них большевики, которые в конце концов нашли и реквизировали крупные запасы припрятанного ими продовольствия, были сущими “грабителями”.

...С каждой неделей продовольствия становится все меньше. Хлебный паёк уменьшился с 1 1/2 фунтов до 1 фунта, потом до 3/4 фунта, 1/2 фунта и 1/4 фунта. Наконец, прошла целая неделя, когда совсем не выдавали хлеба. Сахару полагалось по 2 фунта в месяц, но эти 2 фунта надо было достать, а это редко кому удавалось. Плитка шоколада или фунт безвкусных леденцов стоили от 7 до 10 рублей, т. е. по крайней мере доллар. Половина петроградских детей не имела молока; во многих гостиницах и частных домах его не видали по целым месяцам. Хотя был фруктовый сезон, яблоки и груши продавались на улицах чуть ли не по рублю за штуку...

За молоком, хлебом, сахаром и табаком приходилось часами стоять в очередях под пронизывающим дождем. Возвращаясь домой с митинга, затянувшегося на всю ночь, я видел, как перед дверями магазина еще до рассвета начал образовываться “хвост”, главным образом из женщин; многие из них держали на руках грудных детей... Я прислушивался к разговорам в хлебных очередях. Сквозь удивительное добродушие русской толпы время от времени прорывались горькие, желчные ноты недовольства...» [Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. С. 31 — 34. Где, однако, он нашел

добродушие? Или что — американцы в подобных ситуациях ведут себя так, что мы по сравнению с ними кажемся добродушными?]

Нет, может быть, буржуазное правительство и способно было удержать Россию на краю пропасти, если бы оно могло закончить войну. Но на это надеяться не приходилось — *хозяевам* было наплевать на наши внутренние трудности. А без немедленного мира власть буржуазии могла окончиться только немедленным взрывом, который был, пожалуй, выгоднее всего союзникам по Антанте: погруженную в хаос страну будет очень удобно колонизировать. Иначе совершенно непонятно, почему англичане, даже когда выяснилось, что правительственный курс ведет к хаосу, продолжали подталкивать своих туземных агентов все в том же направлении, откровенно провоцируя социальный взрыв и гражданскую войну.

Глава 10

РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БЕЗУМНОГО ВРЕМЕНИ

Повсюду в воздухе здесь носятся слухи о заговоре большевиков, однако восстание, которое здесь предвещают, похоже, никогда не случится — здесь всегда происходит только нечто неожиданное.

Из письма Френсиса, посла США в России

Итак, после разгрома Корнилова из правительства вышли кадеты — и в эти, первые после победы дни шла речь об образовании однородного социалистического правительства, без представителей буржуазии. Низовые Советы и комитеты, равно как и представляемые ими коллективы, увидев, что большевики и умеренные социалисты все-таки способны работать совместно, восприняли идею такого правительства с энтузиазмом — можно себе представить, как надоели рядовому составу советов их постоянные свары! 31 августа охваченный эйфорией Петросовет принял соответствующую резолюцию (предложили ее, естественно, большевики — кто же ещё?). 1 сентября Россия была провозглашена демократической республикой (под «демократией» каждый понимал свое, так что термин всех устроил). В тот же день Керенский, двигаясь вперед по своему плану, объявил о создании Директории.

Образовалось весьма гармоничное сочетание: Директория хотела управлять, но не имела сил, демократия имела силы, но не имела желаний. Победившие социалисты брать власть по-прежнему не хотели. Правый меньшевик Марк Либер выразил эти страхи четко и афористично: *«Кадеты сброшены с колесницы, но бойтесь, как бы вам не очутиться на ней одним»*.

Более подробно общий вектор политики социалистов сформулировал американский историк Александр Рабинович: *«Поддержка предложенного большевиками курса... свидетельствовала бы о готовности учредить новый политический строй и взять на себя всю ответственность за сохранение правопорядка, руководство экономикой, обеспечение необходимым продовольствием, топливом и услугами, за удовлетворение требований масс, касавшихся немедленных социальных реформ и прекращения войны. Кроме того, принятие резолюции большевиков указало бы на готовность умеренных социалистов попытаться решить эти задачи не только без помощи, а, напротив, сталкиваясь с определенной оппозицией со стороны либеральных политических руководителей, промышленников, крупных землевладельцев и военного командования»*.

Естественно, никакой радости лидерам Советов эта перспектива не приносила. Поэтому практически сразу они начали потихоньку продавливать идею новой коалиции с

буржуазией. Ну, не с кадетами, конечно... с какими-нибудь другими организациями... Учитывая, что кадеты были крайне левой из буржуазных партий, понять социалистов затруднительно — но разве дело в четкости формулировок? Дело в том, чтобы не брать на себя ответственность.

Большевики меньше, чем другие, боялись оказаться в одиночестве на колеснице, но ничего не имели против того, чтобы рядом стоял кто-то ещё. И перспективу формирования однородного социалистического правительства в сентябрьские дни они воспринимали положительно.

В рядах большевиков, как и всегда бывает в политике, тоже царил самый фантастический разнобой. От крайне правого Каменева, который признавал только парламентские формы работы, до крайне левых деятелей, все так же призывавших немедленно брать почту, банки, телеграф — а там как-нибудь разберемся. Что касается курса партии — то курса, можно сказать, в том сентябре не было вовсе. Особенно в этом направлении постарался Ленин, который по-прежнему сидел в Финляндии. Петроградские газеты он получал к вечеру следующего дня, а написанные им ответы и рекомендации прибывали, соответственно, еще на пару дней позднее. В условиях быстро меняющейся обстановки это вносило в тот бардак, каким всегда оборачивалась любая политическая деятельность в России, дополнительную атмосферу пожара.

А вскоре он и вовсе учудил нечто ни с чем не сообразное...

Почему Ленин внезапно поглупел?

Сова, запомни, власть — это древнейшее искусство манипуляции общественным поведением. Манипулировать можно только с помощью информации. А для этого нужны публичные каналы коммуникаций.

Наталья Шегало. Меньше, чем смерть.

Во время корниловского мятежа Ленин не успел прислать партии инструкции, однако задним числом одобрил стихийно возникшую коалицию с социалистами. По этому поводу он написал несколько статей, начиная с известной работы «О компромиссах». Причина его внезапной уступчивости была проста: такое развитие событий большевиков вполне устраивало. «Компромисс» с социалистами, к которому призывал Ленин, он видел в следующем: Советы берут власть в свои руки и формируют правительство, состоящее из советского большинства — меньшевиков и эсеров. На территории всей страны власть переходит к местным Советам (после октября большевики эту программу реализовали и затем в течение нескольких лет прикладывали сверхусилия для ликвидации её последствий). Большевики, так уж и быть, в правительство не войдут, удовлетворившись только свободой реализации своей программы — то есть, продолжат агитировать, выдвигая безумные сверхпопулистские лозунги, наживая политический капитал и спокойно ожидая революции на Западе. По Марксу, начать должен был именно Запад, так что Россия могла особо не спешить.

Примерно в таком духе Ильич написал целую серию статей, чем дал ЦК и Петроградскому комитету богатую пищу для *политических* дискуссий — и большевистские *политики* этим старательно занимались. Пока все это обсуждалось, РСДРП(б) вела себя мирно: ее представители честно участвовали в заседаниях разнообразных органов власти и комитетов, в частности, старались обеспечить как можно более солидную фракцию на Демократическом совещании, которое должно было определить состав правительства новорожденной Российской демократической республики (его открытие было назначено на 14 сентября). Они, конечно, всюду

агитировали за полный разрыв с буржуазией, но торжественных уходов из зала заседаний, переходящих в забастовки протеста, не устраивали — хотя бы и на том спасибо.

И вдруг, 15 сентября, Ленин прислал инструкции, от которых ЦК впал в ступор: Ильич внезапно переметнулся на крайне левый фланг и начал требовать немедленной подготовки вооруженного восстания.

Что же произошло? Очень простая вещь: социалистические лидеры оказались не глупее Ленина и соглашаться на большевистский «компромисс» не собирались. Чтобы они за все отвечали, а большевики прятались за их спины, как они сами все время прятались за спины кадетов?! Да ни в жисть! Уже 9 числа руководители Петросвета, правые социалисты Дан, Церетели и прочие, слегка опомнились, первым делом потребовали аннулировать резолюцию от 31 августа о создании социалистического правительства и снова заговорили о коалиции с буржуазией. Большевистские политики пытались им возражать, и РСДСП(б) начала увязать в бесплодных дискуссиях с социалистическим большинством. А когда определился состав делегатов Демократического совещания, стало ясно, что большевистская точка зрения там большинства не соберет, и события вырывают к состоянию июня 1917 года. ЦК РСДРП(б), как в июне, собрался было привычно уйти в оппозицию. Неудивительно, что никогда не блиставший выдержкой Ленин от такой перспективы озверел и шархнул на левый фланг, потребовав бросить всю эту ерунду и начать подготовку к вооруженному восстанию. (Совершенно то же самое проделал Сталин в 1927 году, когда внезапно потребовал бросить всю эту ерунду с поисками кулаков в деревне и перейти к коллективизации).

Людей, входивших в состав ЦК, трудно было шокировать — однако Ленину это удалось. (У меня есть подозрение, что самым большим шоком для них стало осознание того, что Ленин не просто *говорит* о приходе к власти, а *всерьез* собирается ее брать.) Едва получив его новые письма, 15 сентября ЦК собрался на специальное заседание. Естественно, ничего они в тот день толком не решили. Сталин предложил отправить письма на обсуждение в наиболее крупные первичные организации, однако получил сплоченный отпор остальных членов ЦК, от Каменева до Троцкого. Действительно, для леваков только ленинской поддержки и не хватало, чтобы начать работу по ломке дров. Более того, дабы информация не просочилась случайно, постановили все копии писем сжечь, оставив только по одному экземпляру, и упорно продолжали печатать в «Рабочем пути» [«Правду» постоянно закрывали, и после каждого закрытия ее начинали выпускать под новым названием. В то время она называлась «Рабочий путь».] старые ленинские работы эпохи «компромисса» (то есть двухнедельной давности).

Какое-то время так все и шло: Ленин требовал немедленного выступления, ЦК саботировал. Но ведь Ленин писал не только ЦК, а и Петроградскому, и Московскому комитетам. Информация постепенно просачивалась на более низкий партийный уровень, да и позиция членов ЦК менялась — и в начале октября новая идея Ленина стала восприниматься уже серьезно. Дискуссия о целесообразности вооруженного восстания как-то незаметно подменилась дискуссией о его сроках. Ленин к тому времени успел из Гельсингфорса перебраться в Выборг, поближе к столице, по-прежнему говорил, что «промедление смерти подобно» и требовал брать власть тотчас, немедленно.

Сведения об этих спорах, несмотря ни на какую конспирацию, тут же попадали на страницы газет — от черносотенных до анархистских. Дебаты внутри большевистского руководства гремели на всю столицу. После того, как 7 октября большевики торжественно ушли с первого же заседания Предпарламента [Орган, порожденный Демократическим совещанием, на который оно переложило вопрос о формировании правительства.], о том, что они готовят восстание, говорили в каждой очереди, в каждом трамвайном вагоне и на каждом уличном митинге. 10 октября ЦК принял решение о восстании — и через день левоэсеровская газета «Знамя труда» уже разъясняла читателям, почему немедленное восстание — это плохо. 15 октября газета Горького

«Новая жизнь» посвятила большую статью рассуждениям на тему — поддерживают или не поддерживают массы призывы большевиков взять власть силой.

В тот же день, 15 октября, тем же вопросом озабочилось и большевистское руководство. В этот день состоялось еще одно заседание ЦК, на которое были приглашены представители от районов, доложившие о готовности — а точнее, о неготовности к восстанию. Александр Рабинович так описывает этот драматический момент: *«Общее положение дел в казармах, на фабриках и заводах часто представлялось столь неутешительным, что не могло не обескураживать многих большевиков... В выступлениях участников собрания звучала тревога по поводу явной пассивности очень многих рабочих и солдат. Вопрос в том, захотят ли они подвергать себя риску потерять работу, быть немедленно отправленными на фронт, оказаться в тюрьме или даже пожертвовать жизнью, отозвавшись на призыв большевиков к вооружённому выступлению, когда на днях должен был собраться Всероссийский съезд Советов. Лишь восемь из девятнадцати представителей районов говорили о том, что массы настроены по-боевому и готовы выступить в любой момент. Шесть представителей районов сообщили, что у них преобладали безразличие и выжидательные настроения, а пятеро без обиняков заявили, что у масс нет никакого желания выступить...»*

В сообщениях из районов на заседании 15 октября прозвучала также озабоченность многих большевиков отсутствием сколько-нибудь удовлетворительной общей технической подготовки восстания. Почти все выступавшие говорили о серьезных трудностях с организацией красногвардейских отрядов и о нехватке оружия и боеприпасов. В целом выступления сводились к тому, что пока еще не был создан орган, который эффективно осуществлял бы подготовку к восстанию. Представитель Нарвского района С. М. Гессен сдержанно говорил о самороспуске боевых сил, очевидно созданных в дни корниловского мятежа, в связи с отсутствием боевых центров. Винокуров, который с оптимизмом рассказывал о настроениях рабочих в Невском районе, признал тем не менее, что отряды Красной гвардии не были созданы в районе и что “организационным аппаратом мы похвастаться не можем”. Прохоров прямо заявил: “С Красной гвардией дело обстоит плохо... Вообще в районе полный развал”. Представитель Шлиссельбургского района сообщил, что красногвардейский отряд в районе был организован, но записывались в него неохотно в связи с нехваткой оружия» [Рабинович А. Большевики приходят к власти. Глава 13.]

Тем не менее ЦК, еще совсем недавно саботировавший призывы Ленина, на следующий день всего при двух голосах против проголосовал за восстание. Они что — самоубийцы? Впрочем, до сих пор большевики суицидальными наклонностями не страдали, и нет никакого основания предполагать, что внезапно их всех охватило коллективное помешательство. Скорее, там были какие-то другие соображения...

Затем двое противников «общей линии» — Зиновьев и Каменев — учудили такое, что с позиций партийной этики не лезло ни в какие ворота. Мало того, что они не подчинились решению ЦК, они еще и выступили со статьей, направленной против восстания, все в той же газете Горького «Новая жизнь». Каменев — допустим, но Зиновьев? Ближайший сподвижник Ленина, разделивший с ним сидение в Разливе и в Хельсинки, полностью посвященный во все ленинские планы (это важно!), после революции ставший главой сверхотмороженной террористической организации под названием Коминтерн — он-то почему вдруг забоялся силовых действий?

Ленин рвал и метал, требовал исключения обоих из партии. Однако дело кончилось всего лишь тем, что провинившимся запретили выступать от имени партии — причем уже через несколько дней Каменев, несмотря на все запреты, преспокойно участвовал в митингах. Как известно, на дальнейшей карьере «штрейкбрехеров» их выходка не отразилась — оба если и выходили из ЦК, то по своей воле и спустя несколько лет оказались в Политбюро, высшем органе, руководившем страной.

...Шум вокруг страшных большевистских приготовлений стоял невообразимый. Между тем действовали большевики куда умеренней и аккуратней, чем говорили. 10 октября Ленин громогласно призывал не дожидаться Всероссийского съезда Советов и выступать, опираясь на съезд Советов Северной области, который должен был открыться на следующий день. При этом почему-то он, опытейший партийный лидер и абсолютный прагматик, нимало не озаботился проблемами готовности к восстанию. Как-то так получалось, что выступление — само по себе, а подготовка — сама по себе. Естественно, мгновенно произошла утечка информации, и во время съезда население Петрограда с замиранием сердца ждало, когда же *начнется* — однако ничего не началось. То есть вообще ничего — ни стрельбы на улицах, ни призывов делегатов-большевиков к съезду провозгласить себя властью. Даже чрезвычайно левая «Военка» вела себя в высшей степени прилично.

Не успели разъехаться делегаты, как грянул скандал с Зиновьевым и Каменевым, еще на несколько дней приковав внимание общественности: ну вот, сейчас уж точно будет стрельба! Каменев писал в «Новой жизни»: *«Ввиду усиленного обсуждения вопроса о выступлении я и товарищ Зиновьев обратились к крупнейшим организациям нашей партии... с письмом, в котором решительно высказывались против того, чтобы партия наша брала на себя инициативу каких-либо вооружённых выступлений в ближайшие сроки... Не только я и товарищ Зиновьев, но и ряд товарищей-практиков находят, что взять на себя инициативу вооруженного восстания в настоящий момент... независимо и за несколько дней до съезда Советов, было бы недопустимым, гибельным для революции шагом»*. Из этого письма неукоснительно следовал вывод, что большевики, несмотря на все возражения собственных правых, решили выступать, не дожидаясь съезда. А до съезда оставалось всего три дня!

Ленин тут же обрушился на Зиновьева и Каменева в большевистской печати, но как? Вы думаете, он, как любой приличный лидер, готовящий переворот, стал уверять всех, что никаких восстаний не замышлялось? Ничего подобного! С таким заявлением выступил почему-то Петроградский Совет, о котором и речи не было, а главный виновник торжества нес что-то невразумительное. Он написал письмо «к членам партии большевиков», где говорил:

«По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, двое “видных большевиков” в непартийной печати... нападают на неопубликованное решение центра партии!.. И по такому вопросу после принятия центром решения, оспаривать это неопубликованное решение перед Родзянко и Керенскими, в газете непартийной...» И т. д., и т. п. Какой из всего этого следовал вывод? Только один: решение все же состоялось, и большевики намерены выступить, не дожидаясь съезда.

В результате соединенного воздействия статьи в «Новой жизни» и неуклюжих ленинских нападок каждая питерская ворона объясняла соседкам, что большевики непременно выступят до 20 ноября, и потому надо тихо сидеть по гнездам и не высовываться. К двадцатому все кончится. Газеты, каждая из собственных «абсолютно достоверных» источников, публиковали «совершенно точные» планы большевистского восстания. Командующий гарнизоном полковник Полковников (кстати, судя по фамилии, отнюдь не столбовой дворянин, а родом из крепостных), дал приказ войскам гарнизона принять участие в охране порядка. Время шло, наступило и прошло двадцатое октября — и опять ничего! Шуму много, а дела вовсе и нет никакого. Если, конечно, не считать делом поднятый вокруг всех этих планов шум.

Неужели кто-то думает, что столь опытный и осторожный политик, как Ленин, не понимал: куда выгоднее брать власть, опираясь на Всероссийский съезд, чем на голую силу? Или что он полагал: можно вот так просто, без всякой подготовки, взять и провести восстание — сегодня принять решение, а завтра, не имея ни штаба, ни вооруженных формирований, выкинуть из Зимнего правительство? Нет, обо всем этом он *шумел*. А под

прикрытием этого шума шла, опять же, **конкретная** работа — шла неспешно, в разумные сроки, и приурочена она была именно к съезду.

О чём не кричали газеты

Думаешь для виду по-дурацки, а делаешь-то всё по уму...

Евгений Лукин. Духоборец.

Да, рабочие окраины не были готовы к перевороту. Но кто сказал, что большевики собирались брать власть, опираясь на пролетарские толпы и на Красную гвардию? Откуда вообще убежденность, что ветер, который гонит волну, и подводное течение движутся в одном направлении?

В городе было две реальных силы — Петроградский гарнизон и кронштадтские матросы, да еще имелся большевизированный гарнизон в Гельсингфорсе. За кого они станут, у того будет и власть. А за кого они стояли — известно: не за большевиков, отнюдь — за Советы. Большевики сами приложили к этому руку, раскручивая лозунг «Вся власть Советам!», возрожденный после корниловского мятежа, и совершенно не скрывали своей тактики: завоевать большинство в Советах и таким образом прийти к власти.

Тем не менее, и об авторитете своей партии среди солдат и матросов большевики заботились трепетно. Да и Временное правительство очень кстати преподнесло несколько щедрых и прекрасных подарков, которые они с благодарностью взяли.

В начале октября немцы — читатель еще не забыл, что где-то там шла война? — захватили несколько островов на Балтике, перекрыв морские пути и оттеснив русский флот в Финский залив. Правительство обвиняло в поражении разложившихся матросов и, как водится, большевиков. Большевики, также традиционно, обвиняли правительство в намерении сдать Петроград, а тут еще по городу забродили слухи о переносе столицы в Москву. Но большевики помнили и еще кое-что: июльскому инциденту предшествовало провалившееся наступление на Юго-Западном фронте, корниловскому мятежу — сдача Риги. Правительство не блистало разнообразием сценариев.

В начале октября была предпринята очередная попытка перебросить части Петроградского гарнизона на фронт, мотивируя это необходимостью защиты Отечества. Гарнизон был вполне согласен насчет защиты, но вот в окопы идти категорически не хотел.

Задумано было умно, хотя и слишком прозрачно. Во-первых, на смену выведенным из столицы ненадежным частям придут ещё не распропагандированные фронтовики, опираясь на которых, можно начать наводить порядок. Во-вторых, большевики в этом случае оказываются между молотом и наковальней. Дело в том, что необходимость замены уставших фронтовых частей тыловыми была единственным пунктом, в котором солдаты-фронтовики сходились с эсеро-меньшевистскими армейскими комитетами и с Временным правительством. А вот большевики оказывались в тяжелом положении. Поддержав фронтовиков, они теряли гарнизон, а поддержав гарнизон, теряли фронтовиков, ибо правительственные комиссары получали рычаги воздействия на озверевшую от войны солдатскую массу: вот, смотрите, каковы они, ваши радетели! Умело сыграв на этой струнке, можно было двинуть фронтовиков на Петроград не революцию душить, как вел их Корнилов, а вышибить из города засевших там тыловых лоботрясов.

Однако неплохо задуманная операция уперлась в непреодолимое организационное препятствие — приказы правительства давно уже никто не исполнял. Сперва военному министру пришлось долго уговаривать командующего фронтом

генерала Черемисова принять выведенные из Петрограда полки. Тот сопротивлялся, как мог, резонно возражая, что недостатка в разложившихся частях фронт не испытывает, и не нужно ему этой радости. В конце концов, генерала уговорили. Оставалось уговорить гарнизон.

17 октября в Пскове было собрано совещание фронтовых и гарнизонных представителей, чтобы, воздействуя на совесть, убедить засевших в Петрограде солдатиков согласиться отправиться на фронт. Крыть петроградцам, в общем-то, было нечем. Положение спасли большевики, без которых в питерской делегации, само собой, не обошлось. Они ловко подправили разговор: надо заключать мир, а не гнать новые полки в окопы. Ну, и далее, как всегда: чтобы заключить мир, надо передавать власть Советам; тем более что близится съезд, который должен решить еще и вопрос о земле; вывод полков из Петрограда имеет контрреволюционные цели — сорвать съезд и Учредительное Собрание. Так что давайте, товарищи, подождем съезда, тем более и осталась какая-то неделя, ну что она вам, сделает погоду, что ли? В общем, гарнизон отстояли, однако понервничать ему пришлось изрядно, и симпатии к правительству у него не прибавилось.

Параллельно этой захватывающей истории в городе и в стране творились еще более интересные и весьма конкретные дела. В вышедшей при Сталине «Истории гражданской войны» они перечисляются подробно:

«В Петрограде ещё в конце сентября были созданы районные военные организации [По всей видимости, подчинявшиеся «Военке»]. Они подбирали инструкторов для Красной гвардии, добывали оружие, вели агитационную работу в полках. Районные военные организации брали на учет военные училища. Там велась работа среди солдатских команд — пулеметчиков, оружейников, обслуживающих юнкеров. В Петроградском районе изучали подступы к Петропавловской крепости и арсеналу, где хранилось много оружия... С помощью большевиков Петропавловской крепости удалось провести большую разъяснительную работу среди солдат и рабочих арсенала... Из арсенала большевики тайком стали снабжать оружием Красную гвардию и революционные полки гарнизона...

После принятия решения о восстании во всех районах столицы Центральный Комитет организовал нелегальные штабы по подготовке восстания. В состав штаба входили: руководитель военной организации, начальник Красной гвардии и председатель районного Совета, если он был большевиком. Штабы по указанию Военно-революционного комитета развернули кипучую работу: проверили состояние Красной гвардии в районе, наметили учреждения и опорные пункты, которые необходимо занять во время восстания, подбирали из унтер-офицеров и младших офицеров командиров для революционных отрядов» [История гражданской войны в СССР. Т. 2. М., 1947. С. 168 — 169].

Сия бурная деятельность была вдвойне полезна. Во-первых, это все равно надо было делать. А во-вторых, сюда уходила энергия партийных «левых», помещаясь в эту работу вся и без остатка. До такой степени без остатка, что за пару дней до «часа X» руководители «Военки» стали уговаривать Ленина отложить восстание по причине его неподготовленности.

Второй параллелью шли другие, уже чрезвычайно конкретные дела.

«Для укрепления связи с местами и конкретной помощи партийным организациям Центральный Комитет рассылал своих членов по областям. Делегаты должны были сообщить на местах о директивах партии и познакомить с общим планом восстания. Они же собирали сведения о военно-технической подготовке мест к восстанию, чтобы на случай выступления в центре знать, на какие организации и в какой мере можно рассчитывать...

Для связи с местами Центральный Комитет использовал Всероссийский съезд союза городов. На заседании большевистской фракции съезда представители

Центрального Комитета доложили о директиве большевистской партии. Совещание обсуждало деловые практические вопросы о помощи центру в случае, если Москва и Петроград возьмут в свои руки власть. Тут же определили конкретные задачи отдельных организаций. Тула должна была взять на себя доставку оружия. Иваново-Вознесенск, Коломна и другие близкие к Москве районы брались оказать прямую поддержку боевыми отрядами... На Уфу была возложена задача готовить эшелоны с хлебом и сразу после восстания отправлять их в столицу...

На заводы Урала послали предупредить о назревающих событиях. Кроме неотложной задачи — доставить в Петроград из Сибири хлеб — уральские большевики готовились и к военной помощи революции... В случае провала Петроградского восстания Урал должен был взять инициативу борьбы за власть...

Большое внимание обратил Центральный Комитет большевиков на захват подступов к столице. На узловые железнодорожные пункты были посланы представители с предупреждением, что Временное правительство попытается захватить железнодорожные узлы для обеспечения передвижки войск... Всюду проверялась готовность к бою организаций и давались директивы не пропускать войска с фронта против революционного Петрограда.

Был разработан специальный шифр, чтобы известить партийные организации о моменте восстания. Места были предупреждены, что Центральный Комитет своевременно укажет благоприятный момент и целесообразные способы наступления... Именно этой согласованностью и объясняется тот факт, что многие города выступили против Временного правительства либо в самый день победы в Петрограде, ибо на другой день.

Не было ни одного вопроса восстания, не обсужденного заранее Центральным Комитетом. Общий план, связь, обеспечение тыла, лозунги — всё было тщательно подготовлено» [Там же. С. 169 — 172.].

То есть, работа велась всерьез. И единственное, что большевики скрывали от всех, кроме узкого круга посвященных — это подлинный план восстания. Поскольку тот сценарий, который был реализован, весьма отличался от того, к которому, почти и не скрываясь, готовились большевистские комитеты. В это время, в стороне от «бучи боевой, кипучей» шла незаметная глазу и уже **предельно конкретная** работа.

Конкретика успешного переворота

Удивительно было уже то, что он иногда говорил правду. Причем не так уж редко. Ещё удивительнее была его ложь. Он врал легко и убедительно, но небесцельно. Чтобы успешно ориентироваться в тумане его правды и лжи, ей нужно было знать в сто раз больше, чем знала она. Ей нужно было понимать причины.

Наталья Шегало. Меньше, чем смерть.

Можно совершенно точно сказать, когда работа по организации восстания вышла на финишную прямую — 8 октября. В этот день вернувшийся накануне в Петроград Ленин, отдохнув с дороги, принялся за дела.

9 октября был опубликован приказ Временного правительства о выводе Петроградского гарнизона на фронт — и в тот же день он обсуждался на пленуме Петросовета. С подачи большевиков пленум принял решение: создать Военно-революционный комитет по обороне Петрограда. Задачи у него были вполне нейтральные, не придерешься: точный учет Петроградского гарнизона и определение минимума сил, необходимых для обороны столицы, меры по охране города от погромов,

поддержание порядка. Входили в него представители военных и флотских комитетов, Советов, профсоюзов, фабзавкомов. Формально ВРК был внепартийным органом, подведомственным совету — однако большинством организаций, пославших в него своих представителей, давно уже рулили большевики, левые эсеры или анархисты. И почему-то именно после создания комитета, на следующий же день большевистский ЦК принял первое решение о вооруженном восстании.

Новый комитет неспешно проходил процедуру согласований и утверждений. До тех пор, пока он не был утвержден исполкомом Петросовета, большевики старательно не обращали на него внимания. Им было не до того — они бурно обсуждали подготовку собственного вооруженного восстания: ждать неделю до съезда или все же не стоит? Однако как только ВРК прошел процедуру утверждения, в тот же день, 16 октября, ЦК ВКП(б) принял *окончательное* решение о вооруженном восстании. Снова совпадение дат? Какие-то уж очень точные получаются совпадения.

На том же заседании ЦК избрал «Военно-революционный центр», который делегировал для работы в ВРК. Причем вошли туда не политики, известные всему Петрограду, а тихие и малозаметные *конкретные* товарищи, те, огромная роль которых в подготовке переворота всегда утверждалась большевистскими историками — но даже после победы революции никто никогда не раскрывал: а чем именно означенные товарищи занимались с апреля по октябрь 1917 года? Поименно: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Трое из них стали потом крупнейшими государственными деятелями, входили в самое узкое из узких руководств, Бубнов тоже не затерялся в неизвестности, а дослужился до начальника Политуправления Красной Армии и наркома просвещения [В то время просвещение являлось одним из ключевых направлений работы.]. И лишь послужной список Урицкого оборвался в должности председателя Петроградской ЧК, но не по его вине — на этой должности он был убит в августе 1918 года.

Впрочем, этой пятеркой присутствие большевиков в ВРК не ограничивалось — «центр» был делегирован туда партией, но большевики имелись в Комитете и сами по себе, как чьи-то представители. 20 октября на первом пленарном заседании ВРК было избрано его бюро, куда вошли еще три большевика: Антонов-Овсеенко, Подвойский и Садовский (первый из них, как вы помните, непосредственно арестовывал Временное правительство, второй был руководителем «Военки»). Кстати, остальные двое членов бюро были левыми эсерами, в том числе и председатель Бюро (а значит, глава всего ВРК) Павел Лазимир, председатель солдатской секции Петросовета.

Очень любопытную вещь сказал три года спустя Троцкий, вспоминая те дни: *«Отдавал ли он (Лазимир. — Авт.) себе отчёт, что дело идёт о заговоре, или же только отражал бесформенно-революционное настроение левого крыла эсеров, не знаю. Скорее последнее».*

Стало быть, создание ВРК было частью заговора, и остальные члены бюро это понимали. Не говоря уже о членах «Военно-революционного центра» — эти должны были попросту *знать*. Тем более, если верить Троцкому, они сами ВРК и придумали: *«Вопрос о создании Военно-Революционного Комитета был выдвинут военной организацией большевиков. В сентябре месяце 1917 г., когда военная организация обсуждала вопрос о вооруженном восстании, она пришла к заключению о необходимости создания непартийного “советского” органа для руководства восстанием. Об этом решении мною было сообщено т. Ленину»* [Троцкий Л. Воспоминания об октябрьском перевороте.]. Ну, а Ленин уже дал ему ход.

Что забавно, через несколько недель Ильичу пришлось долго *уговаривать* руководство «Военки» работать не самостоятельно, а только в рамках ВРК. Орлы товарища Подвойского на практике свою идею не распознали. Впрочем, решение было настолько простым, что вопрос об авторстве обсуждать бессмысленно — любой мог догадаться...

* * *

...И снова мы сталкиваемся все с той же тактикой, что и во времена корниловского мятежа, и в 1941 году — бурная политическая жизнь на поверхности, отвлекающая внимание общества, правительства, друзей и врагов, и какая-то очень жесткая, абсолютно негласная и предельно конкретная работа в недрах.

Настолько негласная, что о ней знали даже не все члены ЦК — два дня спустя Ленин по поводу спора с Зиновьевым и Каменевым на заседании 16 октября писал: «Опровергать я *не* мог, ибо сказать, **что именно сделано**, нельзя». Настолько негласная, что о ней не знал даже руководитель «Военки» Подвойский, люди которого занимались технической подготовкой восстания. Непосредственно перед событиями руководителей «Военки» вызвали к Ленину на конспиративную квартиру, где состоялась очень интересная дискуссия. Подвойский и Невский убеждали отложить восстание на несколько дней, пока «Военка» не будет готова его провести, а Ильич нетерпеливо разъяснял, что действовать нужно только через ВРК, а не самостоятельно, и брать власть непосредственно перед съездом Советов, «дабы этот съезд, каков бы он ни был, встал перед свершившимся фактом взятия рабочим классом власти».

Именно со съездом Советов уязвано его знаменитое высказывание: «Сегодня выступать рано, послезавтра — поздно». Джон Рид вспоминал по этому поводу:

«3 ноября (21 октября) вожди большевиков собрались на свое историческое совещание. Оно происходило при закрытых дверях... Володарский, выйдя из комнаты, рассказал мне, что там происходит.»

Ленин говорил: “24 октября будет слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все ещё делегаты на Съезд придут. С другой стороны, 26 октября будет слишком поздно действовать: к этому времени Съезд организуется, а крупному организованному собранию трудно принимать быстрые и решительные мероприятия. Мы должны действовать 25 октября — в день открытия Съезда, так, чтобы мы могли сказать ему: “Вот власть! Что вы с ней сделаете?”» [Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. С. 66 — 67.]

А съезд собирался с трудом, медленно и мучительно. Верхушка местных советов и власти саботировали выборы на него, как только могли. Делегаты на крышах и буферах добирались через охваченную разрухой страну. 20 октября прибыло всего 15 делегатов, на следующий день их было 100, еще через сутки — 175, а для кворума нужно было иметь хотя бы четыреста. Мандатная комиссия пыталась саботировать, ее члены заявляли не понравившимся (т. е. большевистским) делегатам: «Зря, мол, приехали, пустить вас на съезд не можем». Рядом непременно посмеивался кто-нибудь из большевиков: «Ничего, товарищи, не беспокойтесь, когда съезд начнется, все пройдет». Но всё же было ясно, что 25 октября его откроют. Именно к этому дню (плюс-минус организационный бардак) и сходились все линии большевистских интриг.

* * *

Один из самых интересных вопросов — кто же этой **конкретной** работой руководил? То есть, об этом сказано точно и открыто — Военно-революционный центр. Однако система власти в СССР была устроена наподобие матрешки. Например, в 1941 году существовало Политбюро, внутри него ГКО, а внутри ГКО еще и «тройка», которую возглавлял Сталин.

Членов ВРЦ было пятеро. Из них по положению в партии как до, так и после октябрьского переворота выделяются двое: Свердлов и Сталин. Сразу после 25 октября

новорожденное государство выделило внутри себя «четверку» — то ядро, которое, собственно, и управляло страной. Входили в него Ленин, Свердлов, Сталин и Троцкий. Троцкий впоследствии всячески старался создать впечатление, что он тоже входил в руководящую группу подготовки восстания — однако он не мог быть глубоко посвящен в предоктябрьские планы большевиков, поскольку состоял в партии к тому времени всего два месяца и был для всех скорее советским деятелем, нежели партийным [В 1905 году Троцкий был председателем Петросовета.]. Зато Свердлов и Сталин входили в высшее большевистское руководство как до, так и после переворота, более того, они были его членами ещё в 1912 году, когда вошли в состав «Русского бюро» ЦК, ответственного за работу в России. «Русское бюро» тогда состояло всего из четырех человек: в него входили два депутата Думы большевика — Петровский и Малиновский, и два **конкретных** деятеля большевистской партии — Коба, то есть Сталин, и Андрей Уральский, как называли Свердлова. Причём руководителем «Русского бюро» должен был стать Сталин, как более опытный революционер.

После революции Свердлов был «главным кадровиком» партии. Когда он умер, то для выполнения функций, которые нес Свердлов, пришлось создавать целый секретариат, пока эту работу снова не взял на себя один человек — Сталин, став в 1922 году генеральным секретарем ЦК ВКП(б). В горячие дни лета 1918 года Свердлов и Ленин договорились между собой: если с одним из них что-то случится, второй примет на себя все управление страной. Но в то время в Москве не было Сталина — он как уехал весной 1918 года в Царицын за хлебом, так и продолжал мотаться по фронтам. Понять его можно: как со Свердловым, так и с Троцким у него были крайне неприязненные отношения, и работа с ними в одном Политбюро была нелегким испытанием.

«История гражданской войны» уверяет, что партийным центром по подготовке восстания руководил Сталин, который был в партии вторым человеком после Ленина. Безгранично доверять этой книжке не след — всё-таки выпущена она в 1946 году — но о том же свидетельствуют и мелочи партийной истории. Именно Сталин читал на VI съезде отчетный доклад и доклад о политическом положении. Именно его Ленин оставил вместо себя, когда в конце декабря, уже после взятия власти, решил уехать отдохнуть. И именно с ним первым он встречался 8 октября, приехав из Выборга в Петроград [Вообще-то этот факт я тоже взяла из «Истории гражданской войны». Но думаю, что доверять ему можно. О Сталине в этой книге говорится немного и очень по-деловому, без излишнего придыхания.]. Не говоря уже о том, что с самого 1898 года Сталин занимался именно организацией — всего, чего угодно, от рабочих кружков и подпольных типографий до «экспроприации» и боевых отрядов.

Говоря о **предельно конкретной** работе, обратим в первую голову внимание ещё и на выстроенность сроков. Работа ВРК была явно приурочена к съезду Советов, открытие которого к тому времени успели перенести на 25 число — впрочем, ещё за несколько дней до формальной даты его начала было ясно, что к двадцатому делегаты не соберутся. Да и само появление Военно-революционного комитета тоже интересно: еще 15 числа руководители районных большевистских организаций сетовали, что нет единого центра руководства восстанием, и тут он — раз! и возник, как из-под земли. Вот только не надо говорить, что Троцкий врёт и большевики использовали **случайно** подвернувшуюся под руку структуру — ну не надо, а?

Перехват

Если заблудишься в зеркальном лабиринте — бей зеркала.
Выходи на свет...

Сергей Лукьяненко. Лабиринт отражений.

Итак, продолжим хронику. Напомним, что ВРК начал организовываться 9 октября, был утвержден 16-го и провел первое пленарное заседание 20 октября. То есть, Ленин отчаянно подгонял всех с восстанием, а вот с организацией его руководящего органа большевики почему-то не спешили. Зато сорганизовавшись, наконец, работать он начал быстро и сразу — еще бы, такие кадры! Партия бросила в ВРК лучших организаторов, которых имела.

Уже 18-го в Смольном прошло собрание представителей полковых и ротных комитетов гарнизона. То, что они говорили, показало, насколько правы были большевики, спрятавшись «под крылышко» Совета — солдатская масса не доверяла правительству и ЦИКу, признавая только Петросовет. Если бы большевики выступили сами по себе — это был бы еще очень большой вопрос, куда бы повернул гарнизон: мог объявить о нейтралитете, мог расколоться... А ВРК, как советский орган, был неуязвим. (Это ещё одно косвенное доказательство того, что весь шум, поднятый большевиками вокруг выступления *до съезда*, являлся *операцией прикрытия*.)

А кроме того, 18 числа было принято важнейшее организационное решение о непрерывной связи ВРК со всеми полками. Полковые комитеты устанавливали непрерывное дежурство у телефонов и, кроме того, каждая часть должна была прислать в Смольный по двое связных. Так что 20 числа, когда состоялось, наконец, первое пленарное заседание ВРК, все было готово для того, чтобы в любую минуту сделать его «параллельной властью» в гарнизоне.

В ночь на 21 октября ВРК назначил своих комиссаров во все части петроградского гарнизона и на склады оружия — в основном это были только что освобожденные из тюрем деятели «Военки» [Большевиков, арестованных после июльских событий, освобождали постепенно — последние из них вышли на свободу 24 октября.]. А затем последовала очень простая провокация. В ночь на 22 октября комиссары ВРК явились в штаб Петроградского военного округа. Естественно, оттуда их послали далеко, и комиссары без слова протеста пошли, но не по указанному адресу, а в Смольный. И тут началось! Уже утром Комитет собрал представителей всех полков гарнизона, руководство гарнизона объявили «орудием контрреволюционных сил». Первые два пункта резолюции, принятой собранием, гласили:

«1. Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас под руководством Военно-революционного комитета.

2. Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, недействительны».

Так ВРК легко и элегантно перехватил управление гарнизоном. Уже на следующий день одумавшийся командующий готов был идти на переговоры — но поздно! И хотя 23 октября ВРК все же отказался от жесткого контроля над действиями командования, ясно ведь, что после первого же неугодного комитету приказа одним легким движением руки контроль будет восстановлен.

С этой минуты судьбу правительства можно считать решенной: их время должно было окончиться в день начала работы съезда Советов. Об этом кричали на сотнях митингов, об этом принимали сотни резолюций. «Вся власть Советам!» — и по-прежнему ни одного эксцесса с целью захвата этой самой власти!

Почему? Чего они ждали?

.Строго говоря, что все время делали большевики? Они постоянно *нарывались*, явно стараясь сделать октябрь *антииюлем*. В июле правительство громило их под видом защиты революции, а теперь уже большевики постоянно провоцировали Керенского, чтобы начать защищать революцию от него. Если бы у председателя правительства хватило ума сидеть тише воды, ниже травы, дожидаясь неспровоцированного нападения, он мог бы спутать планы большевиков — но для этого надо было быть Сталиным, а не Керенским, и играть против Гитлера, а не против Ленина.

«Железо и кровь» не давали Александру Федоровичу покоя, и он с размаху бухнулся в приготовленную ловушку. Поскольку разговоры о том, что большевики готовят восстание, велись по-прежнему, а по рабочим окраинам шли почти неприкрытые приготовления к вооруженным действиям, всюду формировались красногвардейские отряды, то правительство решило *упредить* выступление — именно, то, что было нужно большевикам.

В ночь на 24 октября Керенский распорядился вызвать верные части с фронта, а пока что арестовать членов Военно-революционного комитета и разгромить типографию, где печатались газеты «Рабочий путь» и «Солдат». Арестовать членов ВРК, сидевших под охраной в Смольном, у него, естественно, руки оказались коротки, а вот второе — получилось.

На рассвете 24 октября в типографию явился комиссар милиции 3-го Рождественского района вместе с юнкерами и предъявил ордер на закрытие типографии. Юнкера конфисковали отпечатанные газеты, разбили матрицы, опечатали двери и выставили караул. Больше ничего они не успели, поскольку к тому времени информация дошла до Смольного, оттуда прислали роту солдат Литовского полка, которая и вышибла захватчиков вон. Единственным реальным следствием инцидента стала небольшая задержка выхода газеты.

Однако этого комического налета вполне хватило, чтобы поднять крик о покушении на революцию. Тут же в полки полетел приказ ВРК:

«Петроградскому Совету грозит прямая опасность... Предписывается привести полк в полную боевую готовность. Ждите дальнейших распоряжений». Приказ подписал Подвойский — пришёл и его час.

ЦК большевиков, и без того почти не покидавший Смольного, постановил больше не расходиться, чтобы не искать друг друга по Петрограду. Один Ленин ещё оставался на конспиративной квартире. На всякий случай — вдруг всё же прорвутся какие-то части с фронта — решили организовать запасной штаб в Петропавловской крепости. Наблюдение за действиями властей и связь с крепостью возложили на Свердлова. Дзержинскому поручили почту и телеграф, Бубнову — связь с железнодорожниками, Берзин и Каменев, который, как ни в чем не бывало, принимал участие в работе, отвечали за связь с левыми эсерами. Главному штабу Красной гвардии приказали направить в Смольный для охраны полторы тысячи бойцов, а также провести мобилизацию транспорта, занять в районах стратегически важные пункты, организовать охрану предприятий и выделить людей для захвата правительственных учреждений. Через несколько часов город был в руках Военно-революционного комитета и красногвардейцев — а поскольку и те, и другие подчинялись партии большевиков, то фактически власть принадлежала РСДРП(б). Однако формально инициатором всего этого триумфа был Петросовет, это он припас подарочек съезду.

* * *

...Нельзя сказать, что Керенский не боролся — вот только борьба его была изначально обреченной и потому нелепой. Он посылал депешу за депешей, пытаясь вызвать подкрепление с фронта — но такие вещи не делаются за один день, да и Черемисов не горел желанием расставаться с боеспособными и верными правительству войсками. Штаб петроградского округа приказал полкам гарнизона сидеть в казармах — но гарнизон давно уже подчинялся только Военно-революционному комитету. Пытались прекратить трамвайное движение, чтобы нарушить связь между центром и рабочими окраинами — однако трамвайщики слушались только своего профсоюза. С той же целью пытались захватить и развести мосты — но успевали туда не раньше красногвардейцев, так что получился этот фокус с одним лишь Николаевским мостом (сейчас мост

лейтенанта Шмидта). Попробовали еще раз закрыть газеты — но на сей раз данной спецоперацией занялись всего восемь милиционеров, так что даже солдат не потребовалось — их прогнали сами же рабочие вместе с двумя какими-то матросами. Единственное, чем правительство озаботилось всерьёз — так это собственной безопасностью, стянув к Зимнему дворцу всё, что имело — впрочем, имело оно чрезвычайно мало.

25 октября, в 2 часа 20 минут ночи в Ставку, главнокомандующему Духонину ушли две телеграммы с требованиями перебросить в Петроград казачьи части — все, до которых можно дотянуться. Вызвали в Зимний казачьи полки, расквартированные в Петрограде — но те ответили, что без пехоты не пойдут. Генерал Левицкий, состоявший для поручений при министре-председателе, сообщил Духонину: *«Впечатление, как будто бы Временное правительство находится в столице враждебного государства, закончившего мобилизацию, но не начавшего активных действий»*. И, для окончательной шизофреничности происходящего, по Дворцовому мосту в виду осажденного Зимнего дворца ходили трамваи, в городе работали рестораны и кинематографы, в театрах шли спектакли. По Дворцовой площади и по набережным болтались толпы зевак в ожидании бесплатного представления — штурма Зимнего дворца.

В 10 утра 25 октября Керенский, на автомобиле американского посольства, выехал из Петрограда, как он сам объяснял, «навстречу войскам» — он все еще надеялся, что в стране найдутся люди в погонах, согласные за него умереть.

* * *

Дальше у большевиков было два способа действий. Первый — это, не предпринимая больше никаких шагов, дожидаться открытия съезда и поставить перед ним вопрос о снятии Временного правительства. Ещё днём 24 октября они явно склонялись к этому варианту. Выступая перед большевистской фракцией съезда, Троцкий говорил: все, что сделано ВРК — это исключительно **оборона** революции от правительственных посягательств, чтобы создать почву для съезда Советов. Штурмовать Зимний дворец они не собираются. Вот *«если бы съезд создал власть, а Керенский не подчинился бы, то это был бы полицейский, а не политический вопрос»* [Цит. По: Рабинович А. Большевики приходят к власти. Глава 15.]. Впрочем, съезд бы наверняка низложил правительство, оно напрашивалось на это уже очень давно, после чего его можно совершенно спокойно разогнать или же арестовать.

И вдруг что-то произошло. В ночь на 25 октября восставшие начали захватывать важнейшие правительственные учреждения. В 9 вечера комиссар ВРК с отрядом матросов явился в Петроградское телеграфное агентство. Директор заявил, что подчиняется только Временному правительству, тогда комиссар преспокойно отодвинул его в сторону, сел на его место и стал просматривать сообщения.

Около 2 часов ночи солдаты заняли Николаевский вокзал, городскую электростанцию (тут же было отключено энергоснабжение большинства правительственных зданий) и Главный почтамт. В 3 часа 30 минут крейсер «Аврора», стоявший на ремонте, вошел в Неву и вышиб юнкеров с единственного захваченного ими моста (точнее, и вышибать не пришлось — едва крейсер осветил мост прожекторами, те разбежались сами). В 6 часов утра моряки и солдаты Кексгольмского полка без малейшего сопротивления заняли Государственный банк. Через час была захвачена и телефонная станция, а в 8 часов утра — Варшавский вокзал. Утром в здании «Крестов» появился комиссар ВРК и потребовал освобождения всех политзаключенных — тюремное начальство без единого слова протеста повиновалось.

25 октября, в 10 часов утра, было опубликовано воззвание к гражданам России:

«Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона.

Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства — это дело обеспечено.

Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян!»

К вечеру от всей старой власти оставалось только само правительство, уже без министра-председателя, обреченно забаррикадировавшееся в Зимнем дворце, защитники которого таяли на глазах.

* * *

Что же произошло вечером 24 октября такого, что изменило ход событий? Только одно: в Смольном появился Ленин.

Вокруг Ленина в эти дни творилось что-то непонятное. С самого его приезда ЦК строжайшим образом запрещал ему перемещаться по городу — несмотря на то, что без своей знаменитой бородки и в парике он был абсолютно неузнаваем. Ильич сидел на конспиративной квартире в доме, который находился в нескольких десятках метров от станции Ланская, так что можно было при первой опасности сесть на поезд и укатить из Петрограда. Вообще-то основания для такой суперконспирации имелись — Ленина арестовывать бы не стали, убили бы на месте. Но, с другой стороны, рисковал не только он, рисковали все лидеры большевиков. Такому режиму есть лишь два разумных объяснения. Либо за Лениным охотился кто-то *серьезный*, а не милиция Временного правительства, либо ЦК старался держать Ильича, с его внезапными озарениями, неумной энергией и резко холерическим темпераментом, подальше от штаба восстания. Кто знает, что ещё придёт ему в голову?! Один раз он уже отличился...

И ведь пришло! Весь день 24 октября Ленин бомбардировал Смольный требованиями не ждать съезда, а брать власть сразу. Ну уж теперь-то какой в этом смысл? И тем не менее, требования сыпались одно за другим. В шесть часов вечера он написал отчаянное письмо, которое велел квартирной хозяйке, исполнявшей роль связной, передать лично Крупской.

«Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уж поистине, промедление в восстании смерти подобно.

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

Буржуазный натиск корниловцев, удаление Верховского показывает, что ждать нельзя. Надо, во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т.д.

Нельзя ждать! Можно потерять все!..

Кто должен взять власть?

Это сейчас неважно: пусть её возьмёт Военно-революционный комитет «или другое учреждение»...

Надо, чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власть в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом; решать дело сегодня непременно вечером или ночью.

История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять всё.

Взять власть сегодня, мы берем ее не против Советов, а для них.

Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью ждать колеблющегося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованиями, а силой; народ вправе и обязан в критические моменты революции направить своих представителей, далее своих лучших представителей, а не ждать их...

Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!

Промедление в наступлении смерти подобно!»

Несколько раз Ленин обращался к ЦК с требованием разрешить ему прийти в Смольный — и каждый раз получал отказ. Днем, по воспоминаниям той же квартирной хозяйки, он, расшвыряв, смял записку и швырнул ее на пол: «Я их не понимаю. Чего они боятся? Ведь только позавчера Подвойский докладывал, что такая-то военная часть целиком большевистская, что другая тоже... А сейчас вдруг ничего не стало. Спросите, есть ли у них сто верных солдат или сто красногвардейцев с винтовками, мне больше ничего не надо!» [У меня есть подозрение, что Ленин попросту *достал* товарищей по партии, потому-то они и старались держать его подальше от себя.]

Что было дальше? Официальная версия советской истории такова: к вечеру ЦК все же разрешил Ильичу появиться в Смольном. Для конспирации Ленин послал хозяйку квартиры с письмом к Крупской, а сам, оставив ей записку: «Ушёл туда, куда вы не хотели, чтоб я уходил», в сопровождении одного лишь связного, финского большевика Эйно Рахья, отправился в Смольный. Они доехали на трамвае до Финляндского вокзала, затем шли пешком, на Шпалерной едва не попавшись патрулю и с трудом проникли в Смольный, так как не имели пропусков.

Всё очень мило — но если ЦК согласился на приезд Ленина в Смольный, почему допустил, чтобы он ушел туда всего с одним сопровождающим? Что, нельзя было прислать грузовик с солдатами? А уж история с пропуском совсем не вписывается. Допустим, его не было у Ленина, однако он всяко должен был быть у связного — иначе с кем Рахья связывал Ильича? Нет уж, больше похоже на то, что Ленину просто надоело ждать, а Эйно Рахья — по-видимому, не связной, а телохранитель, — вынужден был его сопровождать.

Но в этом деле есть еще один, куда более интересный вопрос: почему Ленин так торопил с восстанием? Опасался правительства? Полно, оно давно уже не имело ни силы, ни власти, а уж коль скоро фронтовые части добрались бы до Питера, арест «временных» их бы не остановил. В чем же дело?

Впрочем, ответ содержится в письме.

«Взятие власти есть дело восстания; его политическая цель выяснится после взятия.

Было бы гибелью или формальностью снестать колеблющегося голосования 25 октября...»

То есть, дело было не в правительстве, а в съезде Советов.

Большевики управляли Советами, да — но в одном вопросе они были заложниками съезда. А именно — в составе правительства. Существовала грозная опасность того, что съезд решит создать социалистическое правительство из представителей всех левых партий.

В начале сентября большевики выступали за социалистическое правительство — но с тех пор много воды утекло. Самое главное — в сентябре они не собирались брать власть. А сейчас коалиция с умеренными социалистами отбросила бы ситуацию к марту 1917 года, с той разницей, что тогда у создавшей правительство Думы была альтернатива — Советы, а теперь у заменивших ее Советов альтернативы не было.

И ведь ясно, как день, чем все кончится! До сих пор любая совместная деятельность с меньшевиками и эсерами неизбежно увязала в бесконечных дискуссиях, и «однородное социалистическое» правительство было обречено на то же самое. Социалисты потопили бы в увязках и согласованиях те меры, которые надо было проводить немедленно. И главная из них — мир, мир на любых условиях и любой ценой.

Избавиться от социалистов в правительстве после их избрания было бы уже невозможно — их присутствие освящено съездом Советов. Нет, конечно, через полгода можно было бы созвать третий съезд и устроить еще одну революцию — вот только от страны к тому времени не осталось бы уже ничего.

Так что большевикам надо было не только взять власть, но и сформировать свое правительство, без «братьев-социалистов». И вполне можно рассматривать требования Ленина как очередную провокацию. Нравы тогдашних российских политиков были хорошо известны: если большевики возьмут власть до съезда, причем сделают это максимально оскорбительно для демократических иллюзий — то есть очень хороший шанс, что умеренные социалисты откажутся работать с ними и гордо удалятся. Как они в итоге и поступили.

Нет, возможно, есть и другие объяснения внезапному ленинскому виражу — но я лично их не вижу.

Как бы то ни было, ранним утром 25 октября в Смольном, на заседании ЦК, протокол которого не составлялся — а скорее всего, и не заседание это было, а просто разговор, ибо принимали в нем участие Ленин, Сталин, Троцкий, Смилга, Милютин, Зиновьев, Каменев и Берзин, фигуры совершенно разного веса и уровня, — был составлен список нового правительства, членов которого решили назвать не министрами, а «народными комиссарами». Кое-кто из присутствующих посчитал это шуткой — и зря!

День X

Тише, ораторы! Ваше Слово, товарищ маузер.

Владимир Маяковский

...25 октября вступил в действие новый фактор — матросы. Рано утром из Гельсингфорса в столицу выехали три эшелона с моряками и отправилась целая революционная флотилия — пять миноносцев: «Меткий», «Забияка», «Мощный», «Деятельный», «Самсон» и патрульный катер «Ястреб». Эскадра, отправившаяся тем же утром из Кронштадта, выглядела куда более живописно (нелишне вспомнить, что в Гельсингфорсе заправляли большевики, а в Кронштадте — анархисты). Братишки погрузились на все, что плавало — от дряхлого линкора «Заря свободы», который тащили по сложному фарватеру четыре буксира, до колесных пассажирских катеров, — и весь этот умопомрачительный караван направился в Петроград делать революцию.

В два часа дня кронштадцы доползли, наконец, до города. Их великое явление воспевалось в популярной тогда песне: «Из-за острова Кронштадта на простор Невы-реки выплывает много лодок, в них сидят большевики» (добавим: и анархисты). В устье Невы уже стояла «Аврора», судовой оркестр играл марш. Три тысячи кронштадтцев высадились на берег.

К тому времени организационный ресурс Военно-революционного комитета начал подходить к концу. Ленин метался по тесной комнатке Смольного, как зверь в клетке, требуя немедленно брать Зимний, но штурм тонул в каких-то организационных неувязках.

Взять дворец планировали в полдень — однако все время что-то мешало. Сперва никак не могли согласовать ультиматум, который собирались предъявить правительству

— в конце концов им пренебрегли, но время было потеряно. Потом начались заморочки с подготовкой штурма. Дворец был обложен со всех сторон, между тем туда и оттуда все время шастал какой-то народ. Вездесущий репортер Джон Рид тоже побывал там. Побеседовал с молодым офицером, встреченным возле кабинета Керенского, заинтересовался запертой дверью, за которой, как тот сказал, были юнкера...

«—А можно нам пройти туда?»

—Нет, разумеется, нет! Запрещено... — вдруг он пожал нам руки и ушёл. Мы повернулись к заветной двери, устроенной во временной перегородке, разделявшей комнату. Она была заперта с нашей стороны. За стенкой были слышны голоса и чей-то смех, странно звучащий в тишине огромного и старинного дворца. К нам подошел старик-швейцар.

—Нельзя, барин, туда нельзя!

—Почему дверь заперта?

—Чтобы солдаты не ушли, — ответил он.

Через несколько минут он сказал, что хочет выпить стакан чаю, и ушел. Мы открыли дверь. У порога оказалось двое часовых, но они ничего не сказали нам. Коридор упирался в большую, богато убранную комнату с золотыми карнизами и огромными хрустальными люстрами. Дальше была целая анфилада комнат поменьше, отделанных темным деревом. По обеим сторонам на паркетном полу были разостланы грубые и грязные тюфяки и одеяла, на которых кое-где валялись солдаты. Повсюду груды окурков, куски хлеба, разбросанная одежда и пустые бутылки из-под дорогих французских вин [Кстати, в России в то время был сухой закон.]. Вокруг нас собиралось все больше и больше солдат в красных с золотом юнкерских погонах. Душиная атмосфера табачного дыма и грязного человеческого тела спирала дыхание. Один из юнкеров держал в руках бутылку белого бургундского вина, очевидно стащенную из дворцовых погребов... Всё помещение было превращено в огромную казарму, и, судя по состоянию стен и полов, превращение это совершилось уже несколько недель тому назад».

Естественно, как только запахло жареным, солдатики начали понемногу разбегаться — и замки не помогли! В 6 часов ушла группа юнкеров Михайловского артиллерийского училища, забрав с собой четыре из шести пушек. Затем удалась группа казаков. Около 7 часов вечера восставшие взяли Главный штаб.

Остальные защитники громоздили перед дворцом баррикады из дров — впрочем, все это было без толку, потому что Зимний, строившийся как дворец, а не как крепость, имел огромное количество неохраняемых дверей и окон, и к вечеру туда просочилось множество народу [Альтернативный официальной версии рассказ анархиста Федора Другова о штурме Зимнего дворца можно прочесть в приложении.]. Организационный ресурс ВРК к тому времени окончательно иссяк. Восставшие солдаты успели устать от «революционной дисциплины», так что их с большим трудом удавалось мобилизовать на какие-либо действия, а о том, что Зимний, собственно говоря, уже взят, поскольку по нему шастает незнамо сколько революционеров, в комитете не было известно.

Шестидюймовки Петропавловки, из которых предполагалось обстреливать дворец, как выяснилось, не использовались уже много месяцев, так что было вообще непонятно, чем окончится стрельба. Стали подкатывать трехдюймовки — те оказались и вовсе неисправными: революция! И тут артиллеристы определили, что стрелять из шестидюймовых всё-таки вроде бы можно. Так что решили рискнуть.

Разобравшись с пушками, комиссар ВРК начал искать красный фонарь. Дело в том, что в качестве сигнала к восстанию не придумали ничего лучшего, чем вывесить такой фонарь на флагштоке, забыв поинтересоваться — а есть ли в крепости столь романтичный светильник. Наконец, фонарь раздобыли, стали водружать на флагшток — и тут оказалось, что его мало откуда видно. Едва разобрались с этими прискорбными обстоятельствами, как пришел слух, что Зимний уже капитулировал, и представители ВРК отправились на другой берег проверять. Наконец, в 9 часов 40 минут вечера

Антонов-Овсеенко приказал крейсеру «Аврора» дать холостой выстрел — холостой намного громче боевого — в качестве сигнала. Правда, сигналом к чему он должен был послужить, непонятно, но это уже мелочи... «Аврора» радостно бахнула, вызвав восторг зрителей на набережных и перепугав обитателей дворца, в том числе и восставших, которые блуждали по дворцовым лабиринтам. Большая часть как революционеров, так и защитников дружно кинулась вон. Артиллеристы Петропавловки немного подождали, пока все, кто хочет, уберутся из дворца, и начали обстрел неясного калибра и боевого уровня. Вроде бы принято считать, что палили из шестидюймовок, два снаряда попали во дворец, а остальные разорвались над Невой — но не совсем понятно, как снаряд, который взрывается от соприкосновения с чем-либо твердым, вообще мог разорваться в воздухе. С другой стороны, даже два шестидюймовых снаряда, вlepенные на таком расстоянии во дворец, наполовину превратили бы его в развалины, а там всего лишь обрушилась небольшая часть кладки. Самое логичное — предположить, что боевыми по ошибке стрельнули из какой-то нечаянно оказавшейся исправной трехдюймовки, а шестидюймовые орудия палили холостыми — и громко, и страшно, и для дворца безвредно. Во-первых, он красивый, во-вторых, народное достояние, а в-третьих, о винных погребах Зимнего к тому времени знала каждая чайка над Невой — как же можно подвергать опасности такое сокровище? Обстрел начался около 11 часов вечера, когда, согласно официальной советской истории, дворец был уже взят, а согласно неофициальной, уже оставлен восставшими после выстрела «Авроры».

И тут во всю эту кашу впилились подошедшие, наконец, корабли из Гельсингфорса. По счастью, моряки стоявшего в устье Невы минного заградителя «Амур» узнали силуэты подходящих «Самсона» и «Забияки», а то, в довершение радостей, революционные экипажи еще бы друг друга перетопили.

...А во дворце революция шла своим порядком: матросы гонялись за юнкерами, юнкера за матросами, мародеры грабили, а обнаружившим дорогу в винные погреба было уже вообще ни до чего. Весь этот базар закончился в два часа ночи, когда Антонов-Овсеенко, наконец, повел свое войско на приступ и арестовал Временное правительство.

Министров вывели на площадь и, поскольку машины не было, отправили в Петропавловку пешком. Возле Троицкого моста их атаковала толпа, потребовавшая, чтобы министрам отрубили головы и бросили в Неву. Помог случай: из какой-то машины дали пулемётную очередь. Очередь была в мировое пространство, однако в Петропавловке решили, что стреляют по крепости и, в свою очередь, ответили. Все бросились врассыпную, в том числе арестованные и конвой. В общем, когда Антонов-Овсеенко разместил, наконец, свой груз по казематам, с облегчением вздохнули все, включая министров, ибо затянувшаяся революция утомила всех.

* * *

Ленин между тем метался по комнате в Смольном, обрушиваясь с руганью на членов ВРК, которые никак не могли взять этот проклятый дворец. Открытие съезда Советов оттягивали, сколько можно, но больше тянуть было нельзя.

...Официально считается, что II съезд Советов начался со знаменитых слов Ленина: «Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!» Однако на самом деле эти слова были произнесены раньше, на заседании Петроградского Совета, которое открылось в 2 часа 35 минут дня словами Троцкого: «От имени Военно-революционного комитета объявляю, что Временное правительство больше не существует!» После короткого отчета Троцкого о состоянии дел выступил и Ленин с той самой исторической речью. Большевики

немножко поругались с меньшевиками, и делегаты разошлись — кто-то отправился в свои районы, а другие остались ждать начала съезда.

Его всё-таки пришлось открывать, не дожидаясь известий об аресте правительства. Начался он в 10 часов 40 минут вечера 25 октября, спустя час после выстрела «Авроры».

К началу съезда собралось 650 делегатов, из которых 390 поддерживали большевиков. Как все они поместились в актовом зале Института благородных девиц? «Революция научила искусству уплотнения» — съязвил по этому поводу Троцкий. Делегаты, гости, охрана, журналисты всеми правдами и неправдами пробивались в зал, игнорируя предупреждения о том, что может провалиться пол. Повезло — пол не провалился.

«Внешний вид съезда говорил об его составе, — писал Троцкий. — Офицерские погоны, интеллигентские очки и галстуки Первого съезда почти совершенно исчезли. Безраздельно господствовал серый цвет, в одежде и на лицах. Все обносились за время войны. Многие городские рабочие обзавелись солдатскими шинелями. Окопные делегаты выглядели совсем не картинно: давно не бритые, в старых рваных шинелях, в тяжелых папах, нередко с торчащей наружу ватой, на взлохмаченных волосах. Грубые обветренные лица, тяжелые потрескавшиеся руки, жёлтые пальцы от цыгарок, оборванные пуговицы, свисающие вниз хлястики, корявые рыжие, давно не смазывавшиеся сапоги. Плебейская нация впервые послала честное, не подмалеванное представительство, по образу и подобию своему.»

На том же съезде был и Джон Рид, дополнивший описание:

«Мы вошли в огромный зал заседания, проталкиваясь сквозь бурлящую толпу, стеснившуюся у дверей. Освещенные огромными белыми люстрами, на скамьях и стульях, в проходах, на подоконниках, даже на краю возвышения для президиума, сидели представители рабочих и солдат всей России. То в тревожной тишине, то в диком шуме ждали они председательского звонка. Помещение не отапливалось, но в нем было жарко от испарений немых человеческих тел. Неприятный синий табачный дым поднимался вверх и висел в спертom воздухе. Время от времени кто-нибудь из руководящих лиц поднимался на трибуну и просил товарищей перестать курить. Тогда все присутствующие, в том числе и сами курящие, поднимали крик: "Товарищи, не курите!", и курение продолжалось. Делегат от Обуховского завода анархист Петровский усадил меня рядом с собой. Грязный и небритый, он едва держался на ногах от бессонницы: он работал в Военно-революционном комитете трое суток без перерыва...»

Первым делом произошла «смена власти» в президиуме, который формировался по партийному представительству: новый съезд выдвинул 14 большевиков и 7 левых эсеров. Трое меньшевиков отказались занять выделенные им места — это был первый успех ленинской тактики. Прежние деятели ЦИК вышли со сцены, а их места заняли Троцкий, Коллонтай, Луначарский, Ногин, Зиновьев, Камков, Мария Спиридонова и другие подобные им деятели.

И тут за окном загрохотали пушки — начался обстрел Зимнего дворца. (Вот и вопрос: связана ли эта стрельба, без которой вполне можно было обойтись, со взятием Зимнего — или это была психическая атака на съезд? Лучшей провокации большевики, даже если бы и захотели, не смогли бы придумать.) Собравшиеся сразу занервничали. Встал Мартов и от имени меньшевиков-интернационалистов предложил прекратить боевые действия (как будто они велись!) и начать переговоры, чтобы создать коалиционное демократическое правительство. Это было несколько хуже социалистического правительства, поскольку «демократическое» предполагало, кроме политических партий, представленных в Совете, участие множества других организаций. Тем не менее, съезд восторженно принял его предложение, с которым согласились и большевики — а что им еще оставалось?

Дело в том, что перед началом съезда делегаты заполняли анкету, из которой видно, какие наказания дали им их Советы. Абсолютное большинство — 505 человек — поддерживали лозунг «Вся власть Советам!». 86 делегатов стояли за демократическое правительство, где, кроме Советов, будут представлены профсоюзы, кооперативы и пр., 21 человек допускал присутствие в правительстве представителей имущих классов, и лишь 55 делегатов стояли за коалицию с кадетами. Едва ли собравшиеся в зале понимали, чем «Вся власть Советам» отличается от социалистического правительства, а последнее от демократического. Зато для большевиков в данной ситуации создание «правительства советского большинства» было хуже даже коалиции с буржуазией.

И тут как раз помогли пушки. Под их бодрящий аккомпанемент представители блока умеренных социалистов один за другим выступали с предложением в знак протеста уйти со съезда — что, в конце концов, и реализовали. Естественно, после такого демарша речи об образовании однородного социалистического правительства уже не было. Съезд раскололся, однако абсолютное большинство осталось за большевиками и левыми эсерами.

Видный меньшевик Суханов потом, уже много лет спустя, с горечью констатировал: *«Борьба на Съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... Уходя со Съезда... мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле, мы обеспечили победу всей "линии" Ленина».*

...Однако вопрос о составе Совета народных комиссаров все еще висел в воздухе. Слишком авантюрным было рассчитывать, что большевикам удастся создать монопартийное правительство. Параллельно со всеми этими событиями они вели переговоры с левыми эсерами о вхождении тех в Совнарком, что создало бы хоть какую-то видимость коалиции. Лучше б они этого не делали! Это ни в коей мере не облегчило положения большевиков, зато проблем потом у них будет из-за этого сотrudничества!

Впрочем, 26 октября левые эсеры не хотели входить в правительство (они согласились позже), и вопрос снова повис в воздухе. Тогда, чтобы перестраховаться, большевики сделали рокировку — первыми пунктами повестки дня 26 октября они поставили обсуждение программы и начали с документа, после которого сердца 150-миллионного народа бывшей Российской империи были отданы им. На трибуну вышел Ленин и зачитал воззвание «К народам и правительствам всех воюющих держав», более известное как «Декрет о мире».

Документ этот часто упоминается, но крайне редко печатается, и любой, кто соизволит заглянуть в приложение, поймёт, почему. Собственно, это не социалистические, а либерально-демократические идеи, которые, как и любые либеральные идеи, примененные в конкретной жизни, оказались чрезвычайно разрушительными. В 1917 году они привели к Брестскому миру, а в 1991 году — к распаду СССР. Но собравшаяся в актовом зале Смольного толпа в серых шинелях не вникала в такие тонкости — едва услышав слово «мир», они разразились аплодисментами.

Следующим пунктом повестки дня был декрет о земельной реформе, который отменял частную собственность на землю и передавал все помещичьи и церковные угодья в распоряжение местных земельных комитетов и крестьянских Советов. Это была не большевистская, а эсеровская программа, по поводу чего эсеры страшно обиделись и долго кричали о плагиате.

Поздней ночью, в 2.30, съезд приступил к обсуждению вопроса о новом правительстве. Поскольку меньшевики и эсеры торжественно покинули Смольный, а левые эсеры отказались войти в Совнарком, то он поневоле был составлен из одних большевиков во главе с Лениным — за него проголосовало около 450 человек из 600 присутствующих. Это правительство также было «временным» — ему предстояло функционировать вплоть до Учредительного собрания.

* * *

...И на этом кончается история революции и начинается уже совсем другая история. Потому что в октябре семнадцатого во главе государства стала кучка исключительных по энергии, беспринципности и изворотливости *личностей* и начала уже не править — куда там, не до жиру! — а попросту *управлять*. Как лыжник на скоростном спуске — не загадывая далеко, от поворота к повороту, от ухаба к ухабу, лишь бы удержаться на ногах... А к ним, как опилки к магниту, притягивались такие же личности масштабом поменьше. Как они управляли государством — картинка не для слабонервных. Но ведь удержались, вот в чём Божий-то промысел! Это было изначально невозможно, но удержались, а вместе с ними устояла и Россия...

* * *

25 октября ещё ничего не решало. Взять власть было, право же, совсем нетрудно. Большевики взяли ее красиво и практически бескровно — это их заслуга в сфере политической эстетики. Ровно с тем же успехом они могли разбомбить Зимний дворец и перестрелять несколько сотен его защитников. Троцкому пришлось бы несколько видоизменить свою речь, и дальше события пошли бы всё тем же ходом.

Дело ведь было совсем не в том, чтобы оттащить с арены и без того лежащее в глубоком нокдауне правительство. Дело было в том, чтобы решить проблемы, отправившие его в нокдаун — те проблемы, о которые обломало зубы неизмеримо более сильное и подготовленное царское правительство и намного лучше финансируемое Временное. Сталин на VI съезде дал далеко идущее обещание: «Если мы возьмем власть, то организовать ее мы сумеем». Интересно: он на самом деле так думал?

Впрочем, для начала неплохо бы знать, сколько шансов он отсчитал на реализацию первой части этой фразы. Один из десяти? Или один из ста? Тем не менее, власть была взята, и пришла пора отвечать за все свои обещания, в том числе и за это.

Вот стратегическое наследство, доставшееся большевикам от прежних властей: страна, намертво завязшая в клубке неразрешимых противоречий, с чудовищно отсталым неререформируемым сельским хозяйством, полуколониальной экономикой, полным отсутствием идеологии, сгнившей верхушкой и неграмотными (в прямом смысле) низами.

Вот тактическое наследство: неоконченная война при развалившейся армии, голод, холод, остановившиеся заводы, агонизирующий транспорт, городское население, которое надо как-то спасать, и сельское, с которым надо как-то договариваться, чтобы взять хлеб. А кроме того, бывшие «хозяева жизни», желающие скинуть новую власть, и милые соседи, для которых настал удобный момент поделить страну.

Вот оперативное наследство: некоторое количество полуразвалившихся государственных структур с саботирующими чиновниками, которых надо как-то заставить работать, и лютый кадровый голод, поскольку и без того немногочисленные образованные люди большей частью, не в силах стерпеть «хама», оказались на «белой» стороне.

Большевики, дерзнувшие взять власть в октябре семнадцатого, остались со всем этим веками копившимся и доставшимся им в наследство клубком проблем один на один, без всякой помощи. При этом они не имели никакого опыта управления государством. Соотношение было примерно такое же, как в фильме «Выборгская сторона»: ты вроде бы больничной кассой заведовал? Ага, пойдешь директором Госбанка. Кое-что большевистская верхушка, всю жизнь занимавшаяся изучением общественных наук, знала в теории... а вы пробовали хотя бы мобильный телефон освоить с помощью инструкции?

Но эти авантюристы высочайшего разряда, не зная о государственном управлении ничего, кроме обрывков нахватанных отовсюду книжных знаний вперемешку с самыми дикими теориями, не струсили. Они взялись за дело, о котором не имели практически никакого представления, стали его делать — без механизмов управления, при всеобщем развале — и сумели вытащить страну из кровавой смуты и хаоса. Как — это уже второй вопрос. Как умели. Что поделаешь, эти люди не проходили практику в должностях заведующих канцеляриями и товарищей министров. Они очень быстро избавились от каких бы то ни было иллюзий, и это стало спасением и для них, и для страны. Критиковать-то их просто, да — а какой еще был выход из русской смуты?

Я долго не могла понять причин — почему Сталин так преклонялся перед Лениным. Всего пять лет на посту главы государства, и то приходящихся, в основном, на войну — а белые эту войну не выиграли бы никогда. Среднего класса — опоры буржуазной демократии — в России практически не было, сразу под тончайшим образованным слоем колыхалось море неграмотного, но отнюдь не темного народа, доведенного за двести лет жизни по европейскому образцу до предела терпения. Прежних хозяев — ни помещика, ни «христоролюбивого» фабриканта — эти люди не приняли бы никогда, так что большевики, опиравшиеся на эти низы, были просто обречены на победу.

А что еще сделал Ленин? Право же, сущие пустяки, и говорить не о чем: из того хаоса, который получило в наследство новое правительство, создал какую-никакую, но власть, при этом не потеряв почти ничего от прежней державы. Ничего особенного в этом деянии нет... за одним исключением: сделать это было невозможно.

После семнадцатого года с Россией было покончено. Дальнейшая ее судьба — превратиться в кучку мелких нищих государств, которые соседи потом будут долго и вкусно колонизировать. То, что все это удалось собрать, лежит за пределами человеческих сил — это мог только Божий промысел. И то, что это сделано руками людей, которые в Бога не верили, а Россию презирали — тоже Божий промысел: чтобы мы поменьше зазнавались в своих рассуждениях о «святой Руси» да о «Третьем Риме». Нет, такого и нарочно не придумает: великая гордая империя, погибающая от рук собственной элиты и спасенная кучкой циничных авантюристов! Им на Россию было, откровенно говоря, наплевать, но досталась им именно эта страна, и ее надо было как-то удерживать, чтобы иметь базу для разжигания грядущей мировой революции.

Естественно, мораль мягких диванов они не соблюдали. Сначала надо было отбиться от врагов, затем построить фабрики, на них изготовить диваны, вырастить на этих диванах поколение, и лишь потом это сытое чужими трудами поколение за все предъявит счёт...

Часть 4 ОДИНОЧЕСТВО

...В это серое, холодное утро горсточка большевиков была, казалось, так одинока, как только можно быть одиноким на свете. Море вражды бушевало вокруг них.

Джон Рид. Десять дней, которые потрясли мир.

Мы оставили большевиков поздней ночью 26 октября, когда съезд Советов утвердил Совет Народных Комиссаров — первое правительство новой власти.

До чего всё-таки предусмотрительно они поступили, сразу же, на волне эйфории от одержанной победы, приняв программу дальнейших действий! Когда речь зашла о

правительстве, в него вошли только те, кто был согласен с программой — и получилось так, что Совет Народных Комиссаров оказался сплошь большевистским. Нет, в РСДРП(б) тоже существовали фракции и группы, которые смотрели в разные стороны — но хотя бы не в противоположные, и то хорошо! А поскольку у них был еще и сильный лидер, то новое правительство имело шансы со временем стать дееспособным.

Зато ВЦИК, которому был подотчетен Совнарком, оказался всё-таки коалиционным, хотя и не в смертельном варианте. В него входили 62 большевика, 29 левых эсеров, 6 социал-демократов интернационалистов, 3 украинских социалиста и 1 эсер-максималист — представители тех политических групп, которых как-то удалось уговорить остаться в Смольном, и в каждой фракции (кроме, может быть, эсеров-максималистов) наверняка было по несколько направлений. Плюс к тому съезд постановил, что туда могут войти, если пожелают, представители крестьянских Советов, армейских организаций и тех фракций, которые покинули съезд 25 октября. Председателем этого ноева ковчега стал Каменев.

Однако, как выяснилось практически сразу, вопрос о «социалистическом» правительстве не был закрыт. Представляете, что бы началось, если бы съезд и избранный им ВЦИК рухнули в дебаты о коалиции, не имея четкой программы? А так большевики обрели достаточно прочную опору под ногами и могли защищаться от обвинений в недемократичности. Что вы, что вы! Они никоим образом не против коалиции! Даже Ленин и Троцкий согласны работать в новом правительстве с кем угодно — но при одном условии: на основании той программы, которую принял съезд Советов.

Вот только это условие почему-то оказалось неприемлемым для братьев-социалистов. Почему бы это, а?

Из воззвания съезда Советов «Рабочим, крестьянам и солдатам!»:

«...Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки...»

«...Советская власть предложит немедленный демократический мир всем народам и немедленное перемирие на всех фронтах. Она обеспечит безвозмездную передачу помещичьих, удельных и монастырских земель в распоряжение крестьянских комитетов. Отстоит права солдата, проведя новую демократизацию армии, установит рабочий контроль над производством, обеспечит своевременный созыв Учредительного собрания, озаботится доставкой хлеба в города и предметов первой необходимости в деревню, обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение...»

Нет, конечно, для октябристов или, скажем, кадетов, выразивших интересы буржуазии, такая программа абсолютно неприемлема. Но чем она не годилась меньшевикам и эсерам, которые, согласно их собственным декларациям, защищали трудовой народ? Чем было плохо социалистам во ВЦИКе и в коалиционном правительстве, действующем на основе таких решений съезда? Их смущало то, что эти обещания невозможно выполнить? Но ведь и Временное правительство не делало ровным счетом ничего из того, что обещало, а эсеры и меньшевики входили в него без малейших нравственных судорог.

Что любопытно: сами решения они не критикуют, ограничившись криками о том, что ничего из обещанного большевики не выполняют. Братья-социалисты упорно цепляются за факт ареста Временного правительства — мол, незаконно, узурпация! Забавно — когда после Февральской революции «Временный комитет» постановил арестовать всё царское правительство, никто этим, помнится, особо не возмутился. И что у нас получается? А получается у нас чисто готтентотская мораль: если сосед пришёл, побил меня, угнал моих быков и изнасиловал моих жён — это плохо, а если я побил соседа, угнал его быков и изнасиловал его женщин — это хорошо.

А с учётом того, что Совнарком тоже являлся *временным* правительством, действующим только до Учредительного Собрания, а Учредительное Собрание новая власть намеревалась провести немедленно (несколько дней спустя оно было назначено на 28 ноября) — ситуация приобретает стойкий запах паранойи. О чем спор, собственно говоря? Либо... либо в этом деле есть что-то такое, чего мы не знаем.

В поисках того, чего не знаем, обратим внимание на «моменты истины», проскакивающие между фразами противников новой власти. То социалисты заявят, что не признают не только Совнарком, но и сам съезд. То шантажирующий всех забастовкой железнодорожников Викжель ляпнет, что не только считает старый состав ЦИКа живым и действующим, но и принимает в разборке властей его сторону. Ладно, можно не признавать большевистский Совнарком — но съезд Советов-то и избранный им коалиционный ВЦИК чем виноваты? За что их-то объявлять нелегитимными?

Самый логичный ответ, как всегда, прост: дело отнюдь не в Совнаркоме, а в самом съезде. Ну, не в делегатах, конечно, которые в грязных сапогах на паркет поперли, а в их решениях. Воззвание — это «протокол о намерениях», самих же решений было три: декрет о мире, декрет о земле да немедленный созыв Учредительного Собрания. И едва ли принципиальные разногласия кипели вокруг третьего пункта. Вот уже год, как все основные события в Российской державе, если снять верхний слой политической фразы, определялись одним: отношением к войне.

По главному вопросу на стороне большевиков был колеблющийся и тяжело дышащий у подножья политического Олимпа народный океан. «Немецкие агенты» — это версия для пропаганды: да, конечно, сепаратный мир немцам выгоден — но это не значит, что он невыгоден России! Позиция масс была неизменна, и если *политики*, такие, как тот же Каменев, оставшись «в одиночестве на колеснице», чувствовали себя неуверенно, то *тактик* Ленин видел ситуацию по-другому: баба с возу — кобыле легче.

Любопытно все же: что именно так возмутило гордо удалившихся со съезда братьев-социалистов — попранная демократия или декрет о мире? Возможно, кое-что прояснит маленький фактик: из одиннадцати членов Временного правительства первого состава девять (кроме Гучкова и Милюкова) были масонами, а всего из 29 человек, прошедших за восемь месяцев через этот орган, масонские значки имели 23 (в том числе, естественно, и Керенский). Но и в ЦИК Петросовета первого созыва все три члена президиума — Скобелев, Чхеидзе и тот же Керенский — тоже являлись масонами. Учитывая, что масонство того времени было не столько тайным обществом, сколько насквозь прозападным деловым клубом, видно, что на самом деле и правительство, и ЦИК — это одна тусовка.

Да и соратники по Антанте были бы круглым идиотами, если бы не ассигновали определенную сумму на подкуп российской политической верхушки, и не меньшими идиотами были бы члены Военно-промышленного комитета, если бы не сделали то же самое.

Естественно, ни один из попавших в эмиграцию политических деятелей октября 1917 года о столь низменных мотивах не пишет. И у нас тоже нет оснований подозревать их в такой гадости — ради деловых связей с англичанами и французами, а тем более ради каких-то грязных разноцветных бумажек кидать в мясорубку войны новые сотни тысяч живых людей. Само собой, они — хорошие, и в своём противодействии большевикам действовали исключительно из святой и чистой любви к революции и демократии. И гражданскую войну тоже ради неё развязали...

Глава 11 **ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Никто не имеет права убивать и грабить только для того, чтобы убивать и грабить! Можно только во имя высоких национально-освободительных движений, культурных или эстетических ценностей, продвижения культуры на восток... Потому умоются кровью все, кто усомнится в нашем миролюбии!

Гай Юлий Орловский. Ричард Длинные руки

Принято думать, что белогвардейцы беззаветно сражались против красных за «батюшку-царя» — еще одна стойкая легенда о «России, которую мы потеряли». На самом деле наиболее адекватно политические взгляды белой армии отразил милый детский боевик «Новые приключения неуловимых» — помните, что началось в одесском ресторане, когда один из посетителей заказал «Боже, царя храни»?

Увы, начиная с 1917 года на построссийском пространстве противостояли не монархия и большевики, как сейчас, вслед за советскими, пытаются представить дело некоторые российские историки [Почему довоенные советские историки в качестве основного врага называли монархию — понятно. Существование претендующего на российский трон дома Романовых и бывшей имперской столицы, расположенной в тридцати километрах от границы, в случае войны было смертельно опасным. В обсуждении вопроса, почему Сталин во время войны приказал любой ценой удержать Ленинград, совершенно отсутствует политическая составляющая: если бы Гитлеру удалось взять город, он имел полную возможность посадить на российский трон императора. И что тогда?]. Там схлестнулись насмерть Февраль и Октябрь. Силы, противостоящие большевикам — это как раз те самые господа, которые довели страну до ручки. «Мальчики в розовых штанах» образца 1917 года, сторонники «войны до победного конца» во имя британских интересов, мародёры-фабриканты, выжимавшие, как лимон, государственную казну, развращенная аристократия, диссидентствующее «образованное общество». Мотивы их просты, как три копейки: выполнить «союзнический долг», вернуть свои деньги, имущество, положение в обществе, поставить вылезшего из барачных и подвальных «хама» на место, и чтобы он это место накрепко запомнил. А у интеллигенции еще и неистребимая привычка к диссидентству: какова бы ни была власть, интеллигент всегда вякнет против. Вся эта публика за то, чтобы вернуть Россию, которую они потеряли, была готова браться хоть с самим чертом и платить любую цену.

Если мы прикинем расклад сил в этой войне, то увидим интереснейшую картину. Большевики опирались лишь на самих себя и на внутренние ресурсы страны — союзников у них не было. Причина проста: ну как могло иметь дело с этой властью общество, где право собственности почиталось *священным*! В конце концов, стиснув зубы, на союз с Советской Россией пошла униженная и подвергнутая международному остракизму Германия, но и то — стоило подуть теплему ветерку с западной границы, как германские правящие круги тут же стали сворачивать контакты с СССР. Да и возникла эта связь уже после Гражданской войны. До 1920 года большевики сражались в полном одиночестве.

А вот белые легко нашли себе союзников — в первую очередь потому, что готовы были торговать Россией оптом и в розницу. Уже в сентябре семнадцатого они не прочь были в порядке борьбы со смутой сдать Петроград, да и всю страну немцам, при том что одновременно стояли за войну до победного конца. Где же логика? Как говорил один маленький ленинградский мальчик, «логика — на другом корабле».

Союзников тоже не надо долго искать, они остались еще с прежних времен. Все то же «мировое сообщество», жаждущее новых рынков и новых колоний. В популярной частушке времен Гражданской войны пелось: «Мундир английский, погон французский, табак японский, правитель омский». Вот и вторая составляющая ненависти

«цивизированного мира» к большевикам — какую вкусную добычу эти мерзавцы увели прямо из-под носа!

Конечно, если бы западные державы не были связаны войной, большевиков раздавили бы мгновенно — но разделенная на две половины Европа в то время увязла в собственных делах и до лета 1919 года разбиралась с ними. А потом время было упущено: большевики успели создать хоть и плохонькую, но армию, народ, в общем-то, был если не за них, то и не за белых, а ввязываться в новую большую войну сразу же после окончания прежней Европа была не готова. Да и стоит ли возиться с тем, чтобы добивать большевиков — сами упадут!

Этот факт настолько очевиден, что с ним не спорят даже диссиденты: большевики не имели международной поддержки («жидо-масоны» не в счёт), а за спинами белых стояла чуть ли не вся цивилизованная Европа. Крики деятелей Февраля о том, что большевики толкают страну к гражданской войне, расшифровывались следующим образом: «Предупреждаем: если большевики возьмут власть, мы развяжем против них гражданскую войну!»

Началась эта война в городе Петрограде 26 октября 1917 года.

Готтентоты

Воротынский

Так, родом он незнатен; мы знатнее.

Шуйский

Да, кажется.

Воротынский

Ведь Шуйский, Воротынский...

Легко сказать, природные князья.

Шуйский

Природные, и Рюриковой крови.

Пушкин. Борис Годунов.

Но разве это не было именно тем, чего так жаждали социалисты, о чем они говорили целых семьдесят лет? Но теперь, когда апатичные массы поднялись в грандиозном восстании, эти интеллектуалы были напуганы, в смятении. Именно они, интеллектуалы, были опекунами, хранителями или руководителями революции. Как у масс хватило безрассудной смелости взять все в свои руки?

Альберт Рис Вильямс. Путешествие в революцию

Поддавшись на простую провокацию и торжественно удалившись со съезда, братья-социалисты быстро поняли, какого сваяли дурака — и очень обиделись. Эта комическая фигурка, этот выскочка, над которым полгода смеялся весь политический Петроград, переиграл их — и с какой легкостью! Да, приятно было, будучи в большинстве, объяснять оппонентам, что надо соблюдать дисциплину и выполнять решения этого самого большинства. А вот самим соблюсти основное правило демократии братьям-социалистам оказалось куда горше...

Первую реакцию на поражение описал в своих воспоминаниях все тот же Николай Суханов:

«Ко мне подошел один из видных деятелей ЦИК...

—Что делать? — заговорил “адским шёпотом”, но в искреннем гневе мой собеседник, с искажённым лицом потрясая передо мной кулаками. — Что делать? Собрать войска и разогнать эту сволочь. Вот что делать!

Это было не только настроение. Это была программа меньшевистско-эсеровских обломков крушения в те дни. Под флагом “Комитета спасения” меньшевики... начали работать над реставрацией керенщины. Добрая половина их по-прежнему стояла за коалицию. Остальные либо признавали “законную власть Временного правительства”, либо считали необходимым создать новую власть в противовес Смольному, либо просто стояли за ликвидацию Смольного всеми средствами и путями».

Впрочем, они не только говорили «адским шепотом», но и действовали с самых первых минут, причем весьма недемократично.

«Старый ЦИК, сбежавший в лице своего большинства и в лице своих лидеров, должен был, конечно, формально сложить свои полномочия, сдать дела и отчитаться в денежных суммах... Но старый ЦИК, сбежав из Смольного в другой вооружённый лагерь, не сделал ни того, ни другого, ни третьего.

Отделы перестали работать, и большинство служащих разбрелось кто куда. Это еще довольно понятно и непредвзято. Но денежные суммы? Представьте себе: старый ЦИК унес их с собой! Служащие — кассиры, бухгалтеры и барышни по распоряжению низложенных властей набили кредитками свои карманы, напихали их, куда возможно, под платье и унесли из Смольного всю кассовую наличность...

Конечно, все было бы в порядке, если бы деньги были унесены с целью их сохранения и отчета в будущем. Ответственные люди могли опасаться за их целостность — среди необычной обстановки Смольного. Но дело обстояло совсем не так. Большинство ЦИК захватило деньги в целях дальнейшего распоряжении ими по своему усмотрению: их употребляли в дальнейшем на политические цели меньшевиков и эсеров... И все это было проделано без всяких попыток отрицать законность Второго съезда и его ЦИК. Невероятно, но вполне достоверно.

Факт захвата денег, однако, не был простой уголовщиной, хотя бы и совершаемой в политических целях. Он был именно результатом ослепления и в определенных пределах имел свою логику. Дело в том, что ЦИК, убегая из Смольного, не сложил своих полномочий и не собирался сложить их. Пользуясь захваченными средствами, старое советское большинство продолжало действовать под фирмой верховного советского органа... Не оспаривая законности нового ЦИК и не собирая заседаний старого, они пользовались и именем, и материальными средствами бывшего советского центра в своей войне против нового строя».

Милая картинка? В принципе, почерк знакомый. Российские политики, едва почуввав в себе хоть какую-то силушку, забывают о парламентских методах с легкостью необыкновенной. Это подтверждается, кстати, куда более близкими нам событиями «перестройки», например... Но и первый отрывок из Суханова чрезвычайно характерен — чем не октябрь 1993 года?

Между тем новая власть была ничуть не менее легитимна, чем старая. Вспомним, как появилось на свет Временное правительство. В дни февральской смуты некоторое количество деятелей уже распущенной Государственной Думы образовали «Временный комитет», который после отречения царя создал правительство. С точки зрения закона это была даже большая узурпация власти, чем в октябре: Ленин, по крайней мере, опирался на официально действующий съезд если и не слишком законного, то хотя бы **признанного его оппонентами** представительного органа — ведь эсеры и меньшевики всю дорогу, начиная с февраля, работали в Советах, а стало быть, считали их властной структурой. А Временное правительство опиралось просто на кучку людей, объявивших себя каким-то «комитетом». Да и с правительством этим большевики поступили точно так же, как сформировавшая его Дума в свое время поступила с царскими министрами.

Но кого это волнует, когда речь идет о таких день... простите, о выполнении святого союзнического долга и спасении России!

Вели себя бывшие братья по борьбе чрезвычайно вызывающе — в июле большевиков арестовывали за куда меньшие прегрешения. Однако новая власть политических противников пока не трогала. Она демонстрировала просто удивительное миролюбие, до поры позволяя им развлекаться по полной программе и все больше демонстрировать перед всеми тот факт, что они выполняют политические правила только до тех пор, пока ситуация их устраивает. При этом большевики по-прежнему не грешили против правил.

Естественно, сие никоим образом не говорит об их приличности — это была самая отвязанная политическая сила того времени — а лишь о чисто тактическом превосходстве. Перед тем, как перейти к силовым действиям, они собирались до конца использовать ресурс *устава* и *протокола*. И, само собой, они не собирались делать из своих противников мучеников за идею, предпочитая оставить эту выигрышную позицию за собой.

А вот у другой стороны нервы сдали всерьёз.

* * *

Гордо удалившись со съезда, братья-социалисты вместе с другими представителями петроградской общественности пошли защищать Временное правительство. В изложении того же Джона Рида, совершившего поздним вечером ещё одну экскурсию в Зимний, выглядел этот акт высокого мужества следующим образом:

«То было изумительное зрелище. Как раз на углу Екатерининского канала под уличным фонарем цепь вооружённых матросов перегораживала Невский, преграждая дорогу толпе людей, построенных по четыре в ряд. Здесь было триста-четырееста человек: мужчины в хороших пальто, изящно одетые женщины, офицеры — самая разнообразная публика. Среди них мы узнали многих делегатов съезда, меньшевистских и эсеровских вождей. Здесь был и худощавый рыжебородый председатель исполнительного комитета крестьянских Советов Авксентьев, и сподвижник Керенского Сорокин, и Хинчук, и Абрамович, а впереди всех — седобородый петроградский городской голова старый Шрейдер и министр продовольствия Временного правительства Прокопович, арестованный в это утро и уже выпущенный на свободу. Я увидел и репортёра газеты "Russian Daily News" Малкина. "Идём умирать в Зимний дворец!" — восторженно кричал он. Процессия стояла неподвижно, но из её передних рядов неслись громкие крики, Шрейдер и Прокопович спорили с огромным матросом, который, казалось, командовал цепью.

"Мы требуем, чтобы нас пропустили! — кричали они. — Вот эти товарищи пришли со съезда Советов! Смотрите, вот их мандаты! Мы идём в Зимний дворец!.."

Матрос был явно озадачен. Он хмуро чесал своей огромной рукой в затылке. "У меня приказ от комитета — никого не пускать во дворец, — бормотал он. — Но я сейчас пошлю товарища позвонить в Смольный..."

"Мы настаиваем, пропустите! У нас нет оружия! Пустите вы нас или нет, мы всё равно пойдём!" — в сильном волнении кричал старик Шрейдер.

"У меня приказ..." — угрюмо твердил матрос.

"Стреляйте, если хотите! Мы пойдём! Вперёд! — несло со всех сторон. — Если вы настолько бессердечны, чтобы стрелять в русских и товарищей, то мы готовы умереть! Мы открываем грудь перед вашими пулемётами!"

"Нет — заявил матрос с упрямым взглядом. — Не могу вас пропустить".

"А что вы сделаете, если мы пойдём? Стрелять будете?"

“Нет, стрелять в безоружных я не стану. Мы не можем стрелять в безоружных русских людей...”

“Мы идём! Что вы можете сделать?”

“Что-нибудь да сделаем, — отвечал матрос, явно поставленный в тупик. — Не можем мы вас пропустить! Что-нибудь да сделаем...”

“Что вы сделаете? Что сделаете?”

Тут появился другой матрос, очень раздражённый. “Мы вас прикладами! — решительно вскрикнул он. — А если понадобится, будем и стрелять. Ступайте домой, оставьте нас в покое!”

Раздались дикие вопли гнева и негодования. Прокопович влез на какой-то ящик и, размахивая зонтиком, стал произносить речь.

“Товарищи и граждане! — сказал он. — Против нас применяют грубую силу! Мы не можем допустить, чтобы руки этих темных людей были запятнаны нашей невинной кровью! Быть расстрелянными этими стрелочниками — ниже нашего достоинства. (Что он понимал под словом «стрелочники», я так и не понял.) Вернемся в думу и займемся обсуждением наилучших путей спасения страны и революции!”

После этого толпа в строгом молчании повернулась и двинулась вверх по Невскому, всё ещё по четверо в ряд».

Домаршировав до городской думы, они всерьёз озаботились спасением родины и революции... ну конечно же, образовав ещё один комитет, который так и назывался — Комитет спасения родины и революции. Естественно, он тут же объявил себя высшей властью. Петроградская городская дума, заявив, что она является единственной легитимной властной структурой, сделала то же самое. Лейтмотив был один: большевики — разбойники и грабители, их конец — вопрос нескольких часов, так что нечего тут...ю К Комитету спасения примыкали все новые и новые организации: ЦИК, исполком крестьянских советов, Центральный армейский комитет, Центрофлот, центральные комитеты партий меньшевиков, эсеров и народно-социалистической партии, крестьянский союз, почтово-телеграфный союз, Викжель, Союз союзов [«Союз союзов» — организация, объединявшая союзы служащих государственных учреждений столицы.], торгово-промышленный союз, кооперативы, земства, городские самоуправления...

26 октября, когда еще не закончился съезд Советов, Комитет выпустил своё первое воззвание.

«Гражданам Российской республики.

25 октября большевиками Петрограда вопреки воле революционного народа преступно арестована часть Вр. правительства, разогнан Временный Совет Российской республики и объявлена незаконная власть.

Насилие над правительством революционной России, совершенное в дни величайшей опасности от внешнего врага, является неслыханным преступлением против родины.

Мятеж: большевиков наносит смертельный удар делу обороны и отодвигает всем желанный мир.

Гражданская война, начатая большевиками, грозит свергнуть страну в неопишемые ужасы анархии и контрреволюции и сорвать Учредительное Собрание, которое должно упрочить республиканский строй и навсегда закрепить за народом землю.

Сохраняя преемственность единой государственной власти. Всероссийский комитет спасения родины и революции возьмет на себя инициативу воссоздания Временного правительства, которое, опираясь на силы демократии, доведет страну до Учредительного Собрания и спасёт её от контрреволюции и анархии.

Всероссийский комитет спасения родины и революции призывает вас, граждане:

*Не признавайте власти насильников!
Не исполняйте их распоряжений!
Встаньте на защиту родины и революции!*

Поддерживайте Всероссийский Комитет Спасения Родины и революции!» [Цит по: Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М, 1958. С. 108 — 109.]

Как видим, Геббельсу было у кого учиться искусству наглой лжи. Гражданскую войну начали никоим образом не большевики, а Керенский, который помчался за казаками. О законности власти Совнаркома мы уже говорили, а писать, что «временные» арестованы вопреки воле революционного народа... впрочем, тут авторы воззвания были правы. Народ — помните, там, на набережной? — предлагал сразу отрезать им головы и кинуть в Неву. Пожалуй, всё-таки **вопреки**...

О том, какие слова произносил рабочий или солдат, прочитав ненавистное слово «оборона», или что говорил крестьянин, услышав обещание, что Учредительное Собрание (которое, как твердили на протяжении всех этих восьми месяцев, состоится после победоносного окончания войны) даст ему землю — которую **уже дал** съезд Советов...

Впрочем, рассчитан сей опус был не на морлоков — он предназначался для «чистой» публики. На грамотного обывателя обрушился целый вихрь воззваний, прокламаций, газетных статей. Его пугали голодом, немцами, погромами, уверяли, что большевики пришли к власти незаконно, что все их обещания — ложь, грозили возмездием Божиим, союзническим и криминальным. Народ, неграмотный, но не темный, встречал эту печатную продукцию смехом: мол, проиграли, а теперь машут после драки кулаками.

В городе, везде, где только можно было помитинговать, кипели возмущенные толпы. Они были чрезвычайно трусливы и разбегались при виде одиночного броневика — но большевистское правительство ещё не дозрело до того, чтобы гасить страсти свинцовым дождем — это придет позже. Пока что митингующих пытались утихомирить немногочисленные красногвардейские караулы. Естественно, тщетно пытались...

* * *

Совершенно замечательно обстановку 26 октября изложил Джон Рид. Он хоть и сочувствовал большевикам, однако пытался все же быть объективным, и эта объективность хорошего журналиста получилась покруче любой агитации. Итак, ему слово.

«В этот день я видел в огромном амфитеатре Николаевского зала бурное заседание городской думы, объявленное беспрерывным. Здесь были представлены все силы антибольшевистской оппозиции. Величественный, седобородый и седовласый городской голова Шрейдер рассказывал собравшимся, как прошлой ночью он отправился в Смольный, чтобы заявить протест от имени городского самоуправления. “Дума, являющаяся в настоящий момент единственной в городе законной властью, созданной на основе всеобщего, прямого и тайного голосования, не признает новой власти!” — заявил он Троцкому. В ответ Троцкий сказал: “Что ж, на это есть конституционные средства. Думу можно распустить и переизбрать...” Рассказ Шрейдера вызвал бурю негодования...

“Если вообще признавать правительство, созданное штыками, — продолжал старик, обращаясь к думе, — то такое правительство у нас есть. Но я считаю законным только такое правительство, которое признается народом, большинством, а не такое, которое создано кучкой узурпаторов...” [А если правительство, созданное штыками, признается большинством народа — как тогда?]

Городской голова среди шума и криков сообщает, что большевики уже нарушили права городского самоуправления, назначив в ряд отделов своих комиссаров... Кадет

Шингарев потребовал, чтобы все служащие городского самоуправления, согласившиеся быть комиссарами Военно-революционного комитета, были смещены и преданы суду.

...

Время от времени появлялись связные и приносили новости, переданные им по телефону. Большевики выпустили из тюрьмы четырех министров-социалистов. Крыленко отправился в Петропавловскую крепость и сказал адмиралу Вердеревскому, что морской министр дезертировал и что он, Крыленко, уполномочен Советом народных комиссаров просить его ради спасения России взять на себя управление министерством. Старый моряк согласился... [Не так уж и стар был контр-адмирал Вердеревский — осенью 1917 г. ему исполнилось 44 года.] Смольный издал новый декрет, расширяющий полномочия городских дум в продовольственной области».

И как, вы думаете, отреагировала дума на расширение своих прав?

«Последнее было воспринято как дерзость и вызвало необычайный взрыв негодования. Он, Ленин, узурпатор, насильник... смеет устанавливать пределы полномочий свободного независимого и автономного городского самоуправления! Один из членов думы, потрясая кулаками, внес предложение вовсе прекратить доставку в город продовольствия, если только большевики посмеют вмешиваться в дела комитетов снабжения...»

Вот и пойми причину их возмущения. То ли они протестовали против расширения полномочий из несогласия с новой властью, то ли их заботила автономия от Совнаркома, который не был в доле с членами продовольственных комитетов — а вы представляете, какие бабки наваривались в этих структурах во время голода!

«Александровский зал был тоже набит битком. Шло заседание Комитета спасения. Выступал Скобелев: “Никогда, — сказал он, — положение революции не было так остро, никогда вопрос о самом существовании Российского государства не возбуждал столько тревоги. Никогда еще история так резко и так категорически не ставила перед Россией вопрос — быть или не быть? Настал великий час спасения революции, и, сознавая это, мы охраняем тесное единение всех живых сил революционной демократии, организованная воля которой уже создала центр для спасения родины и революции. Мы умрем, но не покинем нашего славного поста...”»

Я не просто так привожу эти скучные и напыщенные речи. Как видим, в обоих залах процветает не просто болтовня, но болтовня вполне определенного толка, а именно — февральская. Правая половина российского политического спектра по-прежнему помалкивает, выжидая. В первую голову против большевиков выступили демократические деятели, и ясно почему (если вынести за скобки декрет о мире). Их оскорбили в лучших чувствах, попытавшись начать делать дело, которое не является словом. Между тем для всех российских «демократов», как тогдашних, так и нынешних, делом является именно произнесенное с трибуны слово. Большевики, остро нуждавшиеся в любых кадрах, ни для кого не закрывали возможность работы. Есть данные, что впоследствии консультантом ВЧК был даже такой одиозный человек, как бывший шеф жандармов Российской империи Джунковский. Но вот трибунная политическая болтовня больше не требовалась, и господа политики ощутили себя выброшенными из жизни.

Именно в эти первые послеоктябрьские дни родилась ещё одна, на редкость устойчивая байка о зверствах большевиков во время переворота. Какое нынешнее «патриотическое» издание ни возьми, непременно наткнешься на упоминание мальчишеско-юнкеров, заколотых штыками, изнасилованных женщин из ударного батальона, замученных в Петропавловке министров. Правда, при попытке **проверить** эти рассказы конкретных жертв почему-то не находилось: выяснялось, что и члены Временного правительства живы и здоровы, и юнкера распущены по домам, а у бравых ударниц если что и было — то “по согласию”, — но кого это интересовало?

Пытаясь постигнуть сложные мотивы русских политиков, Джон Рид приводит очаровательную сценку:

«Мы разговорились с одним молодым эсером, который в свое время вместе с большевиками ушел с Демократического совещания...»

“Вы здесь?” — спросил я его.

В его глазах вспыхнул огонь. “Да! — воскликнул он. — В среду ночью я вместе со своими партийными товарищами ушел со съезда. Не для того я двадцать лет рисковал жизнью, чтобы теперь подчиниться тирании темных людей... Их методы нетерпимы. Но они не подумали о крестьянах... когда поднимется крестьянство, их конец станет вопросом минуты!”

“Но крестьяне — выступают ли они? Разве декрет о земле не удовлетворил крестьян? Чего же им еще желать?”

“Ах, этот декрет о земле! — в бешенстве закричал он. — А знаете ли вы, что такое этот декрет о земле? Это наш декрет, целиком эсеровская программа! Моя партия выработала основы этой политики после самого тщательного исследования крестьянских требований! Это неслыханно...”

“Но если это ваша собственная политика, то против чего вы возражаете? Если таковы желания крестьянства, то с какой же стати оно будет выступать против?”

“Как же вы не понимаете! Разве вам не ясно, что крестьяне немедленно поймут, что это просто обман, что эти узурпаторы обокрали нашу эсеровскую программу?”»

Ленин точно так же недоуменно пожимал плечами: если декрет о земле отражает желания народа, то какая разница, на программе какой партии он построен? Совершенно замечательно и рассуждение о «нетерпимых методах» в устах эсера — партии, располагающей самой мощной террористической организацией, чьи боевики наводили страх на страну. А чего стоит великолепное убеждение, что крестьяне поднимутся, чтобы восстановить попорченную честь эсеров, программу которых — о ужас! — реализовал кто-то другой...

Но дальше было ещё ослепительней, поскольку дошло до вещей конкретных.

«Я спросил его: “Верно ли, что Каледин двигается к северу?”»

Он кивнул головой и стал потирать руки с каким-то ожесточенным удовлетворением. “Совершенно верно!.. Теперь вы видите, что натворили эти большевики. Они подняли против нас контрреволюцию. Революция погибла. Погибла революция”.

“Но ведь вы будете защищать революцию?”

“Конечно, мы будем защищать ее до последней капли крови! Но сотрудничать с большевиками мы ни в коем случае не станем...”

“Ну, а если Каледин подступит к Петрограду, а большевики встанут на защиту города. Разве вы не присоединитесь к ним?”

“Разумеется, нет! Мы тоже будем защищать город, но только не вместе с большевиками! Каледин — враг революции, но и большевики — такие же её враги”.

“Кого же вы предпочитаете — Каледина или большевиков?”

“Да не в этом дело! — нетерпеливо крикнул он. — Я говорю вам, революция погибла. И виноваты в этом большевики.

Смольный уже послал к нам делегатов с предложением сформировать новое правительство. Но теперь они в наших руках: они абсолютно бессильны... Мы не будем сотрудничать...”».

Практическому американскому уму, выросшему на рассказах о покорителях Дикого Запада, не понять этого утонченного мазохизма: собеседнику важно не спасти революцию, а констатировать факт, что революция погибла по вине тех, кого он не любит. Большевики в августе вели себя иначе...

В июне 1917 года, когда Ленин на заседании Петросовета на вопрос о том, есть ли партия, которая способна сейчас взять власть, прокричал свое «Есть такая партия!» — его встретили смехом. Сейчас большевики реально взяли власть — и им ответили ненавистью.

Собрать войска и разогнать эту сволочь!

Стоит интеллигенту переступить некую внутреннюю черту — и бандиту рядом с ним становится нечего делать!

Евгений Лукин. Алая аура протопарторга

Следующие два дня ушли на агитацию. Заводы стояли за Совнарком, «чистая» публика — за «комитет спасения». Шла пропагандистская битва за гарнизон. Задача «комитета» облегчалась тем, что им не надо было перетягивать гарнизон на свою сторону — достаточно нейтралитета. Зачем — станет ясно пару дней спустя.

Особенно кипели страсти в Михайловском манеже, где размещался полк броневиков. Обращаемся снова к основному журналистскому свидетельству о тех днях:

«Манеж: был тускло освещен единственным фонарем, висевшим под самым потолком огромного помещения. В темноте смутно маячили высокие пилястры и окна. Кругом были видны неясные чудовищные очертания броневых машин. Одна из них стояла в самом центре помещения под фонарем. Вокруг нее столпилось до двух тысяч одетых в серовато-коричневую форму солдат, почти терявшихся в огромном пространстве величественного здания. Наверху броневика находилось до дюжины человек: офицеры, председатель солдатского комитета, ораторы... [Интересно, как они все там поместились?] Поручик в кожаной тужурке, председатель Всероссийского съезда броневых частей, говорил речь:

“Страшно русскому убивать своих же братьев русских. Между солдатами, которые плечом к плечу выступали против царя, плечом к плечу били внешнего врага в боях, которые войдут в историю, не должно быть Гражданской войны! Что нам, солдатам, до всей этой свалки политических партий?.. Мы не хотим гражданской войны, нет не хотим. Но нам необходимо правительство объединенной демократии, в противном случае Россия погибла! При таком правительстве не понадобится гражданской войны и братоубийства”».

Его слушали. Впрочем, слушали всех — делегатов с фронта, думцев, социалистов, большевиков, — кроме тех, кто агитировал за «войну до победного». Таким говорить не давали.

«Мне никогда не приходилось видеть людей, с таким упорством старающихся понять и решить. Совершенно неподвижно стояли они, слушая ораторов с каким-то ужасным, бесконечно напряженным вниманием, хмуря брови от умственного усилия. На их лбах выступал пот. То были гиганты с невинными детскими глазами, с лицами эпических воинов».

Простим американцу его экспансивность — обстановка не располагала к сдержанности. Постараемся лучше их увидеть. Броневые части были элитными войсками, туда отбирали лучших — но даже эти лучшие едва ли имели больше, чем начальное образование, а им предстояло разобраться в паутине слов, сплетенных профессиональными политиками, понять, говоря современным языком, «где здесь наколка». Один раз — в феврале — их уже обманули, оплели красивыми речами. Дать еще один шанс социалистам? Или не давать? Найдется ли кто-нибудь, кто не будет призывать их на свою сторону, а просто объяснит, что происходит?

Основной закон пропаганды — сделать так, чтобы человек мог поступить согласно формуле, изложенной в песне, которая будет написана семьдесят лет спустя: «Я возьму своё там, где я увижу своё».

«Вдруг между комитетчиками и офицерами, стоявшими на броневике, начался горячий спор... Солдат, которого удерживал офицер, вырвался и высоко поднял руку.

“Товарищи! — закричал он. — Здесь товарищ Крыленко, он хочет говорить!”

Раздался взрыв криков, аплодисментов и свистков... Среди невообразимого гула и рева народный комиссар по военным делам, подталкиваемый и подсаживаемый со всех сторон, взобрался на броневик. Постояв минутку, он перешел на радиатор, уперся руками в бока и, улыбаясь, огляделся. Приземистая фигура на коротких ногах, в военной форме, без погон и с непокрытой головой...

“Товарищи солдаты! — начал Крыленко хриплым от усталости голосом. — Я не могу как следует говорить, прошу извинить меня, но я не спал целых четыре ночи...

Мне незачем говорить вам, что я солдат. Мне незачем говорить вам, что я хочу мира. Но я должен сказать вам, что большевистская партия, которой вы и все остальные храбрые товарищи, навеки сбросившие власть кровожадной буржуазии, помогли совершить рабочую и солдатскую революцию, — что эта партия обещала предложить всем народам мир. Сегодня это обещание уже исполнено!”

Гром аплодисментов...

“Вас уговаривают оставаться нейтральными — оставаться нейтральными в тот момент когда юнкера и ударники, никогда не знающие нейтралитета, стреляют в нас на улицах и ведут на Петроград Керенского или ещё кого-нибудь из той же шайки... Меншевики и эсеры просят вас не допускать Гражданской войны. Но что же давало им самим возможность держаться у власти, если не Гражданская война, та Гражданская война, которая началась еще в июле и в которой они постоянно стояли на стороне буржуазии, как стоят и теперь?”

Как я могу убеждать вас, если ваше решение уже принято? Вопрос совершенно ясен. На одной стороне — Керенский, Каледин, Корнилов, меньшевики, эсеры, кадеты, городские думы, офицерство... Они говорят вам, что их цели очень хороши. На другой стороне — рабочие, солдаты, матросы, беднейшие крестьяне. Правительство в ваших руках. Вы хозяева положения. Великая Россия принадлежит вам. Отдадите ли вы ее обратно?”

Крыленко еле держался на ногах от усталости. Но чем дальше он говорил, тем яснее проступала в его голосе глубокая искренность, скрывавшаяся за словами. Кончив свою речь, он пошатнулся и чуть не упал. Сотни рук поддержали его. И высокий, темный манеж: задрожал от грохота аплодисментов».

Вспомним еще раз большевика Баскакова из повести Гайдара.

«—Семен Иванович! — крикнул я, дергая Галку за рукав. — А я-то разве думал... Как он с ними... Он даже не речь держит, а просто разговаривает».

Большевики двадцать лет занимались пропагандой в народных низах, она была фундаментом их тактики, и уж что-что — а это они умели. Крыленко говорил как раз те слова, которые хотели услышать люди, оплачивавшие своей кровью чужие прибыли. Кроме того, он говорил правду, ибо братья-социалисты даже и в этот момент заседали в помещении городской думы в компании представителей буржуазии. А главное, ясно было, что эта публика мира не даст.

Гарнизон — если и не весь, то значительная его часть — остался на стороне большевиков. Это и решило исход следующего дня.

Ранним утром 29 октября в Смольном внезапно замолчали телефоны. Причина выяснилась скоро: около 7 утра на петроградскую телефонную станцию явилась рота солдат Семеновского полка. Они выглядели как свои и знали пароль, так что никто ничего не заподозрил до тех пор, пока они не разоружили охрану и не посадили под замок производившего инспекцию Антонова-Овсеенко. Странные солдаты оказались переодетыми юнкерами. Они укрепились на станции и на все попытки большевистских отрядов прорваться туда огрызались огнём.

В то же время другие отряды заняли телеграф и военную гостиницу -но красные их вскоре оттуда выбили. Так начался мятеж, подготовленный «комитетом спасения». В комитете было всякой твари по паре, однако вооруженный мятеж требует весьма специфического боевого опыта. И люди с таким опытом нашлись. Ведущую роль в заговоре сыграли бывшие товарищи большевиков по борьбе против существующего строя — эсеры.

В 1922 году на «процессе эсеров» один из участников тех событий, секретарь военной комиссии ЦК партии социалистов-революционеров Ракитин-Броун рассказывал об этом так:

«Я, Краковецкий и Брудерер созвали заседание военной комиссии, на котором было решено выступить, как только войска Керенского подойдут близко к Петрограду. Соответственно этому мы укрепили те связи с эсеровскими ячейками, которые имелись во всех юнкерских частях... 10 ноября я был на свидании с Гоцем. Гоц заявил, что “комитет спасения родины и революции” назначил в качестве руководителя восстанием полковника Полковникова» [Цит. По: История Гражданской войны в СССР. Т.2. М, 1947. С. 328 — 329.].

Вечером 28 октября состоялось тайное заседание, на котором был выработан окончательный план восстания. В первую очередь мятежники собирались захватить телефонную станцию и Михайловский манеж, тот самый, где стояли броневики. Этим должны были заняться юнкера Николаевского военного училища, которое располагалось в Инженерном замке — оттуда и до телефонной станции, и до Манежа совсем недалеко. Павловское и Владимирское училища должны были захватить Петропавловскую крепость. Затем вместе с ударниками, расквартированными во дворце Кшесинской, им предстояло, согласно плану взять Смольный.

Однако восставшим не повезло. Один из руководителей, член ЦК партии эсеров Брудерер, был задержан красногвардейским патрулем. При обыске у него нашли документы, по которым быстро установили, что готовится мятеж, а также какие части должны принять в нем участие [Тоже мне, конспираторы!]. ВРК успел вовремя предупредить районные советы, воинские части и заводы и даже частично подготовиться к удару. Такова официальная версия — но Джону Риду, например, «один знакомый журналист» ещё накануне вечером под строжайшим секретом поведал, что выступление начнется в полночь. А коль скоро о грядущем мятеже знали журналисты, то уж наверное, знали и большевики.

Ну, не в полночь, допустим... но в 2 часа ночи Полковников отдал следующий приказ по Петроградскому гарнизону:

«По поручению “Всероссийского комитета спасения родины и революции” я вступил в командование войсками спасения.

Приказываю:

1) Никаких приказаний Военно-революционного комитета большевистского не исполнять.

2) Комиссаров Военно-революционного комитета во всех частях гарнизона арестовать и направить в пункты, которые будут указаны дополнительно.

3) Немедленно прислать от каждой отдельной части по одному представителю в Николаевское военное училище (Инженерный замок).

4) *Все, не исполнившие этот приказ, будут считаться врагами родины и изменниками делу революции»* [Там же. С. 330.].

Трудно сказать, был ли этот приказ разослан всем частям гарнизона, или же только своим, но практически сразу на улицах появились юнкера, которые стали ловить и обезоруживать красногвардейские патрули.

В 4 часа ночи Николаевское училище подняли и выстроили во дворе, выдали боевые патроны. Какой-то полковник произнес короткую речь, сказав, что к 11 часам в город войдут войска Керенского, а до тех пор надо захватить Михайловский манеж и телефонную станцию. И то, и другое взяли без труда — правда, овчинка едва ли стоила выделки, ибо исправными в манеже оказались всего лишь пять броневиков.

В 8.30 утра, после того, как были выключены телефоны Смольного, в воинские части поступил еще один приказ:

«29 октября войсками “комитета спасения родины и революции” освобождены все юнкерские училища и казачьи части; занят Михайловский манеж, захвачены броневые и орудийные автомобили, занята телефонная станция и стягиваются силы для занятия оказавшихся благодаря принятым мерам совершенно изолированными Петропавловской крепости и Смольного института — последних убежищ большевиков. Предлагаем сохранить полнейшее спокойствие, оказывая всемерную поддержку комиссарам и офицерам, исполняющим боевые приказы командующего армией “спасения родины и революции” полковника Полковникова и его помощника подполковника Краковецкого, арестовывая всех комиссаров так называемого Военно-революционного комитета. Всем воинским частям, опомнившимся от угара большевистской авантюры и желающим послужить делу революции и свободы, приказываю немедленно стягиваться в Николаевское инженерное училище; всякое промедление будет рассматриваться как измена революции и повлечет за собой принятие самых решительных мер».

Подписали воззвание председатель Совета республики эсер Авксентьев, председатель «Комитета спасения» эсер Гоц, комиссар комитета Синани и член ЦК эсеровской партии Броун, тем самым торжественно расписавшись, какая именно партия является автором мятежа.

Правда, деятели «комитета» немножко исказили реальное положение дел: к тому времени окружены и изолированы были не Смольный и Петропавловская крепость, а юнкерские училища.

Телефонную станцию осадили матросы, которые устроились за наспех построенными баррикадами посреди Морской улицы, постреливая по окнам. Не трогали только автомобили Красного Креста, курсировавшие между осажденным зданием и городом. Вот очередной автомобиль, покружив для вида по улицам, въехал во двор Михайловского юнкерского училища. По короткому приказу стоявшего посреди двора французского офицера его стали загружать боеприпасами и продовольствием...

По улицам курсировали броневики из расформированного английского бронедивизиона. Когда на Исаакиевской площади матросы с баррикады обстреляли один такой броневик, тот, ничтоже сумняшеся, стал поливать пулеметным огнем уличную толпу. С ним справились — в числе убитых оказался английский офицер.

На подступах к Владимирскому училищу завязался настоящий бой, в котором участвовали красногвардейцы, солдаты Гренадерского резервного полка, огнеметно-химического батальона, пулеметного батальона и моряки школы моторных машинистов. Из Петропавловской крепости прибыли броневик «Ярослав» и два орудия. После того, как начался обстрел, юнкера вывесили белые флаги. Осаждающие, раз такое дело, открыто пошли к училищу — и тут их встретили огнём.

Обозленные красные части удвоили усилия, и к четырем часам все было кончено. Сгоряча осаждавшие, которые потеряли около ста человек, убили пятерых юнкеров, но остальных все же благополучно доставили по назначению: раненых — в лазареты, а

здоровых — в Петропавловскую крепость, несмотря на «военную хитрость», поставившую осажденных вне воинских законов.

(Кстати, это ещё вопрос: были ли юнкера образца 1917 года теми безусыми мальчишками, над печальной судьбой которых столько плакали наши журналисты? Едва ли мальчишки смогли бы так грамотно обороняться от солдат и матросов, да и выдать себя за солдат Семеновского полка им было бы затруднительно. Есть у меня одно предположение, которое, кстати, подтверждается фотографией, опубликованной в «Истории Гражданской войны». Подпись под ней гласит: «Юнкера после разгрома дворца Кшесинской в июле 1917 года», а изображена там на заваленной бумагами мраморной лестнице группа вполне взрослых усатых мужиков явно фронтового вида. Предположение же простое: юнкерами именовались все слушатели учебных заведений, готовивших офицеров, в том числе и назначенные к производству нижние чины-фронтовики.)

Впрочем, русский город есть русский город: стрельба была сама по себе, а жизнь — сама по себе. Магазины торговали, трамваи ходили, кинематографы крутили фильмы, даже телефон работал — не соединяли только Смольный и других абонентов-большевиков. Зато «Комитет спасения» исправно переговаривался с юнкерскими училищами и даже с Керенским, сидевшим в Царском Селе. Английские и французские офицеры принимали самое деятельное участие в событиях, формально их не касающихся. У них была своя цель: не допустить выхода России из войны, а с остальным разберемся потом.

По ходу событий, поняв, что дело проиграно, незаметно исчез полковник Полковников и другие руководители мятежа, бросив рядовых исполнителей своих «освободительных» планов на произвол судьбы.

Последней пала телефонная станция. Находившийся там американский журналист Альберт Рис Вильяме рассказал потом Джону Риду, как все это было. Такая картина, право же, достойна золотой рамы...

«Телефонная станция держалась до самого вечера, когда появился большевистский броневик, и матросы пошли на приступ. Перепуганные телефонистки с криком бегали по зданию. Юнкера срывали с себя все знаки различия, а один из них, решивший скрыться, предлагал Вильямсу за его пальто всё, что он захочет... “Они нас перебьют! Они нас перебьют!” — кричали юнкера, ибо многие из них еще в Зимнем дворце обещали не поднимать оружия против народа [После штурма Зимнего дворца захваченных там юнкеров отпускали под честное слово, что они больше не будут выступать против Советов.]. Вильямс предложил им свое посредничество, если они выпустят Антонова. Это было немедленно исполнено. Антонов и Вильяме обратились с речью к победителям-морякам, озлобленным большими потерями, и юнкера снова были отпущены на свободу... [Интересно, сколько из них вскоре материализовалось на Дону?] Но некоторые из них, перепугавшись, пытались бежать по крыше или спрятаться на чердаке. Их переловили и выбросили на улицу.

Измученные, покрытые кровью, торжествующие матросы и рабочие ворвались в аппаратный зал и, увидев сразу столько хорошеньких девушек, смутились и нерешительно затоптались на месте. Ни одна девушка не пострадала, ни одна не подверглась оскорблению. Перепуганные, они забились в угол и затем, почувствовав себя в безопасности, дали волю своей злости. “У, грязные мужики, невежды! Дураки!..” Матросы и красногвардейцы совсем растерялись. “Звери! Свиньи!” — визжали девушки, с негодованием надевая пальто и шляпы. Как романтичны были их переживания, когда они передавали патроны и делали перевязки своим смелым молодым защитникам, юнкерам, из которых многие были из лучших русских семей и сражались за возвращение обожаемого царя [Ну, насчёт «обожаемого царя» — это можно поспорить. Хотя молодые девушки традиционно обожали монарха, было такое в Российской империи...]! А тут все были рабочие да крестьяне — “тёмный народ””...

Комиссар Военно-революционного комитета, маленький Вишняк, пытался убедить девушек остаться. Он был необычайно вежлив. “С вами очень плохо обращались,- говорил он. — Телефонная сеть находилась в руках городской думы. Вам платили по 60 рублей в месяц, заставляли работать по десять часов в сутки и больше... Отныне все будет по-другому. Правительство передаст сеть министерству почт и телеграфов. Вам немедленно подымут жалование до 150 рублей и уменьшат рабочий день. В качестве членов рабочего класса вы должны быть счастливы...”

“Члены рабочего класса! Уж не думает ли он, что между этими... этими животными и нами есть что-нибудь общее? Остаться? Да хоть бы вы нам дали по тысяче рублей!..” И девушки с величайшим презрением покинули здание.

Остались только служащие, монтеры и рабочие. Но коммутаторы должны работать: телефон был жизненно необходим... Имелось же всего полдюжины опытных телефонисток. Вызвали добровольцев. На призыв ответило до сотни матросов, солдат и рабочих. Шестеро девушек носились кругом, инструктируя, помогая, бранясь... Дело пошло кое-как, но все-таки пошло, и провода снова загудели. Прежде всего установили связь между Смольным, казармами и фабриками, затем отрезали сообщение с думой и юнкерскими училищами... Поздно вечером слух об этом распространился по всему городу, и сотни представителей буржуазии орали в телефонные трубки: “Дураки! Черти! Вы думаете, это надолго? Погодите, вот придут казаки!”» [Джон Рид. Десять дней которые потрясли мир. С. 167 — 169.]

С прочими училищами проблем не возникло. Юнкера явно не хотели умирать за Керенского и компанию. Уже второй раз за три месяца в России повторилась история Наполеона — и опять в виде фарса.

Великая битва теней

Ах, эти русские! Что за оригиналы! Хороша гражданская война! Всё, что угодно, только не дерутся...

Реплика неизвестного французского офицера на вокзале в Царском Селе 29 октября 1917 г.

Мы оставили Керенского в полдень 25 октября, когда он на автомобиле американского посольства покинул Зимний и отправился в сторону фронта, возглавить войска, вызванные в Петроград для усмирения мятежа.

В Гатчине никаких прибывших с фронта войск не оказалось. Местный гарнизон производил совершенно революционное впечатление, и, едва заправив машину, министр-председатель помчался дальше. К вечеру он добрался до Пскова, где стоял штаб Северного фронта, и там выяснил, что надеяться ему особо не на что...

...День этот в штабе Северного фронта выдался неопределенным и горячим. С одной стороны, рано утром пришел приказ послать войска в Петроград, на помощь Временному правительству. С другой, положение в столице было двусмысленным, и генерал Черемисов не испытывал ни малейшего желания делать из фронтовых солдат карателей, выполняя приказ уже, может быть, свергнутого правительства. Что в таком случае следует делать? Правильно, воспользовавшись демократией, поставить сложный вопрос на обсуждение общественности — авось он там и утонет. Так и Черемисов: впредь до выяснения создавшегося положения он отменил отправку войск в Петроград и уселся совещаться вместе с комиссаром фронта, председателем фронтового комитета и председателем местного Совета.

Сначала заседали сами, потом решили опросить армии — как те отнесутся к данному приказу. Из трех армий одна ответила, что выполнит, другая намеревалась

сидеть на месте, третья соглашалась послать войска, но не против нового правительства, а в помощь ему. Конечно, если хотеть что-то делать — то можно было воспользоваться ответом одной из армий, но в целом среднее арифметическое настроения войск равнялось нулю, и это давало повод по-прежнему сидеть на месте. Где-то в середине дня образовался Северо-Западный военно-революционный комитет, и теперь генерал Черемисов мог оправдывать свое бездействие ещё и необходимостью подчиниться силе.

Вечером из Петрограда практически одновременно прибыли приказ об аресте Керенского и он сам с повелением срочно послать войска. Умный Черемисов не стал выполнять ни того, ни другого. Министру-председателю он посоветовал скорее отправляться в Ставку, а то, не ровен час, и вправду арестуют — и ушел на очередное совещание с местным ВРК.

Тогда свергнутый премьер обратился к другим фронтам. Более лояльно настроенный к Временному правительству генерал-квартирмейстер Барановский передал в Ставку приказ немедленно прислать войска. Западный фронт ответил, что надежных частей нет, Юго-Западный тоже не обрадовал. А с Румынским состоялся совершенно замечательный диалог. В ответ на обращение Ставки оттуда радостно сообщили, что Румчерод [Центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области.] решил организовать дивизию из лучших частей и отправить в Петроград, на защиту Учредительного Собрания. «Нет, — поправили из Ставки, — речь идёт о защите действующего правительства». К проводу подошел комиссар фронта Тизенгаузен и заявил:

«Моё глубокое убеждение, что двинуть с фронта войска для защиты лиц самого правительства едва ли возможно... Защита Учредительного Собрания весьма популярна. Состав прежнего правительства не особенно популярен в войсках и как таковой мало интересуется солдат».

А чего они, собственно, ждали после заявлений о «войне до победного конца»?

В конце концов единственным, кто поддержал Керенского, оказался командир 3-го конного казачьего корпуса генерал Краснов. Всего к отправке было предназначено 20 сотен казаков (1400 человек), 16 пулеметов и 14 орудий. Поскольку далеко не все горели желанием идти усмирять большевиков, частично казачки разбежались, а остальных бывший министр-председатель повел на Петроград.

Для начала на станции Остров они столкнулись с саботажем железнодорожников, которые обещали немедленно, ну вот прямо сейчас отправить состав — и ничего не делали. К счастью, начальник конвоя Краснова когда-то служил помощником машиниста. Генерал поставил его на паровоз, дал в помощь двоих казаков, и лишь тогда состав тронулся с места. Псков и Лугу, гарнизоны которых поддерживали большевиков, поезд проскочил без остановки и утром 27 октября дошел до Гатчины. Незадолго до прибытия в город Керенский разбудил Краснова и торжественно заявил:

«Генерал, я назначаю вас командующим армией, идущей на Петроград. Поздравляю вас, генерал!»

На тот момент победоносная армия, угрожавшая мятежной столице, насчитывала 700 человек.

* * *

Что собирался делать министр-председатель с этим великим воинством в миллионном городе — скрыто завесой тайны. Собственно, можно было пропустить его в Петроград и понаблюдать в натуре процесс «усмирения». Поучительное, наверное, было бы зрелище — кавалерия на рабочей окраине...

Увенчаться успехом этот поход мог при одном условии: если бы юнкерам на самом деле удалось взять Смольный и перебить всех большевиков. Но для этого надо

было научить «комитет спасения» соблюдать конспирацию. А когда за несколько часов до выступления его планы передаются от одного журналиста к другому...

Естественно, в Смольном знали о численности «армии Керенского». Во-первых, не могли не знать — и в Пскове, и в Луге у большевиков было множество сторонников и агентов. Во-вторых, это видно из того, какие реальные силы посылались навстречу — как раз адекватные неполной тысяче казаков.

Однако Ленин поднял вокруг обороны Петрограда такой шум, словно к столице приближался как минимум германский кайзер со всей своей армией, а то и группа армий «Север» совсем из другой войны.

Итак, о реальных силах. Для начала в Красное Село, как 300 спартанцев в Фермопилы, был отправлен сводный революционный отряд: батальон кронштадцев, батальон гельсингфорсцев, 4 броневика, 8 пулеметов и 6 орудий, а вскоре к ним присоединился Павловский резервный полк. В Пулковое отправились матросские и красногвардейские отряды, несколько позже туда подошла артиллерия, Петроградский и Измайловский резервные полки.

В принципе, этого бы хватило, тем более что навстречу «корпусу» Краснова наверняка была двинута и невидимая армия агитаторов. Однако Военно-революционный комитет явно решил поиграть в захватывающую игру под названием «оборона Петрограда».

Для начала он посчитал необходимым организовать на южной и юго-восточной окраине линию укреплений. Территорию от залива до Невы разбили на участки, назвали «Петроградской оборонительной линией» и за два дня вырыли там окопы, а также устроили проволочные заграждения (в тех случаях, когда получалось добыть проволоку).

27 октября в штабе появился Ленин. Разбранив работу Подвойского, он приказал поставить в его кабинете для себя стол и придал делу обороны города стратегический размах. Петроградских рабочих и гарнизона ему показалось мало, и он распорядился о присылке подкреплений аж из Гельсингфорса. Только оттуда обещали дать пять тысяч человек, 35 пулемётов и продовольствие. Под грядущие военные операции красногвардейцам раздали дополнительно несколько тысяч винтовок.

Ленину также принадлежит мысль привлечь к великому делу обороны города корабли Балтийского флота. Их поставили так, чтобы можно было обстреливать дороги из Царского Села на Петроград. Как при этом морячки должны были отличать своих от чужих, когда все в одной и той же форме — опять же скрыто тьмой...

Сталин, находившийся в тени этой бурной деятельности, проверял выполнение ленинских распоряжений и занимался подсчётом оружия, что было совсем не вредно сделать, ибо большевики не имели даже приблизительного представления о том, какими силами располагали. Под страхом революционного суда сотрудникам штаба Петроградского военного округа и морского министерства было предложено явиться на службу и приступить к своим обязанностям.

Неплохо было бы обзавестись кем-нибудь из надежных военных специалистов и в качестве руководителя всего этого цирка — но среди большевиков офицеров было немного, и то, в основном, выслужившиеся из нижних чинов поручики военного времени. Зато в недрах партии левых эсеров обнаружился целый подполковник — легендарный Муравьев. Его назначили главнокомандующим обороны Петрограда, и он согласился, хотя их ЦК в те дни запрещал членам своей партии занимать ответственные посты. Впрочем, Муравьева несколько не волновали запреты, равно как правила, приличия и все остальное — данный товарищ являлся полным отморозком даже по меркам собственной партии. Едва вступив в должность, он выпустил «Приказ № 1», где давал своим подчиненным право расстреливать на месте, без суда и следствия, всех, кого они сочтут контрреволюционерами. (Кстати, под его действие едва не попал Джон Рид. Во время поездки «на фронт» проверявшие грузовик солдатики приняли его за контрреволюционера, потому что его мандат внешне отличался от других — а читать

защитники революции не умели. Спасся американец лишь благодаря тому, что уговорил вознамерившихся расстрелять его солдат всё же найти кого-нибудь грамотного.) Потом этот приказ долго и мучительно отменяли — так, чтобы и левых эсеров не обидеть, и с беспределом покончить...

* * *

...В Гатчине Керенскому повезло. Прибыв туда, Краснов послал на станцию Гатчина-Балтийская несколько десятков казаков — посмотреть, что там творится, и они обнаружили какую-то роту солдат, выгружавшуюся из эшелона. Спешно подогнали пушку, но артиллерии не потребовалось — восемь казаков во главе с тем самым есаулом, который вел поезд, взяли в плен все три сотни человек. Затем на станции Гатчина-Варшавская разоружили еще одну роту с 14 пулеметами. Поскольку пленных было некуда девать и некому стеречь, их разогнали по окрестностям. Что это были за воинские части и куда они отправились жаловаться на жизнь — Бог весть, но воинство Керенского записало это деяние первым номером в список побед.

Гатчинский гарнизон сидел в казармах и плевал на все призывы как ВРК, так и бывшего премьера, так что казаки легко заняли город. Керенский дал торжественную телеграмму: *«Город Гатчина взят войсками, верными правительству и занят без кровопролития. Роты кронштадтцев, семёновцев и измайловцев и моряки сдали беспрекословно оружие и присоединились к войскам правительства».*

Не совсем понятно, на кой ляд «войскам правительства» присоединившаяся к ним толпа **без оружия**, — но что возьмешь с Керенского? Адвокат-с...

На рассвете 28 октября корпус Краснова, от которого после того, как пришлось выделить некоторую часть казаков для охраны Гатчины, осталось 480 человек, подошел к Царскому Селу. На окраине города их встретил пехотный отряд численностью около батальона. Сперва постреляли: красные в белый свет, казаки поверх голов — потом к солдатам подошли члены казачьего комитета и обе стороны сошлись в совместном митинге. Вскоре появился Савинков — разговор становился увлекательным. И тут на дороге из Гатчины показались несколько автомобилей. Это прибыл сам министр-председатель с адъютантами и в сопровождении каких-то нарядных и веселых дам — премьер явно не терял времени даром. Завидев митинг, Керенский встал на сиденье автомобиля и обратился с речью к солдатам. Пока те слушали, в толпу с тылу пробрались казаки и стали отбирать оружие. Безоружные солдаты грустно направились в казармы, остальные кинулись в парк, где начиналась территория Военно-революционного комитета, и снова подняли стрельбу. Закончилась разборка, лишь когда подошли пушки. После первых двух залпов солдаты разбежались, и к вечеру казаки вступили в Царское Село.

В 11 часов ночи Керенский радостно телеграфировал в Ставку:

«Считаю необходимым указать, что большевизм распадается, изолирован, и как организованной силы его нет уже и в Петрограде» [История гражданской войны. С. 322.].

Он ещё хотел известить: *«“Аврора” заявляет, что ее выступление — результат недоразумения»* — но на такое вранье даже у Александра Федоровича наглости не хватило.

В 11.25, развивая успех, Керенский отправил телеграммы всем министерствам и главным управлениям Петрограда, предложив не выполнять распоряжений народных комиссаров.

Затем последовало указание генералу Краснову:

«По обстановке в движении эшелонов полагаю необходимым, чтобы завтра сутра Царское Село было окончательно закреплено и можно было бы приступить к подготовке ликвидации Петербурга» [Там же. С. 323.].

Куда там Александру Васильевичу Суворову, Наполеону и всем великим полководцам, вместе взятым! Кто из них рискнул бы брать столицу империи, имея 480 казаков и несколько легких пушек!

* * *

...А по ту сторону «фронта» не менее увлеченно играл в войну Военно-революционный комитет. 29 октября он выпустил следующий приказ:

«Корниловские банды Керенского угрожают подступам к столице. Отданы все необходимые распоряжения для того, чтобы беспощадно раздавить контрреволюционное покушение против народа и его завоеваний.

Армия и Красная гвардия революции нуждаются в немедленной поддержке рабочих.

Приказываем районным Советам и фабрично-заводским комитетам:

1. Выдвинуть наибольшее количество рабочих для рытья окопов, воздвигания баррикад и укрепления проволочных заграждений.

2. Где для этого потребуется прекращение работ на фабриках и заводах — немедленно исполнить.

3. Собрать всю имеющуюся в запасе колючую и простую проволоку, а равно все орудия, необходимые для рытья окопов и возведения баррикад.

4. Всё имеющееся оружие иметь при себе.

5. Соблюдать строжайшую дисциплину и быть готовыми поддержать армию, революцию всеми средствами».

Военно-революционный комитет все-таки сообщил, что в распоряжении Керенского есть только несколько эшелонов казаков — но эта цифра как-то потерялась в вихре прочих воззваний, газет, приказов, листовок. Тюки этой печатной продукции были посланы и в другие города. Во всех отходящих поездах выделялись вагоны для революционной литературы.

На случай прорыва казаков было решено укрепить Петропавловскую крепость. Туда направили матросов с «Авроры», артиллерийскую прислугу с морского полигона, полевые орудия из Усть-Ижорских лагерей.

Штаб Красной гвардии получил предписание отправить 29 октября к Московской заставе 20 тысяч человек для рытья окопов.

В соседние губернии полетели телеграммы с призывом присылать подкрепления Петроградскому гарнизону. Целая история вышла с отрядом 428-го лодейнопольского полка. Его командир сообщил, что высылает эшелон в 500 человек, который прибудет 29 октября утром. Сообщение кто-то перехватил и доставил в «комитет спасения», который выдал эту команду за войска, верные правительству. А кстати: если хотеть на самом деле ввести войска в революционный Петроград, то сделать это под маркой «помощи делу революции» было бы проще простого. Одна мелочь: для этого надо иметь верные Временному правительству войска... После декрета о мире это было невозможно. Мятежникам в городе удалось поднять только юнкеров, для которых война означала офицерскую карьеру — да и те после первых же выстрелов предпочитали сдаться.

Как мятеж в городе, так и поход Керенского были организованы на редкость бездарно — впрочем, как и все прочие деяния Временного правительства. Но как их использовали большевики! Нет, как они их использовали!!!

* * *

...Утром 29 октября Александр Федорович, подобно Наполеону, торжественно въехал в Царское Село на белом коне. После чего проследовал во дворец и снова принялся вызывать подкрепления. Однако движение любых частей к Петрограду почему-то заканчивалось одинаково: узнав, куда и зачем их везут, солдатики выбирали военно-революционный комитет и заявляли, что дальше не поедут. На помощь прибыли только три сотни казаков Амурского полка, но и те заявили, что «в братоубийственной войне участвовать не будут» и разошлись по ближайшим деревням ловить кур и щупать крестьянок. Правда, один раз Керенскому повезло: с фронта прибыл бронепоезд. Министр-председатель заявил его команде, что немецкий флот наступает на Петроград, а в городе взбунтовалась чернь под руководством немецких офицеров и не пропускает войска. Ложь была настолько наглой, что ей поверили. Впрочем, завоевание бронепоезда оказалось единственным успехом бывшего премьера.

Зато казаки Краснова, не отделенные от внешнего мира металлическим панцирем, уже успели почуять неладное. Представители казачьих комитетов говорили, что пойдут с кем угодно, но не с Керенским, что не двинутся дальше без пехоты и пр. Генерал с трудом уговорил их продолжить поход. Двадцатитысячный царскосельский гарнизон после стычки, которая произошла накануне, заперся в казармах и объявил о своем нейтралитете, заявив, что не будет драться ни вместе с казаками, ни против них.

Что такое Керенский — давно уже понятно. По части врать и болтать он напоминает повзрослевшего Незнайку. Но на что рассчитывал генерал Краснов? Об этом рассказывает он сам в своих мемуарах.

Керенский обманул Краснова, как обманывал всех. Он обещал, что на помощь выступившим казакам подойдут фронтовые части — а не пришел практически никто. Обещал он также, что в городе им навстречу поднимется восстание. К вечеру 29 октября в Царском объявились вожди «комитета спасения» и принесли известие о провале выступления в Петрограде — но, похоже, ни премьер, ни Савинков не сообщили об этом казачьему генералу. Зато Савинков предложил ему... арестовать Керенского и самому стать во главе контрреволюции. Краснов отказался и, сам для себя, мотивировал свой отказ следующим образом:

«Я мог усмирить солдатское море не из Петрограда, а из Ставки, ставши верховным главнокомандующим и отдавши приказ о немедленном перемирии с немцами на каких угодно условиях. Только такая постановка дела могла привлечь на мою сторону солдатские массы. Но, конечно на это я не мог пойти. Да и это не спасло бы Россию от разгрома. С этим не согласились бы офицеры и лучшая часть общества. А без этого — без мира — свержение и арест Керенского только сделали бы из него героя и еще более усилили бы разруху» [А что, было куда усиливать? Оптимист, однако...].

Из этого отрывка следует одно крайне простое умозаключение: по-видимому, ни премьер, ни Савинков не сочли нужным информировать Краснова, что новым правительством выпущен «Декрет о мире». Иначе ни за что не мог бы родиться в его голове следующий расчёт:

«Если настроение петроградского гарнизона такое же, как настроение гарнизонов Гатчины и Царского Села, — войти в город будет возможно... А там? Там это будет уже дело Керенского... дело комитета спасения родины и революции, дело советов союза казачьих войск, наконец, дело Савинкова и министров организовать гарнизон Петрограда и произвести с помощью его, а не нас, необходимую чистку города и аресты».

30 числа силы наступающей на Петроград армии несколько возросли. Их было: 9 сотен (630 конных казаков или 420 спешенных), 18 орудий, один броневик и бронепоезд. Краснов уверял своих казаков, что они идут не воевать, а посмотреть обстановку. Пошли на Пулковку. Силы красных, противостоящие им, в «Истории гражданской войны» описываются следующим образом:

«Склоны Пулковской горы, являвшейся центром позиции, были заняты Красной гвардией, основное ядро которой составляли отряды Выборгского района. На правом фланге, в районе деревни Новые Сузы, расположились моряки, прибывшие из Гельсингфорса и Кронштадта. Левый фланг в районе Большого и Подгорного Пулково заняли солдаты Измайловского и Петроградского полков. Там же находились четыре броневика. Общее число революционных войск составляло около 10 тысяч человек. Остро чувствовался недостаток в артиллерии. У советских войск было только два полевых орудия... Генерал Краснов имел значительное превосходство в артиллерии».

...Итак, 30 октября состоялось генеральное сражение. Основная битва развернулась в районе деревни Редкое Кузьмино, где стояли пушки и главные силы казаков, по прикидкам — 450-500 человек. Красные достаточно уютно сидели в окопах и сидеть там могли очень долго, ибо казаки не имели ни малейшего желания их штурмовать. Во-первых, они шли не в бой, а на разведку. Во-вторых, атака вверх по склону — удовольствие чрезвычайно ниже среднего. В-третьих, между казаками и красными находился глинистый овраг, в котором текла речка Славянка — а на дворе стояла поздняя петербургская осень.

Зачем понесло в атаку красных, история умалчивает. Впрочем, догадаться можно. Воинство, которое вывел Военно-революционный комитет, состояло из огромного количества разрозненных отрядов — красногвардейских, матросских, солдатских. Подчинялись они только своим командирам, а командиры у них были в основном выборные. Кто из этой орды первым крикнул: «Товарищи, чего ж мы тут сидим! Пошли вперед!» — не узнать уже, наверное, никогда.

Генерал Краснов наблюдал в бинокль эту атаку:

«Даже на глаз можно сказать, что там — не менее пяти, шести тысяч. Они то рассыпаются в цепи, то сбиваются в кучи. Густые, длинные цепи их спускаются вниз и идут к оврагу. В бинокль видно, что это — не солдаты. Цепи двух видов. Одни в черных штатских пальто, идут неровно, то подаются вперед, то бегут назад, это — Красная гвардия. Другие, одетые в черные, короткие бушлаты, наступают, соблюдая строгое равнение, быстро залегают, применяясь к местности, это — матросы. Красная гвардия — в центре, на Пулковой горе, матросы — по флангам...»

Склоны горы представляли собой чрезвычайно удобный полигон для артиллерийских упражнений — чем и воспользовались артиллеристы. Дальнейшее в «Истории гражданской войны» описывается такими словами:

«Опытные артиллеристы, которыми командовали офицеры, наносили красным войскам значительный урон... Красногвардейцы залегли. Над головами рвалась шрапнель. Казачья артиллерия организовала заградительный огонь. Казачьи сотни двинулись вперед под прикрытием артиллерии. Но красногвардейцы не дрогнули. Вот снова прозвучало “ура”, все нарастая. Красногвардейцы поднялись и снова бросились в атаку... Старые, обстрелянные в боях казаки не выдержали стремительного натиска красногвардейцев... Началось колебание. Оно усиливалось с каждой минутой наступления Красной гвардии».

Поскольку ни один источник не говорит о беспримерной войсковой операции по форсированию речки Славянки, то, по всей видимости, красногвардейцы наступали на одном берегу, а казаки колебались на другом.

Около полудня от Московского шоссе в тыл Краснову зашел Измайловский полк, еще около десяти тысяч человек. Генерал напустил на них бронепоезд — после первых же выстрелов солдаты побежали. Бронепоезд, правда, их не преследовал — не мог. Рельсов не было.

Пусть и не под Пулковской горой против десятикратно превосходящего противника, но имела место в этот день и конная атака. Среди воинства Краснова была сотня молодых оренбургских казаков, вооруженных одними шашками, зато под предводительством молодого горячего сотника. Наскучив стоять на месте, сотник решил самостоятельно, без приказа атаковать деревню Сузы, занятую матросами. Завидев

приближающихся казаков, красногвардейцы, сидевшие в окопах правее деревни, кинулись бежать, однако матросы остались на месте. Неизвестно, чем бы кончилось дело, если бы дошло до рукопашной, но на пути оренбуржцев оказалась болотистая канава, в которой они и завязли. Потеряв около сорока лошадей, трёх человек убитыми и восемнадцать ранеными, казаки отошли.

«Мне уже было очевидно, — вспоминал генерал Краснов, — что противник решил сопротивляться, что одним огнём артиллерии его не собьёшь, а живой силы, чтобы надавить на него, у меня недостаточно; рекогносцировка дала свои результаты, но я не уходил. У меня были другие ожидания. Гром пушек под самым Петроградом, известие, что мы деремся под Пулково, должны же были как-нибудь повлиять на петроградский гарнизон и на донские полки, там находящиеся. Если они станут на нашу сторону, если в Петрограде произойдет восстание не одних юнкеров, Пулково будет очищено. Но на это нужно время. Хотя бы до вечера. И до вечера надо драться».

И этот вечер наступил. Ни на петроградский гарнизон, ни на донские полки гром пушек не повлиял никак. К вечеру у казаков стали кончаться снаряды. За ними послали в Царское Село, но обиженный событиями двухдневной давности гарнизон заявил, что соблюдает нейтралитет и снарядов никому не даст. И Краснов ушел обратно в Гатчину.

Так закончилась великая битва за Петроград. Приблизительные потери красных войск в ней составили 200 человек.

* * *

Вслед за казаками в Гатчину пришли матросы во главе с председателем Центробалта Дыбенко. Впрочем, боевые действия и тем, и другим к тому времени надоели. Обе стороны быстро нашли общий язык — злые языки очень правдоподобно клеветают, что произошло это на почве совместного распития местного самогона — и дружно принялись искать премьера, справедливо решив, что он-то во всем и виноват.

Но премьер оказался чрезвычайно предусмотрителен. Еще утром 30 октября он послал Краснову записку, что уезжает «навстречу эшелонам с фронта». Савинков и представители казачьих войск сумели его слегка придержать, однако вечером он отбил генералу Духонину телеграмму: *«Ввиду отъезда моего в Петроград предлагаю вам вступить в исполнение должности верховного главнокомандующего»*, после чего исчез в неизвестном направлении, переодевшись в матросскую форму и надев автомобильные очки [Ой! При его-то внешности...].

Не найдя самого премьера, с горя казаки арестовали его адъютанта и продолжали пить. Тем временем в Гатчину явилось высокое начальство, о чем в мемуарах генерала Краснова написано следующее:

«Уже в сумерках ко мне вбежал какой-то штатский с жидкой бородёнкой. За ним неотступно следовал маленький казак 10-го Донского полка с винтовкой больше его роста в руках и один из адъютантов Керенского.

—Генерал, — сказал, останавливаясь против стола, за которым я сидел, штатский, — прикажите этому казаку отстать от нас.

—А вы кто такие? — спросил я.

Штатский стал в картинную позу и гордо кинул мне:

—Я — Троцкий.

Я внимательно посмотрел на него.

—Ну же! Генерал! — крикнул он мне. — Я — Троцкий.

—То есть Бронштейн, — сказал я. — В чём дело?

—Ваше превосходительство, — закричал маленький казак, — да как же это можно? Я поставлен стеречь господина офицера, чтобы он не убёг, вдруг приходит

этот еврейчик и говорит ему: “Я — Троцкий, идите за мной”. Офицер пошёл. Я часовой, я за ними. Я его не отпущу без разводящего».

К вечеру все разошлись. Матросы вернулись в Петроград. С казаков взяли честное слово никогда больше не воевать с большевиками, и они отправились восвояси. История Наполеона повторилась в России второй раз за три месяца — и снова в виде фарса...

Р. С. Ничего личного, господа, — только бизнес

Находились ли союзники в состоянии войны с Россией? Разумеется, нет; но советских людей они убивали без разбора. Они как захватчики стояли на русской земле. Они вооружали врагов советской власти. Они блокировали порты России и топили её корабли... Но война — как можно! Интервенция — как не стыдно! Им совершенно всё равно, как русские разрешают свои дела. Они совершенно беспристрастны... трах!

Уинстон Черчилль

Говорят, в начале своей правительственной деятельности большевистские власти освобождали из-под ареста враждебно настроенных юнкеров и офицеров под честное слово больше не выступать против власти Советов. Обещания эти охотно давались — а потом нарушались, по всей видимости, потому, что для русского офицера слово, данное хаму [Под «хамом» имеется в виду не человек с развязной манерой поведения, а представитель «хамского» сословия.], ничего не значит. Честь — категория внутрисословная.

Так и генерал Краснов — некоторое время он находился в Петрограде под домашним арестом, а потом то ли был освобожден под честное слово, то ли просто вышел за дверь и уехал на Дон.

На Дону в то время заправлял казачий атаман генерал Каледин. 26 октября он заявил о поддержке Временного правительства, а ввиду отсутствия присутствия такового «временно», до восстановления центральной власти, объявил себя правителем Донской области.

В начале ноября в Новочеркасск приехал еще и генерал Алексеев - тот самый, который в заблокированном царском поезде вырвал отречение у Николая Второго — и начал сколачивать будущую Добровольческую армию. Вскоре к нему присоединился Деникин, а также попросту ушел на Дон формально содержащийся под арестом Корнилов.

Казаки тоже воевать не хотели — но в то время донцы казались некоей видимостью зародыша антибольшевистской армии. Правда, вскоре они были успешно разбиты находящимися в таком же полухаотическом состоянии красными войсками под командованием Антонова-Овсеенко. У советской власти было одно преимущество — она контролировала промышленные районы, а стало быть, и производство оружия, боеприпасов, снаряжения. Ни юг, где был Каледин, ни Сибирь, ни Север — основные театры развернувшейся вскоре Гражданской войны — ресурсов для ведения боевых действий не имели. Вот и вопрос: как же они смогли два с лишним года воевать против хоть и плохо, но вооруженной Красной Армии?

Ответ, как обычно, предельно прост. Ещё 2 декабря 1917 года американский посол Фрэнсис сообщил в Вашингтон, что Каледин командует частями общей численностью в 200 тысяч человек, что он провозгласил независимость Донской области и готовится идти на Москву. Госсекретарь США Лансинг в ответной телеграмме дал

указание через посредство англичан или французов предоставить Каледину заём. Ну, а представители Антанты обходились в этих делах без посредников [Дальнейшие факты приводятся по книге: Сейерс М. Кан А. Тайная война против Советской России. М., 2008.]. Белые армии смогли воевать лишь потому, что финансировались из-за границы и обещали после победы щедро расплатиться за помощь.

Впрочем, уже к середине 1918 года тайное участие «мирового сообщества» в войне, почему-то именуемой у нас «гражданской», сменилось явным.

...3 августа 1918 г. во Владивосток прибыли английские войска — согласно заявлению британского правительства, они пришли *«для того, чтобы помочь вам спасти... страну от расчленения и разорения, которыми угрожает Германия»*. При этом тот факт, что Германия находилась за десять тысяч верст от Владивостока, их никоим образом не смущал. 16 августа прибыли американцы. Эти ставили своей целью *«оказать посильную защиту и помощь чехословакам против вооруженных австро-немецких военнопленных, которые нападают на них, а также чтобы поддержать русских в их стремлении к самоуправлению, если сами русские пожелают принять такую помощь»*.

А если не пожелают? Ну... а кто, собственно, мешает оставить в России только тех, кто «за», и лишь потом провести референдум?

В том же месяце появились японцы. При этом японское правительство заявляло, что оно *«по-прежнему исполнено желания развивать прочные дружественные отношения и остается верным своей политике уважать территориальную целостность России и воздерживаться от какого бы то ни было вмешательства в её внутренние дела»*.

К осени в Сибири находилось около 7 тысяч английских солдат и столько же английских и французских инструкторов, помогавших в обучении белогвардейской армии. Бывший британский военный атташе генерал Нокс, принявший в свое время столь близко к карману корниловский мятеж, гордо заявлял: *«Мы отправили в Сибирь сотни тысяч винтовок, сотни миллионов патронов, сотни тысяч комплектов обмундирования и пулеметных лент и т.д. Каждая пуля, выпущенная русскими солдатами в большевиков в течение этого года, была изготовлена в Англии, английскими рабочими, из английского сырья и доставлена во Владивосток в английских трюмах»*. И всё это, конечно, исключительно ради того, чтобы «спасти Россию от разорения и расчленения»!

...В начале лета 1918 года английские агенты начали готовить антисоветский мятеж в Архангельске. 2 августа он состоялся. А на следующий день английские и французские корабли вошли в гавань. Затем главнокомандующий британскими войсками генерал Пуль создал так называемое «Верховное правительстве севера России». На начало 1919 года в Архангельске и Мурманске находились 18400 английских военных, 5100 американцев, 1800 французов, 1200 итальянцев, 1000 сербов — всего 27500 иностранных солдат и... 20 тысяч белогвардейцев! «Миротворцы» преспокойнейшим образом участвовали в боевых действиях, при этом не затрудняясь соблюдением правил цивилизованной войны по отношению к мирному населению и к пленным.

...Пунктом 12-м подписанного в ноябре 1918 года перемирия между Германией и союзниками оговаривалось, что немецкие войска остаются на всей занятой Германией русской территории, пока союзники не позволят их отвести. Но кайзеровская армия разваливалась еще быстрее, чем русская, и солдаты бежали домой своим ходом. Тогда англичане объединили в одну армию белогвардейские отряды в Прибалтике, поставив во главе немецкого генерала фон дер Гольца. В июне 1919 года его заменили на русского генерала Юденича, выделив последнему 10 тысяч комплектов обмундирования, 15 млн патронов, 3 тыс. автоматов [Скорее всего, под автоматами (данные приведены в переводе с английского) понимались ручные пулеметы.], танки, самолеты. Благотворительная организация «Американская администрация помощи» (АРА), декларированной задачей которой было снабжать продовольствием голодающих мирных жителей Европы, обязалась обеспечивать войска Юденича продовольствием. 15 июня 1919 года в Ревель

прибыл первый пароход, доставивший 2400 тонн муки и 147 тонн бекона. Когда в феврале 1920 года Юденич бежал из России в Париж, с собой у него было, по сообщению «Нью-Йорк таймс», 100 млн. марок. Свою разбитую армию он бросил среди снегов на произвол судьбы. Английские сагибы тоже не озаботились их спасением.

...В конце 1918 года французские войска заняли Одессу и Севастополь, английская эскадра высадила десант в Батуми. Чуть раньше англичане заняли предмет своих вожделений — Баку.

15 сентября 1919 года Уинстон Черчилль признал, что на одну только Добровольческую армию Деникина Англия израсходовала около 100 млн. фунтов, а Франция — от 30 до 40 млн. фунтов. Прямая английская интервенция на русском севере обошлась в 18 млн. фунтов. Японцы, направившие в Сибирь семидесятитысячную армию, утروهали на нее 900 млн. иен.

К лету 1919 года на территории Советской России находились войска четырнадцати государств — и, что любопытно, ни одно не объявляло войны. Что совершенно не помешало советским властям, едва «мировое сообщество» заикнулось о возврате царских долгов, выкатить встречный счет за материальный ущерб от интервенции в размере 60 млрд. долларов. За человеческие жизни денег не требовали — не приучены.

* * *

Причина такого интереса «мирового сообщества» к стонущему под большевистским игом русскому народу предельно проста. 23 декабря 1917 года, на следующий день после начала переговоров в Брест-Литовске, представители Англии и Франции встретились в Париже и договорились о разделе России на «зоны влияния», а по сути, на колонии. Англия получала Кавказ и Прибалтику, Франция — Украину и Крым. «Зоны» впоследствии менялись в зависимости от того, с каким из «верховных правителей» России и на каких условиях договаривались те или иные страны. В той же зависимости варьировались и аппетиты. Интересы не менялись никогда.

В 1920 г. член британского парламента подполковник Сесиль Лестранж Малон заявил в палате общин: *«В Англии есть группы людей и отдельные лица, владеющие в России деньгами и акциями, и они-то и трудятся, строят планы и затевают интриги для свержения большевистского режима... При старом режиме на эксплуатации русских рабочих и крестьян можно было наживать и десять, и двадцать процентов, при социализме же, вероятно, нельзя будет ничего нажить, а мы видим, что почти весь крупный капитал в нашей стране так или иначе связан с Россией... "Русский ежегодник" оценивает английские и французские капиталовложения в России приблизительно в 1 600 000 000 фунтов стерлингов, т. е. около 8 млрд. долларов».*

Какие именно компании имели интересы в России? «Ройял датч шелл ойл компани» включала в себя Урало-Каспийскую, Северо-Кавказскую, Новую Шибаревскую и многие другие нефтяные компании. Английская фирма «Метро-Виккерс» вместе с французской «Шнейдер-Крезо» и немецким концерном Круппа контролировала всю военную промышленность России. После начала войны Крупп естественным образом выпал из этой теплой компании, англичане и французы остались. Вот кому на самом деле принадлежали те военные заводы, которые втрое и вчетверо взвинчивали цены на военную продукцию, высасывая российскую казну. Они же платили откаты членам Военно-промышленного комитета, председателем которого был Гучков, один из самых ярых сторонников выполнения святого «союзнического долга».

Британские экономические издания весьма своеобразно комментировали ход Гражданской войны. Когда союзники поддерживали Колчака, «Бюллетень» Английской

промышленной федерации писал: *«Сибирь — самый большой приз для цивилизованного мира со времени открытия обеих Америк!»*

Когда английские войска вошли в Баку, экономический журнал «Нир ист» сообщил: *«В отношении нефти Баку не имеет себе равных. Баку — величайший нефтяной центр мира. Если нефть — королева, то Баку — её трон».*

А когда Деникин захватил Донецкий бассейн, английский угольный комбинат «Р. Мартене и К⁰» напечатал в своей брошюре «Россия»:

«По разведанным запасам угля Россия уступает только Соединенным Штатам. Согласно опубликованным материалам международного геологического конгресса, она имеет в Донецком бассейне (где действует генерал Деникин) в три раза больше антрацита, чем Великобритания, и почти вдвое больше, чем Соединённые Штаты».

Это не говоря о том, что как бы нещадно ни эксплуатировали британские шахтовладельцы своих шахтеров, в России труд был ещё дешевле, и намного.

30 августа 1920 года английская газета «Дейли геральд» опубликовала текст тайного соглашения французского правительства с бароном Врангелем. После одержанной победы в уплату за помощь барон обязался признать все финансовые обязательства России по отношению к Франции, вместе с процентами. Эти обязательства конвертировались в новый заем под 6,5% годовых (при том, что до войны средняя ставка была 4,25%). Уплата долгов гарантировалась:

«а) передачей Франции права эксплуатации всех железных дорог Европейской России на известный срок; б) передачей Франции права взимания таможенных и портовых пошлин во всех портах Черного и Азовского морей; в) предоставлением в распоряжение Франции излишка хлеба на Украине и в Кубанской области в течение известного количества лет, причем за исходную точку берется довоенный экспорт; г) предоставлением в распоряжение Франции трех четвертей добычи нефти и бензина на известный срок, причем в основание кладется добыча довоенного времени; д) передачей четвертой части добытого угля в Донецком районе в течение известного количества лет» [Пыхалов И. Великая оболганная война. М., 2005. С. 15 — 16.]

Японцы, армия которых на Дальнем Востоке достигала 70 тысяч, скромненько претендовали на всю Сибирь. 8 июня 1921 года они подписали с атаманом Семёновым [Интервенты были и вообще-то небрезгливы, но Семёнов даже по белогвардейским меркам был совершенно исключительным зверем. То, что он творил, ближе всего к зверствам гитлеровцев на советской территории, но семёновцы делали это с собственным народом.] секретный договор. После победы над Советами Семенов получал власть в Сибири, а *«японским подданным будут предоставлены преимущественные права на охоту, рыболовство и лесные концессии, а также на разработку недр и месторождений золота».*

Однако у этого региона были и другие благодетели. Будущий американский президент Гувер, председатель АРА и непримиримый враг большевизма, начал спекулировать русской нефтью еще с 1909 года. За год он организовал одиннадцать нефтяных компаний, в которых имел контрольный пакет акций. В 1912 году Гувер вместе с английским мультимиллионером Арквартом создал Русско-азиатское общество, получившее привилегию на разработку минеральных запасов Урала и Сибири. В 1914 году компания получила еще три концессии. В них входили: *«2 500 000 акров земли, в том числе обширные лесные массивы и источники водной энергии; залежи золота, меди, серебра и цинка, по предварительным подсчетам — всего 7 262 000 тонн; 12 действующих шахт; 2 медеплавильных завода; 20 лесопильных заводов; 250 миль железных дорог; 2 парохода и 29 барж; домны, прокатные станы, заводы по производству серной кислоты, драги и огромные залежи угля»* общей стоимостью в миллиард долларов [Сайерс М. Кан А. Тайная война против Советской России. С. 118.].

На Парижской мирной конференции Гувер сказал: *«Большевизм — это хуже, чем война».* Ещё бы ему не считать Советскую Россию «империей зла»!

Так что по линии противостояния красные — белые Гражданскую войну можно смело переименовывать в Отечественную...

Глава 12 **ПРАВИТЕЛЬСТВО АНТАГОНИЗМОВ**

Коллектив похож на стальной слиток, который даже в разрезе имеет ровную блестящую поверхность. Только травление поверхности металла кислотой вызывает появление темных, резко разбросанных пятен на фоне прочно сросшихся кристаллов. Это шлаковые включения в стали. И случается иногда, что сталь, прошедшая испытания на разрыв и твердость, не выдерживает этой проверки на однородность структуры.

Владимир Попов. Сталь и шлак.

Временное правительство было окончательно низложено и отмечено похоронным звоном 2 ноября, когда петроградские священники перестали поминать его на богослужениях. Двоевластие закончилось, у страны появилась хоть какая-то, но власть. А вот какая — это интересный вопрос.

К осени 1917 года коалиционному Временному правительству противостояла революционная коалиция — единым фронтом действовали большевики, левые эсеры, анархисты и по некоторым вопросам к ним присоединялись мелкие политические группы. До 25 октября особых разногласий ни в том, ни в другом лагере не было. Временное правительство отличала однородность бездействия, их противников — однородность противодействия.

После 25 октября всё изменилось. Большевики больше не могли строить свою политику в стиле «против» — теперь они обязаны были действовать в позитивном ключе. И, как только исчезла внешняя вынуждающая сила, тут же проявились все внутренние нестроения как революционной коалиции, так и самой партии большевиков.

Главная проблема ранней Советской власти была в том, что Ленин думал намного быстрее своих соратников. Это первое. А второе — он не стеснялся корректировать идеалы. Ленин был гениальным тактиком, на расстоянии ближайших трех шагов он видел на три аршина в землю и отлично знал, что нужно делать. Что же касается ленинской стратегии — а была ли она вообще? Что такое «социализм», как он будет выглядеть? Его теоретизирование по этому поводу выглядит настолько наивным, что поневоле задумаешься: а придавал ли он значение всем этим прекрасным планам или же отлично понимал, что в реальности все будет совсем не так?

Единственное, что было важным и ценным для вождя — удержать власть. В октябре это было нужно для того, чтобы примером России разжечь пожар революции, которая со дня на день грянет в Европе. В январе — для того, чтобы продержаться, пока не поднимутся остальные народы, после чего Россия займет свое место в походной колонне к прекрасному будущему. В марте — для того... а кто знает? Не вышло построить социализм во всем мире — построим здесь, за неимением гербовой пишут на простой, вообще-то говоря... А может быть, он просто собирался тянуть эксперимент, сколько сможет? «Левые коммунисты» и левые эсеры открыто говорили, что без мировой революции Россия их не интересует.

А большевики? Судя по некоторым свидетельствам и обмолвкам, они долго еще рассматривали все это как некий опыт, хоть и обреченный на провал, но результаты которого в любом случае интересны. В этой версии становится понятной и знаменитая

выходка Троцкого: узнав, что Деникин приближается к Москве, он примчался в столицу и попросил дать ему кавалерийский корпус для похода на... Индию. Да и Ленин в самые тяжелые дни Гражданской войны говорил нечто вроде следующего: товарищи, вот все и кончено, берем документы на чужое имя, а что делать дальше — вы знаете.

(Любопытно: что бы сказал Ильич и как себя повел, если бы сумел заглянуть лет на тридцать вперед и увидеть, что вся эта история с революцией послужила к возвеличиванию *России*, причём в самом ненавистном для Ильича великорусском, имперском варианте? Не вздрагивал ли, часом, Мавзолей, когда Сталин произносил свой тост за русский народ?)

Тем не менее, Ленин собирался продержаться, сколько сможет, и действовал соответственно. Но для партии повороты вождя оказались чересчур крутыми. Партия не успевала за мыслью Ильича и была не настолько выдрессирована, чтобы просто ему подчиняться. Вскоре логика событий железными пальцами схватила большевиков за горло, вынуждая действовать не как хочется, а как надо. Но первые месяцы были весёлыми...

Расстрелять нельзя утопить

Дверь всё так же тупо и несокрушимо стоит на пути. Думаю, что если уничтожить стену и справа, дверь всё так же будет стоять, а если даже сжечь пол, будет висеть в воздухе, несокрушимая и честно выполняющая свой долг.

Гай Юлий Орловский. Ричард Длинные руки

...Грандиозное шоу, которое устроил Ленин из последней авантюры Керенского, позволило сплотить вокруг большевиков население Петрограда, вдохнуть новые силы в их сторонников по всей стране и произвести впечатление на противников.

После провала мятежа юнкеров социалистические партии снизились, наконец, до переговоров с большевиками. До 29 октября они были непримиримы, а сторонники коалиционного правительства группировались, в основном, в Смольном. В ЦК большевиков споры по этому поводу кипели еще 26 октября.

«Весь этот бесконечный день ушел у Ленина и Троцкого на борьбу со сторонниками компромисса, — писал Джон Рид. — Значительная часть большевиков склонялась в пользу создания общесоциалистического правительства. “Нам не удержаться! — кричали они. — Против нас слишком много сил! У нас нет людей. Мы будем изолированы, и все погибнет...” Так говорили Каменев, Рязанов и др.

Но Ленин, которого поддерживал Троцкий, стоял незыблемо, как скала: “Пусть соглашатели принимают нашу программу и входят в правительство! Мы не уступим ни пяди...”» [Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. С. 115.]

Позиция Ленина была простая: хотите участвовать в правительстве — пожалуйста, но только на условиях выполнения резолюций съезда, то есть большевистской программы. Финт был виртуознейший. Не зря Ленин столько лет тратил в эмиграции партийные деньги — за один только день 25 октября он их с лихвой отработал. Естественно, господа социалисты, для которых отсутствие возможности *обсуждения программы* убивало весь смысл работы, на такое согласиться не могли [Некоторые меньшевики и эсеры впоследствии честно работали на большевиков и не подвергались никаким преследованиям. Самый характерный пример здесь, конечно, Вышинский, вступивший в партию большевиков лишь в 1920 году и впоследствии ставший одним из первых людей в государстве.]. Можно было бы и послать их подальше — но за ними стоял Викжель.

Всероссийский исполнительный комитет железнодорожного союза был избран во второй половине июля на I Всероссийском исполнительном съезде железнодорожников. Соответственно моменту зарождения, из 41 одного его члена было эсеров — 14, меньшевиков — 6, народных социалистов — 3 и 11 беспартийных, сочувствующих кадетам. Базировался Викжель в Москве, но 26 октября переехал в Петроград, поближе к событиям. В тот же день на заседании съезда Советов, когда выбиралось правительство, его представитель выступил со следующим заявлением:

«Викжель поручил мне довести до вашего сведения решение нашего союза по вопросу об организации власти. Центральный комитет безусловно отказывается поддерживать большевиков, если они и впредь останутся во вражде со всей русской демократией...

...Власть должна быть социалистической и революционной властью, ответственной перед авторитетными органами всей революционной демократии. Впредь до создания такой власти союз железнодорожников, отказываясь перевозить контрреволюционные отряды, направляемые в Петроград, в то же время воспрещает своим членам исполнять какие бы то ни было приказания, не утвержденные Викжелем. Викжель берет в свои руки все управление железными дорогами».

С тех пор самый могущественный в стране профсоюз не переставал шантажировать власти угрозами забастовки.

Большевики усиленно демонстрировали готовность к совместной работе: это не мы во вражде с русской демократией, это демократия во вражде с нами, а мы что? Мы белые и пушистые...

Действительность свидетельствовала в их пользу. Эсеры устроили против них вооруженное восстание, меньшевики 28 октября вынесли резолюцию, запрещающую любое общение с новой властью, и призвали «Комитет спасения» вступить в переговоры с Временным правительством, Предпарламентом и прочими организациями — любыми, до которых тот сможет дотянуться — о создании нового правительства. В данном случае узурпация власти их почему-то совершенно не смущала.

Они настолько были уверены в победе, что предложили ВРК... сдаться. Взамен его руководителям была обещана личная безопасность до Учредительного Собрания, которое должно решить, предавать ли их суду. Можно представить, каким дружным хохотом было встречено это заявление!

29 октября, когда Керенский шел на Петроград, а в городе начался мятеж юнкеров, профсоюз железнодорожников родил еще одно заявление, в котором говорилось то же самое: Совнарком опирается только на одну партию и не может встретить признания по всей стране. Необходимо создать новое правительство, в котором будут участвовать все социалистические партии. Далее прозвучала уже конкретная угроза:

«Железнодорожный союз заявляет, что к проведению своего решения он будет стремиться всеми имеющимися у него средствами, вплоть до прекращения всякого движения на дорогах. Остановка движения наступит в 12 часов ночи сегодня, с 29 на 30 октября, если к тому времени боевые действия в Петрограде и Москве не будут прекращены».

Викжель послал делегацию даже к Керенскому, который с удовольствием согласился на переговоры и потребовал привезти к нему представителей «Комитета спасения» — глупо не воспользоваться возможностью наладить связь с единомышленниками в Петрограде.

29 октября, когда на улицах шли бои с юнкерами, в помещении Викжеля на Садовой проходила конференция социалистических партий. Правые меньшевики, развивая принятую накануне резолюцию, внесли очередное предложение: Красная гвардия должна сложить оружие, гарнизон — подчиниться городской думе, город сдают войскам Керенского, который даст всем гарантию безопасности. После этого будет создано правительство из представителей всех социалистических партий, кроме

большевиков [Похоже, что Александр Федорович со своими телеграммами — персонаж не исключительный, а типичный.]. Наезд был наглый. Социалисты по-прежнему вели себя так, словно не красные отряды ведут юнкеров в Петропавловку, а казаки осаждают Смольный.

Предвидя свою победу, большевики могли начать репрессии, а могли просто послать всех подальше — если бы над городом черной тенью не висела забастовка железнодорожников. ЦК РСДРП(б) решил принять участие в конференции, отрядив туда самых правых и умеренных из своей среды — Рязанова и Каменева. Те сообщили, что Смольный согласен на коалиционное правительство — конечно, не на этих условиях, но об условиях будем разговаривать. Часть присутствовавших на конференции социалистов согласилась на переговоры — и начался долгий гнилой базар, во время которого — переговоры-то идут! — Викжель откладывал забастовку.

Как они договаривались — это отдельная комедия. В тот же день, 29 октября, на свет появилась некая «Особая комиссия» для разработки соглашения о составе и программе нового правительства — и принялась что? Заседать, конечно. Именно тогда меньшевики и эсеры потребовали признать не имеющими законной силы не только решения съезда Советов, но даже сам факт его созыва. Тем не менее, представители большевиков с ними разговаривали. Каменев, Сокольников, Рязанов убеждали, разъясняли, отступали... Намекнули даже на то, что большевики не будут так уж цепляться за кандидатуры Ленина и Троцкого. Джон Рид вспоминает, как Каменев радостно сообщил ему при встрече: мол, социалисты уже согласны пустить большевиков в правительство — уговорили! А время шло, а железные дороги по-прежнему работали...

На очередном совещании в ночь на 31 октября большевики пошли еще дальше, предложив создать некий Временный народный совет, которому будет подотчетно новое социалистическое правительство. Зачем нужен этот совет, когда для политической болтовни уже существовал ВЦИК, куда не заказан доступ любым советским партиям — неясно было никому, но идея понравилась. А на следующей встрече, в ночь с 31 октября на 1 ноября, до заседающих донесся глас народа.

«Работа комиссии оказалась внезапно прервана появлением тридцати разгневанных представителей рабочих Обуховского завода, которые потребовали прекратить тянуть волюнку и немедленно заключить соглашение о коалиционном правительстве, ответственном перед ВЦИК и призванном воплотить в жизнь программу Второго Всероссийского съезда Советов. Один из делегатов, стукнув кулаком по столу, крикнул: “Кончайте, вы слышите, кончайте... Люди уже идут штык на штык... К чёрту всех... Лениных, Керенских, Троцких... Нам нужно, чтобы состоялось это соглашение, мы не уйдём, пока этого не будет”» [Рабинович А. Большевики у власти. М. 2007. С. 62.].

Обуховский завод — место далеко не простое. Это был один из немногих заводов, на котором сильные позиции имели эсеры, и одновременно одно из крупнейших предприятий Петрограда, не считаться с голосом которого было никак нельзя. Ясно, что привели его представителей на встречу уж всяко не большевики, которые были заинтересованы в том, чтобы совещаться как можно дольше.

Глас народа подстегивал, и той же ночью комиссия пришла к соглашению, устраивавшему все стороны, в том числе и Викжель. Ленин и Троцкий исключаются из числа нового правительства, большевики получают портфели министров просвещения, торговли и промышленности, возможно, труда и чего-нибудь еще. Председателем правительства станет правый эсер Чернов, его товарищ по партии, Авксентьев — министром иностранных дел. Учитывая, что именно Авксентьев подписывал приказ «Комитета спасения» во время мятежа юнкеров, это было уже сверхнаглостью — однако присмирившие большевики проглотили и такое. 1 ноября большевистская газета «Рабочий и солдат» торжественно известила, что соглашение достигнуто — правительство будет состоять из представителей всех советских партий. Россию благодетельствовали новым

Временным правительством, которое обещало быть во всех отношениях достойным старого...

Не стоит думать, что все «умеренные» члены ЦК вдруг возлюбили социалистов — как до того, так и после они «двоюродных братьев по социал-демократии» терпеть не могли. Причина того, что они легко соглашались на создание коалиционного правительства, куда проще и грубее: «умеренные», понимая, насколько популистской является большевистская программа, в точности как социалисты весной, пытались поставить партию в такое положение, когда та *будет очень хотеть, но не сможет* выполнить ее. Для этого надо было создать то самое однородное социалистическое правительство, которое так искусно торпедировал Ленин на съезде Советов — и даже кадетов не понадобится, ибо меньшевики с эсерами благополучнейшим образом потопят в дискуссиях все решения съезда. Смешно думать, что это понимали только Ленин с Троцким — Каменев, Рыков, Ларин и прочие тоже не были восторженными гимназистками. Девять из десяти — они просто струсили.

...Всё это время Ленин странным образом не замечал возню с переговорами, как двадцатью днями раньше точно так же не замечал Военно-революционный комитет. Нет, конечно, Ильич был в это время занят множеством разных дел — тут и Керенский идет на столицу, и юнкера бунтуют... но как можно до такой степени не интересоваться, чем заняты члены твоего собственного ЦК!

Однако едва удалось достичь соглашения и пора было приступать к его реализации, как тут же произошло неизбежное — на происходящее обратил внимание Ленин! На заседании Петроградского комитета, а потом и ЦК он обрушил громы и молнии на участников переговоров, обозвал их предателями и заявил (кстати, совершенно справедливо), что партии, не принявшие участия в восстании, теперь хотят отобрать власть. Никаких дальнейших переговоров с эсерами и меньшевиками!

Снова возникла дискуссия, а пока она шла, товарищ Троцкий на заводах и в профсоюзах разъяснял массам суть происходящего. Массам происходящее не понравилось. Сперва городская партийная конференция, потом конференция фабричных работниц, вслед за ней Петроградский совет профсоюзов перешли на ленинские позиции. А время шло, а железные дороги работали...

2 ноября с перевесом в один (!) голос ЦК принял решение: осудить участников переговоров с большевистской стороны за то, что они, превысив полномочия, нарушили волю съезда Советов, а также одобрить деятельность Совнаркома. Снова, как и две недели назад, досталось Каменеву — и снова на его положении в партии это совершенно не отразилось. Точнее, он, вместе с четырьмя единомышленниками, все же покинул ЦК — но по собственной воле, демонстрируя несогласие с ленинской линией, однако исключать его за совершенно экстраординарные дипломатические художества никто и не думал. В ночь с 5 на 6 ноября переговоры были окончательно свёрнуты.

Таким образом, большевики второй раз расправились с идеей «однородного социалистического правительства». Первый раз, 25 октября, ее расстреляли из пушек Петропавловки, второй раз — утопили в дискуссиях.

Да, но как же забастовка, которой грозил Викжель? Угрозы самого могущественного в стране профсоюза как-то рассосались, так и не дойдя до конкретных действий. Пока большевики тянули время на заведомо обреченных переговорах, их агитаторы перемещались от станции к станции, разъясняя суть происходящего. Петросовет выпустил воззвание ко всем железнодорожным рабочим, призывая их заставить Викжель сложить полномочия.

Джон Рид пишет: *«В течение минувшей (первой после 25 октября. — Е. П.) недели петроградский военно-революционный комитет при поддержке рядовых железнодорожных рабочих овладел Николаевским вокзалом и гнал один за другим эшелоны матросов и красногвардейцев на юго-восток».*

К 5 ноября у Викжеля уже не было возможности провести забастовку — его не поддержали бы низовые члены профсоюза. 20 ноября он все же признал советскую власть, при условии, что ему будут переданы функции управления железнодорожным хозяйством. Однако большевики не забыли специфической роли этого профсоюза в октябрьских событиях. 12 декабря в Петрограде стартовал Чрезвычайный Всероссийский съезд железнодорожных рабочих и мастеровых, созванный по требованию Совнаркома, который выразил недоверие Викжелю. Функции центрального комитета профсоюза железнодорожников принял на себя левый блок съезда. А с 5 по 30 января 1918 года состоялся Чрезвычайный Всероссийский железнодорожный съезд, на котором был избран Викжедор — высший советский орган управления транспортом, большинство в котором принадлежало большевикам. Эти функции он выполнял до 23 марта 1918 года, когда вся полнота власти на транспорте была передана НКПС.

От всей этой истории с переговорами за версту пахнет очередной ленинской провокацией. Но вот кабы узнать: были правые большевики в курсе ее замысла, или же их использовали втемную, основываясь только на политических взглядах и свойствах личности? В самом деле, действия Каменева и компании были предсказуемы — вот и пусть работают с удовольствием. Кстати, у правых останется меньше сил, чтобы мешать ленинцам в других вопросах...

Почему караул устал...

Чтобы овладеть властью до конца, нужно было начать действовать как власть.

Лев Троцкий

...А потом на Совнарком обрушилось все сразу. И надвигающаяся с Дона тень гражданской войны, и тотальный саботаж чиновников, и продовольственные проблемы, и необходимость с первых же шагов поступаться демократическими принципами, а потом и коммунистическими иллюзиями. Плюс к тому постоянный разброд внутри собственного лагеря и даже собственного ЦК, столкновение мнений и споры, споры, споры...

И над всем этим нависала колоссальная тень Учредительного Собрания. В свое время большевики использовали этот козырь против Временного правительства: они-де затаили, не хотели его собирать, а вот мы соберем немедленно. Теперь приходилось отвечать за свои слова. А положение складывалось не в их пользу.

Дело в том, что в России того времени не было Интернета. Впрочем, не было и телевидения. Да и радио хоть и придумали уже, но еще не провели в массовом порядке. Возможность поговорить с другим городом по телефону воспринималась как чудо прогресса. По правде сказать, и центральные газеты до окраин не доходили. Единственным более-менее надежным средством быстрой связи являлся телеграф — а по телеграфу много не скажешь. Из Петрограда по всей стране ехали агитаторы, но добраться до каждого уездного городка к началу выборов они просто физически не успевали. А до отдаленных территорий за такое время и поезд не дойдет — страна-то у нас ого-го какая! И на меньшей ее части население очень смутно представляло себе, что, собственно, произошло в Петрограде, а на большей ее части народ вообще не знал, что в столице что-то произошло. И выборы неизбежно должны были отразить вчерашнюю и позавчерашнюю ситуацию и фаворитов из прошлого, которое уже умерло, но еще не было похоронено...

...Там, где они вообще состоялись. Вовремя, то есть 12 ноября, в них приняли участие только 39 избирательных округов из 79-ти. Остальные подтягивались позже —

кое-где выборы прошли аж в начале января. В конечном итоге набралось 65 округов, а всего по России из 90 миллионов избирателей проголосовало около половины.

Петроград, политический авангард всей страны, не то чтобы выступил за большевиков, но отнесся к ним серьезно. В целом по городу они получили 45,2% всех голосов, а в Петроградском гарнизоне — 75% , плюс к тому какое-то количество голосов набрали левые эсеры. Кадеты получили 26,3%, эсеры — 16,2%, а меньшевики — 5%. Как видим, в столице силы были примерно равны. Но в целом по стране, как и следовало ожидать, победили эсеры, считавшиеся «крестьянской партией» — значительная часть избирателей ещё не знала, что новая власть уже дала землю, а те, которые знали, воспринимали это как победу эсеров, поскольку восторжествовала именно их программа, о чём они наверняка все время кричали.

Из 767 избранных депутатов 347 мест (40,4%) получила партия социалистов-революционеров, 180 мест (24%) — большевики, 4,7% кадеты, 2,6% — меньшевики. Среди региональных партий крупнейшей фракцией (81 депутат) были украинские эсеры. Вместе с прочими социалистическими и либеральными партиями эсеры имели в Учредительном Собрании 62% голосов. Конечно, далеко не все делегаты успеют, да и соизволят прибыть в Петроград — но большинства Ленину не видать ни при каком раскладе.

* * *

...Если смотреть на все с позиций демократической теории, то смысл спора об Учредительном Собрании вообще непонятен. Невооруженным глазом не разглядеть, чем отличалась эсеровская программа от большевистской — там говорилось практически одно и то же. Существенные разногласия были лишь в одном пункте: эсеры считали Учредительное Собрание высшей властью, которая должна определить дальнейшую форму правления, а большевики требовали, чтобы Учредительное Собрание признало и дало статус законной власти уже сложившейся советской системе и, соответственно, Совнаркому. Не все ли равно, какое именно правительство будет реализовывать одну и ту же программу?

Но если взглянуть на ситуацию с точки зрения управленческой практики, то сразу же видно, что это позиции антагонистические. У нас вообще очень не любят признавать по отношению к истории то, что в сегодняшней России знает каждый бож: дело не в программах, дело в политической воле и в исполнительном механизме.

Возьмём все тот же вопрос о мире. Эсеры в январе, как и большевики в октябре, хотели созвать мирную конференцию. После «декрета о мире» это уже пытались сделать Советы — их предложение попросту не услышали. «Это потому, — говорили эсеры, — что Советы не являются законной властью. А вот если это сделает настоящая власть, избранная Учредительным Собранием, то к ней не смогут не прислушаться». А если не прислушаются — что тогда?

А вот тут-то и начинается самое интересное. Не получив ответа на свои мирные предложения, большевики мгновенно начали сепаратные переговоры с Германией. А как поступило бы «законное правительство»? Девять из десяти, что оно продолжало бы тупо призывать к мирной конференции, в промежутках между обращениями воздевая руки по поводу непонимания Европы. И тянулась бы эта резина до тех пор, пока события не закончились бы естественным образом: либо прямым военным поражением России, либо ее типа победой, после которой она осталась бы с чудовищными долгами и перспективой колонизации, прямой или экономической — как сложится. Один из десяти, что правительство все же пришло бы к идее сепаратного мира, который был бы торпедирован на уровне исполнительной власти. Купить народное представительство невозможно технически, правительство — уже легче, а купить конкретных исполнителей — совсем

просто. Мы еще коснемся роли Троцкого в срыве сепаратных переговоров. Можно ли утверждать, что он действовал бескорыстно [Особенно если знать, что шесть лет спустя он, еще будучи наркомом по военным и морским делам, продавал германской разведке советские военные секреты.]?

И так в любой области бытия. Если бы большевики честно придерживались демократических механизмов, то итогом работы Учредительного Собрания неизбежно стало бы избрание очередного коалиционного правительства. По сути, в любом составе оно получилось бы реинкарнацией «временных» — бесконечные дискуссии о каждой мелочи плюс полное бессилие во всем, что касается принятия решений, не говоря уже о конкретных действиях. А поскольку туда гарантированно не вошли бы ни Ленин, ни Троцкий, да и вообще никто левее Каменева — сила-то на правых скамьях! — то и большевистская часть правительства получилась бы не лучше социалистической. Нет, они все были бы полны самых лучших намерений и говорили самые красивые слова, вот только ничего не смогли бы сделать. В конце концов они бы подали в отставку и ушли с чувством сбереженной политической девственности...

Россию жалко!

* * *

Ленину не было жалко Россию — похоже, он вообще её не любил. Не в этом дело. Важно другое: большевики и страна находились в одной лодке. Спасением для страны были немедленный мир и крепкая власть. Переговоры о мире к тому времени уже шли, а дееспособная власть могла осуществиться в одном из двух вариантов: либо Совнарком, либо колониальная администрация. Если кто считает, что второе лучше — могу порекомендовать... ничего я не могу порекомендовать — это не лечится!

Большевики всерьез намеревались осчастливить мир глобальной революцией. Россия была им нужна как стартовая площадка, не более того — но стартовая площадка была им нужна. Да и о политической репутации приходилось думать — от нее зависела поддержка населения, как нашего, на которое они опирались, так и заграничного, от которого зависело осуществление их великих планов. И теперь они лихорадочно размышляли: как выйти из создавшегося положения с наименьшим ущербом?

Мнения были разные. 8 ноября на заседании Петроградского комитета член ВЦИК Володарский заявил, что если не удастся получить большинство на выборах, то понадобится третья революция. Учитывая возраст и биографию — 26 лет, сторонник и поклонник Троцкого, сотрудник «левого коммуниста» Бухарина по издававшейся в Нью-Йорке газете «Новый мир» и сам «левый коммунист» — чего еще было от него ожидать? Заявление Володарского, просочившись в прессу, вызвало бурю возмущения — но не стоит выдавать его за мнение всей партии, в ней были люди и похитрее.

На самом деле возможность «третьей революции» проблематична — вовсе не факт, что трудящиеся поддержали бы такое выступление. Им уже начало надоедать жить в интересные времена. До сих пор преимущество большевиков было в сочетании изворотливости и крепких нервов — они умели убедительно объяснить любые свои действия и никогда не страдали нервными срывами. Сейчас тоже требовалось выкрутиться, не выходя за рамки нормальной политической борьбы.

Начали с мелочей. В ночь на 29 ноября Совнарком принял декрет об объявлении кадетов партией врагов народа — учитывая, что не было такой контрреволюционной авантюры, в которую бы те не ввязались, давно уже следовало это сделать. ВЦИК декрет утвердил: большевики выступили «за», левые эсеры «против», поскольку считали, что к политическим оппонентам нельзя применять насилие. Как увязать эту позицию с мятежом, который они устроили полгода спустя — неведомо. По-видимому, в них тоже имелось что-то готтентотское.

Строго говоря, роль, которую сыграли эсеры в вооруженном восстании 29 октября, давала основания запретить и их тоже — но этого Совнарком пока что не мог себе позволить, он был слишком слабой властью. Запрет партии эсеров мог привести к чему угодно — от раскола социальной базы Советской власти до вооруженного восстания. Надо было устроить так, чтобы они выступили первыми — учитывая славное прошлое этой партии, можно не сомневаться, что ожидание будет кратким. Имелся и еще один плюс в том, чтобы оставить эсеров в покое — до начала Учредительного Собрания их партия будет занята подготовкой к политическим боям и оставит попытки свергнуть власть Совнаркома вооруженным путем. И то хлеб...

* * *

Предчувствуя поражение на Учредительном Собрании, большевики действовали по нескольким направлениям. Всячески поощряли отзыв делегатов, выступавших против Советской власти. Пользуясь возможностями Совнаркома, пресекали агитацию политических противников, затрудняли работу их фракций, даже арестовывали наиболее влиятельных политиков.

Также они всячески старались оттянуть дату начала Собрания. Естественно, к 28 ноября прибыло так мало делегатов, что об открытии его вовремя даже и речи быть не могло. Совнарком издал постановление, согласно которому Учредительное Собрание откроется только тогда, когда в Петроград прибудет не менее 400 делегатов — исходя из того, что это составляет немногим больше половины (если точно, то 52%) их полного числа, то есть, минимальный кворум. Поэтому большевики до самого последнего дня не могли позволить себе даже устроить совещание всей своей фракции — они тормозили прибытие своих представителей в Петроград, чтобы не переступить заветную черту в 400 человек [Конечно, они рисковали, что к моменту открытия Учредительного Собрания их фракция, и без того уступающая в численности правым, будет совсем малочисленной. Но, с другой стороны, кто мешал большевистским делегатам прибывать в Петроград негласно, не регистрируясь, чтобы и на численность не влиять, и успеть в нужный момент появиться в Таврическом дворце?].

Но все это были булавочные уколы.

По ходу обсуждения извечного русского вопроса: «Что делать?» идеи возникали разные. Бухарин, например, предложил в самом начале работы собрания выгнать оттуда кадетов, а из левых делегатов организовать «революционный конвент». К чести ЦК РСДРП(б), на заседании которого прозвучало это предложение, его даже не ставили на голосование, несмотря на то, что идея понравилась Троцкому.

В кругах левых эсеров родилось другое предложение: дать Учредительному Собранию проработать столько времени, чтобы оно успело дискредитировать себя в глазах масс. Это все было очень красиво и агитационно — но если у противников большевиков имеются хотя бы малейшие проблески интеллекта, они сообразят, что надо как можно скорее, отложив дискуссии о программах, избрать правительство, а поскольку у них большинство, сумеют это сделать. И вот тогда, имея параллельное Совнаркому **законное центральное правительство**, его противники могли бы сплотиться по-настоящему, не распыляя силы по партиям и союзам. Нет, с Учредительным Собранием надо было покончить раньше, чем оно успеет создать параллельный центр силы — а кто знает, когда делегаты этим займутся?

А тут ещё обострились внутренние проблемы партии большевиков. На сей раз с левыми было все в порядке, они, в основном, переключились на обсуждение мирного договора с Германией. Зато на выборах во Временное бюро фракции получили большинство правые. Их было шесть человек: Ногин, Рыков, Милютин, Рязанов, Ларин и Каменев как глава группы. Месяц назад эти люди торжественно вышли из ЦК, требуя

создания «социалистического правительства» — именно такого руководства фракции в вышеописанной ситуации и не хватало! Правда, Бюро практически сразу переизбрали, однако сигнал был подан: оказывается, многие большевистские делегаты всё ещё питали демократические иллюзии. Даже опытные партийные бойцы бывали иной раз потрясающе наивны... или, что вернее, прятали за наивностью неуверенность и страх.

* * *

...Выход, как обычно, придумал Ленин, причем гениально простой. Он заявил, что республика Советов — это более высокая форма демократии, чем Учредительное Собрание, и любая форма государственного устройства, предложенная последним, будет шагом назад. 4 января в «Правде» была напечатана «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», которую большевики собирались предложить Учредительному Собранию — потом она вошла в первую советскую конституцию 1918 года.

«Центральный Исполнительный Комитет провозглашает следующие основные положения:

Учредительное собрание постановляет:

I

1) Россия объявляется Республикой Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам.

2) Советская Российская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций, как федерация советских национальных республик.

II

Ставя своей основной задачей уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победу социализма во всех странах, Учредительное Собрание постановляет далее:

1) В осуществление социализации земли частная собственность на землю отменяется и весь земельный фонд объявляется общенародным достоянием и передается трудящимся без всякого выкупа, на началах уравнительного землепользования.

Все леса, недра и воды общегосударственного значения, а равно и весь живой и мертвый инвентарь, все поместья и сельскохозяйственные предприятия объявляются национальным достоянием.

2) Подтверждается советский закон о рабочем контроле и о Высшем совете народного хозяйства в целях обеспечения власти трудящихся над эксплуататорами, как первый шаг к полному переходу фабрик, заводов, рудников, железных дорог и прочих средств производства и транспорта в собственность Советской Рабоче-Крестьянской Республики.

3) Подтверждается переход всех банков в собственность рабоче-крестьянского государства, как одно из условий освобождения трудящихся масс из-под ига капитала.

4) В целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность.

5) В интересах обеспечения всей полноты власти за трудящимися массами и устранения всякой возможности восстановления власти эксплуататоров декретируется вооружение трудящихся, образование социалистической Красной Армии рабочих и крестьян и полное разоружение имущих классов.

III

1) *Выражая непреклонную решимость вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма, заливших землю кровью в настоящей, преступнейшей из всех, войн, Учредительное Собрание всецело присоединяется к проводимой Советской властью политике разрыва тайных договоров, организации самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих ныне между собой армий и достижения, во что бы то ни стало, революционными мерами демократического мира между народами, без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций.*

2) *В тех же целях Учредительное Собрание настаивает на полном разрыве с варварской политикой буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящегося населения в Азии, в колониях вообще и в малых странах.*

Учредительное Собрание приветствует политику Совета Народных Комиссаров, провозгласившего полную независимость Финляндии, начавшего вывод войск из Персии, объявившего свободу самоопределения Армении.

Как первый удар международному банковому, финансовому капиталу Учредительное Собрание рассматривает советский закон об аннулировании (уничтожении) займов, заключенных правительствами царя, помещиков и буржуазии, выражая уверенность, что Советская власть пойдёт твёрдо по этому пути вплоть до полной победы международного рабочего восстания против ига капитала.

IV

Будучи выбрано на основе партийных списков, составленных до Октябрьской революции, когда народ еще не мог всей массой восстать против эксплуататоров, не знал всей силы их сопротивления при отстаивании ими своих классовых привилегий, не взялся еще практически за создание социалистического общества, Учредительное Собрание считало бы в корне неправильным, даже с формальной точки зрения, противопоставить себя Советской власти.

По существу Учредительное Собрание полагает, что теперь, в момент решительной борьбы народа с его эксплуататорами, эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному представительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Поддерживая Советскую власть и декреты Совета Народных Комиссаров, Учредительное Собрание признает, что его задачи исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества.

Вместе с тем, стремясь создать действительно свободный и добровольный, а следовательно тем более полный и прочный союз трудящихся классов всех наций России, Учредительное Собрание ограничивается установлением коренных начал федерации советских республик России, предоставляя рабочим и крестьянам каждой нации принять самостоятельно решение на своем собственном полномочном советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях.

Приведённые выше основные положения должны быть немедленно опубликованы и прочтены официальным представителем Советской власти, открывающим Учредительное Собрание, с трибуны Учредительного Собрания и лечь в основу деятельности Учредительного Собрания».

Это был ультиматум, прямой и безжалостный. Либо Учредительное Собрание примет «Декларацию»... впрочем, учитывая состав делегатов, принять ее оно не могло — либо у Советской власти будут основания его распустить. Спорные, конечно, основания — однако достаточно убедительно выглядевшие в глазах большинства населения. Крестьяне, возможно, обидятся за эсеров — но с крестьянами разберемся потом, а на понимание рабочих и солдат большевики могли твёрдо рассчитывать.

* * *

А вот на что рассчитывать не приходилось — так это на то, что всё обойдётся мирно. Очень уж удобный был момент для мятежа: надо всего лишь пристрелить нескольких большевистских лидеров — собственно, достаточно уничтожить одного Ленина, — а законное правительство уже наготове.

Чего конкретно могли опасаться большевики? Попытки вооруженного мятежа в день открытия Учредительного Собрания — точно такого же, какой устроили они сами 25 октября. Некие люди свергнут ВЦИК и Совнарком, а потом придут в Таврический дворец и скажут: «Вот власть. Что вы с ней сделаете?»

По мере приближения 5 января — даты открытия Учредительного Собрания — обстановка явно накалялась. Вечером 1 января было совершено покушение на Ленина — неизвестные люди обстреляли его автомобиль. Стреляли офицеры-фронтовики, прибывшие в Петроград защищать Учредительное Собрание, среди которых было несколько членов Союза кавалеров ордена Св. Георгия [Все члены группы, кроме непосредственных участников покушения, после нескольких допросов были отпущены. Тех, кто стрелял ждал суд революционного трибунала, однако в конце февраля 1918 года, узнав о германском наступлении, арестованные попросили предоставить им возможность искупить вину в бою, были амнистированы и отправлены на фронт. Дальнейшие их судьбы неизвестны — а любопытно было бы проследить.]. Но личности покушавшихся были установлены позднее, а тогда сразу же подумали на правых эсеров — на кого ещё-то? Кто в истории российских радикальных движений больше всех баловался индивидуальным террором [Кстати, ещё не факт, что эсеры были к этому теракту не причастны. Каким образом прибывшие с фронта офицеры могли установить маршрут Ленина, опознать его автомобиль? И не стоит забывать, что правый эсер Савинков имел давние прочные связи с фронтом.]?

Естественно, покушение на Ленина восприняли как первый звонок. 3 января председатель чрезвычайной комиссии безопасности Петрограда Георгий Благонравов ввел в столице военное положение, объяснив свой поступок необходимостью защиты советской власти от запланированной на 5 января угрозы. Он мог бы поступить проще и обосновать приказ необходимостью защиты общественного порядка — но, по-видимому, двадцатидвухлетнему члену «Военки» эти аргументы были скучны.

Благонравов честно предупредил, что все попытки «контрреволюционных групп» приблизиться к Таврическому дворцу будут пресекаться вооруженной силой. Дело в том, что на утро 5 января Союз защиты Учредительного Собрания назначил демонстрацию. Допустить ее ко дворцу было никак нельзя — среди многотысячной толпы легче легкого замаскировать несколько сотен провокаторов и боевиков. Разыгрываться мог, например, следующий сценарий: провокаторы побуждают толпу смять охрану и захватить дворец. Если это удастся, боевики легко расправляются со всеми, кто им не нравится. Если не удастся, то все равно они получают сильные козыри: чтобы остановить толпу, охрана дворца вынуждена будет открыть огонь по демонстрантам, после чего Собрание переключается на обсуждение нового «кровавого воскресенья» и на волне возмущения отстраняет от власти и Совнарком, и ВЦИК.

Возможны были и другие варианты провокации, но ясно одно: позволить толпе приблизиться к месту заседания Учредительного Собрания нельзя. При этом сама демонстрация не запрещалась — не разрешено было лишь подходить к Таврическому дворцу. Интересные были у большевистских властей Петрограда представления о военном положении!

Большевики обратились к рабочим и солдатам с призывом воздержаться от участия в демонстрации. Кроме того, власти решили на всякий случай усилить охрану в

правительственных зданиях, банках, на телеграфе и телефоне. На подступах к Таврическому дворцу и во дворе перед ним были сооружены баррикады, которые еще с утра заняли солдаты и красногвардейские патрули. Такие же баррикады и патрули находились на отдаленных подступах — на поворотах с Литейного проспекта и в других местах. Говорят, что на крышах установили пулеметы — но это чушь полная. Посмотреть бы воочию, как будет удерживаться пулемет на этих наклонных скользких крышах! Могли установить на чердаках, но и в этом случае мертвая зона должна была кончаться где-то на уровне карниза дома на противоположной стороне улицы, а траектория доброй половины пуль завершилась бы рикошетом от огораживающих крыши решеток. Куда разумнее было поставить пулемет на баррикаде или, еще лучше, установить на грузовике — можно кататься по разным точкам и пугать всех сразу.

Мало-мальски обстрелянные красногвардейцы к тому времени отправились на Дон, воевать с Калединым. Отряды, с самого утра занявшие позиции в ключевых точках, состояли из новичков, которых собрали, кое-как обучили обращаться с оружием, а затем выдали патроны и политические установки — защищать Советскую власть от врагов — и отправили на баррикады. Более внятной задачи им не поставили, инструкций, как обращаться с толпой, не дали, связи тоже почти не было.

И вот шествие началось. Участвовала в нем, в основном, «чистая» публика: студенты, чиновники, служащие, женщины, лавочники и пр. Оружия у них не было — точнее, нет сведений о его наличии! — но без провокаций, конечно же, не обошлось. Так, колонну на перекрестке Невского и Садовой обстреляли из здания Думы. Как водится, вину возложили на Советы — но за каким, простите... правительственным солдатам палить из здания Думы через весь квартал по толпе? С какой целью? Гораздо с большей вероятностью можно говорить о провокации и последующих криках о зверствах Советов... либо о компании пьяных солдатиков, ночью удачно разгромивших забытый винный склад и решивших пострелять «по буржуям». Второе вероятнее — уж очень всё глупо вышло.

Рассказы о разгоне демонстрации выглядят устрашающе, но не слишком правдоподобно. Например, один из них приводит Александр Рабинович: *«Толпа из десяти тысяч человек, с пением и транспарантами, попыталась прорваться к Таврическому дворцу по Фуриштатской улице, но была остановлена красногвардейцами и солдатами в полном боевом снаряжении. Практически без предупреждения военные открыли огонь по толпе из винтовок и пулеметов. Стрельба продолжалась добрых четверть часа, в течение которых несколько демонстрантов были убиты и ранены».*

Как же надо стрелять, чтобы, паля в толпу из винтовок и пулеметов (!) за четверть часа (!!) ранить всего несколько человек? Единственное внятное объяснение — что стреляли в воздух, но иногда все же *промахивались* и попадали в демонстрантов. Умение раннесоветских силовых структур обращаться с оружием — это особая тема, тут не знаешь, плакать или смеяться...

В общем, огромное количество свидетелей видело, как красногвардейцы палили в толпу, но число убитых в тот день составило всего 21 человек [Эту цифру назвал председатель ВЦИК Свердлов. Рабинович считает ее наиболее вероятной.], при этом не уточняется, сколько погибло от пуль, а сколько было затоптано толпой. За тринадцать лет до того, 9 января 1905 года, когда организованные и обученные солдаты под надежным командованием занимались тем же самым делом — не пропускали колонны демонстрантов — число жертв (по наиболее реалистичным оценкам) было в десять раз больше. Можно сказать, что красногвардейцы проявили просто невероятную сознательность и блестяще справились со своей задачей. А учитывая, что заранее было объявлено военное положение и сделаны все необходимые предупреждения — какие вообще могли быть претензии к властям?

В час дня открылись одни из ворот Таврического дворца, и начался пропуск делегатов. Первыми прибыли эсеры. Александр Рабинович описывает их явление следующими словами: *«Шагая по шестеро в ряд, делегаты щеголяли отличительными бантами-розетками и несли в руках свечи и свертки с бутербродами. Примерно половина из них была облачена в деловые костюмы, а сверху, чтобы уберечься от мороза — в тяжёлые шубы и галоши. Другую половину составляли крестьяне в грубых полушубках и валенках. Николай Святицкий впоследствии заметил, что такие лица, какие были у его коллег, он прежде “видал у приговорённых”»*. Многие из них по-прежнему недооценивали большевиков, считая, что не вернутся живыми домой.

Белый Зал дворца был увешан **чёрными** транспарантами — все-таки большевики умели не только ставить батальные сцены, но и работать в жанре мелких пакостей [До революции чёрный цвет считался цветом монархистов, во время революции под чёрными знаменами выступали анархисты. На какую бы ассоциацию ни намекали устроители — она была равно неприятна для собравшейся публики.!] Делегаты расположились так: справа — меньшевики и эсеры, слева — большевики, посередине — левые эсеры. Кадетов не было. На галерке собрались гости — представители заводов, воинских частей и флотских экипажей, многие с винтовками, гранатами, пулеметными лентами и прочими необходимыми в тревожное время предметами туалета. Впрочем, как выяснилось позднее, делегаты также не были безоружными.

Антагонизм обозначился сразу. Левая половина зала была намерена требовать от Учредительного Собрания принятия «Декларации», правая собиралась начать работу так, словно бы никакого ВЦИК и Совнаркома вообще не существовало. Именно это намерение они и выказали с самого начала. По логике вещей, открывать работу Учредительного Собрания должен был председатель ВЦИК, как глава государства (хотя бы и временный). Однако ровно в четыре часа, когда все расселись по местам, на трибуну вышел старейший из делегатов, правый эсер Шевцов, и попытался открыть заседание. Правая сторона зала взорвалась овацией, левая — воплями протеста. И тут появился Свердлов, в начале ноября избранный председателем ВЦИК вместо Каменева. К крикам аудитории присоединился одобрителный рёв галерки, в середине зала началась потасовка — по-видимому, левые и правые эсеры вступили между собой уже в решительный бой. А он стоял и ждал момента, чтобы вставить слово. Слово товарища Свердлова, сформировавшееся на уральских заводах — это было нечто особенное. Сразу становилось понятно, что не за одну лишь политическую твердость его избрали председателем такого шумного органа, как Всероссийский исполнительный комитет образца семнадцатого года.

Молотов впоследствии вспоминал:

«Свердлов невысокий, в кожанке, громовой голос, прямо черт знает, как из такого маленького человека — такой чудовищный голос идёт. Иерихонская труба! На собрании как заорет: “То-ва-ри-щи!” Все сразу, что такое? Замолкали...»

Дождавшись, пока зал успокоится, Свердлов прочитал с трибуны «Декларацию» и предложил рассмотреть ее первым пунктом повестки дня. И тут левая половина зала встала и запела «Интернационал». Остальным тоже пришлось подхватить — куда денешься? Общий для всех революционный гимн. Счет стал 2:0 в пользу большевиков — однако силы были все же слишком неравными.

Это стало ясно уже через несколько минут — во время выборов председателя. Слева выдвинули не большевика, а Марию Спиридонову, из фракции левых эсеров, справа — известного правого эсера Чернова. За него подали 244 голоса, за Спиридонову — 153. Сразу стала понятна как расстановка сил, так и ход будущей работы Собрания.

Потом на рассмотрение были предложены две программы: «Декларация» и так называемая «Программа первого дня», озвученная эсером Пумпянским, в которой он предлагал начать рассмотрение вопросов о мире, земле и государственном устройстве —

так, словно бы не существовало ни Советов, ни Совнаркома, ни «Декларации». Голоса разделились практически так же, как и в вопросе о выборе председателя. За эсеровскую программу проголосовало 237 человек, за большевистскую — 146.

Снова перед большевиками встал вопрос: «Что делать?» — но теперь уже на оперативном уровне. Попросив перерыв для обсуждения, они стали совещаться. В конце концов, как всегда, дело решил Ленин: фракция в зал не возвращается, туда идет один человек, который от имени большевиков зачитывает заявление об уходе. Собрание разгонять не стоит, надо, по выражению Ленина, дать им «выболтаться» и разойтись по домам, и больше уже во дворец не пускать. Все основания для такого решения имелись: уходя, большевики уносили с собой кворум, ибо в зале оставалось меньше половины избранных делегатов, и принимать какие бы то ни было решения такое собрание уже не имело права.

Тем временем около часа ночи заседание возобновилось обсуждением вопроса о мире. Делегаты к тому времени расслабились, выясняли какие-то свои дела, шумели, ходили в буфет за чаем. Без большевиков им явно было скучно — не затем сюда шли, чтобы участвовать в прениях. Когда на трибуне появился комиссар морского генерального штаба Федор Раскольников, все стихло: пустые скамьи справа и делегат-большевик на ораторском месте говорили о том, что случилось, наконец, что-то экстраординарное.

«Громадное большинство трудовой России, — говорил Раскольников, — рабочие, крестьяне, солдаты — предъявили Учредительному Собранию требование признать завоевания Великой Октябрьской революции... и прежде всего признать власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов... Большинство Учредительного Собрания, однако, в согласии с притязаниями буржуазии, отвергло это предложение, бросив вызов всей трудящейся России... Не желая ни минуты прикрывать преступления врагов народа, мы заявляем, что покидаем это Учредительное Собрание с тем, чтобы передать Советской власти окончательное решение вопроса об отношении к контрреволюционной части Учредительного Собрания».

Правая половина зала взревела от возмущения, центр и галерка взорвались аплодисментами. В зале начали вспыхивать локальные потасовки, на свет появилось оружие. Какой-то матрос из охраны прицелился в эсеровского делегата из Москвы, левозэсеровский делегат Феофилакт вытащил браунинг — обоих, правда, вовремя остановили. А ведь могли и не успеть...

Большевики ушли. Левые эсеры, обещавшие действовать с ними заодно, пока остались — впрочем, у них всегда так! — и потребовали обсуждения «Декларации», хотя бы вопроса о мире. Собственно, Собрание и обсуждало в данный момент вопрос о мире — но им все равно отказали (по-видимому, просто из принципа). В четыре часа ушли и левые эсеры. Зато в зал хлынула публика с галерки, которой было тесно и неудобно на балконах — они занимали места слева и кричали: «Хватит!» «Долой!».

К тому времени в зале оставалось около двухсот делегатов — чуть больше четверти полного состава собрания или половина кворума. Председатель все же начал читать проект тщательно подготовленной эсеровской резолюции по земельному вопросу. И тут обозначила себя не представленная в Учредительном Собрании сила — анархисты. Правда, в лице одного лишь человека — но зато произнесенной фразой он навеки вошел в историю.

Чернов едва успел добраться до середины резолюции, когда его похлопали по плечу. Обернувшись, он увидел за спиной матроса. Это был анархо-коммунист из Кронштадта Анатолий Железняков.

«Я получил инструкцию, чтобы довести до вашего сведения, — сказал Железняков, — чтобы все присутствующие покинули зал заседания, потому что караул устал».

Совершенно точно то, что было потом, отражено в фильме «Выборгская сторона». Чернов ответил, что Учредительное Собрание может разойтись, только если будет употреблена сила, и попытался продолжить заседание. Силу никто употреблять не стал, однако существовала возможность того, что революционный караул попросту снимется и уйдет, а перспектива остаться один на один с гостями была для делегатов мало приятной. Да и денек выдался изматывающий. Поэтому Чернов быстренько поставил на голосование пакет программ, подготовленных эсерами, делегаты единогласно приняли их и около пяти часов утра разошлись. Никто их не трогал, не бил, не арестовывал — может быть, кого-то немного пограбили по пути домой, но большевики тут были уже совершенно ни при чём.

После долгих дебатов ранним утром 7 января текст декрета о роспуске Учредительного Собрания был принят ВЦИКом, а открывшийся 10 января III съезд Советов одобрил это решение. С угрозой продолжения эпопеи под названием «социалистическое правительство» было покончено навсегда.

Раскол

Ты прислушайся к голосу разума. Слышишь? Слышишь, какую фигню он несёт? Вот-вот. Так что надо просто верить, брат Кадфаэль!

Гай Юлий Орловский. Ричард Длинные руки

Но тем временем другая угроза нависла над новорожденной Республикой Советов. И обязаны большевики в этом случае были только самим себе.

Первым и самым главным вопросом дня по-прежнему оставался вопрос о мире. Съезд Советов принял соответствующий декрет.

«Рабочее и Крестьянское правительство... предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран... Правительство считает немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций...»

Неужели они были так наивны? Неужели всерьез полагали, что воюющие страны откликнутся на их призыв? Разве для «нулевых результатов» ведутся войны?

Нет, конечно. Большевики отлично понимали, что к чему, поэтому вслед за реверансом в сторону прекрасных идей шла вполне конкретная оговорка:

«Вместе с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира...»

Что авторы декрета понимали под «всякими другими условиями мира», не уточнялось. Входил ли в их число, например, сепаратный мир? А почему нет? Разве он не «другой»?

Вслед за тем новое правительство предлагало всем воюющим государствам немедленно заключить перемирие и начать переговоры о мире. А о том, на что в самом деле рассчитывали большевики, говорится в последнем абзаце декрета.

«Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, Временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств, Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в героической борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии — все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации».

Тут надо понимать: это не игра. Большевики всерьез полагали, что в ответ на революцию в России тут же, в соответствии с Марксом, поднимутся рабочие на Западе и произойдет мировая революция. Еще 26 октября Троцкий говорил об этом открытым текстом: *«Всю надежду свою мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Если восставшие народы Европы не раздавят империализм, мы будем раздавлены».*

Но день шел за днем, а западный пролетариат почему-то не поднимался с аналогичными требованиями и не вынуждал свое правительство заключить всеобщий справедливый мир. Нет, конечно, имел место некий рост социального протеста и забастовочного движения, но от забастовки до революции, как от земли до неба. А воевать Россия уже не могла, да и обещание надо было выполнить. Голодным и завшивленным солдатам на фронте было глубоко наплевать, по какой причине они должны продолжать сидеть в окопах — им нужен был мир, любой ценой, пусть даже самый похабный.

И снова встал перед новым правительством извечный вопрос: «Что делать?»

Первым осознал изменение обстановки, как всегда, Ленин. Подождав пару недель, он понял, что мировой революции в ближайший месяц, наверное, не будет, и обратился к правительствам Германии и Австро-Венгрии с предложением заключить перемирие и начать переговоры. Короче говоря — раз не получается устроить всеобщий мир, пойдём на сепаратный. Получим передышку, а там и мировая революция грянет.

И остался в собственной партии в сокрушающем меньшинстве.

Все дальнейшие события определялись одним: кто из большевиков и в какой степени прислушивался к голосу разума и как соотносил его с верой в мировую революцию.

Переговоры начались 20 ноября 1917 года в Брест-Литовске, где располагалась ставка германского командования. Но еще до того политика сепаратного мира получила резкий отпор. Уже 16 ноября на заседании Петроградского комитета прозвучал голос «левых». Началось то самое, что предвидели еще на VI съезде: как только дошло до конкретных действий, тут же со всех сторон закричали: «Это не по Марксу!» Ведь согласно Марксу — по крайней мере, в российском понимании, социалистическая

революция должна была произойти сначала в индустриально развитых странах. Отсталая аграрная Россия, с этой точки зрения, могла годиться лишь на роль детонатора. Именно так к ней и относились.

23 ноября масла в огонь подлил небезызвестный Карл Радек. Он считал, что Европа находится накануне революционных потрясений, что судьбы русской и мировой революции неразделимы и нельзя идти ни на какие сделки с империалистами. Тогда же началась и дискуссия о «священной революционной войне». При этом «левые коммунисты» видели «революционную войну» совсем не в том смысле, который вкладывался в это словосочетание позднее, после того, как прозвучали слова «социалистическое Отечество в опасности!» Согласитесь, что война *в защиту* революции и война *для ее распространения* — суть разные войны!

...Тем временем события в Брест-Литовске шли своим чередом. 9 декабря начались мирные переговоры. От имени Центральных держав выступал министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Чернин, который заявил, что заключить всеобщий справедливый мир — это и их желание тоже. Но сделать это возможно лишь в том случае, если предложение Советской власти примут все воюющие страны.

Дипломат Чернин откровенно лукавил, играл со своими неискушенными партнерами — но те восприняли этот ответ как победу. 14 декабря «Правда» радостно сообщила, что немцы согласились на всеобщий мир без аннексий и контрибуций и призвала рабочих и солдат Англии, Франции и Италии выступить против своих правительств.

Однако те почему-то не выступили, а их правительства снова не обратили внимания на российские предложения. И вот тогда-то германцы выкатили совсем другие условия. Они соглашались с тем, что в экономическом плане с разоренной России взять нечего (позднее немцы и это мнение изменят), зато категорически отказывались отводить войска с оккупированных территорий.

Точнее, все было куда хитрее. Немцы сумели обратить против большевиков их собственный «Декрет о мире». Дело в том, что кроме мирных предложений туда вошел их взгляд на справедливое устройство мира.

«Под аннексией или захватом чужих земель Правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация.

Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилем, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т.е. захватом и насилем».

Немцы, естественно, были бы полными дураками, если бы не использовали этот декрет против так глупо подставившегося советского правительства. Как только речь на переговорах зашла о выводе германских войск с оккупированных территорий, они начали говорить о праве Польши, Литвы, Латвии на самоопределение — а Украина и так уже отделилась — и сумели выставить себя поборниками прав малых народов бывшей Российской империи. То, что отделившиеся территории автоматически становятся

германскими протекторатами, было ясно — однако вслух это не произносилось. Пройдет совсем немного времени, и 9 февраля 1918 года Германия заключит сепаратный мирный договор с Украиной, согласно которому получит право ввести туда войска. За время Гражданской войны украинцы на собственном опыте получают возможность сравнить, кто хуже: немцы, москали, поляки или собственные «борцы за свободу». (Сейчас они утверждают, что москали-де хуже даже Гитлера — но у меня есть о-очень сильное подозрение, что это не так.)

Короче говоря, партнеры по Брест-Литовску отлично понимали, что Россия воевать не способна, и требовали самых обычных территориальных уступок, так, словно речь шла о капитуляции.

Каменев и Троцкий, передав эти условия в Петроград, высказали предположение, что германцы блефуют и их армия воевать не способна. Однако Ленина больше интересовала боеспособность собственной армии. 17 декабря он встретился с представителями фронтов, прибывшими в столицу на конференцию по демобилизации. Ответ был единогласный и неутешительный: армия воевать не может и не станет. Максимум, на что она способна — это на организованный отход, и то вряд ли. Малейший толчок — и начнется стихийное дезертирство, войска побегут, бросая оружие. А потеря фронтовой артиллерии при том состоянии промышленности, в котором пребывала Россия, являлась катастрофой. Что бы там ни говорили левые о «священной революционной войне», мнение военных было неизменным: мир любой ценой.

И вот тут «левые коммунисты» заговорили уже во весь голос. Говорили они разное — но всё почему-то против Брестского договора, причем, что любопытно, не условий, а самого факта его заключения. Говорили, что сепаратный мир негативно повлияет на развитие революции в Западной Европе; что германские солдаты не станут воевать, а наши, наоборот, полны решимости защищать революцию; что вот-вот на помощь придет европейский пролетариат; что нет таких соображений, которые могли бы оправдать отступление от революционных принципов, и лучше умереть за революцию, чем предать ее. Знаменитый в будущем Первый секретарь Украины, а тогда член Петроградского Комитета, представитель Нарвского района Станислав Косиор говорил: «Лучше мы удержим хоть что-нибудь, чем потерпим поражение, говорят товарищи, например, Ленин. Я же думаю, что лучше потерпеть поражение, чем идти на компромисс».

Аналогичную позицию заняло и Московское областное бюро. Они тоже доказывали, что немецкие солдаты не станут воевать против Советской России, что немцы не способны наступать, что самое главное — это разжечь революционный пожар в Европе. А поскольку при полном развале железнодорожного транспорта до других организаций было не дотянуться, то против сепаратного мира выступала почти что вся имевшаяся на то время в наличии партия большевиков.

Среднее положение между Лениным и левыми занял Троцкий. Его позиция была с точки зрения нормальной дипломатии совершенно безумной, однако по сравнению с вышеизложенными идеями казалась даже где-то в чем-то умеренной. Троцкий предлагал: мирный договор не подписывать, при этом объявив, что Россия считает войну оконченной и распускает армию. В этой позиции был один плюс. Поумневшему «левому» неудобно было переходить на ленинские позиции, а «ни мира, ни войны» Троцкого казалось приемлемой формулой. Впрочем, этот плюс был единственным, других не наблюдалось.

Левые эсеры сразу выступили против мира и на данной позиции стояли насмерть. Большевики же начали совещаться и занимались этим до середины января. 11 января на заседании ЦК Ленин попытался дать решительный бой своим «левым» — и с треском проиграл. Из шестнадцати присутствовавших только трое: Артем (Сергеев), Сокольников и Сталин — стали на его сторону. Аргументы остальных были следующими (излагаю их по фундаментальному труду американского историка Александра Рабиновича «Большевики у власти»).

«Бухарин, признанный лидер “левых коммунистов”, прямо заявил, что “позиция тов. Троцкого самая правильная” и добавил: “Пусть немцы нас побьют, пусть продвигнутся еще на сто верст — мы заинтересованы в том, как это отразится на международном движении”. В Вене растет всеобщая забастовка, связанная с переговорами в Бресте, сообщил он; если мир будет подписан, она сорвется. Необходимо использовать любую возможность, чтобы затягивать переговоры и не подписывать позорный мир. Это придаст энергии западноевропейским массам. Ещё один ярый “левый коммунист”, Урицкий, признавая неспособность России в данный момент вести революционную войну, предупреждал, что принятие аннексионистского мира оттолкнет петроградский пролетариат. “Отказываясь от подписания мира, производя демобилизацию армии... мы, конечно, открываем путь немцам, — признал он [Спасибо и на этом!], — но тогда, несомненно, у народа проснется инстинкт самосохранения и тогда начнется революционная война”... Дзержинский заявил с места, что подписания мирного договора будет означать капитуляцию всей большевистской программы, и обвинил Ленина в том, что тот делает “в скрытом виде то, что в октябре делали Зиновьев и Каменев”, а именно, думает только о России и игнорирует огромное международное значение событий в России».

Я не зря уделяю столько места изложению взглядов «левых коммунистов». Именно тогда раскололась партия большевиков, и именно по этой линии впоследствии будут идти расколы между сначала Лениным, а потом Сталиным и всеми оппозициями, сколько бы их ни было.

Не стоит обманываться революционной фразой. На самом деле это просто новая одежда очень старых политических сил, все тот же древний конфликт между теми, кто работает на свою страну и теми, кто хочет заставить ее работать на кого-то еще. Что важнее: судьба России или то, как ее агония отразится на международном рабочем движении; сто верст российской территории или забастовка в Вене; защита Родины или «революционная война»; благо народа или революционные принципы? Десять лет спустя Сталин, определяя разницу между «генеральной линией» и оппозицией, скажет: *«В чем состоит эта разница? В том, что партия рассматривает нашу революцию как революцию социалистическую, как революцию, представляющую некую самостоятельную силу, способную идти на борьбу против капиталистического мира, тогда как оппозиция рассматривает нашу революцию как бесплатное приложение к будущей, еще не победившей пролетарской революции на Западе, как “придаточное предложение” к будущей революции на Западе, как нечто, не имеющее самостоятельной силы».*

Некоторые из «левых коммунистов», как, например, Дзержинский, не то пересмотрев свои взгляды, не то наступив на горло собственной песне, впоследствии честно служили Советской России. Другие эволюционировали в противоположном направлении. Когда стало ясно, что революции в Европе ждать не стоит и приходится выбирать между Сталиным, все больше дрейфующим в сторону пророссийской имперской политики, и существующими, хотя и буржуазными, но **европейскими** правительствами, оппозиционеры выбрали второе, тем самым еще раз доказав, что революция тут вообще ни при чем. Дискуссия о Брестском мире была не причиной раскола партии, а поводом, позволившим осознать себя двум силам внутри нее: «государственникам-патриотам» и «революционерам-интернационалистам». С этого момента они вступили в тяжелейшую борьбу, закончившуюся уже перед самой войной физическим уничтожением последних так и не смирившихся «левых». Но дух остался. Он ещё воскреснет в революционно-большевистских деяниях Хрущёва, а потом в ультразападнических кампаниях «перестройки». Вы думаете, случайно ее начало сопровождалось восхвалением Бухарина и его соратников? Ага, конечно! То-то «прорабы перестройки» сплошь и рядом на всю страну рассказывали о своих отцах и дедах, сложивших головы в подвалах НКВД!

Но это будет спустя двадцать и спустя семьдесят лет. А в декабре 1917 года ситуация сложилась простая и печальная: быстро думающий Ленин уже понял, что теория немедленной всемирной революции иллюзорна и надо спасать то, что имеешь, а партия частично не успела повернуть вслед за ним, а частично и не желала.

* * *

...В январе произошел некоторый подъем революционного движения в Австрии, Венгрии, Польше, Германии, отчего «левые» (и не только они) воспряли духом. Все же у них хватило соображения не объявлять немедленно «революционную войну». 21 января на совещании в ЦК по вопросам мирной конференции только пять из четырнадцати участников голосовали за немедленное подписание мира: Ленин, Сталин, Муранов, Артем и Сокольников. Один человек был за то, чтобы немедленно прервать переговоры, остальные — за всемерное их затягивание, то есть поддерживали позицию Троцкого. Тем более она была весьма привлекательной во многих отношениях. Во-первых, неизвестно, смогут ли немцы наступать, во-вторых, даже если смогут, сдаться никогда не поздно, а в-третьих, скоро будет мировая революция, и все эти договоры потеряют смысл. Если же мировой революции не случится, то дело все равно проиграно, так зачем она нужна, Россия?

...Кончилось все тем, что 28 января Троцкий взял да и объявил на переговорах: Россия-де отказывается подписать мирный договор, однако считает, что война закончилась, и демобилизует армию. Просто так, от себя объявил — и торжественно удалился.

Несколько ошалевшие от такого поворота событий партнеры по переговорам стали думать, как быть. Из заявления Троцкого вроде бы следовало, что оккупированные территории остаются за ними, то есть цель достигнута. Исключение составил только один человек — но этим человеком был начальник штаба Восточного фронта генерал Макс Гофман. Как и подобает прусскому военному, он считал, что раз мирный договор не подписан, то военные действия, как записано в условиях перемирия, должны быть возобновлены в семидневный срок.

Уже через два дня после беспрецедентного заявления Троцкого, 13 февраля 1918 года [С 1 февраля 1918 года Россия перешла на общеевропейский календарь.], Коронный совет Германии принял решение о проведении наступательной операции на Восточном фронте. Началось наступление 18 февраля — и оказалось, что немецкие солдаты воевать могут и преспокойнешим образом идут против «русских братьев», а вот наши как-то не горят желанием вести «священную войну». У немцев были собранные наспех войска третьего сорта — но русские бежали, даже не пытаясь оказывать сопротивление. Германцы практически сразу захватили Двинск (для этого потребовалось около сотни солдат) и Минск и двинулись к Петрограду.

Всего один день понадобился Советскому правительству, чтобы достигнуть серединной позиции между разумом и верой. 19 февраля под утро, на заседании Совнаркома перевесом в один (!) голос все-таки победили Ленин и присоединившийся к нему Троцкий, которые немедленно отправили в Берлин радиogramму о готовности советского правительства подписать мир на германских условиях.

Буря была страшная. ВЦИК разделился, не в силах определить, одобряет ли он эту телеграмму или намерен ее отозвать. Стоявший на левых позициях Петроградский комитет опросил представителей районов — практически все, кроме Выборгского, где голоса разделились, были против капитуляции. Несмирившиеся «левые» — четверо членов ЦК (Бухарин, Урицкий, Ломов, Бубнов) и еще семь известных деятелей партии подписали заявление, осуждающее заключение мира, как удар по делу социалистического

строительства. Подобную резолюцию приняли и левые эсеры. Российская столица начала готовиться к «революционной войне».

И тут выяснилось, что голосовать за войну рабочие и солдаты готовы, а вот идти воевать категорически не хотят. В гарнизоне прошли многочисленные митинги, где солдатики обещали стоять насмерть — но когда на следующий день их попытались перебросить на фронт, войска попросту отказались подчиниться приказу. Исключением стал полк латышских стрелков и отдельные солдаты из разных частей.

С мобилизацией заводских рабочих дело обстояло лучше, но ненамного. Районные Советы создавали собственные комитеты обороны, по всему городу шли митинги — однако число призывников оказалось ничтожным. К 26 февраля добровольцев набралось всего около 10 тысяч человек — да и то записывались, в основном, не в Красную Армию, а в многочисленные отряды с громкими названиями, выборными командирами и полным отсутствием дисциплины. Как поведет себя эта толпа, когда придет пора садиться в эшелоны, было совершенно неясно (не говоря уже о поведении на поле боя). Плюс к тому имелось в наличии некоторое число левоэсеровских боевых отрядов — а что такое левоэсеровский отряд, мы увидим в следующей главе.

Впрочем, нельзя сказать, что усилия по организации обороны города оказались совсем уж бесплодными. Вскоре обозначилось одно их важное и полезное следствие. Петроградские рабочие, осознав, что во имя «революционной войны» под пули придется идти им самим, как-то сразу поправились. Коллективы, один за другим, начали высказываться за «похабный мир».

...А немцы тем временем не спешили отвечать на телеграмму Ленина и Троцкого. Наступление продолжалось широким фронтом на Ригу, Ревель и Псков и далее на Петроград. Над российской столицей нависла угроза захвата.

В ночь с 22 на 23 февраля новый глава российской делегации в Бресте Чичерин передал условия мира. Теперь они были уже другими, но выбирать не приходилось. Днем по этому поводу собрался Центральный Комитет — однако если кто думает, что «левые большевики» поумнели... Над партией, впервые с 1904 года, всерьез нависла опасность раскола. За принятие немецких условий голосовали семь человек (Ленин, Сталин, Зиновьев, Свердлов, Стасова, Сокольников и Смилга), против — четверо (Бухарин, Бубнов, Ломов, Урицкий). К счастью, еще четверо «левых» все-таки воздержались (Троцкий, Крестинский, Дзержинский, Иоффе) — но не потому, что были за мир, а чтобы не допустить раскола в партии. Они хорошо знали Ленина и понимали, что Ильич, оказавшись в меньшинстве, решению большинства не подчинится.

Однако до победы было еще далеко. Окончательное решение принимал не ЦК большевиков, а ВЦИК. ЦК определял всего лишь позицию большевистской фракции этого органа — в той мере, в какой она соглашалась ему подчиниться. А еще во ВЦИК присутствовали левые эсеры, которые были по-прежнему против мира. И снова, в сотый уже раз, возникла дискуссия все с теми же аргументами. Однако нависавшие над Петроградом немецкие войска все же действовали на нервы. Результат голосования был: 112 — за принятие германских условий, 86 — против и 22 воздержавшихся — как видим, снова пятьдесят на пятьдесят, даже под угрозой захвата столицы. В 4.30 утра, за два с половиной часа до срока окончания немецкого ультиматума, Ленин получил право все же заключить мир.

Между тем, даже получив согласие советского правительства, немцы не торопились сворачивать наступление, которое так хорошо шло. 24 февраля они взяли Псков и продолжали наступление. Большевистское руководство не знало, что это была уже не настоящая, а «психическая» атака. Немцы не собирались брать столицу России. Они хотели добиться капитуляции советского правительства и получить землю и деньги, а не становиться правительством охваченной хаосом огромной страны. И они своего добились.

3 марта в Брест-Литовске был подписан новый мирный договор, согласно которому:

Россия теряла польские, украинские, белорусские и прибалтийские губернии, Финляндию, а также Карскую область и Батумский округ на Кавказе. (В реальности немцы очень скоро вступили в соглашение со ставшей к тому времени независимой Грузией и ввели войска на её территорию.)

Советское правительство заключало мир с Украиной. Де-юре это означало признание ее независимости, а де-факто — оккупацию Украины германскими войсками. (Что и было основной целью всей интриги. Как видим, их интересы также на удивление постоянны.)

Армия и флот должны быть демобилизованы — впрочем, они и так уже практически не существовали.

Балтийский флот выводился из баз в Финляндии и Прибалтике [Это был довольно подлый пункт договора. Предельный срок вывода Балтийского флота из Гельсингфорса и с других финских баз был установлен 12 апреля — что было невозможно технически, поскольку в это время Финский залив ещё скован льдом. Таким образом, немцы получали не только Черноморский, но и значительную часть Балтийского флота. И лишь героизм командующего Балтийским флотом адмирала Щастного, который сумел пробиться через льды, спас корабли. Через месяц с небольшим Щастный был арестован в Москве и вскоре расстрелян по настоянию Троцкого. А ещё через три года Троцкий заключил договор с командующим рейхсвером генералом Сектом о том, что будет поставлять Германии секретную информацию и получать за это деньги. А теперь вспомним роль Троцкого в срыве переговоров и снова зададим себе вопрос: на кого работал Лев Давидович?, а Черноморский полностью со всей инфраструктурой передавался Центральным державам.

Россия выплачивала 6 миллиардов марок репараций, а также 500 млн золотых рублей (450 тонн золота) в качестве компенсации убытков, понесенных Германией в ходе революции.

Советское правительство обязывалось прекратить революционную пропаганду в Центральных державах и в образованных на территории Российской империи союзных им государствах.

Разница между первыми и вторыми германскими требованиями — то, во что обошлись Советской России теории «левых коммунистов».

* * *

...Но безумие не закончилось — оно продолжалось и дальше. Брестский мир предстояло ещё провести через съезд РСДРП(б) и ратифицировать на IV съезде Советов.

VII съезд РКП(б) [Именно на этом съезде было изменено название партии, хотя Ленин предлагал сделать это ещё в апреле 1917 года.], состоявшийся 6-8 марта 1918 года, строго говоря, таковым не являлся. ЦК решил, что он будет считаться правомочным, если на нем соберется половина от числа делегатов предыдущего съезда, то есть 79 человек с решающим голосом. В реальности их оказалось тридцать шесть. Но съезд все равно провели, поскольку надо было вынести решение, которого станет придерживаться большевистская фракция на съезде Советов. И снова спорили — два дня. Именно тогда довел до логического конца свою позицию Бухарин. Ее суммирует Александр Рабинович:

«В ответ на неоднократные ленинские обвинения в том, что “левые коммунисты” упорно не желали посмотреть в лицо действительности... он напомнил Ленину, что “левые коммунисты” наоборот, всегда последовательно придерживались принципа, что русская революция либо будет спасена международной революцией, либо погибнет под ударами международного капитала... Что могло помочь революции

оптимизировать возможности выживания? Ответ Ленина: мирная передышка... Ответ Бухарина: революционная война. По мере того, как германские войска будут продвигаться в глубь России, все больше рабочих и крестьян, возмущенных угнетением и насилием, будут подниматься на борьбу. Вначале не имеющие опыта партизанские отряды будут терпеть поражение. Однако в ходе этой войны рабочий класс, разобщенный в условиях экономического хаоса, объединится под лозунгом священной войны против милитаризма и империализма. Рабочие и крестьяне научатся пользоваться оружием, создадут армию и, в конце концов, победят...»

Комментировать надо?

По счастью, опыт «священной войны» в Петрограде отрезвляюще подействовал на съезд, и тот, при 30 голосах «за», 12-ти «против» и 4-х воздержавшихся вынес следующую резолюцию:

«Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тяжчайший, унижительный мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться хотя бы далее малейшей возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику...»

Далее говорится о том, что неизбежна война с империалистическими странами и в связи с этим о повышении дисциплины, всеобщем военном обучении и т. д.

«Съезд видит надежнейшую гарантию закрепления социалистической революции, победившей в России, только в превращении ее в международную рабочую революцию.

Съезд уверен, что с точки зрения интересов международной революции шаг, сделанный Советской властью, при данном соотношении сил на мировой арене, был неизбежен и необходим.

В убеждении, что рабочая революция неуклонно зреет во всех воюющих странах, готовя неизбежное и полное поражение капитализма, съезд заявляет, что социалистический пролетариат России будет всеми силами и всеми находящимися в его распоряжении средствами поддерживать братское революционное движение пролетариата всех стран».

Поскольку эта резолюция несколько расходилась с условиями Брестского мира [Всю весну и лето германское правительство бомбардировало Совнарком нотами по поводу нарушения условий Брестского мира, на которые наши, естественно, не обращали никакого внимания. Немцам, ведущим войну на два фронта, нужен был мир с Россией — стало быть, воевать они не станут. А всякие там дипломатические протесты большевиков не волновали.], то к ней было сделано дополнение, первый абзац которого гласил:

«Съезд признает необходимым не публиковать принятой резолюции и обязывает всех членов партии хранить эту резолюцию в тайне. В печать дается только — и притом не сегодня, а по указанию ЦК-сообщение, что съезд за ратификацию».

Впрочем, едва ли немцев волновали всякие там декларации. Они добились, чего хотели — получили украинский хлеб и уголь, а вскоре и грузинский марганец, создали между собой и Советской Россией цепочку буферных марионеточных государств, чтобы впредь исключить всякую возможность реванша. Пусть теперь побежденные русские галдят и надувают щеки, произносят грозные слова — надо же им себя как-то утешить! Что они могут-то?

Через неделю Брестский мир ратифицировал и съезд Советов.

Но особенно интересен второй абзац «Дополнения»:

«Кроме того, съезд особо подчёркивает, что ЦК-ту даётся полномочие во всякий момент разорвать все мирные договоры с империалистскими и буржуазными государствами, а равно объявить им войну».

Россия не могла победить Германию военной силой. Но как только это сделали союзники, Советское правительство мгновенно выполнило наказ съезда. 11 ноября было

подписано Компьенское перемирие, завершившее войну между центральными державами и Антантой, а 13 ноября Советская Россия аннулировала Брестский мир, парадоксальным образом оказавшись страной, которая закончила мировую войну первой и одновременно последней. Как известно, почти все территории она, в конечном счете, вернула, но вот золото, отправленное в Германию по условиям Брестского мира, попало в руки союзников.

28 июня 1919 года побежденная Германия подписала в Версале невероятно тяжёлый и унижительный мирный договор, условия которого были примерно идентичны Брестским. Интересно, часто ли в эти дни правящие круги Германии вспоминали Брест-Литовск?

...Что же касается надежд на поддержку «международного пролетариата», то они так и не реализовались. Выступления рабочих были подавлены либо затухли сами по себе, и советское правительство оказалось в одиночестве на шестой части мировой суши, власть в которой оно так неосмотрительно захватило.

Глава 13 **У СОВЕТСКОЙ РОССИИ ДРУЗЕЙ НЕТ**

Знаешь, есть много вещей, которые я воздерживаюсь делать.
По *разным* причинам. Но я не утверждаю, что не буду этого делать
никогда.

Роман Злотников. Атака на будущее.

24 февраля, на следующий день после того, как Советское правительство согласилось на германские условия мира, в Петроград пришла резолюция Московского комитета РСДРП(б). В ней говорилось:

«Московское областное бюро находит едва ли устранимым раскол партии в ближайшее время, причем ставит своей задачей служить объединению всех последовательных революционно-коммунистических элементов, борющихся одинаково как против сторонников заключения сепаратного мира, так и против всех умеренных оппортунистических элементов партии. В интересах международной революции мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти, становящейся теперь чисто формальной. Мы по-прежнему видим нашу основную задачу в распространении идей социалистической революции на все иные страны и в решительном проведении рабочей диктатуры, в беспощадном подавлении буржуазной контрреволюции в России».

Московское областное бюро было базой и оплотом «левых коммунистов». Этой резолюцией бухаринская фракция объявляла всем, кто не с ними, войну и четко заявляла о своих приоритетах: их не волнует ни Россия, ни даже Советская власть, а только мировая революция.

Но это та революционная фраза, которая болтается на поверхности. На самом деле им была нужна и Россия, и власть, поскольку внутри узкой группы посвященных они вынашивали куда более интересные планы.

Планы эти были преданы огласке спустя ровно двадцать лет, 7 марта 1938 года, на третьем «московском» процессе. Оказывается, в то время, когда шли дебаты о мире, Московское областное бюро — то самое, что прислало постановление о расколе — достаточно серьезно обсуждало, не следует ли арестовать Ленина, Сталина и Свердлова и избрать новое правительство в коалиции с левыми эсерами. По этому поводу существуют, например, показания тогдашнего члена фракции Варвары Яковлевой. Она вспоминала,

что в конце апреля или в начале мая состоялось заседание фракции, где Бухарин сделал доклад:

«Он сказал, что “левые коммунисты” в партии потерпели поражение, но что это не снимает вопроса о “губительных” последствиях Брестского мира... Нужно сказать, что в ходе своего доклада Бухарин опять развивал... мысли о перспективах борьбы по вопросу о мире... Он говорил о возможности чрезвычайно агрессивных форм, о том, что теперь уже совершенно ясно стояч вопрос о самом правительстве и о формировании его из “левых коммунистов” и “левых” эсеров, что в ходе борьбы за это может встать вопрос и об аресте руководящей группы правительства в лице Ленина, Сталина и Свердлова, а в случае дальнейшего обострения борьбы возможно и физическое уничтожение наиболее решительной руководящей части Советского правительства... На втором совещании Бухарин сообщил, что переговоры состоялись, что они вели эти переговоры с Камковым, Карелиным и Прошьяном, что “левые” эсеры согласились на совместное с “левыми коммунистами” формирование правительства, намекнули на то, что у них имеется уже конкретно разработанный план захвата власти и ареста правительства...»

«Левым коммунистам» в известном смысле повезло: весной 1918 года Московское областное бюро было переизбрано, они потеряли организационный ресурс, в авантюры лета 1918 года не ввязывались — и уцелели. Их великие теории нам уже известны.

Поговорим теперь о «левых эсерах». Чем им-то не угодило большевистское руководство?

Июльский «Октябрь»

Ты хорошо преподносишь факты, Долли, — сказал полковник Бантри, — но плоховато у тебя с антуражем.

Агата Кристи. Тринадцать загадочных случаев

Надо сказать, что большевистское руководство не угодило левым эсерам всем, что оно делало. До марта 1918 года их партия была правящей — то есть, входила в Совнарком. По-видимому, левых эсеров угнетал сам этот факт, ибо прославились они, в основном, не работой, а протестами. В соответствии со священными принципами демократии, в органах власти должна же существовать оппозиция! А поскольку ни эсеры, ни меньшевики там были почти не представлены, то левые эсеры и стали оппозицией во ВЦИК, что терпимо, и внутри властных структур, что доводило и без того еле живые наркоматы и ведомства до полного паралича.

После подписания Брестского мира левые эсеры торжественно вышли из Совнаркома (надо полагать, сей орган испустил дружный вздох облегчения), но при этом остались во всех остальных структурах, где они имели не только работников, а полноценное ***представительство***. В том числе они имели представительство в ВЧК и делегировали туда на работу свои кадры, иной раз вообще чёрт знает кого (что очень хорошо показывает история с Блюмкиным). Оставались ли они после этого ***правлящей*** партией? Формально — нет. Но в каком качестве их воспринимали иностранные правительства, безуспешно пытавшиеся разобраться в системе советской власти — это ещё вопрос.

Что же не устраивало левых эсеров? Естественно, Брестский мир. А еще их не устраивали аресты, проводимые ВЧК, «жесткость» её работы и введенная летом 1918 года смертная казнь. Не нравилась продовольственная диктатура и хлебные разверстки в деревне. Возмущали «нарушения демократии», то есть действия по установлению власти,

которая не зависела бы от еженедельно меняющегося настроения масс. Не устраивало невнимание к нуждам мировой революции.

А теперь давайте представим себе, что произошло бы, приди левые эсеры к власти и реализуй они все свои «против». В городах — отсутствие «продовольственной диктатуры», то есть, свободная торговля. При этом хлеба нет, поскольку продотряды, естественно, на село не пошли (ибо силой с мужичком низ-зя), а платить за хлеб городскому рабочему нечем. Зато досконально выполняются демократические процедуры, а ВЧК обязана соблюдать абсолютно все права личности, как реально существующие, так и приснившиеся «демократическим» теоретикам. И при этом полным ходом идет «священная революционная война». Сколько дней продержалось бы такое правительство и кто бы первый его скинул: озверевшие от голода рабочие или взявшие Москву германские войска? Ах да, конечно, потом бы рабочие и крестьяне, увидев, как плохо жить при немцах, взялись бы за оружие...

Это кто же сказал, что после такого бардака жизнь при немцах показалось бы плохой?!

Принято думать, что они действительно были такие... гм, не слишком умные люди... и что они во всё это верили. Ну, возможно, кое-кто и верил — среди бойцов революции всегда хватает личностей, не отягощенных интеллектом. Вот только действия левых эсеров, если рассматривать их в отрыве от политических деклараций, выглядят весьма и весьма разумно и в их сердцевине можно ощутить вполне *конкретное* ядро.

Итак, рассмотрим их в отрыве от политики — только факты.

* * *

4 июля в Москве начал работу V съезд Советов, на котором левые эсеры снова пытались заговорить о Брестском мире. А 6 июля произошло действие, вошедшее в историю как «мятеж левых эсеров».

Около двух часов дня в германское посольство пришли два чекиста. Они предъявили мандат за подписью Дзержинского и заявили, что явились «по поводу дела, имеющего непосредственное отношение к господину послу». Как выяснилось впоследствии, подпись на мандате была фальшивой, а печать настоящей — ее приклепнул заместитель, а фактически независимый соправитель Дзержинского в ВЧК левый эсер Александрович.

Германский посол граф Мирбах принял посетителей в присутствии двоих работников посольства — лейтенанта Мюллера и доктора Рицлера. По описанию этих свидетелей, *«один из них, смуглый брюнет с бородой и усами, большой шевелюрой, одет был в чёрный пиджачный костюм. С виду лет 30-35, с бледным отпечатком на лице, тип анархиста. Он отрекомендовался Блюмкиным. Другой — рыжеватый, без бороды, с маленькими усами, худощавый, с горбинкой на носу. С виду также лет 30. Одет был в коричневатый костюм и, кажется, в косоворотку цветную. Назвался Андреевым, а по словам Блюмкина, является председателем революционного трибунала».*

Дело, по которому они пришли, едва ли требовало личного внимания германского посла. Незадолго до того был арестован его чрезвычайно дальний родственник, венгерский офицер граф Мирбах, о судьбе которого и стали говорить чекисты. Посол пытался объяснить, что к делу касательства не имеет. И тут оба гостя выхватили револьверы и стали стрелять.

Чтобы понять, что собой в организационном плане представляли левые эсеры, надо описать эту стрельбу. Блюмкин, при том что сидел почти вплотную, так и не смог попасть ни в одного из присутствующих. Доктор и лейтенант бросились на пол, посол же побежал в другую комнату, и на пороге его догнала пуля, выпущенная Андреевым. Потом террористы бросили вслед Мирбаху две бомбы (одна разорвалась, вторая — нет) и

покинули здание посольства, выскочив в окно. При этом Андреев выпрыгнул благополучно, а Блюмкин ухитрился еще и покалечить ногу. После акции террористы отправились в штаб отряда ВЧК, которым командовал левый эсер Попов.

Практически сразу о случившемся узнал Дзержинский и тут же начал выяснять, где Блюмкин. Кто-то сказал, что видел его в штабе отряда ВЧК в Трехсвятительском переулке. Председатель ВЧК, которому даже самые лютые его враги никогда не решались отказать в личной храбрости, отправился туда, чтобы арестовать террористов. Однако вместо этого сам попал в плен: находившиеся в штабе боевики разоружили его и посадили под охрану. Вскоре им удалось арестовать еще и Лациса, председателя комиссии по борьбе с контрреволюцией, председателя Московского совета Смидовича и некоторых других большевиков — многих просто наловили на улицах под предлогом проверки документов, — а также взять под контроль телеграф, телефон, почтамт и одну из типографий.

Левые эсеры явно делали свою революцию по образцу Октябрьской, которая тоже начиналась с захвата телеграфа и телефона [Кстати, с телефонной станции их практически сразу вышиб оперативно вызванный отряд латышей.] — но, выполнив все эти действия, забуксовали. Во-первых, дальше в Октябре шло взятие Зимнего и арест правительства — а штурмовать Кремль «революционерам» было явно не под силу. Во-вторых, похоже, что *конкретная* работа большевиков по организации октябрьского переворота осталась тайной для их соратников по революции. Так, например, агитацию в воинских частях те начали лишь после выступления. В 1-м советском караульном полку это выглядело так (рассказывает военный комиссар Городского района Шоричев):

«Я пришёл на собрание (собрание немногочисленное, около 200 человек) и слышал речь Черепанова следующего содержания: Центральный Комитет левых эсеров убил палача Мирбаха, тем самым Брестский договор не существует, и за это Советское правительство хочет нас, левых эсеров, арестовать, обезоружить, убийцу требуют выдать и все это хотят проделать с помощью германского корпуса, который сейчас находится в Москве под видом конной милиции; в конце своей речи провозгласил лозунги: “Долой соглашательскую мирбаховскую политику, да здравствует восстание, да здравствуют независимые крестьянские Советы!”»...

Затем возник стихийный митинг, в котором принимали участие как агитаторы, так и комиссар (при этом командный состав полка хоть и присутствовал в казарме, однако не обозначил себя никак). Комиссар оказался более сильным оратором, и кончилось дело ничем. В полку им. 1-го марта командиров вообще на месте не оказалось, зато кто-то догадался пустить слух, что в штабе отряда Попова раздают консервы, поэтому агитация мятежников имела некоторый успех. Похоже, именно этих красноармейцев и поставили охранять арестованных. (После первых же выстрелов все они — арестованные, караул и прибывшие к ним перепуганные солдатики — перебрались куда-то в задние помещения штаба и стали ждать подхода красных.)

Любопытно заявление комиссара Шоричева, что в отряде Попова левых эсеров среди красноармейцев не было. И по наблюдениям арестованных, активность проявляли одни лишь матросы (сам Попов был из них же). Впрочем, и многие матросы, похоже, оказались не слишком в курсе происходящего, а уж драться точно не хотели. Их показания впечатляют.

«Принцев Василий Семенович, 18 лет, финн. 13 мая с финнами поступил в отряд Попова... С пятницы вечером (5 июля — Е. П.) закрыли ворота и никого не выпускали. В воскресенье, когда начали стрелять, нам сказали, что наступают австрийцы, чтобы мы спасались... Я бежал без оружия.

Куркин Степан Николаевич. Я поступил в отряд 6 июля утром... В 6-7 вечера меня поставили дежурить к пулемету. Никто мне ничего не объяснил. Никаких приказов не давали. По отряду ходили слухи, что убит посол Мирбах и что немцы двигаются к нашему отряду разоружать нас.

Перегудов Федор Иосифович, б. матрос Черноморского флота. В отряд я поступил 2 июля с. г. По списку нас поступило в отряд Попова около 180 человек, а затем часть ушла... В субботу, 6-го, в 6 часов дня вступил в караул в Всероссийской чрезвычайной комиссии. Стояли до половины шестого. Пришедши в казармы, лег спать, а утром, до того как началась пальба, убежал».

Зная, что за кадры были у «мятежников», не удивляет, что захват телеграфа, например, выглядел так. Попов отрядил туда 40 человек, приказав взять телеграф под охрану, но при этом забыв объяснить, что надо как-то изменить его работу. Когда они прибыли, тамошний комиссар долго выяснял, у них и по телефону, что это за люди, кто их послал и зачем явились — они говорили, что послал Попов, а зачем, и сами не знали. И лишь визит левоэсеровского руководства прояснил ситуацию: телеграф захвачен, сейчас будут рассылаться телеграммы во все города. Комиссара при этом попросту выгнали — он и ушёл.

Депеши, ради которых захватывали телеграф, были следующими.

«Всем губернским, уездным, волостным и городским совдепам.

По постановлению ЦК партии левых социалистов-революционеров убит летучим боевым отрядом представитель германского империализма, и контрреволюционеры пытаются вести агитацию на фабриках и заводах и в воинских частях. Все эти попытки встречаются единодушным негодованием рабочих и красноармейцев, горячо приветствующих решительные действия защитницы трудящихся партии левых социалистов-революционеров.

ЦК левых социалистов-революционеров призывает всех левых эсеров и большевиков, всех трудящихся встать грудью на защиту Советов и социальной революции, на защиту украинских рабочих и крестьян, изнемогающих в героической борьбе против империалистов.

Да здравствует восстание против империалистов!

Да здравствует власть Советов!»

Всё понятно, правда? И что произошло в столице, и как действовать в новой обстановке, кому подчиняться, и какая агитация является «контрреволюционной», а какая «революционной»...

...Зато в самом штабе отряда обстановка была вполне революционная. Вот ещё выдержки из следственного дела ВЧК:

...«Уполномоченный Военного контроля, арестованный поповцами, показал, между прочим, следующее: “Попов был выпивши, и кроме него еще несколько человек, которых я не знал, были тоже заметно выпивши. Попов и другие руководители старались громко при своих солдатах говорить, что много новых частей примкнули к ним, что телеграф занят и по всей России отправлены уже инструкции. Какой-то отряд был приведен в штаб Попова под угрозой расстрела, если они не примкнут к поповцам...”
[Надо полагать, самогон был не менее действенным средством агитации.]

...Берзин К. И., член батальонного комитета: “В штабе нас окружили пьяные матросы. Нам говорили, что многие полки присоединились к левым эсерам. Нас убеждали, что т. Ленин и Троцкий продали Россию, и они, левые эсеры, дескать, призывают теперь к восстанию против насильников”.

...Звядевич, шофёр. Арестован поповцами. В штабе ему солдаты говорили: “Сегодня будет крах большевистской власти, а потому тебе незачем ехать в Кремль. На Кремль уже наведена артиллерия. Ты лучше оставайся у нас; мы дадим тебе жалованье, и ты будешь работать на своей машине”.

...Швехгемер В. И., председатель полкового комитета 1-го Латышского стрелкового полка, был арестован и доставлен в штаб Попова, где Попов говорил, что по постановлению ЦК партии эсеров убит германский посол Мирбах и мы требуем немедленного выступления против германцев. “Мы не против Советской власти, но такой, как теперь, не хотим... Теперешняя власть — соглашательская шайка во главе с

Троцким и Лениным, которые довели народ до гибели и почти ежедневно производят расстрелы и аресты рабочих. Если теперешняя власть не способна, то мы сделаем, что можно будет выступить против германца". Далее указывает Попов, что все воинские части на стороне эсеров. Только латыши не сдаются. "В крайнем случае, — говорил Попов, — мы сметем артиллерийским огнем Кремль с лица земли"».

Впрочем, несмотря на стр-р-рашные угрозы, когда на следующее утро подошли латышские части и начали стрелять из орудий, бойцы отряда попросту разбежались, бросив арестованных. Забавно, но в спешке они забыли и Блюмкина, который находился неподалеку в лазарете. Возможно, это его и спасло. 7 июля, ещё не остыв от происходящего, по горячим следам комиссия ВЧК приговорила к расстрелу тринадцать человек, в том числе и Александровича, заместителя Дзержинского. Если бы Блюмкина поймали, могли прислонить к той же стенке. А так он, переодетый солдатом и под чужим именем, пролежав несколько дней в больнице, сумел бежать.

Вот и все события «мятежа левых эсеров». Как видим, не густо. Назвать это не то что мятежом, а даже попыткой его язык не поворачивается. В руки «восставшим» попали Дзержинский, Лацис, еще несколько десятков разного уровня комиссаров, но «повстанцы» не только не расправились с ними (никого даже не ударили), но и не попытались использовать их в качестве заложников. Последнее позволяет квалифицировать пресловутый «мятеж» как пьяный кабак. Из чего следует вывод, что либо бардак в партии левых эсеров превосходил все мыслимые и немыслимые границы, либо... цель выступления состояла вовсе не в захвате власти, а в чём-то другом.

* * *

А теперь давайте посмотрим, что на самом деле произошло. То, что никакой попытки переворота не было, видно из вышеизложенного. Впрочем, левые эсеры и сами неоднократно заявляли, что не собираются брать власть, что все арестованные большевики будут в ближайшее время освобождены. Так что единственным реальным **деянием** данного мятежа было убийство германского посла. С какой целью? А с какой целью, спрашивается, когда государства стоят на грани войны, представители спецслужб демонстративно, не стесняясь, убивают дипломатов?

Решение об использовании террора как средства борьбы с Брестским договором было принято еще в апреле 1918 года, на II всероссийском съезде партии левых эсеров. Принимали его на закрытом заседании и, по-видимому, в настолько узком кругу посвященных, что об этих планах не знали даже многие эсеровские руководители. В качестве возможных жертв были намечены генерал Эйхгорн, командующий оккупационными войсками на Украине, посол Мирбах и сам кайзер. Они даже отправили специального эмиссара в Берлин на предмет выяснения: что думают немецкие социал-демократы по поводу убийства кайзера — чем до смерти перепугали этих самых социал-демократов. 24 июня ЦК партии подтвердил решение о теракте. (Имена тогда не оговаривались, но едва ли сидящие в Москве левозэсеровские вожди имели в виду кайзера.)

Этой цели — срыву Брестского мира — была подчинена вся деятельность левозэсеровской партии с марта по июль 1918 года. Например, работа крестьянского бюро ВЦИК, возглавляемого Марией Спиридоновой. Во время поездок по Псковской области его служащие не столько занимались своим прямым делом, сколько пытались организовывать антигерманские провокации.

Само убийство явно было приурочено к V съезду Советов, который начал работу 4 июля. По показаниям арестованного в конце концов Блюмкина, первоначально оно было намечено на пятое число, а затем, по организационным причинам, перенесено на день. Эсеровская делегация на съезде с самого начала вела себя хулигански — делегаты

свистели, кричали, не давали выступать большевикам. Как они намеревались использовать теракт, неясно — им попросту не дали этого сделать.

Пьяные матросы воспринимали свое выступление как низвержение Совнаркома. Однако их вожди относились к делу иначе. Еще 24 июня члены ЦК левоэсеровской партии особо оговаривали, что этот теракт направлен против политики Совнаркома, но никоим образом не против большевиков.

По показаниям Дзержинского, член ЦК левых эсеров Черепанов говорил: «Мир сорван, и с этим фактом вам придется считаться, мы власти не хотим, пусть будет так, как на Украине, мы пойдем в подполье, пусть займут немцы Москву». А П. Смидович вспоминал, что тот же человек сказал ему: «Мирбах убит. Брестский мир, во всяком случае, сорван. Теперь все равно война с Германией, и мы должны идти против нее вместе». То есть, заниматься организацией «священной войны» будут никоим образом не левые эсеры, а Совнарком — правильное решение! Если судить по «мятежу», этой компании нельзя было доверить даже перегонять стадо коров с фермы на ферму — растеряют по дороге. Воевать станут большевики, а эсеры, по-видимому, займутся критикой — судя по направленности их предыдущих заявлений, за излишнюю кровожадность, ибо и революции, и войны должны проходить, конечно же, беспощадно, но без пролития крови.

...И снова все хитрые расчеты поломал Ленин. Смотрите, что он сделал! Воспользовавшись нелепой бузой отряда Попова, он обвинил партию левых эсеров не в намерении развязать войну, а в попытке захвата власти путем государственного переворота, тем самым сняв все претензии к действующим советским властям. Это был путч, господа, мы его подавили, графа Мирбаха, конечно, очень жаль, но советское правительство тут совершенно ни при чем. А в подкрепление своего заявления приказал немедленно арестовать всю левоэсеровскую фракцию съезда Советов — более четырехсот человек. Их взяли в тот же день. Около ста человек отпустили сразу же, остальных через несколько дней, после окончания съезда. Надо было убрать оттуда левых эсеров, чтобы они не могли развивать провокацию — сами же эти люди были Ленину совершенно не нужны.

Большинство левоэсеровских деятелей в Москве ко всем этим делам оказались непричастны, а на местах о случившемся в столице попросту ничего не знали — и потому весьма удивлялись, когда их боевые отряды стали разоружать, а от них требовали заклеить позором собственный ЦК. Но это уже не важно. Ленину удалось сорвать почти стопроцентно успешную провокацию, выдав ее за государственный переворот и объявив, что убийство посла было *сигналом* к нему, а не *целью* провокации. Все обошлось довольно легко. 14 июля временно исполняющий обязанности посла Германии Курт Рицлер обратился с просьбой о вводе в Москву для охраны посольства батальона германских войск с пулеметами и минометами. Это, конечно, неприятно, нарушает суверенитет и пр. — но это, по крайней мере, не война. Правда, немецкий батальон, учитывая состояние Красной Армии и Красной гвардии, был серьезной военной силой...

Трудно сказать, как бы все обернулось — но помогла война. В тот же день, 14 июля, началась вторая битва на Марне, и немцам стало не до Советской России. Наркоминдел Чичерин отказал Рицлеру, пообещав обеспечить безопасность посольства. Сошлись на тысяче красногвардейцев. В конце концов, Блюмкин и Сергеев не силой ворвались в здание, и никакая охрана тут бы не помогла...

* * *

Как видим, и после Октябрьской революции вопрос о мире был линией границы, разделяющей политические силы. И как-то уж очень это просто — искать причины событий в беззаветной преданности мировой революции. Ведь руководство как «левых

коммунистов», так и левых эсеров состояло из опытных политических бойцов, в октябрьские дни получивших изрядный опыт практической работы — и вдруг эти беспредельно наивные, на грани полного идиотизма, политические теории.

Однако мы имеем очередное маленькое совпадение — убийство Мирбаха произошло за неделю до начала немецкого наступления на Марне. Если бы на самом деле удалось ликвидировать Брестский мир, вполне возможно, было бы сорвано и наступление. И это совпадение заставляет внимательно оглядеться вокруг: нет ли где-нибудь неподалеку французского следа?

А вы знаете — есть! Но только не в Москве, а совсем в другом месте. На параллельной, вроде бы не пересекающейся с московскими событиями колее...

Огненное кольцо

Над бывшей Суловской областью нависла реальная угроза стать новой «горячей точкой» планеты, тем более что после вступления Астрахани в НАТО и введения шестого флота США в Каспий американская палубная авиация легко могла дотянуться до любых интересующих её целей.

Евгений Лукин. Алая аура протопарторга

Имеется среди документов следственного дела о «левоэсеровском мятеже» одно, на первый взгляд, незаметное свидетельство.

«П. Майоров, секретарь крестьянской секции, доставил в следственную комиссию документы, указывающие, что левые эсеры без ведома секретаря крестьянской секции получали документы на получение оружия из Ярославля, куда они делегировали членов своей партии якобы за покупкой кожи и махорки».

Все бы ничего, если бы не название населенного пункта. 6 июля, в тот же день, когда был убит Мирбах, в Ярославле произошло восстание. И выглядело оно совсем не так, как в Москве.

...Около двух часов утра (стало быть, еще до убийства посла), в городе появились какие-то вооружённые группы. Одна разоружила милицию, другие быстро и грамотно захватили банк, почту, телеграф, советские учреждения. В Совете нашли документы с адресами работников и, отправившись по этим адресам, арестовывали поименованных там людей, некоторых из них тут же расстреливали. Так были убиты председатель исполкома городского Совета Закгейм, окружной военный комиссар Нахимсон, бывший председатель губисполкома Доброхотов, губернский военный комиссар Душин (кстати, левый эсер), комиссар труда Работнов и многие другие.

Всего арестованных набралось около двухсот человек. Из них 109 посадили на баржу (откуда 22 человека потом увели). Впоследствии те, кто остался на барже, рассказывали:

«С субботы 6 июля и до четверга 18 июля, за двенадцать дней, им не давали никакой пищи. Два раза за это время им приносили в баржу по два фунта хлеба на 109 человек, причем приносившие этот хлеб-милиционер и какая-то барышня под видом сестры милосердия — ломали этот хлеб на кусочки и, как собакам, бросали с лодки на баржу».

Когда начался обстрел города артиллерией, белогвардейцы перевозили баржу на места, наиболее подвергающиеся обстрелу... Стоявший на берегу караул не допускал подняться с баржи даже за водой, и несколько человек, приносивших воду, были ранены».

Трупы убитых товарищей и скончавшихся от ран оставались тут же (вынести их было невозможно под постоянной угрозой стрельбы) и, разлагаясь, заражали атмосферу.

Сидевшим товарищам оставалось одно из двух: или умереть голодной смертью, или пойти на риск и пробраться к своим. Они решились на последнее и, улучив момент, когда патруль почему-то скрылся, спустили цепь, оборвали веревки и пустили баржу по течению».

Злоключения узников этим не исчерпывались — в довершение всего баржу обстреляли еще и красные — но в итоге для них все кончилось хорошо. Что произошло с остальными арестованными, не совсем понятно. Их рассказов среди опубликованных документов дела нет, зато есть красноречивое «и другие» в перечислении расстрелянных.

...Ярославль не был беззащитен. Там находился штаб Северного фронта РККА и несколько красноармейских частей, которые, узнав о случившемся, тут же вступили в бой. Однако ядро восставших составляли офицеры, а кроме того, все инструкторы красных частей, также бывшие офицеры, тут же перешли на сторону мятежников, передав им пулеметы и броневедомитель. У красных же с дисциплиной было сами знаете как, а с боевым опытом и того хуже.

Но вскоре к ним подошли подкрепления, из Москвы прибыл бронепоезд и даже авиация, сбросившая около 12 пудов динамита. Тем не менее, жестокие бои продолжались до 21 июля. В результате город был сильно разрушен, деревянная часть выгорела.

Видя, что силы неравны, захватившие город боевики попытались спастись весьма своеобразным способом. Они объявили, что находятся в состоянии войны с Германией и сдаются германской армии — в Ярославле имелось некоторое количество австро-венгерских пленников и при них председатель комиссии военнопленных лейтенант Балк. Тот согласился, наскоро вооружил австрийцев, а главарей восстания запер в здании театра. Впрочем, после недолгих переговоров с красными пленные, совершенно не желавшие влезать в чужие разборки и погибать непонятно на чьей войне, оружие сдали, а лидеров мятежа лейтенант Балк передал в руки властей.

За событиями в Ярославле стоял некий «Союз защиты родины и свободы». Входили в него, в основном, бывшие офицеры, а организатором являлась уже знакомая нам светлая личность — Борис Викторович Савинков, эсеровский террорист, крупный деятель Временного правительства, сподвижник Корнилова, и пр., по многим данным, имевший давние тесные отношения с французской разведкой.

Как выяснилось впоследствии, согласно плану, «Союз» должен был одновременно произвести восстания в 34 городах. Естественно, из этих великих намерений мало что вышло. Кое-как удалось устроить несколько локальных путчей, которые были тут же разгромлены — «ярославцы» продержались дольше всех, но конец был все равно один. По свидетельским показаниям, мятежники говорили, что скоро возьмут под контроль все Поволжье.

То, что планы Савинкова были разработаны совместно с французской миссией, давно уже не является секретом. Он получил от французского посла Нуланса более двух миллионов рублей на свои дела, и еще 200 тысяч дал Масарик, будущий первый чехословацкий президент, тоже заинтересованный в поражении центральных держав, чтобы восстановить самостоятельность своей родины.

Согласно первоначальному плану, восстание должно было произойти в первых числах июня в Москве. Однако от этого намерения вскоре отказались — взять Москву, даже стянув туда все пять тысяч членов «Союза», было невозможно, если не иметь сильных союзников во властных структурах. А если таковых иметь — теоретически возможно, но с учетом бардака в стане этих союзников...

Взвесив все прискорбные обстоятельства, мятежники остановились на другом варианте. Восстания произойдут в городах вокруг Москвы: в Ярославле, Костроме, Рыбинске, Муроме и других. Затем повстанцы соединятся с находящимся на Волге мятежным чехословацким корпусом, а англо-французский десант высаживается в

Архангельске и наносит главный удар через Вологду на Москву. Все вместе они осаждают столицу, захватывают её и... ну конечно же, объявляют войну Германии! Этот план был немножко лучше первого — но совсем немножко, ибо шансы захватить таким образом столицу всё равно равнялись нулю.

Считается, что ярославское восстание не имело никакой связи с московским. Вроде бы так, ибо связь не доказана — бумажек нет! — но говорить о совпадении в данном случае просто несерьёзно. Что ж, если не выявлены контакты между организациями, давайте поищем ниточки от человека к человеку. Имели ли деятели левоэсеровского восстания какую-нибудь связь с Савинковым, кроме того, что все они эсеры, а значит, какое-то время находились в одной партии?

* * *

Рассмотрим подробнее личность исполнителя теракта и его связи. Персонаж сей весьма примечателен.

Начнём с того, что основному террористу было на момент совершения «акта» отнюдь не тридцать, как говорили свидетели, а всего лишь двадцать лет. Яков Блюмкин происходил из многолетней одесской еврейской семьи «с политическим уклоном»: один из его братьев — анархист, сестра — социал-демократка, еще один брат — довольно известный одесский литератор. Сам Яков с шестнадцати лет пошел работать, примерно в 1917 году вступил в эсеровскую партию. Участвовал в боях с Центральной Радой — самостийным украинским правительством. В январе 1918 года вместе с известным вором Мишкой Япончиком принимал участие в создании 1-го добровольческого Железного отряда — вот такие тогда были расклады! Одновременно он дружил с одесской левой поэтической богемой, представители которой вскоре оказались в Красной Армии. Один его приятель-поэт служил комиссаром у Железнякова (того самого, у которого караул устал), другой был начальником штаба у диктатора Одессы Муравьева (того, который чуть раньше командовал обороной Петрограда). С помощью приятеля и Блюмкин входит в доверие к Муравьеву. В марте 1918 года он оказывается начальником штаба 3-й украинской советской армии — правда, сие великое воинство насчитывало всего четыре тысячи человек, но по тем временам это была довольно крупная сила. Воюет армия не так чтобы очень хорошо, зато замечательно экспроприрует — впрочем, где тогда было иначе?

Армия вскоре рассыпалась на несколько совершенно уже бандитских отрядов, а Блюмкин в мае 1918 года приехал в Москву — и сразу же попал на ответственную работу. Руководство партии левых эсеров направило его в ВЧК, на должность заведующего отделом по борьбе с международным шпионажем. В июне он становится заведующим контрразведывательным отделом по наблюдению за охраной посольств. По его же настоянию в июне в ВЧК приняли в качестве фотографа и Андреева. Трудно сказать, как сей товарищ фотографировал — но стрелять Андреев умел. Да и дело графа Мирбаха (того, который родственник) Блюмкин получил задолго до теракта. Так что явно не из одной злости Дзержинский расстрелял Александровича.

Любопытно сложилась дальнейшая судьба Блюмкина. 27 ноября 1918 года он был заочно приговорён ревтрибуналом к трем годам тюремного заключения. Сам террорист в то время давно уже находился на Украине, воевал против всех «самостийников», сколько бы их ни было, в том числе и в одном строю с коммунистами. По-видимому, с какого-то момента его стал смущать висящий над ним приговор, ибо весной 1919 года Блюмкин сдался Украинской ЧК — по его словам, чтобы прояснить ситуацию с убийством Мирбаха. Он утверждал, что левые эсеры мятежа не поднимали, брать власть не хотели, а лично он не верил и в то, что убийство посла приведет к войне.

Зачем стрелял? Считал, что теракт «послужит к вящему выявлению надломленного состояния германского империализма». Именно так он и выразился...

УкрЧК оказалась перед нелегкой проблемой: что делать с этим кадром? Отправить отбывать приговор? Неудобно, товарищ связан с украинскими большевиками совместной борьбой. Стали искать юридическое обоснование. В итоге тяжелой умственной работы на свет появился доклад следственной комиссии по делу Блюмкина, где, в частности, говорится:

«...Если верить утверждениям Блюмкина, что никакой связи с действиями обманувшей его партии левых эсеров, воспользовавшейся фактом убийства Мирбаха с целью восстания против Советской власти, у него не было, то он должен нести ответственность только за совершение террористического акта по отношению к Мирбаху, каковая ответственность, во всяком случае, не может вызвать необходимости содержания Блюмкина в тюрьме». Исходя из этих соображений, комиссия предложила в тюрьму его не сажать, а отдать под контроль надежных людей. ВЦИК решил вопрос проще, амнистировав террориста.

Дальнейшая судьба Блюмкина — яркая, как полет метеора. Одно время он был начальником охраны Троцкого, потом снова вернулся в ВЧК. В качестве чекиста участвовал в спецоперациях в Сибири и в Персии, водил дружбу и пьянствовал с Есениным и прочими литераторами, поучаствовал по личному заданию Зиновьева в германском «красном октябре», служил представителем ОГПУ в Монголии, вроде бы ездил с Рерихом в Тибет, был резидентом в Константинополе и Палестине. Закончилась его биография 3 ноября 1929 года расстрелом по приговору Коллегии ОГПУ после непродолжительного — всего восемнадцать дней — расследования. Считается, что причиной стало письмо, которое он привез от высланного за границу Троцкого его сторонникам в Союзе. Для сериала такая версия годится, для серьезного рассмотрения — не очень. Данный товарищ, учитывая нрав и послужной список, мог успеть заработать себе пару десятков смертных приговоров и по другим, более весомым основаниям. Проще предположить, что его изобличили как агента еще чьей-нибудь разведки — а к таким вещам все спецслужбы мира относятся чрезвычайно нервно. (А может, он сколотил где-нибудь в Палестине шайку налётчиков, чем опозорил высокое звание советского шпиона...)

Но вернемся обратно. Если отбросить заявления самого Блюмкина, что о предстоящей ему акции он узнал только 4 июля, и посмотреть на голые факты... А они таковы: приехав в Москву, будущий исполнитель получил именно тот пост, который позволял ему явиться в немецкое посольство и добиться немедленного приема у посла. Ему кто-то дал в работу дело, позволяющее эту встречу обосновать. Ясно, что это устроили левые эсеры в ВЧК и что Блюмкина изначально готовили как исполнителя теракта. И присмотрели его явно не в Москве, в которой он до мая 1918 года и не бывал вовсе, а в родном городе Одессе. С кем, кроме поэтов, он там общался?

Надо сказать, что это были очень примечательные люди. Самый высокопоставленный из них — Михаил Артемьевич Муравьев, левый эсер и лучший военачальник ранней советской эпохи, чья биография могла бы стать сюжетом не одного романа.

...Выходец из бедной крестьянской семьи, Михаил Муравьев каким-то образом закончил юнкерское училище, стал офицером и поступил на службу в довольно престижный Невский пехотный полк. Однако недолго музыка играла... в прямом смысле, ибо именно на балу поручик Муравьев сцепился из-за женщины с другим офицером. Инцидент закончился смертью соперника. Двадцатипятилетнего Муравьева, продержав месяц на гауптвахте, разжаловали в солдаты и отправили на Маньчжурский фронт, благо вовсю шла русско-японская война. Он быстро возвращает себе чин, прибавляет к нему несколько наград, а получив тяжелое ранение, отправляется на лечение в Европу (узнать бы, на какие деньги!)

За границей Муравьев начинает интересоваться политикой, а политика интересуется им — русским радикалам нужны молодые горячие исполнители их великих планов. В 1907 году он вступает в партию эсеров и оказывается не где-нибудь, а в группе известнейшего террориста Савинкова (того самого!), становится организатором эсеровских военных формирований. За границей Муравьев провел пять лет, потом вернулся в Россию, после начала войны снова поступил в армию, получил в окопах еще одно тяжёлое ранение и чин подполковника.

Февраль 1917 года застал Муравьева в Одессе, однако вскоре он материализуется в Петрограде, на посту начальника охраны Временного правительства, что не удивительно, учитывая его дружеские отношения с Савинковым и Керенским. Именно ему принадлежит идея создания «батальонов смерти», в том числе женских — последние на фронтах воспринимали как стихийное бедствие. К осени Муравьева заносит к левым эсерам, и после Октября он становится начальником обороны Петрограда. Однако такой кадр оказался слишком пассионарным даже для Ленина. Вместе с Антоновым-Овсеенко его посылают бороться за советскую власть на Украину.

Антонов-Овсеенко потом описывал своего компаньона в «Записках о гражданской войне» следующим образом:

«Его сухая фигура, с коротко остриженными седеющими волосами и быстрым взглядом — мне вспоминается всегда в движении, сопровождаемом звяканьем шпор. Его горячий взволнованный голос звучал приподнятыми верхними тонами. Выражался он высоким штилем, и это не было в нем напускным. Муравьев жил всегда в чаду и действовал всегда самозабвенно... Честолюбие было его подлинной натурой. Он искренне верил в свою провиденциальность, нимало не сомневаясь в своем влиянии на окружающих, и в этом отсутствии сомнения в себе была его вторая сила...»

Это был типичный «революционный деятель» образца восемнадцатого года: любитель кутежей и женщин, морфинист, окруженный бандитского вида телохранителями, безудержно смелый и столь же безудержно жестокий. Захватив город, он устанавливал режим военной диктатуры. Если ему мешали — расстреливал, если выступали против Советов — разгонял и Советов. В конце февраля воинство Муравьева берет Одессу, а в начале марта, когда подходят немцы, он приказывает кораблям черноморского флота артиллерийским огнем разрушить город — к счастью, моряки не выполнили приказа. Брестского мира он не признает и намерен сражаться до конца — однако в конце марта зачем-то отбывает в Москву.

В середине апреля Муравьева арестовывают в связи с операцией по разоружению анархистов (к тому времени разница между ними и бандитами окончательно стерлась). Но основным обвинением становится превышение власти на Украине. Дзержинский по этому поводу писал: *«...Комиссия наша неоднократно принимала свидетельства и обвинения, которые доказывали, что самый заклятый враг не смог бы принести нам столько вреда, сколько он принес своими страшными расстрелами, предоставлением солдатам права грабежа городов и сел. Все это от имени нашей Советской власти он вытворял, настраивал против нас все население...»*

Однако шла война, и надо было воевать. Отчаянного командарма освободили из тюрьмы и назначили командующим Восточным фронтом. Там его и застали июльские события. 9 июля Муравьев внезапным ударом захватил Симбирск, объявил собственную войну Германии, отдал приказ войскам повернуть на запад и заявил о создании Поволжской советской республики во главе с левоэсеровским правительством.

Однако тут нашла коса на камень. В Симбирске тоже сидели конкретные товарищи, которыми командовал глава большевистского губкома литовец Иосиф Варейкис. Муравьева пригласили на заседание исполкома Совета, хорошенько подготовившись к этому визиту — в самом здании и вокруг него разместились прибывшие из Москвы латышские стрелки и особый отряд ЧК. Что было дальше — дело темное. Одни говорят, что Муравьева попытались арестовать и он покончил с собой,

другие — что он погиб в перестрелке. А возможно, его попросту шлёпнули — ибо что ещё с такими делать?

Интересный человек и интересная биография, но кто мне укажет -где здесь место каким бы то ни было идеалам?

Под началом этого товарища Блюмкин служил в Одессе и даже в некоторой степени являлся его доверенным лицом. Так что вопрос, кто мог порекомендовать московским левым эсерам исполнителя их провокации, получает не самый плохой вариант ответа.

Знаком Блюмкин был и ещё с одной колоритнейшей личностью того яркого времени — А. И. Эрдманом (Эрдманисом) [Не путать с драматургом Николаем Эрдманом — это совсем другой человек.], который был одновременно поэтом, полковником российской армии, английским агентом и членом савинковского «Союза защиты родины и свободы». Вскоре Эрдман также материализуется в Москве, выдавая себя за лидера литовских анархистов Бирзе. В этом качестве он сумел войти в доверие к Дзержинскому и был назначен представителем ВЧК и одним из руководителей Военконтроля (советской военной контрразведки), где продержался до августа 1918 года, пока не был арестован. Дзержинский сказал, что чувствует в арестованном «сволочь высшего полета» — но улики против «Бирзе» не было, и следователь ВЧК отпустил его. Ну так вот: по некоторым данным, именно приятель Блюмкина Эрдман был одним из организаторов муравьевского мятежа. А кроме того, по партийной принадлежности он был правым эсером, тесно связанным все с тем же старым нашим знакомым — Борисом Савинковым.

От Эрдмана ниточка потянулась уже к англичанам. Впрочем, здесь можно и не напрягаться в поисках связей, ибо координировал действия левых эсеров в Москве еще один замечательнейший человек — уроженец все той же «жемчужины у моря» Георгий Розенблюм, больше известный как Сидней Рейли. Этот господин с чрезвычайно бурной биографией ещё с 1897 года являлся кадровым сотрудником английской разведки.

В декабре 1917 года Рейли прибыл в Россию, в феврале 1918-го появился все в той же Одессе в составе союзнической миссии и принялся за организацию агентурной сети. В марте он уже в Петрограде, прикомандирован сначала к военно-морскому атташе капитану Кроми (разведчику, естественно), а потом к самому послу Брюсу Локкарту (тоже разведчику). Вслед за правительством переехал в Москву и принялся старательно готовить мероприятие, известное впоследствии как «заговор послов».

Нет сведений о том, что до 1918 года Рейли и Савинков были близко знакомы. Зато когда в декабре 1918 года английский разведчик снова возвращается в Россию, их сотрудничество становится теснейшим. Впоследствии Рейли пишет: *«...Я проводил с Савинковым целые дни, вплоть до его отъезда на советскую границу. Я пользовался его полным доверием, и его планы были выработаны вместе со мной»*. Он же добывает деньги для савинковских операций. В 1922 году они вместе разрабатывают план террористических актов против советской дипломатической делегации на Генуэзской конференции. В конце концов Рейли заманили в СССР в ходе чекистской операции, и дальнейшая его судьба неизвестна. По официальной версии, его убили на границе, по менее официальной, арестовали и отправили на Лубянку. Существует и предположение, что на самом деле Рейли был агентом не «Интеллидженс Сервис», а ВЧК и являлся тем самым человеком, который сдал «заговор послов», а потом много лет работал на советскую разведку. Впрочем, учитывая реалии той эпохи и стиль работы ВЧК, последнее тоже не является чем-то невозможным...

* * *

...Итак, озаботившись поиском связей между савинковским и левоэсеровским заговором, мы тут же без труда обнаружили, что ими рулила одна и та же компания. И

теперь впору, почесав в затылке, задать вопрос: а какова конечная цель всей комбинации? Скинуть власть большевиков? Как-то странно они ее скидывали. Если бы савинковский «Союз» объединился с левыми эсерами во властных структурах Москвы, а особенно в армии и ВЧК, у них были бы очень неплохие шансы. Собственно, произвести реальный переворот было нетрудно, для этого достаточно убить Ленина и еще пару высокопоставленных большевиков — и все рассыплется.

А вместо этого в Москве, где имело смысл брать власть, они устроили кабак, а в Ярославле действовали грамотно, но совершенно непонятно, с какой целью. Почему они не объединили все наличные силы, чтобы скинуть правительство Ленина?

Посмотрим ещё раз: а какие конкретные действия были произведены по ходу этого карнавала? В Москве имела место быть провокация с целью снова развязать войну между Россией и Германией, и только она. Это несомненно. Никакой хотя бы относительно организованной попытки переворота там не производилось, иначе датой смерти Дзержинского был бы не 1926, а 1918 год. Воевать с Германией должен был Совнарком.

А что конкретно произошло в Ярославле? Если бы к нему подходили белые войска — понятно: поднять восстание и сдать город. Но никакие войска к Ярославлю не подходили. Зачем, в таком случае, устраивать переворот в губернском центре? Нонсенс...

Впрочем, один ответ всё же имеется. Чтобы объявить губернию государством.

Смотрите, какое заявление сделали мятежники: *«То, что произошло в Ярославле, произошло в тот же день и час по всему Поволжью. Мы действуем вместе с Сибирским [«Временное сибирское правительство» во главе с бывшим кадетом, а потом правым эсером Вологодским, пришедшее к власти в Томске в июне 1918 года. В начале ноября 1918 года передало свои полномочия Уфимской директории.] и Самарским [«Комитет членов Учредительного Собрания» (Комуч, «Самарская учредилка») — эсеровское правительство, образованное в Самаре 8 июня 1918 года. Власть Комуча распространялась на Самарскую, Симбирскую, Казанскую, Уфимскую губернии и часть Саратовской. После образования в сентябре 1918 года Уфимской директории Комуч был преобразован в «Съезд членов Учредительного Собрания», а в декабре распущен Колчаком.] правительствами и подчиняемся общему главнокомандующему, старому генералу Алексееву»*. Раз они объявляют не о подчинении, а о совместных действиях с сибирским и самарским правительствами, стало быть, выступают с ними на равных. И при этом «ярославцы» не забывают, конечно же, объявить войну Германии. Муравьев тоже намеревался создать собственное правительство и тоже объявил о разрыве Брестского договора. Да и чехословаки, едва подняв мятеж, собирались повернуть основные силы корпуса на запад с целью создания «единого антигерманского фронта». Левые эсеры, кроме московской провокации, планомерно и целенаправленно разжигали партизанскую войну на Украине. А основные действия их мятежа произошли за неделю до начала немецкого наступления.

Тут и не пахнет никакой реальной попыткой захватить власть в России, что бы кто ни говорил и ни обещал. Цель авантюры написана огненными буквами: вновь как можно больше связать Германию на востоке, чтобы она не могла наступать на западе. И эта цель изначально обрекла всю операцию на поражение: что-что, а идея вновь начать германскую войну не могла пользоваться в России мало-мальской популярностью. Выступая против людей с *такими* целями, даже красный отряд обретал дисциплину и начинал весьма пристойно драться.

За что громят посольства

—Да не в бабках дело, — прохрипел Серов. — Ты же всё равно не поверишь, падла...

—Дело, — пояснил Горбатый, — всегда в бабках. Даже если кажется по-другому.

Владимир Серебряков, Андрей Уланов. Кот, который умел искать мины.

Трудно сказать, до какой степени локальные войны с несколькими разболтанными ордами повлияли бы на состояние дел в Германии. Скорее всего, они привели бы к тем же результатам, что и поход немцев на Петроград, то есть к быстрому поражению «армий» новоявленных государств. И вот тут-то открываются чрезвычайно интересные возможности!

Потерпев поражение в войне, что сделает любое из «правительств»? Скорее всего, обратится к иностранному государству с просьбой о помощи — как экономической, так и военной. Деньги, оружие, экспедиционные корпуса — а потом за все это придется платить. После окончания заварушки «правительства» и их государства окажутся в таких долгах, что не будет и речи о том, чтобы «благодетели» ушли с их территории.

Это все, конечно, чистая аналитика, имеющая лишь одно слабое подтверждение: именно данный сценарий и был реализован в ходе Гражданской войны. Вспомним хотя бы, с чего началась интервенция англичан в Архангельске? С создания «Верховного правительства севера России», опираясь на которое, действовали интервенты. А потом их войска продвинулись на несколько сот километров к Петрограду и остановились. И так было везде: создание многочисленных «правительств», которые воевали с помощью союзников — а последние, похоже, беспокоились не о победе своих протеже, а о том, чтобы они поглубже увязли в войне. Так выгоднее: власть большевиков все равно, рано или поздно, падет под собственной тяжестью, и надо постараться, чтобы к тому времени долги «русских партнеров» оказались как можно более весомыми.

Наверняка в этом разгадка того, что правительства стран, которые ввели войска на территорию Советской России, так и не объявили ей войну. А зачем и кому ее объявлять? Они ведь прибыли сюда по приглашению законного правительства, на суверенитет которого покушаются большевистские орды! В стране полно правительств, все они объявляют себя законными, надо лишь выбрать среди этой компании тех, кто больше понравится, и по их просьбе оказывать экономическую помощь и вводить «ограниченные контингенты».

На карте Россию разделили еще в декабре 1917 года, и теперь дело было лишь за тем, чтобы вкопать пограничные столбы. Так, по крайней мере, могло казаться в восемнадцатом году.

Я подозреваю, что больше всего европейские правительства ненавидели большевиков даже не по причине отмены частной собственности, а за то, что эти мерзавцы сумели снова собрать Россию. Какой гешефт поломали, красные собаки!

* * *

...Сие не значит, что параллельно этим интересным делам не происходило попыток скинуть большевиков. Были, были... и причём весьма серьезные. Так что вернемся к нашим друзьям «карбонариям». Совершенно особую игру они вели в Петрограде.

...Несмотря на переезд большевистского правительства в Москву, ее не воспринимали как столицу России. Тем более, в марте, сообщив об эвакуации, большевики утверждали, что она временная. Правда, негласно Ленин говорил совсем другое. Он полагал, что подписание мира даст лишь несколько дней отсрочки, а потом

немцы все равно займут Питер. (А еще более негласно в большевистской верхушке считали свой опыт успешным уже потому, что продержались дольше, чем Парижская коммуна. Интересно все же: когда они осознали, что победили?)

Вне всякого сомнения, если бы немцы захотели, они через несколько дней уже маршировали бы по улицам Питера. Но зачем разрывать выгодный Брестский мир ради столь сомнительного приза, каким являлся Петроград того времени? Город без продовольствия, с разоренной промышленностью, жуткой криминальной обстановкой и неуправляемым населением, которому уже почти нечего терять. Спекулянты, проститутки, левые агитаторы — такое сочетание обеспечит быстрое разложение любой армии. Это не говоря уже о том, что начавшиеся в городе эпидемии могли легко перекинуться на немецких солдат и вместе с ними попасть в Германию.

Правда, существовал довольно простой способ и невинность соблюсти, и капитал приобрести. Да, с большевиками был подписан Брестский мир. Но ведь в России может появиться и другая власть, с которой можно вести отдельный разговор. Допустим, какое-нибудь русское «правительство в изгнании» поставит своей целью восстановление монархии и попросит у германского правительства денег на формирование армии... Является ли это нарушением Брестского мира, подписанного с московскими властями? А разве в нем есть статьи, воспрещающие германской стороне продавать оружие законному правительству, объявившему своей столицей Петроград? Нельзя, говорите? А как же «декрет о мире»? Господа русские, вы уж как-нибудь там договоритесь между собой, кто из вас чем правит — а то нам тут, в Европе, не понять...

Немцы все же нация приличная. У англичан негласными делами руководил, несколько не смущаясь, сам посол, а германцы создали для такого рода работы специальную структуру — так называемую прибалтийскую миссию при генеральном консульстве в Петрограде. В августе туда прибыл специальный уполномоченный германского командования для переговоров с неким ротмистром фон Розенбергом, который представлял монархическое подполье в Петрограде. Договаривались они о формировании Северной добровольческой армии. Из затеи этой ничего не вышло, но в ходе ее подготовки родилась одна любопытная бумажка — план формирования армии и её взаимодействия с немцами.

«1) Русская добровольческая армия должна формироваться по соглашению с Императорским германским правительством.

2) Местом формирования должны послужить оккупированные германскими войсками русские области, причем желательными являются районы городов Двинск — Вильна или Валк — Вольмар — Венден.

3) Формирование армии должно производиться в одном из указанных районов, под прикрытием германских оккупационных войск.

4) Армия будет комплектоваться:

а) местными русскими офицерами и добровольцами,

б) переправленными из Петербурга офицерами и добровольцами,

в) русскими военнопленными, находящимися в лагерях в Германии.

5) Командующим армией, с диктаторскими полномочиями, должен быть назначен русский боевой генерал с популярным боевым именем. Причём желательно было бы назначение генерала Юденича, генерала Гурко или генерала графа Келлера.

6) Денежные средства на содержание армии должны выдаваться заимообразно германским правительством русскому государству.

7) Все необходимое для формирования армии, как-то: вооружение, обмундирование, снаряжение и продовольствие, — должно отпускаться германскими военными властями русскому командованию.

8) В одном из городов оккупированной области, перед началом формирования, должен быть созван Русский монархический съезд, имеющий задачей выделить из своего состава Временное правительство России.

9) Армия по окончании формирования должна быть приведена к присяге законному царю и Русскому государству.

10) Задачи армии:

а) наступление на Петербург и свержение большевизма,

б) поддержание законной власти,

в) водворение порядка во всей России.

11) Все установления политического характера должны быть выяснены на монархическом съезде и утверждены избранным Временным правительством.

12) Германские войска участия в подавлении большевизма не принимают, но следуют за армией для поддержания внутреннего порядка и престижа власти» [Цит. По: Кутузов В. Лепетюхин В., Седов В., Степанов О. Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987. С. 198.]

Этот документ можно считать основополагающим — именно так формировались все белые армии. Государства-спонсоры не объявляют войну большевистской России, их войска либо не участвуют в боевых действиях, либо всего лишь «помогают законному правительству». Что же касается денег... то никому не запрещено торговать оружием, снаряжением, продовольствием с кем угодно, как за наличные, так и в кредит.

Другое дело, что германцы были все же изрядными идеалистами и намеревались финансировать *одну* армию, которой предстояло замирить всю Россию. Союзники по Антанте, как люди прагматичные, поддерживали несколько правительств — исходя из того, что каждое завоюет себе свой кусочек территории, а иметь дело с несколькими маленькими зависимыми государствами легче, чем с одним большим, которое уже по причине размеров много о себе понимает. (Впоследствии они реализовали и немецкий план создания Северной армии во главе с все тем же Юденичем). Разница была и по части п. 12: поддерживать порядок на захваченной территории тоже должны были белые, а союзники ужасались и защищали невинных. Они выходили из этой истории совершенно уже чистыми и пушистыми, ибо вся ответственность за террор и разрушения ложилась на плечи «русских варваров».

Впрочем, победившее в конце концов большевистское правительство эту детскую хитрость не признало и выкатило «мировому сообществу» полновесный счет за Гражданскую войну, в несколько раз превышающий все царские долги [Кстати, новое «демократическое» правительство России частично царские долги заплатило. Это к вопросу о том, кто и зачем проводил «перестройку»].

С германским консульством вышла довольно интересная история, но о ней чуть позже. А пока поговорим об английском посольстве и его великих планах.

* * *

...В июле 1917 года шоферу следственной комиссии ЧК Нарвско-Петергофского района один его знакомый предложил поехать на работу в Мурманск. Условия были неплохими: 400 рублей аванса и по прибытии на место — 500 ежемесячно. Председатель ПетроЧК Урицкий заинтересовался: кто и для чего вербует людей в Петрограде? Чекисты принялись разматывать дело. Взяли вербовщика, устроили на его квартире засаду. Вскоре поймали еще одного «волонтера», который показал, что был привлечен неким членом белогвардейской организации Романовым для службы у англичан на Севере. (Обратите внимание — это июль, англичане еще не высадились, но уже набирают армию.) Дальнейшее было делом техники.

По уму, надо бы ввести своих агентов в организацию, осторожно ее выявить, а потом одним ударом обезвредить — именно так чекисты станут действовать впоследствии. Однако на такой путь не было времени: каждый день существования организации — это новые и новые квалифицированные офицеры на службе у

белогвардейцев. Вербовщиков брали по мере выявления — впрочем, они почти не скрывались. То ли не умели соблюдать конспирацию, то ли не считали нужным. Дело оказалось поставленным на широкую ногу, офицеров и технических специалистов набирали не только в Петрограде, но и в Москве, и в других городах. Через Питер их переправляли на Север — иногда поодиночке, а иной раз и группами, под видом разного рода экспедиций.

То, что набор на английскую службу не обходится без английского посольства, ясно было с самого начала, и очень скоро нити привели именно туда. Проследив связи как вербовщиков, так и англичан, чекисты выяснили, что эта подпольная организация — не единственная. Их оказалось несколько, и каждая имела свои функции. Одна из них занималась военным, экономическим и политическим шпионажем — ее курировали сотрудники посольства Бойс и Томе. Другая готовила восстание в Петрограде, навстречу подходящим белым войскам. Структурирована она была по всем правилам, делилась на районные группы, в каждый район заранее назначали коменданта, чтобы в нужный момент взять власть.

Ещё одна организация готовила диверсионную сеть — небольшие мобильные группы по 5 — 10 человек, хорошо вооруженные, снабженные картами, планами и взрывчаткой. Они размещались на крупных станциях между Петроградом и Архангельском и должны были облегчать продвижение антибольшевистских войск. Этой сетью управляли находившиеся в Вологде английские разведчики Гиллеспи и Комбрэйн.

Наконец, заговорщики направляли своих людей в Красную Армию, где охотно брали на службу офицеров и военных специалистов. В нужный момент агенты должны были сделать, что смогут — так, как это произошло в Ярославле.

Координировал всю работу военно-морской атташе капитан Френсис Аллен Кроми, а за ним стоял и сам Брюс Локкарт, господин посол Великобритании и глава английской миссии в Москве. Как мы уже знаем, англичане имели тесные связи и с эсеровским подпольем, которому отводилась роль организаторов террора.

Ошибка дипломатов заключалась в том, что они недооценили ЧК. Какая-то там новорожденная тайная полиция — да что она может? Между тем это был очень **конкретный** орган, имевший в аппарате много людей с опытом конспиративной работы и во главе с серьезными специалистами тайной войны [И наверняка в качестве консультантов тоже]. О Держинском в этом качестве и говорить излишне, но что мы знаем, например, об Урицком? То, что он по образованию юрист, бывший меньшевик, тяготился работой в ВЧК и являлся противником смертной казни? Да, конечно, но кроме того, этот мягкий интеллигентный человек участвовал в революционном движении с начала 90-х годов, был членом РСДРП с 1898 года, прошел революцию 1905 года, тюрьмы, ссылки, эмиграцию. Против таких противников новорожденное белое подполье шансов не имело, да и англичане как-то не очень...

Принято думать, что старые революционеры неохотно шли служить в ВЧК, поскольку считали работу охраны отвратительной и не хотели заводить подобную структуру в новой прекрасной стране. Да, конечно, это было так... но все же они шли и работали там, исходя из своего опыта, а опыт у них был приобретен в борьбе с царской охранкой, другого не имели. В свою очередь руководство ВЧК клялось, что никогда не будет пользоваться услугами секретных агентов и провокаторов, от которых сами революционеры в свое время столь много претерпели. Но поскольку в ВЧК брали людей с отбором, а именно конспираторов, бойцов тайной войны, опыт которых был приобретен в борьбе с царской охранкой... В общем, несмотря на все заверения, почему-то получилось так, что основным оружием ВЧК стали методы из арсенала агентурной войны — разведка, осведомление, подстава, провокация...

Весной — летом 1918 года ВЧК провела операцию, которая впоследствии станет первой из длинного ряда себе подобных и любимым оружием советских спецслужб. В

основе ее находится подстава противнику легендированной организации. Вот как это выглядело в изложении тогдашнего коменданта Кремля Павла Малькова.

«Локкарт и его помощник Сидней Рейли, уроженец Одессы, а затем лейтенант английской разведки... решили подкупить воинские части, несшие охрану Кремля и правительства, с тем чтобы при их помощи на одном из пленарных заседаний ВЦИК, в десятых числах сентября 1918 года, арестовать Советское правительство и захватить власть. Сразу после переворота заговорщики намеревались... расторгнуть Брестский мир и принудить Россию возобновить участие в мировой войне на стороне Англии, Франции и США. Членов Советского правительства заговорщики собирались отправить после ареста в Архангельск, захваченный в начале августа 1918 года англичанами, там посадить на английский военный корабль и увезти в Англию. Так они намеревались поступить со всеми, кроме Ленина. Ленина же... решили уничтожить, то есть попросту убить при первой же возможности.

Для осуществления намеченных планов агент Локкарта англичанин Шмидхен в начале августа 1918 года попытался завязать знакомство с командиром артиллерийского дивизиона Латышской стрелковой дивизии Берзиным и прощупать его настроение, чтобы определить возможность использования Берзина в качестве исполнителя планов заговорщиков... При первых же разговорах со Шмидхеном Берзин насторожился, хотя и не подал виду, но сразу же после встречи доложил обо всем комиссару Латышской стрелковой дивизии Петерсону, а тот сообщил в ВЧК Петерсу. Было решено проверить, чего добивается Шмидхен, и Петерсон возложил это дело на Берзина, поручив ему при встрече со Шмидхеном прикинуться человеком, несколько разочаровавшимся в большевиках. Берзин так и сделал, тогда Шмидхен с места в карьер повел его к своему шефу — Локкарту встретившему командира советского артиллерийского дивизиона с распростертыми объятиями. Эта встреча произошла 14 августа 1918 года на квартире Локкарта в Хлебном переулке. Локкарт предложил Берзину 5-6 миллионов рублей: для него лично и на подкуп латышских стрелков. Дальнейшую связь Локкарт предложил Берзину поддерживать с лейтенантом Рейли, он же "Рейс" или "Константин", как быстро выяснила ВЧК.

Берзин, отказавшийся вначале от денег, держал себя настолько ловко и умно, что полностью провел Локкарта, выведав его планы... 17 августа Берзин встретился уже с Рейли, вручившим ему 700 тысяч рублей. Эти деньги Берзин тут же передал Петерсону, а Петерсон отнёс их непосредственно Ленину доложив ему всю историю в малейших подробностях. Владимир Ильич посоветовал Петерсону передать деньги пока что в ВЧК — там, мол, разберемся, как с ними поступить, — что тот и сделал.

Через несколько дней Рейли передал Берзину 200 тысяч, а затем еще 300 тысяч рублей, все на подкуп латышских стрелков и в вознаграждение самому Берзину. Таким образом, в течение двух недель англичане вручили Берзину 1 миллион 200 тысяч рублей. Вся эта сумма надежно хранилась теперь в сейфах Всероссийской Чрезвычайной Комиссии.

В конце августа Рейли поручил Берзину выехать в Петроград и встретиться там с питерскими белогвардейцами, также участвующими в заговоре. 29 августа Берзин, получив соответствующие указания от Петерсона и ВЧК, был уже в Петрограде. Там он повидался с рядом заговорщиков, явки к которым получил от Рейли, и помог раскрыть крупную белогвардейскую организацию, работавшую под руководством англичан, которая после отъезда Берзина в Москву была ликвидирована.

Всецело доверяя Берзину и рассчитывая осуществить переворот при его помощи, Локкарт и Рейли сообщили ему свой план ареста Советского правительства на заседании ВЦИК. Осуществление ареста, как заявил Рейли, возлагается на руководимых Берзиным латышских стрелков, которые будут нести охрану заседания. Одновременно Рейли поручил Берзину подобрать надежных людей из охраны Кремля и обязать их впустить в Кремль вооруженные группы заговорщиков в тот момент, когда будет

арестовано правительство на заседании ВЦИК Рейли сообщил также Берзину, что Ленина необходимо будет “убрать” раньше, еще до заседания ВЦИК...

Так благодаря мужеству, находчивости и доблести Берзина, проникшего в самое логово заговорщиков, планы и намерения Локкарта, Рейли и их сообщников были раскрыты и заговор был ликвидирован».

(Кстати, любопытная подробность. «Комиссар Латышской стрелковой дивизии Петерсон, представив Я. М. Свердлову доклад о том, как был раскрыт заговор Локкарта, поставил вопрос: что делать с принадлежащими английскому правительству 1 миллионом 200 тысячами рублей, выданными Локкартом и Рейли Берзину “для латышских стрелков”... Что ж, ответил Яков Михайлович, раз деньги предназначались латышским стрелкам, пусть их и получают латышские стрелки». Британские деньги пошли на пособия семьям погибших и инвалидам, на культурные и агитационные нужды латышских частей.)

Такова официальная версии раскрытия «заговора послов» — однако комендант Кремля, по-видимому, был не полностью в курсе. На самом деле всё оказалось ещё интереснее.

Весной 1918 года из Москвы в Петроград отправились несколько чекистов с заданием: выйти на питерское контрреволюционное подполье и завязать с ним связи, представившись членами аналогичных московских структур. В их числе были два молодых латыша, которым удалось войти в доверие к руководителям одной из таких организаций, познакомиться с самим Кроми, а потом и получить аудиенцию у Локкарта. Таким образом, через Петроград они вернулись в Москву.

Английский посол попросил свести его с кем-либо из командиров латышских стрелков, охраняющих правительство, что и было вскоре выполнено — его познакомили с Берзиным. Так вот: одним из этих молодых людей и являлся упомянутый Мальковым «англичанин Шмидхен». На самом деле звали его Ян Буйкис, это был молодой сотрудник ВЧК, подставленный Локкарту. С этого момента весь «заговор послов» проводился под контролем чекистов.

Окончательная ликвидация заговора была намечена на сентябрь. Судя по тому, что заседание, на котором Берзин должен был арестовать Совнарком, перенесли с 28 августа на 6 сентября, удар собирались нанести где-то около этой даты. А потом что-то произошло. То ли заговорщики узнали, что их водят за нос, то ли в их рядах царил все тот же традиционный бардак — но события стали разворачиваться по другому сценарию.

* * *

Началось все с парного террористического акта. Большевистские вожди, постоянно разъезжавшие по митингам, ведущие прием населения, были чрезвычайно уязвимы для покушений. История, случившаяся 6 июля с Дзержинским, свидетельствует об этом так, что красноречивей некуда. Любого из них можно было убить — но не факт, что после этого удастся устранить следующего, ибо в любой момент они могли запереться в толстых стенах Кремля. А Кремль — это крепость. Поэтому надо было очень хорошо подумать: кого убивать, когда и с какой целью.

30 августа, за несколько минут до одиннадцати часов утра, Урицкий вышел из здания Петрочека на Гороховой и направился на Дворцовую площадь, туда, где размещался иностранный отдел комиссариата внутренних дел Союза коммун Северной области [Петроградская губерния в то время называлась Петроградской трудовой коммуной. Союз коммун Северной области включал в себя территорию, примерно совпадавшую с нынешним Северо-Западным регионом.]. В одиннадцать у него начинался прием в комиссариате. Когда Урицкий проходил через вестибюль, к нему подошел

молодой человек в черной кожанке, выстрелил председателю ЧК в затылок и выбежал на улицу, где сел на велосипед и быстро поехал прочь.

Однако уйти террорист не сумел. Оказавшийся в вестибюле работник окружного военкомата вместе с каким-то красноармейцем кинулся в погоню. Им удалось удачно реквизировать автомобиль, после чего преследуемый, поняв, что оторваться не удастся, вбежал в дом. Тут на помощь подоспели чекисты и бойцы Стального отряда, располагавшиеся в казармах неподалеку от Дворцовой — они окружили здание и арестовали террориста. Это оказался некий Леонид Каннегисер. Он утверждал, что действовал один, мстил Урицкому за расстрелянного незадолго до того друга. Впрочем, чекисты отлично знали, что «мститель-одиночка» — это классика террора, и молодому человеку не поверили [Как не поверил и Сталин шестнадцать лет спустя, что в одиночку действовал стрелявший в Кирова Николаев. Классика террора!]. А как только следователи взялись за его связи, тут же выявилась очень интересная картинка-паутинка.

Выяснилось, что близкий друг, за которого он мстил — это некто Перельцвейг, глава разгромленной незадолго перед тем подпольной организацией Михайловского артиллерийского училища. Организация эта была близко связана с правыми эсерами. Сам Каннегисер принадлежал к небольшой партии народных социалистов, лидер которой, Николай Чайковский, только что возглавил марионеточное «правительство» в Архангельске. И в довершение всего, террорист оказался двоюродным братом небезызвестного Филоненко — того самого сподвижника Корнилова, который собирался ввести военное положение на железных дорогах. Как мы помним, другим близким соратником генерала Корнилова был все тот же Савинков.

После таких данных вопрос о «мстителе-одиночке» отпал сам собой.

Вечером того же дня, в 19 часов 30 минут, в Москве на заводе Михельсона произошло покушение на Ленина. Правда, убить его не удалось, вождь большевиков был всего лишь не слишком тяжело ранен — однако выяснилось это не сразу. Какое-то время никто не мог сказать, выживет Ленин или нет.

По официальной версии, стреляла в «вождя мирового пролетариата» эсерка Фанни Каплан, по поводу чего существуют изрядные сомнения. Кто мог доверить теракт почти слепой женщине, не умевшей обращаться с револьвером? Как сумела она так удачно попасть в Ленина? Вспомним хотя бы, как стрелял вполне зрячий Блюмкин.

Но кто сказал, что террористкой была Каплан? Она могла попросту взять на себя вину, прикрывая реального исполнителя — дело обычное, называется оно «служу революции, чем могу» [Есть ещё версия, что в Ленина вообще не стреляли, он якобы после митинга упал и сломал руку, а всё остальное — хитрая провокация. Но поскольку была ранена ещё и стоявшая рядом с ним женщина, что остаётся предположить? Что палил её ревнивый любовник, а вождь мирового пролетариата просто неудачно шарахнулся в сторону? Однако едва ли Каплан стала бы жертвовать жизнью ради чьих-то сексуальных заморочек.]. Как бы то ни было, кто-то в Ильича стрелял — а учитывая очередное совпадение дат, едва ли это была ревнивая любовница.

Двойное убийство явно означало что-то очень серьезное, и действовать надо было чрезвычайно быстро. И вот тут на сцену вышел человек, которого у нас часто недооценивают. А судя по тому, какие решения он принимал единолично, товарищ это был очень крупный и имевшие большие права.

Среди ответов на вопрос: «зачем понадобилось убивать Урицкого?» есть и такой — на время событий убрать из Москвы Дзержинского. Едва узнав об убийстве, он, естественно, отправился в Петроград. Подумаем, как могли рассуждать заговорщики. Ленин убит, Сталин в Царицыне, в Москве остается один Свердлов, который хоть формально и является главой государства, но не замечен в принятии единоличных решений. Как станет действовать Свердлов? Если бы Дзержинский находился в Москве, они могли бы обсудить ситуацию вдвоем, и председатель ВЦИК скрепил бы своим авторитетом приказ председателя ВЧК. Но Дзержинского нет, и власть парализована.

А теперь попытаемся представить себе ход мыслей Дзержинского. Что намерены делать заговорщики? Если они собираются дожидаться, пока Свердлов устроит совещание большевистского руководства и арестовать всех с помощью латышских стрелков Берзина — это не страшно. Но события явно идут по какому-то другому сценарию. Раньше, чем через сутки, ему в Москву не вернуться. Что должно произойти в течение этих суток?

В расчёты устроителей переворота вкралась ошибка. Они не учли возможность, что председатель ВЧК станет действовать без санкции правительства. По-видимому, ни в британских, ни в эсеровских мозгах это не укладывалось.

Они плохо знали Дзержинского.

Едва приехав в Петроград, председатель ВЧК получил сообщение о покушении на Ленина и почти сразу отправился обратно. Но до того он *единолично* принял решение о захвате здания английского посольства и аресте всех, кто там находится, а также телеграфировал в Москву своему заместителю Петерсу, приказав арестовать Локкарта и его помощников.

31 августа, около пяти часов дня, когда Дзержинский на попутном товарняке [Впрочем, наверное, не только потому, что попутный, но еще и для конспирации: его могли ждать на вокзале.] уже ехал в Москву, отряд ПетроЧК оцепил здание английского посольства. Когда чекисты поднимались на второй этаж, их встретил человек, державший в каждой руке по браунингу. Этот стрелять умел — как минимум, один чекист был убит и двое ранены, пока его удалось подстрелить (к сожалению, наповал). Оказалось, что это был собственной персоной военно-морской атташе Великобритании капитан Кроми.

В помещениях посольства чекисты обнаружили 25 англичан и пятерых русских, на чердаке нашли склад оружия и боеприпасов, в кабинете и увидели горящие бумаги — пока капитан отстреливался на лестнице, его помощники спешно уничтожали документы. Однако ликвидировать удалось не всё. При обыске чекисты обнаружили материалы, свидетельствовавшие о широком сотрудничестве посольства Великобритании с контрреволюционным подпольем и некоторые другие весьма любопытные бумажки.

Например, британцы намеревались прибрать к рукам советский торговый флот и даже ассигновали для этого 63 тысячи фунтов. Механизм аферы был весьма оригинален. Английские агенты в советском правительстве отправляют большую часть советских судов на ремонт в Норвегию, норвежцы их обратно не возвращают, выплачивают гарантийные суммы — те самые 63 тысячи долларов — а сами суда передают англичанам.

В общем, в здании посольства отыскалось много всякого интересного. А что еще более важно, удар по организационному центру сорвал планы заговорщиков. Лишенные руководства и координации, они так и не решились выступить, да и не могли: Берзин был завязан на Рейли и Локкарта, первый находился в Петрограде, второй сидел в ВЧК, а без ареста Совнаркома переворот превращался в простой шум [Да, конечно, Берзин являлся агентом ВЧК и арест Совнаркома был невозможен изначально. Но не знавшие об этом заговорщики по ходу обеспечения основной операции могли натворить в Москве много всяких пакостей. Лучше, чтобы они вообще не выступили...].

...Международный скандал, конечно, грянул — но меньший, чем можно было ожидать. Конечно, большевики поступили совершенно отморозенно — но и британское посольство занималось в России делами, чрезвычайно мало совместимыми со статусом дипломатической миссии [Спустя девять лет произошёл точно такой же инцидент в Пекине: по наущению англичан китайская полиция совершила налёт на советское полпредство. Сквитались...].

В Англии оперативно арестовали персонал советского представительства во главе с Литвиновым — вскоре их обменяли на Локкарта и других английских дипломатов. Сидней Рейли, 29 августа приехавший в Петроград, сумел ускользнуть от ЧК. Берзина на Западе долго считали «борцом с большевиками», полагая, что он был арестован одновременно с Локкартом. А что касается Шмидхена, то бывший британский посол в своей книге «Буря над Россией» впоследствии писал: «С тех пор я со Шмидхеном не

встречался. То ли его расстреляли за участие в заговоре, то ли наградили за раскрытие заговора».

...Да, кстати, я обещала рассказать о германском консульстве в Петрограде. С ним вышла забавная история.

Вечером 23 сентября на Варшавском вокзале выгружали пришедший из Берлина в адрес германского генконсульства груз. Один из ящиков упал на перрон и разбился — в нем оказались маузеры. О случившемся тут же известили Петрочек.

Сопровождавшего груз консульского работника допросить не удалось — иммунитет-с. Остальные сопровождающие о характере груза ничего не знали. А было его немало — 51 место весом в 134 пуда.

Сомнительный багаж доставили в ЧК, установили при нем дежурство сотрудников консульства и стали решать, как быть дальше. Дипломаты тоже находились в явной растерянности, документов на груз не предъявляли, скандала не устраивали. В конце концов, чекисты добились права проверить весь багаж — в девяти ящиках оказалось оружие. Выяснилось, что в деле замешана все та же Прибалтийская миссия. Однако на сей раз ситуация разрядилась довольно спокойно. По сравнению с тем, что вытворяли англичане, какие-то девять ящиков с маузерами — это такая мелочь...

Впрочем, дни советско-германских отношений были уже сочтены. В начале ноября произошла точно такая же история с советским багажом в Берлине. При разгрузке случайно уронили один из ящиков [Право, впору писать исследование: «О роли случайностей в секретной работе»], тот разбился, в нем оказалась агитационная литература. Германское правительство обиделось, и 4 ноября дипломатические отношения были прерваны. Но это уже совсем другая история...

Слова и дела «красного террора»

Террор — физическое насилие, вплоть до физического уничтожения, по отношению к политическим противникам.

Ожёгов. Словарь русского языка.

Большевистское руководство делилось на политическую и практическую составляющие (сплошь и рядом линия раздела проходила внутри конкретного человека — вот ведь какие выверты в жизни случаются!) Практическая половина РКП(б) решала задачи по ходу их возникновения и в конкретной обстановке. А политическая старалась при этом еще и соотнести русскую революцию с историческими образцами. Главным из образцов была Французская революция, ее историю каждый левый политический деятель в России знал назубок и с ней сверял окружающие события. В целом где-то в общем совпадало, но были и расхождения, которые большевистских политиков смущали. В частности, их смущало почти полное отсутствие революционного террора.

Это было неправильно, опыт Франции показывал, что таковой должен быть, что «творчество масс» состоит отчасти в том, чтобы расправляться на улицах с классовыми врагами. Однако русские массы проявляли непростительную политическую незрелость, и если убивали кого без суда и следствия, так почему-то не классовых врагов, а воров и бандитов. Это обстоятельство вызывало у вождей революции чувство дискомфорта.

С другой стороны, Советское правительство было во многом само виновато. Возьмем, например, хрестоматийный случай: убийство в Петрограде двоих вождей кадетской партии.

Дело было так. Кадетские лидеры юрист Ф. Ф. Кокошкин и врач А. И. Шингарев были арестованы 28 ноября 1917 года, сразу после запрета их партии, и отправлены в

Петропавловскую крепость. 6 января в связи с ухудшением состояния здоровья их перевели в Мариинскую больницу. Причем сторожа в Петропавловке отговаривали арестованных, пытались объяснить, что в больнице хоть и лучше условия, зато в крепости нет красногвардейцев.

Сторожа оказались правы. Мелкий районный начальник, которому поручили выделить красногвардейский караул для охраны кадетов, имел свое мнение о том, как надлежит поступать с врагами революции и приказал начальнику караула покончить с арестантами. Правда, выполнение приказа уперлось в проблему: «А кто убивать-то будет?» Ее сумели разрешить: начальник караула пошел в ближайший флотский экипаж и объяснил задачу. Команда добровольцев-матросов отправилась в больницу, где свершила «революционное правосудие». Классический случай революционного террора, можно радоваться. И как, вы думаете, поступил Ленин?

Ильич страшно возмутился и велел провести следствие. Матросиков их экипажи не выдали, однако красногвардейцев арестовали, посадив все в ту же Петропавловку, где они просидели до середины марта. В середине марта правительство уехало из Питера, а властям Северной коммуны только и дела было, что забивать голову проблемами революционного террора. В итоге арестованных вышибли на фронт. Учитывая, что за пару недель до того с участниками покушения на самого Ленина поступили так же, надо сказать, советская власть относилась к террористам на удивление единообразно. Но вот с политическими заявлениями того же Ленина это не вяжется никак.

После того, как 20 июня в Петрограде был убит член Президиума Петросовета, комиссар Петроградской коммуны по делам печати Володарский, популярный на заводах оратор, рабочие потребовали ответить на убийство террором. Питерские власти делать этого не стали, чем вызвали возмущенное письмо Ленина. Ильич писал:

«Тов. Зиновьев! Только сегодня мы услышали в ЦК, что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не вы лично, а питерские цекисты или пекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором. А когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную.

Это не-воз-мож-но!

Террористы будут считать нас тряпками. Время архивоенное. Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров, и особенно в Питере, пример коего решает. Привет! Ленин».

Если рассматривать разжигание террора как способ пополнения действующей армии, то момент был удачный: как раз в это время формировался Восточный фронт. Однако власти Петрограда больше заботила обстановка в самом городе, где только массового террора и не доставало, чтобы рухнуть в кровавую кашу. Поэтому грозное письмо Ленина проигнорировал не только Урицкий, который был принципиальным противником расстрелов, но даже неистовый Зиновьев.

Левозэровский «мятеж» почему-то обошелся без крайних призывов. Возможно, ввиду его невероятной нелепости, а также потому, что объявлять «красный террор» по причине убийства германского посла было бы странно. Могли не так понять.

А вот после 30 августа все оттянулись. Две пули, сидящие в плече, отнюдь не способствовали умиротворению Ильича — а ведь он являлся одним из самых вменяемых революционных деятелей, остальные были хуже. 2 сентября ВЦИК объявил Советскую Республику единым военным лагерем, что, учитывая положение на фронтах, давно следовало сделать, да повода не было. А в специальной резолюции, позднее вошедшей во все учебники истории, говорилось следующее:

«ВЦИК глубоко уверен, что преступные посягательства наймитов буржуазии не внесут смущения в ряды революционного пролетариата и не ослабят борьбы за утверждение социального строя и за уничтожение контрреволюции. ВЦИК призывает трудящиеся массы к укреплению своих организаций. Вместе с тем ВЦИК дает

торжественное предостережение всем холопам российской и союзнической буржуазии, предупреждая их, что за каждое покушение на деятелей Советской власти и носителей идей социалистической революции будут отвечать все контрреволюционеры и все вдохновители их. На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и её агентов».

Документ, конечно, весьма впечатляющий, одна беда — он не может служить руководством ни к каким действиям по причине крайней расплывчатости. Кого понимают авторы под «буржуазией и ее агентами»? Кто является «холопами» и «вдохновителями»? Наконец, что понимать под словом «массовый» — сто человек или миллион?

У каждого большевистского функционера имелось свое представление о том, что такое террор и как его проводить надлежит, и большевистские деятели разного масштаба — от всероссийского до уездного — принялись разъяснять постановление ВЦИК массам. Больше всех усердствовали левые — сбывалась их мечта. Карл Радек, например, писал в «Известиях»: *«Уничтожение отдельных лиц из буржуазии, поскольку они не принимают непосредственно участия в белогвардейском движении, имеет только значение средства устрашения в момент непосредственной схватки, в ответ на покушения. Понятно, за всякого советского работника, за всякого вождя рабочей революции, который падет от руки агента контрреволюции, последняя расплатится десятками голов».*

Единственное, что можно понять из этой туманной фразы — что за каждого погибшего товарища надо замочить сотню буржуев. Идея понравилась, ибо совпадала с настроением революционного народа. 3 сентября губернский военный комиссар в Москве пишет: *«За каждую каплю пролетарской крови прольется поток крови тех, кто идет против революции... За каждую пролетарскую жизнь будут уничтожены сотни буржуазных сынков белогвардейцев...»*

В органах тоже настроение соответствующее. Нарком внутренних дел Петровский 5 сентября издает «приказ о заложниках».

«Расхлябанности и миндальничанию должен быть немедленно положен конец... Из буржуазии и офицерства должны быть взяты значительные количества заложников. При малейших попытках сопротивления или малейшем движении в белогвардейской среде должен применяться безоговорочно массовый расстрел...»

Это все пока пристойно. Но процесс разворачивался. Несколько позднее, 1 ноября 1918 года, председатель ЧК и военного трибунала 5-й армии Восточного фронта Лацис (тот самый «левый» деятель с Выборгской стороны, который при каждом порыве ветра порывался брать почту, телеграф и телефон) писал в «Красном терроре»: *«Мы истребляем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материала и доказательств того, что обвиняемый действовал делом или словом против советской власти. Первый вопрос, который вы должны ему предложить, какого он происхождения, воспитания, образования или профессии. Эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого».*

Не знаю, как насчет судебных обвиняемых, но судьбы чекистов подобные методы следствия решали быстро и сразу — от увольнения из органов до ареста и расстрела. ВЧК была организацией чрезвычайно серьезной и требовала от следователей не классового чутья, а улик и очных ставок. (Может быть, и товарища Лациса перевели из центрального аппарата в действующую армию по причине именно таких взглядов? Террористов — на фронт!)

Эти слова приводят часто. Гораздо реже цитируют язвительный комментарий Ленина, который в статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов» писал:

«...Вовсе не обязательно договариваться до таких нелепостей, которую написал в своем казанском журнале “Красный террор” товарищ Лацис... который хотел сказать, что “красный террор” есть насильственное подавление эксплуататоров, пытающихся восстановить их господство, а вместо того написал... “не ищите (!?) в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против совета оружием или словом”».

Но круче всех агитнул секретарь Петроградского Комитета товарищ Зиновьев. Возмущенный убийством Урицкого, он потребовал немедленно принять «соответственные меры», в том числе «разрешить всем рабочим расправляться с интеллигенцией по-своему, прямо на улице» [Цит по: Рабинович А. Большевики у власти. С. 487.]. В ноябре 1917 года ПК отличался левизной, но полугодовая работа по управлению огромным регионом оказалась замечательным лекарством: поддержки Зиновьев не получил. Ему дали такой отпор, что в конце концов он в бешенстве выскочил из зала заседаний. В числе возражавших был и новый председатель Петрочека Глеб Бокий.

Кровожадные резолюции принимались по всей стране. Какие-то коммунисты из Витебской губернии требуют за каждого убитого советского работника расстрелять тысячу белых. Еще одна комячейка, на сей раз какого-то автопоезда — за каждого павшего расстреливать по 100 заложников. *«За каждого нашего коммуниста будем уничтожать по сотням, а за покушение на вождей тысячи и десятки тысяч этих паразитов»* — это из постановления охраны Острогорской ЧК.

Воплощались ли подобные призывы в жизнь? Кто, где, при каких обстоятельствах, в каких размерах проводил «красный террор» и что им потом за это было? Системно данный вопрос попросту не изучался. До сих пор самым известным исследованием является книга Мельгунова «Красный террор», являющаяся *пропагандистской* белоэмигрантской работой, где автор наряду с правдивыми свидетельствами собрал все «ужасные» рассказы о Гражданской войне. В 2006 году появилась книга питерского историка Юрия Ратьковского — там приводятся уже конкретные свидетельства и правдоподобные данные. В дальнейшем я буду опираться в основном на эту работу.

Итак, что собой представлял «красный террор» на российских просторах?

* * *

Самый большой масштаб репрессий был в Петрограде. Через несколько дней после выхода постановления ВЦИК сменивший Урицкого на посту председателя ПетроЧК Бокий заявил, что расстреляно 512 «контрреволюционеров». Впоследствии он же оценил общее число жертв «красного террора» в городе — до 800 человек. На территории Союза коммун было расстреляно: 9 человек в Вологде и 64 в других городах, в число которых входят 39 участников некоего Вологодско-Череповецкого заговора... По данным Лациса, приведенным им в книге «Два года на внутреннем фронте», за весь 1918 год в Петроградской губернии казнено 1206 человек.

Возможно, какую-то свою лепту, не вошедшую в итоговую цифру, вносили и массы. Александр Рабинович нашел мемуары некоего рабочего Петрова с завода «Новый Лесснер». *«Он вспоминал, что после убийства Володарского и Урицкого он и его товарищи опасались, что могут стать следующими жертвами бомбометателей-эсеров. “Мы выводили всех рабочих своего завода на антиэсеровские демонстрации... Мы объявили ответный террор и осуществили его... Мы тогда не стеснялись — заядлых врагов топили в барках на Лисьем Носу... В день операции... ребята собираются вечером, а я информирую их о том, что придется делать”*».

Не совсем понятно, каким образом рабочие отряды могли осуществлять «ответный террор» в отношении эсеров — опытных, отлично вооруженных конспираторов... сказочка, как мыши кота хоронили! Против кого обращали рабочие «Нового Лесснера» свой классовый гнев? Либо они уничтожали «тех, кто в шляпе», либо (что вернее) помогали чекистам проводить их операции в качестве охраны, оцепления и пр. Что же касается описанных казней... Американец Рабинович этого может и не знать, но максимальная глубина Финского залива на пространстве от города до Сестрорецка,

(примерно посередине этого отрезка находится Лисий Нос) даже в те времена составляла не более трёх метров [Сейчас средняя глубина там около полутора метров.]. Утопить в этой луже барку физически невозможно — она встанет на грунт, а заключенные подождут, пока караул разоидется по домам, и уйдут на берег. По-видимому, это все та же бытующая еще со времен Французской революции «сказка о барже», приписанная к рассказу о действиях рабочих отрядов для драматического эффекта.

...В нижегородской ГубЧК, которой руководил «ужасный» Лацис, его планы претворялись в жизнь следующим образом. 31 августа он телеграфировал в Москву о расстреле 42 человек, среди которых было 2 священнослужителя, 18 офицеров, 10 бывших жандармов, 4 предпринимателя и два царских чиновника. Через несколько дней их участь разделили еще 19 человек. По-видимому, контрреволюционеры у товарища Лациса закончились, потому что 17 из приговорённых были уголовниками-рецидивистами. До 5 сентября список увеличился ещё на 5 человек. Кроме того, в городе Ардатове были казнены 4 священника и 302 офицера, но не взятые из домов, а уже содержавшиеся в концлагере — а стало быть, замешанные в контрреволюционной работе.

От Военного Совета Северо-Кавказского фронта, куда входили Сталин и Ворошилов, в Москву отбили очень решительную телеграмму об организации «открытого, массового, систематического террора». Выглядел он следующим образом:

В «Известиях» Царицынской ГубЧК № 1 за ноябрь 1918 года опубликован список тех, кто был расстрелян за сентябрь и октябрь. Всего там поименовано 103 человека. Из них 23 — с формулировкой «за активное участие в контрреволюционных вооруженных выступлениях в рядах красновских банд в области Войска Донского и Царицынской губернии» (в ноябре расстреляли еще шесть офицеров). Мера эта применялась далеко не ко всем пленным, ибо в том же выпуске «Известий» был напечатан еще один список на 129 человек, которых за то же самое всего-навсего отправляли на принудительные работы впредь до полной ликвидации красновского движения. Еще 42 человека были казнены за участие в разного рода заговорах и мятежах. Самый крупный из них — знаменитый «алексеевский» заговор, участники которого готовили вооруженный переворот, а что такое вооруженный переворот — мы знаем по примеру Ярославля. Еще 23 человека — бывшие служащие прежней полиции — по-видимому, те, с которыми у революционеров были особые счеты, потому что 100 бывших полицейских были отправлены на работы, а еще 64 освобождены. Наконец, 15 расстрелянных — уголовники. Причем десять из них принадлежат к какой-то «банде Рукмана», которая два месяца занималась вооруженными ограблениями — наконец, ее выловили и на радостях расстреляли. Можно спорить, конечно, о мере наказания кое-кому из уголовных — в мирное время не дали бы вышку за подлог и хищение 383 тысяч рублей — однако совсем невинных в списке как-то не наблюдается. Из общего ряда выбивается только некий гражданин Казуров, приговоренный «за хищение из оружейного склада двух прицельных панорам с 3-дюймовых орудий и злостное сокрытие их на своей квартире». Может, это местный клептоман, который попросту достал весь Царицын?

На Урале заправили «красного террора» Смилга, Голощёкин, Лашевич и Бела Кун призывали: *«Не нужно нам судов, ни трибуналов! Пусть бушует месть рабочих, пусть льется кровь эсеров и белогвардейцев, уничтожайте врагов физически»*. Вот только эти призывы они почему-то обращали к питерским товарищам, а у себя были умеренными из умеренных. В Перми было расстреляно 50 человек и в других местах — 23 человека. Сколько из них политических — неизвестно.

Рассказал Илья Ратьковский и весьма любопытную историю со статистикой.

«При подавлении восстания в г. Курмыш Симбирской губернии постановлением ЧК Восточного фронта было расстреляно 63 человека, а затем еще 658 после взятия города. Сообщения о репрессиях в Курмыш поместили все советские центральные и губернские газеты, тем самым подтверждая этот акт “красного террора”. Из периодических изданий лишь “Северная коммуна” дала опровержение этому сообщению

со ссылкой на опечатку при публикации численности подвергнутых высшей мере наказания — 55, а не 658 расстрелов, но оно обесценивается своим единичным характером».

А вот и ничуть не обесценивается! Я сама журналист и отлично знаю, как это бывает. Все центральные, губернские и прочие издания тупо передирали друг у друга сообщения, источником которых была какая-то местная газета. И лишь в редакции «Северной коммуны» соизволили немножко пошевелить мозгами, соотнести эту цифру с реальным масштабом «красного террора» и запросить подтверждение с места. Если бы не они, эта опечатка так и вошла бы в историю под видом достоверного факта.

По оценкам Мельгунова, в ходе «красного террора» по всей стране погибло 50 тысяч человек. Лацис называет 6300. Илья Ратьковский считает, что их было около 8 тысяч. Но я все же склонна поверить Лацису: в его распоряжении имелась статистика ВЧК, и ему не было ровно никакого смысла врать. Наоборот: чем больше уничтожено врагов, тем лучше. Из них, согласно статистике ВЧК, приведенной Олегом Мозохиным, за контрреволюционные преступления было расстреляно 1637 человек.

Такова реальная цена страшным заявлениям большевистских лидеров.

Переместимся теперь по другую сторону линии фронтов и посмотрим — а что творилось там? (Напоминаю, что до сентября 1918 года в Советской России случаи смертных приговоров насчитывались единицами.) [Данные по белому террору тоже приводятся по книге Ильи Ратьковского, которая, кстати, имеет статус *научного* исследования.]

Финляндия. Население — 3 миллиона человек, сопоставимо с Петроградской губернией. Весна 1918 года. После крушения советской власти победившими белофиннами расстреляно около 8 тысяч человек и арестовано около 90 тысяч. Из них 70 тысяч находились в наскоро организованных концлагерях. Не считая тех, кого просто убивали охранники (по свидетельствам выживших, иной раз расстреливали каждого второго), заключенные в массовом порядке умирали от голода. Лагерь в Экенассе — из 800 заключенных умерло 400; Куокино — 800 из 3 тысяч; Свеаборг — третья часть из 6 тысяч; Таммерфорс — с 6 по 31 июня умерло 1347 человек.

Поволжье. Правительство «Комуч» («Комитет членов Учредительного Собрания», она же «Самарская учредилка»). За его министерством юстиции числилось 20 тысяч заключенных. За лето — осень 1918 года расстреляно около 5 тысяч человек. Известен случай казни 16 женщин только за то, что они похоронили выброшенные рекой трупы расстрелянных.

Область войск атамана Дутова. Август 1918 года. В оренбургской тюрьме содержится 6 тысяч человек, из которых 500 по ходу следствия замучили на допросах. В городе Троицке (по-видимому, какой-то совсем мелкий уездный городок) в первые недели казачьей власти расстреляно 700 человек. В городе Илеке вырезано 400 «кинородцев» (каких именно — непонятно). Январь 1919 года. Только в Уральской области убито 1050 человек. В селе Сахарное сожжена больница, где находились 700 больных тифом красноармейцев. После пожара трупы зарыли в навоз.

Самарская губерния. 5 мая 1918 года уральские казаки взяли село Александров-Гай. 9 мая там было убито 96 пленных красноармейцев. В общем-то, говорить тут не о чем, для белых это не число — если бы не один нюанс: раненых закапывали в землю живыми. А всего в селе убито 675 человек.

...В октябре 1918 года, в связи с наступлением Красной Армии, заложников из Поволжья решили вывезти на Дальний Восток. Эти эшелоны называли «поездами смерти»: людей, в числе которых было много женщин и детей, везли в нетопленных вагонах, почти не кормили. В пути погибло от голода, болезней и расстрелов около трети.

В **Ижевске** взявшие город эсеры заявили, что у них не может быть даже и речи о применении смертной казни. Потом они устроили баржи-тюрьмы. Одну из них назначили «заложницей», угрожая затопить при приближении красных. 17 октября три миноносца

под командованием Раскольникова сумели увести эту баржу, в которой находилось 432 заключенных, все раздетые догола. Цена принципов ижевского правительства колеблется в пределах от 500 до 1000 казнённых [Статья о терроре в Ижевске приведена в приложении.].

На юге на фоне общей картины выделяются расстрелы, проведенные немцами в **Николаеве** — 5 тысяч человек.

Территории, контролируемые так неосмотрительно упущенным из-под домашнего ареста **генералом Красновым**: за 1918 год убито более 30 тысяч человек.

3 августа 1918 года **Временное Сибирское правительство** постановило: предать суду всех представителей советской власти на своей территории. Только в одном Омске, несравнимом по численности населения со столицами, было расстреляно 1500 человек.

Север. На территории с населением в 400 тысяч человек только через архангельскую тюрьму прошло 38 тысяч арестованных, из которых 8 тысяч расстреляно [По наиболее реалистическим оценкам, примерно столько же было жертв крымских расстрелов 1920 года, которые сами большевики заклеили как преступление. По этому поводу председатель ВЧК говорил: «Крым был основным гнездом белогвардейщины, и, чтобы разорить это гнездо, мы послали туда товарищей с абсолютно чрезвычайными полномочиями. Но мы никак не могли подумать, что они ТАК используют эти полномочия». Когда говорят о «красном терроре», то Крым используют в качестве козырного туза. Когда говорят о «белом», про Архангельск и Мудьюг даже не вспоминают — такая мелочь...]. На острове Мудьюг возле Архангельска был создан лагерь смерти: из 10 тысяч содержащихся там заключенных в живых осталось около двухсот.

В **Екатеринбургской губернии** в ходе подавления крестьянских восстаний было уничтожено около 25 тысяч человек.

Только в застенках сибирского **атамана Семенова** (одного из военачальников «Адмирала» Колчака) убито и замучено около 6,5 тысяч человек.

И, напоследок, вернемся на десять лет назад. В благословенной «России, которую мы потеряли» во время борьбы с революцией 1905 года власти ввели практику военно-полевых судов. Суды эти формировались из строевых офицеров, не имевших никакого представления о судопроизводстве вообще, проводились ускоренным порядком. За восемь месяцев данные «органы правопорядка» вынесли около 6 тысяч смертных приговоров. А вместе с карательными операциями цена «замирения» страны составила, по разным данным, от 16 до 40 тысяч жизней. Россия тогда не находилась в состоянии войны — ни гражданской, ни обычной. Это была просто операция по подавлению.

Из сопоставления цифр я делаю вывод: никакого «красного террора» не существовало. Это просто бирка, ярлык, прикрывающий что-то другое. Что именно? Попробуем разобраться...

* * *

Он прощал не потому, что верил в раскаянье, а потому, что не хотелось марать руки. Руки остались чистыми, а вот жизнь он потерял, и не только свою.

Вера Камша. Время золота.

5 сентября было принято постановление Совнаркома о «красном терроре».

«Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад председателя Всероссийской чрезвычайно комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности о деятельности этой комиссии, находит, что при данной ситуации

обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью, что для усиления деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных товарищей; что необходимо обезопасить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам, что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры».

Все замечательно, за одним исключением: создается ощущение, что резолюция ВЦИК и постановление Совнаркома говорят совершенно о разных вещах. В этом документе нет ни слова про убийство Урицкого и покушение на Ленина, принят он по докладу Дзержинского, стало быть, речь идет о каких-то чекистских делах — а ВЧК никогда не занималась массовыми операциями, её не для того создавали. И вообще неясно, имеет ли постановление Совнаркома связь с резолюцией ВЦИК или же просто совпадает по времени.

В той части постановления, которая касается террора, идет речь о двух вещах. Первое — изоляция «классового врага» в концлагерях. Знать бы ещё, что имеется в виду под понятием «классовый враг». Кем, к примеру, является потомок князей с десятилетним анархистским стажем, вступивший летом 1917 года в партию большевиков, а через год ограбивший советский магазин в компании с двумя пролетариями? А если при этом его родной брат, будучи полковником царского Генерального штаба, состоял к моменту данного преступления на службе в Красной Армии, всё ещё больше запутывалось. Классовую проблему безуспешно пытались решить на протяжении двадцати лет, а потом попросту плюнули и окончательно уравнили всех в правах. Что же касается концлагерей, то дело это было по тем временам новое [Впервые концлагеря были созданы англичанами во время англо-бурской войны.] и новизной своей, конечно, будоражило воображение... но по данным Лациса, в 1918 году в концлагеря был заключен 1791 человек. Для уездного города Н. нормально, а для всей России как-то несерьёзно...

Что же касается собственно операции «красный террор», то она заключается в последней фразе постановления, а именно: *«подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам».*

Ну, во-первых, если бы расстреливали *всех*, кто был «прикосновенен к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам», шестью тысячами на всю Россию не отделались бы, это точно. В одном Петрограде насчитывалось около шести тысяч арестованных «контрреволюционеров». А во-вторых, зачем проводить это решение через Совнарком? Коллегии ЧК имели право самостоятельно вынести и привести в исполнение все необходимые приговоры, не беспокоя высшие органы государственной власти.

Чтобы проделать все именно так, как это было сделано, имелись, как минимум, две конкретные причины. Первая — эволюция взглядов на меры наказания в Советской России. Вплоть до лета 1918 года политические преступления в ней считались маловажными и суровому преследованию не подлежали.

Смертная казнь была отменена еще в феврале 1917 года и до февраля 1918-го не восстанавливалась (не считая недели, проведенной под «муравьевским декретом»). В сочетании с амнистией Керенского, роспуском полиции и революционной обстановкой эта мера привела к небывалому взлету преступности. Через год после Февраля в Петрограде насчитывалось около 40 тысяч уголовников, многие из которых не слишком-то церемонились с чужой жизнью. Их, конечно, ловили, и нередко даже успешно. Раньше осужденных преступников отправляли на каторгу, а теперь они все оставались в Петрограде, переполняя тюрьмы. Властям поневоле приходилось искать способы разгрузки мест заключения, и в первую очередь под судебное и правительственное милосердие попадали как раз политические заключенные.

Во-первых, многие из советских деятелей в недавнем прошлом сами были политзаключенными. А во-вторых, они считали, что эти люди должны иметь чувство чести и с ними можно договориться. Поэтому в первые месяцы советской власти широко применялись моральные наказания. В большом ходу были такие «приговоры», как «объявить врагом народа» (в прямом смысле — про человека писали в газете, что он «враг народа», и отпускали), вынести общественное порицание, посадить под домашний арест, освободить под честное слово. И не надо смеяться — это было в реальности, так начиналась советская правоохранительная система!

Время от времени проводилась разгрузка тюрем. Например, 1 мая 1918 года власти петроградской коммуны объявили амнистию, по которой были освобождены политзаключенные и те, кто сидел за маловажные уголовные преступления. (Несколько ниже мы увидим, что собой представляли «контрреволюционеры» того времени!) Но даже спустя полгода после революции, когда в стране уже вовсю полыхала Гражданская война, к политическим врагам советская власть относилась *не всерьёз*.

Что касается смертной казни, то ее впервые, спустя год после отмены, ввел в практику знаменитый декрет «Социалистическое Отечество в опасности», где пунктом восьмым говорилось: *«Неприятельские агенты, спекулянты, громилы, хулиганы, контрреволюционные агитаторы, германские шпионы расстреливаются на месте преступления»*.

Если мы повнимательнее присмотримся к категориям подлежащих расстрелу, то заметим любопытный штришок. Ну как можно поймать неприятельского агента или германского шпиона «на месте преступления»? Эти две категории преступников — явно виртуальные. Зачем же они сюда вписаны? Ответ простой: чтобы затушевать тот факт, что данная мера направлена в первую очередь против уголовников. Иметь в таком громком политическом декрете на одну политическую категорию преступников три уголовных — несерьёзно как-то...

Но в целом это — нормальный декрет военного времени. Война-то, между прочим, шла уже три месяца, и противоположная сторона кормила захваченных большевиков отнюдь не плюшками, а свинцовым горохом. Шингарева и Кокошкина всего лишь застрелили пьяные матросы, а на Украине у арестованного по приказу правительства члена Всеукраинского ЦИК большевика Леонида Пятакова [После того, как к власти пришло правительство Центральной Рады, Пятаков, имевший громадную популярность, был арестован, но вскоре освобожден после забастовки протеста. 25 декабря его увезли неизвестные казаки. 2 января киевские власти создали следственную комиссию, которая ничего не выяснила, а 15 января было найдено тело Пятакова со следами пыток. Лидеры Центральной Рады заявили о своей непричастности к этому убийству, однако продолжившееся в 1918 году следствие в конце концов вышло на офицера Украинского конного полка Журавского, который сообщил, что Пятаков убит его казаками, а приказ об его аресте получен от правительства.] казаки живьём высверливали сердце. Есть разница?

...В первой половине 1918 года процесс немного продвинулся: в ВЧК была создана особая «тройка», уполномоченная выносить смертные приговоры — если решение будет принято единогласно. Первыми жертвами декрета стали опять же уголовники: некий князь Эболи и его сообщница Бритт, которые совершали налеты под видом сотрудников ВЧК, не упуская возможности поиздеваться над своими жертвами. Два дня спустя были расстреляны бандиты Смирнов и Заноза — точно за то же самое: под видом чекистов они ворвались в гостиницу «Медведь» и принялись грабить постояльцев.

Ну, а потом злобная ВЧК начала лютовать. В мае 1918 года в Москве было расстреляно аж 28 человек, из них 12 составляли анархисты. Большею частью это были грабители и убийцы (никакого противоречия тут нет — к тому времени разница между анархистами и уголовниками полностью исчезла). Имеется в этом списке и нетипичный для того времени «экономический» приговор. Высшую меру получили два брата по

фамилии Череп-Спиридович и их биржевой маклер за совершенно эксклюзивную спекуляцию. Они купили обесцененные акции рудников на 5 миллионов рублей и пытались продать их немцам. Если бы это удалось, советское правительство, согласно условиям Брестского мира, обязано было бы выкупить эти акции по номиналу. А поскольку за спекуляцию тогда не расстреливали, тройке гешефтмахеров впаяли еще и государственную измену. Учитывая финансовое положение Советской России, логика железная.

А всего по стране с февраля вплоть до мятежа левых эсеров кровавый большевистский режим вынес от 150 до 180 расстрельных приговоров — из них около двух третей, согласно февральскому декрету, на месте преступления. Напоминаю: это в условиях войны!

Дольше всех держался Петроград, где мягкосердечный человек и «левый коммунист» Урицкий был принципиально против смертной казни [Нет, ну я никак не понимаю: как можно призывать к «священной революционной войне» и мировой революции — и одновременно быть противником смертной казни!]. Дожали его к концу лета. 19 августа коллегия ПЧК вынесла свой первый смертный приговор, жертвами коего стал 21 человек. Шестеро из них — участники заговора в Михайловской артиллерийской академии, еще шестеро также были политическими, остальные — уголовники, причем четверо — бывшие работники самой ПетроЧК. Вообще к чекистам родная контора относилась безжалостно, карая их высшей мерой за такие преступления, за которые простых смертных не всегда даже арестовывали [В работе И. Ратьковского упоминаются следующие чекисты, расстрелянные во время «красного террора». В сентябре 1918 г. были приговорены к расстрелу сотрудники ВЧК: следователь Хайдин и курьер Молчанов — за взятки (их не спасло даже то, что оба работали меньше недели), помощник коменданта Смирнов — за присвоение денег, красноармеец Черковский — за подделку документов, комиссар Пискунов — за продажу оружия. Около 50 чекистов были казнены в губернских ЧК. Причем большей частью за преступления, которые в то время не карались смертной казнью: воровство при обысках, самочинные обыски, подделку документов, взятки, спекуляцию. Особо стоит отметить казнь сотрудника Западной облЧК Волкова — «за расстрелы без повода и шантаж». Эти приговоры послужили началом первой чистки ВЧК, которые с тех пор проводились регулярно. Есть основания думать, что такие суровые меры были личным требованием Дзержинского — по крайней мере, в то время, когда осенью 1918 года он ездил за границу, расстрелы сотрудников ЧК прекратились. Так что «чистые руки» чекистов обеспечивались очень суровыми мерами.]

Летом 1918 года право выносить высшую меру получили и ревтрибуналы — но, похоже, не слишком им пользовались. По крайней мере, те из участников левозэсеровского «мятежа», которых судили в ноябре и хоть к чему-то приговорили, получили от года до трёх тюремного заключения (кроме Попова, которому дали все-таки «вышку» — но не расстреляли, ибо он удрал ещё в июле) [Попов впоследствии материализовался у Махно и закончил свою бурную биографию во время разгрома махновских банд.]. Всё, конечно, очень мило и гуманно... но когда за попытку мятежа в условиях военного времени дают три года, это прямо-таки приглашает к повторению.

Среди тех, кого судили в ноябре, был левый эсер Донат Черепанов. Спустя десять месяцев он стал одним из организаторов знаменитого взрыва в помещении Московского комитета РКП(б) в Леонтьевском переулке — 12 трупов, 55 раненых. А ведь Черепанова и после этого теракта не расстреляли, его сослали в Сибирь, где неукротимый «Черепок» вскоре умер от тифа. А то, глядишь, и еще в чем-нибудь поучаствовал бы...

...Кроме мягкости судов, взаимоотношения ВЧК с ними затрудняла еще одна проблема, и серьезнейшая. У нее был великолепный, эффективный агентурный аппарат — и слабое следствие. Сплошь и рядом получалось так: чекисты точно знали, что господин Н. Н. — высокопоставленный заговорщик, но материалов для суда практически не имели. А агентов, многие из которых ещё вовсю работали, на заседание трибунала не приведёшь.

Да, конечно, выход из этого тупика превосходно известен. Раз нет достаточных доказательств, надо подсудимых освободить за недоказанностью. Если они после этого примутся за старое, виноват Дзержинский — пусть учит работать своих следователей. Почему председатель ВЧК был с такой постановкой вопроса не согласен — ума не приложу! Ну совершили бы его подследственные пару-тройку мятежей да десяток терактов, ну угробили бы сотню коммунистов да несколько тысяч случайных прохожих — делов-то! Зато Феликс Эдмундович сберег бы политическую девственность!

* * *

Давайте на примере Петрограда посмотрим, кто были те контрреволюционеры, с которыми боролись «злые чекисты».

...В самом начале ноября 1917 года красногвардейцы, охранявшие штаб Петроградского военного округа, задержали юнкера, который пытался выкрасть штабные бланки. Выяснилось, что фамилия его Зелинский, что его произвел в прапорщики генерал Корнилов, а теперь этот достойный молодой человек состоит членом нелегальной группы Пу-ришкевича, бывшего руководителя «Союза русского народа». Самого Пуришкевича и нескольких его помощников удалось арестовать, но большинство членов группы неопытные следователи упустили. В ходе обыска было найдено письмо генералу Каледину, где сообщалось, что когда белые войска подойдут к Петрограду группа выступит со всеми имеющимися силами.

Методы борьбы определил сам Пуришкевич: *«...Ударить в тыл и уничтожить их беспощадно: вешать и расстреливать публично в пример другим. Надо начать со Смольного института и потом пройти по всем казармам и заводам, расстреливая солдат и рабочих массами».*

«Дело Пуришкевича» было первым, которое рассматривал созданный в начале ноября военно-революционный суд. Главу организации приговорили к четырем годам принудительных общественных работ при тюрьме, однако уже 17 апреля выпустили, взяв честное слово о неучастии в политической деятельности. За него заступились Дзержинский и комиссар юстиции Петроградской коммуны Крестинский. А 1 мая по декрету Петроградского Совета Пуришкевич был амнистирован. В полном соответствии с взятыми на себя обязательствами, после освобождения он уехал на юг, к Деникину, и занимался у него пропагандой, пока не умер в 1920 году в Новороссийске от сыпного тифа.

...8 декабря были арестованы лидеры кадетской партии Степанов и Штейнингер. При аресте у них нашли документы, свидетельствовавшие о заговорщической деятельности, подготовке вооруженного мятежа и о том, что они помогали армии Каледина. Чем могли помогать кадеты? Ну, деньгами, например...

В этом смысле показательна история с американским поездом. 8 декабря рабочие Петроградского железнодорожного узла сообщили в ВЧК, что на запасных путях ждет отправки эшелон с автомобилями марок «Форд» и «Тальбот». Выяснилось, что состав, в котором находились восемьдесят грузовых и санитарных машин, принадлежит американской миссии Красного Креста и, по документам, предназначен для отправки в Румынию, в распоряжение главы миссии Красного Креста в Яссах полковника Андерсона.

Однако ВРК еще в ноябре установил, что американский посол в России Дэвид Френсис наладил связь с Калединым, а чекисты при обыске обнаружили телеграмму Андерсона сопровождавшему груз полковнику Колпашникову, где, среди прочего текста, говорилось: *«...Постарайтесь сопровождать автомобили до Ростова лично... Я буду иметь дальнейшие инструкции для вас в Ростове или встречу вас там...»* Ростов — это сильно не Румыния, через Ростов шел путь прямо в объятия генерала Каледина. Так что телеграмма

изобличила американцев и поезд был задержан в Петрограде, чем дал повод западной печати в очередной раз прокричать о зверствах большевиков.

...Ещё с конца 1917 года лояльные новой власти сотрудники Генерального штаба обратили внимание, что в штаб стали приходить офицеры и требовать свидетельства, удостоверяющие факт их службы в царской армии и воинское звание. Параллельно поступали сообщения, что в городе действует вербовочная сеть, поставляющая офицеров для армии Каледина. ВЧК, в полном соответствии с клятвами о неприменении тайной работы, сразу направила на поиски вербовщиков сотрудника Ильина под именем поручика князя Мещерского. Свою задачу он выполнил блестяще.

Руководитель вербовочной сети штабс-капитан Орлов на следствии, кроме прочего, показывал, что в конце 1917 года с его группой установили связь правые эсеры. Он говорил: «Мне и еще сорока офицерам было поручено организовать покушение на Ленина, за эту операцию я должен был получить 500 000 рублей». (Это как раз то покушение, которое состоялось 1 января.) Часть участников после теракта бежала на Дон, однако главари остались в столице, с той же целью — дожидаться подхода белых и ударить. Они и срок назначили: 20-23 февраля.

Да, но ведь никакие белые войска в это время к Петрограду не подходили! Зато как раз тогда состоялось немецкое наступление. Вот и вопрос: с кем именно были связаны «господа офицеры», презиравшие большевиков за сепаратный мир? И еще один вопрос: они что, знали, что Троцкий прервет мирные переговоры и вслед за этим последует возобновление войны — или опять совпадение?

...В течение одного лишь февраля ВЧК раскрыла в Петрограде целый букет организаций: «Всё для родины», «Белый крест», «Чёрная точка», «Союз помощи офицерам-инвалидам», «Военная лига», «Возрождение России», «Союз реальной помощи», «Союз георгиевских кавалеров» и какие-то ещё.

Большей частью это были слабенькие, плохо организованные группы, не имеющие навыков конспиративной работы. Кроме вербовочной деятельности, ничего конкретного за ними, как правило, не значилось — одни лишь намерения. Зато намерения вполне совпадали с призывом Пуришкевича: «...Ударить в тыл и уничтожить беспощадно... вешать и расстреливать публично... пройти по всем казармам и заводам... расстреливая солдат и рабочих массами». Это были условия замирения России белой армией, которые успешнейшим образом выполнялись товарищами арестованных офицеров, сумевшими уйти на ту сторону.

...Поначалу всех не замешанных в конкретных преступлениях отпускали (впрочем, многих замешанных — тоже). Но время шло, и ситуация начинала действовать на нервы. Господа офицеры почему-то в массовом порядке пренебрегали «честным словом», количество контрреволюционных групп не уменьшалось, более того, они проявляли тенденции к укреплению и консолидации. А почему бы и нет, раз власть так гуманна?

...В мае к чекистам попала следующая листовка, адресованная всем председателям домовых комитетов.

«Милостивый государь. В доме, в котором вы проживаете, наверняка есть несколько большевиков и жидов, которых вы знаете по имени, отчеству и фамилии. Знаете также №№ квартир, где эти большевики и жида поселились, и №№ телефонов, по которым они ведут переговоры. Знаете также, может быть, когда они обычно бывают дома, когда и куда уходят, кто у них бывает и т. д. Если вы ничего этого не знаете, или знаете, но не все, то “Каморра народной расправы” предписывает вам немедленно собрать соответствующие справки и вручить их тому лицу, которое явится к вам с документами от имени Главного штаба “Каморры народной расправы”. Справки эти соберите в самом непродолжительном времени, дабы все враги русского народа были на учете и чтобы их всех, в один заранее назначенный день и час, можно было перерезать...»

Чтобы найти автора этого феноменального по идиотизму документа, чекистам понадобилось три дня. Им оказался Л. Т. Злотников, известный черносотенец, бывший сотрудник газеты «Русское знамя». На квартире у него нашли печать «Каморры народной расправы». Выяснилось, что деньги на организацию давал миллионер В. С. Мухин.

Учитывая редкую глупость всех этих деятелей, у ВЧК хватило улик даже для суда. Может статься, их тоже отпустили бы под честное слово — но к тому времени слишком многие из тех, кто его давал, уже ушли к белым. 2 сентября ревтрибунал приговорил семерых руководителей «Каморры» к расстрелу, а всего по делу судили 90 человек.

Да, конечно, дураками в смысле конспирации они были редкостными. Но один лишь вопросик, ма-а-ленький такой: как именно намеревались господа из «Каморры» распорядиться собранными сведениями, когда наступит «час X»? Ясно как: передать тем, кто готовит мятеж. А что сделали бы мятежники со списками «Каморры» — объяснять надо? Кстати, среди членов данной организации обнаружались и правые эсеры — а эти весьма конкретные товарищи к тому времени уже показали зубы.

...10 июня чекисты накрыли нелегальное собрание, задержав десять человек. Это был актив подпольной «военной организации правых эсеров», среди которого оказался один из руководителей Военной комиссии ЦК этой партии. При обыске нашли много оружия, поддельные документы, бланки, печати — в том числе и ВЧК. Выяснилось, что многие участники организации являлись одновременно еще и членами партии левых эсеров, работали в районных Советах и других организациях советской власти. По ходу службы они занимались вербовкой офицеров в белые армии, печатали прокламации, собирали сведения о Красной Армии и флоте, об оборонных объектах, готовили в городе мятеж.

Тесно связанная с ними другая подпольная эсеровская группа, во главе которой стоял офицер Погуляев-Демьяновский, занималась налетами, грабежами и разбоем, пополняя таким образом партийную кассу.

14 июня ВЦИК исключил из своего состава партии правых эсеров и меньшевиков. После этого неукротимые эсеровские боевики занялись уже настоящим террором. Еще в мае с этой целью была создана специальная боевая организация.

20 июня они провели успешный террористический акт. Жертвой его стал комиссар по делам печати, пропаганды и агитации Союза коммун Северной области Володарский, убитый по пути на Александровский завод, где должен был состояться митинг. Индивидуальный террор? Да, конечно. Но только ли он?

Эсеры имели сильное влияние на Обуховском и Александровском заводах, а также хорошие связи с организацией, контролировавшей корабли Минной дивизии Балтфлота, которые стояли на Неве. Учитывая эти моменты, теракт приобретает совершенно особый смысл. Интересно, с каких заводов были те рабочие, которые призывали к массовому террору в ответ на убийство?

К июню 1918 года популярность большевиков в массах, по причине голода, изрядно упала, имели место даже несколько кровавых стычек. И вот представьте себе, что власть, в ответ на убийство комиссара-еврея, да еще и закрывавшего оппозиционные газеты, объявила террор. Что дальше? А дальше очень простая провокация. Одна часть рабочих (например, александровцы) идет осуществлять террор, убивая всех, кто носит шляпы. Навстречу им на защиту невинно убиваемых выходит другая часть — допустим, обуховцы. Возникает большая свалка, в которую ввязываются, с одной стороны, красногвардейцы, а с другой, матросики Минной флотилии. Которые, кстати, могут под видом борьбы с «произволом властей» открыть артиллерийский огонь по любому прибрежному зданию, в том числе и по Смольному.

Невозможно, говорите? Но ведь сумели же эсеры поднять антибольшевистское *рабочее* восстание в Ижевске. Потом, правда, рабочие сильно пожалели — но это было уже потом...

...Ну, а дальше пошла работа по целой сети, связанной с «заговором послов», плюс к тому выявлялись еще и еще организации и группы.

И вот вопрос: какая ситуация сложилась к тому времени в Петрограде? А ситуация сложилась такая: за десять месяцев гуманного правосудия в тюрьмах скопилось, как минимум, несколько сотен арестованных, которые являлись непримиримыми врагами существующей власти, были готовы бороться с ней, не считая человеческих жизней, и при этом убеждены, что за все их художества им ничего не будет. Во-первых, никаких конкретных действий (кроме вербовки) сидевшие в тюрьмах провести не успели — по той простой причине, что белые войска к Петрограду так и не подошли. Во-вторых, ещё больше укрепляла в ощущении безнаказанности пресловутая первомайская амнистия. А ведь близилось 7 ноября, годовщина революции, которая, по идее, должна быть ознаменована ещё одной амнистией. В том же самом были убеждены многочисленные реальные и потенциальные сторонники арестованных, находившиеся на свободе.

Ну, и что с ними делать?

Вышеизложенные инициативы противников существующей власти в то время, когда страна ведет войну, во всех государствах и при всех режимах карались смертной казнью. К осени 1918 года эта истина дошла и до чекистов. Но как её реализовать, чтобы это не выглядело немотивированным зверством? Это вторая причина «красного террора»: нужен был повод, чтобы разобраться со всеми.

Впрочем, поводов тоже хватало. На самом деле теракты в отношении Урицкого и Ленина были далеко не единственными, а всего лишь самыми громкими. 27 августа состоялось неудачное покушение на жизнь Зиновьева. 1 сентября — крушение спецпоезда, где ехали члены Военной комиссии: трупов, правда не было, но раненых много. В те же дни на Курском вокзале в Воронеже произошел взрыв, в результате которого погибло 150-200 человек. А всего за август в двадцати двух советских губерниях в результате террора погибло 339 человек из числа советских работников и других деятелей новой власти. Как видим, у рабочих «Нового Леснера», особенно после взрыва в Воронеже, были все основания опасаться, что они «могут стать следующими жертвами бомбометателей-эсеров». Так что не стоит думать, что причиной «красного террора» были теракты в отношении Ленина и Урицкого — его вполне могли объявить, например, после взрыва в Воронеже. Или в губерниях попросту обошлись бы без решения ВЦИК.

А Дзержинский, судя по всему, просто использовал резолюцию ВЦИК о «красном терроре», чтобы одним махом наверстать почти годовичную отсрочку, которую органы правопорядка новой власти давали заговорщикам, и покончить с самыми злостными уголовниками, заодно почистив свои ряды [В приложении приведены несколько протоколов Царицынской ЧК. Из них видно, как на самом деле работали кровавые «чекистские трибуналы», какое наказание и за что они давали. А вскоре, кстати, грянула и амнистия. 6 ноября 1918 г., VI чрезвычайный съезд советов постановил: *«Освободить от заключения всех тех задержанных органами борьбы с контрреволюцией, которым в течение двух недель со дня ареста не предъявлено или не будет предъявлено обвинение в непосредственном участии в заговоре против советской власти; всех заложников, кроме тех из них, временное задержание которых необходимо как условие безопасности товарищей, попавших в руки врагов; ...предписать всем революционным трибуналам и народным судам в срочном порядке пересмотреть списки осужденных ими лиц с целью применения досрочного освобождения в самых широких размерах в отношении тех из них, освобождение которых не представляет опасности для республики»*]. Понятно, почему операция проводилась быстро: чекисты отлично знали, кто у них в тюрьмах сидит и кто насколько опасен. Понятно также, почему «красный террор» был так быстро, уже к ноябрю свернут — потому что никакой это был не террор...

Глава 14 **ХАОС ИЗНАЧАЛЬНЫЙ**

С Россией кончено... На последях
Её мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях...

Максимилиан Волошин

...В одном из моих первых воспоминаний о нем в Петрограде, во времена, когда даже оптимист решил бы, что Советы выживут только благодаря чуду, Во сков сказал со своей невозмутимой улыбкой:

— Мы должны работать, пока можем, потому что мы, может, скоро будем раскачиваться на фонарных столбах.

...Это понимание, похоже, заставляло Воскова начинать каждый день с новым радостным настроением. Ещё один день, и он не пошел на дно, ещё один день для борьбы.

Альберт Рис Вильямс. Путешествие в революцию

...Итак, победоносное восстание завершилось. Утихли речи, погасли огни, разъехались по домам делегаты исторического II съезда Советов. Эйфория прошла, и кучка людей, оставшаяся в Смольном, начала понимать, на что она подписалась. Или... *не понимать*.

Известный меньшевик Николай Суханов в своих записках о революции, подводя итог октябрьской истории, писал:

«...Последствия победоносных восстаний могут быть и бывали в истории чрезвычайно различны. Не всегда рабочий класс поднимал восстание для того, чтобы взять потом государство в собственные руки. На этот раз было именно так. И вот, несмотря на все шансы победить в восстании, большевики заведомо не могли справиться с его последствиями: заведомо не могли по всей совокупности обстоятельств выполнить возникающие государственные задачи...»

Большевики долечены были иметь ясные представления, точные предположения и планы, что будут делать они с завоеванным государством, как будут им управлять, как будут выполнять в наших условиях задачи нового пролетарского государства и как будут удовлетворять непосредственные, насущные, породившие восстание нужды трудовых масс?.. Я утверждаю, что этих представлений и планов большевики не имели.

Я утверждаю, что у большевиков ничего не было за душой, кроме немедленного предоставления земли для захвата крестьянам, кроме готовности немедленно предложить мир, кроме самых путаных представлений о “рабочем контроле” и самых фантастических мыслей о способах выкачать хлеб... Были еще “мысли” у Ленина, целиком заимствованные из практики Парижской коммуны и из посвященной ей книжки Маркса, а также и... Кропоткина. Тут было, конечно, разрушение кредитной системы и захват банков; тут была коренная смена всего правительственного аппарата и замена его новыми правителями из рабочих (это в мужицкой, необъятной, полудикой, царистской России); тут была всеобщая выборность чиновников: тут была обязательная заработная плата специалистам не свыше среднего рабочего... Тут было и еще несколько фантазий, которые все пошли насмарку при малейшем соприкосновении с действительностью...

Большевики не знали, что они будут делать со своей победой и с завоеванным государством. Они действовали против Маркса, против научного социализма, против здравого смысла, против рабочего класса, когда путем восстания под лозунгом “власти Советов” стремились отдать своему партийному ЦК всю полноту государственной власти в России. Власть одного изолированного пролетарского авангарда, хотя бы и опирающегося на доверие миллионных масс, обязывала новое государство и самих большевиков к выполнению задач, которые для них были заведомо непосильны... Большевистская партия проявила утопизм, взявшись за выполнение этих задач. Большевистская партия совершила роковую ошибку, поскольку она поднимала восстание, не думая об этих задачах и не готовясь к их выполнению».

Впрочем, не только Суханов — такие настроения были распространены и в большевистской среде. Например, тот же Каменев со сторонниками, которые кричали, что большевикам не удержаться и упорно ратовали за «однородное правительство». Да и вообще — ну как может нормальный, вменяемый человек относиться к этой безумной авантюре?

В 1930 году в Париже вышли воспоминания Георгия Соломона. Этот человек — типичный персонаж Солоневича и РСДРП(б): дворянин, интеллигент, революционер. Октябрь он встретил за границей, в ноябре вернулся в Россию, занимал серьезные посты, в 1923 году снова эмигрировал. Почему? Может, и вправду разочаровался в большевизме, а может, по той же причине, по которой нередко разочаровываются в своих правительствах люди, занимающиеся внешней торговлей. Не суть... Важно, что он оставил интереснейшие и очень правдоподобные свидетельства о первых послереволюционных годах. Мы еще будем не раз и не два возвращаться к его мемуарам, а пока обратимся лишь к первым послереволюционным дням.

Революцию Соломон встретил в Стокгольме, где директором отделения русского акционерного общества «Сименс и Шукерт» служил известный большевик Воровский. *«В первые лее дни после большевистского переворота Боровский, встретясь со мной, сообщил мне с глубокой иронией, что я могу его поздравить, он, дескать, назначен советским посланником в Швеции. Он не верил, по его словам, ни в прочность этого захвата большевиками власти, ни в способность большевиков сделать что-нибудь путное и считал все это нелепой авантюрой, на которой большевики “обломают свои зубы”. Он всячески вышучивал свое назначение и в доказательство несерьезности его обратил мое внимание на то, что большевики, сделав его посланником, не подумали о том, чтобы дать ему денег.*

—Ну, знаете ли, — сказал он, — это просто водевиль, и я не хочу быть опереточным посланником опереточного правительства!..

И он продолжал оставаться на службе у “Сименс и Шукерт”, выдавая в то же время визы на въезд в Россию» [Соломон Г. Среди красных вождей. М, 2007. С. 16.].

Тем не менее, в 1919 году Воровский вернулся в Советскую Россию, потом стал ее полпредом в Италии, принимал участие в Генуэзской конференции и был убит в Лозанне бывшим белогвардейцем Конради. Швейцарский суд оправдал убийц, после чего последовал разрыв дипломатических отношений между Швейцарией и СССР — несмотря на то, что Советский Союз тогда вовсе не был богат международными связями.

...Техническим директором компании «Сименс и Шукерт» в Петрограде работал еще один большевик, Леонид Красин. Он возмущался не меньше:

«Ты спрашиваешь, что это такое? Это, милый мой, ставка на немедленный социализм, то есть, утопия, доведенная до геркулесовых столбов глупости! Нет, ты подумай только, они все с ума сошли, с Лениным вместе! Забыто все, что проповедовали социал-демократы, забыты законы естественной эволюции, забыты все наши нападки и предостережения от попыток творить социалистические эксперименты в современных условиях, наши указания об опасности их для народа, все, всё забыто!.. Ленин... он стал

совсем неменяем, это один сплошной бред! И это ставка не только на социализм в России, нет, но и на мировую революцию под тем лее углом социализма!» [Там же. С. 18.]

И тем не менее, при таком настроении Красин поехал на переговоры в Брест-Литовск, служил в наркомате иностранных дел, перебивал на нескольких важнейших наркомовских постах, более того, с 1918 года восстановил членство в РКП(б), прерванное в 1912 году, был первым советским наркомом внешней торговли, умер в 1926 году в Лондоне в должности полпреда и похоронен в Кремлевской стене.

Один из родственников Ленина, его зять Марк Елизаров говорил еще круче: *«Право, они все вместе с Володиной просто с ума сошли. Спорить с ним бесполезно — он сразу обрывает всякие возражения шумом оскорбительных выпадов... Право, мне иногда кажется, между нами говоря, что он не совсем нормален... Ведь, как умный человек, он не может и сам не чувствовать всю неустойчивость обоснования всех своих идей... но вот именно, потому-то он и отругивается... Словом, творится ахинея в сто процентов... Ну, да, впрочем, всякому ясно, что вся эта затея осуждена на полное фиаско, и я лично жду провала со дня на день...»* [Там же. С. 22.]

Между тем, в ожидании провала, Елизаров работал не кем-нибудь, а наркомом путей сообщения, пока не умер в марте 1919 года от сыпного тифа.

Впрочем, и сам Соломон думал так же:

«Беседа с Лениным произвела на меня самое удручающее впечатление. Это был сплошной максималистский бред.

— Скажите мне, Владимир Ильич, как старому товарищу, — сказал я, — что тут делается? Неужели это ставка на социализм, на остров Утопия, только в колоссальном размере? Я ничего не понимаю...

— Никакого острова Утопии здесь нет, — резко ответил он тоном очень властным. — Дело идет о создании социалистического государства... Отныне Россия будет первым государством с осуществленным в ней социалистическим строем... А!... Вы пожимаете плечами! Ну так вот, удивляйтесь еще больше! Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы проходим к мировой революции!..» [Там же. С. 19.]

Да и сам Соломон какое-то время честно работал на новую власть. Будучи дипломатом, он выдержал тюремное заключение в Германии, занимался внешней торговлей, был директором «Аркаса» [«Аркас» — советское торговое представительство в Лондоне]. То, что он потом стал эмигрантом — это уже совсем другая история [Интересно, а что думал обо всем этом Ленин? Этого мы никогда не узнаем, ибо он не считал возможным делиться своими сомнениями с кем бы то ни было. Ругался отменно, да, «обрушивал град оскорбительных выпадов» — положение обязывало, а что думал про себя?..].

Почему же они, уверенные в бредовости происходящего, равно как и множество других людей, психически нормальных и разумных, активно во всем этом участвовали? Да потому, что в том, что им приходилось делать, не было ни малейших признаков никакой утопии.

С первых же шагов большевики столкнулись с чудовищным расхождением теории и практики. Тот же Володарский еще до Октября говорил: *«Мы должны знать, что, став у власти, нам придется понизить рабочим заработную плату, увеличить количество выходов на работу...»*. Они уже тогда знали, что декларации декларациями, а жизнь коррективы внесет. А то можно подумать, рабочие этого не знали! Они вот прямо-таки полагали, что 25 октября большевики возьмут власть, а 26-го с неба посыплются бублики и жареные гуси!

Вождям Октября хотелось мировой революции и новой, небывалой жизни — а приходилось проталкивать по железным дорогам хлеб, рассчитывать нормы и печатать карточки, уговаривать чиновников выйти на работу, демобилизовывать старую армию и собирать новую и делать множество других практических дел, точно тех же и так же, как

и в самой разбуржуинской республике и в самой заплесневелой монархии. И они решали эти проблемы все теми же методами — других-то не было! Продотряды существовали при Николае, при Керенском и при Ленине; карточки печатали как в июле, так и в ноябре, и точно так же их печатали в 1942 году в Англии; те же генералы управляли как императорской, так и Красной Армией; и точно так же, как в любой другой воюющей стране, «органы» расстреливали за измену, шпионаж, мародерство и спекуляцию, причем не всегда тех, кого следовало. «Красный террор» лоб в лоб сталкивался с «белым террором» и ничуть не превосходил развлечения англичан в англо-бурскую войну [Естественно, если соотнести с численностью населения.], хотя ни в какое сравнение не шел, конечно, с «зачистками» Гитлера. Разницы в методах между большевиками и всеми прочими не было никакой. Перед тем, как совершать мировую революцию и строить всепланетный социализм, надо было разобраться с наследством прежних правителей в одной отдельно взятой стране, и утопичной эта работа могла показаться исключительно по причине колоссальных масштабов бардака. Кстати, на такой случай есть хорошая русская поговорка: «глаза боятся, а руки делают».

Этот метод большевики и применили. Впрочем — а что им ещё оставалось?

Истории матроса Малькова

Основа основ воинского искусства — вовремя позаботиться о пропитании.

Элеонора Раткевич. Парадоксы младшего патриарха

Что было главным из свалившихся на новую власть проблем? Голод, саботаж, погромы? Да, и голод, и саботаж, и погромы, но первый и главный вопрос был все же кадровый. У них было колоссальное количество вакансий и толпа совершенно не подходящих к этим вакансиям людей. Крохотная кучка образованных деятелей находилась на самом верхнем этаже власти, а все остальные уровни надо было закрывать теми людьми, которые имелись в наличии. А кто был в наличии? Саботирующие чиновники да едва умеющие читать обитатели городских окраин. Мат-росбі, рабочие, прошедшие солдатскую школу, и большевики с дореволюционным партийным стажем ценились выше всего — они были хотя бы относительно грамотны, организованы и знали, что распоряжения надо выполнять. Их распределяли, как хлеб в голодный год — крохотными порциями в каждое ведомство, в расчете, что вокруг них возникнут некие островки порядка.

В этом смысле показательна история Павла Малькова, матроса с крейсера «Диана». Крестьянин по происхождению, он подростком пришел в город, устроился на завод, в 1904 году, шестнадцати лет, вступил в РСДРП(б), успел поучаствовать в революции 1905 года, побывал в тюрьме. В 1911 году его призвали на флот. От чьего большого ума было решено, что матросская служба послужит к исправлению сего закоренелого смутьяна — неведомо, но уже одно это решение показывает, до какой степени были не обременены мозгами царские сановники. С 1912 года «Диана» стояла в Кронштадте, а ее экипаж принимал самое горячее и деятельное участие в событиях 1917 года.

В октябрьские дни Мальков перемещался по охваченному смутой городу, иной раз делая то, что просят, а то и наводя порядок по собственному усмотрению. Считается, что большевики, едва придя к власти, порушили свободу слова, закрывая буржуазные газеты. На самом деле первые газеты были закрыты стихийным порядком, ну, а когда есть прецедент, отчего ж его не развивать? Вот как это было...

25 октября матрос Мальков, выполнив очередное поручение ВРК, ехал из Петропавловской крепости в Смольный.

«Дело шло к утру, светать начало, по улицам бегут мальчишки-газетчики, тащат пачки разных газет: “Дело народа”, “Новая жизнь”, “Речь”, “Новое время”, “Биржевые ведомости” (“Биржеска”, как эту газету называли)... Паршивая была газетенка, черносотенная, вечно всякие пакости печатала, не раз на моряков-балтийцев клеветала. Терпеть мы “Биржеску” не могли. Специально о ней в Центробалте [Центробалт — Центральный комитет Балтийского флота.] вопрос ставили, принимали резолюции протеста, посылали в “Биржеску”, да она их не печатала. Вынесли, наконец, решение: просить правительство закрыть “Биржевые ведомости”, как клеветническую, буржуйскую газету. Только никакого проку не было. Вот об этом-то решении я теперь и вспомнил и велел шоферу ехать в Балтийский экипаж: Приехал, говорю ребятам: пора “Биржеску” прикрыть, нечего с ней церемониться! Есть решение Центробалта. Сразу нашлось несколько охотников.

Сели мы в машину и поехали на Галерную, в редакцию “Биржевых ведомостей”. Подъезжаем, ребята выскочили из машины, встали у входов, никому ни войти, ни выйти не дают. В это время мальчишки несут последний выпуск “Биржески”. Газеты мы у них отобрали и выбросили, а им велели убираться. Сам же я в редакцию пошел. Вхожу. Сидят несколько человек.

— По постановлению Центробалта, — говорю, — закрываю вашу газету. Они молчат, как воды в рот набрали. Одна девица начала было спорить, но я с ней и разговаривать не стал.

— Эх вы, культурные люди! В России революция началась, а вы грязную газету издаёте, клевету разводите. Брысь отсюда, чтоб и духу вашего не было!

Ну, они и кинулись кто куда...

...Когда выходил я из редакции “Биржески”, смотрю, по соседству, в том же здании, журнал “Огонёк” разместился. Тот же вредный журнал. Вранья в нем много было, а рабочих, большевиков так просто грязью обливал. Посоветовались мы с ребятами, решили заодно и его закрыть. Закрыли и охрану поставили, а я в Смольный поехал — доложить».

Ну, и что должны были сказать ему в Смольном? Иди, мил друг, извинись да открывай газету обратно? Глядишь, ещё и разругаться ради какой-то “Биржески” с Центробалтом?»

А 29 октября на Малькова свалилось поручение похлеще — и крыть ему оказалось нечем (разве что морскими загибами, и то про себя).

«Выполнив очередное задание Военно-революционного комитета, я вернулся в Смольный. В широких коридорах вчерашнего Института благородных девиц бурлил и клокотал, как и все последние дни, нескончаемый человеческий поток. Взад и вперед стремительно проходили и пробегали люди в простых пальто или пиджаках, в матросских бушлатах, в солдатских шинелях...

Я направился на третий этаж, где помещайся Военно-революционный комитет.

— Товарищ Мальков, минутку! — раздался за моей спиной знакомый голос. — Ты-то мне и нужен.

Я обернулся. Передо мной стоял председатель Военно-революционного комитета Николай Ильич Подвойский.

Невольно вытянувшись (как-никак без малого шесть лет царской службы матросом на флоте не шутка!), я отчеканил:

— Есть Мальков, товарищ Подвойский!

— Вот и хорошо, товарищ Мальков, что встретились. Я как раз сейчас велел тебя разыскать. Решено назначить тебя комендантом Смольного. Принимай дела — и за работу!

Я опешил.

—Позвольте, Николай Ильич, ну какой из меня комендант? Я же простой матрос, дела этого я не знаю, не сумею. Тут ведь опыт нужен. Комендант Смольного! Шутка ли?!

Решительно, сверху вниз взмахнув рукой, как бы отрубая, отбрасывая мои возражения, Николай Ильич перебил:

—Сам знаю, что быть комендантом Смольного не шутка. И что опыта у тебя подходящего нет — тоже знаю. Только у кого же из нас есть этот самый опыт? Думаешь, я всю жизнь войсками командовал? Никогда не командовал, а теперь команду — надо! Раз тебя назначаем, значит, доверяем, вот и оправдывай доверие. А опыт придется на работе наживать. Главное — помни, что ты не простой матрос, а большевик и любое задание партии должен выполнить...»

Как минимум, в ближайшие двадцать пять лет многие назначения в Советском Союзе проводились именно так. А что делать? Кто подскажет альтернативный способ при том положении с кадрами?

Итак, с чего должен начать комендант? Сперва, наверное, наладить охрану, ибо по «штабу революции» шлялся кто угодно. У главных дверей стоял караул, а что до прочих входов — так их не то что не охраняли, но и не подозревали иной раз об их наличии.

История первая. Как из «штаба революции» классных дам выселяли

«Вернувшись 29 октября с телефонной станции, я взялся было за расстановку постов, только куда их ставить и в каком порядке, сам чёрт не разберёт... Решил я, чтобы получше разобраться, обойти все посты. Пошел по зданию: чудеса, да и только. Смольный делится на две части: Николаевская, меньшая, и Александровская, большая. В Николаевской разместились Совнарком, ВЦИК, ВРК и прочие советские учреждения, Александровская лее, оказывается, занята старыми классными дамами Смольного института благородных девиц, бывшими воспитательницами да несколькими институтками, по той или иной причине застрявшими в институте... Далее старая начальница Смольного, водившая дружбу с императорской фамилией, тут же. Комната ее чуть не по соседству с Совнаркомом и Военно-революционным комитетом. Заглянул в подвал — час от часу не легче! И там полно жильцов: старая прислуга Смольного, швейцары, судомойки, прочая публика...

Ходил я, ходил по Смольному, как вдруг во дворе, возле одного из входов Александровской половины, встречаю двух офицеров. Оба расфранченные, усы напояжены, одеколоном за версту разит. Я к ним:

—Откуда такие взялись? Пропуск!

Они остановились. Один, помоложе, окрысился было, да старший его за рукав дёрнул: не связывайся, мол, с матросом шутки плохи.

Предъявляют пропуска, все чин по чину: печать, подпись.

—Кто, — спрашиваю, — пропуска вам выдал? К кому? По какой надобности?

Младший опять сорвался:

—А тебе, собственно говоря, зачем об этом знать? Ты-то кто такой? Пропуск тебе предъявили, и хватит. Проваливай, откуда пришёл.

—Ах, вы так, ваши благородия! Ну что ж, познакомимся. Я — комендант Смольного, а вот кто вы такие, сейчас разберёмся. Не пожелали добром говорить, не надо. Марш в семьдесят пятую комнату, там выяснят, что вы за птицы...

С господ офицеров вся спесь мигом слетела. Семьдесят пятая комната Смольного института, где помещалась Следственная комиссия, с первых дней революции приобрела грозную славу среди буржуазии, офицеры и прочей подобной публики. Младший из офицеров совсем растерялся, залопотал что-то несурзное, а старший пустился в объяснения:

—Позвольте, господин комендант, позвольте! Это же просто недоразумение. Зачем в семьдесят пятую? Извольте, мы все объясним. Тут, видите ли, вопрос интимный, для чего же шум поднимать? Мы с поручиком, так сказать, с визитом к знакомым дамам. Они, знакомые то есть, и пропуска нам получили.

Я опешил.

—К дамам? Это к каким же дамам? Уж не к воспитательницам ли? Так там самой молодой лет за пятьдесят, наверное. Что у вас с ними за дела? Не кругло, господа, получается.

—Зачем же к воспитательницам? Мы, с вашего позволения, к братьям, пардон, к сестрам по оружию, в штаб ударниц. Там, разрешите доложить, замечательное общество. Усиленно рекомендую обратить внимание, господин комендант. В случае чего почту за честь лично рекомендовать. Слово офицера — не пожалеете!

Ах ты, думаю, собачий сын. На свой похабный аршин меряешь! Отобрал у офицеров пропуска, выгнал их со двора и пошел проверять, что еще за штаб ударниц такой объявился в Смольном.

Оказывается, в нижнем этаже Александровской половины действительно разместился штаб женских ударных батальонов. И как я раньше не обнаружил? Девушки там подобрались одна отчаяннее другой. Называется штаб, а на деле суций притон».

Оставим на совести товарища Малькова заявление, что кронштадтский матрос мерил весёлых девиц на какой-то иной аршин, нежели офицеры — однако из Смольного он ударниц вышиб. С остальными было сложнее. Выгнать поздней осенью на улицу женщин, которым попросту некуда идти (ибо все, кто мог, к тому времени уже покинули Смольный) у зверей-большевиков рука не поднялась. Стали искать, куда бы пристроить насельниц «штаба революции».

В середине ноября этим делом заинтересовался сам Свердлов — помещений-то не хватает! Вызывает он коменданта и говорит ему таковы слова:

«—Товарищ Мальков, как у вас с очисткой от посторонних Александровской половины Смольного? Помнится, Военно-революционный комитет выносил такое постановление.

—Постановление было, Яков Михайлович, только, так сказать, в принципе. Практически еще не выселили. Да и куда их девать? Вон их сколько...

Яков Михайлович нахмурился.

—Это плохо, когда практические дела расходятся с принципами. Придётся вам поторопиться. Александровская половина Смольного нам нужна... Что же касается классных дам, то в Петрограде помещений хватит. Проверьте, нельзя ли их переселить в Александро-Невскую лавру или в Ксеньинский институт. Он ведь своего рода младший брат Смольного. Одним словом, надо сделать, и сделать быстро.

Раз надо — значит надо. Послал я несколько человек матросов в лавру, только ничего хорошего из этого не вышло. Монахи их встретили чуть не с пулеметами. Даже во двор не пустили. И разговаривать не стали. Ребята кричат монахам: “Вы же христиане, Христос велел любить ближнего, так приютите божьих старушек!” Куда там, и слушать не хотят.

Махнул я рукой на лавру, решил не связываться. Устрою, думаю, своих жильцов в Ксеньинском институте. Заведение-то действительно Смольному сродни.

В Ксеньинский послал я на переговоры одну из наиболее энергичных классных дам. Люди они, думаю, свои, скорее договорятся. Не тут-то было! Как только директор

Ксеньинского института услышал, зачем к нему пожаловала представительница Смольного, замахал руками и отказал наотрез: “Помилуйте, — говорит, — и помещения-то у нас нет, и своих девать некуда, не то что двести — триста человек, а и десятка взять не можем. Рады бы, да некуда”.

Прямо из Ксеньинского явилась эта дама ко мне, чуть не плачет. Не то чтобы ей уж очень хотелось из Смольного уезжать, нет, но обидно было такой отказ получить. И от кого? От своих же, которых всегда смольненцы держали за “бедных родственников”.

Выслушал я ее и успокоил: ничего, мол, не огорчайтесь, у вас не вышло, так мы попробуем. Авось с нами этот директор будет поговорчивее! Вызвал своего помощника и велел ему тотчас ехать в Ксеньинский институт.

—Передай, — говорю, — директору, что ежели у него, в Ксеньинском, не найдется места для благородных девиц и прислуги из Смольного, так мы у себя, в Смольном, найдем место для него, а найдем сразу же, сегодня, самое надёжное...

Не прошло и часа, возвращается мой помощник обратно. Ну, говорит, и комедия. Чистый цирк! Директор Ксеньинского согласен не только всех классных дам и прислугу разместить, а и еще кого-нибудь в придачу. Представительница Смольного его-де не так поняла, он просто шутил, а она приняла шутку всерьез и зря беспокоила господина коменданта.

Дипломатические переговоры с Ксеньинским институтом были успешно завершены, и через день мы начали эвакуацию наших соседок».

Душевная история, правда? В принципе, комендант Смольного мог попросту велеть очистить помещения — и ступайте себе, куда хотите. Однако именно большевики озаботились судьбой несчастных женщин — никому из «классово-близких» они были попросту не нужны. Это еще штришок к вопросу о «России, которую мы потеряли»...

История вторая. «А ты кто будешь?»

Итак, первым делом надо было наладить охрану. Вроде бы простое дело, тем более для моряка — а оказалось неожиданно заковыристым.

«...Прогнали ударниц из Смольного, а я между тем занялся проверкой порядка выдачи пропусков. Проверил. Выдает пропуска, оказывается, кто угодно и кому угодно. Выписывают-то их в комендатуре, но кто выписывает? Писаря, которые сидят в комендатуре с дооктябрьских дней, набраны из военных писарей царской службы. Писари же да фельдфебели — первые шкуры, вечно около начальства терлись, это каждый матрос и солдат знает. Пойди разберись, кому эти писари дают пропуска. Визу, так дальше нельзя. Какая уж тут охрана?..

Пошёл к Дзержинскому. Надо, мол, меры принимать. Выслушал меня Феликс Эдмундович и говорит:

—Дело не легкое. Люди везде нужны. Так что на многое не рассчитывай. Несколько человек покрепче возьмём из Кронштадта. Вместе с теми матросами, что пришли в Смольный с тобой, они составят основной костяк комендатуры, его ядро. Ну, а в остальном поможет Красная гвардия.

Сел Феликс Эдмундович к столу, набросал несколько слов на листке бумаги и протянул мне:

—На, двигай в Кронштадт за подмогой.

Я прочитал:

“В КРОНШТАДТСКИЙ МОРСКОЙ КОМИТЕТ 4 ноября 1917 г.

Прошу назначить семь человек матросов для обслуживания Смольного института. Предс. Дзержинский”.

Семь? Маловато будет, Феликс Эдмундович...

А ты думал, семьдесят тебе дадим?

Взял я бумагу, расписался на копии (Дзержинский писал на листке блокнота под копирку. Тогда многие так делали — оставляли себе копии для контроля): “Подлинник получил. Комендант Мальков” и отправился в Кронштадт.

Выдачу пропусков удалось наладить быстро. А вот с охраной продолжались заморочки.

При всей своей преданности революции, стойкости и дисциплине красногвардейцы не обладали ни достаточными военными знаниями, ни опытом несения караульной службы. Обучить охрану из красногвардейцев военному делу, привить ей твердые знания обязанностей часового на посту, выработать необходимые навыки не было никакой возможности. Как и чему можно было научить красногвардейца, пришедшего для охраны Смольного со своим отрядом с завода или фабрики на 3-5 дней, самое большее на неделю, и опять возвращавшегося на завод? Едва успевал он получить элементарное представление о караульной службе, как на его место приходил уже новый, которого нужно было учить заново.

Мы же, коренной состав охраны и ее руководители, не имели возможности не только проверить или изучить людей, которым доверялась охрана Смольного, но даже поверхностно познакомиться с ними, узнать их в лицо. Не проходило дня, чтобы я, обходя посты, не наталкивался на часовых, которых ни я не знал, ни они меня не знали. Сплошь и рядом на этой почве возникали самые нелепые недоразумения, бесконечные конфликты, То я или мои помощники хватали и тащили упиравшегося часового в комендатуру, приняв его за постороннего, то часовой наставлял мне штык в грудь, пытаясь меня арестовать. Просто не хватало терпения.

Поговорил я с Подвойским, ставшим теперь народным комиссаром по военным делам, с Аванесовым, Дзержинским. Надо, мол, что-то с охраной Смольного делать, нельзя так дальше.

Уговаривать никого не пришлось: все не хуже меня понимали, что красногвардейцам трудно нести охрану Смольного, что нужна воинская часть, но такая, которая сочетала бы в себе красногвардейскую пролетарскую закалку и преданность революции с опытом и знаниями кадровых военных.

Среди войск Петроградского гарнизона найти часть, где преобладал бы пролетарский состав, вряд ли было возможно. Большинство солдатской массы составляли крестьяне, не имевшие той пролетарской и революционной закалки, что заводские рабочие. Да и существовали ли вообще в армии такие части, где основным костяком, основной массой были бы кадровые рабочие?»

В конце концов охрану Смольного поручили латышским стрелкам — но не потому, что инородцы-большевики опирались на инородческие штыки, а потому, что латышские полки состояли большей частью из рабочих, соответственно, были большевистскими, грамотными (что важно) и имели представление о дисциплине.

Но к тому времени возникли проблемы с самими охраняемыми, которым эта забота стала надоедать. Поначалу противники большевиков относились к ним не всерьез и покушений не устраивали — но ведь время-то идет!

«В 1917 году Ленин ездил и ходил всюду без всякой охраны. Очень меня это беспокоило. Несколько раз пытался я говорить на эту тему с Владимиром Ильичем, он только рукой махал:

—Помилюйте, батенька, только этого не доставало!

Спорить с ним было бесполезно.

Говорили с Владимиром Ильичем об охране и Яков Михайлович и Феликс Эдмундович, но и они ничего не добились. А ведь Владимир Ильич не только постоянно

выезжал из Смольного, частенько под вечер он отправлялся пешком вдвоем с Надеждой Константиновной побродить по улицам, отдохнуть от нечеловеческого напряжения. Пешие прогулки, как я заметил, были излюбленным отдыхом Владимира Ильича.

В 1917 году Ленина, правда, немногие знали в лицо, портретов его еще не публиковалось, но все же маю ли что могло случиться. Когда Владимир Ильич отправлялся на очередную прогулку, на сердце у меня бывало беспокойно. Не говоря ничего Ильичу, я строго-настрого приказывал часовым не спускать глаз с него и Надежды Константиновны, когда они гуляли невдалеке от Смольного, но делать это так, чтобы не попасться Ильичу на глаза. (Знал: заметит, будет сердиться.) А уж если кто чужой к ним приблизится да покажется подозрительным, тут действовать решительно...

Делать это было сравнительно легко, потому что вокруг Смольного постоянно выставлялись подвижные посты, которые следили, чтобы не было скопления подозрительной публики».

Впрочем, по части охраны у большевиков была принята двойная мораль. Тот же Дзержинский, который уговаривал Ленина согласиться на охрану, когда с тем же вопросом приступали к нему самому, отвечал:

—Зачем? Убьют! Беда какая!.. Революция всегда сопровождается смертями. Это дело самое обыкновенное. Зачем так ценить себя? Это смешно... [Бонч-Бруевич В. Как организовалась ВЧК. // Чекисты. М., 1970.]

Ну, и что мог поделаться с такими комендант?

История третья. Лепешки на лампадном масле

Когда большевики взяли власть, хлеба в Петрограде было на половину дня. При выдаче в полфунта (200 грамм на человека) городу требовалось 48 тысяч пудов ежедневно, а в наличии было 30 тысяч пудов. Послав красногвардейцев на розыски, сумели найти и реквизируют еще 300 тысяч. И всё равно с 7 ноября паек пришлось уменьшить до 3/8 фунта в день. С 15 ноября, когда удалось протолкнуть к городу эшелоны из провинции, его снова увеличили до той же половины фунта.

Следующему рассказу кто не хочет, может не верить. (Рассказы ходят разные, в том числе и такие: мол, первой блокадной зимой Жданову самолетом из Москвы персики возили.) Однако при том, что собой лично представляли Ленин, Сталин и Дзержинский [Про Свердлова не говорю просто потому, что не знаю.], едва ли в семнадцатом году, когда все большевики стиснуты были в крохотном пространстве Смольного, могло быть как-то иначе. Поэтому, как пословица говорит: не веришь — прими за сказку.

«Немало хлопот доставляли мне вопросы продовольствия, отопления. В Петрограде не было продуктов, не было дров. Частенько мёрзли и мы в Смольном, мерзли в своих кабинетах наши руководители. Уголь и дрова доставались ценой героических усилий, но порою в доставке бывали перебои, а зима, как назло, выдалась лютая.

...Для сотрудников Смольного была организована столовая, в которой мог получить обед и любой посетитель, лишь бы он имел пропуск в здание. Здесь, в этой столовой, питались и руководители ВЦИК, и ВРК, и наркомы, забежавшие из своих наркоматов в Смольный.

Столовую обеспечивали продуктами продовольственные отделы ВРК и Совета, а что это были за продукты? Пишено да чечевица, и то не каждый день. Бывало, в тарелке с супом можно было по пальцам пересчитать все крупинки, причем вполне хватало пальцев на руках. Второго же не было и в помине.

Особенно тяжело было ответственным товарищам, работавшим чуть не круглые сутки напролет, на пределе человеческих сил, без отдыха. А ведь у многих из них здоровье было подорвано тюрьмой, годами тяжких лишений. Каково им-то было вечно недоедать, недосыпать? Кое у кого дело доходило до голодных обмороков.

В конце 1917 года вызвал меня Яков Михайлович и велел организовать в Смольном небольшую столовую для наркомов и членов ЦК. Нельзя, говорит, так дальше. Совсем товарищи отощали, а нагрузка у них сверхчеловеческая. Подкормим хоть немногих — тех, кого сможем.

Организовал я столовую. Обеды в ней были не бог весть какие: то же пшено, но зато с маслом. Иногда удавалось даже мясо достать, правда, не часто. Но все-таки наиболее загруженных работников и тех из товарищей, у кого особенно плохо было со здоровьем, поддерживали.

Комендатура делами столовой не занималась, но довольствие охраны лежало на нас. Вот тут-то и приходилось туго. Первое время, когда основное ядро охраны составляли матросы, было немного полегче. Нет-нет, но то с одного, то с другого корабля продуктов подкидывали. В складах морского интендантства кое-что имелось, и флот до поры до времени снабжали. Матросов, однако, становилось в охране все меньше и меньше... связь с кораблями постепенно ослабевала, и с продуктами становилось все труднее и труднее. Сплошь и рядом самому приходилось воевать с продовольственниками, чтобы хоть чем-то накормить людей.

Иногда, правда, выдавались счастливые случаи, когда при ликвидации какой-нибудь контрреволюционной организации, тайного притона или шайки спекулянтов (нам постоянно приходилось участвовать в таких операциях) мы обнаруживали нелегальные склады продовольствия, которые тут же реквизировали. Один раз захватили 20 мешков картофеля, другой — большой запас сухарей, как-то — 2 бочонка меду, всяко бывало. О каждой такой находке я докладывал ревкому, и иногда некоторую часть продуктов передавали в продовольственный отдел Смольного, остальное же — в городскую продовольственную управу.

Особенно повезло нам как-то раз с халвой. Разузнал я, что в одном из пакгаузов Николаевской железной дороги давно лежит около сотни ведер халвы, а хозяин исчез, не обнаруживается. Я тут же доложил Варламу Александровичу Аванесову, секретарю ВЦИК и одному из руководителей ревкома. Надо, говорю, подумать, как быть с той халвой.

—А что тут думать, — отвечает Аванесов, — пропадать добру, что ли? Тащи халву сюда, будем хоть чай с халвой пить.

В тот же день провел он это решение в Ревкоме, и я доставил в Смольный чуть не целую подводу халвы.

А то конфисковали один раз 80 подвод муки. Привезли в Смольный и сложили мешки штабелем в одной из комнат, вроде склада получилось. Выставил я охрану из красногвардейцев, велел никого до мешков не допускать, а сам доложил ревкому

Обычно ревком такие вопросы быстро решал, а на этот раз дело что-то затянулось. Лежит себе мука и лежит, пост рядом стоит, будто всё в порядке. Только зашел я как-то в караульное помещение, что такое? В комнате — чад, блинами пахнет, да так аппетитно — слюнки текут. Глянул, а ребята приспособились, достали здоровенную сковороду и на “буржуйке” лепёшки пекут.

—Это, — спрашиваю, — что такое? Откуда? Молчат. Наконец один молодой парень, путиловец, шагнул вперед.

—Товарищ комендант, может, и нехорошо, но ведь жрать хочется, спасу нет, а мука — вот она, рядом лежит. Всё равно нашему же брату пойдёт, рабочему. Не буржуйкам ведь? Ну, мы и того, малость реквизируем...

Он замялся и замолчал, и я молчу. Что ему скажешь? Вроде должен я их изругать, может, даже наказать, а язык не поворачивается; сам знаю, изголодались ребята.

—Насчёт муки понятно, а масло откуда?

—Масло? Так это масло не простое, святое вроде... Мы его в здешней церкви нашли (в Смольном была своя церковь, я велел стащить в неё всю ненужную мебель).

—В церкви?..

—В церкви, товарищ комендант. Там, почитай, все лампы были полные, ну мы их и опорожнили.

—Ну, — говорю, — раз в церкви, тогда дело другое. “Святую” лепёшку и мне не грех бы отвесть!

Все разом заговорили, задвигались, уступили место возле “буржуйки”.

Лепёшки оказались вполне съедобными. Я ребятам сказал: жарить жарьте, но домой — ни-ни, ни горстки муки! Они меня заверили, что и сами понимают. Ещё несколько дней красногвардейцы питались лепёшками, а там муку увезли, и праздник их кончился».

История четвертая: жизненный уклад главы государства

«Кабинет Ленина наверху, на третьем этаже Смольного. Вход — через небольшую приемную, разделенную на две части простой, незатейливой перегородкой вроде перил: несколько точеных столбиков, на них деревянные поручни, и все. За перегородкой, у маленького столика, секретарь Совнаркома. Он регулирует прием — вызывает к Ленину одних, пропускает других, просит обождать третьих.

Возле столика секретаря дверь в кабинет Ленина — тоже небольшую светлую комнату. Там — письменный стол, несколько стульев, книжный шкаф. Ничего лишнего, никакой роскоши. Все просто, скромно, как сам хозяин кабинета.

Работал Ленин бесконечно много, не знаю, спал ли он и когда. В 10 часов утра он неизменно был у себя в кабинете, днем выезжал на фабрики, заводы, в солдатские казармы, выступал почти ежедневно. Вечером снова в кабинете часов до 4-5 утра, а то и всю ночь. И так день за днем, сутки за сутками.

Нередко, обходя под утро посты, я осторожно приоткрывал дверь в приемную и видел дремлющего возле стола секретаря или дежурную машинистку Совнаркома — значит, Ленин еще не ушел, еще работает, а ведь скоро утро.

...Квартиры у Ленина в Петрограде не было. Но возвращении из эмиграции в апреле 1917 года он поселился с Надеждой Константиновной у своей сестры Анны Ильиничны Елизаровой. С июльских дней — подполье... В начале октября Ильич нелегально вернулся в Петроград, жил на Выборгской стороне в специально подготовленной квартире. Вечером 24 октября он покинул эту квартиру и больше туда не возвращался. Остался в Смольном. Там проходили первые послеоктябрьские дни, нередко и ночи. Если и уходил иногда ночевать, так к знакомым, к Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу.

Недели через две после революции, когда я был уже комендантом Смольного, внизу, в комнате какой-то классной дамы, мы оборудовали жилье для Ленина и Крупской. Это была небольшая комната, разгороженная пополам перегородкой. Вход был через умывальную с множеством кранов, здесь раньше умывались институтки. В комнате — небольшой письменный стол, диванчик да пара стульев, вот и вся обстановка. За перегородкой простые узкие железные кровати Владимира Ильича и Надежды Константиновны, две тумбочки, шкаф. Больше ничего.

Прикомандировал я к “квартире” Ильича солдата Желтышева. Он убирал комнату, топил печку, носил обед из столовой: жидкий суп, кусок хлеба с мякиной и иногда кашу — что полагалось по пайку всем. Бывало, Ильич и сам шел вечером в столовую за супом. Несколько раз я встречал его с солдатским котелком в руке. Потом, когда организовалась совнаркомовская столовая, стало немного лучше...»

Это то, с чего они начинали — столовая Смольного, символическая охрана, халва вместо хлеба и матрасы в комнате Военно-революционного комитета. Из всего этого надо было вылепить власть. Как говорится, начать и кончить.

Борьба за «истину»

Ты право, пьяное чудовище.

Я знаю — истина в вине.

Александр Блок

Кроме голода и саботажа, совершенно исключительной была в Петрограде криминогенная обстановка. После Октября к постоянно растущему уголовному беспределу прибавились еще винные погромы. По сравнению с ежедневными налетами и грабежами это, может быть, и не так страшно, однако экстремальные действия по искоренению страсти винопития могли поссорить власти с гарнизоном, что было совершенно ни к чему.

Началось всё с Зимнего дворца, в котором имелись винные склады. А в России, между прочим, тогда был сухой закон. А гарнизон Петрограда составляли запасные части из крестьянских новобранцев, изначально плохо приученные к дисциплине, да ещё и разболтавшиеся революцию. Солдатики просто не понимали, почему нельзя реквизировать вино у эксплуататоров трудового народа, если очень хочется выпить. И вот они пришли в Зимний. О том, что было дальше, вспоминает участник штурма дворца, анархист Фёдор Другов:

«По открытому нами пути во дворец вошел народ, рассеиваясь в бездонном лабиринте его помещений... Мне сообщили, что во дворце обнаружено громадное количество пулеметов, боеприпасов и вина и что в подвале начинается пьянство. Я немедленно направился туда... оказалось, что там, помимо двери, проломлена кирпичная стена. Кто проломал стену и когда — это тайна [Может быть, те защитники Зимнего, с которыми Джон Рид разговаривал? Иначе откуда у них вино?], но во всяком случае тот, кто ломал, имел определенную цель и точно знал, где надо ломать. Я заставил немедленно заложить стену кирпичами и закрыть железную дверь».

Впрочем, стену сломали практически сразу. Ее опять заложили — и опять сломали — и все это за одну ночь. К утру из дворца всех выгнали и поставили охрану. Дальнейшие события предугадать, в общем-то, нетрудно.

Другов: *«Военно-революционному комитету сообщили, что воинская часть, охранявшая Зимний, перепилась вином, переполнявшим подвалы дворца. Мы выехали на место и убедились, что весь караул пьян, но поддерживает порядок пьянства: в подвалы Зимнего допускаются только солдаты, штатских же не подпускают и близко. Причем разрешают пить на месте до бесчувствия, но выносить вино не дают. Все же некоторым солдатам удавалось пронести вино на улицу. Покупали штатские, которые не могли попасть в Зимний. Пришлось снять спившуюся часть с караула и поставить новый. На другой день случилась прежняя картина. Караул спился. Поручили караул кавалерийской части. Наутро не вязали лыка даже лошади. Как же они узнают про вино? ВРК провел расследование и выяснил, что Павловский полк, ближе всех расквартированный к Зимнему, считает, что все вино в Зимнем принадлежит ему, и*

регулярно присылает своих каптенармусов за ним. Если же караул не подпускает к вину, то павловцы высылали им на помощь вооруженный отряд. Тогда караул капитулировал и с горя сам начинал пить. Вино, представлявшее громадную ценность (ведь в стране с 15-го года был введен сухой закон) растаскивалось по казармам.

В ВРК десятки раз обсуждали тревожные настроения в связи с пьянством в Зимнем дворце...»

На этих заседаниях присутствовал и матрос Мальков, который описал их впоследствии — по-своему, но тоже колоритно.

«...Мы вначале ничего не знали о существовании винных подвалов в Зимнем дворце... Тайну подвалов открыли старые дворцовые служители, и открыли ее не ревкому, а кое-кому из солдат, охранявших дворец после 25 октября.

Узнав, что под дворцом спрятаны большие запасы вина, солдаты разыскали вход в подвалы, замурованный кирпичом, разбили кирпичную кладку, добрались до массивной чугунной двери с решеткой, прикладами сбили замки и проникли в подвалы. Там хранились тысячи бутылок и сотни бочек и бочонков самых наилучших отборных вин. Были такие бутылки, что пролежали сотни лет, все мхом обросли. Не иначе ещё при Петре I заложили их в Санкт-петербургских подвалах.

Пробравшись в склад, солдаты начали бражничать. Вскоре перепился чуть не весь караул Зимнего. Слухи о винных складах под Зимним дворцом поползли по городу, и во дворец валом повалил народ. Остановить многочисленных любителей выпить караул был не в силах, уж не говоря о том, что значительная часть караула сама еле держалась на ногах.

14 ноября Военно-революционный комитет обсудил создавшееся положение и принял решение: караул в Зимнем сменить, выделить для охраны дворца группу надежных матросов, а винные склады вновь замуровать.

Проходит дня четыре-пять. Сижу я как-то вечером в Ревкоме, беседую с Аванесовым. Тут же Гусев, ещё кто-то из членов Ревкома. Является Благодравов, назначенный после Чудновского комендантом Зимнего дворца. На нем лица нет.

—Что там у тебя в Зимнем ещё стряслось? — спрашивает его Варлам Александрович.

—Опять та же история! Снова высадили дверь в подвал и пьют как звери. Ни Бога, ни черта признавать не желают, а меня и подавно. Вы только подумайте, — обратился ко всем присутствовавшим Благодравов, — за две с небольшим недели третий состав караула полностью меняю, и все без толку. И что за охрана была? Хоть от самой охраны охраняй! Как о вине пронюхают, словно бешеные делают, никакого удержу. А теперь...

—Позволь, позволь, — перебил Аванесов, — что “теперь”? Кто дверь выбил? Кто пьянствует? Матросы?

—Какие там матросы! Матросов мне еще не прислали, все только обещают. Выделили пока красногвардейцев...

—Так что, красногвардейцы перепились? Что ты мелешь?!

—Нет, красногвардейцы не пьют, но вот народ удержать не могут, тех же солдат... Орут, ругаются, глотки понадрывали, а их никто не слушает. Они было штыки выставили, так солдаты и всякая шантрапа, что из города набились, на штыки прут. Бутылки бьют, один пьянчужка свалился в битое стекло, в ключья изрезался, не знаю, выживет ли. Как их остановишь? Стрелять, что ли?

—Стрелять? Еще что скажешь! — Аванесов на минуту задумался, потом повернулся ко мне. — Знаешь что, Мальков, забирай-ка ты это вино сюда, в Смольный. Подвалы под Смольным большие, места хватит, охрана надёжная. Тут будет порядок, никто не позарится.

Я на дыбы.

— Не возьму! К Ильичу пойду, в Совнарком, а заразу эту в Смольный не допущу. Мое дело правительство охранять, а вы хотите, чтобы сюда бандиты и всякая сволочь со всего Питера сбежалась? Не возьму вино, и точка.

— Н-да, история. — Аванесов снял пенсне, протер его носовым платком, надел обратно. Побарабанил пальцами по столу. — А что, товарищи, если уничтожить это проклятое вино вовсе? А? Да, пожалуй, так будет всего лучше. Ладно, посоветуемся с Владимиром Ильичем, с другими товарищами и решим...

Тем временем в Зимний прибыли балтийцы и сразу по-хозяйски взялись за дело. Вместе с красногвардейцами — кого кулаками, кого пинками, кого рукоятками пистолетов и прикладами — всю набившуюся в винные погреба шантрапу и пьяниц из Зимнего вышибли. Трудно сказать, надолго ли, но подвалы очистили, а тут и приказ подоспел: уничтожить запас вина в погребах под Зимним дворцом.

Принялись моряки за работу: давай бутылки об пол бить, днища у бочек высаживать. Ломают, бьют, крушат... Вино разлилось по полу рекой, поднимается по щиколотку, по колено. От винных, паров голова кругом идёт, того и гляди очумеешь. А к Зимнему чуть не со всего Питера уже бежит разный люд: пьянчужки, обыватели, просто любители поживиться на дармовищину. Услышали, что винные склады уничтожат, и бегут: чего, мол, добру пропадать? Того и гляди опять в подвалы прорвутся...

Вызвали тогда пожарных. Включили они машины, накачали полные подвалы воды, и давай все выкачивать в Неву. Потекли из Зимнего мутные потоки: там и вино, и вода, и грязь — всё перемешалось... День или два тянулась эта история, пока от винных погребов в Зимнем ничего не осталось».

Другов, правда, утверждает, что финал у этой истории был несколько иной. Много лет спустя, когда писал свои воспоминания Мальков, излагать такое было бы неполиткорректно, но учитывая обстановку, в данную версию верится больше.

«Некоторые члены Комитета предлагали разогнать пьяниц во дворе Зимнего броневиками и пулеметами. Об осуществлении этого дикого проекта не могло быть и речи, это могло привести к немедленному восстанию гарнизона. Был проект под предлогом перевозки вина в Кронштадт отправить его в Швецию, которая предлагала несколько миллионов рублей золотом. Но кронштадтцы и слышать об этом не хотели. Последнее решение — разлить вино в подвале и выкачать в Неву — тоже потерпело фиаско. Солдаты установили дежурство у Зимнего и, как только заметили наши приготовления, немедленно пошли на штурм и взяли Зимний вторично.

Наконец член комитета Галкин, заявивший, что он сам любитель выпить, даже и не царское вино, и поэтому вполне понимающий психологию солдат, предложил объявить, что вино из царских подвалов в ознаменование победы отдается солдатам гарнизона и будет ежедневно отпускатся представителям частей из расчета две бутылки на человека в день. Таким образом пьянство было узаконено и введено в рамки.

В казармах шел пир горой, до тех пор пока не покончили с последней бутылкой. Тут вспомнили, что, помимо царского вина, есть еще вино в других подвалах города. На помощь солдатам пришли dobroхоты из народа, которые разведывали, где находятся частные погреба и наводили солдат на мысль о разгроме этих погребов».

На самом деле погромы шли параллельно. Надо сказать, что в числе «доброхотов из народа» было немало провокаторов от «Комитета спасения», которые рассчитывали, что пьяные погромы снесут большевистскую власть, а в первую очередь поссорят ее с гарнизоном. Мальков вспоминает:

«Чего-чего, а вин всяких в Петрограде было запасено вдосталь. Чуть не по всему городу были разбросаны большие и малые винные склады и подвалы... Уже с начала ноября по городу покатила волна пьяных погромов. Она разрасталась и ширилась, приобретая угрожающий характер. Иногда погромы возникали стихийно, а чаще направлялись опытной рукой отъявленных контрреволюционеров...

Погромщики разбивали какой-либо винный склад, перепивались сами до безобразия, спаивали население, ведрами тащили вино и водку. Разгром винных складов сопровождался дебошами, грабежами, убийствами, порою пожарами. Каждый раз требовалось немало сил и энергии, чтобы обуздать пьяную, одичавшую толпу людей, потерявших человеческий образ... Практически организация борьбы с винными погромами была возложена на Военно-революционный комитет».

Однако погромщики опережали ВРК, поскольку лучше знали географию складов. Стоит ли удивляться — коммерческая часть Петербурга была на стороне «Комитета спасения». Во время погромов в толпе распространялись листовки — в основном, кадетские. Естественно, чтобы прийти на место событий с листовками, надо было знать о погроме заранее.

Да и случайно узнавшие о наличии складов обыватели бежали не в ВРК, а в ближайшую воинскую часть, использовали солдат как таран, а потом делили с ними добычу.

Вино являлось огромной ценностью, на которую можно было выменивать в губерниях продукты для голодного города. Можно себе представить, что творилось в Петрограде, если в Смольном приняли решение уничтожить все запасы зелья. Решение это было принято 26 ноября, а 29 ноября был опубликован приказ ВРК по комендатуре Красной гвардии и полковым комитетам Петрограда:

«1. Немедленно арестовывать всех пьяных и лиц, про которых имеется основание полагать, что они участвовали в хищении из винного склада Зимнего дворца и других складов. Полковым комитетам проверять состав рот и задерживать всех участников разгромов винных складов.

2. Немедленно при районных комендатурах Красной гвардии образовать революционные суды, а в воинских частях — гласные товарищеские суды по всем проступкам, унижающим достоинство гражданина-воина.

3. Предать немедленно всех пьяниц и лиц, участвовавших в хищении, революционным и товарищеским судам и немедленно судить их.

4. Революционным и товарищеским судам выносить приговоры: не свыше шести месяцев общественных работ.

5. Особой ответственности подвергнуть и судить полной мерой всех чинов, несущих караулы при винных складах и не исполняющих свой гражданский долг.

6. Немедленно сообщить о всех арестованных и о вынесенных приговорах в Военно-революционный комитет».

Стоит ли говорить, как отнеслись к этому заявлению в городе? Другов пишет:

«Для ВРК наступил самый критический период за все время переворота. По улицам бродили пьяные банды, терроризируя население стрельбой. Разгорелась вражда солдат к красногвардейцам, иногда противодействовавшим погромам. В силах революции намечался раскол. В ВРК царило смятение. Телефоны заливались пронзительным треском: “Громят, громят!” Дежурный член комитета снимал трубку и автоматически уже спрашивал только: “Где?”, записывал адрес и тут же вешал трубку. Вопли и подробности его уже не волновали. Надо было дать возможность сообщить следующему.

Все свободные от караула солдаты латышских полков, состоявшие почти сплошь из большевиков с анархическим уклоном, были высланы на грузовиках для ликвидации погромов. Но это было непросто, солдаты громили винные погреба при полном вооружении, а иногда даже под прикрытием пулеметов. На улицы, где кутили солдаты, нельзя было высунуть носа, кругом носились пули, это солдаты отпугивали штатских от вина. Случайно подвернувшихся солдат из других частей силой затаскивали в погреб и накачивали вином.

При такой обстановке, естественно, всякое появление красногвардейцев вызывало форменное сражение, рабочие стали отказываться от участия в ликвидации погромов. Матросы тоже отказывались выступить против солдат...»

Мальков, кроме возни с хозяйством Смольного выполнявший огромное количество попутных поручений ВРК, вспоминает, как это было в натуре:

История пятая. Как Мальков купался в вине

«Ликвидацию винных складов на Гутуевском острове поручили охране Смольного. А склады там были большие. Каждую ночь я отправлял туда наряд в тридцать человек, который уничтожал винные запасы. Пришлось повозиться около месяца, пока всё уничтожили.

Один небольшой винный склад довелось нам с Манаенко [Минёр с «Дианы», приятель и помощник Малькова.] самим ликвидировать, собственноручно. Шли мы однажды вечером с ним вдвоем по улице, слышим шум, крики. Прямо на нас, пригнувшись, бежит человек, за плечами — мешок, в нем что-то гремит. Манаенко хватя его за шиворот (а силища у Манаенко — на троих хватит), рванул покрепче, мешок и трах о мостовую. В нем бутылки с вином, все вдребезги. Ясно! Значит, рядом винный склад грабят.

Мы поспешили на шум. Подходим — винный подвал, дверь настежь. Оттуда несутся пьяные крики, ругань, звон бьющейся посуды.

Я к двери; “Выходи!” — кричу. Никакого внимания. Орут по-прежнему. Вынул я тогда кольт, сунул в дверь и выстрелил вверх, в потолок. На минуту все смолкло. Несколько солдат выскочили наружу с полными мешками и попытались проишмыгнуть мимо нас, да не тут-то было. Мешки мы у них отобрали — и оземь, а их прогнали. Тем временем в подвале опять шум поднялся, все идет по-прежнему. Что тут делать? Нас-то ведь только двое, а их там, судя по крику, не меньше сотни.

Стоим совещаемся. Слышим вдруг конский топот. Во весь карьер скачет конный разъезд. Подскакали, и прямо на нас, того и гляди сомнут. Схватил я у одного лошадь под уздцы, кричу: “Вы что, очумели, я комендант Смольного!”

Они видят — матросы. Спешились, стали разбираться. Оказывается, их встретили солдаты, у которых мы вино отобрали, и заявили, что на них напали бандиты, грабящие винный склад.

Пока мы с разъездом объяснялись, с улицы опять послышался шум. Бегут солдаты, чуть не целая рота, штыки наперевес. Впереди наши “жертвы».

— Вот они, бандиты, — кричат, — лови их!

Ребята из конного разъезда за винтовки схватились, ещё минута, и начнётся перепалка. Времени терять нельзя.

— Стой! — гаркнул я что было мочи. — Именем революции, стой!

Солдаты остановились. Несколько человек вышли вперед, приблизились к нам.

Я — Мальков, комендант Смольного. Ясно? Приказываю подвал очистить, вино уничтожить.

Часа два мы провозились, ни одной целой бутылки, ни одного бочонка не оставили. Все уничтожили.

Вылез я из подвала, а от меня за версту вишицем разит. Брюки хоть выжимай: по колено в вине ходил.

Вернулся в Смольный, навстречу Антонов-Овсеенко. Потянул носом воздух:

— Мальков, ты никак пьяный? Неужели выпил?

— Не то что выпил, а прямо залился вином, купался в нем, проклятом!

—А-а, тогда понятно. Склад какой ликвидировал? От такой работы действительно опьянеешь. Надо скорее с этими складами кончать».

Вахханалия в городе продолжалась до тех пор, пока склады, которые с одной стороны уничтожали погромщики, а с другой — Военно-революционный комитет, не закончились. Лишь тогда пьяное безумие, по вполне естественным причинам, прекратилось. Главная опасность миновала — открытого столкновения между властями и гарнизоном не произошло.

К особой политически-криминогенной обстановке относится и ещё одна история матроса Малькова, которая не очень вписывается в течение повествования, но я просто не могу её не привести — такая она замечательная. Итак:

История шестая. Братки по революции

У нас как-то между пальцев проскользнула сила, сыгравшая немалую роль в революции, но мало охваченная политологами по причине того, что партией, как уже говорилось, она не являлась — анархисты. К весне эти ребята смешались с уголовным элементом, привнося в атмосферу грабежей свежую струю революционной фразы. А этот случай, рассказанный Мальковым, произошел в декабре 1917 года, когда они еще искали себя в революции.

«...Мне приказали арестовать группу студентов и гимназистов из буржуйских сынков, затеявших контрреволюционный заговор. Группка была небольшая, так с десяток человек — молокососы, белоподкладочники. Направил я на операцию несколько латышских стрелков во главе с заместителем командира отряда, охранявшего Смольный, а сам не поехал. Дело, решил, ерундовое, обойдутся.

А получилась сплошная чепуха. То ли адрес товарищам записали не совсем точно, то ли латыши сами что-то напутали, только, найдя дом, где проходило контрреволюционное сборище, и поднявшись на нужный этаж, латыши начали стучать в дверь противоположной квартиры, а не туда, куда следовало. Из-за запертой двери спросили, что нужно. Не тратя времени на дипломатию, командир группы ответил:

—Отпирай! Как враги народа, вы арестованы.

В ответ загремели выстрелы.

Командир, человек смелый и решительный, недолго думая, кинулся к двери и начал её высаживать [Смелый, решительный — а с мозгами у него как? Высаживать дверь, по которой стреляют!]. Ну, его сквозь дверь и подстрелили, как куропатку. Он упал, обливаясь кровью. Ребята оттащили своего командира от злосчастной двери, залегли и открыли огонь из винтовок. Им отвечали из пистолетов. Такая пальба поднялась, настоящее сражение.

Стреляли латыши, стреляли, извели по паре обойм, никакого проку: противник не сдаётся, а командир истекает кровью. Оставив двух человек на страже, стрелки подхватили своего командира и поспешили в Смольный за подмогой.

Ввалились они ко мне, докладывают, а тут не до доклада. Командир еле дышит. Вызвали мы скорее врача и отправили раненого в госпиталь, потом начали разбираться.

Рассказ латышей удивил меня необычайно. Чтобы студентики и гимназисты, белоручки, маменькины сынки оказали такое сопротивление и устояли против латышских стрелков? Не может такого быть! Что-то тут не так. Надо самому ехать!

Вместе с расстроенными латышами отправились к месту происшествия. Поднялись на третий этаж, где нас ожидали двое стрелков, оставшихся в охране,

глянул я на номер квартиры и плюнул с досады. На двери ясно виднелась цифра пятнадцать, студенты же отсиживались в шестнадцатой квартире.

Разбил я свой отряд на две группы: одним велел итурмовать квартиру № 16, а сам с несколькими латышами решил прорваться в пятнадцатую квартиру. Надо же разобраться, что за воинственный народ там засел.

С шестнадцатой квартирой никакой возни не было. Вышибли латыши дверь, а за ней — никого. Обшарили всю квартиру, опять ни души. Заслышав перестрелку, студенты вместе с хозяевами квартиры удрали через чёрный ход (поймали их только несколько дней спустя).

Пока латыши обыскивали шестнадцатую квартиру, я занялся пятнадцатой. Встал сбоку двери (чтобы шальная пуля не зацепила) и крикнул во весь голос:

—Я комендант Смольного Мальков. Открывай немедленно, никого не тронем. Не то забросаем ваше логово гранатами к чёртовой бабушке!..

Прошло около минуты, и дверь чуть приоткрыли, не снимая цепочки. Кто-то пристально посмотрел на меня и сказал в глубину квартиры:

—Не брешет. Верно, Мальков!

Дверь распахнулась. На пороге стоял невысокий худощавый пожилой человек с пистолетом в одной руке и гранатой в другой. Я его знал. Это был известный тогда в Питере “идейный” анархист, из тех, которые дрались лихо. Выходит, наши латыши вместо студентов нарвались на анархистов, а те, народ отчаянный, услышали, что их кто-то намеревается арестовать, и, не раздумывая долго, кинулись в драку.

Жертвы были не только с нашей стороны, у анархистов подстрелили одного из вожяков. Насмерть. Наш же командир ничего, выжил...»

Решительному командиру комендант потом с великими трудами выбивал деньги на новую шинель, ибо старая была пробита и залита кровью. Но история на этом еще не закончилась, она имела продолжение...

«На следующий день после стычки с анархистами в комендатуру Смольного явился один из них, тот, что вчера дверь нам открыл. Волосы до плеч, борода клинышком, на голове мятая фетровая шляпа, на плечи накинута тёплая пелерина — носили тогда такую одежду: пальто не пальто, а что-то вроде широкого балахона без рукавов. Вошел, сел без приглашения, небрежно развалившись на стуле. В углу рта дымится изжеванная папироса.

—Товарища нашего убили. Так? Хоронить надо по всей форме. Так? Веди к Ленину! Так.

Встал я из-за стола, подошел к нему и как мог спокойно отвечаю.

—Прежде всего сядь прилично, не в кабаке пришел. К Ленину я тебя не пущу, не о чем тебе с Лениным разговаривать. Насчет похорон можешь с управляющим делами Совнаркома Бонч-Бруевичем договориться. Только и к Бонч-Бруевичу я тебя тоже не пущу, пока не бросишь фокусничать.

Он вскипел:

—Что значит фокусничать?

—А то. Вынь сначала бомбы, — я ткнул пальцем во вздувшуюся возле пояса пузырем пелерину, — отдай пистолет, вот тогда я, так и быть, спрошу Бонч-Бруевича, захочет ли он с тобой разговаривать.

Анархист гулко расхохотался, обнажив гнилые, прокуренные зубы.

—А ты, оказывается, ушлый. Так? Ладно, на тебе бомбы, держи, буду возвращаться от вашего Бонча, возьму. Так! Веди к своему управляющему. Так.

Распахнув пелерину, он вытащил из-за пояса несколько ручных гранат-бутылок и здоровенный кольт.

—Всё?

—Нет, — говорю, — не всё. Пистолеты, что у тебя в карманах, тоже давай. Тут они тебе ни к чему.

Продолжая заливисто хохотать, анархист вынул из каждого кармана брюк по нагану и, выложив на стол, присоединил к бомбам. Я сгреб весь его арсенал в ящик стола, запер на ключ, позвонил Бонну и отправил анархиста к нему.

Вернулся мой анархист от управляющего делами Совнаркома примерно через час, вполне довольный.

—Ну вот, договорился. Так. Похороны устроим что надо, первый сорт. Так. Давай оружие. Так. Я пошёл.

—Договорился так договорился. Тем лучше. А насчёт оружия... Зачем тебе столько? Того и гляди сам взорвешься, людей покалечишь. Держи свой револьвер, — я протянул ему один наган, — а остальное пусть останется у меня, сохраннее будет.

Думал я, рассвирепеет анархист, уж больно они все до оружия были падки, однако ничего.

—Жмот ты, — говорит, — вот кто. Так! Ну, да черт с тобой, оставь себе эти цацки на память. Так. У нас этого добра хватит, не пропаду. Так!

На сей раз наша встреча с представителем анархистов закончилась мирно».

Вот такая была зимой 1917 года в славном городе Питере обстановочка.

Но если бы это было всё! С криминалом бороться проще — а что сделаешь с саботажем?

Встречный огонь

[Встречный огонь — средство для тушения больших лесных пожаров... Для отнятия кислорода от притекающего воздуха выбирают дорогу или просеку, перпендикулярную к направлению движения пожара, из срубленных деревьев образуют валы и, когда тяга делается достаточно сильной, пускают встречный огонь. Это тушение огня огнем одно из действительных средств, но очень рискованно при малейшей неосмотрительности. *Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Евфрона.*]

Волну народного гнева организовывать не стоит — поднимется сама...

Евгений Лукин. Алая аура протопарторга

Начался он ещё 26 октября, когда заседавший в здании городской думы «Комитет спасения» на ходу страстно творил «борьбу с захватчиками». Свидетельствует присутствовавший на том историческом заседании Джон Рид:

«Под гром аплодисментов было сообщено, что союз железнодорожников присоединяется к “Комитету спасения”. Через несколько минут явились почтово-телеграфные чиновники. Железнодорожники заявили, что они не признают большевиков, что они взяли весь железнодорожный аппарат в свои руки и отказываются передавать его узурпаторской власти. Делегаты от телеграфных служащих объявили, что их товарищи наотрез отказались работать, пока в министерстве находится большевистский комиссар. Работники почт отказались принимать и отправлять почту Смольного... Все телефонные провода Смольного выключены. Собрание с огромным наслаждением встретило рассказ о том, как Урицкий явился в министерство иностранных дел требовать тайных договоров и как Нератов [Вице-министр иностранных дел Временного правительства, бывший царский дипломат.] попросил его удалиться. Государственные служащие повсюду бросали работу.

Это была война — сознательно обдуманная война чисто русского типа, путем стачек и саботажа. Председатель огласил при нас список поручений. Такой-то должен обойти все министерства, такой-то — отправиться в банки... несколько человек были разосланы по провинциальным городам для организации местных отделов “Комитета спасения” и для объединения всех антибольшевистских элементов.

Настроение было приподнятое: “Эти большевики хотят попробовать диктовать свою волю интеллигенции?.. Ну, мы им покажем!..”»

Это была пока что наполовину стихийная стачка. Чиновники, политизированные, как и все общество, всего лишь «не признавали» Советскую власть и отказывались выполнять ее распоряжения. 27 октября на чрезвычайном заседании Петроградской городской думы представитель Союза служащих государственных учреждений заявил: «Мы не считаем возможным отдать свой опыт, свои знания и самый аппарат управления насильникам». Те, кто не были политизированы, подчинялись стадному чувству или просто боялись: за сотрудничество с новой властью коллеги могли объявить «штрейкбрехером», подвергнуть остракизму и когда большевики падут, работать на прежнем месте будет невозможно — а время тяжёлое...

Как это выглядело в натуре, рассказывает Джон Рид:

«Вместо того, чтобы открыть банки, как приказал Военно-революционный комитет, Союз банковских служащих созвал собрание своих членов и формально объявил забастовку. Смольный затребовал от Государственного банка около тридцати пяти миллионов рублей, но кассир запер подвалы и выдавал деньги только членам Временного правительства. Контрреволюционеры пользовались государственным банком, как политическим орудием. Так, например, когда Викжель требовал денег на жалованье рабочим и служащим государственных железных дорог, ему отвечали: “Обратитесь в Смольный...”»

Я отправился в Государственный банк, чтобы повидать нового комиссара, рыжеволосого украинского большевика по имени Петрович. Он пытался навести хоть какой-нибудь порядок в делах банка, оставленных в хаотическом состоянии забастовавшими служащими. Во всех отделах огромного учреждения работали добровольцы: рабочие, солдаты, матросы. Высунув языки от огромного напряжения, они тщетно старались разобраться в огромных бухгалтерских книгах...»

«Троцкий явился в министерство иностранных дел. Чиновники отказались признавать его и заперлись в своих помещениях, а когда двери были взломаны, они все подали в отставку. Он потребовал ключи от архивов. Ключи были выданы ему только после того, как вызванные им рабочие явились взламывать замки. Тогда оказалось, что бывший товарищ министра иностранных дел Нератов скрылся и унес с собой все договоры...»

Шляпников пытался овладеть министерством труда. Стояла жестокая стужа, а в министерстве некому было затопить печи. Служащих было несколько сот, но ни один из них не захотел показать Шляпникову, где находится кабинет министра...

Александра Коллонтай, назначенная 31 октября комиссаром социального обеспечения, была в министерстве встречена забастовкой; на работу вышло всего сорок служащих. Это сейчас же крайне тяжело отразилось на всей бедноте крупных городских центров и на лицах, содержащихся в приютах и благотворительных учреждениях,- все они попали в безвыходное положение. Здание министерства осаждалось делегациями голодающих калек и сирот с бледными, истощенными лицами. Расстроенная до слез Коллонтай велела арестовать забастовщиков и не выпустила их, пока они не отдали ключей от учреждения и сейфа. Но когда она получила эти ключи, то выяснилось, что ее предшественница, графиня Панина, скрылась со всеми фондами. Графиня отказалась сдавать их кому бы то ни было, кроме Учредительного Собрания.

То же самое творилось в министерстве земледелия, в министерстве продовольствия, в министерстве финансов. Чиновники, которым было приказано выйти

на работу под страхом лишения места и права на пенсию, либо продолжали бастовать, либо возобновляли работу только для того, чтобы саботировать. Так как почти вся интеллигенция была против большевиков, то набирать новые штаты Советскому правительству было не из кого.

Частные банки упрямо не желали открываться, но спекулянты отлично обделывали в них свои дела с заднего крыльца. Когда появлялись большевистские комиссары, служащие уходили, причем прятали книги и уносили с собой фонды. Бастовали и все чиновники Государственного банка, кроме служащих в подвалах и в экспедиции заготовления государственных бумаг, которые отвечали отказами на все требования Смольного и при этом частным образом выдавали большие суммы “Комитету спасения” и городской думе.

В банк два раза являлся комиссар с ротой красногвардейцев и официально требовал выдачи крупных сумм на нужды правительства. В первый раз его встретили члены думы, а также меньшевистские и эсеровские вожди. Их было так много и они так серьезно говорили о возможных последствиях насильственных действий, что комиссар оказался утраченным. Во второй раз он явился с официальным мандатом и прочитал его вслух. Но тут кто-то заметил ему, что на мандате не было ни даты, ни печати. И традиционное для России почтение к “бумаге” заставило комиссара снова удалиться ни с чем.

Чиновники кредитной канцелярии уничтожили свои книги, так что установить картину финансовых отношений России с другими государствами оказалось совершенно невозможным.

Продовольственные комитеты и администрация муниципальных предприятий общественного пользования либо не работали вовсе, либо саботировали. А когда большевики, видя ужасную нужду городского населения, пытались помочь делу или взять его в свои руки, служащие немедленно бросали работу, а дума наводняла всю Россию телеграммами о том, что большевики “нарушают автономию городского самоуправления”.

В военных штабах, в учреждениях военного и морского министерств, служащие которых согласились продолжать работать, ожесточенное сопротивление Советам оказывали армейские комитеты и высшее командование. Они саботировали, как только могли, даже если это отражалось на положении фронта. Викжель был настроен враждебно и отказывался перевозить советские войска. Каждый эшелон, отправляемый из Петрограда, буквально пробивал себе дорогу силой, приходилось постоянно арестовывать железнодорожных служащих. Тут на сцену выступал Викжель и требовал освобождения арестованных, угрожая немедленно объявить всеобщую забастовку.

Смольный был явно бессилён. Газеты твердили, что через три недели все петроградские фабрики и заводы останутся из-за отсутствия топлива. Викжель объявлял, что к первому декабря прекратится железнодорожное движение. В Петрограде оставалось хлеба всего на три дня, а новых запасов не подвозилось. Армия на фронте голодала... “Комитет спасения” и всевозможные центральные комитеты рассылали по всей стране призывы к населению не обращать никакого внимания на декреты правительства. Союзные посольства выказывали либо холодное безразличие, либо открытую враждебность.

Оппозиционные газеты, ежедневно закрываемые и на следующее же утро выходящие под новыми названиями, осыпали новый режим ядовитыми насмешками. Даже “Новая Жизнь” характеризовала его как “комбинацию из демагогии и бессилия”.

“С каждым днем, — писала она, — правительство Народных Комиссаров запутывается все более и более в проклятой прозе обыденщины. Так легко захватив власть, большевики никак не могут вступить фактически во владение ею.

Бессильные овладеть существующим механизмом государства, они не могут в то же время создать новый, который легко и свободно работал бы по указке социалистов-экспериментаторов.

Ведь если ещё так недавно большевикам не хватало людей для очередной работы в растущей партии, — работы прежде всего языком и пером, то откуда же могли бы появиться у них люди для выполнения многообразных и сложнейших специальных задач государственной жизни?

Новая власть рвет и мечет, засыпает страну декретами, один другого “радикальнее и социалистичнее”. Но в этом бумажном социализме, предназначенном более на предмет ошеломления наших потомков, нет ни желания, ни умения разрешить очередные вопросы дня...”»

Уже в первые дни после переворота в Петрограде бастовали около 10 тысяч служащих банков, 6 тысяч почтовых работников, 4,7 тысячи телеграфистов, 3 тысячи приказчиков, 20 тысяч конторщиков. Перед уходом они старались как можно больше напакостить новым хозяевам: путали делопроизводство, прятали материалы, уносили по домам ключи от сейфов.

(Что забавно, категорически не хотело бастовать министерство двора. Начальник его канцелярии князь Гагарин и его заместитель барон фон дер Штакельберг пришли в Луначарскому, заявив: «Мы готовим докладные записки для министра, бастовать не собираемся, а ликвидировать нас не нужно». Но на что большевикам министерство двора?)

Любопытно, что против забастовки высказался и союз судей, заявивший, что суд не должен бастовать, иначе появятся самозванные трибуналы. Впрочем, как бы то ни было, а революционные трибуналы появились в начале ноября, оставив старым судам в основном некую крупную уголовщину.)

В принципе, понять логику забастовщиков нетрудно. В городе хаос, с юга идет Керенский, навстречу ему поднимается мятеж — завтра «узурпаторов» скинут и все участники стачки получат большое и горячее «спасибо» от нового правительства. Однако после разгрома Керенского и юнкеров надежды на скорый, в течение нескольких дней, крах большевиков несколько увяли, а кое-где бастовать стало уже и немножко страшно. А ну как арестуют?! После 31 октября стихийная забастовка должна была прекратиться. Но к тому времени она уже не была стихийной.

Как мы видели, организовывал саботаж явочным порядком «Комитет спасения», который вскоре прекратил свое существование, передав эстафетную палочку нескольким структурам.

Основной из них был так называемый «Союз союзов», объединявший служащих государственных учреждений столицы. Его начали создавать еще в июле 1917 года, а окончательно оформился он в октябре. Ведущую роль в нем играли крупные чиновники, связанные, естественно, с партией кадетов — не с эсерами же! Значился также среди организаторов саботажа «Совет депутатов трудовой интеллигенции», образованный в мае. У него были тесные связи с профессиональными объединениями, такими, как советы врачей, инженеров, а также с более интересными структурами, вроде союза казачьих войск, совета офицерских депутатов (был и такой) и обществом фабрикантов и заводчиков. Эти две структуры и взяли на себя координацию и проведение стачки, которая разрасталась, захватывая все новые и новые организации.

Буржуазные газеты, чуть торжествуя, чуть иронично печатали хронику забастовки:

«К начальнику управления общих дел министерства продовольствия явился представитель Военно-революционного комитета — матрос гвардейского экипажа. На вопрос начальника управления, чем он может служить, матрос ответил:

—Нам необходимо получить от вас сведения о наличии мяса в Петрограде, и в частности в холодильниках на Черниговской улице.

Начальник управления отказался дать требуемые сведения, указав, что согласно постановлению общего собрания служащих он ни в какие отношения или беседы с представителем Военно-революционного комитета входить не может...

Уходя, матрос добавил запальчиво:

—В таком случае мы реквизируем все мясо и тогда уже узнаем, сколько его...»

«Служащие петроградских сберегательных касс на собрании 15 ноября постановили провести полную забастовку 16 и 17 ноября. Комиссар, бывший мелкий чиновник сберегательных касс Овчаров, огласил приказ о том, что все служащие увольняются от службы от 14 ноября за саботаж. В ответ на это собрание предложило комиссару удалиться».

«Служащие министерства государственного призрения глубоко возмущены грубым насилием, допущенным А. Коллонтай и ее прислужниками, подвергнувшими незаконному лишению свободы Н. И. Чернявского, Я. Н. Колубовского, А. В. Волкова и В. Н. Маркузе за отказ выдать добровольно ключи от кассы министерства, захваченной насильниками, приветствуют мужественный и достойный образ действий своих дорогих сослуживцев и выражают им горячее сочувствие».

Сейчас, имея за плечами опыт XX века, читать все это странно. Сегодня мы точно знаем рецепт лекарства от саботажа: если бы большевики расстреляли по несколько самых активных «протестантов» в каждом ведомстве, назавтра все чиновники были бы на своих местах. Но «кровавые отморозки» действовали иначе. В приказе ВРК о борьбе с саботажем говорилось:

«Чиновники государственных и общественных учреждений, саботирующие работу важнейших отраслей народной жизни, объявляются врагами народа.

Их имена будут отныне опубликовываться во всех советских изданиях, и списки врагов народа будут вывешиваться во всех публичных местах.

Люди, которые усугубляют хозяйственную разруху и подрывают продовольствие армии и страны, являются отверженцами и не имеют права на пощаду. Они объявляются под общественным бойкотом...»

Ой, как страшно!

* * *

Интересно, когда большевики соизволили вспомнить собственный опыт организации подобных мероприятий? Уж они-то знали о стачках все!

Дело в том, что любая забастовка упирается в простой вопрос: на что будут жить забастовщики? Возможно, крупные чиновники и согласятся «потерпеть» — но рядовые служащие министерств и ведомств едва ли захотят отстаивать демократию за собственный счёт.

У рабочих организаций на этот случай существуют особые стачечные фонды. Естественно, у «Союза союзов» ничего подобного не было — кто предполагал, что им когда-либо придется бастовать? Тогда откуда деньги?

По-видимому, слегка отойдя от октябрьской эйфории, большевики вспомнили и прежние конспиративные привычки, в том числе навыки работы партийных служб безопасности. Достаточно быстро выяснилось, что в начале стачки чиновникам выдали жалованье за два месяца вперед. Новая логика была так же прозрачна, как и старая: парализовать работу государственного аппарата вплоть до Учредительного Собрания и возобновить ее сразу же, как только в Зимний придет «законное правительство».

К 19 ноября большевики это знали, потому что в постановлении Совнаркома, помеченном этой датой, говорится:

«Если выяснится, что служащие министерств получили свое жалование по 1 января 1918 года, то принять самые энергичные революционные меры для возвращения этих денег обратно по ведомствам. Перед арестом и преданием революционному суду не останавливаться. Предложить служащим, получившим жалование вперед, или: 1) работать, подчиняясь власти правительства, или 2) вернуть деньги. В случае отказа судить их как за воровство народного имущества».

Естественно, не подействовало, и подействовать не могло. Над угрозой ареста нескольких десятков тысяч чиновников по тому времени можно было только смеяться. Что с возу упало, то пропало — но впредь допускать финансирование стачечников из государственного бюджета власти были не намерены. Впрочем, как и из любого другого...

20 ноября нарком финансов Менжинский на заседании Совнаркома огласил перехваченную телеграмму:

«...Общегубернский комитет правительственных учреждений... убедительно просит Малый совет министров телеграфно распорядиться о выдаче содержания за три месяца вперед».

Ясно было, что Малый Совет Министров не замедлит выполнить эту просьбу, так что дозревший к тому времени до репрессий Совнарком решил арестовать всех членов упомянутого органа.

Кроме этих, были и другие источники финансирования. В «Истории гражданской войны» они перечисляются:

«Руководители саботажников были связаны с крупнейшими капиталистическими организациями страны, оказывавшими финансовую поддержку бастующим чиновникам. Сам Лаппо-Старженецкий был связан с фирмой Эрикссон, с представителем французских торговых фирм М. Ферраном, с акционерным обществом соединенных кабельных заводов, акционерным обществом Сименс-Шуккерт и другими организациями. Саботажник получали также финансовую поддержку от торгового дома Ивана Стахеева в Москве, от Кавказского банка, Тульского поземельного банка, Московского народного банка и целого ряда частных лиц, представителей крупной промышленности и торговли... По свидетельству бывшего товарища министра юстиции Демьянова, министры свергнутого Временного правительства захватили из Государственного банка 40 миллионов рублей и из этих сумм финансировали саботажников. Комитет саботажников частных банков создал двухмиллионный фонд для поддержки забастовки чиновников. Руководитель этого комитета Л. В. Теслер передал председателю “Союза союзов” А. М. Кондратьеву полтора миллиона рублей. Поддерживала саботажников также и французская миссия через Русско-азиатский и другие банки. Активно собирались деньги членами саботажнического центра и по подписным листам» [История гражданской войны. Т. 2 М., 1947. С. 523.]

Нельзя сказать, чтобы все забастовщики держались — кое с кем народным комиссарам удалось справиться. Постепенно начинали работу банки и сберегательные кассы; судя по тому, что на заседаниях Совнаркома обсуждалось повышение зарплаты служащим почт и телеграфов, сдались и они. Но их место в рядах забастовщиков занимали другие ведомства. В конце ноября началась забастовка служащих Особого совещания по топливу — это было уже очень опасно, поскольку грозило параличом оставшейся промышленности. Если что и могло быть хуже, так лишь следующая на очереди забастовка чиновников продовольственного отдела Петроградской городской управы. Для полноты картины «Союз союзов» решил объявить всероссийскую политическую стачку.

К тому времени было давно известно, что за забастовкой чиновников стоит партия кадетов. Видные кадеты — Кутлер, Гессен, Хрущев, Кизеветтер, Лаппо-Старженецкий и другие — возглавляли саботажнические организации. Это послужило одной из основных причин запрета партии и ареста её лидеров. Но репрессии

подействовали слабо, ибо одно дело снять партийную верхушку и совсем другое — развалить партийные структуры, которые могли действовать и автономно. Это большевики тоже знали отлично, по опыту собственной работы.

Но был у них и свет в конце туннеля — жалованье выдано за два месяца, к Новому году этот срок истекал. И если к тому времени выявить и обезвредить стачечный комитет... Но для этого надо было поступиться принципами и создать специальную службу, аналог царской охраны.

Её в любом случае надо было создавать — едва ли большевики питали на этот счет какие-либо иллюзии. Органов, частично выполнявших подобные функции, в то время имелось множество: следственная комиссия при Петроградском совете, Военно-морская следственная комиссия, Комитет по борьбе с погромами при ВЦИК, наркомат внутренних дел. 21 ноября к ним прибавилась комиссия при ВРК по борьбе с контрреволюцией, наверняка были свои структуры в районах и даже на заводах... Можно себе представить, какой там царил хаос!

Впрочем, пока что на саботаж Совнарком решил отреагировать созданием очередной специализированной комиссии. 6 декабря он принял решение: *«В связи с предположением о всероссийской забастовке служащих Государственного банка поручить Дзержинскому составить особую комиссию для выяснения самых энергичных и революционных мер для подавления злостного саботажа».*

Как дата, так и выбор организатора новой комиссии далеко не случайны. 5 декабря объявил о самороспуске Военно-революционный комитет, который, в числе прочих обязанностей, занимался и борьбой с контрреволюцией. Приказала долго жить самая толковая из подобных структур. Значит, надо было либо возлагать обязанности политической полиции на наркомат внутренних дел, либо создавать что-то новое.

Можно представить себе ужас наркома внутренних дел Петровского при одной мысли о том, чтобы взять на себя еще и эту работу. Начиная с 1917 года, НКВД традиционно был свалкой поручений, которые не знали, куда приткнуть. К тому времени он уже занимался местным управлением и самоуправлением, воинской повинностью, беженцами, только что образованной рабоче-крестьянской милицией, статистикой, почему-то ветеринарным делом — вот только борьбы с контрреволюцией ему и не хватало!

Что же касается лично Дзержинского — то именно этот человек в первые послереволюционные дни отдавал распоряжения об аресте контрреволюционеров. Он же занимался организацией охраны Смольного. В сферу его ответственности входили охрана винных складов, реквизиция товаров у спекулянтов, разрешение митингов и собраний, охрана границ, руководство розыском ценностей, похищенных в Зимнем дворце и многие аналогичные *специальные* функции. 15 ноября он назначается в Коллегию при комиссаре Министерства внутренних дел, 21 ноября по его предложению создается отдел по борьбе с контрреволюцией в составе ВРК. Он же лично занимался и расследованием дел, связанных с саботажем. И уживаться с Петровским в одной структуре он уж точно не захотел бы, да и не смог. Не тот масштаб личности.

7 декабря Дзержинский доложил Совнаркому свои предложения об организации комиссии по борьбе с саботажем. Дальше, по-видимому, произошел «мозговой штурм», потому что на свет появился совсем другой орган, а именно — Всероссийская Чрезвычайная комиссия при Совете Народных Комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Задачи ее формулировались следующим образом: *«Пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России, от кого бы они ни исходили. Предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер по борьбе с ними».*

Во главе чрезвычайной комиссии стал Дзержинский — кстати, знакомый с методами работы тайной полиции не понаслышке. Трудно сказать, чего было больше в его жизни: нелегальной работы, когда он противостоял оперативным усилиям охраны,

или тюрем, когда на собственном опыте изучал организацию следствия и режим содержания заключенных — но и то, и другое, и третье он успел за свою бурную жизнь узнать превосходно.

Пока что комиссия имела право вести только предварительное расследование. Оговаривались и меры, которые должны были применяться к ее контингенту: конфискация, выдворение, лишение карточек, внесение в регулярно публикуемые списки врагов народа... Эх, до чего же романтичное было время!

На ВЧК искания Советской власти по части «комиссий по борьбе» закончились, дальше пошло разветвление самой структуры. Уже 11 декабря, через четыре дня после основания, в ее составе появился отдел по борьбе со спекуляцией. В тот же день начались аресты фальшивомонетчиков. 19 декабря, в ходе решения текущего вопроса, председатель ВЧК Дзержинский упоминает еще одну сферу деятельности — мародерство. В январе 1918 года появился банковский подотдел, который вскоре трансформировался в отдел по борьбе с преступлениями по должности. В конце зимы структура уже именуется Комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем, спекуляцией и преступлениями по должности. Получилось несколько длинно, так что через некоторое время в ход пошла аббревиатура ВЧК, без «хвоста» — которая потом и вошла в историю.

...Но вернёмся к саботажу. По-видимому, у Дзержинского к тому времени было достаточно информации об его организации и структуре, потому что действовать он начал очень быстро. Уже 22 декабря чекисты нанесли визит в помещение «Совета трудовой интеллигенции» на Литейном. В ордере сказано: *«Предписывается произвести обыск по Литейному, 46, кв. 17 и задержать всех заподозренных лиц, в том числе Валединского, который публично собирал деньги для саботажников».*

Налет прошёл на редкость удачно. Среди прочих задержанных оказался чиновник министерства внутренних дел А.М. Кондратьев, тот самый, председатель «Союза союзов». У него изъяли бумаги Союза, записную книжку, при обыске в помещении нашли подписные листы, визитные карточки. Да, конспираторами кадеты и саботажники оказались никакими — впрочем, откуда бы им набраться такого опыта?

В записной книжке Кондратьева содержалась вся бухгалтерия саботажников — взносы, фамилии, адреса. Дальнейшее было уже делом техники. 23 декабря чекисты поехали с обысками по квартирам.

После Нового года чиновники оказались в сложном положении. Жалованья от стачечного комитета больше не было, надежды на Учредительное Собрание провалились, а реквизиции, трудовая повинность и усугубляющиеся трудности с продовольствием заставляли дорожить статусом советского служащего. На некоторое время проблема саботажа была решена. Правда, оставалась еще проблема вредительства, а также бардака и халтуры — но это уже совсем другая история...

Кстати, ничего страшного с арестованными не произошло. В течение ближайших двух месяцев освобождены были все, кроме Кондратьева. 2 марта следственная комиссия освободила и его. Нужды содержать председателя «Союза союзов» под стражей больше не было: лишённая организующей силы, а главное, финансирования, забастовка утонула сама собой. А по понятиям того времени (ибо законов-то еще не написали), если арестованный не представлял больше «социальной опасности», то его можно было и отпустить.

Что же касается нежелательных последствий при применении «встречного огня» — они таки были. Саботаж привел к нескольким неожиданным для его организаторов результатам. Они рассчитывали, что, не в силах справиться с управлением, большевики либо сложат полномочия и уйдут, либо сдадутся на милость тех, кто управляет чиновниками. Но вышло не так. Исчерпав обычные методы, новая власть пустила в дело свой последний резерв — силу. А сила у неё была.

Так и вышло, как говорил матрос, пришедший с визитом в министерство продовольствия. Если не удастся получить сведения о наличии продовольствия, стало

быть, надо его реквизировать, а потом подсчитать. Если не действуют финансовые механизмы, значит, введем прямое распределение. Отряды матросов и красногвардейцев обыскивали торговые и железнодорожные склады, проверяли эшелоны, баржи, реквизируя все найденное продовольствие. В провинции были конфискованы склады крупных торговцев. Фабзавкомы собрали металл и мануфактуру и отправили в Сибирь тринадцать поездов, чтобы выменять на эти товары продовольствие для голодающей столицы. Именно в эти два месяца было положено начало силовому управлению экономикой, на которое так и не решилось Временное правительство. Большевики переступили черту, за которой были внеэкономические методы и, сначала осторожно, а потом все более смело занялись сначала реквизициями, потом конфискациями, потом национализацией... Кто их знает, в какие формы вылились бы социалистические теории большевиков, если бы в самом начале работы их не встретили разбросанные счета и пустые столы министерств...

Битва за кадры, которые решают всё

—И в чём мораль басни?
—Какую тебе ещё мораль? Это жизнь. Откуда в жизни мораль?

Сергей Чичин. Гнев генерала Панка

Организовать ВЧК было нетрудно: что-что, а как должна строиться полиция, как явная, так и тайная, большевики знали превосходно. Сложнее оказалось с другими структурами. Власть затеяла слом старого государственного аппарата — стало быть, надо организовывать новый. Так?

В самые первые дни это выглядело просто сказочно. Как было принято решение об образовании Совнаркома, вспоминал потом Троцкий:

«Летучее заседание в углу комнаты.

—Как назвать? — рассуждает вслух Ленин. — Только не министрами — гнусное, истрепанное название.

—Можно бы комиссарами, — предлагаю я... Нельзя ли “народные”?

—Совет народных комиссаров? — подхватывает Ленин. — Это превосходно: ужасно пахнет революцией!»

Первоначально правительство состояло из пятнадцати наркомов, персонально: аппарата у них не было. Вот как описываются в «Истории гражданской войны» первые часы работы наркомата финансов:

«Товарищ Менжинский 30 октября был назначен народным комиссаром финансов.

Для того, чтобы немедленно выполнить постановление правительства, товарищ Менжинский с одним из товарищей принес в комнату управления делами Совнаркома большой диван и укрепил над ним надпись: “комиссариат финансов”. Затем уставший от бессонных ночей товарищ Менжинский тут же улегся спать.

Владимир Ильич прочитал надпись над спящим комиссаром и, смеясь, сказал: “Очень хорошо, что комиссары начинают с того, что подкрепляются силами”».

Джон Рид описывает Менжинского так: *«Наверху, в столовой, сидел, забившись в угол, человек в меховой папахе и в том самом костюме, в котором он... я хотел сказать, проспал ночь, но он провел ее без сна. Лицо его заросло трехдневной щетиной. Он нервно писал что-то на грязном конверте и в раздумье покусывал карандаш. То был комиссар*

финансов Менжинский, вся подготовка которого заключалась в том, что он когда-то служил конторщиком во Французском банке...»

...Сталин, нарком по делам национальностей, не озаботился даже тем, чтобы повесить на стену табличку. Правда, вскоре у него нашелся помощник: в начале ноября к наркомнацу прикрепили «опытного аппаратчика» Пестковского. Опыт у него действительно был, ибо данный товарищ успел поработать в ВРК, наркоминделе и наркомфине, почему-то нигде не задержавшись. После назначения он нашел своего комиссара.

«Товарищ Сталин, — спросил он. — Вы народный комиссар по делам национальностей?»

—Я.

—А комиссариат у вас есть?

—Нет.

—Ну, так я вам сделаю комиссариат.

—Что вам для этого нужно?

—Пока только мандат на предмет “оказывания содействия”» [Цит. По Кардашов В., Семанов С. Сталин. М., 1997. С. 100.].

Сталин выдал ему мандат и снова исчез в лабиринтах Смольного, а Пестковский приступил к организации. Вдвоем с приятелем он поставил в одной из комнат столик, третий по счету в данном помещении, написал на листе бумаги название и снова отправился за комиссаром.

«—Товарищ Сталин, идите смотреть ваги комиссариат.

Невозмутимый Сталин даже не удивился такому быстрому “устройству” и зашагал за мной по коридору пока мы не пришли в “комиссариат”. Здесь я отрекомендовал ему т. Сенюту [Феликс Сенюта до того, как принял «канцелярию наркомнаца», был сапожником. Занятно!], назвав его “заведующим канцелярией” Наркомнаца. Сталин согласился, окинул взглядом “комиссариат” и издал какой-то неопределенный звук, выражающий не то одобрение, не то недовольство и отправился обратно в кабинет Ильича» [Там же. С. 101.].

Но дальше все оказалось сложнее, поскольку надо было начинать работу. Хорошо Сталину — национальные вопросы могут и подождать, не горит — а как быть тому же Менжинскому, если при его появлении в банке или министерстве кабинеты мгновенно пустели?

А вот МИД опустел явно на свою голову. Троцкий все-таки сумел раздобыть секретные договоры, поручив дальнейшую их судьбу матросу Маркину. Тот отыскал переводчиков и издал шесть выпусков «Сборника секретных документов». За каждый из таких сборников разгоралась настоящая война. Служившие в Петрограде дипломаты мгновенно расхватывали выпуски для нужд своей работы, а забастовочный комитет министерства иностранных дел, стараясь опередить их, скупал и уничтожал компрометирующие издания.

Одно из первых деяний наркомпроса было чрезвычайно своевременным — он назначил в музеи и дворцы столицы комиссаров, которые организовывали охрану ценностей. Ему было проще, поскольку школы и издательства в общем-то работали. Ясно было, что раньше или позже, но все же удастся заставить работать и прежние министерства. А вот с промышленностью было сложнее всего.

Трудно сказать, каким видели большевики будущее экономики и видели ли его вообще иначе, чем в густом тумане — однако катастрофическое положение промышленности и грядущее большое количество национализации заставляло задуматься о том, как всем этим управлять. Идеи возникали, как водится... разные.

Декретом от 15 ноября Совнарком установил рабочий контроль над производством. Осуществлять его должны были выборные организации рабочих — в

основном, фабзавкомы. Коммерческая тайна отменялась, владельцы обязаны предъявлять для контроля все документы. Однако результаты оказались грустными. Примененный напрямую рабочий контроль в лучшем случае не решал ничего, в худшем — играл роль лома в шестерёнках.

И здесь просто нельзя не сказать об одной особенности ранней советской власти, которая сохранилась надолго: ее исторические декреты часто писались вообще не в расчете на выполнение. Пять лет спустя, в 1922 году, на XI съезде РКП(б), Ленин сам в этом признавался.

«У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют... но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть и сказали рядовому крестьянину, рядовому рабочему: вот как нам хотелось бы, чтобы государство управлялось, вот декрет, попробуйте».

Декрет о рабочем контроле был явно из этого ряда. Тем более, что еще 26 и 27 октября работники центрального совета фабрично-заводских комитетов совместно с Лениным рассматривали проект создания единого органа управления хозяйством страны — Высшего совета народного хозяйства.

Идеи по этому поводу также выдвигались всякие. Например, совершенно устрашающее предложение передать управление экономикой профсоюзам. Или создать управляющий орган из осколков старых правительственных структур, введя туда капиталистов и представителей общественных организаций, на что Ленин резонно заявил, что ВСНХ — не парламент. В конце концов, 1 декабря ВЦИК принял декрет о создании Высшего совета народного хозяйства как государственного органа управления экономикой. Именно из этого зернышка, посеянного посреди полумертвых петроградских заводов, вырастет потом гигант государственной плановой экономики, заставивший капиталистов-«рыночников» положить колоссальные силы и средства, чтобы уничтожить Советский Союз как носитель этой смертельно опасной для нарождающегося глобализма формы управления.

* * *

Но пока и ВСНХ был всего лишь красивым декретом, как многие другие. Перед большевиками в полный рост стояла проблема кадров. У них не хватало всех — от специалистов до тех, кто элементарно способен разобрать письмо и на машинке одним пальцем отстучать ответ.

Ещё 29 октября ВРК обратился ко всем районным военно-революционным комитетам со следующим предписанием:

«Сообщите всем фабрично-заводским комитетам, районным правлениям профессиональных обществ, больничным кассам, партийным комитетам и прочим пролетарским организациям, чтобы они немедленно выявили лиц, эголающих работать в революционных организациях в качестве бухгалтеров, машинисток, писцов, артельщиков, посыльных служащих и пр. (независимо от пола) на постоянных или временных должностях».

17 ноября соответствующее постановление издал и Петросовет:

«1. Порвать решительно и немедленно с гнилым буржуазным предрассудком, будто управлять государством могут только буржуазные чиновники.

2. Разделить без всякой оттяжки районные и общегородские Советы на отделы, из которых каждый берет на себя ближайшее участие в той или иной области государственного управления.

3. Привлечь к каждому такому отделу наиболее сознательных и способных к организационной работе товарищей с заводов и из полков и направить полученные таким образом силы на помощь каждому народному комиссариату.

Пусть всякий сознательный рабочий и солдат поймет, что только самостоятельность, энергия, энтузиазм трудящихся смогут упрочить победу начавшейся социальной революции. Пусть каждая группа рабочих и солдат выделяет таящиеся в народе и придавленные до сих пор гнетом капитала и нужды организаторские силы».

Люди требовались везде. Рабочие становились машинистками, курьерами, делопроизводителями, курьеры — начальниками отделений. Подполковник Муравьев стал командующим армией, а прапорщик Дыбенко — главнокомандующим. Новая власть не брезговала никем. Любого человек, изъявивший желание с ней сотрудничать, мог рассчитывать не просто на понимание, но и на очень хорошую карьеру.

В этом смысле показательны две истории. Одна из них принадлежит всё тому же Малькову и произошла 31 октября, сразу же после разгрома Краснова.

«Когда я направлялся в комендатуру, меня окликнул Манаенко.

—Павел, тут к тебе один твой дружок пришел, в комендатуре дожидается! — Манаенко подмигнул и хитро улыбнулся.

Что ещё за “дружок”? Открыл дверь комендатуры, глянул — батюшки вы мои светлы! Вот так гость! Вытянулся нарочно у порога и рывкнул не своим голосом:

—Здравия желаю, ваше благородие!

Передо мной сидел не кто иной, как бывший командир крейсера “Диана” капитан первого ранга Иванов 7-й, Модест Васильевич [В царской армии и на флоте, когда несколько офицеров одного подразделения или соединения носили одну и ту же фамилию к ней добавлялся порядковый номер: Иванов 7-й, Петров 4-й, Васильев 2-й и т. д.]. Только в каком виде? От блестящего флотского офицера не осталось и следа. Вместо белоснежной фуражки на его голове красовалась грязная драная папаха; вместо расшитого золотом морского мундира на плечах болталась серая, затасканная, местами изодранная в клочья солдатская шинель.

Злобы против капитана я никогда не имел, наоборот, всегда относился к нему с уважением. Человек он был неглупый, прямой и к нашему брату, матросу, относился неплохо. Навсегда запомнилось его поведение во время восстания на “Гангуте”, когда он не допустил участия команды “Дианы” в карательной экспедиции против мятежного крейсера. Запомнилось и его поведение во время волынки у нас на “Диане”, чуть не вылившейся в бунт. Ведь все это сошло тогда нам с рук, никто из матросов не пострадал, хотя кое-кто из офицеров и хотел разделаться с зачинщиками.

Да, Модеста Васильевича Иванова матросы знали хорошо, уважали его, верили ему. Недаром в Октябрьские дни, когда встал вопрос о составе коллегии по морским делам, мы — Ховрин, я, другие матросы — рекомендовали капитана первого ранга Иванова. И вот Модест Васильевич, мой бывший командир, здесь, в Смольном. Но в каком виде? Что за маскарад?

—Что, братец, уставился? Трудно узнать капитана первого ранга? — произнёс Модест Васильевич с горькой улыбкой.

Из его рассказа я узнал, что еще в момент Октябрьского восстания Иванов заявил некоторым офицерам, предложившим ему принять участие в борьбе против большевиков, что против своего народа, против России не пойдет. Его тут же окрестили “большевиком” и пригрозили расправой.

Сразу после восстания он уехал в Царское Село, где жила его семья: собраться с мыслями, как он объяснил. Там, в Царском Селе, на его дачу напали красновцы, все разграбили, сам еле живой ушел. Спасибо, бывший вестовой помог достать эту шинелишку.

—Зато теперь во всём разобрался! — закончил свой печальный рассказ бывший командир “Дианы”.

Я взволнованно пожал руку капитану первого ранга и отправился разыскивать Подвойского, чтобы рассказать ему всю эту историю. А через день или два, 4 ноября 1917 года, я прочитал подписанное Лениным постановление Совнаркома: “Назначить капитана первого ранга Модеста Иванова товарищем морского министра с исполнением обязанностей председателя Верховной Коллегии Морского Министерства”».

Другую историю рассказал ещё более интересный человек — некто Владимир Георгиевич Орлов, бывший судебный следователь в Польше, занимавшийся особо важными политическими преступлениями. В 1917 году по поручению командования Добровольческой армии он работал в Петроградской следственной комиссии в качестве тайного агента белогвардейцев. И вот какая у него тогда вышла встреча...

«Однажды, когда я в следственной комнате суда допрашивал одного матроса, меня заставил вдруг насторожиться, казалось бы, совсем незначительный факт. Я заметил, что в суд вошли трое мужчин в шинелях. Собственно, то, что они были в шинелях, неудивительно, я и сам ходил в шинели и сапогах, носил бороду и очки в металлической оправе. А насторожило меня то, что на протяжении всего допроса один из этих троих пристально смотрел на меня.

Вдруг ко мне подошел служитель суда и сказал: “Пожалуйста, заканчивайте допрос. Здесь председатель ВЧК Дзержинский. Он хочет поговорить с вами”.

Я был удивлён. Что нужно этому совершенно незнакомому мне человеку? Матроса увели, и человек, который так пристально наблюдал за мной, медленно подошел, по-прежнему не сводя с меня глаз. Я побледнел. Где я видел это лицо раньше?»

Орлов тут же вспомнил, где видел этого человека. Во время работы в Варшаве он в течение восьми месяцев вел следствие по его делу, в результате которого Дзержинского отправили на каторгу. Нетрудно догадаться, какие чувства испытывал Орлов.

«Перед моим мысленным взором возникла виселица, и я понял, что со мной покончено. Все это промелькнуло перед моим затуманенным взором за считанные секунды...

—Вы Орлов? — спокойно спросил меня самый могущественный человек Советской России. Выражение его лица при этом нисколько не изменилось.

—Да, я Орлов.

Дзержинский протянул мне руку:

—Это очень хорошо, Орлов, что вы сейчас на нашей стороне. Нам нужны такие квалифицированные юристы, как вы. Если вам когда-нибудь что-то понадобится, обращайтесь прямо ко мне в Москву. А сейчас прошу извинить меня, я очень спешу. Я только хотел убедиться, что я не ошибся. До свидания.

Месяц спустя мне действительно пришлось поехать в Москву. Я приехал в пять часов вечера... и попытался снять номер в гостинице. В одиннадцать часов вечера я понял, что мои попытки тщетны, и, наконец, решил обратиться к Дзержинскому и попросить его найти для меня номер в гостинице. Удивительно, но на мой звонок он откликнулся сразу же.

Моё служебное удостоверение открыло мне двери в ЧК. Дзержинский сидел в своем кабинете и пил чай из оловянной кружки. Рядом стояла тарелка и лежала оловянная ложка. Он только что закончил ужинать.

Я снова обратился к нему с просьбой найти мне жильё на три дня, поскольку я участвовал в расследовании, связанном с банковскими делами.

—Шесть часов пытался найти комнату, — сказал я ему, — но в Москве это, наверное, чрезвычайно трудно...

Из жилетного кармана он вытащил ключ и протянул его мне со словами:

— Это ключ от моего номера в гостинице “Националь”. Вы можете жить там, сколько хотите, а я постоянно живу здесь. — И он указал на угол комнаты, где за складной ширмой стояла походная кровать, а на вешалке висели какие-то вещи и кожаные ботинки. Я поблагодарил его за помощь и пошел в гостиницу...

Мой знакомец по Варшавской крепости не рассказал ни одной живой душе о том, что когда-то я был царским следователем...»

...А вот это совсем не факт! Судя по тому, как спокойно повел себя Дзержинский, обнаружив в недрах советских правоохранительных органов бывшего царского контрразведчика, этот случай не был чем-то исключительным. По крайней мере, это объясняет, почему ВЧК, едва появившись на свет, сразу стала работать так высокопрофессионально. Другое дело, что об этом вовсе не обязательно было писать в газетах и кричать на съездах РКП(б).

* * *

Но грамотных кадров было крайне мало. А как в целом работали большевистские властные структуры — лучше было, наверное, и не смотреть. Все лучшее отдавалось армии и жизненно важным наркоматам, а на периферии царило такое... Мы ещё не раз вернёмся к рассказам Соломона — как эмигрант, он пристрастен... но в целом та галерея совершенно фантастической мрази, которая предстает перед читателем этих воспоминаний, не кажется невероятной. Там, где он находился, так и должно было быть.

К мрази мы ещё вернемся — как к той точке, с которой стартовала кадровая работа в СССР, — а пока опишем, как работали люди честные и порядочные, но выдвинутые все по тому же принципу: партия велела — значит надо, товарищ...

Итак, не то в конце июня, не то в начале июля Соломон приехал в Берлин в качестве секретаря советского полпредства [Он сам пишет, что это произошло в начале июля — но когда случилось убийство Мирбаха, он уже некоторое время работал в посольстве.]. То, что эта организация мало походила на посольство, ясно и так, и в книге масса замечательных описаний. Но больше всего впечатляет затяжная война, которую Соломон вел с кассиром полпредства.

«Особенно долго мы оставались в помещении кассы, разговаривая с кассиром, товарищем Сайрио... Маленького роста, неуклюже сложенный, к тому же еще и хромым, латыш, с совершенно неинтеллигентным выражением лица, полным упрямства и тупости, он производил крайне неприятное, вернее, тяжелое впечатление. Несколько вопросов, заданных ему о порядке ведения им кассы, показали мне, что человек этот не имеет ни малейшего представления о том, что такое кассир какого бы то ни было общественного или казенного учреждения. Правда, это был безусловно честный человек (говорю это на основании уже дальнейшего знакомства с ним), но совершенно не понимавший и, по тупости своей, так и не смогиший понять своих общественных обязанностей и считавший, что раз он не ворует, то никто не должен и не имеет права его контролировать.

Он сразу же заявил мне, что касса у него в полном порядке, все суммы, которые должны быть налицо, находятся в целостности. Когда же я задал ему вопрос относительно того, как он сам себя учитывает и проверяет, он сразу обиделся, наговорил мне кучу грубостей, сказав, что он старый партийный работник, что вся партия его знает, что он всегда находился в партии на лучшем счету, пользовался полным доверием и т. п. В заключение же, на какое-то замечание Красина о порядке ведения кассы, он грубо заметил:

— Я никому не позволю вмешиваться в дела кассы и никого не подпущу к ней... никому не позволю рыться в ней, будь это хоть рассекретарь... у меня всегда при мне револьвер...

...

На другой же день после моего первого посещения посольства я обратился к Иоффе [А. А. Иоффе, советский полпред в Германии.] с полушутливым вопросом, могу ли я, забыв о револьвере, о котором напомнил товарищ Сайрио, выяснить положение кассы и дать ему надлежащие указания.

— Смело, Георгий Александрович, — ответил Иоффе с улыбкой. — Я уже говорил с товарищем Сайрио, указал ему на то, что вы старый товарищ, и он согласился с тем, что вы имеете право знать, что делается в кассе.

— Да... это очень хорошо, Адольф Абрамович, — ответил я, — но право, как-то странно, что приходится перед ним расшаркиваться для того, чтобы убедить его в том, что, казалось бы, не требует доказательств...

— Конечно, с непривычки это действительно странно, — согласился Иоффе, — но имейте в виду, что Сайрио латышский революционер из породы старых лесных братьев... Они все, конечно, немного диковаты... Надо, как верно сказал Леонид Борисович [Красин.], применить к нему педагогические приёмы...

...

...Когда же я подошёл к проверке порядка выдачи и приема кассой денег, то мне нетрудно было убедиться, что это был настоящий хаос.

— Ну, объясните мне, товарищ Сайрио, — сказал я, — как, по каким требованиям вы выплачиваете те или иные суммы?

Сайрио открыл кассу и обратил моё внимание на то, что кредитки хранятся обандеролённые, так что, пояснил он, в случае чего, можно в одну минуту сложить их в чемодан. В кассе находилось всего в разных валютах денег на три-четыре миллиона германских марок. Затем он предъявил мне и оправдательные документы... Это было собрание разного рода записок, набросанных наспех разными лицами. Приведу на память несколько текстов этих своеобразных “ордеров”:

“Товарищу Сайрио. Выдайте подателю сего (ни имени лица получающего, ни причины выдачи, ни времени не указано) такую-то сумму А. Иоффе”; “Товарищу Сайрио. Прошу отпустить с товарищем Таней (горничная посла) такую-то сумму. Личный секретарь посла М. Гиришфельд”; “Товарищ Сайрио, прошу принести мне тысячу марок. Мне очень нужно. Берта Иоффе (жена Иоффе)”. Такого же рода записки попадались и за подписью обоих секретарей...

И, само собой разумеется, все эти “документы” не носили никаких следов того, что они были проведены через бухгалтера посольства...

Мне пришлось — не буду приводить здесь этих трафаретных указаний — убеждать Сайрио, что все документы, как приходные, так и расходные, должны, прежде исполнения по ним тех или иных операций, проводиться через бухгалтерию, что бухгалтер должен их контрассигнировать и пр. Тут снова мне пришлось выдержать бурную сцену.

— Как?! — раздраженно ответил мне кассир. — Это значит, что она (бухгалтершей была женищина, очень слабо знакомая с азбукой своего дела) будет мне разрешать и приказывать? Ни за что!.. Я не согласен...я не позволю!.. Она мне не начальство...

...

...И вот, среди этих пояснений, забыв, что я имею дело с человеком почти первобытным, я в пылу доказательств произнес фразу, которая еще больше сгустила над нами тучи:

— Да поймите же, товарищ Сайрио, что здесь нет и тени сомнения в вашей честности. Ведь речь идет только о том, чтобы ввести порядок — порядок, признанный во всех общественных учреждениях... Одним словом, моя цель — поставить правильно действующий бюрократический аппарат.

...Кассир вдруг вскочил, с ужасом, точно прозрев, взглянул на меня диким взором и, хромя своей когда-то простреленной ногой, затоптался на месте волчком.

— Как?.. Что вы сказали?!.. — полным негодования тоном спросил он.

Я повторил.

— Ага! Вот что!.. — злорадно торжествуя, заговорил он. — “Бюрократический”, — повторил он, — вот что... Так мы, товарищ Соломон, бились с царским правительством, рисковали нашей жизнью, чтобы сломать бюрократию... Теперь я понимаю... А, я сразу это заметил... вы бюрократ... да, бюрократ!., и мы с вами не товарищи... нет!.. Я пойду к товарищу Иоффе... я с бюрократами не хочу работать

Он быстро захлопнул кассу и, сердито ковыляя мимо меня, побежал наверх.

И мы с Иоффе, при участии подошедшего на эту сцену Красина, битых два часа толковали с Сайрио, поясняя ему истинный смысл слова “бюрократический”... Он подчинился, но, конечно, мы не могли его переубедить, и он остался при своем мнении и всем и каждому жаловался на меня, называя меня “бюрократом”».

Надо полагать, что на заграничную работу посылали не самых худших из наличного персонала. Каковы же были те, кто оставался в России?

С этого большевики начинали. Да, их легко осуждать и осмеивать — сейчас, когда изготовлено столько микроскопов, что можно позволить себе забивать ими гвозди. А кто-нибудь пробовал проводить исследования клеточной структуры с помощью молотка?

* * *

И не думайте говорить в себе: «отец у нас Авраам»; ибо говорю вам, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму.

Евангелие от Матфея: 3,9.

Трижды прав Суханов: большевики брались за государственные задачи, заведомо непосильные. Головы их вождей и в самом деле были полны самых фантастических идей, которые развеивались, как дым, при первом же соприкосновении с действительностью. Да, да, кто же спорит, если люди собрались брать власть, они «должны иметь ясные представления, точные предположения и планы, что будут делать они с завоеванным государством, как будут удовлетворять непосредственные, насущные, породившие восстание нужды трудовых масс». Вот только кто в тогдашней России имел эти представления? Царское правительство, что ли? Или Временное? Или белые, чья экономическая деятельность сводилась к реквизиции продовольствия да подписанию кредитных договоров с иностранными спонсорами [Из всех противников большевиков ясные представления, предположения и планы имелись только у Гитлера. Но то, что Гитлер был лучше, утверждают пока лишь отдельные личности, и то все больше из той категории, которой интересуются психиатры. Даже самые оголтелые антикоммунисты до этого еще не договорились, хотя... время идет! Говорят, какой-то обозреватель «Московского комсомольца» уже заявил нечто подобное, да еще в юбилей Победы...]? Разве что сами спонсоры — но они не в России, им чаяния наших масс до прошлогоднего снега. Ах да, был еще такой спаситель России: «Адмираль» (вариант: «Генераль»). Допустим... Ну, придут офицеры с казаками, большевиков перебьют, остальных перепорют — а потом-то что?

К тому времени, как большевики взяли власть, охваченная хаосом огромная страна уже с головой ушла в болото, в которое она с нарастающей скоростью погружалась с момента Февральской революции. Нет, принцип преодоления кризиса известен: достигнуть дна, оттолкнуться... Но откуда уверенность, что у того болота было дно?

Главным врагом оставался все разрастающийся хаос. Механизмы, запущенные в феврале 1917 года, надолго пережили правительство, которое их запустило. Все, кто хоть сколько-нибудь разбирался в экономике и государственном управлении, понимали, что Россия погибла. Понимали ли это большевики? А то! Ленин был экономистом не из последних, да и Сталин, и Свердлов знали, как функционирует государство.

Спасло Россию одно: эти люди определяли успех своей затее не по тому, удастся ли им восстановить порушенную страну, а по тому, сколько продержится их власть. Дольше Парижской Коммуны — прекрасно! Полгода — великолепно!! Год — невероятно!!! О том, чтобы продержаться год, они и не мечтали...

Ещё немного — и грянет, обязательно грянет мировая революция... Интересно, когда Ленин перестал в это верить?

В лидере большевиков происходили какие-то перемены. Он всегда был живым, энергичным оратором, но Джон Рид отметил, что 4 ноября 1917 года, на заседании ЦИК, когда обсуждался закон о печати «...выступил Ленин, спокойно, бесстрастно. Он морщил лоб, говорил медленно, подбирая слова: каждая его фраза падала, как молот».

Может быть, тогда?

Ну, и что в такой ситуации прикажете делать?

Россия скатывалась в абсолютный хаос, и *нормальные* политики в этой ситуации имели несколько вариантов выхода. Первый: Учредительное Собрание, участие в правительстве, *мы очень хотели, но не смогли* — так, как поступили весной семнадцатого социалисты. Второй: прихватить реквизированное золотишко и рвануть в эмиграцию — хватит на всю оставшуюся жизнь, и деткам, и внукам. Так поступали очень многие из вполне приличных правителей. Наконец, можно было и договориться, оставить себе кусок страны, а остальную территорию поделить с прочими «правительствами». Думаю, на определенных условиях «мировое сообщество» на это бы пошло.

Зачем власть была нужна белым — мы знаем, ибо знаем их спонсоров. А вот зачем она понадобилась красным? Из абстрактной жажды власти? Ради мировой революции?

Что заставило этих космополитов, завсегдаев европейских кафе, людей, для которых понятие «патриотизм» было ругательным, а Россия являлась «тюрьмой народов» — что их заставило, даже тогда, когда уже ясно стало, что никакой мировой революции не будет, так иступленно спасать и собирать эту самую Россию? И воспринимать потерю каждой губернии так, словно бы это у них из тела вырезали кусок мяса?

Жажда власти? Но эта власть не давала им ничего, кроме двадцатичасового рабочего дня, непроходящего стресса да ранней смерти. На средних этажах власти бывало по-разному, но люди, которые служили мотором этой революции, погибали на фронтах или умирали, не оставив по себе ничего, кроме пары потертых костюмов. Из них один Сталин пережил семидесятилетие — но покажите мне хоть одного человека, который захотел бы для себя *такой* карьеры?

Рациональным образом это не объясняется никак. Воистину: «Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму». Впрочем, когда «элита нации», понимая, что на фронте нечем стрелять, берёт 400% цены за снаряды, когда солдат в окопах порют розгами для поднятия боевого духа, когда господа офицеры, присягавшие России, готовы распродать её по кускам за 400 рублей аванса и 500 ежемесячно — на что и надеяться, если не на преобразование камней?

...Итак, победоносное восстание завершилось. Утихли речи, погасли огни, разъехались по домам делегаты исторического II съезда Советов. Эйфория прошла, и кучка людей в Смольном осталась наедине с огромной, охваченной хаосом страной...

«Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною...» [Бытие: 1, 2.]

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ИЗ АКТА О ПРИЕМЕ НАРКОМАТА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР С. К. ТИМОШЕНКО ОТ К. Е. ВОРОШИЛОВА

7 декабря 1940 г.

Совершенно секретно

АКТ

Во исполнение постановления СНК СССР от 8 мая 1940 г. за № 690 при приеме Наркомата обороны т. Тимошенко от т. Ворошилова в присутствии товарищей Жданова, Маленкова и Вознесенского [Н. А. Вознесенский с 1938 года был председателем Госплана СССР, а с 1939 года — заместителем председателя Совнаркома.] заслушаны доклады начальников центральных управлений и установлено следующее:

Организация и структура центрального аппарата

1. Действующее положение о Наркомате обороны, утвержденное правительством в 1934 г., устарело, не соответствует существующей структуре и не отражает современных задач, возложенных на Наркомат обороны. Вновь созданные управления — Главное управление Красной Армии, Управление военно-технического снабжения, Управление снабжения, Управление продовольственного, обозного и вещевого снабжения, Управление стрелкового и минометного вооружений, Управление высших военно-учебных заведений, Управление снабжения горючим и Управление начальника пехоты — существуют по временным положениям. Структура других управлений (Генштаба, Артиллерийского управления, Управления связи, Строительно-квартирного управления, Управления ВВС и инспекции) изменена, причем положения об этих изменениях не утверждены.

При наличии 34 самостоятельных управлений и отделов и недостаточно четком распределении обязанностей между заместителями наркома часто имела место задержка в разрешении вопросов в управлениях НКО.

2. В армии имеется до 1080 наименований действующих уставов, наставлений и руководств. Основные уставы — полевой службы, внутренней службы, дисциплинарный и некоторые боевые уставы родов войск устарели и требуют коренной переработки. Отсутствуют наставление по вождению крупных войсковых соединений (армий), наставление по атаке и обороне укрепленных районов и наставление для действий войск в горах.

3. Большинство войсковых частей существует по временным штатам, не утвержденным народным комиссаром. Штатное и табельное хозяйство запущено. Около 1400 штатов и табелей, по которым войска живут и снабжаются, никем не утверждены и изданы для руководства как временные.

4. Вопросы военного законодательства и систематизации приказов наркома обороны не налажены. Имеется много приказов, требующих отмены или переработки, как устаревших и затрудняющих руководство войсками.

5. Контроль за исполнением отданных приказов и решений правительства был организован недостаточно. Не было живого действенного руководства обучением войск. Проверка на местах как система не проводилась и заменялась получением бумажных отчетов.

Оперативная подготовка

1. К моменту приема и сдачи Наркомата обороны оперативного плана войны не было, не разработаны и отсутствуют оперативные планы, как общий, так и частные.

Генштаб не имеет данных о состоянии прикрытия границ. Решения военных советов округов, армий и фронта по этому вопросу Генштабу неизвестны.

2. Руководство оперативной подготовкой высшего начсостава и штабов выражалось лишь в планировании ее и даче директив. С 1938 г. народный комиссар обороны и Генеральный штаб занятий с высшим начсоставом и штабами не проводили. Контроль за оперативной подготовкой в округах почти отсутствовал. Наркомат обороны отстаёт в разработке вопросов оперативного использования войск в современной войне.

3. Подготовка театров военных действий к войне во всех отношениях крайне слаба. В результате этого:

а) ВОСО не проявило должной маневренности в деле использования наличных железнодорожных средств для войсковых перевозок.

Положения об управлении железными дорогами на театре войны, четко определяющего функции органов НКПС и органов ВОСО, а также порядок перевозок, нет;

б) строительство шоссейных дорог идет медленно и ведется многими организациями (Гуждор, Главдорупр, Гулаг НКВД), что приводит к распылению сил и средств и отсутствию общего плана дорожного строительства;

в) строительство связи по линии НКС сильно отстает, а по линии НКО в 1940 г. сорвано совершенно вследствие позднего представления Генштабом и Управлением связи заявок на строительные материалы и неотпуска таковых. Каблирование и использование уплотненных бронзовых проводов ведется в крайне ограниченном размере;

г) в аэродромном отношении крайне слабо подготовлена территория Западной Белоруссии, Западной Украины, ОДВО и ЗакВО;

д) ясного и четкого плана подготовки театров в инженерном отношении, вытекающего из оперативного плана, нет. Основные рубежи и вся система инженерной подготовки не определены;

е) директивы, утверждающей план строительства УР на 1940 г., округам к моменту приема Наркомата не дано.

Система предполья окончательно не разработана и в округах этот вопрос решается по-разному.

Вопросы вооружения вновь создаваемых укрепленных районов требуют быстрого разрешения, в первую очередь новых УР на западной границе;

ж) в топографическом отношении театры военных действий подготовлены далеко не достаточно и потребность войск в картах не обеспечена.

Укомплектование и устройство войск

1. Точно установленной фактической численности Красной Армии в момент приема Наркомат не имеет. Учет личного состава по вине Главного управления Красной Армии находится в исключительно запущенном состоянии.

2. Личный состав войск состоял из кадрового и приписного состава; план увольнения приписного состава находится в процессе разработки.

3. Положение о прохождении службы рядового и младшего начсостава, изданное в 1931 г., устарело, для руководства непригодно и никто им не пользуется. Нового положения, определяющего порядок прохождения службы, не составлено.

4. По устройству войск — нет положений об управлении частями (полками), соединениями (дивизиями и бригадами). Положение о войсковом хозяйстве устарело и требует переработки. Не разработано положение о полевом управлении войсками.

Мобилизационная подготовка

1. В связи с войной [Речь идёт о советско-финской войне.] и значительным передислоцированием войск мобилизационный план нарушен. Нового мобилизационного плана Наркомат обороны не имеет.

Мероприятия по отмобилизованию распорядительным порядком не закончены разработкой.

2. Наркомат обороны не устранил еще следующие недостатки мобилизационного плана, вскрытые при проведении частичной мобилизации в сентябре 1939 г.:

а) крайняя запущенность учёта военнообязанных запаса, так как переучёт не проводился с 1927 г.;

б) отсутствие единого учёта военнообязанных и существование обособленного специального учёта железнодорожников, водного транспорта и НКВД;

в) слабость и ненадежность работы военкоматов;

г) отсутствие очередности в отмобилизации частей, что привело к перегрузке первых дней мобилизации;

д) нереальность планов размещения войск при отмобилизации;

е) неотработанность плана снабжения обмундированием при мобилизации;

ж) неравномерность подъема по мобилизации военнообязанных, конского состава и автотранспорта;

з) отсутствие твердо установленного порядка в бронировании рабочей силы на военное время;

и) нереальность и неудовлетворительное состояние учёта лошадей, повозок, упряжи и автотранспорта.

3. В числе военнообязанных запаса состоит 3 155 000 необученных людей. Плана обучения их Наркомат обороны не имеет. В числе обученного состава состоят на учете военнообязанные запаса с недостаточной подготовкой, и по ряду специальностей мобилизационная потребность в специалистах не покрывается. Плана переобучения специалистов и переподготовки слабо обученного состава Наркомат обороны также не имеет.

4. Наставления по мобилизационной работе в войсках и военкоматах, признанные устаревшими, не переработаны.

Состояние кадров

К моменту приема Наркомата обороны армия имела значительный некомплект начсостава, особенно в пехоте, достигающий 21% к штатной численности на 1 мая 1940 г.

Установлено, что ежегодные выпуски из военных училищ не обеспечивали создания необходимых резервов для роста армии и образования запасов.

Качество подготовки командного состава низкое, особенно в звене взвод — рота, в котором до 68% имеют лишь краткосрочную 6-месячную подготовку курса младшего лейтенанта.

Подготовка комсостава в военных училищах поставлена неудовлетворительно вследствие недоброкачества программ, неорганизованности занятий, недостаточной загрузки учебного времени и особенно слабой полевой практической выучки. Усовершенствование командного состава кадров должным образом не организовано. Недостатками программ подготовки командиров в военно-учебных заведениях являются: проведение занятий преимущественно в классах, недостаточность полевых занятий, насыщение программ общими предметами в ущерб военным.

В вопросах присвоения военных званий нет твердо установившейся системы и в ряде случаев имела место кампанейщина. Этому способствовало отсутствие периодического аттестования начсостава. Существующий порядок аттестования не выявляет деловых качеств командира и работы командира по боевой подготовке своей части. Происходит это потому, что командный состав в значительной мере устранился от дела аттестования и подбора кадров, которое зачастую проводилось политорганами.

Учёт начсостава поставлен неудовлетворительно и не отражает командного состава, имеющего боевой опыт. Кандидатские списки отсутствуют.

При назначении командного состава Управление кадров недостаточно привлекало начальников соответствующих родов войск и служб.

Нормы пополнения начсостава на военное время не разработаны. Учёт и подготовка начсостава запаса находятся в неудовлетворительном состоянии.

Плана подготовки и пополнения комсостава запаса для полного отмобилизования армии по военному времени не было.

Боевая подготовка войск

Главнейшими недостатками в подготовке войск являются:

1) низкая подготовка среднего командного состава в звене рота — взвод и особенно слабая подготовка младшего начальствующего состава;

2) слабая тактическая подготовка во всех видах боя и разведки, особенно мелких подразделений;

3) неудовлетворительная практическая полевая выучка войск и не умение выполнять то, что требуется в условиях боевой обстановки;

4) крайне слабая выучка родов войск по взаимодействию на поле боя: пехота не умеет прижиматься к огневому валу и отрываться от него; артиллерия не умеет поддерживать танки; авиация не умеет взаимодействовать с наземными войсками;

5) войска не обучены лыжному делу;

6) применение маскировки отработано слабо;

7) в войсках не отработано управление огнём;

8) войска не обучены атаке укрепленных районов, устройству и преодолению заграждений и форсированию рек. Причинами этого являются:

1. Неправильное обучение и воспитание войск. В боевой подготовке войск допускается много условностей, войска не тренируются в обстановке, приближенной к боевой действительности, применительно к требованиям театров военных действий.

Широкое применение системы условностей в обучении и воспитании войск создало в войсках неправильное представление о суровой действительности войны.

Войска мало обучаются в поле практическому выполнению всего необходимого для боя. Недостаточно воспитывается и прививается выносливость, физическая закалка и

стремление выполнить приказ беспрекословно, точно и быстро, несмотря ни на какие трудности и преодолевая их.

Вместо этого зачастую допускается ложный демократизм, подрыв авторитета командира.

2. Неправильно построены программы и планы боевой подготовки, приводящие к тому, что рода войск занимаются изолированно, периоды обучения и боевые стрельбы их тождественных подразделений не совпадают по времени и недостаточно обеспечиваются материально.

Состояние родов войск

1. Пехота. Вопросам организации, вооружения и подготовки пехоты не уделено должного внимания.

Пехота подготовлена слабее всех других родов войск. Накопление подготовленного запаса пехоты недостаточно. Командный состав пехоты плохо подготовлен и имеет большой некомплект.

Пехотное вооружение отстает от современных требований боя и не обеспечено миномётами и автоматами.

2. Военно-воздушные силы. Материальная часть ВВС Красной Армии в своем развитии за последние три года отстает по скоростям, дальностям, мощностям моторов и вооружению самолетов от авиации передовых армий других стран. Наркомат обороны (Управление военно-воздушных сил) не проявил достаточной инициативы и настойчивости по внедрению более современных типов самолетов. Управление военно-воздушных сил не определяло направления развития военной авиации. По этой причине ВВС не имеют пикирующих бомбардировщиков и отстают во внедрении современных типов самолетов. По вооружению отстаёт внедрение крупнокалиберного оружия.

Отработка новых образцов самолетов, испытание и доводка их проходят крайне медленно.

Состояние учета самолетов и моторов неудовлетворительное, а качественный учет совершенно не организован и не ведется.

Склады авиамеханического имущества недостаточны и не удовлетворяют потребностям авиационных частей.

Аэродромная сеть недостаточна и не обеспечивает нормальной работы авиачастей, и развитие ее отстает от роста военно-воздушных сил.

Организация военно-воздушных сил в связи со значительным ростом авиации устарела и требует пересмотра и объединения в более крупные авиационные соединения (дивизии).

Существующая организация авиабаз не обеспечивает обслуживание передовых оперативных аэродромов и содержание их в рабочем состоянии в течение круглого года.

Лётно-технический состав недостаточно подготовлен в бомбометании, в полетах в сложных метеорологических условиях и в стрельбе.

Авиационные школы выпускают слабых лётчиков, обученных главным образом на старой материальной части, и вследствие этого молодых лётчиков приходится переучивать в частях.

Вопросы прохождения службы летно-техническим составом не отработаны, в результате чего с 1938 г. существует неправильное положение, когда красноармейцы действительной военной службы после годичного обучения в школах младших специалистов выпускаются по категории среднего начальствующего состава.

Несмотря на большой некомплект штурманов, подготовка их не организована.

Аварийность и катастрофы в авиации продолжают оставаться высокими вследствие слабой подготовки летного состава, незнания им материальной части, низкой дисциплинированности, неорганизованности летной работы и безответственности командиров частей и бригад за происшедшие аварии и катастрофы.

3. Авиадесантные части не получили должного развития. Организация воздушно-десантных частей (маломощные бригады) отстает от современных требований и требует пересмотра в сторону создания более сильных соединений и развития парашютного дела.

Существующая двойственность подчинения по линии УБП (боевая подготовка) и по линии ВВС (снабжение спец. имущ. и обесп. самолетами) отрицательно сказывается на управлении и боевой подготовке авиадесантных частей.

4. Автобронетанковые войска. Вооружение танковых частей в своём развитии отстает от современных требований вследствие того, что современные толстобронные танки внедрены на вооружение с опозданием.

В использовании танковых частей организация взаимодействия с другими родами войск в достаточной степени не отработана.

Ремонт автобронемашин при наличии достаточной ремонтной базы затягивается.

Существующие ремонтные комплекты как по количеству, так и по своей спецификации составлены неудачно. Наиболее ходовые части в них изготовлены в малых количествах и не обеспечивают потребности.

Вопросы организации текущего и среднего ремонта боевых машин в полевых условиях разрешены неправильно. По существующему порядку предусматривается отправка боевых машин для ремонта в тыловые мастерские, что задерживает ремонт и не обеспечивает своевременный ввод их в строй.

Эксплуатация существующего автомобильного и тракторного парка поставлена неудовлетворительно, вследствие чего в армии имеется большое количество машин, требующих ремонта.

Существующий тракторный парк недостаточен и не обеспечивает полностью подъема материальной части артиллерии на мхтяге.

5. Артиллерия. В связи с тем, что делу организации и подготовки артиллерийских частей было уделено достаточное внимание, наличие материальной части артиллерии по средним и мелким калибрам обеспечивает развертывание артиллерийских частей, но отстаёт по крупным калибрам и зенитной артиллерии. Особенно недостаточна обеспеченность наиболее крупными калибрами — 203 мм и выше.

По боеприпасам потребность армии по средним системам обеспечивается недостаточно. Специальные артиллерийские выстрелы (бронбойные, зажигательные, а также выстрелы для зенитной артиллерии) имеются в крайне недостаточном количестве.

Приборами управления, биноклями артиллерия обеспечена недостаточно.

Наличие хранилищ не обеспечивает полностью хранение имеющихся запасов. Организация складского хозяйства поставлена неудовлетворительно. К моменту приема из-за недостатка хранилищ и загруженности складов ненужными материалами находилось на открытом воздухе большое количество боеприпасов и вооружения.

6. Стрелковое вооружение. Внедрение современных образцов стрелкового вооружения (пистолеты-пулеметы и самозарядная винтовка) Наркоматом обороны производится с опозданием и крайне медленно.

По количеству винтовок мобилизационная потребность развернутой армии обеспечивается без учёта убыли винтовок и для новых формирований во время войны.

7. Минно-миномётное вооружение. Наркоматом обороны не придавалось значения минно-миномётному вооружению. В результате Красная Армия оказалась не обеспеченной минометами и не подготовленной к их использованию.

К моменту приёма Наркомата Красная Армия миномётами полностью ещё не обеспечена. В частях имеется большой некомплект миномётов, а миномёты крупных калибров существуют только в образцах.

Совершенно неотработанными остаются вопросы использования и применения пехотных и противотанковых мин. Производство и изготовление этих мин не организовано и имеются только опытные образцы.

8. Инженерные войска по своей организации и вооружению отстают от общего развития других родов войск.

Обеспеченность существующих инженерных частей основными видами инженерного вооружения слабая. Новейшие средства инженерной техники — окопкопатели, средства глубокого бурения, новые дорожные машины — имеются только в образцах и не внедрены на вооружение инженерных войск.

Переправочных средств по количеству недостаточно, особенно по тяжелым паркам.

Исключительно низкая обеспеченность инженерных войск по колючей проволоке.

В подготовке и в вооружении войск не получили развития и выпали такие коренные вопросы, как вопросы преодоления УР, заграждения и разграждения, особенно минного.

9. Войска связи в настоящее время на своём вооружении имеют много устаревших типов телеграфно-телефонных аппаратов и радиосредств. Внедрение новых средств радиотехники проходит крайне медленно и в недостаточных размерах. Войска плохо обеспечены почти по всем видам имущества связи.

Большим недостатком войск связи является отсутствие быстросредств и засекречивающих приборов.

Существующее отставание в развитии техники связи и нечеткость организации связи привели к тому, что во время похода в Западную Украину и Западную Белоруссию, а также во время войны с белофиннами войска связи не имели устойчивой и непрерывно действующей связи.

10. Химические войска. Внимание к химическому оружию в Наркомате обороны ослаблено.

Существующие дегазационные средства не обеспечивают по своему количеству и качеству предъявляемые к ним требования. Дегазационные машины, состоящие на вооружении (АРС и АХИ-5), мало проходимы, а из дегазаторов существует только хлорная известь.

Химическая подготовка войск поставлена неудовлетворительно, что объясняется недооценкой значения химических средств нападения со стороны общевойсковых командиров.

Научно-исследовательская работа по развитию химического вооружения поставлена слабо, а разработанные новые образцы внедряются в армии медленно.

11. Конница. Состояние и вооружение конницы удовлетворительные. Отмечается слабость и недоработанность организации горнокавалерийских частей.

Состояние разведывательной работы

Организация разведки является одним из наиболее слабых участков в работе Наркомата обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется.

Работа Разведывательного управления не связана с работой Генерального штаба. Наркомат обороны не имеет в лице Разведывательного управления органа,

обеспечивающего Красную Армию данными об организации, состоянии, вооружении, подготовке к развертыванию иностранных армий. К моменту приема Наркомат обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены».

(Далее в Акте также негативно оценивается состояние противовоздушной обороны Красной Армии, устройство и служба ее тыла, военно-хозяйственное снабжение, снабжение горючим, состояние политической работы и санитарной службы, деятельность военно-учебных заведений, военное изобретательство и работа военного издательства.)

Приложение 2

ПОСТАНОВЛЕНИЕ 3-ГО УПРАВЛЕНИЯ НКО СССР НА АРЕСТ ПАВЛОВА Д. Г.

[Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Начало.
Том 1. М., 2000. С. 210 — 216.]

6 июля 1941 г.

«Утверждаю»: Народный комиссар обороны СССР Маршал Советского Союза (Тимошенко)

Арест санкционирую: Прокурор Союза ССР (Бочков)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(на арест)

Гор. Москва, 1941 г., июля « » [Дата в документе отсутствует.] дня. Я, заместитель начальника следственной части 3-го Управления НКО СССР старший батальонный комиссар Павловский, рассмотрев поступившие материалы о преступной деятельности Павлова Дмитрия Григорьевича, бывшего командующего Западным фронтом, 1897 года рождения, из крестьян Костромской губернии, военнослужащего, члена ВКП(б) с 1919 г., нашёл: Павлов в 1914 — 1915 гг. примыкал к анархистам. Привлекался к партийной ответственности за примиренчество к правому уклону. С 1916 по 1919 г. был в плену в Германии.

Имеющимися материалами за период с 1928 по 1938 г. характеризуется как проводивший в практике своей работы очковтирательство, особенно в период работы командиром 4-й мехбригады БОВО, когда, пользуясь информацией вышестоящих начальников о предстоящих учениях и смотрах, соответствующим образом «подготавливал» и «решал» поставленные задачи.

В боевой обстановке командовал неумело, в связи с чем были ненужные жертвы.

Так, будучи командиром 6-го мехполка, не сумел обеспечить выполнение полком боевой задачи и в момент преследования противника на сопке «Мать» допустил ряд тактических ошибок.

В бою и на учениях недооценивал разведку.

Привлекался к партийной ответственности за разглашение военной тайны.

Павлов неоднократно восхищался обучением германской армии и её офицерством как в бытность пребывания в Испании, так и раньше.

Будучи командиром 4-й мехбригады, Павлов пользовался неизменным покровительством Уборевича и всю свою работу в бригаде строил в угоду ему.

Павлов был тесно связан с врагами народа — Уборевичем, Рулевым (быв. нач. АБТ войск БВО), Бобровым (быв. нач. штаба БВО), Карпушиным (быв. пом. нач. штаба БВО), Мальцевым (быв. нач. отдела БВО).

Арестованные участники антисоветского военного заговора, быв. начальники Разведуправления РККА Урицкий, Берзин, быв. командующий БВО Белов, быв. нарком Военно-Морского Флота Смирнов и быв. нач. штаба 21-й мехбригады Рожин, изобличают Павлова как участника этого заговора.

Арестованный Урицкий показал:

«Особую энергию в направлении в Испанию своих людей — заговорщиков проявил Уборевич, преследуя при этом помимо целей проведения там подрывной работы выведение из-под удара особо активных заговорщиков ввиду угрожавшего им здесь провала.

Из активных заговорщиков по рекомендации Уборевича при моем активном участии был направлен Павлов, которому я дал указание создать в Испании танковые части с участием испанцев, возглавив их участниками заговора, имея целью использовать эти части для свержения республиканского правительства.

В составе группы Павлова было несколько взятых из БВО заговорщиков, и он должен был проводить свою работу, опираясь на них.

Находясь в Испании, Павлов имел регулярную переписку с Уборевичем, посылая некоторые письма ему через меня, а некоторые — через нарочных.

В марте 1937 г. я получил информацию о заговорщической работе от Павлова, в которой он довольно подробно описывал свою предательскую работу: он создал из иностранных троцкистов и части анархистов одну танковую роту, имея, кроме того, своих людей в остальных подразделениях испанского танкового батальона; создал заговорщические связи в ряде бригад Центрального фронта, в частности среди коммунистов — командиров.

Павлов настаивал на присылке новой материальной части для создания новых частей, находящихся под влиянием заговорщиков, для этого же он просил дополнительной присылки заговорщиков из Советского Союза.

...В ответ на это письмо я послал Павлову через заговорщика Воробьева письмо, в котором, одобряя его предательскую работу, рекомендовал расширять заговорщические связи, не ограничивая их троцкистами и анархистами, а привлекать и социалистов». Арестованный Берзин показал:

«При моем отъезде из Москвы в 1936 г. мне Фельдман и Урицкий, называя членов контрреволюционной организации, посланных советниками в Испанию по линии танковых войск, называли Кривошеина, но тут же указали что танковая группа будет увеличена, что Кривошейей для большого дела мало подходит и что, возможно, будет Павлов из БВО, которого рекомендует Уборевич как члена контрреволюционной организации. Тут же было указано, что Павлова знают находящиеся уже в Испании советники-«белорусы», в частности Мерецков, и что мне выгодно будет держать с Павловым связь через Мерецкова.

...По приезде Павлова в Испанию меня с ним познакомил Мерецков, представив как «нашего боевого командира и “белоруса”, прошедшего хорошую школу Иеронима Петровича (Уборевича)». Я Павлова спросил, инструктировали ли его в Москве Фельдман и Урицкий и в курсе ли он дела, на что он ответил, что информирован достаточно как в Москве, так и здесь Мерецковым и Кривошеиным и что «все понятно».

Тогда я заявил, что в дальнейшем ему связь придется держать с Мерецковым.

Впоследствии через Мерецкова я дал Павлову указание продолжать вредительскую работу, которую ранее вел Кривошейей, как в области подготовки экипажей, выпуская на фронт необученные экипажи, так и в боевом использовании танковых частей, что он и выполнял». Арестованный Белов показал:

«Разговорившись с Булиным об участниках военного заговора, завербованных Уборевичем и Булиным по Белорусскому военному округу, в числе многих других была названа фамилия Павлова. Считая необходимым установить личную политическую связь с Павловым, я по телефону попросил его приехать при первой возможности в БВО.

Павлов под предлогом присутствия на этом учении (речь идёт об учении в Полоцком укрепрайоне в 1937 г.) прибыл в район Полоцкого укрепрайона, где находился и я.

Встретившись на учении, мы имели широкую возможность с Павловым разговаривать. В этом разговоре я сказал Павлову, что мне известно о его участии в военном заговоре. Павлов мне это подтвердил. Я рассказал Павлову обстановку, в которой работают участники военного заговора, подчеркнув, что для многих из них арест неизбежен, и просил Павлова в пределах его возможности поддерживать некоторых работников, в частности Рулева (быв. нач. АБТ войск БВО). Павлов мне дал на это своё обещание».

Арестованный Рожин показал, что ему со слов Бобкова (быв. командир 1-й мехбригады) известно, что Павлов является участником антисоветского военного заговора.

Арестованный Смирнов показал, что ему известно со слов Уборевича, что Павлов является участником антисоветского военного заговора.

Арман (быв. командир 5-й мехбригады) показал, что Павлов, находясь в БВО с 1930 г., был в близких отношениях с Уборевичем, находясь в Испании, куда он был командирован по предложению Уборевича, имел с последним непосредственную связь, отчитываясь в своих действиях перед ним. В Испании Павлов близко сошелся с Берзиным и вместе с ним проводил предательскую линию, направленную на поражение войск Республиканской Испании. Здесь Павлов поощрял трусов, троцкистов, которых незаслуженно представлял к наградам, и издевательски относился к бойцам-испанцам, разжигая среди них национальную вражду (Арман освобожден и дело его производством прекращено).

В Испании Павлов был исключительно тесно связан с ныне арестованными Смушкевичем и Мерецковым.

По заявлению Болтина (быв. комиссар отряда Павлова), в Испании в апреле 1937 г. имел место следующий факт: штаб бригады Павлова передвигался на Мадридском фронте и занял виллу какого-то маркиза. На вилле была обнаружена большая библиотека, среди книг которой была найдена и немедленно уничтожена книга Троцкого «Моя жизнь», изданная в 1936 г. в Берлине на немецком языке. Узнав об этом, Павлов мне сказал: «Здесь обнаружена книга Троцкого, и ты сжег её. Неправильно, пусть люди читали бы».

Работая в должности начальника АБТУ Красной Армии, проявлял недовольство:

«В беседе 23 августа 1938 г. ... говоря о трудностях работы, Павлов начал жаловаться, что он по некоторым вопросам ничего не может сделать и что он вообще маленький человек. На замечание, что не следует прибедняться, он ответил: «Бросьте эти чины пересчитывать, на самом деле я маленький человек, на меня могут прикрикнуть, мне могут приказывать, и я должен выполнять».

С особой обидой Павлов далее продолжал: «На меня может написать каждая сволочь, а я должен отвечать и давать объяснения».

На основании вышеизложенного и имея в виду, что вышеуказанными материалами Павлов Дмитрий Григорьевич изобличается в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «б» и 11 УК РСФСР, руководствуясь ст. 145 и 158 УПК РСФСР,

постановил:

Павлова Дмитрия Григорьевича арестовать по месту нахождения и подвергнуть обыску.

Зам. начальника следчасти 3-го Управления НКО СССР старший батальонный комиссар Павловский

«Согласен» — зам. начальника 3-го Управления НКО СССР дивизионный комиссар Тутушкин.

Павлов Дмитрий Григорьевич (1897-1941) — генерал армии (1941), Герой Советского Союза (1937). В 1934-1936 гг. — командир-комиссар механизированной бригады. В 1936-1937 гг. участвовал в национально-революционной войне испанского народа, командуя танковой бригадой. С ноября 1937 г. — начальник Автобронетанкового управления РККА. Участвовал в советско-финляндской войне 1939-1940 гг. С июня 1940 г. командовал войсками Белорусского Особого военного округа (с июля 1940 г. — Западный Особый военный округ). В первые дни Великой Отечественной войны командовал Западным фронтом. 6 июля 1941 г. был арестован, 22 июля 1941 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст. 193-1, п. «б», и 193-20, п. «б», УК РСФСР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 июля 1957 г. приговор от 22 июля 1941 г. отменен по вновь открывшимся обстоятельствам и дело прекращено «за отсутствием состава преступления».

Уборевич Иероним Петрович (1896-1937) — командарм 1 ранга (1935). С 1925 г. — командующий войсками СКВО, с 1928 г. — командующий войсками МВО. С 1926 г. — член РВС СССР, в 1930-1931 гг. — заместитель председателя РВС СССР и начальник вооружений РККА, в 1931-1937 гг. — командующий войсками БВО. С 20 мая 1937 г. — командующий войсками САВО. 29 мая 1937 г. арестован органами НКВД по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре. 11 июня 1937 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 января 1957 г. реабилитирован посмертно.

Рулев Павел Петрович (1896-1938) — комбриг, в 1937 г. — начальник автобронетанковых войск Белорусского военного округа. Арестован 18 декабря 1937 г. УНКВД по Смоленской области как «участник военно-фашистского заговора». Обвинялся по ст. 58-16, 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР. Находясь под следствием, умер 25 марта 1938 г. 23 марта 1957 г. Главной военной прокуратурой реабилитирован посмертно.

Бобров Борис Иосифович (1896-1937) — комдив, в 1937 г. — начальник штаба Белорусского военного округа. 30 мая 1937 г. арестован УНКВД по Западной области как «активный участник антисоветского военно-террористического заговора». 22 ноября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 3 августа 1957 г. реабилитирован посмертно.

Карпушин-Зорин Андрей Леонтьевич (1895-1937) — с августа 1931 г. — начальник 2-го отдела штаба Белорусского военного округа, с декабря 1935 г. — начальник 4-го отдела штаба БВО, с января 1936 г. по май 1937 г. — заместитель начальника штаба БВО. Арестован 31 мая 1937 г. УНКВД по Западной области по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре. 22 ноября 1937 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-7, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 сентября 1956 г. реабилитирован посмертно.

Мальцев Владимир Иванович (1901-1938) — майор, начальник 8-го отдела штаба Белорусского военного округа. Арестован 20 декабря 1937 г. УНКВД по Смоленской области по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре. 29 апреля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 6 октября 1956 г. реабилитирован посмертно.

Урицкий Семён Петрович (1895-1938) — комкор (1935). С августа 1932 г. — начальник штаба Ленинградского военного округа, с января 1934 г. — заместитель начальника Управления моторизации и механизации РККА. С апреля 1935 г. — начальник Разведывательного управления РККА, с июня 1937 г. — заместитель командующего войсками МВО. Арестован органами НКВД 1 ноября 1937 г. по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре и шпионаже. 1 августа 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 7 марта 1956 г. реабилитирован посмертно.

Берзин (Берзинь) Ян Карлович (Кюзис Петерис Янович) (1889-1938) — армейский комиссар 2 ранга (1937). С апреля 1921 г. работал в Разведывательном управлении РККА, в 1924-1935 гг. и 1937 г. — начальник Разведывательного управления РККА. В 1936-1937 гг. — главный военный советник республиканской армии в Испании. Арестован органами НКВД 28 ноября 1937 г. по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре. 29 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 28 июля 1956 г. реабилитирован посмертно.

Белов Иван Панфилович (1893-1938) — командарм 1 ранга (1935). С ноября 1927 г. — командующий войсками СКВО, в 1931-1938 гг. — командующий войсками Ленинградского, Московского и Белорусского военных округов. Арестован органами НКВД 7 января 1938 г. по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре. 29 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 ноября 1955 г. реабилитирован посмертно.

Смирнов Пётр Александрович (1897-1939) — армейский комиссар 1 ранга (1937). С мая 1924 г. — заместитель начальника отдела Политуправления РККА. В 1926-1937 гг. — член Военного совета — начальник Политуправления Балтийского флота, Северо-Кавказского, Приволжского, Белорусского и Ленинградского военных округов. С июня 1937 г. — начальник Политуправления РККА, одновременно с октября 1937 г. — заместитель наркома обороны СССР. С декабря 1937 г. — нарком Военно-Морского Флота СССР. Арестован органами НКВД 30 июня 1938 г. по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре. 22 февраля 1939 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 16 мая 1956 г. реабилитирован посмертно.

Рожин Николай Поликарпович (1899-1937) — полковник (1935). С декабря 1933 г. — помощник начальника автобронетанковых войск БВО, с мая 1935 г. — начальник штаба 21-й механизированной бригады. Арестован 13 июня 1937 г. по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре. 31 июля 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен по ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 15 декабря 1956 г. реабилитирован посмертно.

Фельдман Борис Миронович (1890-1937) — комкор (1935). С июля 1934 г. — начальник Управления по командному начальствующему составу РККА. С 15 апреля 1937 г. — заместитель командующего войсками Московского военного округа. Арестован 15 мая 1937 г. по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре. 11 июня 1937 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР осужден по 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 31 января 1957 г. реабилитирован посмертно.

Кривошей Семён Моисеевич (1899-1978) — с 1931 г. — начальник штаба 7-го механизированного полка, с июня 1933 г. — помощник начальника 1-го отдела Управления моторизации и механизации РККА. С мая 1934 г. — командир 6-го

механизированного полка. В 1936-1937 гг. участвовал в национально-революционной войне испанского народа, с июня 1937 г. — командир 14-й механизированной бригады. В 1938-1939 гг. — командир 29-й танковой бригады. С 1940 г. командовал 15-й мотострелковой дивизией, а затем 3-й танковой дивизией. С 1953 г. — в запасе.

Булин Антон Степанович (1894-1938) — армейский комиссар 2 ранга (1935). С июля 1928 г. — заместитель начальника Политуправления РККА. С сентября 1935 г. — начальник Политуправления Белорусского военного округа. С апреля 1937 г. — начальник Управления по командному и начальствующему составу РККА. Арестован 5 ноября 1937 г. по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре и шпионаже. 28 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорён по ст. 58-16, 58-8 и 58-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 8 октября 1955 г. реабилитирован посмертно.

Бобков Семён Дмитриевич (1901-1937) — комбриг (1935). С февраля 1928 г. — военный комиссар 192-го стрелкового полка, с ноября 1932 г. — командир 4-го стрелкового полка, с июня 1935 г. — командир 21-й механизированной бригады. Арестован 14 июня 1937 г. НКВД БССР по обвинению в участии в антисоветском военном заговоре. 30 октября 1937 г. выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР осужден по ст. 63-2, 70 и 76 УК БССР к высшей мере наказания. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 3 марта 1956 г. реабилитирован посмертно.

Арман Павел Матвеевич (Тылтынь Поль Матисович) (1903-1943) — полковник (1940), Герой Советского Союза (1936). С марта 1935 г. — командир 2-го батальона 4-й механизированной бригады, затем командир 5-й механизированной бригады. В 1936-1937 гг. принимал участие в национально-революционной войне испанского народа. Арестован 2 февраля 1937 г. по обвинению в шпионаже. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 21 июня 1939 г. дело прекращено за недоказанностью обвинения. С сентября 1939 г. — слушатель Военной академии им. М.В. Фрунзе. Участвовал в Великой Отечественной войне. Погиб 7 августа 1943 г. в бою у д. Поречье Кировского района Ленинградской области.

Смушкевич Яков Владимирович (1902-1941) — генерал-лейтенант авиации (1940), дважды Герой Советского Союза (1937, 1939). В 1936-1937 гг. участвовал в национально-революционной войне испанского народа. С 1937 г. — заместитель начальника ВВС РККА. В период боев с японцами на р. Халхин-Гол (1939) командовал авиагруппой. С ноября 1939 г. — начальник ВВС Красной Армии, с 1940 г. — генерал-инспектор ВВС, а с декабря 1940 г. — помощник начальника Генштаба РККА по авиации. По заключению заместителя наркома внутренних дел СССР Б. Кобулова и Прокурора СССР Бочкова от 17 октября 1941 г. приговорён к высшей мере наказания [На самом деле он был приговорен к ВМН раньше, поскольку в документе, датированном 17 октября, говорится об уже вынесенном приговоре. По-видимому, документы, связанные с судебным или внесудебным рассмотрением дела, уничтожены в ходе фальсификации «дела Берия»]. Постановлением Генеральной прокуратуры СССР от 11 мая 1954 г. реабилитирован посмертно.

Комментарий Е. П.

Часто задают вопрос: почему этим документам дан ход только после 22 июня? Однозначного ответа дать нельзя. По всей видимости, причины были следующими. После прихода в НКВД Берии повторно расследовались дела живых подследственных. На полноценное повторное следствие по уже закрытым делам, герои которых были приговорены к ВМН, сил у НКВД не было. Эти дела представляли собой чудовищную мешанину фактов и лжи. Подследственные оговаривали невиновных из своих

собственных соображений, их вынуждали это делать следователи. С другой стороны, велось и честное следствие, и отделить «овец от козлищ», не имея возможности проводить повторные допросы, было чрезвычайно трудно. Поэтому, скорее всего, в сомнительных случаях НКВД и Сталин попросту закрывали глаза на компромат, связанный с «тридцать седьмым годом», проведя своего рода негласную амнистию оставшимся на свободе заговорщикам. После провала заговора многие из них отошли от оппозиционных дел и, хоть и не являлись с повинной, однако работали честно — так зачем их трогать, тем более в условиях дефицита кадров и надвигающейся войны?

Уже перед самой войной НКВД, по-видимому, получив какие-то новые сведения, снова инициировал дело о военном заговоре — речь идет о так называемом «деле авиаторов», по которому и был расстрелян Смуш-кевич. Но в целом проходивших по старым делам генералов не трогали, если они не давали повода подозревать их в работе на врага. Павлов повод дал — и ещё какой! Фактически он открыл фронт немцам.

Кто же касается генерала Мерецкова, который был арестован после начала войны и вскоре освобожден, то с ним могло обстоять таким образом: он действительно был связан с заговорщиками, но после разгрома заговора связи с немцами не поддерживал, честно выполнял свои обязанности (другое дело, что выполнял он их как умел — но за это в СССР не арестовывали), и по логике того времени карать его было не за что.

Приложение 3

ЗА ЧТО СОЛДАТЫ НЕ ЛЮБИЛИ ОФИЦЕРОВ И ПОЧЕМУ ОФИЦЕРЫ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЯ БОЯЛИСЬ СОЛДАТ

Из воспоминаний Ф. Т. Фомина.

«В январе 1915 года я был досрочно призван в армию...

Не успел я прийти в себя с дороги, как фельдфебель запасного батальона, располагавшегося в Туле, вызвал меня к себе: захотел поближе познакомиться. Был он явно «под мухой».

— Откуда прибыл-то?

— Из Москвы.

— Городской, говоришь, — усмехнулся фельдфебель. — А ну-ка, покажи свою городскую культуру. Гармониста сюда! — крикнул он.

Я оторопел. Что ему от меня надо?

— А ну, давай кадрили! — приказал он, когда подошел гармонист.

— Я не умею, господин фельдфебель, — отвечал я.

— Не умеешь кадрили?! Давай плясовую...

— И плясовую не умею.

— Врёшь! Должен уметь. Всё должен уметь, ежели стал солдатом. Солдат ты или кто?.. Отвечай! — неожиданно заорал он и стал наступать на меня.

— Так точно, солдат!

— Я тебя, сукина сына, выучу, коль не умеешь. За милую душу будешь кренделя выписывать... Играй камаринского, — приказал он гармонисту.

Тот испуганно моргнул и усердно заиграл плясовую.

— Ну!!! — фельдфебель опять пошел на меня. Я стоял не шевелясь.

— Никогда не плясал, господин фельдфебель, — замирая, выдавил я из себя.

— А я приказываю тебе! Понял? Пляши, и все тут.

С горьким чувством обиды я стал семенить ногами, притопывать.

—Под музыку, под музыку давай, да веселей! — покрикивал фельдфебель и хохотал.

Недолго пробыл в этом батальоне. В июне того же 1915 года я был включён в маршевую роту и направлен на фронт. Прибыли мы в район Острова-Остроленка, где в то время шли упорные бои. Не доведя до передовой позиции километров 20-30, нас расположили в корпусном резерве, в палатках, чтобы затем пополнить нами части — заменить убитых и раненых солдат.

В лагере этом мы пробыли с неделю. Но и здесь офицеры усиленно нас муштровали.

Как-то после занятий, во время обеденного перерыва, прилегли солдаты отдохнуть в палатках. Дежурный офицер по полку решил сделать обход наших палаток. Была подана команда: «Встать, смирно!» Я и другие солдаты заснули и не слышали команды. Дежурный офицер вошел в палатку и пинком ноги стал поднимать заснувших солдат. Когда он ударил меня, я вскочил.

—Смотри, если ещё повторится, не поднимешься по команде — морду набью! — сказал дежурный офицер и вышел.

Спустя два дня командир роты поручик Яковлев повел нас на учебные занятия в поле. Пошёл проливной дождь. Вымокли мы до последней нитки. Когда возвращались с учения, то по проселочной дороге не только в ногу, вообще трудно было идти: грязь налипала на сапоги. Но офицер требовал «держатъ ногу».

Стали подходить к палаткам.

Поручик Яковлев начал еще грознее покрикивать:

—Ать, два! Ать, два! Ноги не слышу! Ставь тверже ногу! Ать, два! Дай ногу!

Но, кроме чавканья грязи, ничего не слышно было. Какая уж тут «нога»!

А офицер не унимался:

—Ногу давай! — кричал он.

Как ни старались солдаты угодить офицеру-самодуру, «ноги» по-прежнему не было слышно: дорога превратилась в сплошное месиво. Дождь не унимался. Усталые, мокрые, грязные, мы думали только об одном: поскорей бы под крышу, да за котелок каши приняться...

Вот и лагерь. Вдруг слышим команду:

—Кругом, марш!

Мы повернули обратно, и поручик Яковлев снова и снова стал гонять нас, требуя «ногу».

—Буду гонять до тех пор, пока ноги не услышу. И он гонял нас, гонял с каким-то радостным остервенением. Мы окончательно выбились из сил, и, когда Яковлев остановил нас, некоторые даже шатались.

—Устали? — неожиданно дружелюбно спросил он. — Сейчас отдохнёте... Шагом марш!

И когда мы подошли к огромной луже, Яковлев командовал: «Ложись!»

Несколько минут, которые мы пролежали в луже, показались нам вечностью.

Вскоре в район расположения резервных частей, где находилась и наша рота, после длительных и ожесточенных боев прибыл для пополнения 130-й пехотный Херсонский полк. От четырех тысяч солдат и офицеров его осталось в живых лишь 120 человек.

Остатки разбитого полка были выстроены перед нами, еще не обстрелянными солдатами. Мы смотрели на их изможденные, серые лица с воспаленными глазами, на грязные шинели и фуражки, пробитые и прожженные осколками снарядов и пулями.

Появились командир полка полковник Зайченко и священник. Началась панихида по «христоробивым воинам, павшим на поле брани за веру, царя и отечество». Затем священник привел нас к присяге, после чего нами пополнили разбитый полк.

Мы почти с радостью встретили это известие. Уж очень зверствовал поручик Яковлев. Хоть к черту в пекло пойдешь, лишь бы от него подальше...

...Но от нашего мучителя поручика Яковлева избавиться нам не удалось. Сразу же после того, как нас распределили по ротам и командам, стало известно, что Яковлев назначен комендантом полка. За малейшую провинность солдата ожидало унижительное наказание. Случись, кто опоздает на вечерний привал, разговор был один: 25 розог. А опоздания были, и немудрено... Солдат во время отступления кормили порченными продуктами, да и тех было недостаточно, и многие питались чем попало, сами добывали где что придется. Большинство солдат «болело животами». И командир полка, и комендант Яковлев, конечно, знали об этом, но ни о какой медицинской помощи не было и речи. А заболевание дизентерией принимало угрожающие размеры. Медицинское обслуживание было поставлено из рук вон плохо не только у нас, но и во всей действующей армии.

Экзекуциями в полку ведал Яковлев. Исполнял он эту свою обязанность необычайно рьяно и не без удовольствия. Порка поручалась трем солдатам из комендантской команды. Один должен был держать на своих коленях голову «провинившегося» солдата, покрытую шинелью, а двое других пороли розгами. Комендант полка поручик Яковлев сам следил за поркой и покрикивал:

—Драть так драть как полагается, а то сам ляжешь!

Всё это было тяжело и унижительно не только для тех, кого наказывали, но и для тех, кого заставляли пороть. Очень часто солдаты, жалея своих товарищей, смягчали удары. В таких случаях Яковлев приходил в ярость и приказывал ложиться «сердобольному» солдату, которого и пороли под неусыпным наблюдением того же поручика Яковлева.

Больно было видеть, в каком состоянии наказанный возвращался в подразделение и как удручающе действовала на солдат такая расправа над их товарищем...

...Зимой 1916 года на фронте было затишье. Наша часть расположилась под Ригой в армейском резерве. Но и здесь редкий день не встречали мы пьяным поручика Яковлева.

Заметив солдата, идущего навстречу, Яковлев останавливал его и обычно спрашивал: «Морда бита?» Если солдат отвечал: «Никак нет, ваше благородие», Яковлев со всего размаху ударял по щеке раз и другой и брезгливо бросал:

—А теперь проваливай, мерзавец, и чтоб больше не показывался мне на глаза!

Если же солдат отвечал: «Так точно, морда бита!» — Яковлев говорил: «Ну, проваливай!» И ограничивался одними ругательствами.

Солдаты очень скоро поняли это и приноровились. Бывало, когда попадались ему на улице, всегда живо отвечали:

—Так точно, морда бита, ваше благородие.

—Кем?

—Вами, ваше благородие!

—То-то, — самодовольно ухмылялся Яковлев и отпускал солдата, не тронув.

Командир полка полковник Зайченко, конечно, знал об этих развлечениях своего офицера, но сам-то он был не лучше его.

Как-то раз настала моя очередь идти на кухню. Я должен был принести ужин для своих товарищей. Взял два котелка, получил четыре порции борща, иду обратно. А навстречу полковник Зайченко. Я вытянулся, повернул к нему лицо — ем глазами, что называется. Но, должно быть, вид мой не понравился командиру полка. Впрочем, и

немудрено: огромные валенки, бумазейная цветная телогрейка не придавали мне бравого вида. А тут еще полные котелки не дают возможности вытянуться во фронт. Полковник остановил меня:

—Ты какой роты?

Отвечаю, как положено по уставу:

—Я рядовой солдат команды разведчиков 130-го пехотного Херсонского его императорского высочества великого князя Андрея Владимировича полка.

—А кто я буду?

—Вы изволите быть командиром 130-го пехотного Херсонского его императорского высочества великого князя Андрея Владимировича полка — полковник Зайченко.

—Перед кем полагается во фронт становиться?

Начиная от государя императора и государыни императрицы, я перечисляю, перед кем солдат должен становиться во фронт. У командира полка не хватило терпения выслушать до конца и он прервал меня:

—А как ты думаешь, передо мною положено становиться во фронт?

—Так точно, положено!

—Почему не стал?

—Руки заняты котелками, ваше высокоблагородие.

—Вот оно что, — иронически протянул полковник. И вдруг как закричит: — Службу не знаешь! Слушай мою команду! Направо! Шагом марш!

Обливаясь борщом, я пошёл, стараясь как можно лучше отбить шаг. Но в огромных валенках это невозможно было. Прошел шагов 50, слышу команду: «Кругом, марш!» Повернулся я и пошел обратно. Поравнявшись с командиром полка, стал во фронт. А руки по-прежнему заняты котелками, в которых борща осталось уже наполовину.

Командир полка опять дает команду:

—Направо, шагом марш!

Я точно выполняю команду, отошёл метров за 60, иду дальше — не слышу команды. Ну, думаю, оставил меня мой мучитель. Прошёл ещё немного, поворачиваю голову. А он издали наблюдает. «Кругом! — кричит. — Бегом ко мне!» Добежал я до него, он как начал, как начал меня ругать, какое я, мол, имел право оглядываться. И устава-то я не знаю, и чинопочитания не понимаю. Стою, слушаю, молчу. Попробуй не то что возразить, а слово вымолвить в свое оправдание, ещё хуже будет.

Когда устал ругаться, опять подает команду: «Шагом марш!» Потом снова: «Кругом, марш!» И так долго он ещё, издеваясь, гонял меня туда и обратно.

Вернулся я в казарму с пустыми котелками. Товарищи накинулись на меня: где пропал — люди в других отделениях давно отужинали. А я перевернул пустые котелки и рассказал, как полковник Зайченко оставил нас без ужина, учинив мне строевые занятия с котелками.

Такого рода издевательства не проходили бесследно. Они оставляли тяжелый осадок в душе у каждого солдата, человеческое достоинство которого так жестоко оскорблялось. Затаенная ненависть к офицерам-самодурам накапливалась и искала себе выхода. Постепенно под воздействием агитации большевиков, которых в армии становилось всё больше и больше, мы начинали понимать, что дело тут не в отдельных офицерах, потерявших человеческий облик, а в том, что царская армия — это орудие классового господства эксплуататоров над трудящимися и что этим определяется и отношение офицеров к солдатам.

За время службы в царской армии я встречал всяких офицеров. Были среди них и честные, храбрые командиры, относившиеся к солдатам хорошо, но больше было таких, как Яковлев и Зайченко, не считавших солдата человеком.

Пройдёт немного времени, и таким офицерам отольются солдатские слёзы. И не только им, но и их хозяевам, тем, кто посылал нас на убой... Недаром ведь солдатская масса сыграла такую выдающуюся роль в революции...

...О Февральской революции мы узнали только через два дня после того, как она свершилась. Первое, что мы почувствовали, — это какое-то смятение среди офицеров. Резко изменилось их отношение к солдатам: одни держали себя с плохо скрываемой неприязнью, другие начали заискивать, входить «в доверие». А кое-кто из офицеров, бросив полк, бежал. Исчезли, в частности, командир полка полковник Зайченко и наш мучитель — поручик Яковлев. Эти, как видно, ничего хорошего для себя не ожидали от революции.

Приложение 4

В. И. ЛЕНИН.

О ЗАДАЧАХ ПРОЛЕТАРИАТА В ДАННОЙ РЕВОЛЮЦИИ (АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ)

Приехав только 3 апреля ночью в Петроград, я мог, конечно, лишь от своего имени и с оговорками относительно недостаточной подготовленности выступить на собрании 4 апреля с докладом о задачах революционного пролетариата.

Единственное, что я мог сделать для облегчения работы себе, — и *добросовестным* оппонентам, — было изготовление *письменных* тезисов. Я прочел их и передал их текст тов. Церетели. Читал я их очень медленно и *дважды*: сначала на собрании большевиков, потом на собрании и большевиков и меньшевиков.

Печатаю эти мои личные тезисы, снабженные лишь самыми краткими пояснительными примечаниями, которые гораздо подробнее были развиты в докладе.

ТЕЗИСЫ

1. В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К^о безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки «революционному оборончеству».

На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала.

Ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, признающих войну только по необходимости, а не ради завоеваний, ввиду их обмана буржуазией, надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистской войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром *нельзя* без свержения капитала.

Организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии.

Братанье.

2. Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата, — *ко второму* её этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства.

Этот переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма.

Это своеобразие требует от нас умения приспособиться к *особым* условиям партийной работы в среде неслыханно широких, только что проснувшихся к политической жизни, масс пролетариата.

3. Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, «требования», чтобы *это* правительство, правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским.

4. Признание факта, что в большинстве Советов рабочих депутатов наша партия в меньшинстве, и пока в слабом меньшинстве, перед *блоком всех* мелкобуржуазных оппортунистических, поддавшихся влиянию буржуазии и проводящих её влияние на пролетариат, элементов от народных социалистов, социалистов-революционеров до ОК (Чхеидзе, Церетели и пр.), Стеклова и пр. и пр.

Разъяснение массам, что С. Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства и что поэтому нашей задачей, пока *это* правительство поддается влиянию буржуазии, может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики.

Пока мы в меньшинстве, мы ведем работу критики и выяснения ошибок, проповедуя в то же время необходимость перехода всей государственной власти к Советам рабочих депутатов, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок.

5. Не парламентарная республика, — возвращение к ней от СР.Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху.

Устранение полиции, армии, чиновничества [Т. е. замена постоянной армии всеобщим вооружением народа. *Прим. Ленина.*].

Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе перенесение центра тяжести на Сов. батр. депутатов.

Конфискация всех помещичьих земель.

Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Сов. батр. и крест. депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере около 100 дес. до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батр. депутатов и на общественный счёт.

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С. Р. Д.

8. Не «введение» социализма, как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к *контролю* со стороны С. Р. Д. за общественным производством и распределением продуктов.

9. Партийные задачи:

а) немедленный съезд партии;

б) перемена программы партии, главное:

1) об империализме и империалистской войне,

2) об отношении к государству и *наше* требование «государства-коммуны» [Т. е. такого государства прообраз которого дала Парижская коммуна. *Прим. Ленина.*],

3) исправление отсталой программы-минимум;

в) перемена названия партии [Вместо «социал-демократии», официальные вожди которой во всем мире предали социализм, перейдя к буржуазии («оборонцы» и колеблющиеся «каутскианцы»), надо назваться *Коммунистической партией*. Прим. Ленина.].

10. Обновление Интернационала.

Инициатива создания революционного Интернационала, Интернационала против *социал-шовинистов* и против «центра» [«Центром» называется в международной социал-демократии течение, колеблющееся между шовинистами (= «оборонцами») и интернационалистами, именно: Каутский и К^О в Германии, Лонгэ и К^О во Франции, Чхеидзе и К^О в России, Макдональд и К^О в Англии и т. д. Прим. Ленина.].

Чтобы читатель понял, почему мне пришлось подчеркнуть особо, как редкое исключение, «случай» добросовестных оппонентов, приглашаю сравнить с этими тезисами следующее возражение господина Гольденберга: Лениным «водружено знамя гражданской войны в среде революционной демократии» (цитировано в «Единстве» г-на Плеханова, № 5).

Не правда ли, перл?

Я пишу, читаю, разжевываю: «ввиду несомненной добросовестности *широких* слоёв *массовых* представителей революционного оборончества... ввиду их обмана буржуазией, надо *особенно* обстоятельно, настойчиво, *терпеливо* разъяснять им их ошибку»...

А господа из буржуазии, называющие себя социал-демократами, *не* принадлежащие ни к *широким* слоям, ни к *массовым* представителям оборончества, с ясным лбом передают мои взгляды, излагают их так: «водружено (!) знамя (!) гражданской войны» (о ней нет ни слова в тезисах, не было ни слова в докладе!) «в среде (!) революционной демократии»...

Что это такое? Чем это отличается от погромной агитации? от «Русской Воли»?

Я пишу, читаю, разжевываю: «Советы Р. Д. есть *единственно возможная* форма революционного правительства, и поэтому нашей задачей может явиться лишь терпеливое, систематическое, настойчивое, приспособляющееся особенно к практическим потребностям масс, *разъяснение* ошибок их тактики»...

А оппоненты известного сорта излагают мои взгляды, как призыв к «гражданской войне в среде революционной демократии»!!

Я нападаю на Вр. правительство за то, что оно *не* назначало ни скорого, ни вообще какого-либо срока созыва Учр. собрания, отделяясь посулами. Я доказывал, что без Советов р. и с. деп. созыв Учр. собрания не обеспечен, успех его невозможен.

Мне приписывают взгляд, будто я против скорейшего созыва Учр. собрания!!!

Я бы назвал это «бредовыми» выражениями, если бы десятилетия политической борьбы не приучили меня смотреть на добросовестность оппонентов, как на редкое исключение.

Г-н Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели «бред» сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «брeда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит.

Гораздо легче, конечно, кричать, браниться, вопить, чем попытаться рассказать, разъяснить, вспомнить, *как* рассуждали Маркс и Энгельс в 1871, 1872, 1875 гг. об опыте Парижской Коммуны и о том, *какое* государство пролетариату нужно?

Бывший марксист г. Плеханов не желает, вероятно, вспоминать о марксизме.

Я цитировал слова Розы Люксембург, назвавшей 4 августа 1914 г. *германскую* социал-демократию «смердящим трупом». А гг. Плехановы, Гольденберги и К^О «обижаются»... за кого? — за *германских* шовинистов, названных шовинистами!

Запутались бедные русские социал-шовинисты, социалисты на словах, шовинисты на деле.

Опубликовано в «Правде», № 26, 7 апреля 1917 г.

Приложение 5

СТАЛИН. ВЫСТУПЛЕНИЯ НА VI СЪЕЗДЕ РСДРП (Б)

Отчётный доклад ЦК 27 июля

Товарищи!

Отчётный доклад ЦК охватывает деятельность ЦК за последние два с половиной месяца — май, июнь, первая половина июля месяца.

Деятельность ЦК в мае месяце протекала в трёх направлениях.

Во-первых, дан был лозунг перевыборов в Советы рабочих и солдатских депутатов. ЦК исходил из того, что у нас революция развивается мирным путем, что путем перевыборов в Советы рабочих и солдатских депутатов можно изменить состав Советов, а значит и состав правительства. Противники приписывали нам попытку захвата власти. Это клевета. У нас не было таких намерений. Мы говорили, что у нас открыта возможность путем перевыборов Советов изменить характер деятельности Советов согласно с желаниями широких масс. Нам было ясно, что достаточно перевеса в один голос в Советах рабочих и солдатских депутатов, и власть должна будет пойти иным путем. Поэтому вся работа в мае месяце шла под флагом перевыборов. В конце концов мы завоевали около половины мест в рабочей фракции Совета и около $\frac{1}{4}$ — в солдатской.

Во-вторых — агитация против войны. Мы воспользовались вынесением смертного приговора Фр. Адлеру [Фридрих Адлер — один из лидеров австрийской социал-демократии. В 1916 году, в знак протеста против войны, он убил австрийского премьер-министра Штюрка, за что в мае 1917 года был приговорен к смертной казни. Впрочем, казнен Адлер не был. По выходе из тюрьмы в 1918 году он занял враждебную позицию в отношении Октябрьской революции.] и организовали ряд митингов протеста против смертной казни и против войны. Солдаты хорошо восприняли эту кампанию.

Третья сторона деятельности ЦК — муниципальные выборы в мае месяце. ЦК совместно с ПК приложил все силы, чтобы дать бой как калетам, основной силе контрреволюции, так и меньшевикам и эсерам, вольно или невольно идущим за кадетами. Из 800.000 голосовавших в Петрограде мы получили около 20% всех голосов, причем Выборгскую районную думу завоевали целиком. Особенную услугу партии оказали товарищи солдаты и матросы.

Итак, май месяц прошёл под знаком: 1) муниципальных выборов, 2) агитации против войны и 3) перевыборов в Совет рабочих и солдатских депутатов.

Июнь месяц. Слухи о подготовке наступления на фронте нервировали солдат. Появился целый ряд приказов, сводивших на нет права солдат. Все это электризовало массы. Каждый слух моментально облетал весь Питер и вызывал волнение среди рабочих и особенно солдат. Слухи о наступлении; приказы Керенского с декларацией прав солдата; разгрузка Петрограда от «ненужных» элементов, как говорили власти, причем было ясно, что хотят освободить Петроград от революционных элементов; разруха, принимавшая все более ясные очертания, — все это нервировало рабочих и солдат. На

заводах устраивались собрания, и нам то и дело различные полки и заводы предлагали организовать выступление. 5 июня предполагалось выступление — демонстрация. Но ЦК постановил пока выступления не предпринимать, а созвать 7-го собрание из представителей районов, фабрик, заводов и полков и на нем решить вопрос о выступлении. Такое собрание было созвано, — присутствовало около 200 человек. Выяснилось, что особенно волнуются солдаты. Громадное большинство голосов решило выступить. Ставится вопрос о том, что делать, если открывшийся в то время съезд Советов выскажется против выступления. Громадное большинство высказывавшихся товарищей полагало, что никакая сила не остановит выступления. После этого ЦК решил взять на себя организацию мирной демонстрации. На вопрос, поставленный солдатами, нельзя ли выйти вооруженными, ЦК постановил: с оружием не выходить. Солдаты, однако, говорили, что выступать невооруженными невозможно, что оружие — единственная реальная гарантия против эксцессов со стороны буржуазной публики, что они возьмут оружие только для самообороны.

9 июня ЦК, ПК и Военная организация устраивают совместное заседание. ЦК ставит вопрос: ввиду того, что съезд Советов и все «социалистические» партии высказываются против нашей демонстрации, не следует ли отложить выступление. Все отвечают отрицательно.

В 12 ч. ночи 9 июня съезд Советов выпускает воззвание, в котором весь свой авторитет направляет против нас. ЦК постановляет — демонстрацию не устраивать 10 июня и отложить ее на 18 июня, учитывая, что самим съездом Советов назначается демонстрация на 18 июня, где массам удастся выявить свою волю. Рабочие и солдаты встречают с затаенным недовольством это постановление ЦК, но они выполняют его. Характерно, товарищи, что в этот день, 10 июня, утром, когда целый ряд ораторов от съезда Советов выступал на заводах для «ликвидации попытки устроить демонстрацию», громадное большинство рабочих соглашалось выслушивать ораторов только нашей партии. ЦК удалось успокоить солдат и рабочих. Этим была продемонстрирована наша организованность.

Съезд Советов, назначая демонстрацию на 18 июня, вместе с тем объявил, что демонстрация состоится под флагом свободы лозунгов. Ясно, что съезд решил дать бой нашей партии. Мы приняли вызов и стали готовить силы к предстоящей демонстрации.

Товарищи знают, как прошла демонстрация 18 июня. Даже буржуазные газеты говорили, что громадное большинство демонстрантов шло под лозунгами, выдвинутыми большевиками. Основной лозунг — «Вся власть Советам!», демонстрировало не менее 400.000. Только три маленькие группы — Бунд, казаки и плехановцы — решились выставить лозунг: «Доверие Временному правительству!», да и те закаялись, потому что их заставили свернуть свои знамена. Съезд Советов воочию убедился, что сила и влияние нашей партии велики. У всех сложилось убеждение, что демонстрация 18 июня, более внушительная, чем демонстрация 21 апреля, не пройдет даром. И, действительно, она не должна была пройти даром. «Речь» говорила, что, по всей вероятности, произойдут серьезные перемены в составе правительства, ибо политика Советов не одобряется массами. Но как раз в этот день началось наступление наших войск на фронте, наступление удачное, и в связи с этим начались манифестации «черных» на Невском. Это обстоятельство свело на нет моральную победу большевиков на демонстрации. Были сведены к нулю и те возможные практические результаты, о которых говорили и «Речь» и официальные представители правящих партий эсеров и меньшевиков.

Временное правительство осталось у власти. Факт успешного наступления, частичные успехи Временного правительства, целый ряд проектов о выводе войск из Петрограда произвели должное действие на солдат. На этих фактах они убедились, что империализм пассивный превращается в империализм активный. Они поняли, что пошла полоса новых жертв.

Фронт по-своему реагировал на политику активного империализма. Целый ряд полков, несмотря на запрещение, открыл голосование о том, наступать или нет. Высшее командование не поняло, что при новых условиях России и при том, что цели войны неясны, невозможно вслепую бросать массы в наступление. Вышло то, что мы предсказывали: наступление оказалось обреченным на провал.

Конец июня и начало июля проходят под флагом политики наступления. Идут слухи о восстановлении смертной казни, о расформировании целого ряда полков, об избиениях на фронте. Делегаты с фронта приезжают с докладами об арестах, избиениях в их рядах. Об этом же сообщают из гренадерского и пулеметного полков. Все это подготовило почву для нового выступления рабочих и солдат в Питере.

Я перехожу к событиям 3-5 июля. Началось это дело 3 июля, в 3 часа пополудни, в помещении Петербургского комитета.

3 июля. 3 часа дня. Заседает Петроградская общегородская конференция нашей партии. Обсуждается безобиднейший вопрос о муниципальных выборах. Появляются два представителя одного из полков гарнизона и вносят внеочередное заявление о том, что у них «решено выступить сегодня вечером», что они «не могут больше молча терпеть, как полк за полком раскассируются на фронте», что они «уже разослали своих делегатов по заводам и полкам» с предложением присоединиться к выступлению. В ответ на это представитель президиума конференции тов. Володарский заявляет, что «у партии имеется решение не выступать, что партийные члены данного полка не смеют нарушать постановление партии».

4 часа дня. Петербургский комитет, Военная организация и Центральный Комитет партии, обсудив вопрос, постановляют не выступать. Постановление это принимается конференцией, члены которой отправляются по заводам и полкам с целью уговорить товарищей не выступать.

5 часов дня. Таврический дворец. Заседание Бюро Центрального исполнительного комитета Советов. По поручению Центрального Комитета партии тов. Сталин вносит в Бюро Центрального исполнительного комитета заявление обо всем случившемся, причем сообщает о решении большевиков не выступать.

7 часов вечера. Перед помещением Петербургского комитета. Проходит несколько полков со знаменами. Лозунг «Вся власть Советам!». Остановившись перед помещением Петербургского комитета, просят членов нашей организации «сказать что-нибудь». Ораторы, большевики Лашевич и Кураев, выясняя в своих речах современное политическое положение, призывают к воздержанию от выступления. Их встречают криком «долой!». Члены нашей организации предлагают тогда избрать делегацию, заявить о своих желаниях Центральному исполнительному комитету Советов и потом разойтись по полкам. В ответ на это раздается оглушительное «ура!». Музыка играет «Марсельезу»... К тому времени вести об уходе кадетов из правительства облетают весь Петроград, нервирова рабочих. Вслед за солдатами появляются колонны рабочих. Лозунги те же, что и у солдат. Солдаты, как и рабочие, направляются к Таврическому дворцу.

9 часов вечера. Помещение Петербургского комитета. Вереницы делегатов от заводов. Все они предлагают организациям нашей партии вмешаться в дело и взять в свои руки руководство демонстрацией. Иначе «будет кровопролитие». Раздаются голоса о необходимости избрания делегаций от заводов и фабрик, с тем чтобы делегации заявили ЦИК Советов о воле демонстрантов, а массы, выслушав потом доклады делегаций, разошлись мирно.

10 часов ночи. Таврический дворец. Заседание рабочей секции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В связи с докладами рабочих о начавшемся выступлении большинство секции решает, во избежание эксцессов, вмешаться в демонстрацию с целью придать ей мирный и организованный характер. Меньшинство, но согласившееся с этим решением, покидает зал заседания. Большинство выбирает Бюро для исполнения только что принятого решения.

11 часов ночи. Явка ЦК и ПК нашей партии переносится в Таврический дворец, куда с вечера стекаются демонстранты. Приходят агитаторы из районов и заводские представители. Собрание представителей ЦК нашей партии, ПК, Военной организации, Межрайонного комитета, Бюро рабочей секции Петроградского Совета. Из докладов от районов выясняется, что:

1) рабочих и солдат завтра не удержать от демонстрации;

2) демонстранты выйдут с оружием исключительно в целях самообороны для того, чтобы создать действительную гарантию от провокаторских выстрелов с Невского проспекта: «в вооруженных не так-то легко стрелять».

Собрание решает: в момент, когда революционные массы рабочих и солдат демонстрируют под лозунгом «Вся власть Советам!», партия пролетариата не вправе умыть руки и пройти мимо движения, она не может покинуть массы на произвол судьбы, она должна быть вместе с массами, с тем чтобы придать стихийному движению сознательный и организованный характер. Собрание решает предложить рабочим и солдатам избрать делегатов от полков и заводов и через них заявить Исполнительному комитету Советов о своих желаниях, В духе этого решения составляется воззвание с призывом к «мирной и организованной демонстрации».

12 часов ночи. Свыше 30 тысяч путиловцев появляются у Таврического дворца. Знамена. Лозунг: «Вся власть Советам!». Выборы делегатов. Делегаты докладывают Исполнительному комитету о требовании путиловцев. Солдаты и рабочие, стоявшие у Таврического дворца, начинают расходиться.

4 июля. День. Шествие рабочих и солдат. Знамена. Лозунги большевистские. Шествие идет к Таврическому дворцу. Шествие замыкается тысячами кронштадтских матросов. Демонстрирующих, по свидетельству буржуазных газет («Биржевка»), не менее 400 тысяч. На улицах ликование. Обыватели встречают демонстрантов веселым «ура!». Пополудни начинаются эксцессы. Темные силы буржуазных кварталов омрачают выступление рабочих преступными провокационными выстрелами. Даже «Биржевые Ведомости» не решаются отрицать, что выстрелы начались со стороны противников демонстрации. «Ровно в два часа дня, — пишет «Биржевка» (вечерний выпуск от 4 июля), — на углу Садовой и Невского, когда проходили вооруженные демонстранты и собравшаяся в значительном количестве публика спокойно смотрела на них, с правой стороны Садовой раздался оглушительный выстрел, вслед за которым началась стрельба пачками».

Ясно, что начали стрелять не демонстранты, а «неизвестные лица», стреляли в демонстрантов, а не наоборот.

Выстрелы продолжались одновременно в разных местах буржуазной части города. Провокаторы не дремали. Тем не менее демонстранты не выходят из рамок необходимой самообороны. О заговоре или восстании не может быть и речи. Ни одного случая захвата правительственных или общественных учреждений не наблюдалось, ни одной попытки такого захвата, хотя демонстранты при колоссальных вооружённых силах, которыми они располагали, вполне могли бы захватить не только отдельные учреждения, но и весь город...

8 часов вечера. Таврический дворец. Собрания ЦК, Межрайонки и проч. организаций нашей партии. Решено: после того как воля революционных рабочих и солдат продемонстрирована, выступление должно быть прекращено. В духе этого решения составляется воззвание: «Демонстрация закончилась... Наш пароль: стойкость, выдержка, спокойствие» (см. воззвание в «Листке Правды» [*«Листок Правды»* вышел 6 июля 1917 года вместо очередного номера газеты «Правда», редакция которой была разгромлена юнкерами.]). Воззвание это, отданное в «Правду», не могло появиться 5 июля, так как ночью (с 4-го на 5-е) «Правда» была разгромлена юнкерами и контрразведчиками.

10-11 часов ночи. Таврический дворец. Заседание Центрального исполнительного комитета Советов. Обсуждается вопрос о власти. После ухода кадетов из правительства положение эсеров и меньшевиков становится особенно критическим: им “нужен” блок с буржуазией, но нет возможности блокироваться, ибо буржуазия не хочет больше соглашений с ними. Идея блока с кадетами проваливается. Ввиду этого вопрос о взятии власти Советами ставится ребром.

Слухи о прорыве нашего фронта германскими войсками, правда, еще не проверенные, но вносящие тревогу.

Слухи о том, что завтра появится в печати сообщение с гнусной клеветой на тов. Ленина.

Центральный исполнительный комитет Советов вызывает волынцев (солдат) в Таврический дворец для охраны дворца, — от кого? Оказывается, от большевиков, которые пришли во дворец якобы для того, чтобы «арестовать» Исполнительный комитет и «захватить власть». Это говорится о большевиках, которые ратовали за усиление Советов, за передачу им всей власти в стране!..

2-3 часа ночи. Центральный исполнительный комитет Советов не берет власти. Он поручает министрам-«социалистам» составить новое правительство, взяв туда хотя бы одиночек-буржуа. Министры снабжаются особыми полномочиями для «борьбы с анархией». Дело ясное: Центральный исполнительный комитет, поставленный перед необходимостью решительного разрыва с буржуазией, чего он особенно боится, — ибо он до сих пор черпал свою силу в тех или иных «комбинациях» с буржуазией, — отвечает решительным разрывом с рабочими и большевиками для того, чтобы, соединившись с буржуазией, обратить свое оружие против революционных рабочих и солдат. Тем самым открывается поход против революции. Революция берется эсерами и меньшевиками под обстрел на радость контрреволюции...

5 июля. В газетах (собственно в «Живом Слове») появляется сообщение с гнусной клеветой на тов. Ленина. «Правда» не вышла в свет, ибо ее разгромили с 4 на 5 июля ночью. Устанавливается диктатура «социалистических» министров, ищущих блока с кадетами. Меньшевики и эсеры, не желавшие взять власть, на этот раз берут ее (на короткое время) для того, чтобы расправиться с большевиками... Появление на улицах войсковых частей с фронта. Юнкера и контрреволюционные банды громят, обыскивают, надругаются. Травля Ленина и большевиков, поднятая Алексинским — Панкратовым — Переверзевым, используется до дна контрреволюцией. Контрреволюция растет часами. Центр диктатуры — военный штаб. Разгул контрразведки, юнкеров, казаков. Аресты, избиения. Открытый поход Центрального исполнительного комитета Советов против большевистских рабочих и солдат развязывает силы контрреволюции...

В ответ на клевету Алексинского и К^о появляется листок ЦК нашей партии — «Клеветников к суду!». Появляется отдельное воззвание ЦК (не появившееся в «Правде» ввиду ее разгрома) о прекращении забастовки и демонстрации. Поражает отсутствие каких бы то ни было воззваний прочих «социалистических» партий. Большевики одни. Против них молчаливо объединяются все элементы правее большевиков — от Суворина и Милюкова до Дана и Чернова.

6 июля. Разведены мосты. Сводный отряд усмирителя Мазуренко. На улицах войска, усмиряющие непокорных. Фактически осадное положение. «Подозрительные» арестовываются и отводятся в штаб. Идет разоружение рабочих, солдат, матросов. Петроград отдан во власть военщины. При всем желании «власть имущих» вызвать так называемый «бой» рабочие и солдаты не поддаются на провокацию, не «принимают боя». Петропавловская крепость открывает ворота разоружителям. Помещение Петербургского комитета занимает сводный отряд. По рабочим кварталам обыски, разоружение. Идея Церетели о разоружении рабочих и солдат, впервые робко сформулированная 2 июня, приводится в исполнение теперь. «Министр разоружения» — говорят о нём рабочие с озлоблением...

Типография «Труд» разгромлена. Вышел «Листок Правды». Убийство рабочего Воинова, распространявшего «Листок»... Буржуазная печать неистовствует, выдавая гнусную клевету на тов. Ленина за факт, причем в своей атаке против революции она уже не ограничивается большевиками, распространяя ее на Советы, на меньшевиков, эсеров.

Становится ясным, что эсеры и меньшевики, выдав большевиков, выдали и самих себя, выдали революцию, развязав и разнуздав силы контрреволюции. Поход контрреволюционной диктатуры против свобод в тылу и на фронте идет полным ходом. Судя по тому, что кадетская и союзная печать, вчера еще ворчавшая на революционную Россию, вдруг почувствовала себя удовлетворенной, можно заключить, что «дело» усмирения не обошлось без участия в походе отечественных и союзных денежных мешков.

2. Заключительное слово после прений по докладу 27 июля

Товарищи!

Как видно из прений, никто из товарищей не критиковал политической линии ЦК и не возражал против лозунгов ЦК партии. ЦК выставил три основных лозунга: вся власть Советам, контроль над производством и конфискация помещичьей земли. Эти лозунги снискали себе симпатии среди рабочих масс и солдат. Эти лозунги оказались верными, и мы, борясь на этой почве, сохранили за собой массы. Это я считаю основным фактом, говорящим в пользу ЦК. Если ЦК в самые трудные моменты дает верные лозунги, значит, в основном он прав.

Критика касалась не основного, а второстепенного. Она сводилась к указаниям на то, что ЦК не связался с провинцией, и деятельность его проявлялась главным образом в Петрограде. Упрек в оторванности от провинции не лишен основания. Но не было никакой возможности охватить всю провинцию. Упрек, что ЦК фактически превратился в Петербургский комитет, справедлив отчасти. Это так. Но здесь, в Петрограде, куется политика России. Здесь руководящие силы революции. Провинция реагирует на то, что делается в Петрограде. Это объясняется, наконец, тем, что здесь Временное правительство, которое сосредоточивает в своих руках всю власть, здесь ЦИК, как голос всей организованной революционной демократии. С другой стороны, события бегут, идет открытая борьба, нет никакой уверенности, что существующая власть завтра же не слетит. При таких условиях ждать, когда наши друзья из провинции выскажутся, было немислимо. Известно, что ЦИК решает вопросы революции, не дожидаясь провинции. У них в руках весь правительственный аппарат. А у нас? У нас аппарат ЦК. Но аппарат ЦК, конечно, слаб. И требовать от ЦК, чтобы он не предпринимал никаких шагов, предварительно не опросив провинции, значит требовать, чтобы ЦК шел не впереди, а позади событий. Но это был бы не ЦК. Только при том методе, которого мы придерживались, ЦК мог продержаться на высоте положения.

Были упреки частного характера. Товарищи говорили о неудаче восстания 3-5 июля. Да, товарищи, была неудача, но это было не восстание, а демонстрация. Эта неудача объясняется разрывом фронта революции в связи с изменническим поведением мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков, повернувшихся спиной к революции.

Тов. Безработный [Безработный псевдоним Д. З. Мануильского.] говорил, что ЦК не постарался наводнить Петроград и провинцию листовками с разъяснениями событий 3-5 июля. Но наша типография была разгромлена, и не было никакой физической возможности отпечатать что-либо в других типографиях, так как это грозило типографиям разгромом.

Дело, все же, обстояло здесь не так плохо: если в одних кварталах нас арестовывали, то в других нас встречали с приветом и с необыкновенным подъемом. И сейчас настроение питерских рабочих превосходное, престиж большевиков велик.

Я хотел бы поставить ряд вопросов.

Во-первых, как мы должны реагировать на клевету на наших вождей. В связи с событиями последнего времени необходимо составить манифест ко всему народу с выяснением всех фактов, для чего следует избрать комиссию. И этой же комиссии, если вы ее изберете, я предлагаю издать воззвание к революционным рабочим и солдатам Германии, Англии, Франции и т.д. с информацией о событиях 3-5 июля, где мы должны заклеить клеветников. Мы — самая передовая часть пролетариата, мы несем ответственность за революцию, мы должны сказать всю правду о событиях и разоблачить гнусных клеветников.

Во-вторых — об уклонении Ленина и Зиновьева от явки в «суд». В данный момент все еще неясно, в чьих руках власть. Нет гарантии, что, если они явятся, они не будут подвергнуты грубому насилию. Другое дело, если суд будет демократически организован и будет дана гарантия, что не будет допущено насилие. На вопрос об этом нам отвечали в ЦИК: «Мы не знаем, что может случиться». Следовательно, пока положение еще не выяснилось, пока ещё идёт глухая борьба между властью официальной и властью фактической, нет для товарищей никакого смысла являться в “суд”. Если же во главе будет стоять власть, которая сможет гарантировать наших товарищей от насилий, они явятся.

Доклад о политическом положении 30 июля

Товарищи!

Вопрос о политическом положении России есть вопрос о судьбах нашей революции, о ее победах и поражениях в условиях империалистической войны.

Уже в феврале стало ясно, что основными силами нашей революции являются пролетариат и крестьянство, переодетое ввиду войны в солдатские шинели.

Случилось так, что в борьбе с царизмом в одном лагере с этими силами, как бы в коалиции с ними, оказались еще другие силы — либеральная буржуазия и союзный капитал.

Пролетариат был и остается смертельным врагом царизма.

Крестьянство верило пролетариату и, видя, что ему не получить земли без свержения царизма, пошло за пролетариатом.

Либеральная буржуазия разочаровалась в царизме и отошла от него, ибо царизм не только не завоевал ей новых рынков, но не сумел удержать даже старых, отдав Германии 15 губерний.

Союзный капитал, друг и доброжелатель Николая II, «принужден» был также изменить царизму, ибо царизм не только не обеспечил ему желанного «единства фронта», но явно готовил еще сепаратный мир с Германией. Таким образом царизм оказался изолированным. Этим, собственно, и объясняется тот “поразительный” факт, что царизм так “тихо и неслышно скончался”.

Но силы эти преследовали совершенно различные цели.

Либеральная буржуазия и англо-французские капиталисты хотели проделать в России *малую* революцию, вроде младотурецкой, для того, чтобы, подняв воодушевление народных масс, использовать его для *большой* войны, причем власть капиталистов и помещиков осталась бы в основе непоколебленной.

Малая революция для большой войны!

Рабочие и крестьяне добивались, наоборот, коренной ломки старого уклада, того, что называется у нас великой революцией, с тем чтобы, опрокинув помещиков и обуздав империалистическую буржуазию, окончить войну, обеспечить дело мира.

Великая революция и мир!

Это коренное противоречие и легло в основу развития нашей революции, в основу всех и всяких «кризисов власти».

«Кризис» 20-21 апреля является первым открытым выражением этого противоречия. Если в истории этих «кризисов» успех каждый раз оказывался пока что на стороне империалистической буржуазии, то это объясняется не только организованностью фронта контрреволюции во главе с кадетской партией, но прежде всего тем, что колеблющиеся в сторону империализма соглашательские партии эсеров и меньшевиков, пока еще ведущие за собой широкие массы, — ломали каждый раз фронт революции, перебегали в лагерь буржуазии и создавали таким образом перевес в пользу фронта контрреволюции.

Так было в апреле.

Так было в июле.

“Принцип” коалиции с империалистической буржуазией, выдвинутый меньшевиками и эсерами, оказался на деле тем самым зловредным средством, благодаря которому кадетская партия капиталистов и помещиков, изолируя большевиков, шаг за шагом укрепляла свои позиции руками самих же меньшевиков и эсеров...

Наступившее в марте — апреле — мае затишье на фронте было использовано для дальнейшего развития революции. Подгоняемая общей разрухой в стране и поощряемая наличием свобод, которых не имеет ни одна воюющая страна, революция все более углублялась, ставя на очередь социальные вопросы. Она врывается в хозяйственную сферу, ставя вопросы о рабочем контроле в промышленности, о национализации земли и снабжении инвентарем неимущего крестьянства, об организации правильного обмена между городом и деревней, о национализации банков, наконец, о взятии власти пролетариатом и беднейшими слоями крестьян. Революция вплотную подошла к необходимости социалистических преобразований.

Некоторые товарищи говорят, что так как у нас капитализм слабо развит, то утопично ставить вопрос о социалистической революции. Они были бы правы, если бы не было войны, если бы не было разрухи, не были расшатаны основы капиталистической организации народного хозяйства. Вопрос о вмешательстве в хозяйственную сферу ставится во всех государствах, как необходимый вопрос в условиях войны. В Германии этот вопрос также поставлен жизнью и обходится без прямого и активного участия масс. Другое дело у нас в России. У нас разруха приняла более грозные размеры. С другой стороны, такой свободы, как у нас, нигде не существует в условиях войны. Затем, нужно учесть громадную организованность рабочих: у нас, например, в Питере 66% организованных металлистов. Наконец, нигде у пролетариата не было и нет таких широких организаций, как Советы рабочих и солдатских депутатов. Понятно, что пользовавшиеся максимумом свободы и организованности рабочие не могли отказаться от активного вмешательства в хозяйственную жизнь страны в сторону социалистических преобразований, не совершая над собой политического самоубийства. Было бы недостойным педантизмом требовать, чтобы Россия «подождала» с социалистическими преобразованиями, пока Европа не «начнет». «Начинает» та страна, у которой больше возможностей...

Поскольку революция шагнула так далеко вперед, она не могла не возбудить бдительности контрреволюционеров, она должна была стимулировать контрреволюцию. Это — первый фактор мобилизации контрреволюции.

Второй фактор — авантюра, начатая политикой наступления на фронте, и целый ряд прорывов фронта, лишивших Временное правительство всякого престижа и окрыливших контрреволюцию, которая повела атаку на правительство. Ходят слухи, что у нас началась полоса провокаций в широком масштабе. Делегаты с фронта считают, что и наступление и отступление, словом, все, что произошло на фронте, подготовлено для того, чтобы обесчестить революцию и свалить Советы. Я не знаю, верны эти слухи или нет, но замечательно, что 2 июля из правительства ушли кадеты, 3-го начинаются

июльские события, а 4-го получают известия о прорыве фронта. Удивительное совпадение! Говорить, что кадеты вышли из-за решения по вопросу об Украине, нельзя, ибо кадеты не возражали против разрешения украинского вопроса. Есть и второй факт, говорящий за то, что действительно началась полоса провокаций: я говорю о перестрелке на Украине [27 июля 1917 года отправлявшиеся на фронт эшелоны украинского полка имени Богдана Хмельницкого на станциях, прилегающих к Киеву, и в самом Киеве подверглись обстрелу со стороны казаков и кирасир.]. В связи с этими фактами товарищам должно быть ясно, что прорыв фронта был в плане контрреволюции одним из факторов, долженствовавших провалить идею революции в глазах широких мелкобуржуазных масс.

Есть ещё третий фактор, усиливший контрреволюционные силы в России: это союзный капитал. Если союзный капитал, видя, что царизм идет на сепаратный мир, изменил правительству Николая, то ему никто не мешает порвать с нынешним правительством, если оно окажется неспособным сохранить «единый» фронт. Милюков сказал на одном из заседаний, что Россия расценивается на международном рынке, как поставщик людей, и получает за это деньги, и если выяснилось, что новая власть, в лице Временного правительства, неспособна поддержать единого фронта наступления на Германию, то не стоит и субсидировать такое правительство. А без денег, без кредита правительство должно было провалиться. В этом секрет того, что кадеты в период кризиса возымели большую силу Керенский же и все министры оказались куклами в руках кадетов. Сила кадетов в том, что их поддерживал союзный капитал.

Перед Россией стояло два пути:

либо прекращается война, разрываются все финансовые связи с империализмом, революция двигается дальше, расшатываются основы буржуазного мира, и начинается эра рабочей революции;

либо другой путь, путь продолжения войны, продолжения наступления на фронте, подчинения всем приказам союзного капитала и кадетов, — и тогда полная зависимость от союзного капитала (в Таврическом дворце были определенные слухи, что Америка даст 8 миллиардов рублей, даст средства «восстановить» хозяйство) и торжество контрреволюции.

Третьего не дано.

Попытка эсеров и меньшевиков выдать выступление 3-4 июля за вооруженный мятеж — просто смешна. 3 июля мы предлагали единство революционного фронта против контрреволюции. Наш лозунг: «Вся власть Советам!» и значит — создать единый революционный фронт. Но меньшевики и эсеры, боясь оторваться от буржуазии, повернулись к нам спиной, что разбило революционный фронт в угоду контрреволюционерам. Если говорить о виновниках победы контрреволюции, то виновниками являются эсеры и меньшевики. Наша беда в том, что Россия — страна мелкобуржуазная, идущая пока еще за эсерами и меньшевиками, входящими в соглашение с кадетами. И до того момента, пока массы не разочаруются в идее соглашения с буржуазией, революция будет хромать и спотыкаться.

Перед нами теперь картина диктатуры империалистической буржуазии и контрреволюционного генералитета. Правительство, внешне борющееся с этой диктатурой, на деле исполняет ее волю, являясь лишь ширмой, прикрывающей ее от народного гнева. Обессиленные и обесчещенные Советы своей политикой бесконечных уступок лишь дополняют картину, причем, если их не разгоняют, то потому что они «нужны» как «необходимое» и очень «удобное» прикрытие.

Положение, таким образом, изменилось в корне.

Должна измениться и наша тактика.

Раньше мы стояли за мирный переход власти к Советам, при этом предполагалось, что достаточно принять в ЦИК Советов решение о взятии власти, чтобы буржуазия мирно очистила дорогу. И, действительно, в марте, апреле и мае каждое

решение Советов считалось законом, ибо его можно было каждый раз подкрепить силой. С разоружением Советов и низведением их (фактически) до степени простых «профессиональных» организаций, положение изменилось. Теперь с решениями Советов не считаются. Теперь для того, чтобы взять власть, нужно предварительно свергнуть существующую диктатуру.

Свержение диктатуры империалистической буржуазии — вот что должно быть теперь очередным лозунгом партии.

Мирный период революции кончился. Наступил период схваток и взрывов.

Осуществление лозунга свержения нынешней диктатуры возможно лишь при условии нового мощного политического подъема в общерусском масштабе. Неизбежность такого подъема диктуется всем ходом развития страны, диктуется тем обстоятельством, что ни один из коренных вопросов революции не разрешен, ибо вопросы о земле, о рабочем контроле, о мире, о власти — не разрешены.

Репрессии, не разрешая ни одного вопроса революции, только обостряют положение.

Основными силами нового движения будут городской пролетариат и беднейшие слои крестьян. Они и возьмут власть в свои руки в случае победы.

Характерная черта момента состоит в том, что контрреволюционные мероприятия проводятся руками «социалистов». Только создав такую ширму, контрреволюция может еще просуществовать месяц — другой. Но поскольку развиваются силы революции, взрывы будут, и настанет момент, когда рабочие поднимут и сплотят вокруг себя бедные слои крестьянства, поднимут знамя рабочей революции и откроют эру социалистической революции в Европе.

Ответы на вопросы по докладу о политическом положении 31 июля

По первому пункту: «Какие формы боевой организации предлагает докладчик вместо Советов рабочих депутатов», я отвечаю, что такая постановка вопроса неправильна. Я не выступал против Советов, как формы организации рабочего класса, но лозунг определяется не формой организации революционного учреждения, а тем содержанием, которое составляет плоть и кровь данного учреждения. Если бы в состав Советов входили кадеты, мы никогда не выдвигали бы лозунга о передаче им власти.

Теперь мы выдвигаем лозунг передачи власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. Следовательно, вопрос не в форме, а в том, какому классу передается власть, вопрос в составе Советов.

Советы являются наиболее целесообразной формой организации борьбы рабочего класса за власть, но Советы не единственный тип революционной организации. Это форма чисто русская. За границей мы видели в этой роли муниципалитеты во время великой французской революции, Центральный комитет национальной гвардии во время Коммуны. Да и у нас бродила мысль о революционном комитете. Быть может рабочая секция явится наиболее приспособленной формой для борьбы за власть.

Но надо ясно дать себе отчет, что не вопрос о форме организации является решающим.

На самом деле решающим является вопрос, созрел ли рабочий класс для диктатуры, а все остальное приложится, будет создано творчеством революции.

По второму и третьему пунктам, — как практически сложится наше отношение к существующим Советам, — ответ совершенно ясен. Поскольку речь идет о передаче всей власти Центральному исполнительному комитету Советов, то этот лозунг устарел. И только об этом идет речь. Вопрос о свержении Советов выдуманный. Его никто здесь не ставил. Если мы предлагаем снять лозунг: «Вся власть Советам!», отсюда еще не вытекает: «Долой Советы!». И мы, снимающие этот лозунг, в то же время не выходим

даже из Центрального исполнительного комитета Советов, несмотря на всю жалкую роль его за последнее время.

Местные Советы могут еще сыграть роль, так как им необходимо будет обороняться от притязаний Временного правительства, и в этой борьбе мы их поддержим.

Итак, повторяю: отмена лозунга передачи власти в руки Советов не означает «Долой Советы!». «Наше отношение к тем Советам, где мы находимся в большинстве», — самое сочувственное. Да живут и укрепляются такие Советы. Но *сила* уже не в Советах. Прежде Временное правительство издавало декрет, а Исполнительный комитет Советов -контрдекрет, причем только последний приобретал силу закона. Вспомните историю с приказом № 1. Теперь же Временное правительство не считается с Центральным исполнительным комитетом. Участие ЦИК Советов в следственной комиссии о событиях 3-5 июля не было отменено ЦИК Советов, но не состоялось по приказу Керенского. Вопрос теперь не в завоевании большинства в Советах, что само по себе очень важно, но в свержении контрреволюционной диктатуры.

По пункту четвертому — о более конкретном определении понятия «беднейшее крестьянство» и указании формы его организации — я отвечаю, что термин «беднейшее крестьянство» — термин не новый. Он введен в марксистскую литературу тов. Лениным с пятого года, а с тех пор употреблялся почти в каждом номере «Правды» и нашел место в резолюциях Апрельской конференции.

Беднейшие слои крестьянства — это те, которые расходятся с крестьянскими верхами. Совет крестьянских депутатов, «представляющий» будто бы 80 миллионов крестьян (считая и женщин), является организацией крестьянских верхов. Крестьянские низы ведут ожесточенную борьбу с политикой этого Совета. В то время как глава партии социалистов-революционеров Чернов, далее Авксентьев и другие предлагают крестьянам не брать земли немедленно, а ждать общего решения земельного вопроса Учредительным собранием, крестьяне в ответ на это забирают землю, распахивают её, забирают инвентарь и т. д. Такие известия мы имеем из Пензенской, Воронежской, Витебской, Казанской и ряда других губерний. Одно это ясно показывает расслоение деревни на низы и верхи, показывает, что крестьянства, как единого целого, больше не существует. Верхы идут преимущественно за социалистами-революционерами, низы не в состоянии жить без земли и стоят в оппозиции к Временному правительству. Это — малоземельные, однолошадные, безлошадные и т.п. К ним же примыкают слои, почти обделенные землей, полупролетарские.

Неразумно было бы не пытаться достигнуть в революционный период известного соглашения с этими слоями крестьянства. Но в то же время необходимо организовать отдельно батрацкие слои крестьянства, сплотить их вокруг пролетариев.

Какая будет форма организации этих слоев — трудно предсказать. Сейчас крестьянские низы организуются или в самочинные Советы, или стараются захватить уже существующие Советы. Так, в Петербурге месяца 1½ назад сорганизовался Совет из беднейших крестьян (из представителей 80 солдатских частей и от заводов), который ведет отчаянную борьбу против политики Совета крестьянских депутатов.

Вообще Советы являются наиболее целесообразной формой организации масс, но мы должны говорить не языком *учреждений*, а указывать *классовое содержание*, должны стремиться к тому, чтобы массы также различали *форму от содержания*.

Вообще говоря, вопрос о формах организации не является основным. Будет революционный подъем, создадутся и организационные формы. Пусть вопрос о формах не заслоняет основного вопроса: в руки *какого класса* должна перейти власть.

Впредь для нас немислим блок с оборонцами. Оборонческие партии связали свою судьбу с буржуазией, и идея блока от социалистов-революционеров до большевиков потерпела крушение. Борьба с верхами Советов в союзе с беднейшими слоями крестьянства и сметение контрреволюции — вот очередной вопрос.

5. Заключительное слово 31 июля

Товарищи!

Прежде всего я должен внести несколько фактических поправок.

Тов. Ярославский, опровергая мое утверждение, что российский пролетариат является наиболее организованным, указывает на австрийский пролетариат. Но, товарищи, я говорил о «красной», о революционной организованности, и подобной организованности нет ни в одной стране в такой мере, как у российского пролетариата.

Ангарский совершенно неправ, указывая, что будто бы я провожу идею объединения всех сил. Но мы не можем не видеть, что, по различным мотивам, не только крестьянство и пролетариат, но и русская буржуазия и иностранный капитал повернулись спиной к царизму. Это факт. Нехорошо, если марксисты пасуют перед фактом. Но потом первые две силы стали на путь дальнейшего развития революции, вторые — на путь контрреволюции.

Перехожу к существу дела. Острее всех поставлен вопрос Бухариным, но и он не довел его до конца. Бухарин утверждает, что у буржуа-империалиста заключен блок с мужиком. Но с каким мужиком? У нас есть разные мужики. С правыми мужиками блок заключен, но у нас есть мужики низовые, левые, представляющие беднейшие слои крестьянства. Вот с ними-то этого блока не могло быть. Они блока с крупной буржуазией не заключали, но идут за ней по несознательности, их просто обманывают, ведут за собой.

Против кого же блок?

Этого Бухарин не сказал. Это блок союзного и русского капитала, командного состава и верхов крестьянства в лице социалистов-революционеров типа Чернова. Этот блок сложился против низов крестьянства, против рабочих.

В чём перспектива Бухарина? Его анализ неверен в самой основе. По его мнению, на первом этапе мы идем к крестьянской революции. Но ведь она не может не встретиться, не совпасть с рабочей революцией. Не может быть, чтобы рабочий класс, составляющий авангард революции, не боролся вместе с тем за свои собственные требования. Поэтому я считаю схему Бухарина непродуманной.

Второй этап по Бухарину — революция пролетарская при поддержке Западной Европы, без крестьян, которые получили землю и удовлетворились. Но против кого направлена эта революция? Бухарин в своей игрушечной схеме не дает на это ответа. Других подходов к анализу событий не было предложено.

О политическом положении. Теперь о двоевластии никто уже не говорит. Если ранее Советы представляли реальную силу, то теперь это лишь органы сплочения масс, не имеющие никакой власти. Именно поэтому невозможно «просто» передать им власть. Тов. Ленин в своей брошюре [Имеется в виду брошюра Ленина «К лозунгам», написанная в июле 1917 года.] идёт дальше, определенно указывая, что двоевластия нет, так как вся власть перешла в руки капитала, и выставить теперь лозунг: «Вся власть Советам!» — значит заниматься донкихотством.

Если ранее без санкции Исполнительного комитета Советов никакие законы не имели силы, то теперь нет даже разговоров о двоевластии. Захватывайте все Советы, власти у вас не будет!

Мы издевались над кадетами при выборах в районные думы, так как они представляли самую жалкую группу, получившую 20% голосов. Теперь они издеваются над нами. В чем дело? В том, что власть перешла при попустительстве Центрального исполнительного комитета Советов в руки буржуазии.

Товарищи торопятся с вопросом об организации власти. Но ведь власти-то у вас нет ещё!

Главная задача — пропаганда необходимости *свержения* существующей власти. Мы ещё недостаточно подготовлены к этому. Но надо подготовиться.

Надо, чтобы рабочие, крестьяне и солдаты поняли, что без свержения нынешней власти им не получить ни воли, ни земли!

Итак, вопрос стоит не об организации власти, а об ее свержении, а когда мы захватим власть в свои руки, сорганизовать ее мы сумеем.

Теперь несколько слов в ответ Ангарскому и Ногину в связи с их возражением против социалистических преобразований в России. Ещё на Апрельской конференции мы говорили, что настал момент, чтобы начать делать шаги в сторону социализма (*читает конец резолюции Апрельской конференции «О текущем моменте»*):

«Пролетариат России, действующий в одной из самых отсталых стран в Европе, среди массы мелкокрестьянского населения, не может задаваться целью немедленного осуществления социалистических преобразований. Но было бы величайшей ошибкой, а на практике даже полным переходом на сторону буржуазии, выводить отсюда необходимость поддержки буржуазии со стороны рабочего класса, или необходимость ограничивать свою деятельность рамками, приемлемыми для мелкой буржуазии, или отказ от руководящей роли пролетариата в деле разъяснения народу неотложности ряда практически назревших шагов к социализму».

Товарищи отстали на три месяца. Что же совершилось за эти три месяца? Мелкая буржуазия расслоилась, низы уходят от верхов, пролетариат организуется, разруха растет, ставя еще настоятельнее на очередь вопрос об осуществлении рабочего контроля (например, в Питере, Донецкой области и т. п.). Все это идет на пользу положений, принятых еще в апреле. А товарищи тянут нас назад,

О Советах. Тем фактом, что мы снимаем прежний лозунг о власти Советов, мы не выступаем против Советов. Наоборот, можно и должно работать в Советах, даже в Центральном исполнительном комитете Советов — органе контрреволюционного прикрытия. Хотя Советы теперь лишь органы сплочения масс, но мы всегда с массами и не уйдем из Советов, пока нас оттуда не выгонят. Ведь мы остаемся и в фабрично-заводских комитетах и в муниципалитетах, хотя они не имеют в своих руках власти. Но, оставаясь в Советах, мы продолжаем разоблачать тактику социалистов-революционеров и меньшевиков.

После того, как контрреволюция с полной очевидностью вскрыла связь нашей буржуазии с союзным капиталом, стало еще очевиднее, что в нашей революционной борьбе мы должны опираться на три фактора: российский пролетариат, наше крестьянство и международный пролетариат, так как судьбы нашей революции тесно связаны с западно-европейским движением.

Комментарий Е. П.

Как видим, Сталин полностью пренебрегает не только разного рода ораторскими приемами, но даже вступлениями, заключениями и пр. Он говорит только по делу.

Приложение 6

РАССКАЗ АНАРХИСТА ФЕДОРА ДРУГОВА О ТОМ, КАК ОН ШТУРМОВАЛ ЗИМНИЙ ДВОРЕЦ

Я лежал в военном госпитале, когда мне сообщили, что назревают серьезные события. Я, несмотря на протесты врача, выписался и помчался прямо в Смольный, не

показавшись даже родным. Там я встретил Марусю Спиридонову, которая мне объяснила все и сообщила, что левые эсеры выступают вместе с большевиками против Временного правительства. Она попросила меня войти в Петроградский Военно-Революционный Комитет (ПВРК), в который большевики не хотели пускать левых эсеров, а меня, анархиста, готовы были терпеть как посредника между двумя крайне левыми партиями. После переговоров с Лениным я был введен в состав ПВРК. Он помещался в двух комнатах верхнего этажа Смольного, в северном конце коридора. Возле него в отдельном помещении находился Ленин, а напротив — военный штаб Антонова. По окончании II Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, принявшего постановление о передаче власти Советам, председатель ПВРК Дзержинский предложил мне поехать к Зимнему дворцу и выяснить положение. Доехав по Невскому до Морской улицы, я сошел с автомобиля и направился пешком...

У Морской и Невского стояло несколько орудий с дулами, направленными в сторону Зимнего. Впереди около арки, сложив ружья в козлы, сгрудилась группа солдат. По их спокойному виду нельзя было судить, что это передовая линия осады. Направляюсь к Александрийскому саду — около улицы Гоголя стояла группа красногвардейцев и реквизировала все проходящие мимо автомобили, сгоняя их к Смольному. В конце Невского двигались одинокие прохожие, некоторые с винтовками и пулеметами. На площади у Исаакиевского Собора расположился бивак матросов Второго Балтийского Экипажа. Такая мирная обстановка меня поразила. В Смольном известно, что Временное правительство решило защищать свою власть, и там уверены, что без штурма Зимнего не обойтись — а здесь не только нет достаточной осады, кругом дыры, но и те незначительные части, что кое-где стоят, благодушно настроены и не чувствуют боевой обстановки. Я пересек Дворцовую площадь и подошел к группе штатских, среди которых находилось несколько матросов. Узнал нескольких анархистов — разговор шел о Керенском, который якобы идет с казаками на выручку Временному правительству, говорят, юнкера готовят вылазку из Зимнего дворца, вроде бы у них есть несколько броневиков и поэтому надо брать поскорее штурмом дворец. Вся обстановка говорила за то, что они правы. Но кто же будет штурмовать Зимний, если вокруг никого нет? В это время кто-то указал на движущийся быстро через площадь силуэт человека. Никто не придавал этому значения. Однако меня заинтересовал этот силуэт, который, судя по всему, вышел из Зимнего. Я предложил его задержать. Каково же было наше удивление, когда мы узнали в нем командующего Петроградским военным округом. Штатское пальто не спасло его, и он был препровожден в ВРК. Когда в толпе узнали, что я член Петроградского Ревкома, один анархист позвал меня сходить к баррикадам юнкеров и предложить им сдаться. Я согласился. Махая носовыми платками, мы пошли к баррикаде и влезли на нее. При виде нас юнкера сгрудились к нам. Мой спутник произнес агитационную речь, после чего юнкера плаксивым ребяческим хором загалдели: «Ну мы же не хотим братоубийства. Мы хоть сейчас сдадимся, но кому же, кому мы должны сдаться, скажите?» Мой спутник указал на меня: «Вот член Военно-Революционного Комитета. Он является законным представителем государственной власти». В этот момент из ворот вышел офицер и крикнул: «Господа юнкера! Позор! Вы братаетесь с хамьем. Марш по местам». Но юнкера уже вышли из повиновения. Посыпались жалобы и упреки. Видно было, что Временное правительство уже не пользуется у них авторитетом. И перспектива встретиться с разъяренной народной толпой им не улыбалась. Офицер повернулся на каблуках и быстро ушел. Сейчас же во дворе раздалась команда, и к воротам частыми шагами подошел взвод других юнкеров. «На линию огня, шагом марш!» Новые юнкера рассыпались по бойницам. Старые выстроились и ушли внутрь здания, ворча на офицера. Офицер резко обратился к нам: «А вы кто такие?» Я ответил, что я член ВРК и уполномочен передать предложение о сдаче: «Зимний дворец окружен плотным кольцом, на Неве стоят военные корабли. Положение Временного правительства безнадежно», но офицер грязно выругался и послал нас. И мы пошли...

Захватив на Невском первую попавшуюся машину, я приехал в Смольный. Обрисовал печальную картину, сложившуюся вокруг Зимнего, Антонову. Антонов, трясая длинной шевелюрой, удивился моему рассказу: «Как? А мне только что сообщили, что Временное правительство сдалось и Зимний плотно оцеплен нашими войсками. Я сейчас же приму меры. Спасибо, товарищ!»

Видя царящий в военном штабе хаос, бестолковщину и благодушное неведение командующего, я, сообщив в ВРК свои сведения, помчался назад к Зимнему, чтобы лично организовать штурм Дворца. По дороге я услышал несколько выстрелов. Когда я вернулся к Зимнему, вокруг него царило уже большое оживление. Разношерстные группы гнездились за каждым прикрытием. Это не были организованные отряды, это была обычная революционная толпа, которой никто не руководил, но которая собралась сюда поодиночке со всех концов города, как только раздались первые выстрелы — признак революции. Тут были матросы, рабочие, солдаты и просто неопределенные лица. Это была стихия. Организованные же части продолжали благодушествовать, расположившись бивуаком в стороне. Я взял на себя задачу направить эту стихию на активные действия. Черная ночь, мертвящая тишина, передвигающиеся с места на место тени «стихии» нервировали защитников баррикады. Время от времени они оглашали площадь выстрелами. Для порядка и мы посылали им ответные выстрелы из толпы. Перестрелка создавала некоторую напряженность и революционизировала атмосферу, привлекая с окраин толпы рабочих, желающих принять боевое участие в революции. Из-под арки я перебрался к сложенным штабелям, под прикрытием которых скопилось много стихийников. Эта масса жаждала действия.

Стоило мне только предложить нескольким матросам штурмовать баррикаду, как тотчас же вокруг собралась целая рота добровольцев. Они только и жаждали инициатора, который бы что-нибудь такое затеял. Я взял на себя командование. Объяснил боевую задачу, как нужно себя вести при наступлении, и мы широкой цепью двинулись вперед. Нам удалось дойти уже до середины площади, когда нас выдал предательский свет фонаря на Александрийской колонне. Нас заметили с баррикады и после первого залпа открыли по нам частый огонь. Впившись в мостовую зубами, мы лежали как мертвые. Кто-то из наших товарищей сзади догадался «потушить» фонарь на колонне. И вскоре стрельба юнкеров стала стихать. Не успела еще прекратиться стрельба, как я услышал над своей головой голос неизвестно откуда взявшейся медсестры: «Товарищ, ты жив?!» К счастью, помощь не понадобилась — никаких ран, кроме нескольких разбитых при падении на мостовую коленок и лбов, у наступающих не было. То ли юнкера не умели стрелять, то ли стреляли поверх голов, и это спасло защитников Зимнего от эксцессов толпы. После неудачной попытки атаковать баррикаду я решил приблизиться ко Дворцу со стороны Миллионной улицы. Перебежками вдоль стены штаба мы добрались до угла и присоединились к солдатам Павловского полка, укрывавшимися за гранитными статуями Эрмитажа. Взяв с собой группу матросов, я направился для разведки к боковым воротам Зимнего. Подкравшись к воротам, мы увидели ударниц женского батальона и вступили с ними в переговоры.

Оказалось, они сами искали путей войти с нами в контакт. Они нам сообщили, что женский ударный батальон и большая часть юнкеров постановили прекратить защиту группы растерявшихся людей, именующих себя Временным правительством. Они хотели вступить в переговоры с представителями ВРК, которые гарантировали бы им личную безопасность и свободное возвращение. Получив от меня гарантии, делегаты сдающихся частей ушли передавать результат переговоров своим товарищам. Ударницы начали выходить с полным вооружением, складывая винтовки в кучу. Проходя через строй рабочих и красногвардейцев, молодые ударницы бросали задорные, кокетливые взгляды своим бывшим «врагам». Беспечный вид смазливых девчонок, плотно натянутые шаровары которых выдавали соблазнительные формы женского тела, развеселил нашу публику. Посыпались остроты и комплименты. Матросские лапы потянулись к шароварам

пошарить, не спрятано ли там оружие. Ударницы не догадывались, в чем дело, и покорно позволяли гладить свои ноги. Другие же догадывались, но нарочно щеголяли своим телом, насмешливо наблюдая за движением матросских рук и как только эти руки переходили границы возможного, так моментально получали шлепок, и пленница со смехом убегала. Растроганный матрос безнадежно вздыхал: «Эх, хороша Маша, да не наша». Солдаты скромнее, тех больше привлекали упругие груди, соблазнительно обрисовывавшиеся под тканью гимнастерок. С простодушной неуклюжестью солдаты пользовались возможностью «полапать» девчонок. Проходя дальше по строю, ударницы, освоившиеся уже с «вражеской» обстановкой, раздавали шлепки налево и направо. Толпа гоготала в блаженном веселии. А в это время в нескольких десятках саженой из-за баррикады трещали выстрелы. Война только началась. За ударницами потянулись юнкера. Наконец, вышел последний юнкер и сообщил, что желающих сдаваться пока больше нет, но некоторые части юнкеров колеблются. Офицеры обеспокоены сдачей части юнкеров и ударниц. Много юнкеров арестовано, и им грозит расстрел за измену Временному правительству.

Воспользовавшись путем, которым вышли из Зимнего юнкера, матросня ворвалась во дворец и рассеялась по бесчисленным коридорам и залам дворца. Поднявшись по лестнице наверх, я с группой матросов стал пробираться по залам внутрь. Вперед мы выслали разведку, которая тщательно осматривала все помещения по пути. Двигаться было очень опасно. За каждой дверью, за каждой портьерой мог встретить притаившийся враг. Наконец, нас просто могли атаковать с тыла, отрезать выход. Нас была небольшая группа, остальные разбрелись неизвестно куда. Та часть дворца, куда мы попали, оказалась пустой. После сдачи юнкеров и ударниц у временного правительства не нашлось сил заполнить этот прорыв. Наша цель была — проникнуть изнутри к главным воротам и атаковать баррикаду с тыла.

Вдруг на площади поднялась страшная стрельба. Откуда-то распространился слух, что прибыли казаки Керенского. Матросня бросилась назад к выходу. Как я ни успокаивал — не помогло, и мне пришлось самому удирать. Не зная расположения дворца, я побежал за двумя последними матросами, чтоб не остаться совсем одному. Вбежали в какой-то чулан или кухню, а дальше бежать некуда. Неизвестно куда ведущая дверь оказалась запертой. Пробили прикладами дыру и вылезли на лестницу. Дверь во двор тоже оказалась на замке. Попробовали бить прикладами — не поддается — прочная. Мы попались в западню, как мыши.

Нужно искать путь, которым мы пришли во дворец. Бежим наверх. Взломали еще одну дверь и какими-то помещениями пришли к выходу. Выскочив за ворота, мы сейчас же должны были залечь в нише Зимнего дворца, так как нас обдало потоком пуль. На площади стоял сплошной гул от стрельбы. Мы лежали друг на друге в три этажа. И нижний едва переводил дух под нашей тяжестью, но зато он был в самом безопасном положении.

Когда поток пуль несколько ослаб, мы перебежали к Эрмитажу. Укрывшиеся там матросы и красногвардейцы стреляли по баррикаде. Выяснилось, что никаких казаков нет, а просто стихийно поднялась стрельба. Я предложил прекратить бесполезную стрельбу и вновь двигаться во дворец. Матросы рассказали, как один из них, забравшись на какой-то чердак и сбросив оттуда бомбу на собрание юнкеров, убежал. Нескольких матросов будто бы юнкера захватили в плен и расстреляли. Публика расвирипела: «Как, расстреляли наших товарищей! Даёшь Зимний, братва!» И вся эта орда бросилась во дворец...

Бомба, брошенная в самой середине здания, навела на юнкеров такой панический страх перед наглостью матросов, что они, завидев в дверях пару матросов, наводящих на них винтовки, моментально поднимали руки вверх и сдавались. Лишь непосредственная охрана Временного правительства и защита главных ворот еще держались на своих позициях.

По открытому нами пути во дворец вошел народ, рассеиваясь в бездонном лабиринте его помещений. Чувствуя безопасность, во дворец устремились толпы любопытных, к которым примазались темные личности, почувствовавшие удобный случай поживиться. Мне сообщили, что во дворце обнаружено громадное количество пулеметов, боеприпасов и вина и что в подвале начинается пьянство. Я немедленно направился туда... оказалось, что там, помимо двери, проломлена кирпичная стена. Кто проломал стену и когда — это тайна, но во всяком случае тот, кто ломал, имел определенную цель и точно знал, где надо ломать. Я заставил немедленно заложить стену кирпичами и закрыть железную дверь.

На площади кипел горячий бой. А я с группой кронштадтцев пробирался по огромным залам дворца, увешанным картинами. У каждой двери стоял лакей в ливрее с неизменными бакенбардами. Странно было видеть этих людей при своих обязанностях в самом пекле сражения. Люди в ливреях невозмутимо стояли на своих постах и привычным движением распахивали перед каждым дверь. Один из лакеев, увидев меня и решив почему-то, что я начальник, обратился ко мне и говорит: «Я понимаю еще — ну бунтовать, там, но убивать, а зачем безобразничать-то!» — «Что вы этим хотите сказать?» — спрашиваю я, не понимая, в чём дело. «Так как же, вот, ваши товарищи-то: полюбуйтесь. Взяли кусок портьеры и вырезали на портянки. Я им говорю: зачем же вы хулиганничаете, вещь портите, вещь, она вас не трогает. Так они на меня револьвер наводят. Молчи, говорят, старая собака». — «А вы можете указать на того, кто это сделал?» — «Так где ж его теперь найдёшь! Сколько их тут навалило!» Я старику разъяснил, что такие гадости делают не революционеры, а мародеры, которых надо истреблять на месте. И если кто-нибудь еще позволит себе, то если он сам не сможет задержать этого человека, пусть укажет на него первому попавшемуся матросу, а уж мы ценности отберем и пощады не дадим. Я похвалил старика за то, что он в такой момент стоит на своем посту и охраняет народное имущество. На площади стрельба все увеличивалась, вдруг молния осветила на миг погруженные во мрак помещения дворца и раздался оглушительный орудийный выстрел. За ним ещё. Здание дрогнуло. Казалось, что где-то поблизости рухнули стены. Я знал, что орудия, стоявшие на Невском, подвезены под арку штаба. Неужели они стреляют по дворцу, а ведь здесь же много своих? Я не в состоянии был понять, что там происходит. Может, следующий снаряд и похоронит нас под развалинами. Успокоил себя мыслью, что нелепо разрушать Дворец, и они этого никогда не сделают, стреляют, по-видимому, по баррикаде, чтоб разрушить её. (Это стреляла холостыми «Аврора».)

Прибегает матрос и заплетаящимся языком сообщает, что стены в погреб опять сломаны и народ растаскивает вино. Я приказал ему опять заложить отверстие, закрыть дверь и охранять погреб. Матрос, пошатываясь, ушёл.

Пробираясь дальше вглубь здания, я заглянул в одну из боковых зал и вижу, как двое штатских, отворив крышку громадного ящика, роются в нем. На полу валяются различные серебряные предметы. Я вхожу и, направив на них маузер, командую: «Ни с места!» В ответ они моментально выхватывают наганы и открывают по мне стрельбу. Я успел укрыться за дверью и крикнул своих матросиков, несколько поотставших от меня. Учув неладное, мародеры хотели улизнуть через другую дверь и скрыться с награбленными ценностями, но матросы нагнали их. Отобрав у них ценности, я приказал кронштадтцам вывести мародеров на улицу и расстрелять, что и было сделано.

Наконец, стрельба прекратилась и кто-то сообщил, что главные ворота взяты. Вскоре мы встретились с солдатами, которые проникли во дворец уже через ворота. Здесь мне сообщили, что Временное правительство сдалось.

Передо мной стала задача охраны Зимнего. Я собрал кронштадтцев и попросил их принять на себя охрану дворца. Матросы долго отказывались, говоря, что эта привилегия вызовет к ним неприязнь других частей. Но мне удалось их убедить тем, что весь позор за разгром дворца падет на них как на главных участников штурма. Ворота

Эрмитажа я приказал закрыть ввиду близости к ним винного склада. Внутри Дворца я выслал патрули, которые должны были очистить помещение от штатской публики и уговорить матросов и солдат покинуть Дворец. Караулу у ворот я приказал никого во дворец не пускать, а всех выходящих тщательно обыскивать. Скоро под воротами Дворца выросла гора отобранных вещей.

К этому времени на площади собрались все участники штурма. Ждали выхода арестованных министров. Для них уже были приготовлены машины. Мы уговорили толпу не делать никаких эксцессов министрам. Сделали узкий проход в толпе до автомобилей. Вот и они. Из толпы сыплются шуточки и остроты. Некоторые делали угрожающие движения. Все министры спокойно прошли сквозь строй к автомобилям. Один Маслов, потеряв достоинство, впал в животный страх, увидев злобные рожи матросов и солдат. Увидев толпу, он шарахнулся назад, ухватился за сопровождающих и закричал: «Спасите, спасите меня!» Пришлось уговаривать его, что его не собираются убивать, что пугаться не стоит, перед ним обычный народ, просто он никогда не видел народа так близко и поэтому ему страшно. Все же для Маслова пришлось специально раздвинуть проход, и шел он, сопровождаемый по бокам солдатами, уцепившись за них и с ужасом озираясь на матросов, которые нарочно делали ему страшные рожи. Передав охрану дворца караульной части, я поехал в Смольный.

Приложение 7

ПЕРВЫЕ ДЕКРЕТЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Декрет о мире

(принятый единогласно на заседании Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 26 октября 1917 г.)

Рабочее и Крестьянское правительство, созданное революцией 24 — 25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром Правительство считает немедленный мир без аннексий (т.е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает Правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и всех наций.

Под аннексией или захватом чужих земель Правительство понимает сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или

насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живёт.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с её стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войска присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, Правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем Правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т.е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию Правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 г. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, Правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, Правительство выражает с своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров Правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше как на три месяца, т.е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, Временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств, Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма, и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в героической борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии — все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на

них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и её последствий, что эти рабочие всесторонней решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации.

Декрет о земле

(принят на заседании 26 октября в 2 час. ночи)

1) Помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа.

2) Помещичьи имения, равно как все земли удельные, монастырские, церковные, со всем их живым и мёртвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями переходят в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов, впредь до Учредительного собрания.

3) Какая бы то ни было порча конфискуемого имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом. Уездные Советы крестьянских депутатов принимают все необходимые меры для соблюдения строжайшего порядка при конфискации помещичьих имений, для определения того, до какого размера участки и какие именно подлежат конфискации, для составления точной описи всего конфискуемого имущества и для строжайшей революционной охраны всего переходящего к народу хозяйства на земле со всеми постройками, орудиями, скотом, запасами продуктов и проч.

4) Для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов» и опубликованный в номере 88 этих «Известий» (Петроград, номер 88, 19 августа 1917 г.).

Декрет о земле

(вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешён только всенародным Учредительным собранием).

Самое справедливое разрешение земельного вопроса должно быть таково:

1) **Право частной собственности на землю отменяется навсегда;** земля не может быть ни продаваема, ни покупаема, ни сдаваема в аренду, либо в залог, ни каким-либо другим способом отчуждаема. Вся земля: **государственная, удельная, кабинетская, монастырская, церковная, посессионная, майоратная, частновладельческая, общественная и крестьянская и т. д., отчуждается безвозмездно,** обращается в всенародное достояние и переходит в пользование всех трудящихся на ней.

За пострадавшими от имущественного переворота признается лишь право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям существования.

2) Все недра земли: руда, нефть, уголь, соль и т.д., а также леса и воды, имеющие общегосударственное значение, переходят в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озёра, леса и проч. переходят в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления.

3) Земельные участки с **высоко-культурными** хозяйствами: сады, плантации, рассадники, питомники, оранжереи и т. под. **не подлежат разделу, а превращаются в показательные** и передаются в исключительное пользование **государства или общин**, в зависимости от размера и значения их.

Усадебная, городская и сельская земля, с домашними садами и огородами, остается в пользовании настоящих владельцев, причем размер самих участков и высота налога за пользование ими определяется законодательным порядком.

4) Конские заводы, казённые и частные племенные скотоводства и птицеводства и проч. конфискуются, обращаются во всенародное достояние и переходят либо в исключительное пользование государства, либо общины, в зависимости от величины и значения их.

Вопрос о выкупе подлежит рассмотрению Учредительного собрания.

5) Весь хозяйственный инвентарь конфискованных земель, живой и мёртвый, переходит в исключительное пользование государства или общины, в зависимости от величины и значения их, без выкупа.

Конфискация инвентаря не касается малоземельных крестьян.

6) Право пользования землей получают все граждане (без различия пола) Российского государства, желающие обрабатывать ее своим трудом, при помощи своей семьи, или в товариществе, и только до той поры, пока они в силах её обрабатывать. Наёмный труд не допускается.

При случайном бессилии какого-либо члена сельского общества в продолжение 2 лет, сельское общество обязуется, до восстановления его трудоспособности, на этот срок прийти к нему на помощь путем общественной обработки земли.

Земледельцы, вследствие старости или инвалидности утратившие навсегда возможность лично обрабатывать землю, теряют право на пользование ею, но взамен того получают от государства пенсионное обеспечение.

7) Землепользование должно быть уравнительным, т. е. земля распределяется между трудящимися, смотря по местным условиям, по трудовой или потребительной норме.

Формы пользования землей должны быть совершенно свободны: подворная, хуторская, общинная, артельная — как решено будет в отдельных селениях и поселках.

8) Вся земля, по её отчуждении, поступает в общенародный земельный фонд. Распределением ее между трудящимися заведуют местные и центральные самоуправления, начиная от демократически организованных бессловных сельских и городских общин и кончая центральными областными учреждениями.

Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения и поднятия производительности и культуры сельского хозяйства.

При изменении границ наделов первоначальное ядро надела должно остаться неприкосновенным.

Земля выбывающих членов поступает обратно в земельный фонд, причем преимущественное право на получение участков выбывших членов получают ближайшие родственники их и лица по указанию выбывших.

Вложенная в землю стоимость удобрения и мелиорации (коренные улучшения), поскольку они не использованы при сдаче надела обратно в земельный фонд, должны быть оплачены.

Если в отдельных местностях наличный земельный фонд окажется недостаточным для удовлетворения всего местного населения, то избыток населения подлежит переселению.

Организацию переселения, равно как и расходы по переселению и снабжению инвентарем и проч., должно взять на себя государство.

Переселение производится в следующем порядке: желающие безземельные крестьяне, затем порочные члены общины, дезертиры и проч. и, наконец, по жребию, либо по соглашению.

Всё содержащееся в этом наказе, как выражение безусловной воли огромного большинства сознательных крестьян всей России, объявляется временным законом, который впредь до Учредительного собрания проводится в жизнь по возможности немедленно, а в известных своих частях с той необходимой постепенностью, которая должна определяться уездными Советами крестьянских депутатов.

[5] Земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются.

Комментарий Е. П.

Если декрет о земле отражает чаяния крестьянской массы о справедливом устройстве сельской жизни так, как она его в то время понимала, то с декретом о мире все сложнее. Вместо того чтобы ограничиться усилиями по окончанию войны, большевики зачем-то пустились в теоретизирование, которое, по сути, является либеральным и практические последствия которого они мало представляли. Как и при применении любой либеральной идеи к конкретной жизни, последствия декрета о мире были чрезвычайно разрушительными.

Приложение 8

ПРОТОКОЛЫ ЗАСЕДАНИЙ КОЛЛЕГИЙ ЦАРИЦЫНСКОЙ ЧК

[Опубликованы в сб. ВЧК — ГПУ. Документы и материалы. М, 1995.]

1.

Протокол

заседания Коллегии Отдела по борьбе с контрреволюцией **Царицынской Губернской Чрезвычайной Комиссии**

1 ноября 1918 года

Присутствовали:

Заведующий Отделом по борьбе с контрреволюцией т. **И. Локатош.**

Член Коллегии Отдела по борьбе с контрреволюцией т. **И. Николаенко.**

Член Коллегии Отдела по борьбе с контрреволюцией и секретарь Комиссии т.

Вен. Сергеев.

Председатель Коллегии следователей т. **Ил. Шевцов.**

Слушали дело по обвинению

Альпова Александра Павловича в распространении злостных слухов, создающих панику среди населения.

Постановили: А. П. Альпова за распространение злостных слухов, создающих панику среди населения, заключить в тюрьму на срок 1 месяц, без зачёта времени предварительного заключения. Срок заключения считать с 1 ноября 1918 года.

Примечание: А. П. Альпов — бывший офицер в чине прапорщика.

Слушали дело по обвинению

Гильдебранда Леонида Эммануиловича в контрреволюционной агитации.

Постановили: Л. Э. Гильдебранда за контрреволюционную агитацию заключить в тюрьму на срок 1 год, без зачёта времени предварительного заключения. Срок заключения считать с 1 ноября 1918 года.

Слушали дело по обвинению

Горина Павла Кондратьевича в контрреволюционной агитации.

Постановили: П. К. Горина за контрреволюционную агитацию заключить в тюрьму на срок 3 месяца, без зачёта времени предварительного заключения. Срок заключения считать с 1 ноября 1918 года.

Слушали дело по обвинению

Гусева Григория Аверкиевича в контрреволюционной агитации.

Постановили: Г. А. Гусева, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Зимина Петра Матвеевича в контрреволюционной агитации.

Постановили: П. М. Зимина, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Примечание: П. М. Зимин — бывший офицер в чине прапорщика.

Слушали дело по обвинению

Карпова Василия Михайловича в систематической контрреволюционной агитации.

Постановили: В. М. Карпова, за систематическую контрреволюционную агитацию в селе Балыклее в августе текущего года, заключить в тюрьму на срок 3 года, без зачёта времени предварительного заключения. Срок заключения считать с 1 ноября 1918 года.

Слушали дело по обвинению

Крылова Михаила Викторовича в хранении оружия без надлежащего на то разрешения.

Постановили: М. В. Крылова, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Крылова Николая Викторовича в хранении оружия без надлежащего на то разрешения.

Постановили: Н. В. Крылова, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Купцова Петра Ивановича в контрреволюционной агитации.

Постановили: П. И. Купцова, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Лысенко Василия Демьяновича в контрреволюционной агитации.

Постановили: В. Д. Лысенко, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Примечание: В. Д. Лысенко — бывший офицер в чине прапорщика.

Слушали дело по обвинению

Перфилова Александра Бенедиктовича в контрреволюционной агитации.

Постановили: А. В. Перфилова, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Самаркина Федсфа Кондратьевича в контрреволюционной агитации.

Постановили: Ф. К. Самаркина, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Примечание: Ф. К. Самаркин — бывший офицер в чине прапорщика.

Слушали дело по обвинению.

Сусоколова Петра Петровича в хранении оружия без надлежащего на то разрешения.

Постановили: П. П. Сусоколова, ввиду недоказанности обвинения, освободить.

Дело производством прекратить.

Заведующий Отделом по борьбе с контрреволюцией *И. Локатош*.

Секретарь Комиссии *Вен. Сергеев*.

2.

Протокол

заседания Коллегии Отдела по борьбе с контрреволюцией Царицынской Губернской Чрезвычайной Комиссии

2 ноября 1918 года Присутствовали:

Заведующий Отделом по борьбе с контрреволюцией т. **И. Локатош**.

Член Коллегии Отдела по борьбе с контрреволюцией т. **И. Николаенко**.

Член Коллегии Отдела по борьбе с контрреволюцией и секретарь Комиссии т.

Вен. Сергеев.

Председатель Коллегии следователей т. **Ил. Шевцов**.

Слушали дело по обвинению

Андреева Никанора Алексеевича в контрреволюционной агитации.

Постановили: Н. А. Андреева ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Баткова Михаила Александровича в соучастии в хранении оружия без надлежащего на то разрешения.

Постановили: М. А. Баткова, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Вовка Дмитрия Васильевича в контрреволюционной агитации.

Постановили: Д. В. Вовка за контрреволюционную агитацию заключить в тюрьму на срок 1 месяц, с зачётом времени предварительного заключения и, ввиду истечения указанного срока заключения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Гурьянова Акима Ефимовича в контрреволюционной агитации.

Постановили: А. Е. Гурьянова за контрреволюционную агитацию заключить в тюрьму на срок 3 месяца, без зачёта времени предварительного заключения. Срок заключения считать с 1 ноября 1918 года.

Слушали дело по обвинению

Дмитриева Ивана Ульяновича в контрреволюционной агитации.

Постановили: И. У. Дмитриева, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Землянухина Федора Харитоновича в контрреволюционной агитации.

Постановили: Ф. Х. Землянухина за контрреволюционную агитацию заключить в тюрьму на срок 1 месяц, с зачетом времени предварительного заключения и, ввиду истечения указанного срока заключения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Зоркова Ивана Никитовича в распространении клерикально-черносотенной литературы.

Постановили: И. Н. Зоркова, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Иванова-Князькова Ивана Георгиевича в контрреволюционной агитации.

Постановили: И. Г. Иванова-Князькова, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Лопаткина Якова Ивановича в контрреволюционной агитации.

Постановили: Я. И. Лопаткина за контрреволюционную агитацию в селе Большой Ивановке в августе текущего года, заключить в тюрьму на срок 1 год, без зачёта времени предварительного заключения. Срок заключения считать с 1 ноября 1918 года.

Слушали дело по обвинению

Пахомова Леонида Дмитриевича в контрреволюционной агитации.

Постановили: Л. Д. Пахомова, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Примечание: Л. Д. Пахомов — бывший офицер в чине штабс-капитана.

Слушали дело по обвинению

Пименова Николая Егоровича в контрреволюционной агитации.

Постановили: Н. Е. Пименова за контрреволюционную агитацию заключить в тюрьму на срок 3 месяца, без зачёта времени предварительного заключения. Срок заключения считать с 1 ноября 1918 года.

Слушали дело по обвинению

Жигулиной Пелагеи Михайловны в контрреволюционной агитации.

Постановили: П. М. Жигулину за контрреволюционную агитацию заключить в тюрьму на срок 1 месяц, с зачетом времени предварительного заключения и, ввиду истечения указанного срока заключения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Политковской Ольги Павловны в контрреволюционной агитации.

Постановили: О. П. Политковскую за контрреволюционную агитацию заключить в тюрьму на срок 1 месяц, с зачетом времени предварительного заключения и, ввиду истечения указанного срока заключения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Царенко Матвея Игнатьевича в участии в контрреволюционном заговоре.

Постановили: М. И. Царенко, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Примечание: М. И. Царенко — бывший офицер в чине штабс-капитана.

Заведующий Отделом по борьбе с контрреволюцией *И. Локатош*.

Секретарь Комиссии *Вен. Сергеев*.

3.

Протокол

заседания Коллегии Отдела по борьбе с контрреволюцией

Царицынской Губернской Чрезвычайной Комиссии

8 ноября 1918 года

Присутствовали:

Заведующий Отделом по борьбе с контрреволюцией т. **И. Локатош**.

Член Коллегии Отдела по борьбе с контрреволюцией т. **И. Николаенко**.

Член Коллегии Отдела по борьбе с контрреволюцией и секретарь Комиссии т. **Вен. Сергеев.**

Председатель Коллегии следователей т. **Ил. Шевцов.**

Слушали дело по обвинению

Кремена Адольфа Францевича (Кузмана Эмиля Францевича) в контрреволюционной агитации.

Постановили: А. Ф. Кремена (Э. Ф. Кузмана) за контрреволюционную агитацию заключить в тюрьму на срок 1 год, без зачёта времени предварительного заключения. Срок заключения считать с 1 ноября 1918 года.

Слушали дело по обвинению

Пановой Елены Степановны в контрреволюционной агитации.

Постановили: Е. С. Панову, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Самохвалова Александра Абрамовича в хранении оружия без надлежащего на то разрешения.

Постановили: А. А. Самохвалова, за хранение оружия без надлежащего на то разрешения, заключить в тюрьму на срок 1 месяц с зачётом времени предварительного заключения и, ввиду истечения указанного срока заключения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Степанюка Василия Евдокимовича в контрреволюционной агитации среди красноармейцев.

Постановили: В. Е. Степанюка, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Фролова Никифора Ивановича в контрреволюционной агитации.

Постановили: Н. И. Фролова за контрреволюционную агитацию и принадлежность к партии правых эсэров заключить в тюрьму на срок 3 года, без зачёта времени предварительного заключения. Срок заключения считать с 1 ноября 1918 года.

Слушали дело по обвинению

Бондаревой Марфы Касьяновны в контрреволюционной агитации.

Постановили: М. К. Бондареву за контрреволюционную агитацию заключить в тюрьму на срок 3 месяца с зачётом времени предварительного заключения и, ввиду истечения указанного срока заключения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Мартынова Николая Тихоновича в контрреволюционной агитации.

Постановили: Н. Т. Мартынова, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Панина Даниила Николаевича в хранении оружия без надлежащего на то разрешения.

Постановили: Д. Н. Панина, за хранение оружия без надлежащего на то разрешения, оштрафовать в сумме 1000 рублей. В случае несостоятельности или отказа от уплаты, заключить в тюрьму на срок 1 месяц и, ввиду уплаты им указанной суммы штрафа, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Проселкова Павла Дмитриевича в контрреволюционной агитации и распространении провокационных слухов.

Постановили: П. Д. Проселкова, ввиду недоказанности обвинения, освободить.
Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Гончарова Филиппа Васильевича в военном шпионаже.

Постановили: Ф. В. Гончарова, ввиду недоказанности обвинения, освободить.

Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Сакардина Никиты Петровича в военном шпионаже.

Постановили: Н. П. Сакардина, ввиду недоказанности обвинения, освободить.

Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Фадеева Василия Тимофеевича в контрреволюционной агитации.

Постановили: В. Т. Фадеева, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело

производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Кубанцева Даниила Лаврентьевича в участии в контрреволюционном заговоре.

Постановили: Д. Л. Кубанцева, ввиду недоказанности обвинения, освободить.

Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Ивакина Максима Ананьевича в участии в контрреволюционном заговоре.

Постановили: М. А. Ивакина, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело

производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Ивакиной Нины Михайловны в участии в контрреволюционном заговоре.

Постановили: Н. М. Ивакину, ввиду недоказанности обвинения, освободить.

Дело производством прекратить.

Заведующий Отделом по борьбе с контрреволюцией *И. Локатоги.*

Секретарь Комиссии *Вен. Сергеев.*

4.

Протокол

заседания Коллегии Отдела по борьбе с преступлением по должности
Царицынской Губернской Чрезвычайной Комиссии

5 ноября 1918 года

Присутствовали:

Заведующий Отделом по борьбе с преступлением по должности и секретарь
Комиссии т. **Вен. Сергеев.**

Член Коллегии Отдела по борьбе с преступлением по должности т. **И. Когтев.**

Член Коллегии Отдела по борьбе с преступлением по должности т. **И. Локатош.**

Председатель Коллегии следователей т. **Ил. Шевцов.**

Слушали дело по обвинению членов Светло-Ярского Совета Депутатов:

Гаврилова Андрея Титовича,

Клемешова Павла Яковлевича,

Пяткина Якова Даниловича,

Сидорова Дмитрия Ивановича,

Хахалева Сергея Алексеевича,

Чаплакова Павла Матвеевича и

Щелкунова Константина Антоновича в несвоевременной эвакуации.

Постановили: всех поименованных выше, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Белокобыльского Федора Петровича в самовольном оставлении фронта.

Постановили: Ф. П. Белокобыльского, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Зильберштейна Пинхуса Бенционовича в уклонении от воинской повинности.

Постановили: П. Б. Зильберштейна за уклонение от воинской повинности заключить под стражу в арестный дом на срок 1 неделю с зачётом предварительного заключения и, ввиду истечения указанного срока заключения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Иванова Бориса Николаевича в хищении народного имущества.

Постановили: Б. Н. Иванова, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Крайнева Александра Ивановича в растрате народных денег.

Постановили: А. И. Крайнева, за растрату народных денег в сумме 7000 рублей, заключить в тюрьму на срок 3 года, без зачёта времени предварительного заключения. Срок заключения считать с 1 ноября 1918 года.

Слушали дело по обвинению

Неведрова Никифора Титовича в неоднократном дезертирстве.

Постановили: Н. Т. Неведрова за неоднократное дезертирство зачислить в рабочую дружину для принудительных работ на срок полгода. Срок зачисления считать с 1 ноября 1918 г.

Слушали дело по обвинению

Степаненко Якова Петровича в уклонении от трудовой повинности.

Постановили: Я. П. Степаненко, ввиду отсутствия злостности в уклонении от трудовой повинности, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Солосса Елизара Абрамовича в растрате народных денег.

Постановили: Е. А. Солосса, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Сунта Михаила Юрьевича в саботаже.

Постановили: М. Ю. Сунта, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Ульянова Василия Фокеевича в саботаже.

Постановили: В. Ф. Ульянова за саботаж заключить в тюрьму на срок 1 месяц с зачётом времени предварительного заключения и, ввиду истечения указанного срока заключения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Чернова Алексея Митрофановича в хищении народного достояния и спекуляции похищенным.

Постановили: А. М. Чернова за хищение четырех пудов хлеба, предназначенного для отправки на фронт и спекуляцию им заключить в тюрьму на срок 3 года, без зачета времени предварительного заключения. Срок заключения считать с 1 ноября 1918 года.

Слушали дело по обвинению

Чапурского Агафангела Васильевича в уклонении от трудовой повинности.

Постановили: А. В. Чапурского, ввиду недоказанности обвинения, освободить.

Дело производством прекратить.

Примечание: А. В. Чапурский — бывший офицер в чине поручика.

Слушали дело по обвинению

Черновского Семена Яковлевича в уклонении от уплаты военного налога.

Постановили: С. Я. Черновского за уклонение от уплаты военного налога оштрафовать в сумме 5000 рублей. В случае несостоятельности или отказа от уплаты заключить в тюрьму на срок 6 месяцев и, ввиду уплаты им указанной суммы штрафа, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Шнейдера Игнатия Иогановича в неисполнении военного приказа.

Постановили: И. И. Шнейдера, ввиду недоказанности обвинения, освободить.

Дело производством прекратить.

Заведующий Отделом по борьбе с преступлением по должности и секретарь Комиссии *Вен. Сергеев*.

5.

Протокол

заседания Коллегии Отдела по борьбе со спекуляцией

Царицынской Губернской Чрезвычайной Комиссии

1 ноября 1918 года

Присутствовали:

Заведующий Отделом по борьбе со спекуляцией т. Д. Кузьменко.

Член Коллегии Отдела по борьбе со спекуляцией т. **В. Шевцов**.

Секретарь Комиссии т. **Вен. Сергеев**.

Председатель Коллегии следователей т. **Ил. Шевцов**.

Слушали дело по обвинению

Извольского Георгия Александровича в продаже кокаина.

Постановили: Г. А. Извольского за продажу кокаина заключить в тюрьму на срок 3 месяца, без зачёта времени предварительного заключения. Срок заключения считать с 1 ноября 1918 года.

Слушали дело по обвинению

Алкниса Эдуарда Зендировича в спекуляции мукой.

Постановили: Э. З. Алкниса, ввиду недоказанности обвинения, освободить.

Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Белоусова Михаила Михайловича в злостном сокрытии золотых и серебряных денежных знаков.

Постановили: Отобранное при обыске конфисковать. М. М. Белоусова освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Грица Михаила Севастьяновича в спекуляции мукой. Постановили: Отобранное при аресте конфисковать. М. С. Грица освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Гольника Германа Фердинандовича в злостном сокрытии золотых и серебряных денежных знаков.

Постановили: Отобранное при обыске конфисковать. Г. Ф. Гольника освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Дубина Виктора Ивановича в злостном сокрытии народного военного имущества.

Постановили: В. И. Дубина, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Егорова Никифора Прокофьевича в злостном сокрытии золотых и серебряных денежных знаков.

Постановили: Отобранное при обыске конфисковать. Н. П. Егорова освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Захарова Ивана Алексеевича в спекуляции мукой.

Постановили: И. А. Захарова, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Иванова Григория Васильевича в злостном сокрытии золотых и серебряных денежных знаков.

Постановили: Отобранное при обыске конфисковать. Г. В. Иванова освободить. Дело производством прекратить.

Заведующий Отделом по борьбе со спекуляцией *Д. Кузьменко*.

Секретарь Комиссии *Вен. Сергеев*.

6.

Протокол

заседания Коллегии Отдела по борьбе со спекуляцией

Царицынской Губернской Чрезвычайной Комиссии

4 ноября 1918 года

Присутствовали:

Заведующий Отделом по борьбе со спекуляцией **Д. Кузьменко**.

Член Коллегии Отдела по борьбе со спекуляцией т. **В. Шевцов**.

Секретарь Комиссии т. **Вен. Сергеев**.

Председатель Коллегии следователей т. **Ил. Шевцов**.

Слушали дело по обвинению

Карташева Михаила Григорьевича в спекуляции табаком. Постановили: Отобранное при обыске конфисковать. М. Г. Карташева освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Кравченко Дмитрия Ивановича в спекуляции мясом.

Постановили: Отобранное при аресте конфисковать. Д. И. Кравченко освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Крамарева Петра Кузьмича в спекуляции табаком.

Постановили: Отобранное при обыске конфисковать. П. К. Крамарева освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Игнатовича Всеволода Цезаревича в спекуляции мануфактурой.

Постановили: В. Ц. Игнатовича освободить. Отобранное при обыске конфисковать. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Игнатович Екатерины Сергеевны в спекуляции мануфактурой.

Постановили: Отобранное при обыске конфисковать. Е. С. Игнатович освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Фёдоровой Лидии Ивановны в участии в вооруженных ограблениях.

Постановили: Л. И. Фёдорову, ввиду недоказанности обвинения, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Нусыревой Матрены Николаевны в спекуляции мукой.

Постановили: Отобранное при обыске вернуть. М. Н. Нусыреву освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Фёдорова Александра Ивановича в спекуляции чаем.

Постановили: Отобранное при обыске конфисковать. А. И. Федорова за спекуляцию чаем оштрафовать в сумме 5000 рублей. В случае несостоятельности или отказа от уплаты заключить в тюрьму на срок 6 месяцев, и, ввиду уплаты им указанной суммы штрафа, освободить. Дело производством прекратить.

Слушали дело по обвинению

Френцель Альберта Карловича в злостном сокрытии золотых и серебряных денежных знаков.

Постановили: Отобранное при обыске конфисковать. А. К. Френцеля освободить. Дело производством прекратить.

Заведующий Отделом по борьбе со спекуляцией *Д. Кузьменко*.

Секретарь Комиссии *Вен. Сергеев*.

Приложение 9

АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ В ИЖЕВСКЕ

Чураков Д. Роль правых социалистов в становлении системы белого террора

Одним из наиболее важных и одновременно трудных вопросов истории Октябрьской революции 1917 г. является вопрос о терроре, его масштабах и причинах. Как соотносятся гуманистические идеалы революции с массовым нарушением прав и насилием, окрасившими революционную эпоху в мрачные тона? В последнее время проблема террора в период гражданской войны всё чаще и чаще попадает в поле зрения исследователей. К сожалению, работы, появившиеся в последние полтора десятилетия, скорее запутывают, чем проясняют вопрос. Связано такое положение дел в современной историографии с предвзятым отношением к событиям тех лет. Повышенное, можно смело сказать, гипертрофированное внимание в наши дни авторы уделяют красному террору, видя в нём неизбежное следствие революции. Вместе с тем красный террор и хронологически, и по самой своей сути являлся следствием, а не причиной царивших в те годы произвола и насилия. Красный террор стал ответной мерой. Что же предшествовало ему? В советской историографии красный террор считался ответом на белый террор, но это мнение также являлось результатом идеологической предвзятости.

И красный, и белый террор выросли на волне того беззакония, которое стало визитной карточкой буржуазного февраля. Уничтожив законную власть, «февральские» либералы и социалисты не смогли обеспечить законность и порядок. В стране разрастались преступность, бандитизм, анархия, хаос. На это либералы и правые социалисты попытались ответить репрессиями. Но затронули они в первую очередь отнюдь не преступный мир. Жертвами государственного террора оказывались то большевики, то рабочие, требовавшие 8-часового рабочего дня, то крестьяне, требовавшие земли, то офицеры, требовавшие одного — восстановить в армии дисциплину. Именно эта беззубая и в то же время репрессивная политика, проводившаяся с марта по октябрь 1917 г., и стала питательной почвой для процветавшего в последующие годы террора.

Особого внимания заслуживает вклад в возникновение в стране массового террора правых социалистов, прикрывавших свои действия лживыми лозунгами и призывами. Так, критикуя большевиков за гонения против оппозиции, эсеры и меньшевики на практике стали создавать оппозиционные большевикам политические режимы, основным содержанием которых становится террор по отношению ко всем сторонникам Советской власти. Тем самым не только реакционные военные и кадеты, но и меньшевики заодно с правыми эсерами стали родоначальниками системы белого террора, унесшего в годы гражданской войны жизни сотен тысяч ни в чём не повинных людей. Роль правых эсеров и меньшевиков в становлении белого террора можно наглядно проследить на примере событий, развернувшихся летом-осенью 1918 г. в Ижевске, где произошло самое мощное за всю советскую историю антибольшевистское рабочее восстание.

Казалось бы, придя к власти на волне недовольства большевиками, пользуясь поддержкой или благожелательным нейтралитетом многих рабочих завода, ижевские эсеры и меньшевики могли взяться за реализацию своих программных установок — строительство «образцового рабочего социализма» или хотя бы «образцовой демократической республики» без коммунистов и без Советов. Но режим, существовавший в Ижевске с 8 августа по 7 ноября 1918 г., на практике не имел никакого отношения ни к социализму, ни к демократии. С самого начала пришедшие к власти правосоциалистические деятели главным средством ее удержания делают белый террор.

В ходе описываемого мятежа со всей очевидностью выяснилась цена пропагандистских заявлений правых «социалистов» о свободе, гуманизме и демократии. Конечно, и Советская власть, существовавшая в Ижевске до переворота, была не безгрешна. Случались аресты деятелей меньшевистско-эсеровского блока, закрытие оппозиционных газет. Но в целом большевики не переходили определенную грань, осуждали практику политического террора. Даже когда оппозиция перешла к силовым действиям, большинство советских лидеров Ижевска настаивало на применении мирных средств, чтобы не проливать рабочую кровь.

Иначе повели себя мятежники. Уже начало переворота связано с кровавым эпизодом — бессмысленной расправой, учиненной толпой над разъездом конной милиции. С самого утра 8 августа в разных районах Ижевска шли митинги, на которых лидеры союза фронтовиков и меньшевистско-эсеровского блока вели свою агитацию. На один из таких митингов, проходивший недалеко от здания городского Совета, был послан начальник милиции Большаков, чтобы разобраться в ситуации и навести порядок. С ним отправилось только два милиционера. Понятно, что никакой угрозы толпе в несколько сотен человек трое всадников представлять не могли. Но взвинченная речами своих вожakov толпа встретила прибывших угрозами и бранью, а затем набросилась на них и стала избивать. Большакову удалось вырваться из рук нападавших. Он открыл стрельбу в воздух. Когда толпа отхлынула, Большаков и еще один милиционер поспешили вернуться к Совету. Однако второго милиционера толпа стащила с лошади и убила на месте. Зверски истерзанное тело было сброшено в заводской пруд. Так началось восстание.

После первых успехов мятежа началась кровавая расправа. По свидетельству военного лидера повстанческой армии полковника Федичкина, мятежники, среди которых было немало рабочих, в течение 12 часов ловили и расстреливали большевиков. В первые же дни восстания зверская расправа состоялась над начальником милиции Рогалевым, одним из лидеров максималистов Т. Дитяиным, был выведен из госпиталя и растерзан Жечев — и этим список жертв мятежа далеко не исчерпывается. Расправы носили варварский, циничный характер. Обыски и убийства проводились на улицах, в советских учреждениях, в больничных палатах, в домах, где жили рабочие. Издевательствам подвергались не только жертвы, но и тела убитых. Так, после того как в бою погиб председатель ревкома Холмогоров, один из погромщиков вставил в рот убитому огурец и пнул труп со словами: «Жри, собака, не жалко теперь...»

Подобные картины бессудных расправ наблюдались в те дни во всех заводских поселках и деревнях Прикамья, захваченных повстанцами. На большевиков и всех сторонников Советской власти устраивалась настоящая охота. Как показывают исследования современных ижевских историков П. Н. Дмитриева и К. И. Куликова, очень часто речь шла вовсе не о стихийных вспышках насилия, а о вполне продуманных, целенаправленных акциях новой повстанческой власти. Арестами и содержанием под стражей первоначально занималась специальная комиссия по расследованию деятельности большевиков, а затем — созданная на ее основе контрразведка. Арестам подвергались не только деятели большевистского режима, но и члены их семей. Так, были арестованы отец заместителя председателя Боткинского Совета Казенова, а вслед за ним и 18-летняя сестра, которая пыталась передать брату посылку. Через несколько дней они были расстреляны. Был схвачен и расстрелян проявлявший сочувствие к большевикам священник Дро-нин, многие другие.

С целью сохранить «демократическое» лицо новой власти Ижевский Совет 15 августа 1918 г. принял резолюцию, в которой говорилось: «Принимая во внимание, что российская демократия всегда стояла за отмену смертной казни, а Совет состоит из сынов этой демократии, Ижевский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов единогласно постановил... что в Ижевске не должно быть и речи о смертной казни и расстрелах». Но, несмотря на появление этой резолюции, бесчинства в городе не прекратились. Выступая на одном из частых в те дни митингов, перед лицом тысяч собравшихся на нём рабочих, руководитель союза фронтовиков Солдатов торжественно заявил, что «постановление постановлением, а контрразведкой на днях произведен в исполнение смертный приговор над следующими лицами: Председатель военного отдела Исачёв, военный комиссар Лихвинцев, Председатель Чрезвычайной комиссии Бабушкин и председатель ревтрибунала Михайлов, члены ревкома Папельмейстер, Посаженикова и Баталов». При этом все они были не расстреляны, а переколоты штыками.

С течением времени репрессивные меры распространились на все более широкие слои населения Ижевска, всего Прикамья. Даже сами повстанческие авторы признают колоссальный размах осуществляемых ими репрессий. К примеру, один из них пишет о сотнях арестованных в импровизированных арестных домах. Около 3 тыс. человек содержалось на баржах, приспособленных под временные тюрьмы. Этим людей называли «баржевиками». Примерно такое же количество арестованных находилось в Воткинске, не менее тысячи их было в Сарапуле.

Условия, в которых содержались заключенные, были невыносимо тяжелы. Не соблюдались элементарные нормы гигиены. Прогулок и свиданий с родственниками не было. Арестованные круглые сутки находились в переполненных камерах с тяжелым запахом. Бань не было, паразиты заедали. Питание заключенных состояло из горячей воды и малосъедобной похлебки. Передачи принимались, но не передавались. У заключённых отбирались сапоги, брюки, тёплые вещи, бельё, деньги.

Никаких человеческих и гражданских прав за арестованными не признавалось, и в любую минуту они могли стать жертвой самого грубого произвола. В расправах над

узниками особенно «отличались» такие руководители повстанцев, как Куракин, Власов, Солдатов. Особой жестокостью уцелевшим запомнился лидер союза фронтовиков: «В душную, переполненную арестованными камеру тюрьмы, где на грязном полу валялись десятки измученных заключенных, — описывает один советский источник применяемый к заключённым способ судопроизводства, —вечером врывается с десятком белогвардейских опричников Солдатов.

—Встать! Смирно! — раздаётся зычный голос тюремщика. — На первый, второй рассчитайсь!

Пришибленные заключённые торопливо исполняют грозную команду, выстраиваясь в две шеренги и с замиранием сердца ожидая дальнейших издевательств пьяных палачей.

—За что арестован? — грозно обращается к кому-либо из арестованных Солдатов. — А, молчишь, собака! — рычит, не ожидая ответа, озверевший хам, и со всего размаха ударяет несчастного заключенного револьвером по лицу — Бей его, мерзавца, ребята! — командует пьяный палач, и на глазах остальных заключенных начинается зверское истязание несчастной жертвы. Насытившись расправой, палачи удаляются из камеры, а за ними уносится окровавленный, истерзанный товарищ. Выносятся на двор, где его и приканчивают».

Подобные расправы творились чуть ли не каждый вечер, и не только фельдфебелем Солдатовым, но и образованными офицерами, приходившими в компании с девицами и даже некоторыми просвещенными «социалистами».

По мере роста настроений обреченности у руководства мятежников тюремный режим все более ужесточался. Протесты рабочих против творимых тюремщиками бесчинств в расчет не принимались. На случай прорыва красных баржа с арестованными, расположенная у пристани Гольяны, была приготовлена к затоплению. Только дерзкая операция, проведенная красной флотилией под командованием Ф. Ф. Раскольниковца, спасла узникам жизнь. Флотилии удалось ввести в заблуждение охрану и увести «баржу смерти» в Сарапул.

Произошедшее дало повод Юрьеву издать приказ, аналог которому трудно отыскать в истории всей гражданской войны: «Пусть арестованные молят бога, чтобы мы отогнали красных, — значилось в нём. — Если красные приблизятся к городу ближе, чем на 3 версты, то арестантские помещения будут закиданы бомбами». Тогда же было казнено 19 человек — видных партийных и советских работников, а также простых рабочих завода. Такое поведение становилось морально приемлемой нормой.

Итак, на примерах событий ижевско-воткинского восстания можно проследить своеобразную динамику эскалации насилия и белого террора в условиях гражданской войны в целом. Еще до установления в Сибири диктатуры Колчака антисоветский режим в Прикамье скатывался к методам неприкрытой военной диктатуры. И ее проводниками были не только представители белого офицерства, но и лидеры правых социалистических партий — меньшевиков и правых эсеров. Карательные органы здесь фактически полностью состояли из них. Своими действиями они дискредитировали не только себя, но и социалистическую идею как таковую. Не случайно поэтому ижевцы в конце концов отвергли правых социалистов. Многие рабочие перешли на сторону большевиков, другие — предпочли откровенную диктатуру Колчака лживой диктатуре учредилковцев.

Похожим образом события разворачивались повсюду, где у власти оказывались деятели пресловутой «третьей силы» — мелкобуржуазных правых социалистов. Они не только расчищали путь генеральской контрреволюции, но и сами активно участвовали в становлении всеобъемлющей системы белого террора, хотя и проводили его подчас под прикрытием «революционной» риторики. Все их разговоры о «демократической республике», об Учредительном собрании везде оборачивались установлением всевластия террора и подавлением всякого инакомыслия. По другому не могло и быть: правые социалисты — меньшевики и эсеры — могли удержаться у власти, только прибегая к

насилию, масштабы которого должны были постоянно разрастаться, чтобы преодолевать растущее сопротивление их своеволию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Валянский С, Калюжный Д.* Русские горки. М, 2003.
- Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991.
- ВЧК — ГПУ Документы и материалы. М., 1995.
- Горьков Ю.* Государственный Комитет Обороны постановляет. М., 2002.
- Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М., 1989.
- Дриг Е.* «Механизированные корпуса приграничных округов в последние дни перед войной».
- Емельянов Ю.* Европа судит Россию. М., 2007.
- Емельянов Ю.* Сталин. В 2-т. М., 2002.
- Жуков Ю.* Сталин: тайны власти. М., 2005..
- История гражданской войны в СССР. Тт. 1,2.
- Исаев А.* Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2006.
- Исаев А.* Антисуворов. Десять мифов второй мировой. М., 2004.
- Кардашов В. Семанов С.* Сталин. М., 1997.
- Кормилицын С.* За что нас не любят, или холодная война продолжается. // Белая полоса. 2007, № 2.
- Куманев Г.* Говорят сталинские наркомы. Смоленск, 2005.
- Куманев Г.* Проблемы военной истории Отечества. М., 2007.
- Кутузов В. и др.* Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987.
- Мартыросян А.* 22 июня. Правда генералиссимуса. М., 2005.
- Мелия А.* Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР М., 2004.
- Мельгунов С.* Красный террор в России. М., 1990.
- «Мне было приказано быть спокойным и не паниковать». Трагедия Западного фронта и его командующего Д. Г. Павлова. Документы. // В сб. Неизвестная Россия. XX век. В 3-х тт. М., 1992.
- Мозохин О.* Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. М., 2006.
- Нилус С.* На берегу божьей реки. СПб., 1996.
- Ольденбург С.* Царствование императора Николая II. СПб, 1991.
- Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Сборник документов. В 2-х томах. Накануне. М., 1995.
- Орлов В.* Двойной агент. М., 1998.
- Оськин Д.* Записки прапорщика. М., 1998.
- Пажитнов К.* Положение рабочего класса в России. СПб. 1908. С. 168.
- Плеханов А.* Дзержинский. Первый чекист России. М., 2007.
- Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. М., 2006.
- Прудникова Е.* Сталин. Второе убийство.
- Прудникова Е.* Двойной заговор. Тайны сталинских репрессий.
- Прудникова Е.* Творцы террора.
- Пыхалов И.* Великая оболганная война. М., 2005.
- Пыхалов И.* Кормила ли Россия пол-Европы? // Спецназ России. 2004. № 1.

Революция глазами второго бюро. Донесения сотрудников французской разведки капитана де Малейси и генерала Нисселя. http://scepsis.ru/library/id1_905.html

Рабинович А. Большевики приходят к власти. Революция 1917 года, http://scepsis.ru/library/id_499.html

Рабинович А. Большевики у власти. М., 2007.

Ратъковский И. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб, 2006.

Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир. М, 1958.

Сейерс М., Кан А. Тайная война против советской России. М, 2008.

Соломон Г. Среди красных вождей. М., 2007.

Солоневич И. Народная монархия.

Солонин М. День «М», М, 2007.

Судебный отчет по делу о «право-троцкистском центре». М., 1997.

Суворов В. Ледокол. М., 1992.

Троцкий Л. Воспоминания об октябрьском перевороте, <http://www.magister.msk.ru/library/trotsky/trotl362.htm>

Троцкий Л. История русской революции. М, 1997.

Фомин Ф. Записки старого чекиста. М., 1964.

Чекисты. Сборник. Сост. Корнешов Л. М., 1970.

Чудакова В. Чижик — птичка с характером. Л., 1980.

Чуев Ф. Сто сорок бесед с Молотовым. М., 1992.

Чураков. Роль правых социалистов в становлении системы белого террора, http://scepsis.ru/library/id_1787.html

Шмеман А. Исторический путь Православия.

Шубин А. Мир на краю бездны. М., 2004.

1941. Сборник документов. В 2-х томах. М., 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Часть 1. СТРАТЕГИЯ ПОБЕДЫ

Глава 1

СКАЗКИ О 22 ИЮНЯ, КОГДА РОВНО В ЧЕТЫРЕ ЧАСА

Глава 2

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА

Глава 3

ПО ОБРЫВУ, ПО-НАД ПРОПАСТЬЮ, ПО САМОМУ ПО КРАЮ

Глава 4

ГЛАВНАЯ ОПЕРАЦИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Часть 2. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Глава 5

ТА РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ

Глава 6

СОЦИОЛОГИЯ ДЕКАДАНСА

Глава 7

ПРАЗДНИК НЕПОСЛУШАНИЯ

Часть 3. ФЕВРАЛЬ: УРОКИ И МЕТОДЫ

Глава 8

ENFANT TERRIBLE РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Глава 9

ДВА НАПОЛЕОНА В ОДНОЙ БЕРЛОГЕ

Глава 10

РЕАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА БЕЗУМНОГО ВРЕМЕНИ

Часть 4. ОДИНОЧЕСТВО

Глава 11

ПРЕДЧУВСТВИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Глава 12

ПРАВИТЕЛЬСТВО АНТАГОНИЗМОВ

Глава 13

У СОВЕТСКОЙ РОССИИ ДРУЗЕЙ НЕТ

Глава 14

ХАОС ИЗНАЧАЛЬНЫЙ

ПРИЛОЖЕНИЯ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Прудникова Елена Анатольевна
ЛЕНИН — СТАЛИН. ТЕХНОЛОГИЯ НЕВОЗМОЖНОГО

Ответственный за выпуск: *С. З. Кодзова*
Корректоры: *Л. С. Самойлова, В. В. Саранчёва*
Оформление обложки: *В. А. Манацкова*
Верстка: *А. Б. Ирашин*

Подписано в печать 26.01.09
Формат 60x90_{7/16}. Гарнитура «Times»
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 33,0. Усл.-печ. л. 40,0
Изд. № ОП-09-0133-ЗИБ.
Тираж 8000 экз. Заказ № 309.

Издательство «ОЛМА Медиа Групп»
105062, Москва, ул. Макаренко 3, стр. 1
<http://www.olmamedia.ru>

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных материалов в
ОАО «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Большевики не верили в Бога и не любили Россию, однако на крутом переломе все же именно они ее и спасли. Когда обанкротились все, кто верил и любил. Задачи, которые пришлось решать большевикам, оказались не под силу ни государственным деятелям царской России, ни опытным чиновникам и управленцам. Между тем наследство они получили такое, на какое никто нормальный, в здравом уме и твердой памяти, не покусится. Для того клубка проблем, каким являлась послереволюционная Россия, сразу и казавшаяся не подобрать...

Механизмы, запущенные в феврале 1917 года, надолго пережили правительство, которое их запустило. Все, кто хоть сколько-нибудь разбирался в экономике и государственном управлении, понимали, что Россия погибла... Найдется немало желающих поспорить на эту тему, но факты таковы, что именно Ленин и Сталин спасли Россию.

 ОЛМА
МЕДИА ГРУПП